

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова

Высшая школа перевода

**Международная научная
конференция
«Перевод как средство
взаимодействия культур»**

17 – 22 октября 2014г.

Материалы

Издательство Московского университета
2014

УДК 81; 001.32; 81:005.745
ББК 81.2; 71

Международная научная конференция «Перевод как средство взаимодействия культур». 17-22 октября 2014 г. материалы: электронное издание. М.: Издательство Московского университета, 2014. – 451 с.

ISBN 978-5-19-011006-7

В сборник включены материалы докладов, представленных на **Международной научной конференции «Перевод как средство взаимодействия культур»**, посвященной 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова. В опубликованных докладах освещаются различные аспекты современных научных исследований в области теории, истории и методологии перевода, сравнительной культурологии а также рассматриваются вопросы, связанные с преподаванием русского языка как иностранного в современном научном мире.

Сборник представляет интерес для исследователей в области теории и методологии и дидактики перевода, культурологии и межкультурной коммуникации, сопоставительной лингвистики, сравнительного литературоведения, а также методики и практики преподавания русского языка как иностранного.

Материалы сборника будут полезны для преподавателей, аспирантов, студентов и всех, кому близка данная тематика.

Все материалы публикуются в авторской редакции.

ISBN 978-5-19-011006-7 © Высшая школа перевода МГУ имени М.В.Ломоносова, 2014 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

РУССКИЙ ЯЗЫК В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

<i>Есакова М.Н., Харацидис Э.К.</i> История русской культуры в курсе подготовки переводчиков.....	7
<i>Калита О.Н., Павлидис Г.С.</i> Структура и особенности профиля обучающегося в системе электронного обучения русскому языку в греческой аудитории.....	15
<i>Лесневская Д.С.</i> Обучение профессионально-деловому общению в теории и практике преподавания РКИ.....	24
<i>Литвинова Г.М.</i> Курс «Межкультурная коммуникация» в рамках программы обучения инофонов РКИ.....	33
<i>Салханова Ж.Х.</i> Риторический аспект изучения и преподавания РКИ.....	44
<i>Тарасова Е.Н.</i> Русский язык как иностранный в военном вузе: проблемы преподавания	66

ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

<i>Адаева Е.С., Дауренбекова Л.Н.</i> История перевода произведений М.Ю. Лермонтова на казахский язык.....	75
<i>Алексеева В.Н.</i> Приемы и стратегии перевода художественного текста (на материале романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и английских переводов романа).....	85
<i>Алексеева М.Л.</i> Проблема непереводимости и развитие языка перевода.....	95
<i>Арпентьева М.Р.</i> Перевод как попытка понимания чужого	101
<i>Борман Ж.И.</i> «Воздушный корабль» Лермонтова: от немецкого стихотворения Цедлица к латышскому переводу.....	112
<i>Жельвис В.И.</i> No fear Shakespeare: плюсы и минусы адаптации.....	120
<i>Иноуэ Ю.</i> Анаграмма, скрытая в произведениях М.Ю. Лермонтова «Демон», «Дары Терека» и «Гамара», и ее перевод на японский язык.....	137
<i>Иванова Н.С.</i> Йордан Ковачев – Болгарский переводчик поэзии М.Ю. Лермонтова.....	147
<i>Козера И., Славомирски Р.</i> К вопросу о переводе поэзии В.С. Высоцкого.....	154
<i>Леоненкова Е.Д.</i> М. Ю. Лермонтов – переводчик своего времени.....	163
<i>Манукова О.В.</i> Эквивалентность медицинских терминов в комбинации языков русский – английский.....	172
<i>Маслова Е.А.</i> Толкование текста: о чем рассказывает нам «Хозяйка» Достоевского и ее переводы на испанский и итальянский языки.....	183

<i>Матезуш Т.Я., Козера И.</i> Проблемы перевода политического текста. значение контекста в анализе дискурса.....	194
<i>Мирзоева Л.Ю., Аймагамбетова М.М.</i> Воссоздание одного короткого рассказа как «зеркало» неточности перевода.....	201
<i>Миронова Н.Н.</i> Михаил Лермонтов – переводчик классической немецкой лирики	211
<i>Мишкuroв Э.Н.</i> Художественный перевод в зеркале герменевтической методологии.....	217
<i>Нечаевский В.О.</i> Перевод религиозно-культурный реалий как проблема лингвостилистики	225
<i>Разумовская В.А.</i> Энергия художественного текста: диссипативная система и перевод.....	232
<i>Садыгова А.А. М.Ю.</i> Лермонтов в азербайджанском переводе.....	242
<i>Сенкевич В.И.</i> Культурная релевантность языка и перевод.....	256
<i>Титова Е.А.</i> Прагматическая значимость учета звуковой инструментровки поэтического текста при переводе.....	266
<i>Уразаева К.Б.</i> Интерпретация философской лирики Михаила Лермонтова в переводах Абая Кунанбаева: к проблеме жанрового единства.....	276
<i>Хорошавина А.Г., Сулейманова А.А.</i> Особенности Перевода Некоторых Видов Лакун С Китайского На Русский Язык (На Материале Романа Мо Яна «Страна Вина»).....	287
<i>Шалабаева Г.А.</i> Лирика Лермонтова в переводческой интерпретации Абая Кунанбаева.....	295
<i>Шолохова А.С.</i> Просторечные выражения «Вечеров на хуторе близ Диканьки» в переводе гоголевского цикла на английский и немецкий языки.....	305
КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ	
<i>Александрович Н.В.</i> Жизнь и смерть как концепты в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».....	317
<i>Аристова В.А., Николаева И.В.</i> Культурно-антропологический аспект обучения иностранному языку: опыт преподавания французского языка в национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики».....	328
<i>Брызгалина Е.Д.</i> Влияние французского языка на русскую культуру.....	340
<i>Гурьева З.И., Петрушова Е.В.</i> К вопросу о взаимодействии культур в процессе межнациональной бизнес-коммуникации.....	351
<i>Имангазинов М.М.</i> Древнеказахские предания в драме Еврипида по переводу ученых литераторов XIX-XX веков.....	360

<i>Комарова З.И.</i> Методология и методики межкультурной коммуникации: истоки, эволюция и современность.....	366
<i>Коростова С.В.</i> Прагматика эмотивности в прозе М.Ю. Лермонтова: лингвокультурологический аспект.....	379
<i>Ланда Т.Ю.</i> Дуализм драматургии В.Набокова и И.Бродского (на материале пьес «Изобретение вальса» и «Демократия!» И. Бродского.....	390
<i>Максимчук Н.А.</i> Межъязыковая vs. межкультурная коммуникация: проблемы симметрии.....	397
<i>Мешкова Е.М.</i> О методологии герменевтики: лингвопоэтический анализ художественного текста.....	405
<i>Нуртазина М.Б., Абдыкарим Т.М., Кулманов К.С., Алимова А.А.</i> Текстовый потенциал коммуникативно-прагматических особенностей грамматических единиц.....	414
<i>Нуртазина М.Б., Кулманов К.С., Сейпульдинова Г.Д., Алимова А.А.</i> Язык и культура в межкультурной коммуникации в образовательной системе республики казахстан...	425
<i>Обухова Т.М.</i> Пушкин и шаурма: московское культурное пространство в восприятии арабских студентов.....	434
<i>Полякова Д.Н.</i> Национально-специфические особенности цветового восприятия и цветообозначения как проблемный аспект межкультурной коммуникации.....	444
<i>Ундритцова М.В.</i> Особенности формирования гастрономической картины мира.....	455

**РУССКИЙ ЯЗЫК В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ
СПЕЦИАЛИСТОВ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

Есакова М.Н.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Χαρατσιδισ Ε.Κ.

Φρακкийский университет имени Демокрита
г. Комотины (Греция)

Esakova Maria

Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

Charatsidis Eleftherios

Democritus University of Thrace
Komotini (Greece)

ИСТОРИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В КУРСЕ ПОДГОТОВКИ ПЕРЕВОДЧИКОВ

HISTORY OF RUSSIAN CULTURE IN TRAINING INTERPRETERS AND TRANSLATORS

Язык теснейшим образом связан с культурой. По словам Э. Сепира, он «является обязательной предпосылкой развития культуры в целом». Именно язык является средством накопления знаний о культуре. Представляя собой сложную знаковую систему, он служит для передачи, хранения, использования и преобразования информации.

В современной методике обучения переводу большое внимание уделяется формированию лингвокультурологической компетенции. Следует отметить, что развитие и совершенствование лингвострановедческой компетенции находится в прямой зависимости от степени овладения студентами языка, и здесь велика роль текста. По мнению М.М. Бахтина, текст является первичной данностью всего гуманитарно-филологического мышления. Поэтому в основу учебного пособия по истории русской культуры, созданного совместным, российско-греческим, авторским коллективом (Есакова М.Н., Кольцова Ю.Н., Харатсидис Э.) были положены именно тексты, описывающие разные периоды истории. Первая часть пособия охватывает период истории русской культуры X-XV веков. Вторая часть пособия является логическим продолжением первой части и описывает культуру России XV – XVII веков. В данном учебном пособии авторский коллектив попытался интересно, доступно и достаточно емко (разумеется, в ограниченных рамках учебного материала) показать основные направления и тенденции развития древнерусской культуры, ее своеобразие и наиболее важные достижения в рассматриваемый период.

Следует отметить, что к каждому тексту разработана целая система заданий, позволяющих выработать у студентов речевую и коммуникативную компетенции.

Таким образом, целью данного учебного пособия является, прежде всего, формирование информативной компетенции в сфере истории русской культуры, а также совершенствование навыков чтения, говорения и письма.

Language is an integral part of a culture. According to Edward Sapir it is a compulsory prerequisite of cultural development as a whole. It is the language that is the means of accumulating knowledge of a culture. Being a complex semiotic system it serves for conveying, storing, using and transforming information. Modern methods of teaching interpreting and translation pay great attention to forming linguo-cultural competence.

It should be noted that the development and perfection of linguo-and-country studies competence is in direct relationship with students' mastery of a language. The role of text in the process can hardly be overestimated. According to Mikhail Bakhtin text is primary in the whole of the humanities-philological thinking. That is why the texts describing different periods of history serve as a foundation for the manual on the history of Russian culture, created by the composite author (M. Esakova, Yu. Koltsova, E. Charatsidis). The first part of the Manual embraces the 10th – 15th centuries period of Russian culture. The second part logically continues the first part and deals with the Russian culture of the 15th to 17th

centuries. The authors made an attempt to show the main trends and tendencies of Old Russian culture development, its peculiarities and most notable achievements in an interesting, easily understood and comprehensive (in terms of teaching material) way throughout the time periods considered.

It should also be pointed out that each text has an attached task that makes it possible to elaborate in students both speech and communicative competencies.

Thus, the aim of the Manual is first and foremost to form informative competence in the sphere of Russian culture history as well as to improve and perfect reading, writing and speaking skills.

Ключевые слова: культура, лингвокультурологическая компетенция, лингвокультурология, формирование языковой и коммуникативной компетенций, формирование лингвострановедческой компетенции.

Keywords: culture, linguo-cultural competence, linguo and cultural studies, linguistic and communicative competencies formation, the formation of linguo-and-country studies competence

Изучение культуры в рамках гуманитарных наук имеет давнюю традицию.

Культура предстает как сложное и многогранное явление, которое может изучаться с различных сторон.

В.Г. Гак, отмечая, что культура «охватывает все, что создается человеком», дает точное представление о внутренней структуре этого явления. «Человеческое творчество, - пишет он, - проявляется в четырех аспектах, проходящих через все сферы культуры: материальном (орудия, сооружения и прочие артефакты, технические способы их создания), духовном (идеи, учения, суеверия и т.п.), организационном (распределение элементов данной сферы во времени и в пространстве, законы), поведенческом (этикет, ритуалы, реакции, жесты и т.п.)» [Гак, 1998, с. 117].

Определение понятия «культуры», закрепившееся в русской философии, представляет это явление, как «специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленной в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и учреждений, в духовных ценностях, в совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе» [ФЭС, 1983, с. 292].

В этом определении «культуры» привлекает внимание, прежде всего, то, что в нем отчетливо отражены две важные стороны рассматриваемого явления. Во-первых, положение о том, что культура - это способ организации и регулирование человеческого бытия и отношения человека к окружающей действительности; во-вторых, то, что свидетельствами культуры являются материальные и духовные ценности, созданные в результате творческой деятельности человека. Именно эти продукты деятельности человека и могут служить знаками, позволяющими выявить сущность такого абстрактного явления как культура народа.

Многие из продуктов человеческого творчества заключены в форму речевых

произведений, которые, наряду с архитектурой, танцем, живописью и другими формами выражения, содержат в себе информацию о культуре.

Язык теснейшим образом связан с культурой. По словам Э. Сепира, он «является обязательной предпосылкой развития культуры в целом». Язык составляет важную часть культуры народа, живущего в определенное время и в определенном месте. Э. Сепир выдвинул методологическое положение, раскрывающее суть отношений между культурой и языком: «Культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает. Язык же есть то, как думают... Само собой разумеется, что содержание языка неразрывно связано с культурой» [Сепир, 1993, с. 223].

Из вышесказанного следует, что язык является главнейшей формой выражения культуры, то есть всего процесса освоения человеком действительности. Именно язык является средством накопления знаний о культуре. Представляя собой сложную знаковую систему, он служит для передачи, хранения, использования и преобразования информации.

В современной методике обучения переводу большое внимание уделяется формированию лингвокультурологической компетенции. При этом наметились две тенденции интерпретации фактов культуры в учебных целях. Согласно первой, следует идти от фактов языка к фактам культуры. Такой тип знакомства с фактами культуры разрабатывается в рамках лингвострановедения, он впервые был обоснован в книге В.Г. Костомарова и Е.М. Верещагина «Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного» (М., 1973). При таком подходе в центре внимания оказывается изучение «культурно окрашенных» лексических единиц (например, безэквивалентная лексика) или невербальных средств общения, форм этикета, отражающих культурных традиций народа. В таком случае культуроведческая информация извлекается из самих единиц языка.

Вторая тенденция в изучении языка и культуры рекомендует идти от фактов культуры к явлениям в языке. Взаимодействие языка и культуры в рамках этого направления изучается в русле лингвокультурологии, которая стремится исследовать взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в процессе их функционирования.

Именно этот подход нам кажется наиболее интересным при обучении будущих переводчиков, которым, помимо формирования языковой и коммуникативной компетенций, необходимо сформировать и лингвострановедческую компетенцию, причем высокого уровня. Для этого необходимо сформировать у студента-иностранца этнокультурный минимум. Этнокультурный минимум предполагает приобретение знаний о культуре, истории народа той страны, где обучается студент-иностранец через

литературные произведения, средства массовой информации, письменное и устное общение. Лингвострановедческие тексты способствуют осознанию иностранными студентами ценностей русской культуры в процессе обучения русскому языку как иностранному [Иванова, 2010, с. 70-71].

Хорошо известно, что для того чтобы пользоваться языком как средством общения недостаточно только знаний единиц языка. Для этого необходимо также познание той культуры, которой пользуется носитель языка для отображения окружающей его действительности. Как писал Э. Сепир: «Язык не существует вне культуры, т.е. вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующий наш образ жизни» [Сепир, 1993, с. 185].

Следует отметить, что развитие и совершенствование лингвострановедческой компетенции находится в прямой зависимости от степени овладения студентами языка, и здесь велика роль текста. По мнению М.М. Бахтина, текст является первичной данностью всего гуманитарно-филологического мышления (в том числе даже богословского и философского мышления в его истоках). «Где нет текста, там нет и объекта для исследования и мышления». [Бахтин, 1986, с. 428].

Поэтому в основу учебного пособия по истории русской культуры, созданного совместным, российско-греческим, авторским коллективом (Есакова М.Н, Кольцова Ю.Н, Харатсидис Э.) были положены именно тексты, описывающие разные периоды истории. Первая часть пособия охватывает период истории русской культуры X-XV веков. «Это был важный и очень сложный период, со своими особенностями, закономерностями и проблемами, определявшимися конкретно-историческими условиями развития Древней Руси. Самобытная культура того времени развивалась на основе богатого наследия восточных славян и в постоянном контакте с культурой других стран и народов, став важной составной частью культуры средневекового мира. Наиболее многогранными были культурные связи с Византией, имевшие большое положительное значение для Руси, особенно в связи с принятием христианства в его греко-православном варианте» [Вьюнов, 2013, с. 4].

Вторая часть пособия является логическим продолжением первой части и описывает культуру России XV – XVII веков.

Как пишет Ю.А. Вьюнов – главный редактор этого учебного пособия: «XV-XVII вв. – один из самых сложных и важных исторических периодов в развитии российской государственности и русской культуры. Из всего многообразия факторов и явлений, определивших его своеобразие в эту историческую эпоху, можно выделить три: образование Русского централизованного государства; ликвидация политической

зависимости от Золотой Орды; завершение формирования русской (великорусской) народности. Все это оказало огромное влияние на духовную жизнь Московского государства, формирование русского национального самосознания, становление и развитие самобытной и богатой культуры русского народа. Более того, во многом определило основные направления и содержание дальнейшего культурно-исторического процесса. Особое место при этом заняло XVII столетие, когда завершается период русского средневековья и начинается переход к новому времени. Что, в свою очередь, привело и к новым явлениям в отечественной культуре: прежде всего начавшимся разрушением традиционного средневекового мировоззрения и «обмирщением» культуры, освобождением ее от господства церкви, ростом демократических тенденций».

Из всего богатого наследия русской культуры X - XVII веков авторы пособия выбрали такие ее сферы, как язычество восточных, принятие христианства, архитектура, живопись (иконописное искусство), просвещение и развитие научных знаний, литература и развитие русского народного театра, в которых она получила свое наиболее яркое и самобытное выражение.

В данном учебном пособии авторский коллектив попытался интересно, доступно и достаточно емко (разумеется, в ограниченных рамках учебного материала), показать основные направления и тенденции развития древнерусской культуры, ее своеобразие и наиболее важные достижения в рассматриваемый период, а также тесную связь с процессом освоения гуманистической культуры западноевропейских стран.

Следует отметить, что к каждому тексту разработана целая система заданий, позволяющих выработать у студентов речевую и коммуникативную компетенции.

Таким образом, целью данного учебного пособия является, прежде всего, формирование информативной компетенции в сфере истории русской культуры, а также совершенствование навыков чтения, говорения и письма.

Учебное пособие построено следующим образом: учебные тексты (от 5 до 7 в каждом разделе), различного рода упражнения, а также текст для дополнительного чтения по теме, отмеченный специальным знаком (*). Данные тексты носят обобщающий характер. В них раскрываются основные вехи определенного исторического периода, ознакомившись с которым учащийся может составить представление о феноменах русской культуры той или иной исторической эпохи. Они могут быть использованы как материал для домашнего ознакомительного чтения, а также преподавателем в качестве дополнительной информации по теме.

Первая часть пособия включает в себя пять разделов: Славянское язычество; Принятие христианства Древней Русью; Архитектура Руси в X — XV веках; Живопись средневековой Руси X — XV вв.; Письменность и литература Древней Руси.

Вторая часть пособия включает в себя четыре раздела: «Архитектура Руси XV-XVII веков»; «Живопись XV-XVII веков»; «Просвещение и развитие науки в XV-XVII веках. Начало книгопечатания»; «Литература XV-XVII веков. Становление и развитие русского театра».

Каждый раздел имеет определенную структуру. Он состоит из предтекстового задания (словаря), текста, достаточно подробного культурологического комментария к тексту и различного рода послетекстовых заданий: лексико-грамматических, речевых и коммуникативных.

Материал предтекстового задания (словаря) направлен на снятие языковых трудностей при чтении текста. Учащийся может работать с лексикой как самостоятельно, так и с помощью преподавателя.

Приведенные слова не входят в лексический минимум первого сертификационного уровня (B1)¹ и являются опорными для понимания и последующего воспроизведения текста.

В предтекстовое задание включены слова, являющиеся опорными для понимания и последующего воспроизведения текста. Следует отметить, что в первой части пособия данные слова и словосочетания выделены в тексте, во второй части пособия слова из предтекстового задания учащийся уже должен найти в тексте самостоятельно, что позволяет установить лексическую, семантическую и грамматическую сочетаемость выделенных языковых единиц.

Лексика дается в алфавитном порядке. Слова, которые уже вводились в предыдущем тексте, не выделяются перед последующим, так как учебное пособие рассчитано на последовательное изучение и усвоение материала.

В конце учебного пособия дан общий словарь, куда входит вся новая лексика.

Помимо этого, семантизация лексики проводится и другими способами в заданиях, показывающих системные связи лексических единиц (подбор синонимов, антонимов, соединение слова с его толкованием и т.д.).

Ограниченность фоновых знаний в области русской культуры определила выбор текстов. При отборе текстов авторами учитывалась информативность, насыщенность

¹ Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Первый сертификационный уровень. Общее владение / Н.П. Андрушина и др. – 6-изд. – СПб.: Златоуст, 2013

текста наиболее значимыми фактами русской истории, а также актуальными в речи лексико-грамматическими моделями.

Тексты пособия предназначены для учащихся, которые овладели базовым лексико-грамматическим материалом и адаптированы к первому сертификационному уровню владения русским языком.

Первый блок послетекстовых заданий направлен на проверку адекватного понимания прочитанного текста (объяснение тех или иных слов и выражений из текста по данному плану, ответы на вопросы и т.д.).

Второй блок послетекстовых заданий включает в себя упражнения по лексико-грамматическим темам, вызывающим наибольшие трудности у учащихся: глагольное управление, степени сравнения прилагательных и наречий, употребление префиксальных глаголов (например, строить — построить — выстроить — перестроить и т.д.), видо-временная система глагола, падежная система имен существительных, прилагательных и местоимений, количественные и собирательные числительные и особенности их употребления, использование синонимов, антонимов, паронимов в речи, а также обращается внимание учащихся на трудности, связанные с построением русского простого и сложного предложения.

Вся система заданий обеспечивает многократное повторение лексики и грамматических моделей, что способствует усвоению языкового материала и информативного содержания текста, а также развитию коммуникативно-речевых умений.

Итоговые задания направлены на создание самостоятельных высказываний в связи с проблематикой текста, а также на развитие коммуникативно-речевых умений.

Лексико-грамматические задания можно выполнять как письменно, так и устно (на усмотрение преподавателя).

Пособие снабжено большим количеством иллюстративного материала как непосредственно на страницах пособия, так и на отдельном диске.

Учебные тексты имеют звуковой вариант, записанный носителями языка, что позволяет учащимся совершенствовать как фонетические навыки, так и навыки слухового восприятия материала.

Специальных заданий на развитие навыков аудирования в пособии нет. Звуковое приложение содержит звуковые образцы для самостоятельного чтения, для подражания в артикуляции и интонации.

Рекомендуется прослушивать тексты после первого прочтения. Далее, слушая текст, следует читать его вместе с диктором, следя за произношением звуков и

интонацией. В случае необходимости, можно повторить прослушивание текста два-три раза (фрагментарно или полностью).

В конце пособия дан общий список выделенных в текстах слов, список культурологических терминов и понятий, обозначенных специальным знаком (*), а также список литературы, использованной при составлении текстов. Предложенная литература может быть использована студентами и в качестве источников для подготовки докладов и презентаций.

Таким образом, учебное пособие решает, с одной стороны, задачи формирования страноведческой компетенции, помогает «узнать далекое прошлое русского народа, а значит лучше понять его идеалы, духовные искания и культурные достижения в эпоху, которая стала одной из наиболее важных в истории и судьбе России» [Вьюнов, 2014, с. 4], а с другой, способствует совершенствованию языковых знаний и умений учащихся, расширению их коммуникативно-речевой компетенции.

Список литературы

- Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров. // Литературно-критические статьи. М. : Художественная литература, 1986. С. 428.
- Вьюнов Ю.А.* Вступительное слово к учебному пособию по русской культуре X-XV веков. С-П., 2013. С. 4.
- Вьюнов Ю.А.* Вступительное слово к учебному пособию по русской культуре XV - XVII веков. С-П., 2014. С. 4.
- Гак В.Г.* Семиотические основы сопоставления двух культур. // Вестник МГУ. / Серия 19 Лингвистика и межкультурная коммуникация - № 2 - М., 1998/2. – С. 117.
- Иванова Т. М.* Применение (учебных лингвострановедческих) текстов в преподавании русского языка как иностранного в аспекте межкультурной коммуникации // Учёные записки ЗабГУ. Серия: Филология, история, востоковедение . 2010. №3. С.70-71.
- Сепир Э.* Труды по языкознанию и культурологи. Введение в изучение языков. М., 1993. С. 185.
- Сепир Э.* Язык. Раса. Культура // Э. Сепир. Избранные труды по языкознанию и культурологии - М.: Изд. Группа «Прогресс» «Универс», 1993. С. 223.
- Философский энциклопедический словарь.* – М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 292.

Калита О.Н.

Российский Университет Дружбы Народов
г. Москва (Россия)

Павлидис Г.С.

Греческий государственный университет
г. Патры (Греция)

Kalita Oxana

Russian People's Friendship University
Moscow (Russia)

Pavlidis George

State University of Patras
Patras (Greece)

*СТРУКТУРА И ОСОБЕННОСТИ ПРОФИЛЯ ОБУЧАЮЩЕГОСЯ В СИСТЕМЕ
ЭЛЕКТРОННОГО ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В ГРЕЧЕСКОЙ АУДИТОРИИ*

*STRUCTURE AND FEATURES OF THE GREEK STUDENTS' PROFILE IN THE E-
LEARNING ENVIRONMENT FOR RUSSIAN*

В этой работе мы представляем и анализируем содержание профиля греческого студента, в качестве базы для модели студента в электронной среде дистанционного обучения. Наша цель – изучение русского языка (начиная с русских глаголов движения), где каждый профиль студента связан с определенной группой (размерностью). Эти группы обеспечивают дополнительные знания, полезные для учителей. Таким образом, на основе нашего практического исследования и опыта, мы строим шаг за шагом соответствующую этноориентированную методику.

In this work we present and analyze the content of the Greek student profile, as a base of the student model in a distance learning environment. Having as a goal to serve the process of learning the Russian language (starting with Russian verbs of motion) each student profile is linked with a particular group (dimension). These groups provide additional knowledge useful for the Teachers. In such a way, based on our practical research and long term experience we build step by step a correspondent ethnooriented methodology.

Ключевые слова: электронное обучение, лингводидактика, этноориентированная методика, интеллектуальная система электронного обучения, профиль студента.

Keywords: e-learning, linguodidactic, e-learning intelligent tutoring systems, ethnooriented methodology, student profile.

Введение

В связи с растущей геополитической и экономической ролью России в мировой жизни, возросла значимость изучения русского языка, что повлекло за собой усиление мотивации в его изучении в Греции. Увеличилось число греков, понимающих важность

овладения русским языком для обучения в учебных заведениях России, а так же для установления профессиональных, деловых и личностных контактов.

Современность предъявляет всё более высокие требования к обучению практическому владению иностранным языком в повседневном общении и профессиональной сфере. Объем информации растет, и часто традиционные способы её передачи, хранения и обработки являются неэффективными.

Образование находится в состоянии реформирования традиционных форм и видов осуществления педагогических процессов.

Одной из задач сегодняшнего инновационного образования является необходимость развития электронного образования (ЭО) языку с применением новых информационно-коммуникационных технологий, с учетом взаимодействия с электронными обучающими ресурсами и инновационными педагогическими методиками, ориентированными на реализацию психолого-педагогических целей обучения.

Глобальность происходящих сегодня информационных перемен очевидна, как и очевидна необходимость пересмотра подходов к образованию в целом, и в следствие реакции на изменение формата представления учебно-методического материала и разработки новых коммуникационных средств взаимодействия преподавателя и обучающегося¹. В области преподавания языка произошел серьезный прорыв – обосновано новое научное направление, электронная лингводидактика². Это реакция на изменение формата представления учебно-методического материала и новых коммуникационных средств взаимодействия преподавателя и обучающегося. Основное предназначение электронной лингводидактики заключается в обеспечении теоретической и практической базы для обучения языкам в новых информационных условиях. Важной целью электронной лингводидактики является расширение сектора самостоятельной работы и переведения процесса обучения языку в режим 24 часовой доступности и свободной географической локализации обучающегося.

В сложившихся обстоятельствах существуют реальные перспективы изменить ситуацию, что сделает доступным и всеобъемлющим ЭО русского языка.

¹ Kalita O. Supporting and Consulting Infrastructure for Educators during Distance Learning Process: The Case of Russian Verbs of Motion / Kalita O., Gartsov A., Pavlidis G., Nanopoulos Ph // Engineering Applications of Neural Networks: 14th International Conference, Halkidiki, Greece, 2013.

² Гарцов, А. Д. Электронная лингводидактика. Инновации языкового образования. - Германия, Саарбрюкен: LAP, 2010

Русский язык для греков представляется как сложный, но в то же время такой родственный для новогреческого, а так же древнегреческого языка. Греческий студент отличается особой любознательностью и при изучении любого языка любит системность.

Молодое поколение, растущее в глобальном информационном поле, использует для получения знаний гораздо чаще и охотнее компьютер, чем учебник или справочник. Новое поколение, родившееся в начале 1990-х и в 2000-х, в эпоху глобализации и постмодернизма, которое аккумулировало в себе черты близких по времени предшественников, а так же, присущие только им:

- эффективное использование технологий
- гиперактивность
- агрессивность в подростковом и юношеском возрасте
- не нацелены на чтение
- клиповое мышление, основанном на визуальных образах, а не на логике и т.д.

Это влияет на методику и дидактику, которые постоянно совершенствуются, в следствие чего появляются новые формы организации обучения и преподавания. Изменение в подходах к обучению обусловлено:

- увеличением скорости обучения
- мультимедийность – одна картинка стоит тысячи слов
- мультизадачность и умение заинтересовать
- система поощрений
- повышение мотивации
- самостоятельность мысли и действия

В данной работе мы будем анализировать профиль обучающегося.

Обучающийся, с одной стороны, имеет конкретную квалификацию, цели и интересы, а с другой, требует подходящую адаптацию учебного материала в соответствии с его приоритетами, знаниями, возможностями и т.д.

Текущее состояние

Проведенный опрос греческих студентов, изучающих русский язык показал, что достаточно трудной для греков является тема русских бесприставочных и приставочных глаголов движения, не имеющих аналогов в греческом языке¹.

Возникает вопрос: Какой должна быть методика обучения русским глаголам движения грекам в системно-функциональном аспекте, чтобы овладение данной лексико-семантической группой глаголов помогало им формулировать мысли на неродном языке?

С этой точки зрения, существует необходимость создать полномасштабную этноориентированную методику, для греческой аудитории, которая будет учитывать²:

- менталитет и этнопсихологические особенности греков
- историю и специфику греческого языка
- влияние русского языка на родной язык при обучении
- трудности, свойственные греческой аудитории
- результаты функционального сопоставления бесприставочных и приставочных глаголов движения в двух языках.

Проблема обучения бесприставочных и приставочных глаголов движения русского языка может быть решена, если будут учтены:

- форма глагола
- значение и функция
- своеобразие лексико-грамматических и функциональных особенностей бесприставочных и приставочных глаголов движения
- специфики в русском и греческом языках
- поэтапное формирования умений употреблять глаголы движения.

Преподаватели-русисты в Греции, в новых условиях образовательной системы, озабочены проблемой качества обучения³. Правильный подход, помогает поднять заинтересованность, мотивацию и стимул греков к обучению русского языка. Несмотря на то, что были изданы некоторые печатные учебные пособия для греков как

¹ Kalita O., Balykxina T., Gartsov A., Pavlidis Dimensions of an Etho-Oriented Distance Learning Methodology Greek Students who Learn Russian Language // 5th IEEE International Conference on Information, Intelligence, Systems and Applications (IISA2014), Crete, Greece, 2014.

² Бальхина Т.М. От методике к этнометодике. Обучение китайцев русскому языку: проблемы и пути их преодоления.–Москва: РУДН, 2010.

³ Амириди С.Г. Русский язык в греческой аудитории: преподавание, проблемы, перспективы (из опыта преподавания русского языка во Фракийском университете) // II Международная научно-практическая конференция – Салоники, 2010.

российскими, так и греческими учеными и преподавателями, данный аспект обучения не нашел должного отражения в создании полномасштабной методики обучения, ориентированной на греческую аудиторию, и его применении в ЭО языке¹.

Причиной этому, с одной стороны, является отсутствие достаточного материала сопоставительных исследований русской и греческой грамматики по всем уровням и аспектам, а также этнопсихологических особенностей русских и греков, а с другой - накопленных знаний в электронной среде².

Профиль греческого студента

Для усовершенствования и разработки оптимальных путей и способов обучения русскому языку для греческой аудитории, мы разрабатываем инновационную систему ЭО бесприставочным и приставочным глаголам движения русского языка, типа интеллектуальная инструктирующая система (intelligent tutoring system)³. При этом учитывая этнические и этнопсихологические особенности греков, системы русского и греческого языков, подбор учебного материала в соответствии с возможностями, целями и интересами студентов, типологию ошибок, мнения и замечания студентов. Все это необходимо для учета в разработке и повышении качества учебного материала и учебного процесса в целом, современные возможности ЭСО, в целях поддержания мотивации подбирать материал, отвечающий интеллектуальным, эстетическим, профессиональным и личностным интересам греческих студентов.

В системе ЭО принимают участие, разрабатывают и поддерживают основные потребности процесса обучения минимум три группы :

- обучающийся
- преподаватель
- учебный материал

Для каждой из этих ролей должна быть разработана соответствующая модель.

¹Есакова М.Н. Русская фонетика и интонация для говорящих на греческом языке / Есакова М.Н., Литвинова Г.М., Харакидис Э.К., Салоники, 2010

² Калита О.Н. Учёт этнопсихологических особенностей греческих учащихся как путь оптимизации обучения русскому языку / Калита О.Н. Гарцов А.Д. Павлидис Г.С. // III международная научно-практическая конференции «русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного и в переводе», Халкидики, 2013.

³ Калита О.Н. Модель инновационной инструктирующей системы электронного обучения, ориентированной на греческую аудиторию / Калита О.Н. Гарцов А.Д. Павлидис Г.С. // IV Международная научно-практическая конференция «Русский язык и культура в зеркале перевода», Халкидики, 2014.

Одной из основных целей при создании интеллектуальной системы ЭО русскому языку для греков – создание Профиля Греческого Студенческого (Greek Student Profile), учитывая особенности менталитета греков, который будет постоянно обогащаться и усовершенствоваться не только от обучающихся русскому языку (преподавателей), но от самих обучающихся - греческих студентов.

Профиль студента, в нашем случае профиль греческого студента, состоит из двух частей:

1) **Постоянная** – личные (объективные и субъективные) данные.

Объективные данные обучающегося включают:

- идентификационные (биографические) данные
- данные экономического положения
- сведения, характеризующие уровень образования индивида
- направления: теоретические, технологические, гуманитарные
- владение языками, знание русского языка (оценка от 1 до 5)
- род занятий и т.д.

Субъективные данные обучающегося включают:

- цель и мотивацию
- интересы и потребности
- убеждения
- опыт
- какое-либо отношение к русскому языку или России и т.д.

Во многих случаях эти факторы были недооценены, но внедрение современных технологий позволяет их вычислить и эффективно применять во всем процессе обучения.

2) **Динамичные** – изменяющиеся данные.

Текущие результаты учебного процесса включают:

- трудности, которые испытывает обучающийся, при усвоении учебного материала
- результаты тестов
- предоставленная помощь преподавателем.

Эти сведения используются для определения средств и методики обучения, учитывающие индивидуальные особенности обучаемого. Они могут быть представлены в виде таблицы, иерархического дерева или как модули объектной модели.

Исходя из этих данных, учащиеся группируются в группы, опираясь на главный фактор – уровень знания русского языка, который формируется, исходя из личной оценки учащегося при регистрации и оценки преподавателя после теста для данного уровня в процентном соотношении.

Это облегчают преподавателю диффиницировать правила для адаптации, а также логики для навигации студента в процессе усвоения учебного материала в соответствии с текущими условиями.

В рамках одной группы принадлежащей к одному уровню формируются новые подгруппы, например, возрастные, временные, целевые, экономические и т.д. (рис. 1)

Так выглядит профиль греческого студента, учитывая этнические особенности присущие грекам.

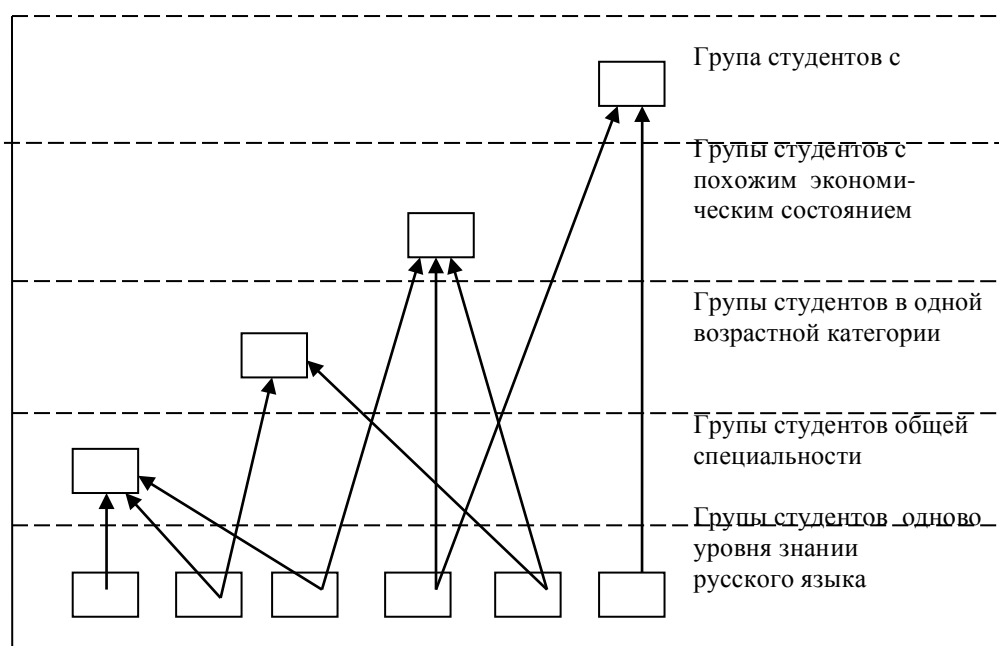

Рис. 1 Представление групп, составленных из разных профилей греческих студентов.

Применение

Исходя из этого, у студента появляется возможность обучаться по программе, адаптированной под его персональные особенности, появляется персональная среда для каждого, в которой он может отслеживать ход своего обучения, при этом меняются способы подачи материала.

Учебное окружение или учебная среда выступает как реальность, в которой студент находит область применения своего опыта.

Другими словами, в зависимости от приобретенных учебных знаний его опыт становится более важным для процесса обучения.

Он важен не менее чем опыт преподавателя, который не столько дает готовые знания, сколько побуждает их к самостоятельному поиску и адаптирует этноориентированную систему к требованиям студентов. Следовательно студент акцентируется на самостоятельной подготовке, развивая, тем самым, такие качества как самоорганизация и индивидуальная ответственность за траекторию обучения, а преподаватель осуществляет мотивационное управление его обучения, то есть мотивирует, организует, консультирует и контролирует. Преподаватель выступает в роли помощника в этой работе, одного из факторов, активирующих взаимонаправленные потоки информации.

Выводы

Сеть студентов (Student Network) объединит всех, кто заинтересован обучаться, тех, кто обучается или уже завершили обучение, но хотели бы быть членами сообщества.

Суть состоит в том, что каждый учащийся должен не просто получать информацию, а интерпретировать ее для создания новых знаний. Для поддержки такой формы обучения преподаватели могут применять индивидуальные задания, выполняя которые, студенты приобретают новые навыки и умения. Задача преподавателя – отбирать для указанных целей такие методы, технологии обучения, которые бы не только и не столько позволяли усваивать готовые знания, сколько приобретать знания самостоятельно, формировать собственную точку зрения, уметь ее аргументировать, использовать ранее полученные знания в качестве метода для получения новых знаний. Только такое обучение можно считать инновационным и развивающим.

Таким образом, будет достигнута одна из основных целей предлагаемой модели. А именно, создание профиля греческого студента, который будет постоянно обогащаться и совершенствоваться, как знаниями и опытом преподавателей русского

языка, так и самих греческих студентов. Конечно, первоначальная оценка улучшится в пути учебного процесса от непосредственно и косвенно участвующих. Основываясь на этой картине, с помощью современных технологий, будут обновляться и обогащаться учебные материалы и сама этнометодика.

Список литературы

Амириди С.Г. Русский язык в греческой аудитории: преподавание, проблемы, перспективы (из опыта преподавания русского языка во Фракийском университете) // II Международная научно-практическая конференция – Салоники, 2010.

Балыхина Т.М. От методике к этнометодике. Обучение китайцев русскому языку: проблемы и пути их преодоления.–Москва: РУДН, 2010.

Гарцов А.Д. Электронная лингводидактика. Инновации языкового образования. - Германия, Саарбрюкен: LAP, 2010

Есакова М.Н. Русская фонетика и интонация для говорящих на греческом языке / Есакова М.Н., Литвинова Г.М., Харацидис Э.К. Салоники, 2010

Калита О.Н. Учёт этнопсихологических особенностей греческих учащихся как путь оптимизации обучения русскому языку / Калита О.Н. Гарцов А.Д. Павлидис Г.С. // III международная научно-практическая конференции «русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного и в переводе», Халкидики, 2013.

Калита О.Н. Модель инновационной инструктирующей системы электронного обучения, ориентированной на греческую аудиторию / Калита О.Н. Гарцов А.Д. Павлидис Г.С. // IV Международная научно-практическая конференция «Русский язык и культура в зеркале перевода», Халкидики, 2014.

Kalita O. Supporting and Consulting Infrastructure for Educators during Distance Learning Process: The Case of Russian Verbs of Motion / Kalita O., Gartsov A., Pavlidis G., Nanopoulos Ph // Engineering Applications of Neural Networks: 14th International Conference, Halkidiki, Greece, 2013.

Kalita O., Balykxina T., Gartsov A., Pavlidis G. Dimensions of an Etho-Oriented Distance Learning Methodology Greek Students who Learn Russian Language // 5th IEEE International Conference on Information, Intelligence, Systems and Applications (IISA2014), Crete, Greece, 2014.

Лесневская Д.С.

Университет национального и мирового хозяйства
г.София (Болгария)

Lesnevskaya Dimitrina

University of national and world economy
Sofia (Bulgaria)

ОБУЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ДЕЛОВОМУ ОБЩЕНИЮ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

PROFESSIONAL BUSINESS COMMUNICATION TRAINING IN THEORY AND PRACTICE OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Статья посвящена особенностям межкультурного профессионально-делового дискурса при обучении РКИ в болгарских нефилологических вузах. Новый межкультурный подход к обучению иностранным языкам предполагает концепцию диалога равноправных культур, равноправное сопоставление изучаемого и родного языков, перенос иной культуры в другую культуру, переоценку родной культуры, формирование полилингвальной языковой личности. Новый межкультурный подход требует синергию смыслов и гармонизацию переводческого пространства в процессе перевода. Гармоничный перевод обеспечивает эффективное взаимодействие различных лингвокультур. В практике преподавания РКИ необходимо создать систему стереотипных единиц русской профессионально-деловой речи. Обучение русскому межкультурному профессионально-деловому дискурсу в болгарских неязыковых вузах проводится на основе дискурсивного коммуникативного метода.

The paper is devoted to the particularities of intercultural professional business discourse in teaching Russian as a foreign Language at Bulgarian non-philological universities. The new intercultural approach to the foreign language study offers a conception based on dialogue of cultures of equal dignity, comparing equality of foreign and native languages, cultural transfer, revaluation of native culture, forming of the multicultural linguistic personality. The new intercultural approach requires synergy of senses and harmonization of the translation space in the translation process. The harmonious translation ensures the effective interaction between different language cultures. It is necessary to create a system of stereotypic units of the Russian professional business speech. The teaching Russian intercultural professional business discourse in Bulgarian non-linguistic universities uses discursive communicative approach.

Ключевые слова: межкультурный подход, гармоничный перевод, межкультурный профессионально-деловой дискурс, дискурсивный метод, межкультурная коммуникация, межкультурный деловой дискурс, профессионально-деловое общение

Keywords: intercultural approach, harmonious translation, intercultural professional business discourse, discursive approach, cross-cultural communication, intercultural business discourse, professional business communication

В современных условиях многоязычия и мультикультурной среды основной целью инновационного обучения иностранным языкам (ИЯ) является формирование полилингвальной и поликультурной личности. Современное обучение ИЯ организовано с позиций межкультурного подхода (МП), предполагающего диалог культур. МП – общая парадигма обучения ИЯ, вмещающая в себя такие подходы как лингвострановедческий, лингвокультурологический, социокультурный [Кафтайлова, 2008, с.80].

Преподавание РКИ в болгарских неязыковых вузах в формате дискурса межкультурного профессионального общения осуществляется с позиций МП в соответствии с образовательными стратегиями современного образования [Павлова, 2014, с. 38]

МП как лингводидактическая инновация предполагает не только сопоставление культур (лингвокультурологический подход), но и их активное взаимодействие и взаимопроникновение. Инновационность МП состоит в равноправном положении двух культур в ходе межкультурной коммуникации (МК) в рамках обучения ИЯ. Инновационная диалогическая модель обучения ИЯ предполагает знакомство с иной культурой, перенос фактов иной культуры в родную культуру, осознание особенностей иной культуры, переоценка двух культур - родной и иной, формирование вторичной языковой личности как факт межкультурной коммуникации в продуктивном диалоге культур [Тарева, 2011, с. 237].

МП приобретает особую значимость при обучении иноязычному профессионально-деловому общению в неязыковых вузах. Новый межкультурный акцент способствует формированию межкультурной оценки в ситуациях профессионального делового общения [Дикова, 2008, с. 279].

Способность анализировать и сравнивать особенности носителей различных культур особенно важна для специалистов-нефилологов для осуществления эффективного общения с иноязычными и инокультурными коллегами в профессиональной сфере деловой коммуникации. По мнению Е.С. Диковой, именно инновационный МП дает возможность реализовать современные потребности знания ИЯ в профессиональной сфере – умения проводить межкультурные профессиональные диалоги [Дикова, 2011, с. 68].

Применение межкультурного подхода к обучению русскому ПДО в болгарских неязыковых вузах требует сопоставления русского и болгарского межкультурных профессионально-деловых дискурсов, а также осуществление гармоничного синергетического перевода [Карпова, 2014, с. 312].

При сопоставлении двух славянских языков – русского и болгарского – учитываются их изменения и развитие в XXI веке [Йорданова, 2014, с. 382].

Сочетание межкультурного подхода и дискурсивного коммуникативного метода в преподавании русского языка как иностранного (РКИ) является предпосылкой успешного формирования полилингвальной и поликультурной личности при обучении профессионально-деловому общению на русском языке в болгарских неязыковых вузах. МП исходит из дискурсивно-стилистического, личностно-деятельностного, компетентностного подходов, причем единицей обучения ИЯ является межкультурный дискурс.

В современной лингводидактике межкультурная коммуникация (МК) рассматривается как взаимопонимание и взаимодействие культур, общение между разнокультурными и разноязычными коммуникантами. Сегодня обучение языку предполагает и обучение иноязычной культуре – обучение ИЯ проводится в контексте культур и цивилизаций в формате межкультурного дискурса [Маркина, 2006].

Выявлена роль социокультурных стереотипов как единиц национально-культурной специфики организации речевого общения и их роль в обучении РКИ [Прохоров, 2009].

Национальный коммуникативный стиль (одно из основных понятий теории МК) представляет собой коммуникативный код в пространстве лингвокультуры, проявляющийся именно в рамках межкультурного повседневного и институционального дискурса [Куликова, 2011, с. 76].

Дискурс – коммуникативное явление, выраженное вербальными и паравербальными средствами. Целью обучения ИЯ является дискурсивная компетенция. Знание различных типов дискурсов и правил их построения, а также умение создавать и понимать их с учетом ситуации общения [Гураль, 2008, с. 109].

Дискурс не сводится к стилю: дискурс определяет стиль, а не стиль – дискурс [Приходько, 2009]. Параметры дискурса следующие: тема, хронотоп, адресант, интенция адресанта, адресат, интенциональность дискурса (идеологемы, концепты), текст (определенный жанр, определенный стиль) [Клушина, 2011]. Дискурсивный метод обучения ИЯ стремится к формированию фоновых знаний, необходимых для межкультурной коммуникации и осуществления равноправного диалога культур.

Деловой дискурс (ДД) – один из институциональных дискурсов (политический, экономический, военный, медицинский, деловой и т.п.), репрезентирующих отдельные подязыки в рамках определенной профессии / специальности в устной и письменной формах.

Институциональный дискурс характеризуется конструктивностью, институциональностью, признаками типа институционального дискурса, а также нейтральностью [Карасик, 2000]. Различные коммуникативные клише формируют своеобразие отдельных типов институциональных дискурсов [Шлепкина, 2011].

Деловой дискурс (ДД) актуализируется через такие понятия, как деловая культура, деловое общение, фреймы стереотипных ситуаций, речевые штампы – клише, специальный тезаурус. ДД – целенаправленная статусно-ролевая речевая деятельность людей, реализующих деловые отношения в определенной профессиональной области. Деловой дискурс / разновидность „официально-деловой дискурс” репрезентируется в системе жанров.

Реализация ДД предполагает отбор слов и речевых клише, соблюдение делового речевого этикета, имеющего национальный характер. Интересно сравнить этикет письменной деловой речи (этикетная рамка делового письма) с этикетом устной деловой речи (этикет делового телефонного разговора).

Особенно ярко, национальный характер этикета (принципа вежливости) проявляется в культуре поведения [Колтунова, 2000, с.122]. Так, ДД взаимосвязан с деловой культурой и деловой риторикой [Введенская, 2002]. Деловая культура определяет и предписывает нормы поведения в рамках делового общения, законодательной деятельности. Субъектами деловой культуры являются государство, граждане, объединения граждан.

Знания о мире участников современного делового сообщества могут быть описаны как результат формирования глобального фрейма делового дискурса. Границами глобального фрейма ДД являются различные типы институциональных фреймов ДД: администрация и управление, право, экономика, политика, финансы, коммерция и т.п., которые репрезентируют данный глобальный фрейм, причем каждый из них содержит определенный квант знания [Ширяева, 2011].

Деловой дискурс пересекается с другими дискурсами, осуществляя полидискурсивность текста. Понятие полидискурсивности означает сосуществование и взаимовлияние различных дискурсов в рамках конкретного текста, репрезентирующего полидискурс [Белоглазова, 2007, с. 222].

ДД – институциональный регулятивный тип дискурса с четко выраженной интертекстуальностью - тесной связью между устными и письменными жанрами (сравн. связь между переговорами и контрактом, совещанием и протоколом и т.п.),

В ядерно-полевой структуре ДД административирования и управления регламентированные тексты занимают ядро („регулятивы” - законы, уставы, кодексы),

вокруг них расположены такие жанры, как постановления, решения, приказы, периферию занимают заявление, служебная записка и др.

Деловое общение занимает особое место в сфере МК, так как оно опосредует профессиональную деятельность людей – носителей разных культур и языков. Межкультурная деловая коммуникация (МДК) репрезентирует структурные, интенциональные и языковые особенности межкультурного делового дискурса (МДД).

МДД репрезентируется в множестве жанров: устных (деловая беседа / деловая беседа по телефону, переговоры, презентация, интервью и др.), письменных (деловая документация – деловые письма, соглашение, контракт, договор, протокол).

Деловые разговоры по телефону различаются по речевым клише в разных языках [Пономарева, 2011]. Особый интерес вызывает деловая корреспонденция, обладающая национально-культурной спецификой [Стеблецова, 2001].

МДД отражает процесс развития деловых контактов: 1) предконтакт – подготовка к деловому взаимодействию – сбор информации; 2) коммуникативный контакт – реализация делового контакта – начало, развитие и завершение; 3) постконтакт – анализ и обобщение результатов делового взаимодействия. МДД выражает процесс социального и национального взаимопонимания и взаимодействия в формате межкультурной деловой коммуникации.

Контекст МДД включает в себя личности адресанта и адресата, цель (интенция), поле, режим, условия, культурные правила и ожидания по построению дискурса. Субъектами МДК являются деловые партнеры, организации, фирмы, коллеги, служащие и работодатели и т.п. Участники МДК используют иностранный язык, постепенно накапливая культурологические знания и способности понимать ментальность иносоциумов [Малюга, 2008].

Цели обучения РКИ в неязыковом вузе направлены на осознание фоновых знаний и представлений иноязычных партнеров по деловой профессиональной компетентности, сокращение межкультурной дистанции между представителями деловых социумов, формирование языковой деловой личности, владеющей основами межкультурной профессиональной коммуникации [Астафурова, 1997].

Профессионально-деловое общение (ПДО) представляет собой профессиональную коммуникативную форму деятельности. В ПДО, как профессиональной коммуникативной форме деятельности, выделяются три аспекта: коммуникативный (обмен информацией), интерактивный (социальное взаимодействие) и перцептивный (восприятие и понимание коммуникантов) [Химик, 2012].

Межкультурная профессиональная коммуникация (МПК) отличается своей терминосистемой (экономической, медицинской, судебной и т.д.), стилевым разграничением устной и письменной форм, разнообразием жанров.

Профессионально-ориентированное обучение межкультурному деловому общению при обучении РКИ в неязыковых вузах Болгарии направлено на преодоление коммуникативного барьера и формирование профессионально-коммуникативной межкультурной компетентности. Эффективному деловому общению на иностранном языке способствует хорошее владение тактиками речевого воздействия.

В болгарских экономических вузах преподавание РКИ проводится в формате межкультурного профессионально-делового дискурса. Дискурсивное профессионально-ориентированное обучение РКИ подвергается минимизации в рамках конкретного учебного курса в зависимости от изучаемых специальностей данного учебного направления. Так, в качестве учебного курса при обучении болгарских студентов-экономистов выделяем дискурс внешнеторговой сделки купли-продажи [Лесневска, 2014].

ПДО относится к формальному социально-ролевому типу. Письменная форма ПДО осуществляется согласно нормам официально-делового стиля. В своих исследованиях О.П. Сологуб предлагает систему стереотипных единиц официально-деловой речи на уровне текста и предложения. Особенно характерны официально-деловые клише, создающие стандартность делового стиля. Строительным материалом официально-деловой речи являются устойчивые словосочетания - бинарные официально-деловые клише типа *нести расходы* [Сологуб, 2014, с. 87].

Необходимо учитывать, что степень официальности устного профессионального диалога зависит от ситуации (формальной-официальной, неформальной-неофициальной). По мнению О.Н. Паршиной, профессиональный диалог представляет собой самостоятельную функционально-стилевую разновидность [Паршина, 1994].

Устная деловая/ профессионально-деловая речь отличается разговорными признаками [Химик, 2012, с. 51]. В устной профессиональной речи преобладают короткие предложения, употребление словосочетаний и предложений в неполном виде.

По мнению М.В. Колтуновой, устная деловая диалогическая речь – самостоятельная стилевая разновидность – „разговорно-деловая речь“, сочетающая характеристики разговорного и делового стилей [Колтунова, 2000].

Стилевое разграничение письменной и устной форм межкультурного профессионально-делового дискурса учитывается при преподавании РКИ в болгарских неязыковых вузах. Так, проводится сравнение и сопоставление коммерческой

корреспонденции (КК) и деловых разговоров по телефону на одну и ту же тему, например, на тему рекламаций. Письмо-рекламация оформлено согласно требованиям официально-делового стиля, в то время, как рекламация по телефону носит разговорно-деловой стилевой характер. В процессе преподавания необходимо учитывать, что обе формы профессиональной речи (письменная и устная) относятся к формальному типу общения, но обладают разной степенью официальности. Сопоставление делового профессионального диалога между коллегами и разговорного диалога между друзьями выявит разницу между разговорно-деловым и разговорным стилями.

Для осознания и взаимодействия иноязычного и родного межкультурного профессионально-делового дискурсов (требования инновационного межкультурного подхода) необходим гармоничный перевод – система транспонирования смыслов из одного языка в другой, из одной культуры в другую [Кушникова, 2014, с. 67]. Так, новая теория гармоничного перевода применима в современном обучении ИЯ, содействуя формированию дискурсивной и межкультурной компетентности. В процессе преобразований на межкультурном уровне - синергии слов, лингвокультурной адаптации, гармонизации переводческого пространства - переводчик расширяет свой горизонт и становится активной, творческой личностью [Кушникова, 2014, с. 68]. Именно эти задачи ставит перед собой преподаватель ИЯ, обучающий студентов неязыковых вузов.

При сопоставлении и переводе межкультурных профессионально-деловых дискурсов изучаемого и родного языков перевод не должен быть буквальным, а должен отражать фоновые различия. При обучении ПДО в преподавании РКИ в болгарских неязыковых вузах учитывается близость славянских бизнес подъязыков, общая интернациональная терминология, специфика русского и болгарского языков в рамках деловой культуры, речевого этикета, деловой риторики.

В заключение подчеркиваем необходимость внедрять в практику преподавания русского бизнес языка в болгарских неязыковых вузах новые достижения российской лингводидактики: дискурсивно-стилистический коммуникативный метод обучения, межкультурный подход, требующий равноправного диалога культур, гармоничный перевод, основанный на преобразованиях на межкультурном уровне, разграничение устной формы профессионально-деловой речи как особой стилевой разновидности (разговорно-деловой стиль), выявление четкой системы русских официально-деловых клише.

Для активного сравнения и сопоставления русского межкультурного профессионально-делового дискурса с аналогичным болгарским дискурсом в процессе

преподавания нужна активная работа с соответствующими болгарскими источниками. Например, русский дискурс внешнеэкономической сделки при преподавании РКИ в болгарских экономических университетах необходимо сопоставить с болгарским дискурсом внешнеэкономической сделки (сопоставление терминосистем, структур текстов, устойчивых словосочетаний в письменной и устной форме различных жанров – договоров, писем, переговоров и т.д.).

Новые достижения в теории и практике преподавания РКИ в формате межкультурного профессионально-делового дискурса в болгарских неязыковых вузах отвечают современным требованиям глобализации и интернационализации мира.

Список литературы

- Астафурова Т.Н.* Лингвистические аспекты межкультурной деловой коммуникации / Т.Н. Астафурова. Волгоград: ВолГУ, 1997. 108 с.
- Белоглазова Е.В.* Полидискурс в системе коммуникативной иерархии: к определению понятий / Е.В. Белоглазова. Стереотипность и творчество в тексте. № 11. Пермь: ПГУ, 2007. С.222-231.
- Введенская Л.А.* Деловая риторика / Л.А. Введенская, Л. Павлова. Ростов-на-Дону: КноРус, 2002. 416 с.
- Гураль С.К.* Болонский процесс: роль дискурсивной компетенции в обучении иностранным языкам / С.К. Гураль, Е. Шатурная. Успехи современного естествознания. № 7. 2008. С.109-111.
- Дикова Е.С.* Межкультурный подход в преподавании иностранного языка в неязыковом вузе / Е.С. Дикова. Известия РГПУ им. А.И. Герцена. № 88.2008. С.276- 280.
- Дикова Е.С.* Современные подходы к обучению иностранным языкам в неязыковом вузе / Е. С. Дикова. Филологические науки. № 4. Тамбов: Грамота, 2011. С. 65-69.
- Йорданова Л.* Българският език през XXI век / Л. Йорданова. Проблеми на социолингвистиката. Езикът във времето и пространството. № 11. София: Международно социолингвистическо дружество, 2014. С. 382-390.
- Карасик В.И.* О типах дискурса / В.И. Карасик. Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена, 2000. С.5-20.
- Карпова Т.Б.* Рецензия: Введение в синергетику перевода: монография. Л.В.Кушникова и др. Пермь: ПНИПУ, 2014, 278 с. / Т.Б. Карпова. Стереотипность и творчество в тексте. № 18. Пермь: ПГУ, 2014. С.312-317.
- Кафтайлова Н.А.* Терминологическое поле межкультурного подхода к обучению иностранным языкам / Н.А. Кафтайлова. Известия ГПУ им. А.И. Герцена. № 73-2. 2008. С.78-82.
- Клушина Н.И.* От стиля к дискурсу: новый поворот в лингвистике / Н.И. Клушина. Язык, коммуникация и социальная среда. № 9. 2011. С. 26-33.
- Колтунова М.В.* Язык и деловое общение. Нормы. Риторика. Этикет. М.: Экономика, 2000. 150 с.
- Куликова Л.В.* Стилиевой формат межкультурного дискурса / Л.В. Куликова. Вестник ИГЛУ. № 1. 2011. С. 76-82.
- Кушникова Л.В.* Принципы гармоничного перевода: метапереводческий аспект / Л.В. Кушникова. Стереотипность и творчество в тексте. № 18. Пермь: ПГУ, 2014. С.65 - 77.

- Лесневска Д.С.* Обучение межкультурному деловому дискурсу в теории и практике преподавания РКИ в болгарских неязыковых вузах / Д.С. Лесневска. Стереотипность и творчество в тексте. № 18. Пермь: ПГУ, 2014. С. 293- 302.
- Малюга Е.Н.* Взаимовлияние деловой коммуникации и межкультурного делового дискурса / Е.Н. Малюга. Известия ГПУ им. А.И. Герцена. № 84. 2008. С. 147-155.
- Маркина Н.А.* Учебное пособие по русской культуре и русскому менталитету. Выпуск 2 / Н.А. Маркина, Ю. Прохоров. М.: Флинта, 2006. 123 с.
- Павлова Н.* Научни образователни стратегии / Н. Павлова, В. Радева и др. Наука. № 2. София: СУБ, 2014. С. 38 – 45.
- Паршина О.Н.* Профессиональный диалог: дис... канд. фил. наук: 10.02.01 / Паршина О.Н. Саратов: 1994. 267 с.
- Пономарева Н.Ю.* Особенности телефонной коммуникации в различных лингвокультурах / Н.Ю. Пономарева. Современная филология в международном пространстве языка и культуры. Астрахань: АГУ, 2011. С. 94-96.
- Приходько А.Н.* Таксономические параметры дискурса / А.Н. Приходько. Язык. Текст. Дискурс. № 7. Ставрополь: СГПИ, 2009. С. 22 – 30.
- Прохоров Ю.Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю.Е. Прохоров. М: Либроком, 2009. 224 с.
- Сологуб О.П.* Система стереотипных единиц официально-деловой речи / О.П. Сологуб. Стереотипность и творчество в тексте. № 18. Пермь: ПГУ, 2014. С. 87 – 97.
- Стеблецова А.О.* Национально-культурная специфика делового текста: на материале английского и русского языков: дис...канд. фил. наук: 10.02.19 / Стеблецова А.О. Воронеж: 2001. 212 с.
- Химик В.В.* Основы русской деловой речи / В.В. Химик, Н. Буре и др. СПб: Златоуст, 2012. 448.
- Ширяева Т.А.* Деловой язык: знания, язык, текст (на материале современного английского языка) / Т.А. Ширяева. Вестник Челябинского ГУ. Филология. Искусствоведение. № 60. 2011. С. 136 – 138.
- Шлепкина М.А.* Деловой дискурс как институциональное явление. Роль клише в деловом дискурсе / М.А. Шлепкина. Современная филология. Уфа: Лето, 2011. С.222-227.

Литвинова Г.М.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Litvinova Galina

Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

КУРС «МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ»

В РАМКАХ ПРОГРАММЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОФОНОВ РКИ

*THE COURSE OF «INTERCULTURAL COMMUNICATION» IN THE FRAMEWORK OF
RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE EDUCATION PROGRAM*

В последнее время теория межкультурной коммуникации, занимающаяся изучением процесса и результата взаимодействия различных культур, а также факторов, влияющих на это взаимодействие, привлекает к себе все более пристальное внимание тех, кто в своей профессиональной деятельности непосредственно связан с иностранной аудиторией (преподавателей русского языка как иностранного, переводчиков, экскурсоводов и т.д.). Обучение языку во взаимодействии с культурой способствует формированию межкультурной компетенции, которая расширила понимание того, что значит грамотно общаться с носителем другой культуры. В эпоху глобализации в контакт могут вступать представители самых разных культур, что увеличивает рост непонимания между ними и нередко приводит к разнообразным проблемам или даже конфликтам, решить которые без знания закономерностей межкультурной коммуникации достаточно трудно, а порой невозможно. В связи с этим как никогда остро встает вопрос о необходимости создания учебных материалов, облегчающих задачу преподавателя в сфере иноязычного образования и способствующих устранению лакун в представлениях инофонов о современной России. В статье сделана попытка проанализировать некоторые учебные пособия, предлагаемые в курсе «МКК в РКИ», обозначены проблемы, которые требуется решить специалистам РКИ для получения положительных результатов при работе с иностранцами в этой области знаний, что в дальнейшем упростит задачу общения инофонов с представителями русской культуры.

Recently the theory of cross-cultural communication which is engaged in studying of process and result of interaction of various cultures and also the factors influencing this interaction draws to itself more and more close attention of those who in the professional activity is directly connected with foreign audience. Training in language in interaction with culture promotes formation of cross-cultural competence which expanded understanding of that means competently to communicate with the carrier of other culture. During a globalization era representatives of the most different cultures that increases growth of misunderstanding between them can come into contact and quite often leads to various problems or even the conflicts, to solve which without knowledge of regularities of cross-cultural communication rather difficult, and at times it is impossible. In this regard very sharply there is a question of need of creation of the training materials facilitating the teacher's task in the sphere of foreign-language education and promoting elimination of lacunas in representations of inofon. In article attempt to analyse some manuals offered is made it is aware of "of MKK in RKI", problems which are required to be decided to experts of RKI for receiving positive results during the work with foreigners in this field of knowledge are designated that further will simplify a problem of communication of inofon with representatives of the Russian culture.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, проблемы обучения инофонов, культурный минимум, работа с учебными пособиями

Keywords: cross-cultural communication, problems of training of inofon, a cultural minimum, work with manuals

Проблема взаимодействия языка и культуры давно находится в центре внимания преподавателей русского языка как иностранного. Специалисты РКИ последовательно отходят от так называемого компетентностного подхода, который обеспечивает прежде всего функциональную грамотность обучаемых (умение объясниться в банке, аэропорту и магазине). В основе модели иноязычного образования на современном этапе находится понятие «диалога культур», предполагающее изучение языка и культуры в единстве. «На прагматическом уровне чужой язык можно выучить и вне культуры, но войти в мир другого, иного языка только на основе собственно языка, без культурного фона <...> невозможно» [Пассов, Кузнецова, 2010, с.28]. Процесс образования в диалоге двух миров позволяет учащимся не только понять и принять особенности чужой культуры, но и глубже осмыслить и усвоить механизмы родного языка и культуры. Кроме того, «овладевая иностранным языком как неотъемлемой частью иностранной культуры в ее диалоге с культурой родной, учащийся будет осмысливать и понимать иные культуры на своем языке» [Библер, 1992, с.10]. Хорошее знание языка не всегда обеспечивает полное взаимопонимание в процессе общения представителей разных культур. «<...> Даже владея одним и тем же языком, люди не всегда могут правильно понять друг друга, и причиной часто является именно расхождение культур» [Верещагин, Костомаров, 2005, с.7].

Особый интерес к вопросам межкультурной коммуникации вызван прежде всего тем, что в последнее время как никогда остро становится проблема воспитания толерантности и уважения к чужим культурам, что вызвано не только небывалым размахом смешения народов, но и сложной политической ситуацией, а также другими экстралингвистическими причинами, такими как: необходимость снятия идеологических барьеров, избавления от стереотипов; изменение контингента учащихся; изменение культурной ситуации в России; бурный рост международных связей (отсюда обострение интереса исследователей к проблемам межкультурной деловой коммуникации, обеспечивающей решение профессиональных задач в сфере бизнеса) и др. «До недавнего времени в практике преподавания РКИ действовала модель, которую успешно можно назвать «язык – цель, культура – средство», т.е. культурная информация не должна привноситься извне, ее следует извлекать из учебных материалов <...>. Не отрицая некоторых принципов данного подхода, заметим, что он представляется нам несколько односторонним, ибо не учитывает

интересов учащихся, для многих из которых, как свидетельствует опыт, основной мотивацией для изучения русского языка является знакомство с русской культурой, а язык в данном случае представляет собой «ключ», открывающий дверь на пути к ее познанию. Таким образом, указанный выше подход нуждается в дополнении другим, не отрицающим его, но взаимодействующим с ним, назовем его условно «культура – цель, язык – средство» [Гудков, 2009, с.5-6].

В связи с этим огромную популярность приобретают разнообразные курсы, посвященные особенностям межкультурной коммуникации в практике преподавания РКИ. Однако, несмотря на общее устремление специалистов, работающих в системе РКИ, изменить направленность обучения в сторону формирования так называемой межкультурной компетенции, то есть умения не просто общаться, а общаться с представителями другой культуры, грамотно переключаясь на другие языковые и неязыковые нормы поведения, многие теоретические проблемы не получили еще однозначного решения, ощущается нехватка методического и учебного материала, а существующие пособия нередко вызывают острые дискуссии. При знакомстве с некоторыми из них возникает вопрос: какова цель авторов? Развенчать стереотипы или укрепить их? Работая с рядом пособий, преподаватели РКИ сами порой испытывают «культурный шок». Существуют ли общие методологические и дидактические принципы в преподавании курса «Межкультурная коммуникация в РКИ»? Чем нужно руководствоваться при отборе материала? Каков культурный минимум, с которым нужно знакомить иностранного учащегося? В какой степени зависит отбор материала от национальности учащегося? Эти и другие вопросы требуют своего решения.

В задачи преподавателя РКИ в советской системе образования входило воспитание друзей Советского Союза, «формирование у учащихся позитивной установки по отношению к СССР» [Верещагин, Костомаров, 2005, с.20]. Стоит ли такая задача перед специалистами РКИ в сегодняшней России? Любовь русских к самоиронии и самокритике давно известна. Известный исследователь в области семантики И.М. Кобозева, опираясь на экспериментальную лингвистическую методику выявления стереотипов национальных характеров, проводит небольшой эксперимент с целью определения «наивных» представлений носителей русского языка о национальном характере русского и других народов и приходит к следующему выводу: «Как бы то ни было, самокритичность (или, если угодно, заниженная самооценка) [русских] очевидна. Результат сам по себе нетривиальный, так как считается, что обыденное сознание "свое" воспринимает как хорошее, нормальное, а "чужое", как худшее, аномальное» [Кобозева, 2005]. Для сознания русских людей «чужое» нередко

оказывается лучше, чем «свое». В определенной степени способность к самоиронии говорит о силе русского народа: посмеяться над собой может только сильный человек. Однако понятна ли эта ирония тем, кто только приступил к изучению русского языка и начинает знакомство с нашей культурой?

Давно стал неоспоримым тот факт, что описание системы русского языка в курсе преподавания для его носителей должно отличаться от его описания для иностранных учащихся. Но подобное разграничение должно распространяться и на принципы описания культуры с целью ее презентации инофону.

Обратимся к анализу учебного материала, который предлагается сегодня в курсе «Межкультурная коммуникация в курсе РКИ». Сначала хотелось бы сказать несколько слов о серии книг «Внимание: иностранцы!», вышедшей в свет в 1999 – 2009 гг. Эти пособия, получившие широкую известность в России, были выпущены в свет лондонским издательством Oval Books. По мнению самих издателей, книги этой серии помогают уяснить некоторые межкультурные различия, что, в свою очередь, гарантирует излечение от ксенофобии, «вполне понятного и отчасти оправданного иррационального страха перед иностранцами»¹. Авторы этих небольших книг в увлекательной и шуточной форме рассказывают о нравах и обычаях разных народов, знакомят с их традициями, советуют, как вести себя в той или иной стране. Часть из этих книг-«гидов» была переведена на русский язык и издана в издательстве «Эгмонт Россия Лтд». Среди них и «Эти странные русские» Владимира Ильича Жельвиса, профессора, доктора филологических наук, автора многих интересных работ. Не умаляя достоинств этой книги, которая написана легко, с искрометным юмором, присущим автору, мы хотели бы обратить внимание на те моменты, которые, на наш взгляд, не только не будут способствовать успеху межкультурной коммуникации между представителями русского и другого народа, но и существенно усложнят ее. Так, с самого начала читатель узнает, что средний русский – меланхолик, «который надеется на лучшее, одновременно тщательно готовясь к худшему»², человек, склонный к здоровому пессимизму, полностью зависящий от сиюминутного настроения, которое у него «23 часа в сутки <...> неважное»³. Русские, по мнению автора, считают себя «самым несчастливым и невезучим народом в мире»⁴, который утверждает, что «раньше, при коммунистах, все было гораздо лучше, до революции еще лучше, чем при коммунистах, а уж во времена Киевской Руси и вовсе великолепно. Сказав это, они

¹ <http://www.adme.ru>

² В.И. Жельвис. Эти странные русские. Эгмонт Россия Лтд, 2002, с.5.

³ Там же.

⁴ Там же.

упадут вам на грудь и оросят ее горячими слезами»¹. На наш взгляд, такое, пусть шутливое, но слишком упрощенное, схематизированное, эмоционально окрашенное в серые тона представление о русских само способствует созданию стереотипа, легко переносимого на всех представителей группы. Далее на протяжении всего текста В.И. Жельвис обращается к советскому прошлому, к его критике. В результате чего создаются иллюзорные корреляции, от которых, напротив, призывают избавляться сторонники межкультурного образования. Ирония автора нередко переходит в достаточно язвительные замечания о русском народе: «Ну, естественно, весь мир знает, что Москва - это "Третий Рим", что Россия призвана спасти многострадальное человечество, в общем - Мессия. Головы двуглавого орла на русском гербе обращены одна на Запад, другая на Восток, и это совершенно справедливо. Ибо Россия обречена на сотрудничество и с тем, и с другим, так как она и не западная, и не восточная страна. Сидеть сразу на двух стульях - самая удобная позиция для судьи. Тот факт, что Запад есть Запад, Восток есть Восток, и ни тот, ни другой не обнаруживают большого желания послушно учиться у России, последнюю нисколько не беспокоит. Подождите, ее время еще придет!

А пока это время не пришло, русские мрачно подозревают, что жители Запада видят их такими долгобородыми мужиками в огромных меховых шапках, которые погоняют мчащиеся по замерзшей Волге сани, запряженные белыми медведями. В санях лежит непременно парочка ракет с ядерными боеголовками, а также бутылка водки. (Строго между нами: бутылок там как минимум две, но это к делу не относится)»². Подобное взгляд на русских может привести к коммуникативному провалу, диалог культур станет невозможным, поскольку такие «знания» не способствуют пониманию и заинтересованности одного человека в другом, обогащению каждой из участвующих в диалоге культур. Вероятно, замысел В.И. Жельвиса при создании этого «путеводителя» заключался в том, чтобы предложить русским взглянуть на себя со стороны, отстраниться, увидеть свои «странности» и недостатки и, подобно гоголевским героям «Ревизора», посмеяться над собой, тем самым сделав шаг к избавлению от недостатков. Взгляд, предложенный автором, это не просто взгляд со стороны, это представление о русских изнутри, стремление разобраться, а если эта пресловутая «русская душа»? И если есть – в чем ее загадка и загадочность? В одной из своих книг «Наблюдая за русскими. Скрытые правила поведения» В.И. Жельвис так формулирует поставленную перед собой цель: «Из этой

¹ Там же.

² Там же.

книги вам, надеюсь, станет ясно, что люди, принадлежащие к той или иной культуре, далеко не всегда «ведают, что творят». Мы совершаем привычные поступки, порой не отдавая себе отчёт, что где-то на другом конце земли люди, возможно, реагируют на ту же самую ситуацию прямо противоположным образом. И, как и мы, делают это интуитивно, просто потому, что так делали их предки. А когда им удаётся понаблюдать за нами, изумляются: надо же, какие чудаки, всё делают не так!

Ну и кроме того, разве не любопытно взглянуть на себя как бы со стороны, чужими глазами? Желательно, конечно, чтобы эти глаза были доброжелательными, но это уж как получится. В конце концов, если хочешь узнать правду о себе, приготовься держать удар, услышав что-то нелицеприятное.

Впрочем, опасаться тут нечего. Как писал Д.С. Лихачёв, «Восхвалением самих себя по-настоящему русские никогда не „хворали“». И далее: «Сила самоосуждения прежде всего — сила: она указывает на то, что в обществе есть ещё силы»¹. Нельзя не согласиться с мнением автора и с мнением знаменитого ученого Д.С. Лихачева. Однако в этой статье мы ведем речь о другом: насколько оправданно давать информацию в ироническом ключе иностранцам, начинающим изучать русский язык и культуру России? Какие выводы сделают «люди на другом конце земли», взглянув на ситуации, предложенные автором, согласно своим устоявшимся взглядам? Какие ассоциации возникнут у них? Как они объяснят себе причины «странного» поведения русских?

Стереотипы, которые создают авторы многих учебников для иностранцев, сложнее разрушить, чем те, которые рождаются в разнообразных СМИ. Поэтому, безусловно, нужно внимательно подходить к проблеме выбора учебного пособия для занятий с инофонами, тем более к тем, которые по определению знакомят с особенностями русской культуры, тщательно изучать каждый текст.

В 2012 году при поддержке Фонда развития высших учебных заведений Чешской республики вышло в свет учебное пособие «Основы межкультурной коммуникации. Знакомство с постсоветскими государствами» (автор - И.В. Калита). Автор ставит перед собой цель познакомить читателя «с основными понятиями межкультурной коммуникации и представляет культурологическую информацию о странах постсоветского пространства. Задача учебника – способствовать устранению стереотипного восприятия территории бывшего Советского Союза как русской национальной территории; познакомить с официальной и неофициальной символикой

¹ В.И. Жельвис. Наблюдая за русскими. Рипол-классик, 2011, с. 3.

постсоветских стран»¹. Создание таких учебных пособий диктует сложившаяся на сегодняшний день политическая и социальная ситуация, которая «обусловлена современными амбициями возродившихся государств и их закономерным правом занять достойное положение в мировом сообществе», то есть иностранному учащемуся (учебник рассчитан прежде всего на бакалавров 3 курса) необходимо понять, что перед ним не «новые» государства, а государства, «имевшие богатую досоветскую историю»². И.В. Калита пишет о том, что «учебник не предусматривает полного охвата всех аспектов развития постсоветских стран и не идет по принципу общей схемы представления сведений для сравнения. Выбор тематических блоков обусловлен индивидуальностью той или иной культуры». Пособие И.В. Калиты, на наш взгляд, последовательно и информативно представляет информацию о странах бывшего Советского Союза в области государственного устройства, экономики, религии (то есть прежде всего в сфере страноведения). В то же время моменты, важные для межкультурной коммуникации, на наш взгляд, практически не освещены, то есть именно «индивидуальность той или иной культуры» остается в стороне. Кроме того, в раскрытии культурного образа нации, ментальности, в создании облика современного россиянина есть моменты, с которыми не всегда можно согласиться. Это, например, выбор исторических дат, важных для истории России. Помимо этого, автор, с одной стороны, справедливо замечает о необходимости преодоления культурных этностереотипов: «Популярные ранее символы, прочно вошедшие в представления иностранцев о России: *медведь, матрёшка, лапти, самовар, водка* – на сегодняшний день отражают устаревшие стереотипы»³. С другой – далее в пособии приводятся картинки, изображающие традиционные символы России, среди которых мы видим и медведя, и матрешку, и шапку-ушанку, самовар, тройку, водку и даже удостоверение сотрудника КГБ (что совсем не соответствует исторической реальности: КГБ действовал на территории Советского Союза с 1954 по 1991 гг.). Необходимо учитывать тот факт, что в новых социальных условиях изменилось отношение граждан РФ к органам безопасности: нет страха перед этими органами. А стереотип, сложившийся за многие годы, остался и даже обыгрывается в пособиях, призванных избавить иностранца от этих устойчивых, но неверных взглядов.

Представление о том, что русские много пьют, прочно вошло в сознание носителей других культур. Стремясь развенчать этот стереотип, И.В. Калита создает новый: «<...>

¹ И.В. Калита. «Основы межкультурной коммуникации. Знакомство с постсоветскими государствами». 2012. С.6

² Там же, с.5.

³ Там же, с.50

Привычки современного россиянина сегодня скорее ориентированы на потребление пива, нежели водки. В 2007 году директор российской пивоваренной компании «Балтика» Антон Артемьев заявил, что объём употребления пива в стране составляет около 70 литров пива на человека в среднем по России и 90-100 литров в Москве и Санкт-Петербурге. В 2008 и 2009 годах Россия заняла 22 и 23 место в мире по уровню потребления пива на одного жителя, серьёзно отстав от Чехии (143,2 литра в год) или Германии (109 литров в год) [Проценко, www]¹. Возникает вопрос: стоит ли вообще в подобном пособии, направленном на формирование «адекватного восприятия понятий русский и советский, русский и российский, понимания отличия между национальностями, входившими в состав СССР»², уделять внимание вопросу «пить или не пить»?

Анализируя информацию о России, представленную в пособии, хотелось бы отметить: российская культура и история – это не только флаг, герб, гимн, президент, музеи геобрендинга и 4 лауреата Нобелевской премии. Изучение выбранных автором текстов не снимает вопросов, которые могут возникнуть у представителя другой национальности при знакомстве с историей, культурой и бытом нашей страны, не помогает создать цельный образ русского человека (или россиянина, поскольку автор справедливо разводит эти понятия), возникает ощущение мозаичности: «маршрутка», которую боятся все иностранцы, водка, неумение улыбаться, обидчивость и даже агрессивность. Описание музеев, которые появляются в последнее время с целью создания нового положительного образа страны, новых стереотипов (или хорошо забытых), не характеризует современную ситуацию жизни России: многие из этих музеев представляются необычными даже россиянам, поэтому эта информация не создаст основу для непонимания между русскими и иностранцами. Если мы говорим о межкультурной коммуникации сегодняшнего дня, о лакунах, существующих в знаниях инофонов о современной России (постсоветской – как определяет сам автор), то неуместным в связи с этим представляется изображение национальных костюмов прошлого, непонятна ограниченность выбора «всемирно известных личностей». Прошлое рождает стереотипы, но не становится основой успешной межкультурной коммуникации на современном этапе.

Помимо этого, представляется не всегда корректным выбор текстов. Например, в тексте о белорусах говорится, что белорусы, в отличие от русских, не агрессивны: в ответ на обращение к ним «бульбаши» («любители картошки»), они только «грустно улыбнутся», в то время как русские «откуда-нибудь из Москвы, Питера или Самары» «мгновенно среагируют на оскорбительное «москаль» или «кацап», и не обязательно в

¹ Там же, с.14

² Там же, с. 5.

вежливой вербальной форме, что в раз научит вас «фильтровать базар»¹. Одной из важнейших целей межкультурной коммуникации является воспитание толерантности и уважения к другому народу. «Политика и программы в области образования должны способствовать улучшению взаимопонимания, укреплению солидарности и терпимости в отношениях как между отдельными людьми, так и между этническими, социальными, культурными, религиозными и языковыми группами, а также нациями» [Балыхина, Ельникова, Маркина, Харитоновна, 2005, с.10]. Включая подобный текст в пособие, автор должен был отдавать себе отчет, что слова «москаль» и «кацап» совершенно не сопоставимы по своему коннотативному фону с миролюбиво-снисходительным «бульбаш». Иностранцу, читающему этот текст, будет непонятно, почему некоторые русские так резко отнесутся к подобному обращению, не объясняется, как представлен этот феномен в национальном культурном сознании, каковы особенности зафиксированного в языке восприятия этого элемента культуры и истории. Использование этих слов представляется нам неполиткорректным.

Формирование межкультурной компетенции происходит не только на основе специально созданных для этого материалов, но и на базе других учебных материалов. Однако и здесь нужно быть чрезвычайно внимательным при отборе каждого текста. Летом 2014 года российские Интернет-сайты облетел интересный обзор учебников русского языка, используемых за рубежом, - «Почему иностранцы не понимают русскоговорящих?» Авторы этого обзора предлагали полистать некоторые учебники и разговорники для иностранцев, созданные за рубежом, и «узнать о себе много нового» [AdMe, Эл.ресурс]. Комичные диалоги, в которых в разговор вступают «маленький глупый хомячок» и «большой умный врач» или в которых собеседники никак не могут разобраться, куда им идти: «туда» или «сюда»; «содержательные» тексты, в которых Борис (герой многих учебников) характеризует свою жену прежде всего как «блондинку»; разнообразные беседы, из которых мы узнаем, что русский все время пьет водку (после экзамена, на свидании и т.д.), его избивает жена («руками, ногами, а потом стулом»), он произносит звук «ы», «как будто его пнули в живот», и т.д. – все это способствуют созданию антиобраза русского человека. Время создания большинства приведенных в обзоре учебников и разговорников, несомненно, относятся к прошлому. Однако и в современных пособиях, даже изданных на территории РФ, мы встречаем тексты, которые удивляют не только иностранцев, но и русских. Обратимся к одному из текстов пособия «Вперед» (пособие по русской разговорной речи для иностранных

¹ Там же, с.100

учащихся продвинутого этапа обучения). В нем рассказывается о таком мифологическом персонаже русского фольклора, как Банник, – «хозяине бани», «существе злом и опасном». Среди прочего читатель узнает о том, как гадали девушки на Руси: «...Но именно потому, что в бане водится нечисть, девушки ходили туда гадать. Гадание происходило так: девушка просовывает в двери бани голый зад. Если Банник погладит её мягкой лапой - это хорошая примета, она выйдет замуж. А если когтистой лапой - быть беде»¹. Смелость и бесшабашность (отмеченные многими исследователями черты русского национального характера) русских девушек подвергает в состоянии культурного шока не только иностранцев.

В заключение хотелось бы отметить, что, несомненно, мы коснулись не всех учебных пособий, которые можно было бы использовать в рамках курса «Межкультурная коммуникация в сфере РКИ». Интересный взгляд на русских представлен в таких пособиях, как: «Какие мы русские?» (А.В Сергеева), «Как иметь дело с русскими» (А.В Павловская), «Русские с первого взгляда» (О. Е. Белянко, Л.Б. Трушина), «Россия и русские сегодня» (Е.Н.Петухова). Некоторые аспекты практической методики межкультурного образования средствами РКИ раскрываются авторами пособия «Методика межкультурного образования» под редакцией профессора А.Л. Бердичевского. Однако целостного представления о том, как работать в рамках курса межкультурной коммуникации, на данный момент еще не существует. Многие ключевые проблемы (Что именно в русской культуре должно предлагаться в процессе обучения иностранцу? Каковы формы презентации отобранного материала? Что регулирует речевое поведение представителя той или иной культуры? и т.п.) требуют своего решения, и без выработки единого подхода к решению этих проблем, без создания культурного минимума, необходимого для адекватного общения, «отбор материала для презентации <...> будет страдать бессистемностью и субъективизмом» [Гудков, 2009, с. 33].

Список литературы

- Балыхина Т.М., Ельникова С.И., Маркина Т.В., Харитонова О.В.* Уроки толерантности. М., Изд-во РУДН, 2005
- Библер В.С.* Школа диалога культур. Основа программы. Кемерово, 1992.
- Болдырев В.Е.* Введение в теорию межкультурной коммуникации. М., «Русский язык». Курсы, 2009.
- Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров.* «Язык и культура». М., 2005.

¹ Головкин О.В. Вперед. Пособие по русской разговорной речи. издательство "Русский язык". курсы, 2011. С.21

Гудков Д.Б. Межкультурная коммуникация: проблемы обучения. Изд-во Московского университета, 2009.

Кобозева И.М. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов. Вестник Московского университета, серия 9, 1995, №3

Пассов Е.И., Кузовлева Н.Е. Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования. М., «Русский язык». Курсы, 2010.

Adme [Электронный ресурс]- Режим доступа: <http://www.adme.ru>

Салханова Ж.Х.

Казахский национальный университет им. аль-Фараби
г. Алма - Ата (Казахстан)

Salkhanova Zhanat

Kazakh National University named after Al-Farabi
Almaty (Kazakhstan)

РИТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

RHETORICAL ASPECTS OF RESEARCH AND TEACHING OF THE LANGUAGE

В статье рассматривается место риторики в системе коммуникативного образования. Автор рассматривает риторику как интегративную дисциплину, объединяющую лингвистические, педагогические, коммуникативные принципы современной системы образования. Важный тезис заключается в том, что риторика рассматривается в качестве важнейшей филологической науки, изучающей процесс формирования мысли и речи, способы ее построения во всех сферах речевой деятельности. Риторическая компетенция - как необходимый компонент образованности личности и профессионального мастерства специалистов гуманитарного профиля.

Автор считает, что риторика должна изучаться как в общеобразовательной школе, так и в средних специальных и высших учебных заведениях и обосновывает свою позицию, используя материалы учебной программы по данной дисциплине. Курс современной риторики дает возможность учащимся и студентам осознанно овладеть не только культурой слова, но и культурой мысли об избранном предмете. Учебная программа по дисциплине «Риторика» имеет целью воспитание и развитие поликультурной личности, владеющей навыками убеждающей речи и коммуникативной языковой компетенцией. В статье подчеркивается тезис о том, что обязательным условием востребованности риторического знания является его практический характер. Теоретические положения риторики следует направлять на практическое применение, на решение реальных задач, связанных с жизнедеятельностью человека.

The article considers the place of rhetoric in the system of communicative education. An author examines the rhetoric as an integrative subject that combines linguistic, pedagogical, communicative principles of modern education system. Important thesis is that the rhetoric is seen as the most important philological science that studies the formation of thought and speech, the methods of its construction in all areas of speech activity. Rhetorical competence is a necessary component of the personality and professional skills of specialists in humanities.

The author believes that the rhetoric should be studied in secondary school and in colleges and universities and justifies its position by using the materials of the curriculum in the discipline. Course of modern rhetoric allows pupils and students to learn not only conscious culture of speech, but also the culture of thinking about the subject of favorites. The curriculum for the discipline "Rhetoric" is aimed at the education and development of multicultural personality, possessing the skills of persuasive speech and communicative language competence. The article stresses the idea that a prerequisite demand rhetorical knowledge is its practical nature. Theoretical positions of rhetoric should be directed to a practical application in the solution of real problems related to human activity.

Ключевые слова: риторика, образование, языки, личность, компетенция, культура.

Keywords: rhetoric, education, language, personality, competence, culture.

Современное языковое образование связано с возникновением и развитием антропоцентрической парадигмы в педагогике и лингводидактике, понимающей язык как продукт развития общества, средство формирования мышления и ментальности, выдвигающей на первый план такие концепты, как «человек в языке», «языковое и когнитивное сознание», «полиязычное образовательное пространство», «субъект межкультурной коммуникации», «языковая и речевая личность», «вторичная языковая личность», «автономность учащихся» и другие.

В числе ключевых компетенций, определенных в Государственном Общеобязательном Стандарте Образования Республики Казахстан коммуникативная компетенция, включающая ряд компонентов: использование разнообразных языковых средств устной и письменной коммуникации для решения учебных и жизненных задач, выбора разнообразных стилей и жанров, адекватных решению коммуникативных задач; осуществления продуктивного взаимодействия в ситуациях учебного и социокультурного общения; самооценки своего участия в коммуникативной деятельности и самокоррекции на этой основе.

На наш взгляд, помимо лингвистического и лингвопрагматического аспектов преподавания языка формирование коммуникативной компетенции должно быть связано с лингвокультурологическим аспектом, предполагающим такую организацию явлений языка, которая актуализирует факторы культуры мысли и культуры слова. Основу этой организации составляет синтез лингвистических и риторических знаний в структуре риторики как отдельной дисциплины, интегрированного курса лингвориторики, изучения родного или второго языка с элементами риторических знаний. Вне зависимости от того, в каком из перечисленных форматов изучения будет построен учебный процесс, цель ставится одна – сформировать коммуникативно грамотную языковую личность, обладающую наряду с другими компонентами коммуникативной языковой компетенции риторической компетенцией.

Риторика – классическая филологическая дисциплина, родилась, как известно, одновременно с философией в Древней Греции. С тех пор и по сей день не прекращаются споры ученых о том, что есть риторика – философия, искусство или собственно речь? Еще в 1698 г. преподаватель Славяно-Греко-Латинской академии грек Софроний Лихуд отметил, что ритор не занимается только лишь «уловлением» слов. Платон, один из первых теоретиков риторики, полагал, что искусство речи может основываться только на философии, служащей истине, благому, «богам», ритор же должен быть прежде всего «философски образованным человеком», «истинным же

оратором может быть только мудрец». Таким образом, риторика изначально соединялась с философской образованностью и обучением мыслить, поиском способов аргументации и убеждения.

Как известно, М.В. Ломоносов в «Кратком руководстве к красноречию» четко разграничивал термины «красноречие» и «риторика»: первое означает искусство создавать творческие речевые произведения, риторика же является «наукой», правилами, теорией о способах «изобретения мыслей». Н.Ф. Кошанский, учитель А.С.Пушкина в Царскосельском лицее, дал лучшее доказательство того, что риторика занимается убеждением через поиск аргументов и мыслей, он считал, что риторика есть наука изобретать, располагать и выражать мысли. Если грамматика занимается словами, то риторика – мыслями, а поэзия – чувствованиями.

Именно эта функция риторики – функция изобретения касается мыслей и свидетельствует о связи риторики с общественной идеологией и небезразличии к образу человека, который формируется через обучение словесным наукам. Риторическая идеология, или стилистический образ человека, который несет с собой риторика как учение о реальной речемыслительной деятельности, время от времени ставится под сомнение некоторыми исследователями.

Так, авторитетный ученый-русист М.Т.Баранов в своих статьях «антириторического» характера явно противопоставляет «риторику» и «развитие речи», что представляется некорректным, если иметь в виду, что предмет риторики есть речь. В этой связи важнейшими задачами риторики считаем воспитание у учащихся представления о значении языка как инструмента человеческой деятельности, передачу знаний о практической роли языка в организации разных форм общественных связей и отношений, формирование речи учащихся как средства и способа выражения личности, орудия общения и обучения.

Риторика, имеющая собственный предмет обучения, является своеобразным продолжением знаний, полученных из общих сведений о языке, которые зафиксированы в отдельных разделах языкознания. В соответствии с традицией классического лингвистического образования вначале даются элементарные фонетико-грамматические сведения о языке, формируются умения и навыки читать и писать, затем изучается грамматика как общее нормированное представление о правильности языка в разделах – орфография, орфоэпия, морфология, словообразование, синтаксис, пунктуация. Далее следует переход к риторике, который означал «научение» пользованию речью, подготовка учеников к овладению Словом во всем богатстве

реальных общественно-речевых связей. Риторика – теория и искусство речи, а большая часть учащихся не владеют историко-теоретическими знаниями о практике речевого общения, не владеют умением, технической «выучкой», практической ловкостью выражать мысли и слова в разных ситуациях общения. Очевидно, что риторика как прикладная наука, как умение и искусство – очень важна в практическом смысле.

Риторика – учение о речевом воспитании личности. Поскольку в речи выражен весь человек, риторика способствует формированию всей личности, ее мировоззрения, знаний, жизненной позиции, способности выражать и защищать свою позицию словом. Отметим всеобщность риторики как науки и искусства, речевого мастерства, средства общения для постижения и выражения знаний. Эта идея исходит опять-таки от классиков – Платона и Аристотеля, для которых риторика есть всеобщее знание, необходимое любому человеку, вступающему в речевой контакт и желающему убедить кого-либо в чем-либо.

Именно в риторике разрабатывались правила и рекомендации речевой педагогики как теории речевого воспитания и образования личности. При этом классическая и современная риторика распространяют свои проблемы на всю совокупность условий речевой коммуникации: этос речи – условия ситуации речевых контактов, фактура речи; пафос речи – создание смысла речи, разработка содержания через знание общих мест, способов аргументации; логос речи – словесные средства, к которым риторика распространяет требования стилистического изящества; теория вкуса и благопристойности речи.

Риторика также ставит проблему образа ратора как уместного и целесообразного представления себя в речи. Для устной речи – это проблема образа оратора, для письменной речи – проблема образа автора. Совокупно проблема образа ратора связана с воспитанием целой личности, восприятием и проявлением личности в мысли и слове, поэтому основывается на понятии ораторских навыков – требований к личности оратора. Эти требования начинаются с этических качеств, таких как честность, мудрость, справедливость, доброта, скромность и заканчиваются внешностью оратора, но очевидно, что воспитание ратора осуществляется вкупе с физическим и духовным развитием личности.

Исторически риторика возникла как ораторское искусство, но неверно было бы ограничивать современную риторику только областью ораторики – теории устной публичной монологической речи. В настоящее время риторика распространяет свое влияние на всевозможные виды речевого общения – от устных и письменных до

средств массовой информации и коммуникации. Современная теория риторики способна объяснить сложности современного информационно-речевого мира и подготовить к взаимодействию с ним.

Если проблема классического ораторского искусства связана с теорией монолога, то совершенно по-новому выглядит в современной риторической науке и педагогике теория диалога. Диалог осваивается как с точки зрения общей риторики, так и позиций анализа разных видов диалога: разговорно-бытового и делового. Традиционная структура риторического канона: изобретение, расположение, слововыражение, произношение, память, телодвижение начинают играть новыми красками в современной теории обучения риторике. Неориторика по-новому осваивает опыт хрии – общей схемы построения речи, вопрос о «качествах речи», правил риторической орфоэпии. Сейчас учеников и студентов следует специально учить делать паузы, развивать динамику голоса, учить ритму и темпу, давать понятие о тембре, учить «фигурам речи», обучать многим другим азам техники речи, а также искусству выразительного чтения. Все, что составляло гордость старой школы риторики XIX в. и советской педагогики, было утеряно в течение последних десятилетий, на наш взгляд, подлежит возврату и возрождению. Риторика может стать действенным оружием в борьбе с акультурностью речи, которая стала почти нормой в конце XX-начале XXI вв.

Предмет риторики иногда неверно истолковывают, ссылаясь на реалии сегодняшнего дня. Поэтому следует оговорить вопрос о том, что не есть риторика. Риторика нельзя понимать вульгарно (по-журналистски), она не есть ловкое ораторство, искусство словесного манипулирования в целях любой ценой убеждения аудитории, приукрашивание истины, многоречие, когда в СМИ, критикуя своих оппонентов, называют чужие речи «риторикой» в значении пустой, никчемной, никому не интересной болтовни. Такое пользование словом «риторика» необходимо отделить от научного смысла данного термина.

Риторика как интегративная дисциплина, объединяющая лингвистические, педагогические, коммуникативные принципы языкового образования должна и может изучаться как в общеобразовательной школе, так и в средних специальных и высших учебных заведениях. На основании принципов теории речевой деятельности и лингвориторики, в рамках коммуникативного образования нами разработана учебная программа по дисциплине «Риторика» для общеобразовательных школ с русским языком обучения. Учебная программа составлена в соответствии с концепцией коммуникативного образования, позволяет системно организовать процесс обучения

языку и речи, направлена на формирование интегральной лингвориторической компетенции, образующейся тремя субкомпетенциями. Различные аспекты языковой, текстовой, коммуникативной субкомпетенций реализуются через механизмы лингвориторической компетенции – психолингвистические образования в структуре языковой личности, выделяемые на основе пяти составляющих классической риторики: инвенция – изобретение, диспозиция – расположение, элокуция – языковое выражение, меморио – запоминание, акцио – произнесение, а также четырех психологических этапов деятельности: ориентировка, планирование, реализация, контроль.

Представить лингвориторическое образование как систему позволяет совокупность базовых категорий и понятий:

- трихотомия «язык – речь – речевая деятельность»;
- языковая личность и уровни ее структуры;
- классический риторический канон и этапы универсального идеоречевого цикла «от мысли к слову»;
- лингвориторический идеал, его этико-эстетические категории, нормы и принципы;
- сильная языковая личность как современная модификация лингвориторического идеала;
- гармонически диалогизированная коммуникация и субъект-субъектный характер речевых взаимоотношений;
- коммуникативный эффект (консонанс) и коммуникативная неудача (диссонанс);
- интегральная лингвориторическая компетенция и субкомпетенции (языковая, текстовая, коммуникативная);
- механизмы лингвориторической компетенции: рецептивный/ продуктивный регистры, монологический/диалогический режимы, устная/письменная форма реализации;
- разноуровневая система: «речевой акт – речевой поступок – речевое поведение – речевой взаимодействие»;
- лингвориторическое образование - самообразование, воспитание - самовоспитание, обучение - самообучение, формирование - развитие.

При составлении учебной программы мы исходили из того, что педагогическая лингвориторика дает возможность в определенной степени решить проблемы

становления сильной языковой личности, обладающей общеобразовательной подготовкой, этической ответственностью, лингвориторической и коммуникативной компетенцией.

Если на уровне текстовой субкомпетенции ведущую роль играют инвентивно-парадигматический, диспозитивно-синтагматический, элокутивно-экспрессивный механизмы лингвориторической компетенции, то на уровне коммуникативной актуальны в первую очередь механизмы преддиспозитивно-ориентировочный, акциональный, психориторический. Что же касается психофизиологической базы эффективной работы, то ее создают мнемонический и редакционно-рефлективный механизмы лингвориторической компетенции. Рецептивно-аналитические читательские умения параллельны продуктивно-творческим риторическим, а литературоведческая компетенция, выступая рецептивной проекцией лингвориторической компетенции, образует вместе с последней общефилологическую компетенцию языковой личности.

На уровне языковой субкомпетенции личность совершает языковые операции в соответствии с уровнями системы языка: фонетико-графическим, лексико-фразеологическим, морфемно-словообразовательным, морфолого-синтаксическим. На уровне текстовой субкомпетенции языковая личность осуществляет инвентивные, диспозитивные, элокутивные текстовые действия в соответствии с этапами идеоречевого цикла «от мысли к слову». Здесь происходит переход процесса обучения в систему координат «языковая личность – текст», который обеспечивается помимо языкознания смежными дисциплинами, такими как стилистика, культура речи, теория речевой коммуникации, лингвистика текста и другими.

На уровне коммуникативной субкомпетенции языковая личность реализует лингвориторической - деятельность в рамках социально значимых речевых событий, совершает речевые поступки, которые вызывают ответную реакцию, определенные социальные последствия. Здесь главное для субъекта речи – донести до адресата смысл высказывания, достичь коммуникативного эффекта, языковые же операции и текстовые действия совершаются автоматически. Происходит выход процесса обучения в систему координат «языковая личность – речевое событие».

С учетом того, как определяются центральные категории образовательно-воспитательного процесса и их иерархии, лингвориторическое образование как инновационная педагогическая система предстает в следующей последовательности: лингвориторическое обучение (самообучение), лингвориторическое образование (самообразование), лингвориторическое воспитание (самовоспитание).

Синергетическим же результатом этих процессов выступает лингвориторическое развитие субъекта как языковой личности.

Лингвориторическое развитие есть объективный процесс последовательных качественных и количественных изменений в структуре и механизмах интегральной лингвориторической компетенции, обеспечивающих оптимальное и эффективное совершение личностью речевых актов, речевых поступков, речевого поведения и речевых взаимодействий. Оно выступает как общий прогресс языковой личности в результате осуществления комплекса структурных новообразований на всех ее уровнях – вербально-семантическом, лингво-когнитивном, мотивационном, что и обеспечивает максимальную творческую реализацию индивидуального мыслеречевого потенциала. Уровень лингвориторического развития языковой личности определяется степенью адекватности реализации лингвориторической компетенции в условиях речевого события, достижением в процессе речевого взаимодействия консонанса – подлинного коммуникативного эффекта.

Лингвориторическое образование есть специально организованная система необходимых для лингвориторического развития личности условий, процесс и результат изучения, усвоения и творческого применения основ лингвистической и риторической теорий в целях эффективной, гармонически диалогизированной и этически ответственной речевой коммуникации. Лингвориторическое образование как процесс подразумевает переакцентровку в целях, содержании, методах обучения, организационных формах и методических условиях. Как результат образовательно-воспитательного процесса лингвориторическое образование есть готовность языковой личности решать реальные коммуникативные задачи в ходе целенаправленной лингвориторической деятельности, совершая в ее составе адекватные текстовые действия и языковые операции. Лингвориторическое самообразование есть система внутренней самоорганизации по усвоению мыслеречевого опыта, направленный на развитие своей лингвориторической компетенции, образующих ее языковой, текстовой, коммуникативной субкомпетенций.

Лингвориторическое обучение есть процесс непосредственной передачи и приема опыта оптимальной мыслеречевой деятельности во взаимодействии учителя-словесника и учеников, который состоит из преподавания и учения. Это процесс взаимообусловленного расширения и углубления тезауруса языковой личности, логосно-когнитивных, инвентивно-диспозитивных параметров и ее ассоциативно-вербальной сети, пафосно-экспрессивного, метаболично-элокутивного спектров с целью

достижения максимально возможной для нее полноты индивидуального преломления лингвоэтнического богатства через организованное в соответствии с объективными риторическими законами функционально-генеративно-коммуникативное присвоение языковой системо-структуры. Лингвориторическое самообучение есть процесс непосредственного освоения личностью опыта оптимальной лингвориторической деятельности поколений посредством собственных устремлений и самостоятельно выбранных средств.

Лингвориторическое воспитание осмысливается как облагораживание мотивационного уровня языковой личности, формирование ее деятельностно-коммуникативных потребностей на основе существующих этностных стереотипов. Лингвориторическое самовоспитание есть процесс усвоения личностью опыта эффективной и этически ответственной мыслеречевой деятельностью предшествующих поколений посредством внутренних факторов, обеспечивающих лингвориторическое развитие.

Отправной точкой или механизмом лингвориторического самовоспитания является самопроектирование, основанное на комплексе представлений о лингвориторическом идеале, образцовой языковой личности, ведущая роль в формировании которой принадлежит учителю, его убеждающему слову, раскрывающему значение лингвориторической компетенции для социальной самореализации личности, создающему в сознании учеников привлекательный и мобилизующий лингвориторический идеал. Таким образом, лингвориторическое образование как инновационная педагогическая система представляет собой целенаправленный процесс становления ученика как сильной языковой личности демократического типа, обладающей этической ответственностью, общеобразовательной и профессиональной подготовкой и высокой лингвориторической компетенцией, основанных на взаимосвязанном совершенствовании субкомпетенций и механизмов последней в продуктивном и рецептивном регистрах, монологическом и диалогическом режимах, устной и письменной формах речевой деятельности в целях эффективной, гармонически диалогизированной коммуникации.

Психологи и лингвисты рассматривают общение как комплексную речевую деятельность, включающую рецептивные и экспрессивные ее виды. По мнению исследователей, риторика является той наукой, которая содействует осуществлению целостного подхода к становлению и развитию двуязычной личности, сочетающей в

себе европейскую и восточную культуру, что, безусловно, актуально в условиях современного многонационального казахстанского общества. Другой подход связан с формированием и развитием профессиональной компетенции студентов, составной частью которой является компетенция на уровне языка и речи. Она рассматривается как норма гуманитарного образования, как важнейшая филологическая наука, изучающая формирование мысли и речи, способы ее построения во всех сферах речевой деятельности. Так, содержание учебной дисциплины «юридическая риторика» вызывает интерес студентов юридического факультета, которые осознают насколько важно для них владение навыками убеждающей речи. В этой связи мы рассматриваем риторическую компетенцию как необходимый компонент профессионального мастерства специалиста гуманитарного профиля.

На наш взгляд, актуальность для личности риторической компетенции следует рассматривать еще шире, она связана не только с профессией, но и с деятельностью вообще. Язык и речь, находясь в оппозиции друг к другу, составляют языковую систему. В любой языковой системе вне зависимости от человека существует ее глобальная составляющая, подверженная тенденции филогенеза, неразрывно связанная с генеративно-трансформирующей составляющей языковой системой в целом и тенденцией онтогенеза, связанной с диссипативными явлениями этой же языковой системы.

Рассуждая о риторике, профессор А.К.Каиржанов считает, что риторика является показателем стиля и качества жизни общества и отдельного человека. Если риторикой пренебрегают, то общество находится на грани обскурации и надлома, т.е. это такое состояние языка, когда языковую систему «захлестнула волна» диссипации. Современная риторика не может быть только искусством элегантной речи избранных, она как наука должна быть действенным оружием противостояния акультурности речи, для чего необходимо, в первую очередь, заново осмыслить сложившуюся ситуацию в сфере функционирования современной речи.

Следует отметить, что в программах специальных школ современной системы образования, таких как лицеи, гимназии, языковые школы преподаются некоторые компоненты риторики. Так, в программах по русскому языку для общеобразовательных школ общественно-гуманитарного профиля предусмотрена тема «Культура устной речи. Элементы риторики» в объеме 20 часов. Тема охватывает лингвокультурологический материал:

- современная риторика и ее определения;

- особенности устной речи, техника речи, качества голоса;
- речевое общение, речевое событие как единица речевого общения, речевая ситуация и ее элементы, возможность обратной связи;
- требования к поведению говорящего, взаимодействие с аудиторией, способы привлечения и удержания внимания в устном выступлении, контакт со слушателями;
- определение собственного речевого типа и воспитание черт характера, необходимых для публичного выступления;
- законы современной риторики, четыре риторических закона, краткие сведения о классической риторике;
- риторические каноны: изобретение, расположение, выражение, запоминание, произнесение речи;
- коммуникативные качества публичной речи, структура публичного выступления, виды композиции;
- виды речи: аргументирующая, похвальная, информационная, развертывание авторского замысла;
- языковые средства, создающие движение мысли в тексте, смысловые части и средства их связи;
- изобразительно-выразительные средства: риторические тропы и фигуры (риторический вопрос, риторическое обращение, синтаксический параллелизм, антитеза, анафора, градация, инверсия, цитирование, период и т.д.);
- риторический анализ текста;
- риторические жанры, особенности построения языка информативных жанров: беседы, лекции, доклады, ответа у доски, выступления на собрании, сообщения, поздравительной речи;
- убеждающие жанры: дискуссия, диспут, дебаты, виды дебатов, построение выступлений, правила ведения спора;
- ораторская речь, виды и жанры ораторской речи;
- риторика в современном мире.

На наш взгляд, риторические знания, умения и навыки должны формироваться и развиваться системно, не фрагментарно в рамках специальной дисциплины. При этом содержание учебного материала должно отражать взаимосвязь и взаимообусловленность языкового и риторического аспектов публичной речи, то, что они представляют собой две стороны процесса коммуникации, речевой деятельности и

речевого общения. В этом случае риторические знания в качестве составляющей коммуникативной компетенции придадут языку убедительность, логичность, аргументативность и выразительность. Именно эти признаки речи являются необходимыми качествами современной языковой личности. Риторическая компетенция может стать предметом изучения как в структуре курса языка, так и в качестве самостоятельной учебной дисциплины, входящей в блок предметов гуманитарного цикла.

Основная задача учителя заключается в обеспечении понимания учеником основных элементов процесса речевого общения с целью выработки умения и навыков, необходимых для эффективного речевого поведения и решения коммуникативных задач в реальной ситуации общения. Важно, чтобы приобретенные знания и умения были восприняты как достаточные, но не окончательные, а как основа для будущего совершенствования риторической компетенции, которое должно продолжаться всю жизнь. Риторический аспект изучения языка означает осмысление принципов и методов работы над своей речью, умения применять на практике навыки ораторского мастерства, убеждать других средствами языка и речи, демонстрировать свою риторическую компетенцию в форме законченных речевых актов, обладающих убеждающей силой воздействия. Риторическая компетенция представляет собой способность применять в ситуации реальной коммуникации навыки построения убеждающей речи во взаимодействии с языковым материалом, это такой уровень владения приемами и принципами риторики, который обеспечивает результативность речевого поведения личности.

Методическая система базируется на Требованиях к знаниям, умениям и навыкам при изучении предмета и предполагают, что учащийся или студент:

- знает и использует базовые риторические термины: дискурс как процесс речевого поведения, виды речевой деятельности (устные – говорение, слушание; письменные – чтение, письмо), этос, логос, пафос, коммуникант, адресат, адресант, коммуникативная и речевая ситуация, речевое поведение, коммуникативные качества речи, информирующая и аргументирующая речь, дискуссия, устные и письменные речевые жанры риторических высказываний, риторический идеал;

- владеет лингвистическими терминами в области грамматики, стилистики, лингвистики текста, культуры речи, а также нормами русского литературного языка: синтаксиса и пунктуации, стилистики, построения текста;

- владеет нормами русской устной, письменной речи: произношения и ударения, словоупотребления, грамматики, орфографии и пунктуации, а также нормами практической стилистики;

- оценивает текст с точки зрения коммуникативных качеств речи: ясности, логичности, точности, богатства, выразительности, уместности;

- использует для создания речевого высказывания термины и понятия теории литератур: роды, виды и жанры литературы, внешняя композиция и сюжетная композиция, образ-персонаж, лирический герой, портрет, пейзаж, интерьер, виды художественного пространства и времени, метрические стопы, рифма, рифмовка, изобразительно-выразительные средства (эпитет, сравнение, метафора, метонимия, синекдоха, гипербола, гротеск, аллитерация, ассонанс, анафора);

- читает специальную литературу (справочники, энциклопедии, пособия) и использует ее при создании риторических высказываний разных жанров;

- демонстрирует знание риторических терминов и понятий при ответе на тестовые вопросы и контрольные задания, а также при защите собственных риторических сообщений;

- проводит развернутый риторический анализ речи (выступления) по следующим параметрам: тема и замысел высказывания, формулировка общей и конкретной цели выступления, композиционное оформление, содержательные особенности, риторический эскиз речи и способы его создания с аргументацией по каждому пункту;

- создает риторическую модель содержания текста в виде описания, таблицы, схемы, схемы с элементами рисунка по следующим параметрам: автор текста, читатель (слушатель); текста, цель текста, средства воздействия на читающего (слушающего);

- умеет выстроить стратегию межличностного и межгруппового общения с использованием основных логических операций, а также риторических приемов доказательства и опровержения в зависимости от темы, цели, условий (письмо, сочинение, статья, обращение, диспут, дебаты, выступление, речь и др.);

- знает существующие взгляды на историю возникновения риторики и ее роль в жизни общества от античности и до наших дней и применяет эти знания в процессе подготовки риторических высказываний;

- умеет вносить в монологический текст элементы диалогизации (риторическое обращение, риторический вопрос, вопросно-ответный диалогический прием и др.);

- умеет перевести письменный текст в план устной речи и применить другие риторические приемы, способствующие повышению культуры устного речевого общения;

- создает творческие работы, используя риторические знания, умения и навыки, и по возможности апробирует их в средствах массовой информации (школьная стенгазета, периодическая печать, радио, телевидение, Интернет).

На третьей ступени среднего общего образования осуществляется профильное обучение, которое реализуется по трем направлениям: естественно-математическому, социально-гуманитарному и технологическому. Для всех направлений образовательная программа по предмету «Риторика» предлагает одно и то же базовое содержание для освоения учащимися. Независимо от профиля обучения выпускник средней школы по ее окончании должен:

- владеть запасом базовых терминов по риторике;
- делать риторический анализ разножанровые текстов по всем школьным предметам;
- использовать разнообразные способы презентации риторической интерпретации;
- владеть основами целостного и комплексного анализа текста и различными формами письменной рефлексии в риторическом контексте;
- выявлять эстетическое своеобразие и этнокультурную специфику художественных произведений, относящихся к различным литературам, используя риторическую базу знаний.

Современные требования к профессиональной подготовке специалистов ставят перед учителем задачу формирования коммуникативной компетентности, которая предполагает владение навыками общения в определенном профессиональном коллективе, умениями, которые обеспечивают решение задач, составляющих суть той или иной профессиональной деятельности.

Специфика педагогической деятельности в самом общем виде обусловлена характером главных целей обучения, а именно:

- вооружение учащихся основами знаний в соответствующей области науки (познавательная цель);
- формирование у школьников необходимых умений на базе полученных знаний (практическая цель);

- воспитание и развитие учащихся средствами предмета обучения (общепредметные дидактические цели).

Курс школьной риторики должен вызвать у учащихся размышления о сути межличностного общения, о тех нравственных ценностях, которые лежат в основе этого общения, что будет способствовать формированию у них взглядов, идей, суждений, вкусов, имеющих общекультурную основу. При этом необходимо принимать во внимание еще одно обстоятельство. Обязательным условием востребованности риторического знания является его прикладной характер. Теоретические положения риторики всегда направлены на практическое применение, на решение реальных задач, связанных с жизнедеятельностью человека. Знания, получаемые в курсе риторики во многом (но не во всем) носят так называемый инструментальный характер (знания о способах деятельности), что обеспечивает формирование коммуникативно-речевых умений, коммуникативной компетентности говорящих и пишущих.

В процессе обучения предмету «Риторика» предлагаются разнообразные методы и приемы учебной деятельности, которые могут сочетаться в пределах одного урока. Проектные семинары, тренинги, методы интерактивного обучения позволяют включить учащегося в процесс самосовершенствования, развивают его коммуникативные умения. Ученик из исполнителя, из объекта обучения превращается в исследователя, экспериментатора, он овладевает навыками исследовательской деятельности, составления проекта, программы опытно-экспериментальной работы.

На сегодняшний день практически отсутствуют современные методики оценки спектра и уровня достижения компетенций, соответствующие психологические тесты, поэтому представляется важным выделить показатели развития коммуникативной компетенции и подобрать методики оценки уровня их развития.

Основываясь на предложенных научных точках зрения на природу компетентностей, мы считаем возможным в качестве показателей развития коммуникативного компонента предложить следующие:

- готовность к проявлению компетентности (т.е. мотивационный аспект);
- владение знанием содержания компетентности (т.е. когнитивный аспект);
- опыт проявления компетентности в разнообразных стандартных и нестандартных ситуациях (т.е. поведенческий аспект);
- отношение к содержанию компетентности и объекту ее приложения (ценностно-смысловой аспект);

- эмоционально-волевая регуляция процесса и результата проявления компетентности.

Учебный предмет «Риторика» входит в образовательную область «Язык и литература» как важнейший компонент государственного общего среднего образования. Роль предмета, его место в ряду других учебных предметов определены первостепенными для обучения задачами воспитания и развития личности учащегося, формирования риторических и коммуникативных навыков для установления коммуникативных связей в целях успешного встраивания в любую жизненную ситуацию и в итоге адекватной социальной адаптации.

Целью риторического образования в 11-12 классах является формирование и развитие творчески активной речевой личности, умеющей применять риторические знания и навыки в новых постоянно меняющихся условиях проявления той или иной коммуникативной ситуации, что предполагает решение следующих задач:

- формировать и развивать риторические знания о сути, правилах и нормах общения, о требованиях к речевому поведению в различных коммуникативно-речевых ситуациях;

- совершенствовать коммуникативно-речевые (риторические) умения с помощью анализа образцовых риторических текстов;

- научить искать и находить собственное решение многообразных коммуникативных ситуаций;

- привить умение решать коммуникативные и речевые задачи в конкретной ситуации общения;

- познакомить учащихся с сутью речевого идеала как компонента культуры и как образца коммуникативного общения с целью овладения ими умениями и навыками построения эффективных речевых высказываний в устной и письменной форме. Дидактические основания, регулирующие отбор содержания учебного предмета предполагают ряд параметров касательно базового содержания курса, особенностей методической системы.

Содержание курса риторики в 11-12 классах носит практический характер, к тому же оно преемственно связано с материалом предмета «Русский язык», который изучался учащимися на протяжении 5-10 классов основной школы.

Базовое содержание образования предмета «Риторика» представлено следующими содержательными линиями: языковые факты, законы и правила, речевая

деятельность и ее виды, функциональные стили и типы речи, социокультурная функция языка, лингвистический и литературоведческий анализ литературных произведений.

Языковые факты, законы и правила. Функции языка. Русский язык в мире и Казахстане. Язык как развивающееся явление. Функции русского языка в полиэтническом Казахстане. Грамматический строй языка. Фонетические особенности языка. Орфоэпия и нормы произношения. Лексика, активный и пассивный словарный запас. Фразеология. Словообразование и морфемика. Морфология: самостоятельные и служебные части речи. Слово, словосочетание и предложение в синтаксисе языка. Орфография. Грамматика. Пунктуация. Языковые и грамматические нормы. Языковая компетенция.

Речевая деятельность и ее виды. Язык и речь. Устная и письменная речь. Внутренняя речь. Речь диалогическая и монологическая. Виды речевой деятельности: чтение, письмо, аудирование (слушание), говорение. Межкультурная коммуникация. Практико-ориентированное использование языка. Оценка коммуникативных качеств и эффективности речи. Речевая компетенция.

Функциональные стили и типы речи. Система функциональных разновидностей речи. Разговорный стиль речи. Научный стиль речи. Официально-деловой стиль речи. Публицистический стиль речи. Художественный стиль речи. Тема, основная мысль, части текста. План. Тип речи – описание. Тип речи – повествование. Тип речи – рассуждение. Культура устной и письменной речи на основе изучения родного и других языков. Речевой этикет. Этнокультурная лексика и фразеологизмы. Культура речи как совокупность и система коммуникативных качеств речи. Коммуникативная компетенция.

Социокультурная функция языка.

Язык и общество. Языки в диалоге культур. Язык как инструмент социализации личности в обществе. Связь языка с национальными традициями народа. Языковые контакты и заимствования, их роль в сближении культур. Культура межнационального общения. Этнокультуроведческая компетенция, включающая в себя сведения о языке как национально-культурном феномене. Культура речевого поведения в различных ситуациях социального общения. Риторическая компетенция.

Лингвистический и литературоведческий анализ литературных произведений. Осмысление, анализ, интерпретация и создание текстов различных видов устной и письменной речи, разных родов и жанров художественных произведений. Изобразительно-выразительные средства языка. Сведения о теории литературы.

Эмоционально-экспрессивные средства художественной речи: тропы, риторические фигуры. Лингвистический анализ художественных, научных, публицистических текстов. Литературоведческая компетенция.

В соответствии с базисным учебным планом ГОС общего среднего образования *количество часов в неделю* по риторике составляет:

в 11 классе 2 часа в неделю, общее количество – 64 ч. (2 ч. х 32);

в 12 классе 2 часа в неделю, общее количество – 64 ч. (2 ч. х 32).

Вариативная часть содержания учебного предмета направлена на реализацию организацией образования дополнительных учебных программ, разработанных в пределах государственного общеобязательного стандарта общего среднего образования.

Для более глубокого изучения предмета «Риторика» учащимся можно предложить дополнительные занятия. Например:

11 класс: «Античная риторика»; «Российская риторика 18-19 веков», «Риторика – школе», «Мастера риторических выступлений» и т.д.

12 класс: «Неориторика сегодня», «Выдающиеся риторы от античности до наших дней», «Риторика в использовании масс-медиа».

Ожидаемые результаты образования по учебному предмету «Риторика» представляют собой реализацию системы целей и задач, установленных для последнего цикла обучения на уровне общего среднего образования продолжительностью в 2 года. Каждый из циклов основного среднего образования направлен на организацию процесса обучения, имеющего целью овладение определенным уровнем учебных достижений обучающихся:

6-й уровень учебных достижений – после 11-12 классов.

По окончании 6 цикла обучения (12 класс) учащийся достигает следующих ожидаемых результатов:

имеет законченное представление о видах речевой деятельности как способах получения необходимой информации: читает и осмысливает незнакомый текст с использованием знаний о видах речевой деятельности для извлечения нужной информации; в процессе чтения раскрывает речевой замысел автора; извлекает информацию по заданному вопросу из различных источников, включая риторические пособия и справочники;

• *различает виды речевой деятельности и использует их для отбора и систематизации необходимой информации:* читает два-три разных текста,

объединенных общим речевым замыслом, затем сравнивает их наполнение в целях систематизации необходимой информации; указывает на обнаруженные сходство и различие (источник: два и более сложных источников, содержащих прямую и косвенную информацию по двум и более темам, в которых одна информация дополняет другую);

- *использует разные типы текстов в их стилевом разнообразии для передачи и восприятия информации в любом контексте;* использует тексты-повествования и тексты-описания для подготовки и создания риторических высказываний разных жанров; выражает собственное мнение о каком-либо событии культурной и общественной жизни, самостоятельно выбирая подходящий для этого речевой жанр (краткий ответ, развернутое высказывание, рецензию, доклад, реферат, комментарий, полемическое опровержение, итоговое обобщение);

- *применяет развитые речевые умения и навыки для выражения собственного эмоционально ценностного отношения к полученной информации:* размышляет по поводу содержания текста, используя собственный опыт и риторические знания; аргументированно выражает собственное отношение к конкретному речевому факту, выбирая подходящую для этого риторическую форму и речевые средства; выполняет предложенные группе проблемные задания по анализу речевых задач с последующей их творческой презентацией;

- *знает соответствующие способы использования речевых умений и навыков, адекватные ситуациям общения в учебной деятельности и повседневной жизни:* даёт в развёрнутом речевом высказывании (устном и письменном) собственную оценку коммуникативной и речевой ситуации с позиций личного опыта и понимания; передает содержание анализируемого речевого высказывания малой и средней эпической формы (рассказ, повесть), подробно останавливаясь на характеристике авторского замысла и его воплощения; самостоятельно формулирует основания, исходя из характера полученного задания, ранжирует их и извлекает искомую информацию;

- *понимает ценностную значимость родного и других языков как средства установления продуктивных коммуникативных отношений с другими людьми и как инструмента познания окружающей действительности:* проводит параллели в части человеческих поступков, мотивов речевого поведения, взаимоотношений между героями анализируемого текста и реальными ситуациями; опираясь на текст, выражает и обосновывает собственную точку зрения по поводу авторского замысла и аналитически оценивает суждения одноклассников; рассматривает речевое

произведение в соотнесенности с авторским замыслом, формой его воплощения и речевой направленностью и выявляет роль риторики в нравственном, риторическом, коммуникативном и речевом развитии личности, формирующейся в поликультурном пространстве республики Казахстан;

- *применяет сформированные речевые умения и навыки для общения в учебной деятельности и повседневной жизни:* выполняет задания, связанные с изучением текста, работая в группах (совместно обсуждают предложенную проблему, подбирает цитаты из текста, аргументы в подтверждение своей точки зрения, готовят общий ответ); участвует в ролевой игре, проецируя содержание текста на себя и своих товарищей: берет интервью у одноклассника по поводу изучаемого текста, интерпретирует текст, готовит воображаемое интервью с автором, героем произведения, современным критиком;

- *использует собственные языковые знания и речевые умения для успешной совместной работы в группе, команде:* находит и отбирает в тексте информацию, необходимую для решения поставленных перед учебной группой речевых задач (поддержания или отклонения какого-либо утверждения); самостоятельно формулирует вопросы в соответствии с предлагаемым заданием, связанным с различными аспектами анализа исследуемого текста, и дает свой вариант ответа, облекая его в риторическую форму;

- *знает различные способы использования речевых умений и навыков для решения поставленных проблем в различных ситуациях (учебной, правовой, экономической, гражданской и др.):* пересказывает содержание текста подробно, сжато, выборочно, по плану, с изменением лица рассказчика и времени действия, с творческой перестройкой и интерпретацией; выделяет один или несколько событийных рядов, стремясь вызвать определенное настроение и переживание у слушателей; сравнивает риторическое произведение с произведениями других видов искусств (литература, живопись, музыка, театр, кино), характеризуя их общие и отличительные признаки;

- *понимает необходимость выбора типов речи в их стилевом разнообразии для анализа, оценки и решения любой ситуации в учебной деятельности и повседневной жизни:* усваивает в тексте необходимую информацию и систематизирует ее по 2-3 критериям в предлагаемой учителем форме (таблица, кластер, инструкция, памятка, список и др.); формулирует проблемные вопросы, выражающие личностно значимое отношение к риторическому замыслу, его воплощению в определенном речевом жанре;

извлекает необходимую информацию из текста для решения речевой ситуации и сопоставления ее с реалиями жизни;

- *применяет развитые речевые умения и навыки для разрешения проблем в различных ситуациях общения в учебной деятельности:* разрабатывает и формулирует систему вопросов в ходе целостного анализа изучаемого текста (по поводу авторского замысла, композиции, речевых средств), а также комментирует ответы одноклассников; формулирует вопросы, относящиеся к особенностям воплощения авторского замысла, и предлагает свой вариант речевого ответа;

- *использует полученные языковые знания и сформированные речевые умения в зависимости от намеченных целей для разрешения различных учебных и жизненных проблем:* пишет небольшие по объёму (200–250 слов) речевые произведения разных жанров на основе жизненных (разнообразные ситуации в школе и вне школы) впечатлений; самостоятельно разрабатывает и предлагает для обсуждения в классе речевую проблему и предлагает пути ее решения; использует в полном объеме языковые, риторические и речевые знания и умения для отбора информации в соответствии с речевой задачей по информационному поиску для разрешения учебных и жизненных проблем. *Характеристика разделов базового содержания для цикла обучения* представляет собой состав, структуру и объем содержания общего среднего образования. *Распределение базового содержания образования по классам с указанием часов* производится в соответствии с базисным учебным планом, представленным в Государственном общеобязательном стандарте общего среднего образования, и с учетом ожидаемых результатов по циклу обучения.

Риторика – это наука об эффективном, результативном общении. Центром ее является общающийся человек, который в процессе деятельности вступает во взаимодействие с людьми в различных коммуникативных ситуациях. Специфика этих ситуаций требует от человека адекватного речевого поведения, что и обеспечивает в конечном счете решение социально значимых, жизненно важных задач. Таким образом, знание общих законов риторики – это общественная потребность, связанная с практической деятельностью человека. В риторике как области гуманитарного знания разработаны законы и принципы речевого поведения, описаны практические возможности их использования, что позволяет достичь главной цели общения – обеспечение взаимопонимания между людьми, гармонизация отношений коммуникантов.

Риторика как самостоятельная лингвокультурологическая дисциплина отражает особенности речевого идеала, исторически сложившегося и принятого в данной культуре. Курс современной риторики дает возможность учащимся осознанно овладеть не только культурой слова, но и культурой мысли об избранном предмете. Учебная программа по предмету «Риторика», имеет целью воспитание и развитие поликультурной личности, владеющей навыками убеждающей речи и коммуникативной языковой компетенцией.

Категория риторического идеала позволяет рассматривать риторику и риторические знания не только как способ овладения речью, не только как способ решения коммуникативно-речевых задач, но и как способ познания явлений более высокого уровня – системы ценностей определенной культуры, ее общеэстетических и этических идеалов.

Другими словами, риторика в таком ее понимании становится средством познания действительности, ее совершенствования путем гармонизации отношений в процессе общения, а также средством самосовершенствования личности.

Список литературы

- Баранов М.Т.* Изучение лексики как раздела науки о языке. /М.Т. Баранов– М., 1989. 122 с.
- Государственный Общеобязательный Стандарт Образования Республики Казахстан.* 2003. Астана, 2008. 50 с.
- Ломоносов М.В.* Краткое руководство к красноречию /М.В. Ломоносов// В кн. Методика преподавания русского языка. М., 1996. 240 с.
- Кабдолова К.Л., Кунакова К.У., Салханова Ж.Х., Аульбекова Г.Д.* Риторика. Учебная программа для 11-12 кл. общеобразовательных школ с русским языком обучения. Астана, 2009. 50 с.
- Каиржанов А.Т.* Синергия языка. /А.Т. Каиржанов. Алматы, 2006. 386 с.
- Риторика.* Программа для 11-12 классов общеобразовательных школ с русским языком обучения. Астана, 2010. 20 с.

Тарасова Е.Н.
Военный институт физической культуры
г. Санкт-Петербург (Россия)

Tarasova Elena
Military Institute of physical training
St. Petersburg (Russia)

*РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ В ВОЕННОМ ВУЗЕ: ПРОБЛЕМЫ
ПРЕПОДАВАНИЯ*

*RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN MILITARY INSTITUTIONS: PROBLEMS OF
TEACHING*

В статье рассматриваются вопросы организации обучения иностранных военнослужащих русскому языку в вузах МО РФ на этапах довузовского и вузовского обучения; выдвигается положение о необходимости выделения самостоятельного военного профиля обучения учащихся-нефилологов, разработки тестов военно-профессионального модуля в рамках Российской государственной системы тестирования иностранных граждан.

The article considers the issues of training foreign military personnel to the Russian language in the universities of the Ministry of defense at the stages of pre-University and University education; nominated a position of the necessity of an independent military training profile of the non-philologist trainees, development of test of professional military module in the framework of the Russian state system of testing of foreign citizens.

Ключевые слова: учащиеся-нефилологи, иностранные военнослужащие, организация учебного процесса, подготовительный курс, вузовское обучение, тестирование иностранных военнослужащих, военный профиль обучения.

Keywords: non-philologists trainees, foreign servicemen, organization of educational process, preparatory course, training higher education, foreign servicemen testing, military training profile.

Подготовка специалистов для зарубежных стран в высших военных учебных заведениях Министерства обороны Российской Федерации остается одним из главных направлений военно-технического сотрудничества России с зарубежными партнерами. Количество иностранных курсантов и слушателей, получающих военное образование в российских вузах, иностранных адъюнктов, обучающихся по программам дополнительного профессионального образования, увеличивается год от года.

Необходимым условием обеспечения качества образования является правильная организация учебного процесса. В том числе и на подготовительном курсе, как важном этапе довузовской подготовки. К числу самых общих требований к организации обучения на подготовительном курсе относятся:

- 1) изучение русского языка в течение 10 месяцев;
- 2) комплектование малых учебных групп из 7-9 человек с учётом времени заезда обучающихся, уровня владения языком, уровня общего образования, родного языка учащихся или языка-посредника;
- 3) выделение на изучение русского языка более 50 % общего бюджета времени учебного плана;
- 4) учёт профиля обучения, введение других предметов учебного плана со второго месяца обучения и некоторые другие.

Очевидно, что от уровня языковых знаний иностранных учащихся (в том числе военнослужащих) в значительной степени зависит качество владения специальностью. Таким образом, усилия, направленные на повышение общего уровня владения языком, в конечном итоге направлены на повышение уровня специальной подготовки. Понимание этого положения не только преподавательским составом, но и руководителями органов управления военным образованием, руководящим составом вузов, преподавателями-предметниками является необходимым условием такой организации учебного процесса, который необходим для получения качественного военного образования. В противном случае продуктивность обучения становится зависящей от множества случайных и субъективных факторов.

Незавершённость, а точнее сказать, известная противоречивость процесса реформирования системы военного образования привела к появлению целого ряда организационных проблем, которые отрицательно сказываются на процессе обучения на этапе довузовской подготовки. К их числу относится, во-первых, несвоевременное прибытие курсантов и слушателей к началу занятий, что ведёт к невозможности пройти полный курс обучения даже при увеличении количества учебных часов в неделю или приводит к необходимости компенсировать утраченные часы за счёт исключения занятий по другим дисциплинам учебного плана.

Во-вторых, прибытие ИВС из различных стран в разные сроки приводит к необходимости объединения в рамках одной учебной группы обучающихся с разным уровнем языковой подготовки, разных национальностей, возраста, служебного статуса и т. д. Подобное объединение значительно осложняет процесс овладения русским языком, снижает эффективность работы.

В-третьих, прибытие слушателей, специальность которых не соответствует профилю учебного заведения, что приводит к снижению мотивации обучения.

Перечисленные проблемы отрицательно сказываются на учебном процессе, т. к. приводят к нарушению многих основополагающих методических принципов, в числе

которых принцип доступности и посильности обучения; принцип учёта родного языка и культуры учащихся; принцип учёта языковой подготовки, возрастных и образовательных особенностей учащихся; принцип учёта индивидуальных особенностей, адаптационных процессов.

Проблемой организации учебного процесса на этапе вузовского обучения является общий учебный план для военнослужащих из стран СНГ и дальнего зарубежья, который устанавливает одинаковое количество часов на изучение русского языка. Соответственно не проводится дифференциация иностранных учащихся по исходному уровню языковой подготовки. Между тем курсанты и офицеры из стран СНГ, как правило, владеют русским языком, и контрактом подготовительный курс для них не предусмотрен. ИВС из дальнего зарубежья приезжают с нулевым уровнем и изучают язык в течение 10 месяцев. Очевидно, что им требуется большее количество часов на совершенствование навыков и умений по русскому языку в период вузовского обучения. Хотя реалии последнего времени таковы, что многим обучающимся из стран СНГ по результатам стартового тестирования также требуется дополнительное изучение русского языка на подготовительном курсе.

Согласно Государственному образовательному стандарту по РКИ, учащиеся-нефилологи в период вузовского обучения должны овладеть языком в объёме, соответствующем II сертификационному уровню. Рекомендуемое количество часов – 720 (на модуль общее владение - 380 ч., на профессиональный модуль - 340 ч). Но во многих военных вузах это требование не выполняется.

Следовательно, возникает необходимость включить в государственный образовательный стандарт дисциплину «Русский язык как иностранный» с указанием количества зачетных единиц для её изучения. Кроме того, должна быть прописана процедура прохождения тестирования по русскому языку иностранными военнослужащими, дающая право на получение сертификата соответствующего уровня владения языком.

В рамках существующей государственной системы тестирования граждан зарубежных стран сертификат выдаётся кандидату при условии успешного прохождения тестов искомого уровня общего владения русским языком и профессионального модуля (по результатам тестирования выдаётся государственный сертификат общего владения русским языком с указанием сданного модуля).

Однако профессиональные модули по военным специальностям отсутствуют. Но прежде чем начать их разработку необходимо выделить самостоятельный военный профиль обучения учащихся-нефилологов.

Профиль обучения является базисной категорией методики преподавания русского языка. Он характеризует сложившийся тип подготовки по языку и смежных с ним специальных и общеобразовательных дисциплин в зависимости от особенностей учебного процесса и потребностей учащихся в изучаемом языке. [Щукин, 2003, с.76]

В отечественной методике преподавания русского языка как иностранного студентам-нефилологам необходимость дифференцированного подхода к обучению, выстраивания системы обучения в зависимости от профиля вуза осознана довольно давно.

Принято выделять естественнонаучный, медико-биологический, инженерно-технический, гуманитарный профили обучения. Однако они охватывают не все категории иностранных учащихся нефилологических специальностей, получающих образование в Российской Федерации. В частности, по данным открытой печати на 2010 год, в вузах Министерства обороны РФ обучалось от 5 до 8 тысяч иностранных военнослужащих из 50 государств мира, и численность учащихся продолжает увеличиваться год от года.

Рассмотрим поставленную проблему на примере военно-технических специальностей. В Смоленской Военной академии ВПВО ВС РФ в соответствии с ФГОС обучение курсантов ведётся по направлениям подготовки «Специальные радиотехнические системы», «Применение и эксплуатация автоматизированных систем специального назначения». Курсантам, прошедшим пятилетний курс обучения присваивается квалификация «специалист». В рамках этих направлений выделяются военные специальности, например, «Применение и эксплуатация средств автоматизации радиотехнических и зенитных ракетных комплексов войсковой ПВО»; «Применение подразделений и эксплуатация зенитных ракетных систем ближнего действия» и др.

На каждую военную специальность вуз разрабатывает квалификационные требования к военно-профессиональной подготовке выпускников, дополняющие требования ФГОС к уровню образования. Таким образом, учебные планы наряду с гуманитарным и социально-экономическим циклом, математическим и естественнонаучным, общепрофессиональным циклом, в обязательном порядке содержат военно-профессиональный цикл дисциплин, которые и обеспечивают подготовку учащегося как военного специалиста. Например, «Тактика подразделений войсковой ПВО», «Стрельба и боевая работа», «Управление огнем», «Основы управления техническим обеспечением войск», «Материально-техническое обеспечение боевых действий соединений, воинских частей и подразделений ПВО СВ».

Таким образом, наличие в системе подготовки офицеров учебных предметов, специфичных для военных специальностей, имеющих свой предмет описания, особенную структуру типового узкопрофильного текста, специфические синтаксические конструкции, свой тезаурус, служит основанием для выделения самостоятельного военно-технического профиля обучения.

Следует отметить, что специфика военной деятельности, её структура, содержание профессиональной компетенции офицера, особенности военного дискурса, языковая личность офицера неоднократно становились предметом рассмотрения и описания исследователей (преимущественно из числа преподавателей РКИ военных вузов). [Арефьева, 2007; Васильев, 2004; Супрун, 2003; Тарасова, 2011; Шаталова, 2002 и др.]

Так, Д.В. Васильев, анализируя функционально-стилевые черты армейского дискурса, предназначенного для эффективного управления подчиненными в условиях воинской службы, указывает следующие особенности: 1) унификацию и стандартизацию используемых средств; 2) требование экономии речевых усилий; 3) запрет на выражение личностной позиции говорящего; 4) запрет на использование средств, непригодных для объективного отражения действительности.

Средства армейского дискурса, как отмечает исследователь, реализуются в стандартизированном наборе речевых жанров, предназначенных для использования в различных ситуациях воинской деятельности. На основе анализа Общевоинских уставов, регламентирующих в том числе речевое поведение военнослужащих, автор выделяет следующие жанры: команда (краткое высказывание, предназначенное для управления личным составом), доклад (высказывание, основным назначением которого является сообщение адресату новой информации), развернутый приказ (собственно приказ; высказывание, выражающее категорическое побуждение с сообщением значительного количества новой информации), представление (сообщение своего места в войсковой иерархии и исполняемых функций), обращение (высказывание, обеспечивающее установление контакта между коммуникантами) и воинское приветствие (обязательная речевая реакция личного состава на приветственное обращение начальника, на информацию, касающуюся адресата лично).

Описывая перечисленные жанры, учёный утверждает, что обладая собственным кругом ядерных и периферийных функций и набором отличительных языковых средств, обусловленных сферой применения, жанрообразующие признаки соответствуют общим требованиям армейского дискурса. [Васильев, 2004, с. 384-385]

В аспекте коммуникативно-деятельностного подхода описывает задачи обучения профессиональному общению на русском языке в военном вузе И.В. Супрун. При этом акцент делается на управленческой функции офицера как основе его профессиональной деятельности, что имеет непосредственное отношение к прагматическому уровню языковой личности военнослужащего.

Офицер-выпускник в рамках профессиональной деятельности командной специализации должен принимать решения, отдавать приказы, распоряжения в соответствии с функциональными обязанностями; анализировать боевую обстановку; оценивать состояние войск противника и своих войск и на основе полученных данных принимать решения. Перечисляя задачи профессиональной деятельности офицера-командира, исследователь выбрал основные, в рамках которых уровень сформированности умений к решению коммуникативных задач должен быть наивысшим. [Супрун, 2003, с.236]

Военно-научный подстиль, по наблюдениям исследователя, служит языковой базой общения в учебно-научной сфере деятельности в вузах командного профиля, а командно-деловая речь (термин И.В.Супрун) – языковой базой общения в профессиональной сфере, которая имитируется с максимальной достоверностью на групповых (практических) занятиях, проводимых в виде деловой игры. [Супрун, 2003, с. 238]

Очевидно, что в целях обучения иностранных военнослужащих языку специальности следует выявить и описать типичную структуру узкопрофильного военного учебно-научного текста; выявить весь комплекс тем, актуальных для исследуемого корпуса текстов; определить макроструктуру каждой темы; описать формально-грамматический план текстов, реализующих каждую тему; выявить профессиональные коммуникативные задачи, стоящие перед учащимися при овладении материалом.

Будущий офицер в рамках полной военно-специальной подготовки приобретает также инженерные знания. Более того, в дипломе, который получает выпускник военного вуза радиотехнического профиля, указывается специальность «инженер по эксплуатации специальных радиотехнических систем».

Сущность инженерной деятельности, содержание профессиональной компетенции инженера, особенности инженерного дискурса достаточно подробно описаны в методической литературе. Так, Г.М. Лёвина рассматривает сущность инженерной деятельности как практическое применение научных знаний для создания технических систем, проектирования и конструирования объектов. [Лёвина, 2004, с. 79-

80] Ею указаны два направления, определяющих профессиональное содержание труда инженера:

1. Производственная деятельность (обслуживание текущего производства, организация повышения качества продукции, техническая подготовка производства новых видов продукции);

2. Конструкторская деятельность.

И.Б. Авдеева описала этапы инженерной деятельности – 1) постановка задачи; 2) поиск вариантов решения; 3) анализ вариантов решения; 4) оценка вариантов и выбор решения. [Авдеева, 2000, с. 36]

При этом исследователи отмечают отличие инженерной деятельности от чисто технической, которая «основывается более на опыте и технических навыках». Технический дискурс – это постоянное решение технических задач. Он предполагает постоянную оценку и переоценку технических объектов с целью их усовершенствования.

Военная специализация, безусловно, определяет специфику получаемого инженерного образования учащихся военных вузов. В квалификационных требованиях по направлениям подготовки указаны следующие виды военно-профессиональной деятельности выпускника:

управленческая (повседневная и боевая);

эксплуатационная;

обучающая и воспитательная.

В рамках эксплуатационной деятельности выпускник должен обладать следующими военно-профессиональными компетенциями:

способностью организовать работу по эксплуатации вооружения и техники подразделения, контролировать их выполнение;

способностью находить организационно-технические решения эффективного применения вооружения и техники подразделения;

способностью осуществлять эксплуатацию и применение вооружения и техники подразделения в различных условиях обстановки;

владеть методами восстановления работоспособного состояния вооружения и техники подразделения;

способностью выполнять диагностику и обслуживание вооружения и техники подразделения.

Приведённый перечень компетенций подтверждает вывод исследователей об отличии собственно инженерной (т.е. конструкторской, проектной) деятельности от

чисто технической. Эта особенность отражена и в наименовании специальности, которую получает будущий офицер – «Специалист по эксплуатации радиотехнических систем». В то же время по совокупности видов профессиональной деятельности, к которой готовят выпускника военного вуза, следует определить профиль подготовки учащихся как военно-технический.

Таким образом, военный (военно-технический, военно-гуманитарный и т.д.) текст/дискурс должен стать предметом специального изучения и описания в целях преподавания РКИ.

Очевидно, что накопленный материал нуждается в анализе, обобщении и систематизации в интересах создания научно обоснованного описания военного профиля обучения, определяющего содержание, цели и задачи военного образования. Это означает, что существует проблема учебно-методического и языкового обеспечения названного профиля, и ставит перед русистами задачу разработки комплекса необходимых учебных средств.

Список литературы

Авдеева И.Б. Ориентация на когнитивный стиль при обучении русскому языку учащихся инженерного профиля /И.Б. Авдеева. Мир русского слова, 2000. № 3.

Арефьева Н.А. Языковая личность военнослужащего в аспекте коммуникативно-деятельностного подхода / Н.А. Арефьева. Русский язык в современном обществе: проблемы преподавания: сб. науч. ст. /Военная академия ВПВО ВС РФ. Каф. русского языка. Смоленск: Изд-во ВА ВПВО ВС РФ, 2007. 160 с.

Васильев Д.В. Функционально-стилевые черты русского армейского дискурса / Д.В. Васильев. Русский язык: исторические судьбы и современность. II Международный конгресс исследователей русского языка: сб. мат-лов / Моск. гос. ун-т. Филол. фак-т. М.: МГУ, 2004. 700 с.

Левина Г.М. Обучение иностранцев русскому инженерному дискурсу. Монография / Г.М. Левина. М.: Янус-К, 2003. 204 с.

Супрун И.В. Командно-деловая речь как аспект обучения профессиональному общению на русском языке в военном вузе / И.В. Супрун. Проблемы преподавания РКИ в вузах инженерного профиля: сб. мат-лов городск. науч.-метод. семинара «Русский язык как иностранный в российских технических вузах». М.: Янус-К, 2003. 178 с.

Тарасова Е.Н. Об особенностях учебного текста по дисциплине «Общая тактика» / Е.Н. Тарасова. Аспекты изучения в целях преподавания РКИ: сб. мат-лов V Международной НПК. Моск. гос. ун-т. Филол. фак-т. М.: МГУ, 2011. 678 с.

Шаталова Н.С. Теоретические основы формирования речевого компонента профессиональной подготовки иностранных военнослужащих в вузе: дис... д-ра. пед. наук: 13.00.02 /Шаталова Н.С. М., 2002. 301 с.

Щукин А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: Учеб. пособие для вузов / А.Н. Щукин. М.: Высшая шк., 2003. 382 с.

ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

Адаева Е.С.

Назарбаев Университет
г. Астана (Казахстан)

Дауренбекова Л.Н.

Назарбаев Университет
г. Астана (Казахстан)

Adayeva Yermek

Nazarbayev University
Astana (Kazakhstan)

Daurenbekova Laura

Nazarbayev University
Astana (Kazakhstan)

*ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДА ПРОИЗВЕДЕНИЙ М.Ю.ЛЕРМОНТОВА НА КАЗАХСКИЙ
ЯЗЫК*

*THE HISTORY OF TRANSLATIONS OF M.U.LERMONTOV'S WORKS INTO KAZAKH
LANGUAGE*

В статье рассматривается история перевода поэзии выдающегося русского поэта М.Ю. Лермонтова. А также проблемы воссоздания художественного, эстетического эффекта произведений М.Ю.Лермонтова в переводах на казахский язык, трансформации экспрессивно-эмоционального плана содержания оригинала в переводном тексте. Анализ переводов стихотворений М.Ю.Лермонтова осуществлен в сравнительно-типологическом аспекте. Показаны способы передачи переводов произведений Лермонтова известными казахскими поэтами и оценивается их мастерство. В статье выяснены и некоторые отклонения переводчиков, допущенных при переводе. Также акцентируется внимание на то, что лирику Лермонтова, который стал духовным другом не только своего народа, но и всего мира, на казахский язык переводили поэты, находящиеся в духовном родстве и гармонии с ним. В статье указывается сегодняшнее состояние перевода произведений Лермонтова в Казахстане.

The article is devoted to the history of translations of Mikhail Yuryevich Lermontov's works into Kazakh language. Furthermore, the article discusses the problems of recreation artistic, aesthetic effect of M.U. Lermontov's poetry in Kazakh translations, and transformations of expressive and emotional content in translated text. The analysis of translations of M.U. Lermontov's poems is implemented in comparative typological aspect. The article evaluates the approaches applied by Kazakh poets and their mastery in translating the works of M. Lermontov beginning with famous Abay. The article also highlights inconsistency in the translations. M.U. Lermontov was not only his nation's but the entire world's nation's spiritual advisor, and his lyric poetry was translated into Kazakh by poets who are close to him by nature. The article reports the situation of translation of Lermontov's works in Kazakhstan.

Ключевые слова: проблемы воссоздания, эквивалентность, экспрессивно-эмоциональный план, единица, анализ.

Keywords: problems of recreation, equivalence, expressive and emotional content, provides, analysis.

Перевод поэтических произведений вошедших в сокровищницу мировой литературы на родной язык и на современном этапе является очень важным и сложным творчеством. Воспроизведение художественной поэтики, отражающую особенности мировоззрения и национальную культуру каждого народа на другой язык, является одним из благих дел. Безусловно, перевод поэтических произведений известного национального поэта требует особенной отдачи от переводчика и вместе с тем большого таланта. Лирические произведения М.Ю. Лермонтова, ставшим великим вдохновителем не только своего народа, но и народов мира, переводили на казахский язык поэты, произведения которых были созвучны с его творчеством.

С 1882 года поэтические произведения М.Ю. Лермонтова становились известными для казахского читателя. Впервые М.Ю. Лермонтова в казахской степи услышали благодаря переводам Абая и Магжан. Абай в 1882 году переводит отрывок из патристического стихотворения русского поэта «Бородино».

1930-40 годы перевод стихов поэта на казахский язык стала традицией. Вдохновившись переводами А.Кунанбаева и М.Жумабаева и следуя традициям позже выдающиеся поэты казахской литературы К.Аманжолов, Д.Абилев, А.Сарсенбаев, Х.Ергалиев, Қ.Тогузақов, С.Мауленов, М.Алимбаев, Г.Кайырбеков, Қ.Шангытбаев, И. Мамбетов, Ф.Онгарсынова и др. стали активно переводить произведения Лермонтова. Но не все переводы произведения поэта были признаны читателями и критиками. Критика в отношении переводов в свое время публиковалась на страницах печати. Наилучшие переводы произведений Лермонтова М.Ю. на казахском языке были собраны и изданы в 1939 году. А также в 1953 году был снова переведен и издан отдельной книгой роман Лермонтова М.Ю. «Герой нашего времени». И в настоящее время казахский художественный перевод с большим интересом осуществляет новые переводы поэм Лермонтова М.Ю. Современные переводы в основном охватывают знаменитые и всеми любимые его поэмы.

Если глубже рассматривать уже известные переводы вышеназванных поэтов, то стоит особенно отметить воспроизведения Абая. «Абай перевел из русских классиков близких по духу поэтов-демократов. Поэт понимал их принадлежность к искусству. Из всей поэзии автора он перевел наиболее близкие и вдохновившие стихи. Перевод некоторых стихов были осуществлены соблюдая все особенности стихосложения поэта, а другие произведения Абай перевел вольными строками, то есть оставив только замысел» [Ахметов, 1978, с. 35]. Абай через поэзию Лермонтова почувствовал желания, чаяния и боль русского народа нашел им отклик в своей душе.

Идейно-содержательные аналогии и художественная манера стихов великих поэтов приятны сердцу, мелодика Лермонтова нашла гармоничное созвучие в творчестве Абая.

Около двадцати стихотворений Лермонтова переведены Абаем соответственно тому времени вольным изложением. К примеру, переводы стихов «Дума», «Кинжал», «Утес», «Парус», «Дары Терека», «Не верь себе», «И скучно, и грустно...», «Узник», также роман «Вадим» (переведен в стихах) адаптированы для казаского читателя учитывая их своеобразие культурного восприятия самобытность. Поэзия Лермонтова стало золотым мостом между Абаем и его народом, которому так много духовного хотел донести поэт.

Стихотворение Лермонтова М.Ю. «Парус» Абай перевел в 1899 году и назвал его «Жалау» (Флаг). Стихотворение в оригинале состоит из двенадцати строк и в переводе сохранился тот же объем. Для поэта Абая поиски истины, жить в надежде на лучшее будущее является основным мотивом его многих произведений. Поэтому данная тематика стало камнем преткновения и вдохновила на воспроизведение поэзий русского поэта. Можно предположить и особенно понятно то, что казахский поэт и просветитель для себя отметил именно стихотворение Лермонтова М.Ю. «Парус», полное энергичных дум, напоенное безудержной фантазии. Зарисовки природы и смятение души поэта гармонично следуют друг за другом в лирических произведениях Лермонтова. Если посмотреть на композиционное строение стихотворения, во всех трех куплетах вначале всего несколькими словами дается ясная зарисовка, представляющая безграничное, бесконечное море, парусник, которую гонит волной, и чайку над морской гладью, которая кричит и мчится за мечтой, затем можно определенно представить лирический образ человека на паруснике.

Первые строки произведения:

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом, -
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном? – [Лермонтов, 1996, с. 25].

Весь этот романтический настрой Абай передает как:

Жалғыз жалау жалтылдап,
Тұманды теңіз өрінде,
Жат жерде жүр не тындап?
Несі бар туган жерінде? – [Құнанбаев, 1991, с. 149].

В данном переводе слово «парус», «парусник» заменен на одинокий флаг «жалгыз жалау жалтылдап» (сияет одинокий флаг), который тоже дает представление о сияющем в морской дали паруснике.

А также вопросительные предложения в переводе сохранили образ тоскующего по родине странника в паруснике. Следующие строки:

Играют волны, ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит, –

в переводе :

Ойнақтап толқын, жел гулеп,
Майысар дінгек сықырлап...

Представляется картина природы, которая дает образное, впечатляющее восприятие присущее романтизму.

Абай безусловно глубоко проник во внутренний мир Лермонтова и это прослеживается в каждом из следующих переводов поэта. Тому примером является строки стихотворения:

Выхожу один я на дорогу.
Сквозь туман кремнистый путь блестит
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу
И звезда со звездою говорит-

Абай перевел:

Жолға шықтым бір жым-жырт түнде жалғыз,
Тасты жол жарқырайды бұға амалсыз
Елсіз жер тұрғандай боп хаққа мүлгіп,
Сөйлесіп, ымдасқандай көкте жұлдыз.

И таким образом автор перевода сумел сохранить ритм стиха и передать чувства поэта. Особенно ясно, что в процессе перевода произведений Лермонтова автор всегда стремится передать до казахского читателя основную идею, поэтичность язык, художественность стиля и особенности ритмики оригинала. Абай продумывал каждое слово для передачи своеобразия представления и содержащихся в оригинала глубинных смыслов, и старался соблюдать художественную уникальность и при этом не потерять композиционное строение произведения.

Абай обращал внимание не только на произведения собственного сочинения поэта, но и на переводы Лермонтова. К примеру, стихотворение немецкого поэта XVII века Иоганна Вольфганга Гете «Über allen Gipfeln ist Ruh» русский народ любил благодаря переводу Лермонтова М.Ю. который к тому времени уже занял свое

достойное место в мировой литературе. Перевод стихотворения Гете было издано автором в 1840 году под названием «Горные вершины». Стихотворение Гете сроднившим многих поэтов мира в 1892 году был переведен Абаем на казахский язык под названием «Қаранғы түнде тау қалғып» (Темной ночью дремлет гора) и стал настоящим отражением романтического духа в казахской степи.

Стихотворение «Қаранғы түнде тау қалғып» является вершиной переводческого творчества Абая. Он, следуя опыту Лермонтова, сумел точно определить богатый духовный мир великого Гете. В переводе стихи преобрели казахский колорит и были понятны каждому читателю. Перевод Абая был создан как новое народное произведение. Сравнивая два стихотворения, особенно хорошо прослеживается в переводе Абая его мастерство, мудрость и чувства стиля. Сегодня среди казахского читателя нет тех, кто бы не знал и не пел знаменитую песню в степи «Қаранғы түнде тау қалғып» (Темной ночью дремлет гора). Причиной тому является, проникновенная мелодия, сочиненная Абаем для широкого диапазона. Стихотворение написано по образцу перекрестной рифмы. Оно впервые было опубликовано 1909 году в Санкт-Петербурге в сборнике «Стихотворения казахского поэта Ибрагима Кунанбайулы». Абай внес огромный вклад в ознакомлений творчества Лермонтова М.Ю. казахскому народу.

После Абая переводчиком произведений Лермонтова М.Ю. стал уникальный поэт казахского народа М.Жумабаев, для которого романтический стиль Лермонтовской поэзии был очень близок. Творчество самого Магжана олицетворяет трепетную душу молодого человека и полна лирике чувств и волнений. Он очень точно и изящно передает чувства, которые для многих остаются только осязаемым состоянием и сложно передать словами. Благодаря мастерству и романтическому духу Магжана, переводы произведений М.Ю.Лермонтова зазвучали на казахском языке красивыми строками. Общие черты характера, поэзия полностью пронизанная романтикой, свободолюбивый дух были присущи поэтам обоих народов.

В раннем творчестве в произведениях М.Ю. Лермонтова преобладал романтический стиль. Герои М.Ю. Лермонтова ищут пути борьбы со сложной действительностью жизни. Возможно, эти образы, вечно мечущиеся в поиске истины и столь знакомые Магжану, вдохновили его на перевод.

В переводе стихотворения «Когда волнуется желтеющая нива» молодой Магжан воспевает единства природы с человеком. Живые картинки и яркие краски стихотворений русского поэта в переводе на казахский язык также сохранили всю палитру красоты. Строки Лермонтова описывающие красоту желтеющей нивы :

Когда волнуется желтеющая нива,
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зеленого листка [Лермонтов, 1996, с. 78].

У Жумабаева:

Саргайып, келген егін тоқынданса
Жас орман, жел күнірентіп анге салса,
Жапырақтың жасыл лаззат саясында
Бақшада мойыл қаймақ жасырынса... [Жұмабаев, 1998, с. 45].

И если данным строкам сделать подстрочник:

Когда желтеющая нива взволнуется,
Когда из-за ветра лес молодой загрустит и запоет.
Тенью листвы зеленой наслаждаясь,
В саду черемуха сладкая спрячется...

Перевод Жумабаева вполне соответствует подлиннику и подтверждением тому служит полные эмоций эпитеты, метафоры. В переводе словосочетание «малиновая слива» заменен на «сладкую черемуху». На наш взгляд, поэт это сделал для достижения правильного эстетического восприятия казахского народа. Поэт применил данные сочетания не только ради образности, но и для него является важным гармоничное звучание слов. Аллитерация и ассонанс дали стихотворению мелодичный ритм и звучит как волнующая лирическая музыка:

Когда, росой обрызганной душистой,
Румяным вечером иль утра час златой,
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает гловой...

В переводе:

Себілген алмас шықпен шын хош иіс,
Сары алтын – ерте, яки қырмызы кеш.
Бір топтын қолтығынан күліп қана
Бас иіп есендесер күміс ландыш...

Подстрочник:

Когда обрызганной росой, настоящим ароматным запахом
Золотым рассветом или алым закатом;
Из-под куста, смеясь головой кивнет,
Меня приветствуя, серебристый ландыш...

В переводе найдены точные эквиваленты образности лермонтовских строк и эпитетам, поэтому стихи сохранили точность и мелодичность.

У Лермонтова:

Румяный вечер

Иль утра в час золотой

Роса душистая

У Жумабаева:

алый закат

золотой рассвет

роса ароматная

Третий куплет особенно превосходит воспроизведение предыдущих строк:

Когда студёный ключ играет по оврагу

И, погружая мысль в какой то смутный сон,

Лепечёт мне таинственную сагу

Про мирный край, откуда мчится он...

Перевод:

Секіріп салқын бұлақ ойнап сайда,

Батырып көмескі түс, тұманды ойға,

Шапшылап шыққан жерін әңгіме ғып

Былдырлап ақ бетінен сүйгізсе Айға...

Подстрочник:

Когда студёный ключ прыгает и играет в овраге,

Погружая мои туманные мысли в неясный сон

Про землю, откуда струится он, рассказывает,

Лепечёт, когда его целует в белую щеку Луна...

Магжан в этот куплет добавляет образ Луны. Однако, это не влияет на основное содержание, наоборот, как будто бы усиливает метафорический образ реки.

Каждая строчка Лермонтова описывает самобытность русского народа и поэтому в переводе Магжан пытался передать эту особенность столь знакомыми картинками близкой мировоззрению казахского читателя.

Переводчик с большой ответственностью старался найти средства передачи идейного замысла. Тем самым автор хотел подчеркнуть, что каждый период жизни героя отражается в его настроении.

Перевод стихотворения Лермонтова М.Ю. «Узник» – замечательное доказательство того, что Магжан достаточно глубоко понимал образные слова, помогающие раскрыть тонкий тайный смысл слов и выражений русского языка. Поэтому переводы на казахский язык стихов русского поэта были восприняты столь же восторженно и составляли такую же художественную ценность.

Магжан Жумабаев с большим почтением относится к гению слова, и с большим удовольствием готов вступить с ним в поэтическое состязание. Нарваться на буквальность – значит попасть в рабство. Хорошо понимая все эти сложности, казахский поэт старается, чтобы Лермонтов всегда был на вершине пьедестала и заговорил так же божественно на казахском языке. Его умение повествовать стихами русского поэта, похожие образы, живые картинки стоят перед глазами в том же виде. Если я избавлюсь от темницы, сяду на гнедого резвого коня, встречу с черноглазой девушкой, то:

Жас сұлуды жүрекке,
Қысып әуелі сүйейін.
Сонан соң ырғып жүйрікке,
Желдей ұшып гулейін, –

Так мечтает узник. «На коня потом вскочу, В степь как ветер, улечу», – сказал Лермонтов. Сравните. Картина русского поэта ни в одной строчке не потеряла своих красок. Казахский поэт находит точный эквивалент ветру в глаголе: «гулейін» (буду с гулом лететь, гудеть). До слез чувствуешь, как словно ветер с гулом мчится конь. «Шуылдататын» (создающий шум (топот коня, ветер) – все тот же ветер.

Жайқалған жасыл жагада
Жүгенсіз жүр гой жүйрігім.
Ойнақ салып сагада,
Сүзіп жалын, күйрыгын.

Магжан ни на строчку не отходит от оригинала. Вместе с тем он всегда придает оригиналу казахский национальный колорит, добиваясь адекватного лингвоэтнического восприятия. Находит слова равнозначные подлиннику. К тому же он точно воссоздает образную красоту поэтической интонации.

Добрый конь в зеленом поле
Без узды, один, по воле
Скачет, весел и игрив,
Хвост по ветру распустив.

Поэт в переводе настолько бережно относится к каждому слову оригинала, что вместо трех слов (скачет, весел и игрив) использует только один глагол «ойнақ салып» (резвиться), передающий все те же значения. Через выражение «ойнақ салып» мы очень хорошо представляем мчащегося как ветер скакуна и развивающиеся ветром хвост и гриву.

Если вы скажете, что казаха не удивишь, рисуя скачки коней, возьмите такой момент, как обрисованы осторожные передвижения сторожа в крепости. Вы будете с

радостью рукоплескать казахскому поэту, который смог всеми силами донести каждое слово Лермонтова.

В свое время В. Жуковский говорил, что перевод стихотворений равнозначен участию в соревновании, айтысе. Недастаточно ограничиться только поисками эквивалента и заменой равнозначными строками. Нужно полностью соответствовать духу стиха и поэтому переводы Абая, Магжана стали классикой, заставляющие восхищаться и удивляться.

После Магжана знаменитые произведения Лермонтова с интересом принялись переводить и другие казахские поэты. Среди них можно особо отметить переводы известного казахского поэта К.Шангытбаева стихотворения Лермонтова М.Ю «Метель шумит, и снег валит...»:

То звук могилы над землей,
Умершие весить, живым укор: - [Лермонтов, 1996, с. 78].

он перевел как:

Моладан шыққан үн гой ол, –
Салауат пен шапагат, - [Шангытбаев, 1992, с. 78].

и постарался полностью соблюдать соответствие, а также взаимосвязь формы и содержания.

Такие строки, как:

Цветок поблекший гробовой,
Который не пленяет взор, -

переведены таким образом:

Табытта солған гүл ғой ол,
Қаралы түсі қатал-ақ.

Взаимосвязь между строками и целостность между его строчками становится еще более точнее, определеннее, сложнее в результате очередного повторения какого-нибудь другого поэтического явления. Тем самым К.Шангытбаев в процессе перевода сумел сохранить поэтику и рифму стиха.

Пронизанное патриотическим духом знаменитое стихотворение Лермонтова «Бородино» перевел на казахский язык поэт Гали Орманов. И такие строки оригинала как:

«Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?
Ведь, были ж схватки боевые?

Да, говорят еще какие!
Недаром помнит вся Россия,
Про день Бородина...!»-,

он переводит почти буквально и простыми словами:

«...Айтыңызшы, ата, маган,
Москва лаулап өртке жанган,
Тиген бе онай французга?
Большты гой қатты майдан,
Дейді тағы қандай болган!
Ресей ол шықпайды ойдан,
Бородино али ауызда...» -

Из этого перевода казахский читатель может узнать историю Бородинской битвы. Соблюдение в переводе числа строчек и соответствия содержания – это особенность, присущая переводческому стилю Г.Орманова. «Г.Орманов среди переводчиков поэзии Пушкина и Лермонтова занимает передовую позицию. Творчество Пушкина и Лермонтова оказали огромное влияние на его поэтический талант», – говорит известный поэт С.Мауленов. И поэтому впечатленный русской поэзией Гали Орманов приступил к переводу с колоссальной подготовкой.

Подводя итоги, можно сказать, что переводы поэзии Лермонтова М.Ю, безусловно, придали казахскому поэтическому наследию новое романтическое дыхание. Глубокие, красивые и мелодичные лермонтовские стихи всегда будут призывать казахских акынов к творчеству и неустанному служить Отчизне.

Список литературы

- Ахметов З.* Современное развитие и традиции казахской литературы. А., 1978.
Лермонтов М. Избранное. Ростов-на-Дону, 1996.
Құнанбаев А. Шығармаларының екі томдық жинағы. А., 1991.
Жұмабаев М. Т.3. Шығармалары. А., 1989.
Шаңғытбаев К. Аудармалар. Т.4 А., 2013.
Орманов Г. Өлеңдер. А., 1989.

Алексеева В.Н.
ЯрГУ им. П.Г. Демидова
г.Ярославль (Россия)

Alexeyeva Victoria
Yaroslavl Demidov State University
Yaroslavl (Russia)

ПРИЁМЫ И СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА М.А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА» И АНГЛИЙСКИХ ПЕРЕВОДОВ РОМАНА)

METHODS AND STRATEGIES OF FICTION TRANSLATION (ON THE MATERIAL OF M.A. BULGAKOV'S NOVEL «MASTER AND MARGARITA» AND ITS ENGLISH TRANSLATIONS)

В статье рассматривается проблема перевода художественного произведения. Задачей каждого переводчика является передача содержания оригинала как можно более понятно и по возможности близко к исходному произведению. Переводимое произведение должно сохранять историческое и национальное своеобразие. Часто из-за того, что переводчику приходится адаптировать произведение, многие значимые детали, важные для исходной культуры и чуждые другой, опускаются или компенсируются, что, несомненно, искажает смысл оригинала. Основными типами информации художественного текста являются эстетическая и когнитивная. Художественное произведение нельзя передавать дословно. При передаче исходного произведения на язык перевода необходимо уделять особое внимание устойчивым выражениям, игре слов, юмора, а также соблюдению стиля и культуры оригинального произведения.

The article is focused on the problem of fiction translation. Every translator's task is to create the most understandable and closest copy of an original one. A translated fiction must keep historical and national peculiarities. A translator has to adapt a work of literature, but many details significant for the original culture and unfamiliar to another are omitted or compensated and it distorts the meaning of the original work. The main information types of a fiction are aesthetic and cognitive. It's impossible to translate a fiction word for word. While translating an original fiction it is necessary to pay attention particularly to set expressions, casuistry, humor, and preserving the original fiction style and culture.

Ключевые слова: художественный текст, перевод, типы информации, адаптация, устойчивые выражения, игра слов.

Keywords: fiction, translation, type of information, adaptation, set expressions, casuistry.

Каждое художественное произведение имеет ряд особенностей, о которых необходимо помнить при его передаче на другой язык. М.В. Нечкина подчёркивала важность восприятия художественного произведения в общественной среде, выделяя в рассмотрении этой проблемы два аспекта. Первый – само художественное произведение, его ритм, талант писателя, тайна сложного отражения действительности

и знание психологических законов. Второй – характер восприятия художественного образа, особенность индивида, воспринимающего художественный образ, его сознание и способность освоения культурных ценностей. Она призвала изучать художественное произведение, раскрывая его функции. М.В. Нечкина также подчёркивала, что художественное мышление писателя и восприятие действительности читателем связано единством законов, и их принцип «художественного мышления», ввиду единой сущности человеческого восприятия, один и тот же [Нечкина, 1982, с. 26, 34].

Перевод художественного произведения был и остаётся одной из основных тем исследования лингвистов из разных стран. Как замечает Т. А. Казакова, «переводчик создает не столько эквивалент оригинала, сколько его подобие, особый вид текста, призванный представлять исходное художественное произведение в иноязычной культуре, обеспечивая тем самым дополнительную аудиторию исходному тексту, а также развитие межкультурной художественной коммуникации в соответствии с требованиями времени, характером литературных процессов и потребностями получателей, как владеющих, так и не владеющих исходным языком» [Казакова, 2006, с. 23-24]. Таким образом, перевод любого художественного произведения на другой язык является копией оригинала, которая, безусловно, не передаёт его в полной мере. Задачей каждого переводчика является передача содержания оригинала как можно более понятно и по возможности близко к исходному произведению. Часто из-за того, что переводчику приходится адаптировать произведение, многие значимые детали, важные для исходной культуры и чуждые другой, опускаются или компенсируются, что, несомненно, искажает смысл оригинала. Естественно, что перевод художественного произведения должен содержать как можно меньше подобных искажений.

Создавая художественный текст, автор опирается на национальные, культурные и исторические традиции, выработанные обществом. При переводе текст «транспонируется не только в другую языковую систему, но и в систему другой культуры» [Швейцер, 1985, с. 16]. Это означает, что перевод художественного произведения – это не просто перевыражение одного произведения средствами другого языка, но и осмысление специфических черт культуры языка оригинала, понимание смысла значимых смысловых компонентов романа и, наконец, их отражение средствами другого языка.

Стоит отметить, что перевод классики должен обязательно учитывать предыдущие переводы. Лишь тщательно сопоставляя оригинал с уже имеющимися

переводами, можно выявить их достоинства и недостатки, а также прийти к наиболее оптимальным вариантам передачи идей и настроения произведения, которые не только не испортят оригинал, но оставят его в какой-то степени первоизданным и, одновременно, максимально понятным для носителя другого языка.

Понимание художественной литературы предполагает «умение читателя не только воспринимать текст как сумму значений составляющих его единиц, но и распознавать «двойственную» природу языковой единицы в художественном тексте» [Задорнова, 1984, с. 8]. То есть для создания полноценного перевода необходимо ясно и во всех деталях понять то, что написано в подлиннике, а это возможно только в случае отличного знания культуры и истории переводимого языка. Так, в статье «О литературном переводе» газета «Правда» писала, что без умения, без знания языка, культуры, быта, истории народа переводчик рискует «нанести оскорбление народу, исказить черты, характер, национальные особенности его вдохновенного творчества» [Кузнецов, 1949].

При переводе художественного произведения остро встаёт проблема передачи национальной специфики оригинального произведения. Переводимое произведение должно сохранять историческое и национальное своеобразие. Так, при перевыражении русского произведения средствами английского языка нельзя забывать о национальных корнях подлинника и просто заменять какие-либо единицы аналогичными примерами из англоязычной культуры, или попросту опускать те или иные детали. С одной стороны, это во многом упростит понимание произведения для англоязычного читателя, но, с другой существенно исказит природу исходного произведения.

И.С. Алексеева отмечает, что для адекватной передачи произведения каждый переводчик должен чётко осознавать, с какими основными проблемами ему придётся столкнуться, какие типы информации встречаются в художественных текстах, и как она оформляется [Алексеева, 2008, с. 251-258].

Итак, каждый переводчик, по нашему мнению, должен решить следующие проблемы, возникающие в процессе работы над передачей художественного произведения на другой язык:

- 1) Передать особенности индивидуального стиля автора. Анализ произведения помогает определить, как писатель преподносит события, происходящие на протяжении романа, какие средства при этом использует, и характерны ли они для стиля сугубо данного конкретного автора, насколько он соблюдает нормы языка, и т.д.

- 2) Передать специфику языка времени создания романа. Неоспорим тот факт, что создавая перевод, нельзя забывать о времени, когда он был создан. Для

каждого периода присущи определённого рода конструкции, слова, выражения. Недопустимо использовать в тексте перевода модернизмы, то есть слова, которые не употреблялись в период создания оригинала.

3) Передать черты конкретного литературного направления, к которому принадлежит автор исходного произведения, так как за этим кроется система взглядов, верований, убеждений, идей, характерных для него.

Типы информации, которые встречаются в художественных текстах, включают в себя когнитивную информацию (топонимы, цитаты, т.д.), и эстетическую информацию, представленную лексикой героев, риторическими вопросами, обращёнными, как правило, к читателю.

Эстетическая информация в любом художественном произведении является приоритетной, так как когнитивная, в свою очередь, зачастую вымышлена, и её достоверность подвергается сомнению и требует проверки.

Средства оформления информации художественного текста (преимущественно эстетической) представлены:

- Топонимами и именами собственными, как правило, «говорящими». Конечно, передавать их необходимо с сохранением специфики исходной словообразовательной модели;

- Стилистическими особенностями оригинального текста, как то, наличие определённых оборотов, повторов, длина предложений, и т.д.;

- Изобретёнными автором неологизмами, которые переводчик также должен постараться передать, максимально пытаясь сохранить при этом их смысл и форму;

- Эпитетами, сравнениями, метафорами, которыми изобилует любое художественное произведение; переводятся они с сохранением их семантики и стилистики;

- Игрой слов. Она является едва ли не самой трудной и часто непосильной задачей для переводчиков. В этом случае следует обратиться к компенсации и использованию другого по значению слова;

- Иронией автора оригинального произведения, которая очень часто не передаётся в силу не только того факта, что в переводящем языке нет средств её выражения, но и причине простого её непонимания носителем другого языка;

- Просторечной лексикой, передающейся с помощью лексики с эквивалентной стилистической окраской.

Рассмотрим главные особенности перевода художественного произведения более подробно на примере англоязычных переводов великого романа М. Булгакова «*Мастер*

и Маргарита», а именно: Michael Glenny (G), 1967; Diana Burgin and Katherine Tiernan O'Connor (B/C), 1997; Richard Pevear and Larissa Volokhonsky (P/V), 1997; Michael Karpelson (K), 2006.

Отметим, что, художественный перевод *не предполагает дословность*. Именно поэтому он вызывает множество разногласий среди переводчиков. Одни считают, что самые лучшие переводы получаются, когда переводчик занимается своеобразным творческим поиском тех или иных вариантов перевода. Практически получается воссоздание текста на другом языке. Некоторые же говорят о том, что невозможно сохранить структуру текста, отходя в переводе в этом отношении от оригинала так сильно, как это порой делают переводчики художественных произведений. Однако и те и другие сходятся во мнении, что переводчик художественного произведения должен сочетать в себе черты творческого человека, способного постичь главную идею произведения.

Например, в *главе 5, «Было дело в Грибоедове»* есть следующий эпизод:

«На дверях комнаты № 2 было написано что-то не совсем понятное: «Однодневная творческая путевка. Обращаться к М. В. Подложной»» [Булгаков, 2009, с. 59].

Варианты перевода данного отрывка:

On the door of room no. 2 something not quite comprehensible was written: «One-day Creative Trips. Apply to M. V. Spurioznaya». (P/V)	On the door of the second room was a slightly confusing notice: «Writers' day-return rail warrants. Apply to M.V. Podlozhnaya». (G)	The sign on Room No.2 was not entirely clear: «Creative Day-Trips. See M. V. Podlozhnaya». (B/C)	Something slightly less clear was written on door # 2: «One-day creative trips, apply with M. V. Podlozhnaya». (K)
---	---	--	--

В данном отрывке самым сложным является перевод надписи на одной из дверей дома Грибоедова, где помещался МАССОЛИТ. Для того чтобы адекватно передать на английский язык данное название, необходимо ответить для себя на ряд вопросов. Во-первых, что такое *однодневная творческая путевка*? Русскому читателю ясно, о чём идёт речь: предполагается, что писатель уедет на дачу, для того, чтобы творить в тишине вдали от суеты. Также интересно, что в отрывке используется «говорящая» фамилия *Подложная*. Согласно Толковому словарю русского языка Д. Н. Ушакова *подложный* означает поддельный, фальшивый, являющийся подлогом.

Подложный документ. Подложный вексель. Подложная подпись. Для носителя русской культуры значение фамилии *Подложная* неизбежно связывается и с самим процессом получения данных однодневных путёвок, который, видимо, проходит не совсем честно.

При переводе данного названия нельзя использовать дословный перевод без использования комментария. Наиболее удачным вариантом перевода является «*One-day Creative Trips. Apply to M. V. Spurioznaya*» (P/V). Прежде всего, интересен перевод фамилии: английский перевод корня от *spurious* (подложный) плюс русский суффикс. Однако необходим комментарий, поясняющий *one-day creative trips* (дословно однодневные творческие поездки), которые для англоязычного читателя явно останутся непонятными. Переводам В/С и К «*Creative Day-Trips. See M. V. Podlozhnaya*» и «*One-day creative trips, apply with M. V. Podlozhnaya*» соответственно также не хватает комментария-пояснения. G допустил так называемый переводческий ляп, предложив вариант «*Writers' day-return rail warrants. Apply to M.V. Podlozhnaya*». (дословно писательский платёжный документ на железнодорожный билет в оба конца), что продиктовано тем, что переводчик не разобрался в значении данной единицы, исказив исходный смысл.

Во-вторых, при переводе художественного произведения необходимо уделять большое *внимание передаче устойчивых выражений*, в частности пословиц, поговорок, афоризмов, которые понятны носителю языка и являются «тайной за семью печатями» для человека, незнакомого с данной культурой. Например, *в главе 17 «Беспокойный день»* можно найти довольно интересную и вместе с тем трудную для понимания иноязычным носителем единицу:

«*Очки втирал начальству!* – орала девица» [Булгаков, 2009, с. 214].

<p>«<i>Blew smoke in the authorities' eyes!</i>» screamed the girl. (P/V)</p>	<p>«<i>He does it all without permission from head office!</i>» said the girl indignantly. (G)</p>	<p>«<i>He was trying to butter up his superiors!</i>» yelled the young woman. (B/C)</p>	<p>«<i>Blowing smoke in his superiors' eyes!</i>» the girl screamed. (K)</p>
---	--	---	--

Необходимо пояснить, что означает данное сочетание. Его по праву можно считать советизмом, так как появилось оно в СССР после Октябрьской Революции 1917 года, когда возникла огромная потребность в новых словах, которые бы называли новый строй, новые порядки, а также в переосмыслении уже существующих. Как известно, значение данного советизма – обманывать кого-то, вводить в заблуждение. В

романе данная фраза употребляется в адрес заведующего городским филиалом «вконец развалившим облегченные развлечения», который «страдал манией организации всякого рода кружков», что заставляет читателей усомниться в честности действий данного лица. *Втирать очки, очковтирательство* довольно широко использовались в советском обиходе. Однако если для русскоязычного носителя данный советизм не составляет трудности для понимания, то для иностранного реципиента это может быть вполне серьёзной проблемой.

Среди переводчиков также возникли определённые разночтения. Для передачи данного советизма на английский язык P/V и K предложили практически идентичные варианты *blew smoke in the authorities' eyes* и *blowing smoke in his superiors' eyes* соответственно. Нужно признать, что оба варианта довольно точно передают значение оригинала, подтверждение чему мы и находим в Oxford American Dictionary, согласно которому *to blow smoke in somebody's eyes* означает *to try to mislead or threaten someone by giving false or exaggerated information* (дословно *пытаться ввести кого-то в заблуждение или угрожать, искажая информацию*). В/С предложили вариант *he was trying to butter up his superiors*, который не соответствует значению оригинального выражения *втирать очки*. Дело в том, что *to butter somebody up* объясняется согласно Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary, следующим образом: If someone butters you up, they try to please you because they want you to help or support them (если кто-то льстит вам, это означает, что они рассчитывают на вашу помощь или поддержку). G выбрал довольно нейтральный вариант *he does it all without permission from head office* (дословно *он делает всё без разрешения начальства*), который также не передаёт колорита и истинного значения исходной единицы. Таким образом, мы убедились в том, что проблема передачи устойчивых выражений действительно представляет опасность для переводчика художественного произведения.

В-третьих, немаловажную роль в художественном переводе играет **передача юмора, игры слов**. Безусловно, для того, чтобы справиться с данной задачей, переводчик должен обладать недюжинным словарным запасом и мастерством. Однако многие специалисты находят выход из данной сложной ситуации, а именно помещают свое примечание с пометкой «игра слов». Например, в *главе 1 «Никогда не разговаривайте с неизвестными»* сложными для перевода представляются следующие слова Воланда:

«– Я – историк, – подтвердил учёный и добавил ни к селу ни к городу: – Сегодня вечером на Патриарших будет интересная *история!*» [Булгаков, 2009, с. 14].

<p>«I am a <i>historian</i>, the scholar confirmed, and added with: This evening there will be an interesting <i>story</i> at the Ponds!». (P/V)</p>	<p>«Yes, I am a <i>historian</i>, ' adding with apparently complete inconsequence, ' this evening a <i>historic event</i> is going to take place here at Patriarch's Ponds». (G)</p>	<p>«Yes, I am a <i>historian</i>, ' confirmed the scholar and added, apropos of nothing 'This evening some interesting <i>history</i> will take place at Patriarch's Ponds». (B/C)</p>	<p>«I am a <i>historian</i>, ' the scholar verified. This evening, we'll have a pretty curious <i>history</i> right here on the Patriarchs!' he added out of nowhere». (K)</p>
--	--	--	--

Булгаков наверняка не случайно использует в данном отрывке однокоренные слова *историк*, *история*. Возможно, автор хотел заинтриговать читателя, вовлечь в ход дальнейших событий романа, а повтор послужил прекрасным тому средством. Однако возникает вопрос: нужно ли сохранить повтор в переводе и возможно ли это?

К и В/С попытались сохранить этот повтор, передав рассматриваемые нами единицы *историк* и *история* с помощью *historian* и *history* соответственно, допустив ошибку, ведь *history* – это описание прошлых событий, прошлое, что не совпадает с исходной единицей *история*, использованной в романе в значении *событие*, *случай*. P/V выбрали прямые соответствия для данных единиц, а именно *historian* и *story*, нивелировав тем самым задумку автора. Самый удачный вариант предложил G, а именно *historian* и *historic event* (дословно *историческое событие*), так как сохранён авторский повтор оригинального произведения и адекватно передано значение исходного «история».

В-четвёртых, переводчик должен передать художественное произведение на другой язык с *соблюдением стиля и культуры* исходного языка. Для этого он должен досконально изучить культуру и исходного, и переводящего языков. Например, в *главе 17 «Беспокойный день»* есть следующее описание:

«В голове этой очереди стояло примерно два десятка хорошо известных в театральной Москве *барышников*». [Булгаков, 2009, с. 204].

<p>At the head of the line stood some two dozen <i>scalpers</i> well known to theatrical</p>	<p>At the head of the queue stood a couple of dozen of the <i>leading lights</i> of the</p>	<p>At the front of the line stood twenty or more of the most prominent <i>scalpers</i> in</p>	<p>Some twenty <i>scalpers</i>, well known in Moscow's theatrical circles,</p>
--	---	---	--

Moscow. (P/V)	Moscow theatrical world. (G)	the theatrical (B/C)	Moscow world.	stood at its head. (K)
---------------	------------------------------	----------------------	---------------	------------------------

Наиболее удачным являются перевод P/V, B/C и K *scalpers* полностью передающий значение этого слова, однако для передачи духа того времени необходимо было сопроводить данное слово переводческим комментарием. В переводе G при передаче слова «барышники» при помощи «*leading lights*» допущена грубейшая ошибка. Ведь *leading light* – это ведущая фигура, тот, на кого нужно равняться. То есть переводчик вообще не понял, кто такие барышники, а значит, не разобрался полностью в культуре страны языка оригинального произведения.

Стоит повторить: *перевод художественного произведения* – это не просто перевыражение одного произведения средствами другого языка, а это осмысление специфических черт культуры языка оригинала, понимание смысла значимых смысловых компонентов романа и, наконец, их отражение средствами другого языка.

Во многих аспектах то, насколько художественный перевод успешен, зависит от времени его создания, того временного разрыва, которое отделяет подлинник и оригинал. Для иллюстрации вышеперечисленных особенностей нами не случайно выбраны именно 4 вышеперечисленных перевода, отстоящие друг от друга во времени. Каждый переводчик художественного произведения должен помнить главные особенности художественного перевода: такой перевод не предполагает дословность; необходимо тщательно подбирать средства перевыражения устойчивых сочетаний, юмора, игры слов исходного произведения на язык перевода; необходимо соблюдать стиль и культуру исходного произведения. Только при соблюдении этих особенностей удастся создать полноценную копию оригинального произведения.

Список литературы

- Алексеева И.С.* Профессиональный тренинг переводчика: Учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. – СПб.: Перспектива, Издательство «Союз», 2008. 288 с.
- Булгаков М.А.* Мастер и Маргарита: роман / М. Булгаков. М. АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. 446 с.
- Казакова Т.А.* Художественный перевод. Теория и практика: учебник [Текст]/Т.А. Казакова. СПб.: ООО «ИнЪязиздат», 2006. 544 с.
- Нечкина М. В.* Функция художественного образа в историческом процессе [Текст] / М. В. Нечкина. М.: Наука, 1982. 318 с.

Швейцер А. Д. Социолингвистические основы перевода // Вопросы языкознания. 1985. № 5. С. 15-24.

Bulgakov Mikhail. The Master and Margarita / Translated from the Russian language by Michael Glenny. L.: Collins and Harvill Press, 1967.

Bulgakov Mikhail. The Master and Margarita / Translated by Diana Burgin and Katherine Tiernan O'Connor. L.: PICADOR, 1995.

Bulgakov Mikhail. The Master and Margarita / Translated from the Russian language by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. PENGUIN BOOKS, 1997.

Bulgakov Mikhail. The Master and Margarita / Translated by Michael Karpelson. Wordsworth Classics, 2011.

Collins Cobuild (En-En) (к версии ABBYY Lingvo x3) Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary. New Digital Edition 2008 © HarperCollins Publishers 2008.

Алексеева М.Л.
Институт иностранных языков УрГПУ
г. Екатеринбург (Россия)

Alekseyeva Maria
Ural State Pedagogical University
Yekaterinburg (Russia)

ПРОБЛЕМА НЕПЕРЕВОДИМОСТИ И РАЗВИТИЕ ЯЗЫКА ПЕРЕВОДА

THE PROBLEM OF UNTRANSLATABILITY AND LANGUAGE DEVELOPMENT

Статья посвящена проблеме непереводимости и ее влиянию на развитие языка на ранних этапах становления переводческой мысли. Рассматривается переводческая ситуация, ведущие принципы перевода, понимание проблемы непереводимости мыслителями эпохи и способы ее разрешения переводчиками-практиками.

Начало теоретических рассуждений о сущности непереводимости и способах решения проблемы заложено в Римской концепции перевода. Исследователи отмечают, что процесс обогащения языка являлся составной частью римской концепции перевода.

В этот период осознавалась невозможность перевода в силу расхождения систем языков. Осмыслялись трудности перевода, вызванные отсутствием в языке перевода специфических слов, оборотов, грамматических структур. Преодоление этих трудностей способствовало становлению письменности, выявлению словообразовательных возможностей ПЯ, обогащению его лексико-семантической и грамматической структуры, активизации деривационных средств, расширению сферы функционирования ПЯ путем освоения новых для принимающей литературы жанров, повышению престижа языка.

This report deals with the problem of untranslatability and its impact on the development of the target language at the early stages of translation science. The translation situation, the leading principles of translation, comprehension of the problem of untranslatability by the thinkers of this era and ways of its solving by practicing translators are under consideration.

Theorizing about the nature of the untranslatability and about the ways of solving the problem originated in the Roman concept of translation. The researchers note that the enrichment of the language was part of the Roman concept of translation.

Reflection of translation difficulties is activated. The few extant theoretical considerations suggest the awareness of the impossibility of translation due to the language systems (lack of terms, concepts, common everyday words, specific syntactic structures). Overcoming of these difficulties contributed to the development of writing, to the identification of the derivational features of the target language, enrichment of its lexico-semantic and grammatical structure, activation of the derivational tools, expansion of the sphere of functioning of the target language through the development of new genres, and finally to the prestige of the language.

Ключевые слова: перевод, проблема непереводимости, развитие языка.

Keywords: translation, problem of untranslatability, language development.

Ремесло перевода во все времена было сопряжено со множеством проблем, которые постоянно получали новые решения. Осознание проблем перевода настолько древне, как и сама переводческая деятельность.

Переводоведы выделяют несколько областей, вокруг которых была сконцентрирована теоретическая мысль на ранних этапах становления науки о переводе, используя современные термины это проблемы:

- 1) межъязыковой переводимости/непереводимости;
- 2) эквивалентности, а также связанный с ней вопрос стратегий и способов перевода [Horn-Helf, 1999, с. 17].

Рассмотрим переводческую ситуацию, на фоне которой осмыслялась проблема переводимости/непереводимости мыслителями эпохи и способы ее разрешения переводчиками-практиками.

В Древней Греции был достигнут достаточно высокий уровень научных знаний в области философии, литературы, изобразительного искусства, архитектуры: велось преподавание отдельных дисциплин, появились первые ученые, проводились систематические научные исследования. Накопленный опыт описывался на папирусных свитках, хранящихся в библиотеках. Все рукописи были систематизированы, особый отдел занимался переводом на греческий язык важнейших сочинений авторов из различных стран [Кравченко, 2002, с. 250]. Переводились египетские литературные тексты: поэмы, басни, описания путешествий, научные, например, работа по римской истории *Евтропия*, информационные: документы, распоряжения, послания, религиозные, например, *Священное Писание Иудеев*. Причем принципы их передачи различались: литературные произведения адаптировались, а библейские и информационно-коммуникативные тексты переводились дословно [Нелюбин, Хухуни, 2006, с. 25].

Судя по скудным свидетельствам этого периода, в этот период были сделаны первые заключения о том, что не все поддается переводу. Так, например, несколько сохранившихся греческих переводов египетских документов предварялись словами: «Копия записи египетской, переведенной по возможности точно» [цит. по Нелюбин, Хухуни, 2006, с. 25]. Отсюда можно сделать вывод, что переводчики осознавали ограниченные возможности перевода на иностранный язык.

В отличие от переводов светской литературы религиозные тексты многократно переводились на греческий. Исследователи переводов Священного Писания особо выделяют версию Ветхого Завета *Септуагинту*, подчеркивая при этом разный уровень передачи отдельных частей и объясняя отклонения от оригинала несходством языковых систем и культурной традиции [там же]. Перевод воспринимался как индивидуальное творчество, которое невозможно повторить, воспроизвести полностью во всех деталях [Гарбовский, 2004, с. 43].

Но, несмотря на значительный объем переводов на древнегреческий язык, практически все они были сделаны не греческими, а иностранными переводчиками. По мнению исследователей истории перевода, древние греки считали другие народы «варварами», не изучали иностранные языки и сами не занимались переводческой деятельностью, которая, возможно, считалась недостойным занятием [Гарбовский, 2004, с. 34; Нелюбин, Хухуни, 2006, с. 22]. В результате такого отношения греческая цивилизация не оставила каких-либо работ теоретического характера, где излагались выводы или рассуждения относительно возможности осуществления перевода, его границ, трудностей, возникающих в процессе трансляции. Можно предположить, что некоторые работы этого периода вследствие большой отдаленности во времени могли не сохраниться, эта мысль высказывается в трудах историков перевода [см. также Семенец, Панасьев, 1989, с. 42].

Отсутствие обобщений в области перевода привело исследователей к мысли о необходимости отдельного изучения переводческого наследия Греции и Рима: «Существенным отличием греческой и римской античности в плане концептуализации и категоризации перевода служит наличие в них субъективно обусловленного подтипа ретроспективного дискурса (представленного только в последней), содержащего переводческую рефлексию», поэтому следует «анализировать результаты концептуализации и категоризации перевода в античном ретроспективном дискурсе раздельно» [Злобин, 2007, с. 50].

Первые из известных теоретических размышлений, свидетельствующие об осмыслении специфики, проблем перевода и способов их разрешения были сделаны в древнем Риме. Греческая культура оказал сильное влияние на раннем этапе становления Рима. Владение греческим языком свидетельствовало об образованности и высоком социальном статусе. Дипломатические контакты с Грецией посредством перевода осуществлялись влиятельными гражданами Рима. В древнем Риме важнейшими элементами образования были языки, литература, история, право, причем перевод также включался в общеобразовательную подготовку, поэтому неудивительно, что процветали практически все виды перевода, в основном с греческого языка. Благодаря широчайшей переводческой деятельности была создана своеобразная римская литература и сформирован литературный латинский язык.

Историки перевода выделяют несколько типов древнеримского перевода [Гоциридзе, Хухуни, 1986, с. 15]:

1. Сравнительно точное воспроизведение оригинала без нарушения норм переводящего языка, например, перевод Катуллы поэмы «Волосы Береники»;

2. Сочетание перевода с оригинальными мотивами, например, стихотворение «Тот мне кажется равным богу» Катулла, которое включает перевод нескольких строф из оды Сапфо дополненный самостоятельным четверостишием;

3. Контаминация – перевод оригинала с добавлением сюжетов из других произведений и изменением сцен, противоречащих римским моральным нормам, например, комедии Плавта и Теренция;

4. Полная переработка оригинала по соображениям идеологического порядка, например, перевод поэмы «Аргонавты» В. Флакка, где полностью меняется характер главного героя с целью пропаганды римской военной политики.

Для преодоления культурной непереводаемости римскими переводчиками широко использовался метод адаптации, начало разработки которого было положено Луцием Ливием Андроником. Он использовал замены имен греческих богов приблизительно соответствующими именами римских богов, транскрипцию для передачи греческих реалий, заменял греческие метрические размеры на народный сатурнийский стих [Алексеева, 2004, с. 57]. Великий римский оратор Марк Туллий Цицерон в философских трудах поднял проблему перевода греческой терминологии. Он создавал и включал в переводной текст новые слова, не имеющие эквивалентов: «Передавая по латыни написанное по-гречески, я должен был ... по образцу подлинника чеканить кое-какие новые для нас слова, лишь бы они были к месту» [цит. по Нелюбин, Хухуни, 2006, с. 30-31]. Гораций сравнивал процесс добавления новых слов со сменой листвы весной и осенью. Исследователи отмечают, что процесс обогащения литературы и языка являлся составной частью римской концепции перевода *non verbum de verbo, sed exprimere de sensu* (не слово в слово, а смысл в смысл), поэтому весьма распространенным способом передачи непереводаемых слов и оборотов было заимствование или выдумывания новых [Bassnett, 2005, с. 52]. Аврелий Августин в трактате «О христианской науке» коснулся также приемов перевода реалий, идиом, архаизмов.

В эпоху античности переводческая деятельность развивалась с распространением христианства. Сомнения в возможности полноценного перевода посеяли и трудности передачи религиозных текстов. Причины имели различный характер: лингвистический (в древнееврейских текстах Библии не обозначались гласные звуки) и экстралингвистический (использование реалий, например, названий растений, произрастающих в Палестине и неизвестных в Европе). В период поздней Античности авторитет Библии, осознание невозможности полностью передать текст привело к возникновению «интерлинейного перевода»

Историки перевода констатируют, что античные переводчики сталкивались с типологией трудностей аналогичной современной: лексическими лакунами, семантической амбивалентностью, расхождениями в языковых системах, непереводаемыми идиомами, метафорами, различиями метрических систем, а также требующими пояснений фрагментами текста и др. [Seele, 1995, с. 115]. Анализ переводных текстов позволил выявить ряд приемов, которые использовались при отсутствии слов и выражений в языке перевода [Stolze, 2005, с. 18]:

1. Создавалось новое латинское слово по словообразовательным моделям греческого языка, используя современные термины – калькирование. Так пополнялся состав латинского языка за счет образования сложных слов: *omnipotens*, *altivolans*, *altisonus*.

2. Существующее латинское слово получало новое значение - семантический неологизм. Наименования греческих богов заменялись латинскими, например, *Ερμειας* - *Mercurius*.

3. Иногда греческие слова вводились в латинский текст без изменений – прямой перенос.

4. Греческое слово описывалось несколькими латинскими – описание (*Quod uno Graezi ... idem plurius verbis exponere*).

Переводческие решения начинали фиксироваться в словарях. В этот период разрабатывались переводные словари¹, представленные в виде глоссов, глоссариев и вокабуляриев [Берков, 1973, с. 3].

Заканчивая краткое размышление о проблеме непереводаемости и ее влиянии на развитие языка в рамках античного перевода, сделаем некоторые выводы.

Анализ практики перевода и обобщений мыслителей древности показывают, что данная проблема была осознана уже в Древней Греции. В Римской концепции перевода было заложено начало теоретических рассуждений о ее сущности и способах решения.

В этот период осознавалась невозможность перевода в силу расхождения систем языков. Осмыслились трудности перевода, вызванные отсутствием в языке перевода специфических слов, оборотов, грамматических структур. Преодоление этих трудностей способствовало становлению письменности, выявлению

¹ Первые лексикографические разработки появились четыре тысячи лет назад. Переводные словари были известны в Шумере XXV в. до н. э., в Китае XX в. до н. э., в Египте XVIII в. до н. э. Сохранились фрагменты дву- и трехязычных словарей, составленных в Месопотамии две тысячи лет назад [Дубичинский, 2009, с. 17].

словообразовательных возможностей языка перевода, обогащению его лексико-семантической и грамматической структуры, активизации деривационных средств, расширению сферы функционирования путем освоения новых для принимающей литературы жанров, повышению престижа языка.

Список литературы

- Алексеева И.С.* Введение в переводоведение / И.С. Алексеева. СПб.: СПбГУ, 2004. 348 с.
- Берков В.П.* Вопросы двуязычной лексикографии. Л.: ЛГУ, 1973. 206 с.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода / Н.К. Гарбовский. М.: МГУ, 2004. 544 с.
- Гоциридзе Д.З., Хухуни Г.Т.* Очерки по истории западноевропейского и русского перевода. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1986. 252 с.
- Дубичинский В.В.* Лексикография русского языка. М.: Наука, 2009. 432 с.
- Злобин А.Н.* Культурный концепт «перевод» в античном ретроспективном дискурсе (греческая античность) / Вопросы когнитивной лингвистики. № 1. С. 50-57.
- Копанев П.И.* Теория и практика письменного перевода / П.И. Копанев, Ф. Беер. Минск: Высш. шк., 1986. 269 с.
- Кравченко А.И.* Культурология: учебное пособие для вузов. М.: Академический проект, 2002. 496 с.
- Нелюбин Л.Л.* Наука о переводе / Л.Л. Нелюбин, Г.Т. Хухуни. М.: Флинта, 2006. 416 с.
- Семенец О.Е.* История перевода: учеб. пособие / О. Е. Семенец, А. Н. Панасьев. Киев: Изд-во Киевского ун-та, 1989. 364 с.
- Bassnett S.* Translation Studies. London, N.Y.: Routledge, 2005. 176 p.
- Horn-Helf B.* Technisches Übersetzen in Theorie und Praxis. Tübingen, Basel: Francke, 1999. 371 s.
- Seele A.* Römische Übersetzer – Nöte, Freiheit, Absichten. Darmstadt: Wiss. Buchgesellschaft, 1995. 146 s.
- Stolze R.* Übersetzungstheorien. Eine Einführung. Tübingen: Narr, 2005. 285 s.
- Wills W.* Übersetzungswissenschaft. Versuch einer Standortbestimmung / Lingua et traditio: Geschichte der Sprachwissenschaft und der neueren Philologien. Tübingen: Narr, 1994. S. 715-723.

Арпентьева М.Р.
Калужский государственный университет
г.Калуга (Россия)

Arpentieva Mariyam
Kaluga state University
Kaluga (Russia)

ПЕРЕВОД КАК ПОПЫТКА ПОНИМАНИЯ ЧУЖОГО

TRANSLATION AS AN ATTEMPT OF UNDERSTANDING «ANOTHER»

Статья посвящена проблемам понимания как диалога с текстом, его автором, в процессе перевода. Особое внимание уделяется ксенологической перспективе понимания. Рассматриваются возможности и ограничения понимания текста, смыслов, заложенных автором в его структуру: «внутри» и «между» строк.

The article is devoted to problems of understanding as a dialogue with the text, its author, in the translation process. Special attention is paid understanding in xenologi's term. Possibilities and limitations of text comprehension of meanings created by the author in its structure: "within" and "between" the lines.

Ключевые слова: ксенология, аллология, понимание, диалог, перевод, автор

Keywords: xenology, alology, understanding, dialogue, translation, author

В последние десятилетия в психолингвистике и смежных с нею дисциплинах активно развивается аллологический или ксенологический подход к изучению самобытия человека и текста – как встречи с самим собой, самоосуществления, события человека с человеком, текста и с текстом: как встречи Своего и Чужого (Другого), попытки осмысления друг друга и инобытия, как превращения Своего текста в Чужой, а Чужого – в Свой. Такого рода отношения в процессе перевода предполагают осознание единства разного: «своего» и «чужого», «Я» и «Другого». Это направление работ заставило исследователей еще раз обратить внимание на проблему соответствия и экологичности понимания, его субъектности, существование различных критериев его адекватности. Особенно важным и продуктивным ксенологический подход становится при обсуждении вопросов понимания в контексте проблем межкультурного взаимодействия, в процессе перевода текстов разных культур.

Освоение Другого в контексте практик «условно-дословного» перевода и теоретическое осмысление роли Другого как фактора расширения смыслового горизонта переводчика и, позднее, читателя, связано, в первую очередь, с попытками осмысления человеческой жизни и его текстов как полилогов. Общий контекст осмысления проблемы связан с пониманием того, что человеческое бытие протекает в контексте события с другими людьми, при этом человеческое бытие осмысленно и подлежит осмыслению. Оно и есть осмысление (понимание). Человеческое сознание (понимание) всегда включает в себя осознание себя в контексте других людей и наоборот – осознание других людей в контексте собственных смыслов. Бытие человека имеет смысл, создаваемый в процессе сотворчества с другими людьми, понимание человеком себя и мира интенционально, носит ценностный характер [Какабадзе, 1985, Гуссерль, 1984]. В ракурсе ксенологических исследований фундаментальным фактом человеческой экзистенции, а также порождаемых ими текстов, полагается “человек с человеком”. Б.Ванденфельс [Вандекнфельс, 1994], один из ярких исследователей ксенологического направления, отмечает, что человеческое существо «...мыслит другое как другое, как именно это, определенное, иное существо, чтобы соединиться с ним в сфере, простирающейся за пределы их собственных сфер – Между». Понятие «Между» обозначает место и суть воплощенных в текстах диалогов социальных субъектов. «В самые яркие минуты диалога, когда и в самом деле “бездна призывает бездну”, со всей несомненностью обнаруживается, что стержень происходящего - не индивидуальное и социальное, а нечто Третье. По ту сторону субъективного и по эту сторону объективного, на узкой кромке, где встречаются Я и Ты, лежит область Между». Истина – не является итогом спора, в котором каждый отстаивает свое мнение. Она не существует вне человека и его бытия, но рождается в отношениях Я и Ты, при выходе, отказе от отчуждения.

Понимание как попытка такого выхода Чуждости опирается на представления о том, что «Я» вторично по отношению к «ты»: вначале бытия и его понимания находится Другой, но не Я. Свое, Собственное, Внутреннее осознается и осуществляет себя через встречу с Другим, Чужим, Внешним. «Через наше Я проходит раздел мира на Внутреннее и Внешнее...». Таким образом Другой устанавливает пределы Своего, как того, чем Свое обладает [Подорога, 1995, с.30-31, 144-145]. Другой — не только строго обозначенный предел, ограничивший Собственное. Другой есть способ присутствия человека в мире, структура поля понимания, без которой поле не могло функционировать [Делез, 1996, с.85]. Способность субъекта понимать и быть понимаемым, переводить значения и смыслы своего мира в значения и смыслы Чужого,

возможна лишь потому, что есть Другой: общение или коммуникации есть выход за пределы Себя, вне Своего к Другому, соединение Себя с Другим, не будь которого не было бы понимания, которое, по сути всегда есть взаимное или совместное понимание, событие Собственное, не осознав себя и свои границы, оставалось бы непроявленным, «покоящимся» в самодостаточности: так, как это описано в самых разных мифологиях Абсолюта. Именно это - возвращение в «покой самобытия» и происходит тогда, когда та или иная часть Своего оказывается вне контакта с внешним или внутренним Другим, или, когда она приводит себя – туда – с той или иной целью, проходя через цепочку «воплощение – превращение-осуществление», от инобытия к событию и самобытию. Перевод дает тексту новую жизнь, извлекая его из молчания, из самобытия через событие прочтения в ино-бытие.

«Я» развивает свое бытие, его границы, благодаря Другому, за счет него и – развивает в этом «за счет» бытие Другого. В понимании «Я» самого себя, как постулирует аллологический подход, по сути, нет ничего, что изначально не было бы Другим, Чужим и даже Чуждым. Даже «поля понятий», способы их осмысления принимаются от Другого как некая данность, созданная Другим, воздействующим и принуждающим к их освоению (пониманию). Хотя исследователи оставляют «лазейку» событию: сотворчеству понятий и способов осмысления себя и мира в процессе взаимопонимания.

Чужое выступает как творец «Я», оно вторгается в Собственное, при этом возможности «Я» в его познании связаны с тем, что наличие Другого создает первичную оппозицию, «бинер» структурирования мира как пространства-времени Своего, доступного и находящегося во владении, и пространства-времени Чужого, недоступного и не находящегося во владении. Чужое осмысляется в этом контексте лишь по отношению к Своему: его доступность есть иллюзия - доступности непосредственно недоступного, поэтому – в начале понимания - опыт Чужого существует как опыт почти или полностью непреодолимого отсутствия [Гуссерль, 1994]. Таким образом, оно не поддается постижению Своим: попытки привести Чужое к высказыванию его Собственного смысла уничтожают Чужое как Чужое: язык Чужого не может быть понят как язык Своего, потому что сама идея языка – есть опыт Своего. Чужое — всегда непостижимое, которое, будучи обретенным и познанным Своим (освоенным) исчезает в Своем [Вальденфельс, 1994]: перевод уничтожает то, что не может понять, что недоступно пониманию, поскольку отсутствует способ, концепт или форма, позволяющая выразить Другость – даже «между строк». Вместе с тем, попытка понять Чужое как Чужое может столкнуться и с тем, что Чуждого нет: иллюзия

Чуждости также распространена, как и иллюзия его непреодолимости: в диалоге, в процессе взаимопонимания, по мере формирования и развития «со-бытия», многочисленных превращений и возвратов в свое,

Поэтому, понимая Чужой текст - в исторической или диахронической перспективах, - переводчик рассматривает опыт Чужого лишь как более или менее понятный вариант опыта Себя. Только так можно понимать что-либо: то, что ничего не значит для человека с точки зрения предшествующего или предвосхищаемого опыта, понято быть не может, и то, что понято не имеет однозначного смысла и завершенности: понятое есть результат финальной на данный момент в данном пространстве точки как части единого поля смыслового универсума [Подорога, 1995].

Представления о чужих культуре, опыте и понимании (о Чужом) центрируются на культуре, опыте и понимании собственных, которые выполняет роль одновременно и центрального компонента и базовой модели, привносящей в пространство Чужого несвойственную ему систему ориентиров. Действительное, «всамделишное», реальное существующее строение Чужого в результате понимания либо не учитывается вовсе, либо воспроизводится измененным. Понимание Чужого всегда есть истолкование его на своем, понятном человеку языке, независимо от того, насколько «свой» и «чужой» языки (способы понимания) совместимы. Процесс (ре)структурирования Другого как «(не)возможного» мира строится в соответствии с «полем (не)возможного», которым субъект обладает в тот или иной момент. Другое неизменно ускользает от понимания в структурах (не)возможного Своего. Осознание уязвимости и недоступности Чужого, создает задачу его изучения, поиска интерпретационных стратегий, там, где проблемы овладения Чужим и сохранения в неприкосновенности его самости наиболее актуальны: например, в практике и теории перевода, психологического консультирования, исторического анализа, мультикультурного контакта [Гуссерль, 1996, с.16-17, 62-63].

При этом Чуждость не может быть просто предписана вещи, событию и личности как таковым: чуждостью существует только в отношении к субъекту и в изменчивости ситуаций понимания [Ванденфельс, 1994, с.84]. Она может стать Своим в опыте превращения, инобытия, всегда частичном и временном, поскольку завершается возвращением к само-бытию. Понимание чего-либо как Другого/Чужого требует максимального уважения в понимаемом его самодостаточности по отношению к Собственному, к пониманию исследователя. Через признание самодостаточности и потенциального субъектного статуса Чужого возможна попытка войти с ним в диалог, в

отношения о которых говорил М.Бахтин: «диалогическое проникновение в познаваемый смысл», «разговор» не только об объекте, но и с объектом.

Кроме того, приложение современных «аллологических» реконструкций к реконструируемым способам осмысления Чужого возможно в ограниченных пределах. Современное, совершаемое в каждой конкретной ситуации понимание Чуждости часто не может быть просто перенесено в понимание в других ситуациях (пространствах и временах). Чужое в как самоценное и самодостаточное событие существует только в современной аллологии, ранее Чужое присутствовало как периферия и предел Собственного, вариант Своего мира, которое хоть и на границах себя самого, но все же как доступное располагало Чужое (эгология). Восприятие Чужого в будущем также недостижимо: в нем Свое приобретет статус Чужого, которое будет осмыслено тем образом, который определится в ситуациях будущего. Традиционное понимание нацелено отнюдь не на понимание Чужого, автономного от Своего, но на преодоление Чуждости, ее присвоение, т.е. уничтожение, такое превращение, которое имело бы статус неизменного. Однако, будучи таким, Чужое исчезает, живя лишь в неуловимом событии события, в котором инобытия и самобытия субъектов танцуют вечный танец жизни, каждый раз заново истолковывая мир разными способами. В путешествии духа, связанном с обретением Чужого, более совершенного, чем Собственное носит черты мистического, внутреннего, интерпретирующегося как обретение или наделением: либо как движение от Собственного человеческого к Чужому Божественному, либо от «Чуждого внутри Своего» к «Своему в Боге». Человек как носитель нездешней (Чужой) души — чужестранец в мире, который во многих ситуациях (пространствах и временах) считает чужое своим. Аллопластичность (alloplastic), осуществление развития за счет взаимодействия с Другими/Чужими, существует в противоположность автопластичности (autoplastic), ищущей развития в собственных границах и ресурсах [Magdalino, 1993]. При этом Другое может быть и выражением возможного более совершенного мира, приводящим в развитие Своего.

Однако, обретение Чужого, как показывает опыт, далеко не всегда конструктивен: у «жизненного горизонта», несмотря на всю его изменчивость и «упругость», есть лимит трансформации, превышение которого оказывается фатально для нее. Освоение не приводит к исчезновению Чужого. Чужое продолжает присутствовать в Собственном, воспроизводясь в бесчисленных отношениях и связях компонентов Собственного, каждый из которых также может быть истолкован как Другое. Само Собственное «перспективу инаковости»: располагающей свое по шкале от абсолютной Чуждости (непостижимой, невозможной и негативной, пугающей) до центрального

Своего (понимание которого представляет его как максимально индивидуализированное, сложное, оправданное негативным чужим) [Бенвенист, 1995, с.236, 242]. Осмысляя Чужое, включается механизм «делания понятным», «относительно чужим», в чужом, его вторжении в собственное, понимается модификация, «модализация» собственного пути развития и/или опыта. Когда граница пролегает внутри индивидуального сознания и расщепляет его на чуждые, враждебные зоны, тоскующий по единству человек на пути к целостности либо решительно переходит эту границу, отказываясь от одной из соперничающих инокультурных и инородных компонент Собственного, либо пытается согласовать разделенное «Я» в нутрии себя, упраздняя границу для объединения гетерогенных частей Собственного. Внутренний диалог Чужого и Своего говорит о том, что Свое – по сути также неуловимо и нереально, как и Чужое. Игра Чужого и Своего - лишь способ понять что-то о лежащей вне них Абсолютной реальности. Что-то, что позволяет, заявив о ее величии, понять «ничто»- жность того, что называется «Своим» и «Чужим», его «нигде»-шность в Абсолютном, не имеющем начала и конца мире, его величие и центральность- существующие в этом мире «равновеликих» пространств и времен – обозначенных заключенным в слово смыслом. Однако, в плоскости непосредственного взаимодействия, поскольку приобретение «чужого», как правило, ощутимо меняет нечто в «своем», то отдающая сторона как будто бы сама ничего не теряет и не претерпевает изменения. Экстенсивное» («пространство» культуры) обменивается или подменяется на «интенсивное» («новый» элемент культуры).

Отношения между субъектами как авторами и переводчиками, между производимыми ими текстами оформляются в том числе и за счет выделения различных по степени эксплицитности границ, в типы межсубъектных барьеров (латентных, дискурсивных, договорных, конфликтных и др.) и типы дискурсов – языковых правил и логик, а также нарративов - историй взаимодействия субъектов, включая данные барьеры и логики [Блакар, 1997, с. 88,91, Ван Дейк, 1989, Коротеева, 1994]. Существенной чертой понимания как познавательного феномена издавна является его интенциональность, направленность на что-то «Чужое», лежащее вне человека. Интенциональность связана, в первую очередь с как-моментом процесса понимания и переживания реальности [Асмус, 1984, с. 9, 217; Батищев, 1969, с.73-145; Ванденфельс, 1994; Гадамер, 1988, с.80; Кун, 1977, с.125;;Налимов, 1989; McCulloch, 1998]. Интенциональность предполагает также момент устойчивости, как феномен, определяющийся предшествующим опытом субъекта социального познания и взаимодействия. Однако, в связи с проблемой критериев понимания возникает еще

один из самых спорных вопросов философских и конкретно-научных исследований понимания - вопрос необходимости и возможности понимания. С одной стороны отмечается, что «вера в понимание ничем не лучше всех остальных, властвовавших над людьми вер», поэтому понимание ненужно. [Ежегодник AdMarginem'93, 1994]. С другой, - подчеркивается существование возможности понять «непостижимое как непостижимое»: понимание выступает здесь как «понимающее непонимание», «просветленное понимание» того, что «Чужое относительно доступно». Третий вариант - понимание как «попытка прорыва сквозь данность» предполагает осознание того, что «чем больше человек думает, тем дальше он уходит от того, что здесь и сейчас». Оно есть попытка думать о чем-то, не «теряя с ним контакт» [Витгенштейн, 1958; Лотман, 1996; Федоров, 1982]. "Если мы стремимся к знанию, у нас должна быть вера. Иногда необходимо просто поверить, вместо того, чтобы заниматься поисками доказательств. Пока человек не поверит в существование того, что, по его мнению, не существует, он не сможет отыскать его. В этом смысле речь идет о старейшем и актуальнейшем вопросе социально-философского и, шире, общефилософского знания – вопросе о постижимости истины, ее существовании как таковой. В значительной степени для социальной философии, философии познания и философии языка подходов характерно подчеркивание роли особенностей самого понимаемого социального «текста» - того или иного фрагмента социальной реальности, его структуры и статуса культурного объекта в понимании. Текст выступает как культурный объект в той мере, в которой «наше взаимоотношение с ним воспроизводит или впервые рождает в нас человеческие возможности», которых не было до контакта с текстом. Это, прежде всего, «возможности... видения и понимания чего-то в мире или себе» [Мамардашвили, 1990; Бахтин, 1979; Рыклин, 1992]. Таким образом, проблема человека и мира также смыкается на проблеме границ и смыслов, приписываемых границами бытию. Границы ино-бытия и само-бытия в событии встречи исчезают, чтобы возникнуть в новом времени-пространстве (ситуации) – как преображенные: уверившиеся в приближении к Своему и нашедшие варианты стать Чужим. К. Солер [Солер, 1992] отмечает, что момент перехода, завершения перевода как “момент отторжения символического” связан с выходом из “трансферного запроса”. Она выделяет три способа «практического разрешения выхода»:

(1) субъект удовлетворяется полученным знанием, которое он рассматривает как разгадку своей позиции и уловок, ориентировавших до этого его отношения с другими, находя некоторую формулу истины, которая составляет основу его личности (*fin mot* становится *mot de la fin* (разгадка - словом конца),

(2) более остро ощущая тот факт, что истина может быть лишь полусказана, субъект отказывается от анализа, не стараясь более придать основание подъему своего упорства. “Баста” определяет выход “как бы взятый на измор”, выход через признанное бессилие: отсутствие mot (последнего слова) ведет к motus (ни слова).

(3) Субъект полагает найденным решение «испытанию бессилия» в невозможном. Происходит поворот от бессилия к невозможному – осознание и принятие выбора в ситуации невозможности выбора, необходимости понимания в ситуации его невозможности и т.д.

При этом, выходы через веру в истину, неполноту и невозможное неравноценны в смысле “исчерпания ресурсов символического” (способов формирования субъектом смысла происходящего в его внутреннем и внешнем мирах, в переводимом тексте):

- ◆ первый предполагает оправдание надежд, но пренебрежение и игнорирование тупиков, отказ от собственного усилия к пониманию, удовлетворенность «знанием»,

- ◆ во втором случае надежды не оправдываются, но субъект дорожит ими из-за бессилия (своего или другого),

- ◆ в третьем случае заключение невозможности иногда имеет эффект «выходящего за предел» отказа от понимания и изменения или к попыткам осуществления невозможного как невозможного. Критериями результативности понимания выступают: во-первых, понимание как нахождение общего языка, главные критерии понимания - используемые речевые жанры и техники воздействия, во-вторых, понимание как нахождение общих метафор, критерии понимания - характер концептов понимания и нормативных ролей, в-третьих, понимание как нахождение (возникновение) общих ценностей, главные критерии - позиция и ценности субъектов. Таким образом, названные стратегии обладают различными возможностями понимания другого (“Чужого” опыта и культуры): во-первых, Чужое доступно как вариант общего как “Своего” и через формирование стилевой аналогии, “означивается” ею, во-вторых, Чужое недоступно, его понимание осуществляется через сведение к смыслу Чужого, ведущее к его уничтожению, Чужое воспринимается как доступное лишь в опыте “непреодолимого отсутствия”, в-третьих, часть исследователей полагает, что Чужое должно восприниматься как относительно доступное: его понимание возможно, если человек обладает желанием смотреть и понимать, определяется в событии ответа. В событии как воплощении ино-бытия и само-бытия, превращение и возвращение встречаются: в точке их пересечения возникает взаимопонимание: свое и Чужое

становятся Своими. В ино-бытии и само-бытии Свое и Чужое расходятся, вступая в диалог со Своим Чужим и Чуждым Своим. Возникает величайшая иллюзия: понимания самого себя или другого, преодолеваемая еще более внешне иллюзорным мигмом «события со-бытия».

Концепция М.М.Бахтина также основана на реальности и безусловной значимости бытия другого для человека. Равноправие позиций «Я» и «Другого» в общении нельзя понимать как их одинаковость и тождественность» Напротив, М.М.Бахтин всячески подчеркивал существенную, даже сущностную противоположность своей субъективности («я-для-себя») и субъективности другого («Другого-для-меня»). Более того, «Другой» имеет возможность осуществлять функции, принципиально недоступные «Я» - в силу изначальной социальности бытия психического. «Другой» вследствие своей позиции «внеаходимости» обладает «избытком видения» - «...уникальной возможностью непосредственного восприятия целостной формы «Я», отсутствующей у самого «Я» и всегда имеющейся у Другого». Это восприятие другим «Я» как целостности приводит к возникновению ощущения и переживания собственной целостности. Вклад в формирование у «Я» «внутренне убедительного» сознания собственной полноты, и весомости М.М.Бахтин называет «даром формы». Реализация таких функций «Другого» по отношению к «Я», как завершение, создание целостного образа «Я», подтверждение возможно только из позиции диалога.

Список литературы

- Асмус В.Ф.* Историко-философские этюды / А.Ф. Асмус. М.: Мысль, 1984. С. 9, 217.
- Барт Р. S/Z* / Р.Барт. М.: РИК "Культура", 1994. 303с.
- Батищев Г.С.* Деятельная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии / Г.С. Батищев. М.: Наука, 1969 С.73-145.
- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. М.: Искусство, 1979. 424 с.
- Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов / Э.Бенвенист. М.:Культура, 1995. 460с.
- Блакар Р.М.* Язык как инструмент социальной власти / Р.М. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987 С. 88-91.
- Братусь С.Б.* К проблеме развития личности в зрелом возрасте / С.Б.Братусь // Вестн. Моск ун-та. Сер 14. Психология. 1980. № 2. С. 3—13.
- Братченко С.Л.* Экзистенциальная психология глубинного общения / С.Л. Братченко. М.: Смысл, 2001. 197с.
- Бубер М.* Два образа веры /М.Бубер. М.: Республика, 1995. 464с.
- Бюдженталь Дж.* Искусство психотерапевта / Дж.Бюдженталь. СПб.: Питер, 2001. 304с.
- Ван Дейк Т.А.* Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. М., 1989. С. 161-227, 268-304.
- Ванденфельс Б.* Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о “Чужом” /

- Б.Ванденфельс // Логос. 1994. № 6. С.77-90.
- Василюк Ф.Е.* Постклассическое мышление в психотерапии /Ф.Е. Василюк // Московск. психотерапевт. журн.-1992.- №1.- С.95-110.
- Василюк Ф.Е.* Психология переживания /Ф.Е. Василюк . М.: МГУ, 1984. 230с.
- Вацлавик П.* Прагматика человеческих коммуникаций: Изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия. / П.Вацлавик, Д. Бивин, Д.Джексон. М.: Апрель Пресс, Изд-во ЭКСМО Пресс, 2000. – 320с.
- Вебер М.* Избранные произведения / М. Вебер. М.:Юрист,1994.-708с.
- Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат /Л. Витгенштейн. М.: Иностранная литература, 1958. 134 с.
- Волошинов В.Н.* Марксизм и философия языка / В.Н.Волошинов. М.: Лабиринт, 1993. С.117.
- Гадамер Г. -Г.* Истина и метод / Г.-Г.Гадамер. М.: Прогресс, 1988. 340с.
- Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии /Э.Гуссерль. М.: Лабиринт, 1994. 110с.
- Гуссерль Э.* Начало геометрии /Э.Гуссерль. М., 1996. С. 16-17, 62-63.
- Делез Ж.* Мишель Турнье и мир без Другого / Ж.Делез // Комментарии. 1996. № 10. С. 85
- Джемс У.* Психология / У.Джемс / Под ред. Л. А. Петровской. М.: Педагогика, 1991. 368с.
- Дридзе Т.М.* Язык и социальная психология / Т.М.Дридзе. М.:Высшая школа, 1980. 210с.
- Ежегодник AdMarginem'93* / Под ред. Е.В.Петровской, Е.В.Ознобина. – Москва: Эйдос, РИК «Культура», AdMarginem, 1994. 452с.
- Зинченко В.П.* Человек развивающийся / В.П. Зинченко, Е.Б.Моргунов. М.: Тривола, 1994. С. 325.
- Знаков В.В.* Понимание в познании и общении / В.В.Знаков. М.: ИП РАН, 1994. С.155.
- Каган М.С.* Мир общения / М.С. Каган. М.: Политиздат, 1988. 319 с.
- Каган М.С.* О труде С.Л.Рубинштейна "Человек и мир" и его месте в истории современной философии / М.С. Каган. // С.Л.Рубинштейн. Очерки, воспоминания, материалы / Под ред. Б.Ф.Ломова. М.: РАН, 1989, с.220-239.
- Какабадзе З.М.* Проблемы человеческого бытия / З.М. Какабадзе. Тб.: Мецниерба, 1985. 320с.
- Коротеева В.В.* Этнические символы и символическая природа этничности / В.В. Коротеева. // Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества. М.: Прогресс, 1994. С. 39
- Кун Т.* Структура научных революций / Т.Кун. М.: Прогресс, 1977. С.125.
- Левин К.* Теория поля в социальных науках / К.Левин. СПб.: Речь, «Сенсор», 2000. 368с.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
- Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. – Человек – текст – семиосфера история / Ю.М. Лотман. М.: Школа “Языки русской культуры”, 1996. 464с.
- Мамардашвили М.К.* Сознание как философская проблема / М.Мамардашвили // Вопр. философ. 1990. №10. С.45-56.
- Налимов В.В.* Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности / В.В. Налимов. М.: "Прометей", 1989. 286 с.
- О разработках проблемы Чужого в современной философской мысли* / А.А. Михайлов и др. // От Я к Другому. Сб. / Под ред. А.А. Михайлова. Мн.: Навука, 1997. 340с.
- Ортега-и-Гассет Х.* Избранные труды / Х.Ортега-и-Гассет. М.: "Весь мир", 1997. 704с.
- Подорога В.* Феноменология тела / В.Подорога. М.: Admarginem, 1995. С. 144-145, 30-31.
- Руднев В.П.* Прочь от реальности / В.П. Руднев. М.: Аграф, 2000. 432 с..
- Рыклин М.* Террорологии / М.Рыклин. Тарту, М.: РИК «Культура», 1992. 223с.

- Силвермен Дж. и др.* Новые направления в социологической теории / Дж. Силвермен и др.. М.: Прогресс, 1978. 340с.
- Солер К.* Клинические уроки перехода / К.Солер // Логос. 1992. №3. С.178-189.
- Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне / Ю.Хабермас. М.: Изд-во «Весь Мир», 2003. 410 с.
- Magdalino P.* The History of the Future and its Uses / P. Magdalino // The Making of Byzantine History / Eds. by R. Bcaton and Ch. Roueche. L., 1993. P. 3-34.
- McCulloch G.* Intentionality and interpretation / G. McCulloch // Current issues in philosophy of mind / Ed by A.O'Hear. Cambrige: Cambrige University Press, 1998. P. 253-273.

Борман Ж.И.

Балтийская международная академия
г. Рига (Латвия)

Bormane Zanna

The Baltic International Academy
Riga (Latvia)

*«ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ» ЛЕРМОНТОВА: ОТ НЕМЕЦКОГО СТИХОТВОРЕНИЯ
ЦЕДЛИЦА К ЛАТЫШСКОМУ ПЕРЕВОДУ*

*LERMONTOV'S "HEAVENLY SHIP": FROM THE GERMAN POEM BY J. C. ZEDLITZ TO
THE LATVIAN TRANSLATION*

Стихотворение М. Ю. Лермонтова *Воздушный корабль* (1840) является переводом-переложением стихотворения австрийского поэта Йозефа Кристиана Цедлица (1790 – 1862) *Das Geisterschiff*, и оно сильно расходится с оригиналом, потому что выполнено в русле романтической концепции перевода, подразумевающей не только сохранение индивидуальных стилистических особенностей подлинника, но и готовность к соперничеству с автором в целях приблизиться к идеалу, стоящему за текстом. Каждый из образов Цедлица Лермонтов разрабатывает самостоятельно. Сопоставительный анализ стихотворений Цедлица и Лермонтова уже осуществлялся в других работах [Fröberg, 1905; Žinkin, 1957; Эйхенбаум, 1936]. Целью данного сообщения является представить заметки к сопоставлению лермонтовского стихотворения с его переводом на латышский язык («переводом перевода»), сделанным латышской поэтессой О. Лисовской и опубликованным в 1974 году в сборнике лирики Лермонтова на латышском языке. В статье рассмотрена передача заголовка стихотворения и его центральной темы – темы Наполеона. При этом акцент сделан на необходимости привлечения переводчиком первоначального источника стихотворения – текста Цедлица, для того чтобы точнее передать задуманное Лермонтовым, поскольку его оригинальная идея особенно ярко проступает в контрасте со стихотворением Цедлица.

The poem *Heavenly Ship* (*Vozdushny korabl*, 1840) by M. Y. Lermontov is a rendering translation of the poem *Das Geisterschiff* by the Austrian poet Joseph Christian Zedlitz (1790 –1862). It is fairly different from the original, as it was created within the romantic framework of translation, which implies not only preservation of individual stylistic features of the source, but also readiness to compete with the author in order to attain the ideal behind the text. Lermontov individually develops each of Zedlitz's prototypes. A comparative analysis of poems by Zedlitz and Lermontov has already been carried out (see Fröberg, Žinkin, Эйхенбаум). The goal of the present paper is to provide some ideas for a comparative analysis of Lermontov's poem and its translation into Latvian (a translation of a translation) by the Latvian poet Olga Lisovska, published in an anthology of Lermontov's poems in Latvian in 1974. The article focuses on the rendition of the title of the poem and its central theme, i.e., the theme of Napoleon. The article stresses the necessity for the translator to turn to the original poem, i.e., the poem by Zedlitz, in order to convey precisely what was intended by Lermontov, for his original idea becomes salient when viewed in contrast to the poem by Zedlitz.

Ключевые слова: Лермонтов, Цедлиц, перевод, немецкий язык, латышский язык

Keywords: Lermontov, Zedlitz, translation, German, Latvian

1. Введение

М. Ю. Лермонтов владел немецким языком с детства. Он был хорошо знаком и с немецкой литературой. Об этом говорят эпитафии его произведений, реминисценции, наличие параллелей в сюжетах и, конечно, сделанные Лермонтовым переводы.

Развитие Лермонтова как писателя происходило в русле, параллельном развитию западно-европейской позднеромантической литературы, и на фоне тех же идейных и эстетических течений [Федоров, 1981, с. 339].

Эпоха романтизма дала новый мощный толчок развитию художественного перевода. В многочисленных работах теоретиков романтического искусства (А. Шлегеля, Фр. Шеллинга, Фр. Шлейермахера, Новалиса и др.) прослеживается единый подход к переводу как средству расширения литературных горизонтов перед читателем, как способу создания универсальной поэзии. Для романтической концепции перевода характерно, с одной стороны, стремление сохранить национальный колорит подлинника, его индивидуальные стилистические особенности, как можно точнее передать содержание оригинала, с другой – готовность к соперничеству с автором в целях приблизиться к идеалу, стоящему за текстом.

Перевод осознается романтиками как метафора культурного подвижничества, творческой деятельности как таковой. В романтизме переводчик, по определению, «вечно в пути и вечно несчастен». Потому что вечно преследуем сознанием несовершенства и даже сомнительности того, что делает. «Традиционно невидимая фигура в услужении у авторов-авторитетов, он приобретает неожиданно самостоятельный и неожиданно весомый статус и – характеристики, выдающие явное родство с романтической концепцией личности» [Венедиктова, 2004, с. 240].

Перевод-переложение Лермонтовым стихотворения Цедлица, которое рассматривается в данном сообщении, выполнено в русле романтической концепции перевода. Сопоставительный анализ стихотворений Цедлица и Лермонтова уже осуществлялся в других работах [Fröberg, 1905; Žinkin, 1957; Эйхенбаум, 1936]. Целью данной статьи является представить заметки к сопоставлению лермонтовского стихотворения с его переводом на латышский язык («переводом перевода»), который тем не менее должен осуществляться с привлечением первоначального источника.

2. Анализируемый материал, авторы и переводчики

Йозеф Кристиан Цедлиц (1790 –1862) – австрийский поэт и драматург, родившийся в Чехии. В молодости он был дружен с известным романтиком Эйхендорфом. В 1838 –1848 годах Цедлиц находился на службе Австрийской государственной канцелярии [Austria-Forum, 2014]. Замечателен также такой факт, что с 1836 по 1848 год текстом австрийского национального гимна на музыку Гайдна был

текст Цедлица [Welan, 2009]. Цедлиц является автором романтических баллад, среди которых баллады, посвященные распространенной в европейской литературе 1820 – 30-х годов теме Наполеона: *Die nächtliche Heerschau* (*Ночной смотр*), написанная в 1827 году и переведенная в 1836 году на русский язык русский В. А. Жуковским, и *Das Geisterschiff*¹ (*Корабль призраков*) 1832 года. Сюжет второй баллады с привлечением деталей из баллады *Ночной смотр* и использован в стихотворении Лермонтова *Воздушный корабль* [Данилевский, 1981, с. 607].

*Воздушный корабль*² (1840) – подражание балладе Цедлица *Das Geisterschiff*, Лермонтов сильно расходится с Цедлицем в последних восьми строфах своего стихотворения, но и первые 10 строф, сохраняющие в общих чертах близость к оригиналу, далеки от того, чтобы быть переводом. Как отмечает Б. М. Эйхенбаум, каждый из образов Цедлица Лермонтов разрабатывает самостоятельно, свободно комбинируя строфы оригинала и сильно сжимая описания [Эйхенбаум, 1936].

Автором латышского перевода стихотворения Лермонтова *Apburtais kuģis*³ (*Волишебный корабль*), опубликованного в 1974 году в сборнике лирики Лермонтова на латышском языке [Ķermontovs, 1974], является поэтесса О. Лисовска (Olga Lisovska). О.Лисовска родилась в 1928 году, она окончила Литературный институт им. Горького, работала в латышских изданиях «Литература и искусство» и «Знамя», кроме собственных стихотворений публиковала и переводы с английского, датского, чешского, словацкого языков. Из русской поэзии переводила также Антокольского и Евтушенко [Latviešu rakstniecība biogrāfijās, 2003, с. 374].

3. К сопоставлению оригинала и перевода

Заголовок стихотворения

Первое, что обращает на себя внимание при сопоставлении оригинала и переводов, – это название стихотворения. У Цедлица стихотворение называется *Das Geisterschiff*, т.е. корабль призраков. Такое название вполне в духе романтической балладной поэтики, которая и характерна для Цедлица. По словам немецкого исследователя, *Das Geisterschiff* Цедлица представляет чистейший тип жуткой романтики привидений [Holzhausen, 1902, с. 87].

¹ Все цитаты из стихотворения Цедлица приводятся по изданию: Zedlitz J.C. Gedichte. Stuttgart : J.G. Cotta'scher Verlag, 1859

² Цитаты из стихотворения Лермонтова приводятся по: Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений: В 5 т. М.; Л.: Academia, 1935 - 1937. Т. 2. Стихотворения, 1836 - 1841.

³ Все цитаты из латышского перевода стихотворения даются по: Ķermontovs M. Lirika [sastādītāja Daina Avotiņa]. Rīga : Liesma, 1974.

Лермонтов отходит от традиции «кладбищенской баллады». В балладе Цедлица действует труп, оживающий раз в год; у Лермонтова, по словам Б.М. Эйхенбаума [Эйхенбаум, 1936, с. 217], скорее тень, образ Наполеона, чем его труп. Стихотворение Лермонтова гораздо менее «призрачно», чем *Das Geisterschiff*. Там кораблем управляют призраки (*gesteuert von Geisterhand*), у Лермонтова на корабле никого нет, он идет сам собой (*Корабль одинокий несется*). Эйхенбаум также отмечает, что корабль у Лермонтова описан гораздо более реальным и материальным: этот военный корабль с чугунными пушками даже не вяжется с навеянным немецким оригиналом заглавием *Воздушный корабль*. Тем не менее, если сравнить немецкое и русское название, то можно отметить в лермонтовском заголовке отход от традиции «кладбищенской баллады».

Латышский заголовок *Arburtais kuģis* – заколдованный, волшебный корабль – был создан, судя по всему, под влиянием последней лермонтовской строфы:

*Потом на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идет и, махнувши рукою,
В обратный пускается путь.*

Конец стихотворения как знаковое сильное место мог вполне послужить толчком для создания такого заголовка. Тем более что в самом лермонтовском тексте воздушным корабль, кроме заголовка, называется лишь единожды:

*И в час его грустной кончины,
В полночь, как свершается год,
К высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаёт.*

Но в латышском переводе корабль в данном контексте называется странным (*Dīvainais kuģis*). Дословный перевод номинации *воздушный корабль* – *gaisa kuģis* – неудобен в латышском тексте ритмически, и переводчик решает произвести замену, тем более что воздушная стихия никак не обыгрывается в лермонтовском тексте. Необычность, странность корабля подчеркивается в латышском переводе еще в самом начале стихотворения, где корабль предстает *будто обман, иллюзия* (*lido kā māns*), тогда как у Лермонтова он *несется на всех парусах*.

Тема Наполеона

Исследователи творчества Лермонтова отмечают, что увлечение Наполеоном находит отражение в произведениях Лермонтова с первых лет его творчества, ср.

стихотворения *Наполеон (Где бьет волна о брег высокой..., 1829)*, *Наполеон (Дума, 1830)*, *Эпитафия Наполеона (1830)*, *He говори: одним высоким... (1830)*, *Святая Елена (1831)*, *Последнее новоселье (1840)* [Эйхенбаум, 1936]. Оба юношеские стихотворения, озаглавленные *Наполеон*, построены на появлении тени Наполеона у его могилы на острове Св. Елены. Эти ранние стихотворения показывают, что тема *Воздушного корабля*, найденная у Цедлица, намечалась уже в юношеских опытах Лермонтова [там же]. В балладе Цедлица действует труп правителя, оживающий раз в год. Он именуется у Цедлица *König* ‘король’, *Leiche* ‘труп’, *ruhebedürftiger Geist* ‘дух, нуждающийся в успокоении’, подчеркивается его статус бывшего правителя – он видит свою страну (*es ist sein Land*), ищет свои города (*Er sucht seine Städte*) и народы (*Er sucht die Völker umher*), свой трон (*er sucht seinen Thron*). Для Цедлица важно, что время его правления миновало, важно низвержение некогда великого:

*Der Knecht war, sitzt auf des Königs Thron
Und der König ist wieder Knecht!*

(кто был слугой, сидит на королевском троне, а король – снова слуга! – перевод мой – Ж.Б.),

Er sucht seinen Thron, und er ist zerschellt

(он ищет свой трон, а тот разбит – перевод мой – Ж.Б.).

В лермонтовском стихотворении сначала рисуется традиционный образ императора Наполеона (*На нем треугольная шляпа / И серый походный сюртук*), затем даются отсылки к историческим событиям, связанным с Наполеоном:

*Но спят усачи-гренадеры —
В равнине, где Эльба шумит,
Под снегом холодной России,
Под знойным песком пирамид.*

Образ императора Наполеона более конкретен, благодаря упоминанию конкретных названий и исторических реалий (Эльба, Россия, пирамиды), а также благодаря тому, что правитель именуется у Лермонтова императором, а также дважды используется и конкретное название родной страны – Франция: *Несется он к Франции милой; Ему обещает полмира, / А Францию только себе.*

Однако в дальнейшем для Лермонтова важно не просто низвержение Наполеона как правителя, но и его человеческое одиночество, трагическая судьба одинокого гения. Как пишет Пульхритудова [1981], муж рока трансформируется в заключительных строфах баллады в жертву превратной судьбы, в глубоко страдающего человека, жаждущего тепла и сочувствия:

*Стоит он и тяжело вздыхает,
Пока озарится восток,
И капают горькие слезы
Из глаз на холодный песок.*

Важность темы одиночества становится еще более очевидной, если рассмотреть образ волшебного корабля как метафорическую реализацию образа Наполеона и сравнить лермонтовский текст со стихотворением Цедлица: там кораблем управляют призраки, у Лермонтова корабль безлюден.

Переводя стихотворение Лермонтова, а не Цедлица, латышская переводчица придерживается основной лермонтовской линии – образ Наполеона также конкретен, но для его именованья используются три разные лексические единицы – *valdnieks* ‘правитель’, *imperators* ‘император’, *karalis* ‘король’, тогда как у Лермонтова есть только одна – *император*. Наполеон появляется, как и у Лермонтова, в треуголке (*Tam galvu sedz trīsstūrene ...*) и со скрещенными на груди руками (*Pār krūtīm krustojis rokas...*). Далее упоминаются и сама Франция (*Francija*), и исторические реалии, связанные с походами Наполеона – Эльба (*Elba*), Россия (*Krievija*):

*Bet ūsainie ģenerāļi
Guļ ielejā, Elba kur šalc,
Zem Krievijas aukstajiem sniegiem,
Zem smiltīm, kur tuksnesis balts.*

В последних строфах, как и в лермонтовском тексте, на первый план выступает одиночество императора:

*Stāv imperators viens pats (viens pats ‘один, сам по себе’),
Stāv vientuļš (vientuļš ‘одинокий’)*

и его человеческое страдание:

*Un saltajā smiltī smagi
Rūgtas asaras krīt*

(*И на холодный песок с тяжестью падают горькие слезы* – перевод мой – Ж.Б.).

Тем не менее, следует отметить один контекст в латышском переводе, который может, на наш взгляд, уводить читателя в сторону иного толкования данной темы.

В третьей строфе лермонтовского стихотворения воздушный корабль характеризуется так:

*Не слышно на нем капитана,
Не видно матросов на нем;
Но скалы, и тайные мели,*

И бури ему нипочем.

В переводе О. Лисовской русское *нипочем* ‘легко переносится, нетруден, необременителен’ [МАС, 1999, т.2, с. 500] передано как *vienalga* ‘неважно, все равно, безразлично’:

Nav kapteiņa šajā kuģī,

Ne matrožus redz, ne dzird;

Vai sēkļi vai zemūdens klintis —

Šim kuģim vienalga ir.

Нами уже отмечалось, что воздушный корабль – это метафорическая реализация образа Наполеона, который предстает здесь, благодаря слову *vienalga*, безразличным, равнодушным правителем. И хотя такая трактовка образа Наполеона вполне возможна, думается, что не она главенствует в стихотворении Лермонтова, где, как мы стремились показать, акцентируется человеческое одиночество исключительной личности.

4. Выводы

Латышский перевод *Apburtais kuģis* является переводом именно стихотворения Лермонтова: О. Лисовска последовательно выдерживает и стихотворный размер, и образность лермонтовского текста. Произведенные в переводе замены (например, *волшебный корабль*, а не *воздушный корабль*, три разные номинации в качестве эквивалента слова *император*) объясняются в большинстве своем определенным материальным составом языка перевода и не противоречат образности оригинала. То отступление от лермонтовского текста, которое усматривается нами в связи с использованием слова *vienalga*, не умаляет достоинств сделанного перевода. Тем не менее, нам представляется, что подобных отступлений легче избежать, если учитывать отправную точку лермонтовского текста – стихотворение Цедлица, ведь именно в контрасте с ним отчетливо проступает оригинальная идея *Воздушного корабля* Лермонтова.

Осуществляя «перевод перевода», даже в случае с вольным романтическим переводом, который был сделан Лермонтовым, необходимо обращаться к первоисточнику, не только для того, чтобы не оказаться в комической ситуации, как Георг Фидлер, переведший в 1893 году *Воздушный корабль* Лермонтова на немецкий язык, не подозревая, что это перевод [Кузнецов, 2005], но и для того, чтобы лучше проникнуть в авторский мир, а значит и точнее передать задуманное автором.

- Венедиктова Т.Д.* Романтическая идея перевода: исчерпанный культурный ресурс? / Русская антропологическая школа: труды. Вып. 2. М.: РГГУ, 2004. С. 239 – 243.
- Данилевский Р. Ю.* Цедлиц / Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.: Сов. Энцикл., 1981. С. 607.
- Кузнецов В.В.* Курьезные подробности литературной жизни: (забавное литературоведение) / Вопросы литературы, 2005, № 1. С. 370 – 380.
- Лермонтов М. Ю.* Воздушный корабль: (Из Цедлица) / М. Ю. Лермонтов. Полное собрание сочинений: В 5 т. М.; Л.: Academia, 1935 - 1937. Т. 2. Стихотворения, 1836 - 1841. С. 77 – 79.
- МАС* – Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. – 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
- Пульхритудова Е. М.* "Воздушный корабль" / Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.: Сов. Энцикл., 1981. С. 90 – 91.
- Федоров А. В.* Немецкая литература / Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.: Сов. Энцикл., 1981. С. 339.
- Эйхенбаум Б.М.* Лермонтов М.Ю. Стихотворения, 1836 –1841: Варианты и комментарии [Электрон. ресурс] / М. Ю. Лермонтов. Полное собрание сочинений: В 5 т. М.; Л.: Academia, 1935 –1937. Т. 2. Стихотворения, 1836 –1841. –1936. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/lermont/texts/lerm05/vol02/1522159-.htm>
- Austria-Forum, das Wissensnetz* [Электронный ресурс] / TU Graz, 2014 . – Режим доступа: <http://austria-forum.org>
- Fröberg T.* Lermontow als Übersetzer deutscher Gedichte / Jahresbericht der St. Katharinen Schule. SPB, 1905. S. 45 – 53.
- Holzhausen P.* Napoleons Tod im Spiegel der zeitgenössischen Presse und Dichtung / Paul Holzhausen. Frankfurt a M.: Moritz Diesterweg, 1902. 136 S.
- Latviešu rakstniecība biogrāfijās* / sast. Anita Rožkalne. Rīga: LU Literatūras, kultūras un mākslas institūts; Zinātne, 2003. 741 lpp.
- Ļermontovs M.* Lirika / Mihails Ļermontovs [sastādītāja Daina Avotiņa]. Rīga : Liesma, 1974. 199 lpp.
- Welan M.* Österreich und die Haydnhymne. Politische und kulturhistorische Betrachtungen [Электронный ресурс] / Institut für nachhaltige *Wirtschaftsentwicklung*. Universität für Bodenkultur Wien, 2009. – Режим доступа: https://wpr.boku.ac.at/wpr_dp/DP-44-2009.pdf
- Zedlitz J. C.* Das Geisterschiff [Электрон. ресурс] / Joseph Christian Zedlitz. Gedichte. Stuttgart: J. G. Cotta'scher Verlag – 1859. – Режим доступа: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/gedichte-3231/33>
- Žinkin N.P.* Zu M. Lermontows Übertragungen deutscher Dichter (Zedlitz, Goethe, Heine) / Zeitschrift für Slawistik, 1957. Bd 2, H. 3, S. 348 – 362.

Жельвис В.И.

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д.Ушинского
г. Ярославль (Россия)

Zhelvis Vladimir

K.D.Ushinski State Pedagogical University
Yaroslavl (Russia)

NO FEAR SHAKESPEARE: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ АДАПТАЦИИ

NO FEAR SHAKESPEARE: PLUSES AND MINUSES OF ADAPTATION

Трудности восприятия современным читателем текста, написанного несколько сот лет назад, самоочевидны. Перевод такого текста на другой язык обязательно носит следы личности переводчика и не может считаться безупречной передачей содержания и особенно стиля автора подлинника. В этой связи обращает на себя внимание практика передачи древнего текста на тот же язык в его современном состоянии. На примере анализа сцены из трагедии Шекспира «Гамлет» рассматриваются проблемы адаптации текста, написанного на ранненовоанглийском языке, на современный английский язык. Выявляется существование своеобразного жанра адаптации, отличающегося от обычного комментирования и преследующего цели облегчить читателю восприятие трудного текста. Текст адаптации – связанное изложение содержания источника, замена синонимами устаревших и сравнительно редких слов, приведение грамматики в современное состояние, «демократизация» синтаксиса. Некоторые адаптации могут представлять собой более или менее сокращённый пересказ оригинального текста. В этом случае они приближаются к жанру дайджестов. Передача художественного впечатления стоит на втором плане или отсутствует. Однако разница между такими адаптациями и дайджестами в том, что последние носят самостоятельный характер и преследуют цели экономии времени читателя, заинтересованного, главным образом, в знакомстве с сюжетом произведения, в то время как адаптация подразумевает непрерывное сопоставление с подлинником и возможность постоянного обращения к этому последнему. Разные адаптации рассчитаны на читателей разного уровня подготовки и, таким образом, носят вспомогательный характер. Для русской практики перевода подобные адаптации не характерны.

It is common knowledge that comprehension of a text written a few centuries ago offers a number of problems for a modern reader, while translation of the text into a different language inevitably bears the traces of the translator's personal tastes and views and, presumably, cannot be looked upon as an adequate rendering of contents and, especially, style of the original. Taking that into consideration, attention should be drawn to what might be called adaptation, a peculiar sort of translation of the old text into its own language but in its present state. In the present article, adaptations of Scene 1 Act 1 from Shakespeare's *Hamlet* are analyzed and compared. The author assumes that adaptation is another genre different from traditional commentaries whose aim is to make comprehension of the Early Modern English text by the modern reader easier. Adapted texts substitute obsolete or rare words by their modern synonyms, bring grammar constructions closer to their modern equivalents, make the syntax more 'democratic'. Some adaptations may be somewhat akin to digests, but the difference is nevertheless significant, as the goal of the adapted text, unlike that of a digest, is only a thorough juxtaposition of itself and the original, detrimental to the artistic value of the latter. In their turn, digests pursue the idea of offering the reader a shortened version of the text, so that he might get the gist of the plot. Adaptations may be of different sorts, depending on the educational degree of the reader. In Russian translation tradition adaptations are not very popular.

Ключевые слова: адаптация, перевод, тексты прежних эпох, жанр, дайджест

Keywords: adaptation, translation, old texts, genre, digest

Неоспоримая истина о том, что Шекспир принадлежит всему человечеству, сегодня нуждается в серьёзном уточнении. Через четыре века после смерти великого Барда читать его произведения в подлиннике трудно даже носителям английского языка в любых его вариантах. Уже давно большая часть англоязычных изданий Шекспира снабжается поистине впечатляющим количеством комментариев, пояснений, переводов, объём коих на странице может существенно превышать собственно шекспировский текст.

Переводчикам Шекспира на другие языки заметно легче: в процессе перевода они умело (или неумело) приспособливают текст многовековой давности к современному языку. В результате вполне может создаться ситуация, когда за пределами англоязычных стран Шекспира будут знать больше и лучше, чем у него на родине. Другое дело, что самый хороший перевод – сотворчество автора и переводчика и уже по одному этому, читая его, трудно отделаться от мысли, что перед тобой – не совсем Шекспир. Это не говоря уже о том, что невероятно сложный язык Барда местами просто непереводим.

Никак нельзя сказать, что в англоязычных странах проблему не понимают. Напротив, для «продвижения Шекспира в массы» делается очень много. При этом осознаётся очевидное: восприятие шекспировского текста при чтении книги, при прослушивании аудиотекста, при восприятии театрального действия или кинофильма не может не отличаться. Чтение подлинника без обращения к комментариям доступно только специалистам-филологам. С комментариями же разной степени сложности и разного количества Шекспир постигаем читателями разного уровня подготовленности.

При восприятии текста на слух сложность усиливается многократно. Аудиокнигу или фильм на диске можно остановить и «прокрутить» непонятное место ещё раз. В театре или в кинозале это невозможно. Не говоря уже о необходимости существенного сокращения текста, сам текст должен отвечать возможностям восприятия среднего зрителя/слушателя. Другими словами, текст, воспринимаемый на слух, должен соответствовать определённым требованиям.

На рубеже XVI – XVII веков язык пьес Шекспира этим требованиям отвечал. Во всяком случае, нет сведений, что его пьесы оставались непонятыми зрителями, среди которых были представители всех классов общества. Сегодня степень непонимания можно, вероятно, сравнить с непониманием современным русским читателем, скажем, переписки Ивана Грозного с князем Курбским.

В настоящее время существует большое количество шекспировских текстов, опубликованных параллельно с их адаптацией на современный английский язык. Как правило, авторы адаптаций подчёркивают, что эти адаптации ни в коем случае не призваны заменить подлинный текст, это всего лишь развёрнутые комментарии. Предполагается, что читатель знакомится с подлинником на левой странице и обращается к адаптированному тексту на правой только в случае необходимости. Что, конечно же, не исключает варианта, когда какой-нибудь ленивый школяр, которому задано прочесть подлинник, предпочтёт адаптацию, благо она размещена тут же и представляет из себя связный текст.

Впрочем, столь же очевидно, что любой современный читатель Шекспира (за исключением, повторяем, небольшого числа «яйцеголовых» специалистов) тоже время от времени вынужден обращаться к комментариям или адаптированному тексту.

Представляет интерес выяснить, что потеряет читатель, пренебрегающий великим подлинником. Разумеется, такие потери абсолютно неизбежны в любом случае хотя бы уже потому, что мышление человека елизаветинской эпохи чуждо современному читателю по определению. Не говоря уже о различиях в синтаксисе или морфологии, исчезновении множества слов и идиом, а также особенно коварной трудности - в изменениях значения сохранившихся слов и словосочетаний.

Целью настоящей статьи является попытка выявления и классификации всех возможных потерь адаптированного текста Шекспира по сравнению с подлинником. Кроме того, ставится и задача культурологического плана: крайне интересно увидеть, что авторы адаптированного текста решили разъяснить читателю, т.е. что в языке Шекспира может не понять современный носитель английского языка, вероятнее всего, молодой. Недаром одна из серий шекспировских адаптаций называется *No Fear Shakespeare*, то есть начинающим знакомиться с Шекспиром предлагается пройти через такой вариант, где ваши страхи не понять будут услужливо сняты.

Для этой цели были выбраны две адаптации одного и того же текста – первой сцены из первого акта «Гамлета» и предпринят анализ причин, вызвавших адаптацию в том или ином случае. Анализу были подвергнуты следующие адаптации:

1. *Hamlet*. Edited by John Richetti, Rutgers University. The Shakespear Parallel Text Series. Logan, Iowa, The Perfection Form Company, 1983. (SPT)
2. *Hamlet*. *No Fear Shakespeare*. [Эл.ресурс] (NFS)
3. Подлинный текст: *The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark*. The Works of Shakespeare Edited for the Syndics of the Cambridge University Press by J.D. Wilson. Cambridge – London – New York – Melbourne. First printed 1934. (TH)

Каждая реплика, таким образом, повторена трижды в следующем порядке: ТН, SPT, NFS). Крупные реплики произвольно разбиты на несколько частей. Объём данной статьи не позволяет опубликовать весь проанализированный текст в трёх вариантах. Ниже предлагаются отдельные отрывки, по мнению автора, наиболее наглядно демонстрирующие работу адаптаторов.

1. ТН. Francisco. Nay, answer me. Stand and unfold yourself.

SPT. No, you answer me. Stand still and tell me who you are.

NFS. No, who are *you*? Stop and identify yourself.

В обеих адаптациях устаревшая форма отрицания *ne* заменена на *no*.

SPT: реплика Франциско выражена более резко с помощью бесцеремонного *you*. Требование остановиться уточнено: *stand still*. *Unfold yourself* : адаптатору показалось, что не слишком распространённое *unfold* (букв. «раскройся») может оказаться непонятным современному читателю, и он предпочёл развёрнутый нейтральный оборот.

NFS: Адаптатор выражает тот же смысл, полностью перестроив фразу, означающую «Нет, это ты мне сперва ответь», он предпочёл выделить шрифтом *you*, таким образом поставив на нём ударение. Вместо *stand* употреблено более современное и уместное *stop*, но вместо шекспировского *unfold* употреблено столь же нечасто встречающееся *identify*. В современном употреблении *identify* выглядит как официальный, канцелярский термин.

2. ТН. Francisco.: You come most carefully upon your hour.

SPT. You've come exactly on time.

NFS. You've come right on time.

Текст упрощён, слегка изменён смысл, что видно при буквальном переводе. Грамматическое изменение: современная грамматика требует форму Present Perfect.

3. ТН. Barnardo. 'Tis now struck twelve, get thee to bed, Francisco.

SPT. The clock has just struck twelve. Go to bed, Francisco.

NFS. The clock's just striking twelve. Go home to bed, Francisco.

Фраза полностью перестроена. Интересно, что SPT понял *struck* как *has struck*, а NFS как *is striking*. Очевидно, что в современном английском сознании возможны обе интерпретации, хотя первая кажется более убедительной. Форма *thee* исключается из современного употребления.

4. ТН. Francisco. For this relief much thanks, 'tis bitter cold, and I am sick at heart.

SPT. Thanks a lot for coming to relieve me. It's bitter cold, and I've been scared stiff.

NFS. Thanks for letting me go. It's bitterly cold out, and I'm depressed.

Much thanks невозможно по нынешним правилам, но оба адаптатора предпочли вместо many thanks обойтись разговорным thanks.

Более сложно расхождение в конце фразы. I'm sick at heart в данном контексте не вполне понятно, depressed выглядит убедительнее: у Франциско нет оснований чего-то бояться (scared stiff). Фразу Франциско можно понять как «Очень холодно, и я себя плохо чувствую».

5. TH. Francisco: Not a mouse stirring.

SPT. Not a mouse stirring.

NFS. I haven't even heard a mouse squeak.

SPT оставил фразу неизменной, NFS почему-то предпочёл, чтобы мышь не пробежала мимо, а пропищала. Вполне возможно, NFS счёл, что в такой темноте пробегающую мышь заметить в принципе невозможно, но Франциско употребил именно глагол stir, а не squeak. Замена здесь не обоснована, она не облегчает понимание текста.

6. TH. Barnardo. Well, good night: if you meet Horatio and Marcellus, The rivals of my watch, bid them make haste.

SPT. Well, good night. If you happen to meet Horatio and Marcellus, my partners on guard duty, tell them to hurry.

NFS. Well, good night. If you happen to see Horatio and Marcellus, who are supposed to stand guard with me tonight, tell them to hurry.

Упрощение вполне оправданно: The rivals of my watch современному читателю непонятно и требует расшифровки. Bid them make haste оба адаптатора предпочли заменить современным нейтральным tell them to hurry.

7. TH. Marcellus. And liegemen to the Dane.

SPT. And loyal subjects to the King of Denmark.

NFS. And servants of the Danish king.

Оба адаптатора разумно отказались от явно непонятного liegemen в пользу более близкого подлиннику subjects (SPT) и servants (NFS). Точно так же они сочли, что the Dane («датчанин») может быть не понято и обратились к исчерпывающему обозначению короля.

8. TH. Francisco. Give you good night.

SPT God give you a good night's watch.

NFS. Good night to you both.

Здесь SPT, без сомнения, лучше понял смысл фразы: Франциско употребляет give в значении сослагательного наклонения, пожелания «(Пусть Господь) даст вам

(благополучное дежурство)», «Да пройдёт ваше дежурство благополучно». Равным образом SP правильно понял и слова *good night*, означающие здесь благополучное/удачное дежурство (смену). У NFS говорящий просто желает собеседникам доброй ночи.

9. TH. Marcellus. O, farewell honest soldier, Who hath relieved you?

SPT. Goodnight to you, worthy soldier. Who has taken your watch?

NFS. Good-bye. Who's taken over the watch for you?

Оба адаптатора отказались от *farewell*, которое в настоящее время в устах солдат звучит слишком поэтично. *Honest* сегодня – это «честный» (ср. устаревшее русское значение «честной», которое здесь, вероятно подошло бы больше), поэтому тоже было отброшено. SPT предпочёл заменить его на более приемлемое *worthy*, а NFS вовсе опустил. Естественно глагол *hath* приобрёл современную форму, а *relieve* (первое значение «облегчать») оба адаптатора заменили на современный нейтральный оборот *to have taken (the watch)*.

10. TH. Marcellus. Holla, Barnardo!

SPT. Hey there, Barnardo!

NFS. Hello, Barnardo..

Здесь и всюду адаптаторы справедливо отказываются от устаревших междометий.

11. TH. Barnardo. Say, What, is Horatio there?

SPT. What, is that Horatio there?

NFS. Hello. Is Horatio here too?

Здесь отношение к междометиям несколько иное: от *say* оба адаптатора отказались, но *what* сохранилось у SPT.

12. TH. Horatio. A piece of him.

SPT. You see a part of him (The rest is frozen stiff)

NFS. More or less.

Спорное место. Очевидно, Горацио шутит, и оба адаптатора это понимают. Но NFS оставляет читателю догадываться, что имеет в виду говорящий, в то время как SPT полагает, что Горацио просто смертельно замёрз, и от него осталась только часть.

13. TH. Barnardo. Welcome, Horatio, welcome good Marcellus.

SPT. Welcome, Horatio. Welcome, good old Marcellus.

NFS. Welcome, Horatio. Welcome, Marcellus.

Интересный случай, где NFS решил обучить манерам Бернардо, который в оригинале приветствует сослуживцев с разной степенью учтивости...

14. TH. Horatio. What, hath this thing appeared again to-night?

SPT. Don't tell me, has this thing appeared again tonight?

NFS. So, tell us, did you see that thing again tonight?

Оба адаптатора обратились к разговорному стилю, отказавшись от устаревшего междометия what.

15. TH. Marcellus. Horatio says 'tis but our fantasy, And will not let belief take hold of him Touching this dreaded sight twice seen of us, Therefore I have entreated him along With us to watch the minutes of this night, that if again this apparition come, he may approve our eyes and speak to it.

SPT. Horatio says that it's only our imagination, and he refuses to allow himself to believe that this terrifying sight we have seen twice is real. So I have asked him to come along with us and stand guard through this night; so that if this ghost comes again, Horatio can confirm what we have seen and speak to it.

NFS. Horatio says we're imagining it, and won't let himself believe anything about this horrible thing that we've seen twice now. That's why I've begged him to come on our shift tonight, so that if the ghost appears he can see what we see and speak to it. He may approve our eyes and speak to it.

Оба адаптатора заменили устаревшие обороты, значительно затруднявшие понимание текста. Устранено сослагательное наклонение if again this apparition come.

16. TH. Barnardo. Sit down awhile, And let us once again assail your ears, that are so fortified against our story, What we have two nights seen.

SPT. Sit down for a bit, and let us try once again to convince you, since you're so set against believing our story, of what we've seen these two nights.

NFS. Sit down for a while, and we'll tell you again the story you don't want to believe, about what we've seen two nights now.

Дословно Барнардо говорит: «Давайте атакуем твои уши, которые столь прочно защищены от нашего рассказа». Вариант SPT упрощает текст лексически, но использует сложную грамматическую конструкцию, мешающую восприятию. Вариант NFS заметно проще.

17. TH. Barnardo. Last night of all, When you same star that's westward from the pole Had made his course t'illuminate that part of heaven Where it now burns, Marcellus and myself, The bell then beating one -

SPT. Last night, what all that star over there to the west of the north star had arrived to light up that part of the sky where it now shines, Marcellus and myself, the bell then striking one o'clock –

NFS. Last night, when that star to the west of the North Star had traveled across the night sky to that point where it's shining now, at one o'clock, Marcellus and I –

В подлиннике невероятно сложная для восприятия неоконченная фраза, которую адаптаторам удалось упростить только отчасти.

18. TH. Marcellus. Peace, break thee off, look where it comes again!

SPT. Quiet, stop talking. Look where it comes again.

NFS. Quiet, shut up! It's come again.

Peace оба адаптатора заменили на quiet, а break thee off SPT заменил на нейтральное stop talking. NFS обратился к более резкому shut up.

19. TH. Barnardo. In the same figure like the king that's dead.

SPT. It looks exactly like the dead king, Hamlet.

NFS. Looking just like the dead king.

В данном случае NFS структурно ближе к подлиннику. Трудно объяснить, зачем SPT понадобилось уточнять имя покойного короля.

20. TH. Marcellus. Thou art a scholar, speak to it, Horatio.

SPT. You are an educated man, speak to it, Horatio.

NFS. You're well-educated, Horatio. Say something to it.

Оба адаптатора отказались от устаревшего оборота, хотя, надо полагать, он знаком любому англичанину, по первой строке «Отче наш». Слово scholar несколько изменило своё значение и было обоснованно заменено.

21. TH. Barnardo. Looks a' not like the king? Mark it, Horatio.

SPT. Doesn't it look like the king? Look closely, Horatio.

NFS. Doesn't he look like the king, Horatio?

Оба адаптатора заменили вопросительную конструкцию на современную. В подлиннике Барнардо просит Горацио обратить на это внимание, что NFS опускает, по-видимому, как мало существенное.

22. TH. Horatio. Most like, it harrows me with fear and wonder.

SPT. Just like him. It rips through me with fear and amazement.

NFS. Very much so. It's terrifying.

Harrow означает процесс боронования и метафорически – мучительную боль от разрыва тела. SPT постарался передать это значение современными методами. NFS очень сильно упростил образ.

23. TH. Horatio. What art thou that usurp'st this time of night, Together with that fair and warlike form In which the majesty of buried Denmark Did sometimes march? By heaven I charge thee speak.

SPT. What are you? Why do you take over this time of night and appropriate that handsome and military appearance in which the buried king of Denmark used to march? In heaven's name, I order you, speak.

NFS. What are you, that you walk out so late at night, looking like the dead king of Denmark when he dressed for battle? By God, I order you to speak.

Адаптация SPT точнее передаёт смысл подлинника, хотя лексические и грамматические упрощения снижают торжественность стиля Горацио.

24. TH. Horatio. Before my God, I might not this believe Without the sensible and true avouch Of mine own eyes.

SPT. I swear to God, I wouldn't believe this unless I could vouch for it by the report of my own eyes.

NFS. I swear to God, if I hadn't seen this with my own eyes I'd never believe it.

Вычурный оборот «Я не смог бы поверить в это, если бы не здоровое и правдивое свидетельство моих глаз» значительно упрощено до нейтрального «Не поверил бы, если бы не увидел своими глазами». Восклицание Before God заменено на обычное I swear to God.

25. TH. Horatio. As thou art to thyself. Such was the very armour he had on, When the ambitious Norway combated, So frowned he once, when in an angry parle He smote the sledded Polacks on the ice. 'Tis strange.

SPT. As you are like yourself. That was the same armor he wore when he fought the ambitious king of Norway. He frowned that way once during an angry discussion of truce terms when he defeated the Poles in their fields on the ice.

NFS. Yes, as much as you look like yourself. The king was wearing exactly the armor when he fought the king of Norway. And the ghost frowned just like the king did once when he attacked the Poles, traveling on the ice in sleds. It's weird.

Несколько странных замен и опущений. Возможно, адаптаторы пользовались другим изданием подлинника. SPT добавил, что король вёл мирные переговоры и опустил деталь, что поляки передвигались на санях. Опущена фраза 'Tis strange. В свою очередь, NFS опустил часть фразы насчёт переговоров с поляками. Устаревшее слово parle опущено обоими адаптаторами.

26. TH. Marcellus. Thus twice before, and jump at this dead hour, With martial stalk hath he gone by our watch.

SPT. Just that same way twice before and exactly at this still time of night, he's marched by us as we stood watch.

NFS. It's happened like this twice before, always at this exact time. He stalks by us at our post like a warrior.

Очень сложно построенная фраза пересказана обоими адаптаторами в соответствии с новыми нормами грамматики. Заменён целый ряд слов. Jump изменило значение и поэтому было заменено, торжественное martial stalk сменилось нейтральными сочетаниями.

27. TH. Horatio. In what particular thought to work I know not, But in the gross and scope of mine opinion, This bodes some strange eruption to our state.

SPT. I don't know what particular meaning I can come up with for this, but my general view is that this is a sign of some strange outbreak of violence about to take place in our country.

NFS. I don't know exactly how to explain this, but I have a general feeling this means bad news for our country.

Оба адаптатора изменили I know not на I don't know, сложный оборот in the gross and scope of mine opinion на my general view (SPT) и I have a general feeling (NFS). Но самое сложное для понимания последнее предложение они интерпретировали совершенно по-разному. В буквальном переводе оно означает «Это предвещает какое-то странное извержение (= взрыв) в нашем государстве». SPT попытался приблизиться к подлиннику: this is a sign of some strange outbreak of violence in our country, в то время как NFS обошёлся генерализацией: this means bad news for our country.

28. TH. Marcellus. Good now we sit down, and tell me he that knows, Why this same strict and most observant watch So nightly toils the subject of the land, And why such daily cast of brazen cannon And foreign mart for implements of war, Why such impress of shipwrights, whose sore task Does not divide the Sunday from the week, What might be toward that this sweaty haste Doth make the night joint-labourer with the day, Who is't that can inform me?

SPT. All right now, let's sit down, and I want whoever knows to tell me why such a strict and very careful guard forces the Danish people to work day and night. Why are bronze cast every day? Why is there such trade with foreign nations for military supplies? Why are so many ship builders forced into service and made to work every day of the week, including Sunday? What are we preparing for in such a sweaty hurry that the night is turned into a fellow worker with the day? Which of you can tell me why?

NFS. All right, let's sit down and discuss that question. Somebody tell me why this strict schedule of guards has been imposed, and why so many bronze cannons are being

manufactured in Denmark, and so many weapons bought from abroad, and why the shipbuilders are so busy they don't even rest on Sunday. Is something about to happen that warrants working this night and day? Who can explain this to me?

С позиций современного языка адаптация этого отрывка больше удалась NFS. Устаревших слов в отрывке мало: *impress of shipwrights*, очевидно, надо понимать как давление на кораблестроителей, чтобы они работали всю неделю. *Sore task* – это задание, вызывающее болезненное напряжение. Однако наибольшую трудность для понимания являют сложные метафорические обороты, которые довольно успешно упрощены адаптаторами.

29. TH. Horatio. That can I, At least the whisper goes so; our last king, Whose image even but now appeared to us, Was as you know by Fortinbras of Norway, Thereto pricked on by a most emulate pride, dared to the combat; in which our valiant Hamlet (For so this side of our known world esteemed him) Did slay this Fortinbras, who by a sealed compact, Well ratified by law and heraldry, Did forfeit (with his life) all those his lands Which he stood seized of, to the conqueror, against the which a moiety competent Was gaged by our king, which had returned To the inheritance of Fortinbras, Had he been vanquisher; as by the same co-mart, And carriage of the article designed, His fell to Hamlet;

SPT. I can do that. This at least is the rumor. Our last king, whose likeness has just this minute appeared to us, was as you know challenged to battle by Fortinbras of Norway, who was provoked by jealous pride. And in that battle our brave Hamlet (for that's how everyone here in our part of the world thought of him) killed this Fortinbras. By the terms of their sealed agreement and according to the law and the custom of heraldry, Fortinbras gave up to his conqueror not only his life but also the lands he possessed. Matching those, an equal portion of land had been staked by our king, and that land would have been ceded to Fortinbras and his heirs if he had been the winner, that by the same terms of the agreement and according to the meaning of the contract passed to Hamlet.

NFS. I can. Or at least I can describe the rumors. As you know, our late king, whom we just now saw as a ghost, was the great rival of Fortinbras, king of Norway. Fortinbras dared him to battle. In that fight, our courageous Hamlet (or at least that's how we thought of him) killed old king Fortinbras, who – on the basis of a valid legal document – surrendered all his territories, along with his life, to the conqueror. If our king had lost, he would have had to do the same.

Громоздкое и синтаксически очень сложно построенное предложение справедливо разбито обоими адаптаторами. SPT передал содержание более или менее полно, NFS ограничился пересказом, опустив ряд деталей.

30. TH. Now sir, young Fortinbras, Of unimproved mettle hot and full, Hath in the skirts of Norway here and there Sharked up a list of lawless resolute For food and diet to some enterprise That hath a stomach in't, which is no other, As it doth well appear unto our state, But to recover of us by strong hand And terms compulsory, those foresaid lands So by his father lost;

SPT. Now, sir, young Fortinbras, eager and full of untested courage, here and there along the borders of Norway has recklessly picked up an army of lawless and desperate men. He offered them their keep if they would take part in an enterprise that requires courage, which is no other (as our leaders can plainly see) than to take back from us by force those lands I mentioned before that his father lost.

NFS. But now old Fortinbras's young son, also called Fortinbras – he is bold, but unproven – has gathered a bunch of thugs from the lawless outskirts of the country. For some food, they're eager to take on the tough enterprise of securing the lands the elder Fortinbras lost.

Приблизительно та же стратегия, что в (47), длинное предложение разбито, порядок слов выровнен. SPT передаёт текст полностью, NFS в пересказе.

31. TH. And even the like precursor of fierce events, As harbingers preceding still the fates And prologue to the omen coming on, Have heaven and earth together demonstrated Unto our climates and countrymen, As stars with trains of fire and dews of blood, Disasters in the sun; and the moist star, Upon whose influence Neptune's empire stands, Was sick almost to doomsday with eclipse.

SPT. Stars were seen with fiery tails like comets, there were blood-red dews and threatening signs in the sun. And the moon, whose force controls the oceans, was almost eclipsed, as it will be at the end of the world. And similar predictions of events we fear, forerunners which always precede what is fated to happen, announcements of the disaster which is coming, have been evident here in heaven and on earth and clearly shown to Denmark and our fellow Danes.

NFS. There were shooting stars, and blood mixed in with the morning dew, and threatening signs on the face of the sun. The moon, which controls the tides of the sea, was so eclipsed it almost went completely out. And we've had similar omens of terrible things to come, as if heaven and earth have joined together to warn us what's going to happen.

Наиболее апокалиптический отрывок практически недоступен для буквального пересказа из-за повторов и крайне сложного синтаксиса. Оба адаптора сократили и перестроили текст. Трудные, редкие и устаревшие слова *precurse*, *harbingers*, *omen*, *climatures*, а также *Neptune's empire* заменены или вовсе опущены.

32. TH. If thou hast any sound or use of voice, Speak to me. If there be any good thing to be done That may to thee do ease, and grace to me, Speak to me.

SPT. If I can do any good deed which will help you and earn grace for me, speak to me.

NFS. If you have a voice or can make sounds, speak to me. If there's any good deed I can do that will bring you peace and me honor, speak to me. Or if you've got some buried treasure somewhere, which they say often makes ghosts restless, then tell us about it. Stay and speak!

В обоих случаях текст адаптирован более или менее адекватно.

33. TH. If thou art privy to thy country's fate Which happily foreknowing may avoid, O, speak!

SPT. If you know the secret of your country's fate, which if we know we may avoid, O, speak!

NFS If you have some secret knowledge of your country's sad fate – which might be avoided if we knew about it – then, please, speak.

Оба адаптора «осовременили» грамматику. Из контекста следует, что речь идёт о возможности несчастий для Дании, из чего следует, что NFS, в отличие от SPT, поступил правильно, добавив к слову *fate* эпитет *sad*, хотя в подлиннике он отсутствует. Вероятно, SPT следовало заменить *foreknowing*.

34. TH. Or if thou hast uphoarded in thy life Extorted treasure in the womb of earth, For which they say you spirits oft walk in death, Speak of it – stay and speak – stop it, Marcellus!

SPT. Or, if during your lifetime, you have hoarded up ill-gotten treasure in an underground hiding place, for which it is said you ghosts are often forced to wander after death, speak of it. Stay here.

NFS. Or if you've got some buried treasure somewhere, which they say often makes ghosts restless, then tell us about it. Stay and speak! Keep it from leaving, Marcellus.

Как и в ряде случаев, отмеченных выше, NFS сократил текст. Особенно странно, что сокращению подверглось *extorted* (treasure), которое SPT правильно перевёл как *ill-gotten* (treasure). Отсутствие слова, означающего, что сокровище имеет преступное происхождение, искажает смысл легенды. Устаревшее *uphoarded* и редкое *extorted*

заменены современными синонимами. Не менее странно, что вполне понятное подлинное *Stop it! NFS* передаёт как *Keep it from leaving*.

35. TH. Horatio. And then it started like a guilty thing, Upon a fearful summons; I have heard The cock that is the trumpet to the morn Doth with his lofty and shrill-sounding throat Awake the god of day, and at his warning Whether in sea or fire, in earth or air, Th'extravagant and erring spirit hies To his confine, and of this truth herein This present object made probation.

SPT. And then it was startled, like a guilty thing which was summoned by a call it fears. I have heard that the cock, which is the trumpet that announces morning, with his exalted and high pitched voice awakens the god of day. And when he gives that warning, whether it is in the sea or in fire, in the earth or in the air, the wandering ghost which is far from the proper place hurries back to its prison. This display we have just seen proves the truth of that.

NFS. And then it acted startled, like a guilty person caught by the law. I've heard that the rooster awakens the god of day with its trumpetlike crowing, and makes all wandering ghosts, wherever they are, hurry back to their hiding places. We've just seen proof of that.

Поэтическая речь снова пересказана нейтральным языком.

36. TH. But look, the morn in russet mantle clad Walks o'er the dew of you high eastward hill.

SPT. But look, dressed in a reddish cloak, the morning walks on the dew that covers that high hill over there to the east.

NFS. But look, morning is breaking beyond that hill in the east, turning the sky red.

SPT в своём стремлении упростить поэтический язык, всё же стремится сохранить информацию в максимальном объёме. NFS ограничивается самым кратким изложением.

Подведём итоги выполненному анализу. Представляется, что перед нами пример особого жанра, который не следует путать с простым пересказом и тем более художественным переводом. Целесообразно в этой связи сравнить шекспировские адаптации с переводом «Слова о полку Игореве», выполненном Л.А. Дмитриевой, Д.С. Лихачёвым и О.В. Твороговой («Слово о полку Игореве» [«Слово...», с. 57]. Первые строки «Слова» (буква «ять» заменена на «е» по техническим причинам):

Не лепо ли ны бяшет, братие, начяти старыми словесы трудных повести о пълку Игореве, Игоря Святъславича? Начати же ся тьи песни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню!

Боянь бо вещи, аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мыслию по древу, серымъ вълком по земли, шизымъ орломъ подь облакы. Помняшетъ бо, рече, пьрвых временъ усобице.

Перевод:

Не пристало ли нам, братья, начать старыми словами печальные повести о походе Игоревом, Игоря Святославича? Пусть начнётся же эта песнь по былям нашего времени, а не по замыслению Бояна!

Ведь Боян вещий, если хотел кому песнь слагать, то растекался мыслию по древу, серым волком по земле, сизым орлом под облаками. Помнил он, говорят, прежних времён усобицы.

Перед нами высокохудожественный перевод, очень точно передающий смысл, бережно сохраняющий каждое слово подлинника. На филологических факультетах древнерусские тексты обычно читаются в подлиннике, точный перевод используется редко, широкому читателю этот тип литературы практически неизвестен, откуда малая потребность в жанре адаптации.

Совсем другая ситуация в англоязычных странах с текстами типа шекспировских. Шекспир включён в школьную программу, степень знакомства с его произведениями сравнима с произведениями Л. Толстого в России. Необходимость сделать Шекспира понятным рядовому читателю очевидна. Эта мысль хорошо согласуется с мнением Гегеля, который, одобрительно отзываясь о стремлении англичан приспособлять художественные тексты к своему времени, писал: «Художественное произведение имеет в себе также и временную преходящую сторону и нуждается в изменениях. Ибо прекрасное является для других, и те, для которых оно является, должны чувствовать себя как дома в этой внешней стороне явленного прекрасного» [Гегель, 1971, с.286].

Между тем, сравнивая подлинник и адаптации «Гамлета», легко видеть, что эти последние могут служить только как вспомогательные средства, слишком велики художественные потери. Можно рассматривать английские адаптации «Гамлета» как развёрнутые комментарии к произведению Шекспира, подразумевающие, что читатель обратится к чтению оригинала и только в случае необходимости заглянет в адаптированный текст.

Однако это не вся правда, так как в таком случае достаточно было бы комментирования только действительно трудных мест, подборки синонимов для устаревших или изменивших значение слов и т.п. Так, собственно, всегда и поступали редакторы с шекспировскими оригиналами до сих пор. Очевидно, что создание

адаптаций в виде самостоятельного текста преследовало и некоторые иные цели. Причём цели каждой из двух адаптаций совпадают не полностью. Можно предположить, что эти адаптации предназначаются каждая для своей аудитории.

Адаптация, обозначенная в статье SPT, очевидно, стремилась по возможности не отходить от оригинала настолько, насколько это возможно при условии, что текст должен быть понят максимально точно. При этом автор адаптации особенно старался убрать наиболее сложные грамматические конструкции, обороты и ряд слов. Читатель здесь предполагается относительно подготовленный.

Адапатор NFS пошёл по пути пересказа текста, нередко опуская детали, несущественные для понимания происходящего. По-видимому, его задача – прежде всего объяснить, «про что это всё». Адаптация нацелена на неподготовленного читателя или такого, которому достаточно получить общее представление от текста.

Ни тот, ни другой адаптатор не стремились сохранить художественную сторону текста. Для них важна известная «демократизация» Шекспира, приближение его творчества к широким массам. Задача достойная, хотя и не бесспорная, в известной мере напоминающая дайджесты, помогающие занятому современнику «по-быстрому» получить представление о произведении.

Особенный интерес представляет отношение авторов адаптаций к шекспировскому вокабуляру. Список слов, которые сохранились в современном языке, но, по-видимому, представляются адаптаторам неизвестными большинству современных англоязычных читателей, впечатляет. Можно подумать, что словарный запас сегодняшнего среднего англо-сакса весьма и весьма беден.

Шекспировские междометия и подобные им восклицания заменяются современными соответствиями, что, конечно же, совершенно оправданно.

Наиболее оправданными представляются изменения в грамматике: современный средний читатель имеет право не знать давно исчезнувшие грамматические особенности языка рубежа XVI - XVII веков. Для языка Шекспира характерны очень длинные и синтаксически запутанные фразы, которые даже при чтении, не говоря о восприятии на слух, трудны для понимания. Адапторы делят длинные фразы и пересказывают их содержание.

Таким образом, перед нами фактически особый жанр пересказа-перевода, который наряду с дайджестами играет служебную обучающую роль. С одной стороны, это вполне допустимое явление, с другой – показатель явного снижения культурного уровня современного читателя.

Представляло бы интерес изучение шекспировского текста в таком виде, в каком он в настоящее время звучит со сцены. Очевидно, что там неизбежны сокращения, но главное – существует необходимость адаптации текста, воспринимаемого только на слух, а это накладывает на адаптатора дополнительные непростые задачи, ибо здесь жертвовать художественностью текста уже нельзя.

Список литературы

Гегель Г. Эстетика: В 4 т. Т.1. - М., 1971. С. 286.

Слово о полку Игореве. Ленинград: Сов. Писатель, 1967. С. 57 – 65.

Hamlet. Edited by John Richetti, Rutgers University. The Shakespear Parallel Text Series. Logan, Iowa, The Perfection Form Company, 1983.

Hamlet. No Fear Shakespeare. [Электронный ресурс] - Режим доступа: nfs.sparknotes.com/hamlet/p-z.html

The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark. The Works of Shakespeare Edited for the Syndics of the Cambridge University Press by J.D. Wilson. Cambridge – London – New York – Melbourne. First printed 1934.

Иноуэ Ю.
Университет Дзэти
г. Токио (Япония)

Inoue Yukiyo
Sophia university
Tokyo (Japan)

*АНАГРАММА, СКРЫТАЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «ДЕМОН»,
«ДАРЫ ТЕРЕКА» И «ТАМАРА», И ЕЕ ПЕРЕВОД НА ЯПОНСКИЙ ЯЗЫК*

*ANAGRAMS, HIDDEN IN THE WORKS OF MIKHAIL LERMONTOV'S "DEMON",
"GIFTS OF THE TEREK" AND "TAMARA" AND ITS TRANSLATION INTO JAPANESE*

Настоящая статья посвящена осмыслению анаграммы, скрытой в поэтических произведениях последнего периода творчества М. Ю. Лермонтова «Демон», «Дары Терека» и «Тамара», а также выяснению их взаимосвязи и переводу анаграммы на японский язык. В этих произведениях анаграмма слова «Демон» тесно связана с образом Терека. В поэме «Демон» от поцелуя Демона на Тереке погибает Тамара, а в стихотворении «Дары Терека» и в балладе «Тамара» бурное течение Терека уносит трупы жертв. На наш взгляд, Терек представляет собой границу между этим светом и тем светом, которым правит Демон. Демонологический образ Терека и анаграмма слова «Демон», скрытая в этих трех произведениях, связывают их как цикл произведений. В этом смысле анаграмма имеет ключевое значение для понимания их взаимосвязи, и при их переводе на иностранные языки, по мере возможности, соответствующую анаграмму необходимо адекватно воспроизводить. В данной статье приведены примеры перевода на японский язык строф, в которых скрыта анаграмма, с использованием разработанной нами методики перевода русских стихов на японский язык.

This article is devoted to understanding anagrams, hidden in the poetic works of the last period of creativity of Lermontov, "Demon", "The Gifts of the Terek" and "Tamara", and to determining their relationships and to translating anagrams into Japanese. In these works, an anagram of the word "Demon" is closely connected with the image of the Terek. In the poem "The Demon" Tamara was killed by Demon's kiss on the Terek, and in the poem "The Gifts of the Terek" and the ballad "Tamara" Terek carries corpses by his violent course. In our opinion, the Terek is the boundary between the world of living and the world of death that Demon rules. Demonological image Terek and an anagram of the word "Demon", hidden in these three works, binds them as a cycle of works. In this sense, the anagram is of key importance for the understanding of relationships of these works, and when they are translated into foreign languages, it is necessary to recreate the proper anagram in target languages as far as possible. In this article we will show the samples of translation of the stanzas in which the anagram is hidden to Japanese by using the technique developed by us for Russian poetry translation into Japanese.

Ключевые слова: Демон, Дары Терека, Тамара, Терек, анаграмма

Keywords: Demon, The Gifts of the Terek, Tamara, Terek, anagram

1. Образ Терека в произведениях «Демон», «Дары Терека» и «Тамара»

1.1. Образ Терека в «Демоне»

Поэтические произведения последнего периода творчества М. Ю. Лермонтова «Демон», «Дары Терека» и «Тамара» связаны демонологическим образом Терека. В этих произведениях скрыта анаграмма слова «Демон», имеющая ключевое значение для понимания их взаимосвязи. В поэме «Демон» Дарьяльское ущелье и Терек сравниваются с жилищем змея («*Как трещина, жилище змея, Вился излучистый Дарьял*») и с ревущей львицей («*И Терек, прыгая, как львица С косматой гривой на хребте*»). Внушив страсть Тамаре, Демон принес ей гибель на Тереке. В народной демонологии змей ассоциируется со злым духом, в славянской мифологии «огненный змей» это тоже демон в образе змея, наделенный антропоморфными чертами. В заговорах он призывается как волшебное существо, способное внушить страсть женщине [Славянская мифология, 1995, с. 196, 283-284], а львица – хищный зверь, являющийся символом силы и господства. На основании этого можно предположить, что образы Дарьяла и Терека в «Демоне» перекликаются с демонологическими символами в славянской мифологии. Это предположение может быть подкреплено тем, что в поэме скрыта анаграмма слова «Демон». На это слово аллитерировано самое начало поэмы.

<i>Печальный дух изгнанья,</i>	дннн (<i>Де мон</i>)	U_ U_ U_ U_U	Ж
<i>Летал над грешною землей,</i>	де монн де мон	U_ U_ UU U_	М
<i>И лучшей дней воспоминанья</i>	де мооннн де мон	U_ U_ UU U_ U	Ж
<i>Пред ним теснились толпой;</i>	дмонн д-мон	U_ U_ U_ U_	М

Слово «Демон», которое дано в самом первом стихе, перекликается с его же анаграммой, которая, в то же время, может ассоциироваться с образами Дарьяла и Терека. Об анаграмме в произведениях Лермонтова писал М. Л. Гаспаров. Он приводит несколько примеров анаграммы из произведений поэта: «в «Утесе» 2-я строфа аллитерирована на слово «стоит»; в стихотворении «На севере диком...» 1-я строфа — возможно, аллитерирована на слово «сосна», а 2-я – на слово «прекрасная»» [Гаспаров, 1981, с. 546]. Гаспаров отмечает, что фоника Лермонтова, как вообще фоника русской поэзии, – наименее исследованная область его стихов, и анаграмма представлена у Лермонтова лишь немногими и неотчетливыми примерами [там же, с. 546]. Но вышеприведенный пример и примеры, которые будут рассмотрены далее, подтверждают предположение, что примеры анаграммы слова «Демон» можно найти и в произведениях «Демон», «Дары Терека» и «Тамара». К тому же, анаграмма тесно связана с темой и содержанием этих произведений, поэтому при их переводе на иностранные языки, по мере возможности, необходимо адекватно воспроизводить

соответствующую анаграмму. Воспроизводить анаграммы при переводе на иностранный язык на уровне слов практически невозможно, но в рамках строф возможно. Ниже будут приведены примеры перевода на японский язык строф со скрытой анаграммой с использованием разработанной нами методики перевода русских стихов на японский язык [Иноуэ, 2014, с. 252-261]. Принципы перевода следующие:

(1) Принцип перевода по стихотворным размерам.

Японские стихи строятся по принципу 5-7-морной или 7-5-морной метрики, которая определяется смысловым отсечением «Кугирэ». Свобода и твердость русского ямба, отмеченная Н.С. Гумилевым [Гумилев, 1990, с. 72-73], с ударением на втором слоге в стопе могут ассоциироваться с твердостью и мощностью японской 5-7-морной метрики с большей сонорностью на втором стихе. А взволнованность и смешливость русского хорея, о которой упоминал Гумилев, с ударением на первом слоге в стопе могут быть ассоциированы с легкостью и торопливостью японской 7-5-морной метрики с большей сонорностью на первом стихе. Из этого общего психологического и когнитивного действия целесообразно переводить ямб на 5-7-морную метрику, хорей на 7-5-морную метрику, дактиль с ударением на первом слоге на 7-5-морную, анапест с последним ударным слогом на 5-7-морную, и амфибрахий с ударением на среднем слоге на 5-7-морную или 7-5-морную.

(2) Принцип перевода по чередованию мужских и женских рифм

В русских стихах с чередованием мужских и женских рифм слова каждого стиха с мужской рифмой имеют на один слог меньше, чем с женской. Чередование мужских и женских рифм, отличающихся друг от друга количеством слогов, может быть ассоциировано с чередованием 5 мор и 7 мор в японских стихах. В этой связи целесообразно переводить чередование мужских и женских рифм на чередование 5 мор и 7 мор.

Теперь с помощью этой методики переведем часть первой строфы поэмы «Демон», в которой скрыта анаграмма слова «Демон». На японском языке «Демон» – «Akuma», анаграмма этого слова в переводе также скрыто выражена в соответствующей строфе. Ямбическое стихотворение с чередованием женской и мужской рифм переведено, в основном, на 5-7 морную метрику с чередованием 7 мор и 5 мор. Наклонной линией обозначено смысловое отсечение «Кугирэ».

Kanashiki	Akuma	tuihounomino	Akuryouga	Aku	(7•7•7)	без «Кугирэ»
(Akuma)						
Tsumifukaki	daichinouewo	tobimawaru		ma	(5•7 / 5)	5-7-морная

Subarashiku sugoseshi hibino tuiokuga	ku ku	(5•7 / 7)	5-7-морная
Menomaeni Amaneku murenashi Afurekuru	Akuma Akuma	(5•8 / 5)	5-8-морная

1.1 Образ Терека в «Дарах Терека».

В «Дарах Терека» Терек описывается как дикое и злобное существо, которое приносит в Каспий трупы возлюбленных, т.е. удалого казака и молодой казачки: «Я привёз тебе гостинец!.. Кабардинец удалой», «Я примчу к тебе с волнами Труп казачки молодой». Из этого можно предположить, что Терек у Лермонтова является границей между этим светом и тем светом, которым правит Демон. В народных представлениях «водное пространство – граница между «этим» и «тем» светом, путь в загробное царство, место обитания душ умерших и нечистой силы» [Славянская мифология, 1995, с. 96]. Терек у Лермонтова может быть «огненной рекой». «Огненная река – мифологическая река, отделяющая мир живых от мира мертвых (...) имеет космические масштабы, достигая в высоту неба, а в глубину — бездны» [там же, с. 283]. Теперь обратим внимание на анаграмму. Первая и вторая строфы стихотворения аллитерированы на слово «Демон».

1-я строфа с анаграммой слова «Демон»:

<i>Терек воеет, дик и злобен</i>	ден	де	_U _U _U _U	Ж
<i>Ме ж утёсистых громад,</i>	де ммо	де мо / мо	_U _U UU _	М
<i>Буре плач его подобен,</i>	дон	н / н	_U _U _U _U	Ж
<i>Слезы брызгами летят.</i>	м		_U _U UU _	М

2-я строфа с анаграммой слова «Демон»:

<i>Погуляя я на просторе,</i>	оон		UU _U UU _U	Ж
<i>Отдохнуть пора бы мне.</i>	де моонн	де мон	UU _U _U _	М
<i>Я родился у Ка з бе ка</i>	део	де	UU _U UU _U	Ж
<i>Вскормлен грудью облаков</i>	дмон	мон	_U _U UU _	М

Важно отметить, что во второй строфе, где говорится о происхождении Терека, скрыта анаграмма слова «Демон», т.е. сделан намек на то, что Терек в своем происхождении связан с образом Демона.

На основании приведенных примеров, напрашивается вывод, что в «Дарах Терека» Терек является границей между этим и тем светом и его образ перекликается с демонологическим образом нечистой силы. Терек приносит трупы в тот мир, которым

правит Каспий-Демон. Попробуем перевести эти строфы, в которых скрыта анаграмма слова «Демон». Хореическое стихотворение с чередованием женской и мужской рифм переведено, в принципе, на 7-5 морную метрику с чередованием 7 мор и 5 мор.

1-я строфа с анаграммой слова «Демон» (в переводе «Akuma»):

Tere ku wa hoeru dou aku nomama	Akuma kuma	(7•7)	7-5-морная
Kiritatu ya ma wō toorinuke	ma	(7•5)	
Sono nakigoewa ar ashinogotoku	Aku	(7•7)	
Namidaga sibukito mai agaru	Ama	(8•5)	8-5-морная
2-я строфа с анаграммой слова «Демон» (в переводе «Akuma»):			
Daichini nohara tada aru kumama	Akuma ma	(7•7)	
I mayā sorosoro yasumutoki	ma	(7•5)	7-5-морная
Wareno um arewa ano Kazubekuyama	Akuma ma	(7•8)	
Ku mono chibusade sodaterare	ku	(7•5)	7-5-морная

1.2 Образ Терека в «Тамаре»

В балладе «Тамара», так же, как и в «Дарах Терека», Терек, является границей между этим и тем светом. Его буйные волны уносят трупы: «И с плачем безгласное тело Спешили они унести». Теперь обратим внимание на анаграмму. В первой строфе скрыто выражена анаграмма двух слов: «Терек» и, возможно, «Демон», а в пятой – анаграмма трех слов: «Демон», «дух» и «сомнения». Другие строфы не аллитерированы на эти слова.

1-я строфа:

<i>В глубокой теснине Дарьяла,</i>	донн треек к	U_U U_U U_U	Ж
<i>Где роется Терек во мгле,</i>	д́ее мо д́е мо (Т ер ек)те рее Т́е ре	U_U U_U U_	М
<i>Старинная башня стояла,</i>	оннн н ттр / Т	U_U U_U U_U	Ж
<i>Чер н́е я на черной ск а л́е</i>	ее онн н́е э́р реек э́р ек	U_U U_U U_	М

5-я строфа:

<i>На голос невидимой п́ери</i>	д́е моон д́е мон	U_U U_U U_U	Ж
<i>Шел воин, купец и пастух;</i>	э́н	_ _U U_U U_	М
<i>Пред ним отворялися двери,</i>	Д д́е моон д́е мон	U_U U_U U_U	Ж

Встречал его мрачный Евнух. Мнн U_U|_U|U_ М

Та же строфа:

На голос невидимой пери д Сомн ёи со м не

Шел воин, купец и пастух; ух Сн ёи ни

Пред ним отворялися двери, д Соо м не ииия я/со м не-ия

Встречал его мрачный Евнух. ух смнн н

Прилагательное «мрачный» в последнем стихе пятой строфы может сочетаться с анаграммой слов «дух» и «сомнения», и в целом получается «мрачный дух сомнения». Нужно отметить, что это сочетание слов точно перекликается со словами, которые ангел бросил Демону, унося погибшую Тамару в рай.

«Исчезни, мрачный дух сомненья!» – (жирный шрифт мой – Ю. И.)

Посланник неба отвечал»

На основании этого можно предположить, что в образе царицы Тамары запечатлен дух Демона, т.е. Тамара наследует образ «мрачного духа сомненья» от Демона. Иначе говоря, по нашему мнению, Лермонтов в балладе «Тамара» дал царице имя Тамара, как и героине своей поэмы «Демон», в которой она погибает от поцелуя Демона. Но нужно отметить, что образ жестокой царицы Тамары, приносящей путникам смерть, очень отличается от образа княжны Тамары, погибшей от поцелуя Демона. На наш взгляд, это связано с большой разницей в финале между восьмой, последней редакцией, и шестой. Более подробно это будет рассмотрено ниже.

Теперь попробуем сделать перевод этих строф с анаграммой слов «Терек», «Демон», «дух» и «сомнения». На японском языке «Демон», как уже было сказано выше, «Akuma», а «мрачный» – «inkina», «дух» – «rei», и «сомнения» – «utagaino». В целом, «Демон», «мрачный дух сомненья» переведено как «Akuma», «inkina utagaino rei», из которого «Akuma» и «utagaino rei» скрыто выражены в 5-ой строфе в виде анаграммы. Амфибрахическое стихотворение с чередованием женской и мужской рифм переведено на сочетание 7-5 морной и 5-7 морной метрики с чередованием 7 мор и 5 мор.

1-я строфа с анаграммой слов «Демон» и «Терек» (в переводе «Akuma» и «Tereku»):

Dariyaru-yamano okufukaki tanimano airo	Akuma ma	(7•7•7)	без «Кугирэ»
Kirini kasunda Tereku-gawa sakutokoro	ku ku	(7•5 / 5)	7-5-морная
Inisieyorino bourouga okareteita	Tere	(7•5 / 7)	7-5-морная
Kuroki iwabade kuroguroto ukabumama	Ma ma ku ku	(7•5 / 5)	7-5-морная

5-я строфа с анаграммой слов «Демон», «дух» и «сомнения» (в переводе «Akuma», «rei» и «utagaino»):

Miezarishi	megami	sasayaku	Akuma ga	(5•7 / 7)	5-7-морная
Amakikowanede					
Sasowarete	Senshi shounin	bokufuwa yuku	ku ku U	(5•7 / 7)	7-5-морная
Reizento	tobiraga	hiraku sonomenomaede	kuma Rei ga	(5•7 / 7)	5-7-морная
no no					
Koshimonowo	Inkina	shimobe Demukaeta	(Inkina) i ta	(5•7 / 7)	5-7-морная
i no					

2. Взаимосвязь между балладой «Тамара» и поэмой «Демон»

В балладе «Тамара» М. Ю. Лермонтов называет героиню, царицу, жившую в башне в теснине Дарьяла на Тереке, именем Тамара, а не Дарья, которая, по грузинской легенде, жила в Дарьяльском замке и была то ли предводительницей разбойников, то ли царицей, то ли княжной. Почему Лермонтов назвал ее именно Тамарой, именем которым уже называл героиню в «Демоне»? Как отмечает И.Л. Андроников, в романе «Герой нашего времени» Лермонтов упоминает о книге французского путешественника Ж. Ф. Гамба «Voyage dans la Russie méridionale...», Paris, 1826, II, 21-22. В ней написано следующее: «Если верить местному преданию, Дарьяльский замок принадлежал в средние века какой-то княжне Дарье, которая (...) приказывала бросать в Терек любовников, которыми была недовольна» [Андроников, 1955, с. 36]. Вполне естественно, что Лермонтову была известна легенда о княжне Дарье. Высказывались разные предположения о происхождении имени Тамары, героини одноименной баллады, но до сих пор среди них нет убедительного. С другой стороны, по всей вероятности, Лермонтов читал «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» А.С. Пушкина, которое было опубликовано в 1836 г., т.е. до создания Лермонтовым «Тамары». В «Путешествии» Пушкин упоминает о крепости в Дарьяльском ущелье: «Предание гласит, что в ней скрывалась какая-то царица Дария, давшая имя свое ущелью: сказка. Дариал на древнем персидском языке значит ворота» [Пушкин, 1975, с. 356]. Вполне возможно, что из «Путешествия» Лермонтов узнал, что имя Дарья произошло от названия Дарьяльского ущелья, а не наоборот. А с другой стороны, как было сказано выше, царица Тамара наследует образ «мрачного духа сомненья», т.е. Демона. Из всего этого можно сделать вывод, что Лермонтов, по нашему предположению, решил дать героине своей баллады имя не Дарья, а Тамара, но это не та Тамара, которая, как следует из последней, восьмой редакции, унесена ангелом в рай и душа которой спасена, а та Тамара, которая, как написано в шестой редакции, унесена

Демоном в ад, душа которой не спасена и дальнейшая судьба которой неизвестна. По нашему мнению, именно Тамара «с запечатленной душой Демона» стоит на краю мира мертвых, границей которого с миром живых является Терек.

Теперь сопоставим Демона и царицу Тамару. Крылатый Демон парил в небесах и с высоты выискивал свою возлюбленную. Царица Тамара бескрыла и ждала прихода возлюбленных на земле в своей высокой башне в ущелье, как паук ждет добычу в своей паутине. Демон – *«То не был ангел-небожитель... То не был ада дух ужасный»*, а царица Тамара – *«Прекрасна, как ангел небесный, Как Демон, коварна и зла»*. Исходя из этого, можно предположить, что царица Тамара и Демон – зеркальные двойники друг друга, и в то же время они оба являются амбивалентными образами добра и зла. А с другой стороны, царица Тамара может рассматриваться, как «перевернутый» (термин Ю. М. Лотмана) образ погибшей Тамары из поэмы «Демон». По Лотману: «Одним из наиболее элементарных приемов выхода за пределы предсказуемости является такой троп (особенно часто применяемый в зрительных искусствах), в котором два противопоставленных объекта меняются доминирующими признаками. Такой прием широко применялся в обширной барочной литературе «перевернутого мира» [Лотман, 2000, с. 73]. Тамара в «Демоне», и в восьмой и шестой редакциях, – молодая, красивая и добрая княжна, т.е. ее доминирующие признаки – это добро и красота. С другой стороны, после гибели жениха она слушала голос Демона не только с печалью, но и с кипением всех чувств: *«В ее груди; печаль, испуг, Восторга пыл – ничто в сравненьи»*. И в конце концов, она принимает прикосновение жарких уст Демона. Как было сказано выше, Демон сумел внушить ей страсть, так же, как и змей, который внушал страсть женщине в народной демонологии. В противоположность княжне Тамаре из поэмы «Демон», царица Тамара из баллады, стремясь к добру и любви, всегда приносит своим возлюбленным гибель, как и Демон, принесший гибель своей возлюбленной Тамаре.

Теперь обратим внимание на разницу в финалах поэмы «Демон» между ее шестой редакцией, исправленной и подписанной самим Лермонтовым в сентябре 1838 г., и последней (восьмой) редакцией, созданной не позднее февраля 1839 г.

2.1. Разница в финале шестой и восьмой редакций «Демона»

Как известно, в последней (восьмой) редакции «Демона», текст которой был представлен Двору в феврале 1839 года, Лермонтов внес значительное изменение в финал, в судьбу Тамары и в образ Демона. В шестой редакции Тамара после своей смерти остается во власти Демона, который пронесится, *«взор пронзительный кидая»*, мимо ангела, молящегося за душу *«грешницы младой»*. А в последней редакции после смерти Тамары ангел строгими очами взглянул на Демона и унес ее в рай, а

побежденный Демон остался один. Как отмечает Э.Э. Найдич, восьмая редакция, «по мнению многих исследователей, говорит или об эволюции Лермонтова, изменении творческой концепции (*«И проклял Демон побежденный Мечты безумные свои»*), или о приспособлении Лермонтова к условиям цензуры» [Найдич, 1994, с. 183]. Прослеживая отличия этих двух редакций, Найдич приходит к выводу, что в восьмой редакции «логика развития образа Тамары привела Лермонтова к сосредоточенности на главном – на самой трагедии смерти – ее противоположности бытию, утрате всего, что давала жизнь. Безжизненным, застывшим оказывается и побежденный Демон» [там же, с. 188-189]. Но, по нашему мнению, если подобная логика привела автора к сосредоточенности на смерти, то это сосредоточенность не на трагедии смерти Тамары, а на спасении ее души, так как после смерти Тамары ангел унес ее в рай, смывая с нее след проступка и страдания: *«И сладкой речью упованья Ее сомненья разгонял, И след проступка и страданья С нее слезами он смывал»*.

В последней (восьмой) редакции чем более усиливается печаль Демона, тем более ослабевает его зло, и в конце концов, душа Тамары спасена. В шестой же редакции ангел мог только молить за ее душу перед силой зла Демоном, который унес ее в свой мир, в ад, где неизвестно, что ее ждет. В этом отношении, у шестой редакции может быть продолжение о будущей судьбе Тамары. По нашему предположению, этим продолжением является именно баллада «Тамара», в которой унесенная в ад Тамара «с запечатленной душой Демона» стоит на краю мира мертвых, манит путников в свой мир и приносит им гибель. В этом смысле шестая редакция «Демона» и баллада «Тамара» являются зеркальными двойниками. Важно отметить, что шестая редакция для Лермонтова по своей важности не уступала восьмой, так как поэт подарил ее любимой женщине Варваре Александровне Лопухиной с припиской своей рукою в конце. Именно поэтому шестая редакция называется «Лопухинской». На наш взгляд, шестую и восьмую редакции вполне можно считать отдельными произведениями, которые имеют общее идейное содержание и равную ценность, но в то же время, отличаются друг от друга абсолютно противоположными финалами и судьбой Тамары.

Все это показывает, что Лермонтов в своей балладе «Тамара» дал царице имя Тамара из шестой редакции поэмы «Демон», в которой княжна Тамара погибла от поцелуя Демона и была унесена им в ад. Поэт хотел в демонологическом образе царицы Тамары показать дальнейшую судьбу княжны Тамары.

Из всего вышеизложенного напрашивается вывод, что в поэтических произведениях последнего периода творчества М. Ю. Лермонтова «Демон», «Дары Терека» и «Тамара» Терек является «огненной рекой», которая отделяет мир мертвых

от мира живых и в то же время является связующим звеном между этими мирами. Так, в «Демоне» Терек – демонологическое место, откуда, в восьмой (последней) редакции, героиня унесена в рай, а в шестой редакции – в ад. В «Дарах Терека» главный герой – река Терек, приносящая трупы в Каспий-Демон, а в «Тамаре» – Терек помощник героини, он помогает ей унести жертвы в мир мертвых. И продолжением шестой редакции «Демона» является «Тамара», героиня которой наследует душу Демона. Таким образом, демонологический и мифологический образ Терека и анаграмма слова «Демон», скрытая в этих произведениях, связывают их как цикл произведений. В этом смысле анаграмма имеет ключевое значение для понимания взаимосвязи этих произведений, и при их переводе на иностранные языки, по мере возможности, необходимо адекватно воспроизводить в строфах соответствующую анаграмму.

Список литературы

- Андроников И. Л.* Лермонтов в Грузии в 1837 году. М., 1955. 268 с.
Гаспаров М. Л. Фоника Лермонтова //Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 546.
Гумилев Н.С. Письма о русской поэзии. М.: Современник, 1990. 383 с.
Лотман Ю.М. Культура и взрыв //Семиосфера. СПб., 2000. С. 12-149.
Найдич Э. Э. Спор о "Демоне" // Найдич Э. Этюды о Лермонтове. – СПб., 1994. С. 164-189.
Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 т., т. 5, М., 1975. 575 с.
Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995. 414 с.
Иноуэ Ю. Методика перевода русских стихотворений на японский язык // Материалы Международной научной конференции «Русский язык и культура в зеркале перевода». М., 2014. С. 252-261.

Иванова Н.С.

Университет им. проф. д-ра Асена Златарова
Бургас (Болгария)

Ivanova Nelya

Assen Zlatarov University
Bourgas (Bulgaria)

ЙОРДАН КОВАЧЕВ – БОЛГАРСКИЙ ПЕРЕВОДЧИК ПОЭЗИИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

*YORDAN KOVACHEV – THE BULGARIAN TRANSLATOR OF THE POETRY OF M.Y.
LERMONTOV*

Данная статья посвящена Йордану Ковачеву – гуманисту, писателю, талантливому переводчику русской поэзии и прозы. Й. Ковачев жил в 20 веке и имел очень сложную житейскую судьбу. Будучи очень образованным человеком, он посвятил свою жизнь следованию гуманных идей Л.Н. Толстого и является толстовцем т.наз. „второго поколения” в Болгарии. Наряду с активной общественной карьерой адвоката, народного представителя, председателя Союза писателей Болгарии, Й. Ковачев переводит стихи и прозу и считается одним из лучших болгарских переводчиков с русского и французского языка. Й. Ковачевым переведены произведения Л.Н. Толстого, стихотворения М. Лермонтова, В. Брюсова, Ф. Тютчева и др. русских поэтов на болгарский язык.

Й. Ковачев перевел 68 стихотворений М. Лермонтова на болгарский язык и издал их отдельной книгой в 1941 г. Именно на этих переводах сосредоточен наш анализ.

В статье также использованы многие материалы из личного архива этого выдающегося человека, любезно предоставленные нам его сыном – г-ном Методием Ковачевым.

The paper is part of the investigation of the language of the Bulgarian Tolstoists in the framework of the research project on Bulgarian Tolstoism. It deals with the second generation Tolstoist Yordan Kovachev – a great humanist, writer and talented translator. Using original documents and unpublished archival materials belonging to the writer, Y. Kovachev’s translations of eminent Russian poets, such as M. Lermontov, V. Bryusov and F. Tyutchev, have been analysed. The undisputable artistic merit of these translations, which have been highly acclaimed by the translators’ circles in this country and abroad, are pointed out.

Ключевые слова: Йордан Ковачев, перевод, русская поэзия, М. Ю. Лермонтов

Keywords: Yordan Kovachev, translation, Russian poetry, M.Y. Lermontov

Творческая судьба Йордана Ковачева (1895-1966) – адвоката по профессии, писателя по призванию, общественного деятеля по душевному настрою, пламенному последователю Л.Н. Толстого по убеждению, очень сложная.

Й. Ковачев родился 18 октября 1895 г. в г. Пещера. Он окончил Юридический факультет Софийского университета им. Кл. Охридского. Й. Ковачев является автором трех поэтических сборников, двух сборников с рассказами, двух пьес, некоторые из которых имели с тех пор несколько изданий. Й. Ковачев – один из лучших болгарских

переводчиков с русского и французского языка. В мае-июне 1934 г. Й. Ковачев был подпредседателем, а в период 1934 - 1944 г. и председателем Союза писателей из провинции, с 1944 г. он становится членом Союза болгарских писателей. Он участвует в вегетарианском, эсперантском и кооперативном движении в Болгарии. С 1928 г. Й. Ковачев был членом Интернационала борцов против войны с штаб-квартирой в Англии, а с 1935 по 1947 г. - почетным членом Международного совета этой организации. В 1932 г. он становится почетным членом Международного союза писателей демократов с штаб-квартирой в Париже. Будучи членом Болгарского земледельческого народного союза /БЗНС/ он был народным представителем в VI Великом народном собрании, как представитель оппозиционного крыла в БЗНС он защищал в судебном процессе болгарского политического деятеля Н. Петкова. Далее он был сослан в концлагерь Куциан /1947-1948 гг./ и два раза в Белене /1951 – 1952 г./ и /1957 – 1958 г./ [Дертлиева, 1996, с. 124]

И житейская судьба, и творчество Й. Ковачева основываются на нравственно-этическом мировоззрении Л.Н. Толстого – на его христианском гуманизме и борьбе против насилия и войны. Й. Ковачев писал: „Он /Толстой/ раскрывает все явные и скрытые взаимные связи вещей, событий и людей. Он не боится проникнуть в первопричины существующего зла. Он достигает самых потайных глубин человеческой души и в самом интимном, откровенном и неповторимом раскрывает вдруг связь со всем живым, независимость от всего мира и всего человечества” [Ковачев, 1995, с. 13]

Как и Л. Толстой, Й. Ковачев неуморно ищет правды и считает, что религиозность придает человеку особую нравственную и душевную силу. Эти поиски находят отражение в его художественном творчестве – оригинальном и переводном.

Кроме философских и художественных произведений Л. Толстого, Й. Ковачев переводит шедевры русской и мировой поэзии. В его переводе на болгарский язык в отдельных книгах выходят „Избранные стихотворения Ф.И. Тютчева” /1935/, „Избранные стихотворения М.Ю. Лермонтова” /1941/, „Избранные стихотворения Сюли Прюдона” /1945/, „Избранные стихотворения А.С. Пушкина” /1955/, „Избранная лирика Надсона” /1962/, стихи П.Б. Шелли, М.И. Горбунова-Посадова и др.

Бесспорный литературный талант и высокое художественное мастерство переводчика оценены прежде всего за рубежом. Русский критик И. Поступальский пишет восторженный отзыв о его переводах Ф. Тютчева, который был опубликован на страницах журнала „Новый мир”, редактором которого был К. Симонов. [Поступальский, 1957, с. 200-201] Очень высоко оценены переводы А. Пушкина, М. Лермонтова, В. Брюсова, а о переводе лирики Надсона И. Поступальский высказался не

без иронии: „возможно, это тот редкий случай, когда перевод – иногда, допустим, без сомнения более художествен, чем оригинал”. [Поступальский, 1974, с.110] И. Поступальский отметил, что даже чешская критика „своевременно указала на достоинства труда Й. Ковачева и он был поставлен на одной ступени с превосходным переводчиком русской поэзии Юлианом Тувимом. [Поступальский, 1974, с. 108]

Нужно иметь в виду, что этих замечательных успехов Й. Ковачев достигает, вопреки неблагоприятным условиям и испытаниям судьбы. Переводы лирики М. Лермонтова выходят в 1941 г., когда в царской Болгарии реакционеры поднимают антирусские настроения, стихи надсона переводит в концентрационном лагере в Белене, а стихи В. Брюсова, когда ему было уже за 60 и он накопил достаточно житейской горечи и мудрого примирения. Независимо от этого, переводы Й. Ковачева не только удачны, но они отличаются вдохновением и искренностью, глубоким сопереживанием и несут отпечаток его исключительного мастерства работы со словом.

О своем искушении поэзией и в переводах поэтических текстов на болгарский язык варианте еще в юношеские годы Й. Ковачев рассказывает в интервью журналисту П. Тихолову в 1964 г.: “Наверное, потому что я получил книгу Христо Ботева /выдающегося болгарского поэта, пр.а./ как награду или по причине непреодолимого очарования его поэзии, я стал пребывать в каком-то волшебном состоянии. На протяжении месяцев моя жизнь протекала в уповании его стихами, больше становилась моя жажда писать и еще больше мой страх „как бы меня не поймали”... Мое первое стихотворение с датой написания 2 мая 1911 г. /”Утопленник”, пр.а./ поразительно напоминает балладу Пушкина „Русалка”. Но нет абсолютно никакой вероятности, чтобы эта баллада была известна мне в оригинале или в переводе в пятом гимназиальном классе ... А еще 10 мая 1913 г. я перевел “Тучки небесные” Лермонтова /т.е. всего лишь в 18 летнем возрасте, пр.а./ [Ковачев, 1995, с.2]

В своих переводах Й. Ковачев сумел воссоздать восторг и радость А. Пушкина, страсть и гордость М. Лермонтова, философские размышления Ф. Тютчева, который считал Россию душой человечества, гуманизм С. Прюдома, поиск „живого символа” В. Брюсова. При этом он очень умело преодолевает специфические языковые трудности и сохраняет изящную музыкальность и четкую образность стихов этих великих авторов.

Й. Ковачев не следует слепо близости между русским и болгарским языком и не переводит стих за стихом, как это понравилось бы педантам. Он учитывает специфику болгарской просодии и строит рифмы, созвучность которых делает стих доступным для языкового настроения болгарина: *залезе-чезне, вечер – вече, смърт – редът* /И. Поступальский нередко критикует за вольность переводчика/.

Особенно большой успех имел Й. Ковачев в качестве переводчика стихов Ф. Тютчева. Как вспоминает Д. Статков, редактор издания, издательство выпускает второе издание только спустя 2 месяца после первого издания. [Статков, 1995, с.12] В письме Й. Ковачеву от 12 марта 1938 г. Михаил Горбунов-Посадов пишет: “Ваша книга с переводами Тютчева снова запленила меня красотой Вашего перевода, так может переводить только человек, в которого переселилась душа самого Тютчева...” [личный архив Й. Ковачева, любезно предоставленный нам его сыном - г-ном Методием Ковачевым, пр.а.]

Большая часть переводческих трансформаций, которые предпринимает Й. Ковачев, вызваны его желанием сохранить эмоциональную палитру автора и ни в коем случае не приводят к обеднению содержания произведений.

Это особенно характерно для проникновенных переводов лирики М. Лермонтова, которые сохраняют эмоциональный пафос поэта, его страстный порыв к активности и свободе, печаль от житейских конфликтов и неудач, жажду героизма:

*Белей се кораб в синевата,
Самотно над вълни играй ..
Що дири той в далнината?
Какво остави в своя край?
Кипят вълните, вятър свири,
И мачтата се с трясък вий ...
Уви! – Той щастие не дири
И не от щастие се крий!
Под него – бляскави лазури,
Над него – слънчевия зной,
А той – размирен – търси бури, .*

Като че в тях цари покой! [Кораб; Лермонтов, Избрани стихотворения, 1941, с. 45]

Внимательное сравнение с оригиналом раскрыло бы изменения в порядке слов, добавление новой лексики, компенсирующей пропуск авторской /*одинокий – самотно над вълни играй, струя светлей лазури – бляскави лазури*/, использование средств метонимии /*луч солнца золотой – слънчев зной*/ и узуальную сочетаемость слов /*есть покой - цари покой*/:

*...Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он мятежный, просит бури,*

Как будто в бурях есть покой! /Парус, 1832/,

Но именно в этом и состоит мастерство переводчика – создать поэтический образ одинокого „корабля” /”лодки” в современных переводах “самотна лодка се белее”/, – своеобразный художественный символ личности самого поэта, беспокойного и одинокого в житейских бурях, жаждущего героических подвигов, и сохранить динамику эмоции и воздействия стиха.

Этот „почерк” Й. Ковачева можно открыть в многих других его переводах и в переводах других стихов М. Лермонтова:

*Зачем я не птица, не ворон степной,
Пролетевший сейчас надо мной?
Зачем не могу в небесах я парить
И одну лишь свободу любить? /”Желание”, 1831/,*

в переводе на болгарский язык Й. Ковачева:

*Защо не съм птица, ни степен орел,
Като тоя, над мен излетял?
Защо аз не мога далеч да летя
И свободно в любов да трептя? [Лермонтов, Избрани стихотворения, 1941, с.22]*

Первое стихотворение М. Лермонтова, которое переводит Й. Ковачев /это и самый первый перевод поэтического текста, который он делает в своей жизни/, “Тучки небесные, вечные странники”, также выходит за формальные рамки буквальных соответствий:

*Облаци къдрави, облаци странници,
Над поля дъхави спрели керваните,
Скитате, сякаш със мене, изгнаници, .
Север оставили, юг за да браните... [Лермонтов, Избрани стихотворения, 1941,
с. 81]*

Этот прием характерен и для перевода известного стихотворения “Выхожу один я на дорогу” /“Тръгнах сам на път далеч в полето”/:

*Выхожу один я на дорогу,
Сквозь туман кремнистый путь блестит,
Ночь тиха, пустыня внемлет Богу
И звезда с звездою говорит. .. /1841/,*

в переводе:

Тръгнах сам на път далеч в полето,

Пътят бял в мъгла пред мен блести:

С тиха нощ осеня Бог небето,

И звезда с звезда в мир шепти. [Лермонтов, Избрани стихотворения, 1941, с. 95]

Й. Ковачев перевел 68 стихотворений Лермонтова. Они все были опубликованы в 1941 г. Из них только один перевод, на наш взгляд, требовал бы комментария нашего современника по поводу стилистической неоднородности, заметной однако только по просшествии времени и являющейся следствием динамики языковых изменений: сегодня этот стих воспринимается как одновременное употребление возвышенно-поэтической и устаревшей, стилистически окрашенной лексики /разлъка, лик, светлик (книж., поэт.), но *спастрих* (нар., *спастрих парици* – *Болгарский толковый словарь* – 2002 г., с. 911):

В разлъка сме, но твоя лик

Спастрих аз в моите гърди: -

От миналото блед светлик,

В душата с радост пребъди! [Лермонтов, 1941, с. 18]

Болгарская литературная критика в лице Д. Василева высоко оценивает переводы Й. Ковачева: «Насколько естественно Ковачев передал и претворил оригинальное в стихах Лермонтова. Его перевод бесспорно лучший среди всех остальных у нас. Сам проф. Попруженко с высоты своей неоспоримой компетентности, высказался в том смысле, а именно, что перевод Ковачева самый удачный и самый близкий к оригиналу Лермонтова. Здесь наверное место отметить насколько дилетантски слабы переводы лермонтовских стихов А. Тодорова, Б. Райнова и Ив. Бурина. Они по всей вероятности не знают хорошо русский язык и им не хватило творческого таланта. Поэтому они перевели так дословно, местами произвольно!» [Василев, 1984, с. 38]

Сегодня, с дистанции времени, в котором творил Й. Ковачев, можно уверенно сказать, что в своей переводческой деятельности он достиг высоты искусства и оставил образцы переводческого мастерства, которые и по сей день являются ценным культурным фактом.

Интересно также отметить, что авторские произведения Й. Ковачева тоже переведены на несколько иностранных языков: французский, венгерский, латвийский, румынский, албанский, эсперанто, испанский, что является высоким признанием его творческих достижений за границей. Это большой успех, имея в виду время, в котором жил Йордан Ковачев, и его житейскую судьбу.

Слово великого поэта М. Лермонтова достигает до болгарских читателей, одухотворенное талантом и исключительным вдохновением поэта и переводчика Й. Ковачева. Эти переводы, хотя и мало известные массовому читателю сегодня ввиду конъюнктурных причин, вновь находят путь к сердцам наших современников.

Список литературы:

Василев Д. Предтеча на нова епоха. На колене пред истината / Василев Д. Хасково: Паметна библиотека “А. Паскалев”, 1994.

Дертлиева А. Страници от живота на един забравен писател /100 години от рождението на Йордан Ковачев/. Летописи / Дертлиева. София: Издание на СБП. Университетско издателство “Св. Климент Охридски”, 1996.

Ковачев Й. Интервю пред журналиста П. Тихолов, 1964 // Ковачев Й.: личный архив.

Ковачев Й. Първи опити в литературата // Юбилеен вестник “Й. Ковачев. 100 години от рождението 1895 – 1995”: личный архив.

Лермонтов М.Ю. Избрани стихотворения. Преведе Й. Ковачев. София: Книгоиздателство “Посредник”, 1941.

Поступальский И. Стихи Ф. Тютчева в болгарском переводе // ж. “Новый мир”, 1957. кн. 12.

Поступальский И. Болгарский поэт Й. Ковачев – переводчик В. Брюсова // Брюсовский сборник. Ставрополь: Министерство просвещения РСФСР: Издательство на СГПИ., 1974.

Статков Д. Редакторът разказва // Юбилеен вестник “Й. Ковачев. 100 години от рождението 1895 – 1995”: личный архив.

Козера И.

Институт восточнославянской филологии Ягеллонского университета в Кракове
г. Краков (Польша)

Славомирски Р.

Институт России и Восточной Европы Ягеллонского университета в Кракове
г. Краков (Польша)

Kozera Izabela

Institute of Eastern Slavonic Studies of the Jagiellonian University
Krakow (Poland)

Slawomirski Radosław

Institute of Russia and Eastern Europe of the Jagiellonian University
Krakow (Poland)

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ ПОЭЗИИ В.С. ВЫСОЦКОГО

ON THE PROBLEM OF THE TRANSLATION OF POETRY OF V.S. VYSOTSKY

Настоящая статья посвящена межъязыковому переводу авторской песни Владимира Высоцкого. Перевод этого специфического жанра ставит переводчика не только перед выбором: дословность текста или его смысл. В случае перевода бардовской поэзии необходимым является знание исторического и политического контекстов. Творчество Высоцкого опирается на поэтический текст, но в отличие от традиционной поэзии соединяет в себе литературу с музыкой, создавая единое целое. Несомненно, кроме знания языка и реалий, в которых данная песня была создана, переводчик должен в своей работе показать чувство композиции и приспособить переводимый текст к музыке. В случае перевода песенной поэзии каждая песня, которая была переведена на другой язык, становится отдельной балладой, созданной на основании текста на исходном языке. Переводчик, который в дальнейшем выступит в роли барда и исполнит переводной текст, может с уверенностью определить его как свою авторскую песню.

This article focuses on the translation of the song poetry of Vladimir Vysotsky. Translation of this particular genre puts the translator not only faced with the choice: the literal text or its meaning. In the case of translation of sung poetry there is necessary to have the knowledge about the historical and political contexts. Vysotsky's poetry, unlike traditional poetry, connects a literature with music. The translator should have not only knowledge about the language and reality, in which this song was created, in his work he has to show a sense of composition and adapt the translated text to the music. In case of sung poetry every song, which has been translated into another language, becomes a separate ballad, created on the basis of the text in the original language. Translator, who as a bard perform this ballad, can confidently identify it as its author's song.

Ключевые слова: перевод, песенная поэзия, авторская песнь, Высоцкий, бард

Keywords: translation, sung poetry, Vysotsky, bard

1. Введение

Современная транслатология пытается ответить на многие вопросы, связанные с переводом текстов. Все они согласны с тем, что перевод является транскрипцией текста

(письменной или устной речи) с исходного языка на другой язык. Но иногда из-за непонятности требуется перевод текста, который написан на том же языке, на который переводится. Такая ситуация возникает из-за того, что язык не является постоянной ценностью, все время изменяется. Итак, произведения прошлых веков, написанные на языке данной эпохи, необязательно понятны современным читателям. Они требуют *внутриязыкового перевода*, благодаря которому возможна языковая модернизация исходного текста. Следующей проблемой является возраст и уровень образования получателей коммуниката. Эти критерии решают о том, что коммуникат на родном языке адресатов, или на языке, которым они владеют на высоком уровне, может оказаться понятным лишь для части из них. Отсюда и возникает вопрос об адаптации языка для конкретной целевой аудитории.

Переводчик, занимающийся литературным переводом, вынужден ответить себе на вопрос о том, хочет ли он сохранить дословность текста или сосредоточиться на передаче его смысла. Указанный вопрос относится не только к поэзии, но и к каждому виду перевода. Перевод смысла (вопреки дословности) нашел свое практическое применение в Молитве Господня («Отче наш»). В этом религиозном тексте появляется общеизвестный в нашем цивилизационном кругу оборот «хлеб наш насущный дай нам на сей день», который в переводе для эскимосов был заменен фразой «рыбу нашу насущную дай нам сегодня». Целью этой замены было приближение текста молитвы к реалиям народа, у которого основной едой является не хлеб – продукт совсем неизвестный и неимеющий эквивалента в их языке – а именно рыба [Jakubiec, Эл.ресурс]. Благодаря приему переводчика смысл молитвы «Отче наш» стал понятным верующим на Северном полюсе. В качестве второго примера может послужить издание «Библии для детей», язык которой был значительно упрощен и частично лишен художественности. Благодаря указанным приемам, текст стал понятным молодому читателю.

С точки зрения целенаправленности русский лингвист и семиотик Р. Якобсон различал три вида перевода: 1) *внутриязыковой перевод*, который осуществляется внутри системы знаков того же языка; 2) *межъязыковой перевод*, или собственно перевод, т.е. интерпретация вербальных знаков посредством какого-либо иного языка; 3) *межсемиотический перевод*, или трансмутация - интерпретация вербальных знаков посредством невербальных знаковых систем [Якобсон, 1985, с. 362]. Последний тип перевода находит отражение в виде: киноэкранизаций (язык литературных произведений переводится тогда на язык фильма, возможно также обратное

направление – от киносюжета к роману), радиопостановок, а даже при переносе компьютерных игр на большой экран.

2. Литературный перевод и авторская песнь

Учитывая вышеупомянутую классификацию, настоящая статья посвящена *межъязыковому переводу* авторской песни Владимира Высоцкого. В этом специфическом жанре несомненно сталкиваемся с литературным языком, имеющим сильные лирические качества. Такие литературные средства, как метафора, парабола, являются поэтическими показателями поэзии и одновременно противопоставляются «дословности» прозы.

Очень сложной задачей для переводчика становится перевод литературного произведения¹, а прежде всего поэтических текстов, какими несомненно являлись произведения русского барда. В их случае метафраза (дословный перевод) не срабатывает.

Тексты песенной поэзии часто встроены в определенный культурный контекст, незнание которого может привести к ошибочной интерпретации и нарушению смысла. Ведь каждое литературное произведение встроено в определенный культурный контекст и при переносе в другую культуру может потерять свое первоначальное значение. Если текст переводится дословно, он может стать непонятным аудитории, обладающей другим культурным кодом. Именно поэтому для лучшего перевода песенной поэзии особенно важным является хорошее знание исторических реалий, в который текст был создан или к которым относится. Уже средневековый философ - Роджер Бэкон (1214–1292) писал, что перевод является верным, если переводчик владеет обоими языками и имеет достаточно знаний на тему того, что переводит. Итак, в случае перевода поэзии Владимира Высоцкого необходимым является знание исторического и политического контекстов, в которых эти произведения были созданы, потому что русский поэт нередко за метафорой скрывал нечто такое, чего не мог сказать прямо, а его современники без наименьших проблем умели читать в его стихах намеки к советской действительности.

В литературном переводе некоторые приемы, которые на самом деле опираются на изменение содержания, являются допустимыми². Многие из них позволяют

¹ см. также Kozak J. Przekład literacki jako metafora. Między „logos” a „lexis”. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2009. – 252 с.

² см. также Barańczak S. Poetycki model świata a problemy przekładu artystycznego / [под. ред. P. de Bończa Bukowski, M. Heydel] // Polska myśl przekładoznawcza. Antologia. – Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2013. – С. 217-238.

переводчику добавить некие элементы, обогатить литературное произведение каким-то дополнительным смыслом. Все эти средства используют переводчики с целью адаптации текста к действительности получателей, на язык которых данное произведение переводится.

Переводческие трансформации делятся на четыре основные группы: перестановки (инверсии), замены (субституции), добавления и опущения. Легко привести примеры для каждой из них во многих переводах поэзии Высоцкого.

С перестановкой сталкиваемся когда в переводе, по сравнению с подлинником, заменяется порядок элементов текста. Сохранение соответствующего порядка слов в другом языке очень важно, поскольку это влияет на грамматическую правильность.

Следующей очень широкой категорией трансформаций являются замены. Изменения, связанные с ними, касаются многих аспектов:

«Они относятся к грамматическим и синтаксическим структурам, к лексике, стилистике, прагматике, культурному трансферу и к похожим явлениям. Субституция, другими словами, обозначает замену одного элемента другим (...). Субституциями являются также генерализация (обобщение) и конкретизация, в некоторой степени также компенсация» (перевод мой — И. К.) [Lipiński, 2006, с.126]

Благодаря этому явлению и субституционным изменениям, переводчик имеет огромные возможности, чтобы осуществить наиболее точный перевод. Он может использовать многие синонимы, создавать метафоры, чтобы как можно лучше передать характер подлинника. Переводчик может заменять русские реалии другими, чтобы перевод стал понятным адресату. В случае песенной поэзии невозможным является перевод произведения лишь на филологическом уровне, чтобы сохранить хотя бы ритм и рифму. Субституции позволяют переводчику не держаться любой ценой дословности, а найти интересную альтернативу в виде динамических эквивалентов в выходном языке, а также переносить произведение в реалии языка перевода.

Следующим видом трансформаций являются добавления. Как и другие виды изменений, они употребляются не только по объективным причинам, но и по индивидуальному выбору переводчика [Lipiński, 2006, с. 123-124]. Они могут использоваться напр. из-за раньшего пропуска информации в переводе или конфликта, связанного с описываемыми реалиями. Переводчик часто хочет объяснить чужие явления или названия учреждений, которые в выходном языке не существуют.

Последним видом трансформаций являются опущения. Проще всего они являются обратной стороной добавлений. Это изменение заключается в исключении излишней

информации из переводимого текста. В случае стихотворения или песни они помогают держаться соответствующего ритма и мелодии.

Вышеописываемые явления перевода поэтических текстов редко выступают отдельно, в большинстве случаев они собраны в одном переводимом стихотворении. Для того, чтобы с грамматической и синтаксической точки зрения правильно перевести текст и сохранить в нем смысл, переводчик не должен ограничиваться использованием лишь одного из них.

Польская исследовательница, историк литературы и театролог – Стефания Скварчиньска (пол. Stefania Skwarczyńska, 1902-1988) - указывает на 4 принципа, которым должны следовать переводчики драматических текстов У. Шекспира на польский язык. Среди них выделяет: понятность, лиричность, сценичность и верность смыслу оригинала. Поэтический язык драмы позволяет нам приписать все эти черты (за исключением сценичности) переводу поэзии. Однако учитывая специфику авторской песни и ее исполнение бардом перед аудиторией, принцип сценичности – в случае некоторых баллад – не кажется необоснованным.

3. К вопросу о переводе поэзии В.С. Высоцкого

Литературное произведение, в данном случае – текст баллады, которое переведено на другой язык, с одной стороны, становится парафразом оригинала¹, с другой стороны, должно сохранить эквивалентность (подобие оригиналу). Однако транслят не является одним и тем же текстом в масштабе 1:1, переводчик становится автором нового произведения². Итак, в случае перевода песенной поэзии каждая песня, которая была переведена на другой язык, становится отдельной балладой, созданной на основании текста на исходном языке. Переводчик, который в дальнейшем выступит в роли барда и исполнит переводной текст, может с уверенностью определить его как свою авторскую песню. Такой случай описывал польский бард Яцек Качмарски (Jacek Kaczmarski), который сделал собственный перевод известной песни Владимира Высоцкого «Охота на волков» на польский язык. Таким образом была создана одна из наиболее известных песен Я. Качмарского под заглавием «Obława». Из оригинального текста Высоцкого польский бард взял исходную ситуацию (указанную в заглавии «охоту»), изменяя мелодию и используя метафоры адекватные к польским реалиям (из текста исчезли красные флажки – символ иррационального препятствия, которое

¹ см. также: Barańczak S. Ocalone w tłumaczeniu. – Kraków: Wydawnictwo a5, 2009. – 520 с.

² см. также: Legeżyńska A. Tłumacz jako drugi autor / [под. ред. P. de Bończa Bukowski, M. Heydel] // Polska myśl przekładowicza. Antologia. – Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2013. – С. 239-254.

должно быть преодолено волком, а появились гончие собаки). Качмарски утверждал, что это текст на основании В. Высоцкого, однако, учитывая все изменения, добавлял, что это текст его авторства.

Я. Качмарски, вспоминая свой дебют в интервью для парижского журнала «Контакт» от 1982 года, так говорил:

«В 1977 году я впервые выступил на фестивале, я исполнил песню «Przedszkole» (...) и пел песню «Obława» на основании Высоцкого. В это время, в 1974 году, Высоцкий был в Польше и я случайно попал на домашний концерт у его друзей, и там, конечно, он вдохновил меня, как многих людей, и мотивировал своим темпераментом и экспрессивностью, тем более, что я знал эти песни еще с пленок, которые привозили мои родители намного раньше. И так случилось, что я просто в момент, когда начал петь перед публикой, я был уже в какой-то степени определен, сформирован» (перевод мой – И.К.) [Gorbaniewska, Эл.ресурс]

Похожая ситуация случилось с другой песней В. Высоцкого «Охота с вертолетов», которую Я. Качмарски также перевел на польский язык под новым заглавием «Obława II», сделав с ней таким образом продолжение своего предыдущего перевода.

Эти примеры свидетельствуют о несомненном увлечении Качмарского русским бардом, а также об универсальности некоторых поэтических текстов, которые после небольших изменений, внесенных переводом, могут быть приняты, а даже популярны в другой отечественной культуре.

Стихи Владимира Высоцкого, конечно, не были переводы только на польский язык. Его поэзия известна на многих языках. Особое внимание заслуживает Проект Музея Владимира Высоцкого в Кошалине (Польша) - "Владимир Высоцкий на языках мира. Новые переводы"¹. Создатели проекта заметили, что несмотря на популярность творчества Высоцкого во всем мире, в списке языков, на которые была к тому времени переведена его поэзия, не было целого ряда европейских, и даже очень многих из языков, на которых говорят на родине поэта, не говоря уже о языках гораздо более экзотических и далеких стран [Zimna, Эл.ресурс]. Констатация этого факта привела их к осуществлению проекта большого масштаба. В нем представлены 38 языков (абхазский, аварский, агульский, албанский, гагаузский, даргинский, дигорский, индонезийский, кабилский, калмыцкий, карачаево-балкарский, киргизский, коми, кумыкский, лакский, латинский, лезгинский, люксембургский, малайский,

¹ см. подробнее на сайте: <http://wysotsky.com/wysotsky/koszalin/12-02.htm>

мальтийский, мянкий, ненецкий, ногайский, осетинский, рутульский, табасаранский, татский (джуури), тувинский, удмуртский, удэгейский, уйгурский, хантыйский, цахурский, чеченский, чувашский, чукотский, эвенкийский, якутский), на которые произведения В. Высоцкого были переведены при участии 51 поэта и переводчика из 15 стран. В результате проекта поэзия русского барда была переведена уже не на 66, а на 102 языка. Это число является большим достижением. Однако, Марлена Зимна (Marlena Zimna) вспоминает о некоторых сомнениях, которые чувствовались в начале проекта, а которые можно выразить с помощью популярного вопроса: *а зачем вообще переводить поэзию Владимира Высоцкого?* Польская исследовательница следующим образом определила свое мнение: «Носители русского языка в переводах не нуждаются. Для нас - иностранцев - этот вопрос звучит по меньшей мере странно. И если бы жители всех стран и носители всех языков придерживались аналогичного мнения по отношению к своим соотечественникам, внесшим вклад в мировую литературу, философию, науку, мы никогда не прочитали бы ни трудов Конфуция, ни поэзии Омара Хайяма, ни сказок Ганса Кристиана Андерсена. Гете читали бы только те, кто владеет немецким языком, Мольера - лишь те, кто свободно владеет французским, Ибсена - кто владеет норвежским, Гашека - владеющие чешским, Высоцкого - знающие русский язык» [там же]. Основатели проекта не хотели затевать полемику ни с приверженцами тезиса о непереводемости поэзии Владимира Высоцкого, ни с антагонистами поэтических переводов как таковых [там же]. Целью проекта является приближение творчества гениального барда все большему кругу иностранных читателей.

Творчество Высоцкого опирается на поэтический текст, но в отличие от традиционной поэзии соединяет в себе литературу с музыкой, создавая единое целое. Это дополнительно осложняет ситуацию переводчика песенной поэзии, перевод которой требует не только верности оригиналу, но и сохранения музыкального строя песни. Несомненно, кроме знания языка и реалий, в которых данная песня была создана, переводчик должен в своей работе показать чувство композиции и приспособить переводимый текст к музыке. Переводчик должен принять также решение, остается ли он при исходной музыке (мелодической линии) произведения, что очень трудно учитывая совсем разное звучание слов в отдельных языках, или он переведет текст под новую музыку, что дает ему больше возможностей. Однако введение новой музыки приводит к тому, что создаваемое произведение еще больше отличается от оригинальной версии. Мастерство хорошего перевода песенной поэзии оценивается прежде всего учитывая художественные ценности новосозданного

произведения. Именно поэтому, лучшими переводчиками бардовских песен являются сами барды, которые кроме поэтической чувствительности, обязательно имеют еще музыкальный смысл.

Занимаясь работой над переводом музыкального текста, следует изучить несколько факторов. Особенно важно то, чтобы звуковой строй текста соответствовал его словесному уровню. Существенно также то, чтобы учесть влияние межтекстовых различий на восприятие целевой аудитории (перевод должен быть понятный и вызывать у нее те же эстетические впечатления как оригинал). Не менее важным является возможность вокального исполнения произведения и передача невербального контекста.

Переводчик не может сосредотачиваться на мелодии, не учитывая передачи содержания, и наоборот, – обращая внимание на сам текст, забывать о мелодийном строе произведения. Если в тексте перевода возможно введение многих изменений, то в случае музыки нет такого выхода. Она не допускает синонимов, поэтому перевод вынужден зависеть от мелодии. Такой подход особенно важен в случае авторской песни, в которой музыка не является только дополнением к словам, но придает им характер, часто бывает их неотъемлемой частью. Звуки досказывают то, что невозможно спеть.

Наверное, достаточно сохранить общий смысл произведения и мелодию, чтобы определить перевод верным. Однако дело не так просто в случае авторской песни.

В. Высоцкий выразил в своих стихах собственную личность, свое мировосприятие. Перевод, в котором следует передать огромную индивидуальность русского барда, является, наверное, сложнейшей проблемой для переводчика его поэзии. Для того, чтобы верно выразить сарказм, иронию, тревогу, боль нужно изучить не только язык, который он использовал, но понять также его идеалы, мироощущение и жизненные взгляды. Известно, что произведения Высоцкого имеют многократно подчеркиваемый второй смысловой слой. Особенно важно то, чтобы скрытую мысль поэта передать похожим способом. Переводчик не может стать цензором и сделать свой перевод дословным и конкретизированным. Песни Высоцкого требуют не только знания русского языка, но и литературы, к которой он неоднократно относился. В тексте перевода выбор слов с эмоциональной нагрузкой должен соответствовать авторской экспрессивности оригинала и вызывать похожие чувства у целевой аудитории. Причем нельзя забывать о характеристическом голосе барда, его экспрессивности на сцене и вокальной интерпретации. Мелодия вызывала эмоции в

такой же степени как слова. Таким оба слоя: музыкальный и текстовый создавали единое целое.

4. Заключение

Оригинальный текст песни или стихотворения всегда один. Его автор точно знает, о чем поет и пишет, хотя сам текст со временем ускользает из-под его контроля и начинает самостоятельную жизнь. В случае перевода каждый переводчик имеет право на чтение текста с собственной точки зрения, может выдвигать свои выводы и вводить в текст выбранные им изменения. Таким образом он осуществляет интерпретацию, с одной стороны, в поисках интегрального смысла произведения, с другой стороны, в поисках переводческой доминанты, которая считается по его мнению наиболее подходящей для перевода данного текста.

В заключение следует привести слова Марлены Зимны (Marlena Zimna): «перевод поэзии - задача крайне сложная, требующая настоящего мастерства, поэтического дара, глубоких знаний, языкового чутья, работоспособности и вдохновения. Как заметил украинский писатель Леонид Семенович Сухоруков, главное при переводе поэзии - не перевести ее незаметно в прозу. И как же не вспомнить в данном контексте знаменитое суждение Василия Андреевича Жуковского: *Переводчик в прозе есть раб; переводчик в стихах – соперник*» [Zimna, Эл.ресурс].

Список литературы

- Якобсон Р.О. Избранные работы./ Р.О. Якобсон. М.: Прогресс, 1985. 460 с.
- Barańczak S. Ocalone w tłumaczeniu./ S. Barańczak. Kraków: Wydawnictwo a5, 2009. 520 с.
- Barańczak S. Poetycki model świata a problemy przekładu artystycznego / Ред. P. de Bończa Bukowski, M. Heydel, Polska myśl przekładoznawcza. Antologia. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2013. С. 217-238.
- Gorbaniewska N. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.kaczmarek.art.pl/tworczosc/zapowiedzi/oblawa.php> 28.07.2014.
- Jakubiec D. Białka czyli ryby naszej powszedniej [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://rozkrecwiare.pl/bialka-czyli-ryby-naszej-powszedniej/> 21.07.2014
- Kozak J. Przekład literacki jako metafora. Między „logos” a „lexis”. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2009. 252 с.
- Legeżyńska A. Tłumacz jako drugi autor / Ред. P. de Bończa Bukowski, M. Heydel, Polska myśl przekładoznawcza. Antologia. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2013. С. 239-254.
- Lipiński K. Vademecum tłumacza/ K. Lipiński. Kraków: Wydawnictwo Idea 2006. 187 с.
- Zimna M. Международный поэтический проект: Владимир Высоцкий. Новые переводы. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://wysotsky.com/wysotsky/koszalin/12-02.htm> 14.09.2014

Леоненкова Е.Д.

Высшая школа перевода МГУ им. М. В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Leonenkova Ekaterina

Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ – ПЕРЕВОДЧИК СВОЕГО ВРЕМЕНИ

MIKHAIL LERMONTOV IS A TRANSLATOR OF HIS TIME

Многие русские поэты XIX в. занимались переводами иностранной литературы. Впоследствии эти работы были объединены исследователями в особые группы под названием «Переводы». Однако в произведениях Михаил Юрьевича Лермонтова было нелегко выделить такой раздел переводов, так как они были тесно связаны с поэзией писателя, а также были тщательно им переработаны. Статья посвящена анализу переводов поэта. Все его работы можно разделить на две группы: прозаические переводы и стихотворные переводы. В статье были проанализированы и кратко описаны самые интересные части этих переводов. Помимо этого, в работе было показано, что главной целью переводческой деятельности Лермонтова была не точная передача текста оригинала, а создание нового текста, своего рода перевода-подражания, в основе которого лежали сюжет и темы зарубежного литературного произведения. Таким образом, на всех переводах М. Ю. Лермонтова, даже близких к оригиналу, лежит отпечаток языка и стиля поэта.

In the 19th century, many Russian poets translated foreign literary works, which later researches united into separate sections entitled “*The Translations*”. However, it was difficult to distinguish translations among the works by Mikhail Lermontov because they were very close to his poetry and were highly reworked by him. This study is to analyze the poet’s translations. All his works can be divided in two groups: prose translation and verse translation. The most interesting parts of his translations are analyzed and shortly described. The study shows that the main goal of his translations was not to represent the original version of the lyrics, but to create a new text and provide a kind of imitation based on the plot and the themes of a foreign literary work.

Therefore, all translations by Mikhail Lermontov, even the most accurate ones, contain the traits of his own personal style and language.

Ключевые слова: прозаический перевод, стихотворный перевод, перевод-подражание.

Keywords: prose translation, verse translation, imitation.

Творчество Михаила Юрьевича Лермонтова, написавшего восемь прозаических произведений, около 40 поэм и более 400 стихотворений, хорошо изучено. Многие литературоведы обращают внимание на тот факт, что часть из них в той или иной степени является переводами различных поэтов и драматургов современности. Так ли это? Можно ли считать произведения русского поэта переводами? Или это уже самостоятельные произведения, написанные по мотивам тех или иных работ?

Как известно, многие русские поэты XIX в. занимались стихотворными переводами, которые были объединены исследователями в особые группы с указанием источника и/или автора оригинала. Однако в литературном наследии Лермонтова не так легко было выделить такой раздел переводов, поскольку его работы были тесно связаны с его собственным творчеством и тщательно переработаны. А.В. Федоров отмечал, что поэт «<...> в интерпретируемом авторе интересуется возможностью найти новые оттенки для выражения собственных творческих намерений» [Федоров, 1941, с. 173]. Целый ряд вольных подражаний, например «Еврейская мелодия», «Умиравший гладиатор», «Из Гёте» и другие, вошёл в «Золотой фонд русской литературы». На сегодняшний день лермонтоведы выявили около 30 стихотворных и 5 прозаических переводов, но не исключено, что существуют ещё и другие, пока с неустановленными оригиналами.

Многие исследователи отмечали черты сходства работ Лермонтова с различными произведениями русских и иностранных авторов и зачастую расценивали их как так называемые «влияния», поскольку совпадали сюжеты и мотивы. Известный русский критик В.Г. Белинский в своей статье о «Стихотворениях» М. Ю. Лермонтова (1840 г.) встал на защиту оригинальности и самобытности произведений поэта. На одной из последних страниц критик написал: «Пока еще не назовем мы его ни Байроном, ни Гёте, ни Пушкиным, и не скажем, чтоб из него со временем вышел Байрон, Гёте или Пушкин: ибо мы убеждены, что из него выйдет ни тот, ни другой, ни третий, а выйдет — Лермонтов» [Белинский, 1953–1959, с. 546].

Лермонтов переводил иностранную поэзию эпизодически, но в течение всей своей литературной жизни. Немецкий и французский языки он выучил ещё в детстве (его няня, Христина Осиповна, была немкой, а гувернер, Жан Купе, - французом). Под руководством англичанина Виндсона, который приехал в Россию поправить свои материальные дела и временно стал гувернером, он изучил английский язык и познакомился со стихами Байрона в подлиннике. Троюродный брат поэта, А.П. Шан-Гирей, сообщил в воспоминаниях, что в 1829 г. Лермонтов «начал учиться английскому языку по Байрону и через несколько месяцев стал свободно понимать его» [«Русское Обозрение» 1890, кн. 8, 728]. В произведениях поэта исследователи давно отмечали признаки сходства с различными работами, русскими и иностранными, и их часто рассматривали как «влияния», так как темы и мотивы переводимых произведений очень часто совпадали с настроениями лирики и прозы самого поэта.

Переводы Лермонтова можно разделить на две большие группы: *прозаические* (курсив мой – Л.Е.) и *стихотворные* (курсив мой – Л.Е.). К прозаическим переводам, как уже говорилось выше, относится всего лишь пять работ:

1. «Мрак. Тьма» (1830 г.) – перевод стихотворения Байрона «Darkness» (1816 г.);
2. «*The Giaour*» (1830 г.) – отдельных стихов поэмы Байрона «Гуяр» (1813 г.);
3. «*Napoléon's Farewell*» (1830 г.) - перевод стихотворения Байрона «Прощание Наполеона» (1816 г.);
4. «*Verpo*» (1830 г.) – перевод 1-ой октавы из поэмы Байрона «Беппо: венецианская история» (1818 г.);
5. «*Я проводил тебя со слезами*» (1831) - перевод стихотворения немецкого поэта И.Т. Хермеса «Dir folgen meine Tränen» из его повести «История мисс Фанни Уилкс, почти перевод с английского» («Geschichte der Miss Fanny Wilkes, so gut als aus dem Englischen übersetzt», 1766 г.).

30 существующих стихотворных переводов Лермонтова относятся к трем этапам творчества, и в каждом из которых поэт отдавал предпочтение тому или иному автору.

На первом этапе (с 1829 по 1830 гг.) Шиллер стал первым поэтом, с которого началась переводческая деятельность Лермонтова. Из произведений немецкого автора было переведено 6 стихотворений («An Emma» (1798 г.), «Die Begegnung» (1789 г.), «Der Handschuh» (1798 г.), «Das Kind in der Wiege» (1796 г.), «Teile mit mir was du weisst», сцена ведьм из шиллеровского перевода «Макбета»), а также вольно интерпретировано две баллады, которые были соединены в одном стихотворении «Баллада». Все эти переводы датируются 1829 г. Можно также выделить набросок «Забывши волнения жизни мятежной», в котором можно увидеть мотивы баллады Гёте «Рыбак» (1778 г.). Этот набросок состоит из нескольких строк, но и по ним можно установить черты сходства с началом немецкого произведения.

Второй этап, самый продолжительный, приходится на период с 1830 по 1836 гг. Лермонтов снова обращается к творчеству Гёте, вольно переведя отрывок из романа «Страдания юного Вертера» (1774 г.), который получил название «Завещание» (1831 г.). В свет также выходит баллада «Из ворот выезжают три витязя в ряд» (1832 г.), которая является переводом начала немецкой народной песни «Три рыцаря» («Die drei Ritter»). Однако доминирующее положение на этом этапе занимает поэзия Байрона. Лермонтов переводит семь его стихотворений:

1. «Lines written in an album at Malta» (1809 г.) - «В альбом» («Нет, я не требую вниманья», 1830 г.) – вольный перевод, в то время как «В альбом» («Как одинокая гробница», 1836 г.) – практически дословный;

2. «Farewell! if ever fondest prayer» (1814 г.) - «Farewell» (1830 г.);
3. начало баллады из XVI песни «Дон Жуана» («Beware! beware! of the Black Friar», 1818 – 1823 гг.) - «Баллада» (1830 г.);
4. «Stanzas to a Lady, on leaving England» («'Tis done — and shivering in the gale», 1809 г.) - «К Л.—» («У ног других не забывал», 1831 г.), в подзаголовке обозначено как «Подражание Байрону»;
5. «On this day I complete my thirty-sixth year» («'This time this heart should be unmoved», 1824 г.) – начало лежит в основе первого четверостишия «Время сердцу быть в покое» (1832 г.);
6. «My soul is dark» (1815 г.) - «Еврейская мелодия» («Душа моя мрачна. Скорей, певец, скорей!», 1836 г.);
7. строфы IV песни «Чайльд-Гарольда» (1809-1811 гг.) - «Умиравший гладиатор» (1836 г.).

К этому периоду исследователи относят также стихотворение под названием «Если б мы не дети были» (1832 г.), которое Лермонтов перевёл, не указав ни автора, ни источник, и опубликовал как собственное произведение. В основе этого перевода лежит четверостишие Р. Бернса «Had we never loved so kindly» (отрывок из песни «Ae fond kiss and then we sever», 1791 г.), которое является эпитафией к «Абидосской невесте» Байрона (1813 г.).

Последующие три года (1837-1839 гг.) у Лермонтова был небольшой перерыв в переводческой практике. Он возвращается к своей деятельности в последние два года своей жизни (1840-1841 гг.). Поэт снова обращает внимание на немецких авторов, а также интересуется творчеством польского поэта Мицкевича. Лермонтов обращается к «Ночной песне странника (II)» (1780 г.) Гёте и создаёт на её основе «Из Гёте» («Горные вершины, 1840 г.). По воспоминаниям Струговщикова, другого поэта-переводчика стихотворений немецкого поэта на русский, Лермонтов перевел не всё стихотворение, а только вторую часть. Он также значительно изменил ритм немецкого стихотворения, удлинил строку, сделал стихотворение напевным [«Русск. старина», 1874, № 4, с. 712]. В 1840 г. Лермонтов переводит один из «Крымских сонетов» (1826 г.) Мицкевича - «Вид гор из степей Козлова» («Widok gór ze stepów Kozłowa»). Лермонтов не знал польского языка, поэтому он воспользовался прозаическим подстрочником, который был составлен корнетом Гродненского гусарского полка, Николаем Александровичем Краснокутским. Поэт также ориентировался на перевод Ивана Козлова. Стихотворение «Воздушный корабль» (1840 г.) – вольная интерпретация стихотворения Цедлица «Geisterschiff» (1832 г.), из которого Лермонтов

почерпнул сюжет и образ лирического героя. Из Гейне в последний год своей жизни поэт перевел два стихотворения: «На севере диком стоит одиноко...» (1841 г.) – вольный перевод 33-го стихотворения цикла «Лирическое интермеццо» («Lyrisches Intermezzo», 1822 – 1823 гг.) из «Книги песен» («Buch der Lieder» 1827 г.); «Они любили друг друга так долго и нежно» (1841 г.) – вольный перевод стихотворения «Sie liebten sich beide doch keiner ...» из «Книги песен», начало которого переводчик использовал как эпиграф.

Тридцать третье стихотворение цикла «Лирическое интермеццо» впервые привлекает внимание Лермонтова в начале 1841. Как утверждал сын поэта Вяземского Павел, перевод был сделан по его просьбе. Гейне на немецком языке принесла С. Карамзина. Лермонтов наскоро на клочке бумаги набросал свой перевод [Эткинд, 1927, с. 26]. Поэт снова возвращается к этому стихотворению весной того же года. Первая версия перевода была более близка к оригиналу в отношении семантики, ритма, размера и стиля, была сдержаннее. Также к первому переводу был написан эпиграф – цитата из немецкого стихотворения. Во второй версии поэт изменяет ритм и стилистику стихотворения, делает его более эмоциональным, используя эпитеты, которых не было в оригинале. Окончательная редакция создана Лермонтовым перед отъездом на Кавказ.

Отдельно можно выделить интерпретацию шекспировских строк в нравственной поэме «Сашка» (1835-1836 гг.). В 66 строфе Лермонтов приводит вольный перевод цитаты из I акта 5 сцены «Гамлета»:

There are more things in heaven and earth, Horatio, Than are dreamt of in your philosophy.	Гамлет сказал: «Есть тайны под луной И для премудрых», — как же мне, поэту, Не верить можно тайнам и Гамлету?.. («Сашка») (курсив мой – Л. Е.)
--	--

(«*The Tragical Historie of Hamlet, Prince of Denmarke*», 1600-1601 гг.) (курсив мой – Л. Е.)

Интерес Лермонтова к творчеству именно этих авторов неслучаен: все они являются либо представителями западно-европейского романтизма, которому поэт был верен долгие годы, либо приверженцами других направлений, предшествующих этому течению. Можно также говорить о том, что в различные периоды творчества переводчика привлекали разные поэты, и каждый из них имел не одинаковое значение для Лермонтова. Из всех вышеперечисленных поэтов по количеству переведенных

стихотворений выделяются Байрон, Шиллер и Гейне; из творчества других авторов взято не более одного-двух произведений.

Многие исследователи отмечали, что Байрон имел огромное влияние на творчество Лермонтова. Ознакомившись с муровским жизнеописанием Байрона, молодой поэт с особенным интересом отнесся к тем деталям биографии, которые, как ему казалось, роднят их: оба поэта чувствовали в себе талант к сочинительству, их матерям предсказали одинаковую судьбу их сыновей (он станет великим человеком, а также будет два раза женат) [Нольман, 1941, с. 469].

Русского поэта также привлекали его герои - гордые, независимые личности, которые жаждали безграничной свободы. Оба автора творили в непростое для их страны время. Байрон жил и писал в сложную эпоху, которая наступила после Французской революции. Крупные политические и экономические перемены, кровопролитные войны, крушение империи Наполеона – всё это повлияло на создание бунтарского облика его героя, который стал отражением переходного времени.

Лермонтов также испытывал подобные чувства. Когда он родился, страна ещё помнила о поражении наполеоновской армии; сам поэт начал писать после разгрома декабристов. «Истоки творчества Лермонтова связаны с культурой европейского и русского романтизма» [Лотман, 2000, с. 132]. Как и Байрон, Лермонтов разочаровывается в действительности и ценностях романтиков предшествующего поколения: у поэта романтический герой чувствует отчужденность от всего остального мира, что приносит ему страдания, одиночество. Именно поэтому творчество Байрона было очень близко по духу самому Лермонтову: их произведения отражали тяжелые и противоречивые настроения того смутного времени.

Перед тем как приступить к переводу стихотворений Байрона Лермонтов занимался учебными упражнениями на английском языке на материале отдельных работ поэта - стихотворений «Darkness» и «Napoleon's Farewell» и начала поэм «Гяур» и «Беппо» [Федоров, 1941, с. 148]. Выбор «Napoleon's Farewell» в качестве «пробы пера» не случаен: поэт нередко обращался к наполеоновской теме в связи со знаменательными датами. Возможно, в данном случае речь идет о десятилетии со дня смерти Наполеона.

При переводе «Darkness» Лермонтов сталкивается с серьезной проблемой: в русском языке, который по природе своей многосложный, нет такого количества односложных слов, как в английском. Поэтому поэту пришлось отказаться от целого ряда эпитетов, которые не несли важной смысловой нагрузки (например, эпитет "gentle fingers" был заменен обычными «перстами»).

В отличие от перевода «Darkness», где еще ощущается неуверенность поэта в выборе уместного русского эквивалента и неполное понимание отдельных слов и оборотов, в переводе «Napoleon's Farewell» чувствуется уверенность переводчика в выборе литературных синонимов, например: «Прости! о <страна> край, где тень моей славы восстала...» или «Я воевал с <миром> целым светом...». Но самое примечательное то, что Лермонтов даже в переводческом упражнении даёт собственную оценку противоречивой личности великого полководца. В стихотворении Байрона ключевые слова, относящиеся к Наполеону, пишутся с заглавной буквы: *Captive* – «пленник», *Eagle* – «орёл», *Violet* – «фиалка», *Chief of thy choice* – «начальник твоего выбора». (курсив мой – Л. Е.) «Пленник» и «начальник твоего выбора» относятся к самому французскому императору; «орёл» является частью государственного герба наполеоновской Франции (золотой орел с пучком молний в лапах на фоне синего диска, окруженного цепью учрежденного в 1802 году ордена Почетного легиона). «Фиалка» - это цветок, который ассоциировался со страстной любовью Жозефины Богарне, будущей императрицы французской, к этому растению, и эта привязанность передалась и Наполеону. Приверженцы полководца видели в этом цветке символ надежды на новую весну, новое возрождение империи. Байрон с сочувствием относится к павшему французскому императору; его герой мечтает о реванше, мести врагам-англичанам.

Отношение Лермонтова к Наполеону совершенно другое. Он не стал раскрывать или каким-либо способом выделять образы, которые использовал Байрон для описания своего персонажа; исключением является не просто фиалка, а «фиалка надежды» («фиалка надежды еще растет, скрываясь во глубине долин твоих...»). Лермонтов не восхваляет Наполеона - для него он просто поверженный, страдающий в изгнании бывший император, павший жертвой людского коварства. В своем переводе Лермонтов также использует усиления отдельных строк: «I made thee the gem and the wonder of earth...» - «я сделал тебя алмазом, дивом и красою земли...».

Как уже говорилось выше, в 1830 г. выходит перевод-вариация стихотворения «Lines written in an Album, at Malta» под названием «В альбом». Сам перевод,

достаточно вольный, содержится во второй строфе этого стихотворения. Но более точный в словарно-смысловом и в стилистическом отношении перевод этого стихотворения выходит в 1836 г., в период полной творческой зрелости Лермонтова. Разница только состоит в том, что переводный текст удлиннен на одну строчку.

Однако в переводе присутствуют некоторые структурные и смысловые изменения. Лермонтов использует своеобразную замену образа: заменяет местоимения «мой», «меня» на «поэта», который тесно связан с его творчеством, им самим, тем самым он словно отстраняется от происходящего, смотрит на мир героя со стороны:

And when by thee that name is read,
Perchance in some succeeding year,
Reflect on me as on the dead,
And think my Heart is buried here.

(«*Lines written in an Album, at Malta*», 1830 г.) (курсив мой – Л. Е.)

И если после многих лет
Прочтешь ты, как мечтал поэт,
И вспомнишь, как тебя любил он,
То думай, что его уж нет,
Что сердце здесь похоронил он.

(«*В альбом*», 1836 г.) (курсив мой – Л.Е.)

Использованы также разные смысловые единицы: «pensive eye» («печальный взор») поэт меняет на «милый взор». Подобные замены одного образа другим, одной смысловой единицы другой характерны и для других переводов Лермонтова, особенно для более поздних.

Переводы Лермонтова сыграли важную роль в формировании русской переводческой школы. Его работы показывают, как развивался интерес поэта к зарубежной литературе и как зарубежная литература влияла на творчество писателя. На самих переводах, даже близких к оригиналу, лежит отпечаток языка и стиля Лермонтова. Хотя поэт переводил немного и эпизодически, его стихотворения стали образцом высокого художественного стиля, который ничем не уступал стилю авторов переводимых произведений. Нередко автор полностью перерабатывает исходный текст, заново осмысляет его, заменяя одни элементы другими или делая какие-либо добавления. Таким образом, Лермонтов зачастую не просто переводит оригинал, а создает новый текст, своеобразную вариацию на мотивы иноязычного писателя. Во многих переводах поэт не указывает источник и/или автора оригинала. Целый ряд

вольных подражаний, например «Еврейская мелодия», «Умиравший гладиатор», «Из Гёте» и другие, вошёл в «Золотой фонд русской литературы».

Список литературы

Белинский В. Г. Полное собрание сочинений : В 13 т. — М. : Издательство Академии наук СССР, 1953–1959

Лермонтовская энциклопедия. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Науч.-ред. совет изд-ва "Сов. Энцикл."; Гл. ред. Мануйлов В. А., Редкол.: Андроников И. Л., Базанов В. Г., Бушмин А. С., Вацуро В. Э., Жданов В. В., Храпченко М. Б. — М.: Сов. Энцикл., 1981. 746 с.

Лотман Ю. М. Учебник по русской литературе для средней школы. Языки русской литературы, 2000. с. 132

Русск. старина, 1874, № 4. С. 712

Федоров А. В. Творчество Лермонтова и Западные литературы. /Литературное наследство, 1941. Т. 43-44. С. 129-175

Эткинд Е. Г. Поэзия и перевод. – М.-Л.: Советский писатель, 1977. С. 26

Манукова О.В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Manukova Oksana

Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ МЕДИЦИНСКИХ ТЕРМИНОВ В КОМБИНАЦИИ ЯЗЫКОВ РУССКИЙ-АНГЛИЙСКИЙ

EQUIVALENCE OF MEDICAL TERMS IN RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

Статья посвящена изучению эквивалентности терминов медицинской лексики в паре языков русский-английский. Трудности, возникающие при переводе медицинской терминологии, обусловлены движением лексических единиц из общеупотребительной лексики в терминологию, что приводит к терминологизации их значения и сужению сферы употребления. Таким образом, одно и то же слово функционирует в терминологическом и нетерминологическом значениях.

This article focuses on the research in equivalence of medical terms in Russian and English languages. The difficulties of translation that could be faced are caused by integration of common lexical items into the field of terminology. As a result their meaning becomes terminological and their performance narrows. That is why one and the same word has terminological and non-terminological meaning.

Ключевые слова: термин, терминология, русская медицинская терминология, английская медицинская терминология, переводческая эквивалентность, корпусная лингвистика, корпус текстов.

Keywords: term, terminology, Russian medical terminology, English medical terminology, translation equivalence, linguistic corpora, corpus.

Лексика научной литературы включает три класса слов или словосочетаний: общелитературную лексику, общенаучную лексику (слова и словосочетания, употребительные в научной речи и не имеющие специальных дефиниций в пределах данной науки, например, *операция, процедура, назначение, осмотр*), термины – слова или словосочетания, обозначающие понятия и предметы исследования данной науки и имеющие дефиниции в научном тексте или в специальных терминологических словарях [Волков, 2007, с. 194-195].

Термины, в свою очередь, подразделяются на номенклатурные, обозначающие предметы исследования, например, *позвоночник, сустав*, и понятийные,

обозначающие понятия, с которыми оперирует научное исследование, например, *межрёберная невралгия, гипоксия*.

Терминологические дефиниции строятся в соответствии с принципами абстракции в данной науке, а вся система терминов отражает картину научного предмета и состояние научных знаний. Однако значения научных терминов меняются, так как развивается само знание, а научные понятия в различных научных школах толкуются неодинаково [Волков, 2007, с. 195].

В терминоведении науке, занимающейся изучением терминов и их свойств, выделяется ряд самостоятельных направлений. Среди них, например, сопоставительное терминоведение, которое занимается сравнительным исследованием общих свойств и особенностей специальной лексики разных языков, или семасиологическое терминоведение, исследующее проблемы, связанные со значением (семантикой) специальных лексем, изменением значений и всевозможными семантическими явлениями – полисемией, омонимией, синонимией, антонимией, гипонимией.¹

Будучи одной из древнейших областей человеческого знания, медицина имеет отличающуюся рядом качеств терминологию, которые непосредственно связаны с историей становления и развития науки.

Во-первых, медицинская терминология достигла высокой степени интернационализации по сравнению с терминологиями других отраслей знания. Это объясняется тем фактом, что современная европейская медицина берет свое начало из античной Греции (и даже в Римской империи медицинские знания совершенствовались, в основном, греки), и, соответственно, основной вклад в медицинскую терминологию внес греческий язык. Это термины, зафиксированные прежде всего в «Гиппократовом сборнике» («Corpus Hippocraticum»). С него фактически начинается история европейской медицины и медицинской терминологии.²

Во-вторых, медицинская терминология испытала сильнейшее влияние латинского языка в ранний период своего становления и развития, настолько сильное,

¹ Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение: учебное пособие для студентов ВУЗов. М.: Академия, 2008.- 304 с.

² Купова Ю. Н., Купов С. С. Роль калькирования в переводе медицинской лексики <http://www.vestnik.rzgm.ru/data/files/2012/12/%D0%9A%D1%83%D0%BF%D0%BE%D0%B2-%D0%9A%D1%83%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B01.pdf>

что даже после «смерти» разговорного латинского языка (VIII – IX вв.), все научные медицинские труды создавались только на латинском языке.¹

С учётом всех этих особенностей такие исследователи как Абрамова Г.А., Бесекирска Л. и Трофимова Н.А. выделяют следующие группы терминов уже в составе самой русской медицинской терминологии:

1. Исконно русские наименования: бедро, бельмо, бок, волос, оспа, окостенение, плод, почка, рак, рука, селезенка, сердце, темя и др. Количество этой группы терминов, которые не имеют интернациональных синонимов, невелико.

2. Заимствованные классицизмы, являющиеся интернационализмами, но приспособленные к звуковой и морфологической системе русского литературного языка: аппендицит, бронхит, бацилла, ваготомия, вакцина, гингивит, инфекция, лимфа, ретина, ректоскопия, экссудат и др.

3. Заимствованные из западноевропейских языков, западноевропеизмы, также ассимилированные в разной степени:

а) английские: блокада, допинг, клиренс, сайт, шунт, шок и др.;

б) французские: акушерка, бандаж, буж, грипп, дренаж, кретинизм, мигрень, шанкр и др.;

в) немецкие: бюгель, кламмер, курорт, фельдшер, шпатель, шприц и др. Заимствования из других языков единичны, например, малярия (итал.), москит (испан.).²

То есть русский язык сам создавал свою терминологическую систему, легко принимая заимствования из других языков для обозначения новых медицинских понятий.

Г.А. Абрамова в своей работе по медицинской лексике отмечает, что генетический состав современной русской медицинской терминологии, по сравнению с общелитературным языком, отличается гораздо большим процентом иноязычной лексики, а термины, полученные разными способами заимствования, значительно превышают половину всего состава единиц терминосистемы медицины.³

Термины на русский язык заимствуются следующими способами:

¹ См. Купову Ю. Н., Купова С. С. там же.

² Абрамова Г.А. Медицинская лексика: основные свойства и тенденции развития. Дисс. д-ра филол. наук. Краснодар. 2003. <http://www.dissercat.com/content/meditsinskaya-leksika-osnovnye-svoistva-i-tendentsii-razvitiya>

³ См. Абрамову Г. А. там же.

- прямое заимствование, которое представляет собой перенесение из одного языка в другой готовых материальных единиц – слов, морфем – и их семантики (полностью или частично в соответствии с условиями заимствования);
- скрытое, или внутреннее, заимствование, к которым относятся кальки.¹

Мотченко И.В. в своём исследовании отмечает, что в английской современной терминологии имеются термины, образованные различными способами и предполагающие развитие медицинской терминологии за счёт метафорического и метонимического словообразования, терминологизации общеупотребительной лексики, синонимии, аффиксального терминообразования, конверсии, словосложения и аббревиации. В существующей лексической системе медицинская лексика английского языка не представляет собой замкнутого слоя, так как количество медицинских терминов увеличивается за счёт общелитературной лексики. Данное явление объясняется тенденцией к взаимодействию словарного состава медицины и общелитературного языка. С ней связаны дифференциация и интеграция лексических пластов, а также специализация лексических единиц.

Движение лексических единиц из состава общеупотребительной лексики в терминологию медицины связано с терминологизацией их значения. Терминологизация общеупотребительных слов, условием осуществления которой является сужение сферы употребления (в данном случае - медицинской терминологии), делает слово выразителем специального понятия, выполняющего дефинитивную функцию. Терминологизация заключается в особенности одного и того же слова функционировать в нетерминологическом и терминологическом значениях, то есть как развитие у общелитературного слова особых терминологических значений.²

Профессор Новодранова В.Ф. в своей работе «Именное словообразование в латинском языке и его отражение в терминологии» отмечает, что для становления терминологической системы и её дальнейшего развития важную роль играют словообразовательные парадигмы и гнезда, объединяющие аффиксальные и сложные термины разных частей речи, свидетельствующие, с одной стороны, о тесном взаимодействии между подсистемами словообразования (префиксацией, суффиксацией и сложением), характерном и для литературного языка, а с другой

¹ См. Абрамову Г. А. там же.

² Мотченко И.В. Основные тенденции в формировании английской медицинской терминологии. Дисс. Канд. фил. наук. Москва. 2001

стороны – о системности и классификационной регулярности терминов, соответствующей подобной регулярности отражаемых ими понятий [Новодранова, 2008, с. 287].

С появлением когнитивной науки акцент исследований смещается от классической однозначности термина к многозначности, и, следовательно, можно говорить о том, что термины имеют производные значения, связанные с метафорами, метонимией, что подтверждает проводимое нами исследование, которое позволило выявить, что одни и те же термины и устойчивые словосочетания имеют несколько вариантов перевода, значения которых весьма различны между собой и зависят от контекста медицинской специализации.¹

Возникает вопрос об уровнях эквивалентности термина или устойчивого словосочетания на языке оригинала другому уже на переводимом языке.

Комиссаров В.Н. выделяет несколько типов эквивалентности [Комиссаров, 2011, с. 119-136]: на уровне цели коммуникации, на уровне ситуации и способ её описания и дословный перевод. В последнем типе эквивалентности возможны виды различного семантического варьирования:

- степень детализации описания;
- изменение способа объединения в высказывании описываемых признаков ситуации;
- изменение направления отношений между признаками;
- изменение типа предложения.

Далее Комиссаров отмечает, что «достижение эквивалентности на уровне семантики слова ограничивается *несовпадением значений слов в разных языках* (курсив мой – О.М.). Переводческие проблемы возникают в связи с каждым из трёх основных макрокомпонентов семантики слова: денотативного, конотативного и внутриязыкового значений. Денотативное, или предметно-логическое, значение слова обозначает определённый класс объектов, реальных или воображаемых, или какой-то единичный объект. Трудности при передаче этого значения в переводе вызываются, в основном, тремя причинами: различиями в номенклатуре лексических единиц, в объёме значений и в сочетаемости слов с близким значением. В языке оригинала обнаруживается немало слов, не имеющих прямых соответствий в языке перевода» [Комиссаров, 2011, с. 131-132]. Что и подтверждается в проводимом нами

¹ Росянова Т.С. Когнитивный подход к рассмотрению термина.
http://elibrary.finec.ru/materials_files/380114050.pdf

исследовании. И в нашем конкретном случае, пожалуй, решающую роль играет «дословный перевод на уровне ситуации».

Для нашего исследования были взяты следующие жанры медицинской тематики: истории болезни, статьи из медицинских журналов, реклама лекарственных средств, реклама здорового образа жизни и профилактики различных заболеваний, рецепт и фармакологическая инструкция.

Возьмём пример из истории болезни пациента N.

Семейный анамнез пациентаотягощён – у его матери подагра.

Прилагательное «отягощён» имеет следующие варианты перевода на английский язык в заданном контексте: *positive, burdened, aggravated*.¹

Если мы возьмём для перевода выражение «отягощённый семейный анамнез», то у нас будут следующие варианты перевода:

anamnesis record – отягощённый анамнез;

positive family history – отягощённый семейный анамнез/ генетическая предрасположенность к генетическим заболеваниям;

burdened gynecological/ obstetrics anamnesis – отягощённый акушерско-гинекологический анамнез;

burdened familial anamnesis – отягощённый семейный анамнез;

*aggravated history – отягощённый анамнез (информация о нарушениях состояния здоровья у реципиента вакцины в прошлом, которые могут способствовать развитию поствакцинальных осложнений).*²

Подагра (букв. – капкан для ног) – хроническое заболевание, обусловленное нарушением обмена веществ с повышением содержания мочевой кислоты в крови и отложением её солей в тканях и органах.³

Из определения становится ясно, что речь идёт ни о генетическом заболевании, ни о заболевании, связанном с поствакцинальными осложнениями. “*Anamnesis record*” подразумевает наличие у пациента какого-либо заболевания или ранее перенесённую болезнь. В данном случае речь идёт только о жалобах пациента, а не о самом диагнозе, который только предстоит поставить доктору. Таким образом, конечный вариант перевода будет выглядеть следующим образом:

¹<http://www.multitrans.ru/c/m.exe?l1=2&l2=1&s=%EE%F2%FF%E3%EE%F9%B8%ED%ED%FB%E9>

²<http://www.multitrans.ru/c/m.exe?l1=2&l2=1&s=%CE%F2%FF%E3%EE%F9%B8%ED%ED%FB%E9%20%E0%ED%E0%EC%ED%E5%E7>

³ Айрапетян А. Т., Даллакян В.Ф. Краткий медицинский терминологический словарь. М.: «Человек», 2010. – с. 119

The patient has burdened familial anamnesis—his mother suffers with uratosis.

(Перевод мой – О.М.)

Рассмотрим другой пример, взятый из истории болезни пациента X:

Пациентка жалуется на сухой приступообразный кашель и озноб.

В данном примере трудность вызвало определение «*приступообразный*».

Варианты перевода:

Convulsive activity – судорожная активность;

Convulsive breathing – судорожное дыхание;

Convulsive disorder – судорожное расстройство;

Convulsive reflex – некоординированное сокращение мышц;

Convulsive state – судорожное состояние;

Paroxysmal albuminuria – приступообразная альбиминурия.^{1 2}

В словаре медицинских терминов даётся следующее определение:

«*Конвульсивный кашель – (t. convulsive; син. К. судорожный) приступообразный кашель, с быстро следующими друг за другом толчками, прерывающимися шумным вдохом...*» Из определения становится ясно, что *конвульсивный кашель* эквивалентен *приступообразному кашлю*.³

Следовательно, перевод выглядит следующим образом:

The patient has complaints about convulsive dry cough and fevers. (Перевод мой – О.М.)

В некоторых случаях перевода наличие контекста и толкового словаря не было достаточным условием для точной передачи смысла. В этих случаях консультация или пояснения самого лечащего врача разъясняют ситуацию. Например, при переводе следующего предложения, взятого из истории болезни пациента Y:

У пациента имеются жалобы на плохой сон.

Само понятие «*плохой сон*» является общим и «растяжимым», в особенности при переводе, так как существует несколько возможных способов передать это словосочетание на английском языке:

Somnopathy/ somnipathy – расстройство сна;

Sleep disturbance/ sleep disruption – нарушение сна;

Poor sleep quality – низкое качество сна;

¹ <http://www.multitran.ru/c/m.exe?a=3&s=convulsive&sc=8&l1=1&l2=2>

² Мокина Н. Р. Новый англо-русский русско-английский медицинский словарь. 26 437 терминов и 1070 аббревиатур.- М.: АБВУ Press, 2010. – VI с., 370 с.

³ Покровский В. И. Энциклопедический словарь медицинских терминов. М.: Советская энциклопедия. 2005. с.530

Sleep debt – дефицит сна.

Со слов пациента он «тревожно спит, не погружаясь в глубокий, крепкий сон». Исходя из этого, получается, что речь идёт о низком качестве сна – самое общее определение. Учитывая тот факт, что диагноз пациента анемия (группа заболеваний, характеризующихся уменьшением в крови эритроцитов или гемоглобина), гипотиреоз (недостаточность функции щитовидной железы)¹ и дистония (патологическое изменение тонуса)², а также, что выделяют более 70 синдромов нарушений сна³, то в этой ситуации данную жалобу можно рассматривать не как заболевание, а как симптом. То есть перевод данного предложения будет следующим:

The patient has complaints of poor sleep quality. (Перевод мой – О.М.)

При выполнении письменных переводов у переводчика не всегда есть возможность проконсультироваться с врачом. Здесь существенную помощь может оказать корпус медицинских текстов.

Корпусная лингвистика представляет собой весьма динамичное и прогрессирующее направление. Корпусная лингвистика – это раздел компьютерной лингвистики, который занимается разработкой общих принципов построения и использования лингвистических корпусов (корпусов текста) с использованием компьютерных технологий [Захаров, 2005, с. 3]. Сегодня существуют корпуса различных жанров текста и на многих языках. Корпус некоторого языка – это собрание текстов на данном языке, представленное в электронной форме и снабжённое научным аппаратом. Аппарат, «встроенный» в корпус, называется «разметкой» или «аннотацией» корпуса.⁴ Под названием лингвистический, или языковой корпус текстов понимается большой, представленный в электронном виде, унифицированный, структурированный, размеченный, филологически компетентный массив языковых данных, предназначенный для решения конкретных лингвистических задач [Захаров, 2005, с. 3]. Корпусы выделяются и по специальностям, например, медицинские. Наличие подобных баз данных позволяет не только точно перевести медицинский термин, но и рассмотреть возможные случаи его

¹ Айрапетян А. Т., Даллакян В.Ф. Краткий медицинский терминологический словарь. М.: «Человек», 2010. – с. 19, с. 49, с.

² Покровский В. И. Энциклопедический словарь медицинских терминов. М.: Советская энциклопедия. 2005. с. 422

³ <http://www.nevromed.ru/consultations/somnology>

⁴ Плунгян В. А. Зачем мы делаем Национальный корпус русского языка? Отечественные записки, 2005, №2: Общество в зеркале языка. <http://www.strana-oz.ru/2005/2/zachem-my-delaem-nacionalnyy-korpus-russkogo-yazyka>

употребления в разных контекстах. Это является принципиально важным при переводе научных статей по медицине и фармакологии, исследований, историй болезни и специальной литературы.

Теперь рассмотрим перевод при помощи корпуса текстов. Для примера воспользуемся рекламой лекарственного препарата.

КОРОНАЛ эффективнее метопролола, контролирует частоту сердечных сокращений.

Словосочетание *частота сердечных сокращений* имеет следующие варианты перевода в медицинском словаре:

heart rate – частота ударов сердца; частота сердечных сокращений; сердечный ритм; пульс;

cardiac rate – частота сердечных сокращений; частота сердцебиения.^{1 2}

Если проверить данные словосочетания через корпус медицинских текстов, то получится следующая картина. При запросе на словосочетание *heart rate* выдаётся около 347132 вариантов³, а если задать поиск на *cardiac rate*⁴, то результат составит 404421 примера, в которых будет использовано словосочетание *heart rate*, а прилагательное *cardiac* чаще будет встречаться в следующих словосочетаниях:

cardiac conduction;

cardiac vagal influence;

cardiac ganglion neurous;

cardiac rhythm modulation;

cardiac sympathetic nerve activity.

Принимая во внимание приведённые выше информацию, можно заключить, что словосочетание *heart rate* используется именно для обозначения пульса, в то время как слово *cardiac* имеет более узкое значение для наименования функций сердца или группы заболеваний с ним связанных, специализации в области медицины. Окончательный перевод будет выглядеть следующим образом:

Coronal controls heart rate more effectively than Metoprolol. (Перевод мой – О.М.)

Отдельно следует отметить перевод названий лекарственных средств. Для этого существуют специальные словари, в том числе и в режиме on-line. При поиске

¹ <http://www.multitran.ru/c/m.exe?a=3&&s=%F7%E0F1F2EEF2E0%20F1E5F0E4E5F7%ED%FBF5%20F1EE%EA%F0E0F9E5%ED%E8E9&sc=8&l1=2&l2=1>

² Мокина Н. Р. Новый англо-русский русско-английский медицинский словарь. 26 437 терминов и 1070 аббревиатур.- М.: АБВУ Press, 2010. – VI с., 370 с.

³ <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/?term=heart+rate>

⁴ <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/?term=cardiac+rate>

перевода можно взять международное непатентованное или группировочное название препарата, которое определяется его действующим веществом и, как правило, указывается на упаковке более мелким шрифтом под торговым названием (торговые названия при содержании одного и того же действующего вещества могут различаться) или в прилагающейся инструкции.

В заключение хотелось бы привести в пример отрывок из работы Д.В. Самойлова «О переводе медицинских текстов»: «Не стоит торопиться писать *эффективный, эффективно* всякий раз, когда в оригинале значится *effective*. Ничего плохого в слове *эффективный* нет (оно имеет традиционное для отечественной медицинской терминологии латинское происхождение), но у него есть странное свойство появившись раз, назойливо повторяться: «Среди методов лечения ночного недержания мочи наиболее эффективно применение сигнальных устройств. Ограничение приема жидкости на ночь неэффективно». Не проще ли: «Лучший метод лечения ночного недержания мочи — применение сигнальных устройств. Ограничение приема жидкости на ночь бесполезно»? «Эффективно аккуратное срезание оmozолелости и удаление ее специальной пилочкой». Короче и гораздо более по-русски: «Omozолелость аккуратно срезают или удаляют специальной пилочкой».¹ В данной статье был дан обзор структуры и состава лексики медицины и только некоторых проблем в общенаучной лексики медицины, которые ждут своего дальнейшего осмысления и решения.

Список литературы

- Абрамова Г.А. Медицинская лексика: основные свойства и тенденции развития [Электронный ресурс]. Дисс. д-ра филол. наук. Краснодар. 2003. - Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/meditsinskaya-leksika-osnovnye-svoistva-i-tendentsii-razvitiya>
- Айрапетян А.Т., Даллакян В.Ф. Краткий медицинский терминологический словарь. М.: «Человек», 2010. 192 с.
- Волков А.А. Язык и мышление. Мировая загадка. М.: Издательство ЛКИ, 2007. – с. 194-195
- Гринев-Гринеvич С.В. Терминоведение: учебное пособие для студентов ВУЗов. М.: Академия, 2008. 304 с.
- Захаров В.П. Корпусная лингвистика. Учебно-методическое пособие. С.-П.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2005. 47 с.
- Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. 2-ое изд., испр. – М.: Р. Валент, 2011. 408 с.
- Купова Ю. Н., Купов С. С. Роль калькирования в переводе медицинской лексики [Электронный ресурс]. - Режим доступа:

¹ <http://www.practica.ru/Articles/medical.htm>

<http://www.vestnik.rzgmu.ru/data/files/2012/12/%D0%9A%D1%83%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%9A%D1%83%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B01.pdf>

Мокина Н.Р. Новый англо-русский русско-английский медицинский словарь. 26 437 терминов и 1070 аббревиатур.- М.: АБВУ Press, 2010. – VI с. 370 с.

Мотченко И.В. Основные тенденции формирования английской медицинской терминологии [Электронный ресурс]. Дисс. к-та филол. наук. Москва. 2001. - Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/osnovnye-tendentsii-v-formirovanii-angliiskoi-meditsinskoi-terminologii>

Электронный словарь «Мультитран» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.multitran.ru/c/m.exe?&l1=1&l2=2&CL=1&a=0>

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/>

Новодранова В.Ф. Именное словообразование в латинском языке и его отражение в терминологии. *Laterculi vocum Latinarum et terminorum/* Рос. академия наук; Ин-т языкознания. МГМСУ. М.: Языки славянских культур, 2008. – 328 с. – (Studia philological).

Новый англо-русский медицинский словарь. Под общ. ред. Ривкина В. Л., Бенюмовича М. С. – М.: АБВУ Press, 2009. 832 с.

Плунгян В.А. Зачем мы делаем Национальный корпус русского языка? Отечественные записки, 2005, №2: Общество в зеркале языка [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2005/2/zachem-my-delaem-nacionalnyy-korpus-russkogo-yazyka>

Покровский В.И. Энциклопедический словарь медицинских терминов. М.: Советская энциклопедия. 2005. 1591 с.

Реформатский А. А. Введение в языкознание. М.: АСПЕКТ-ПРЕСС, 2010. 536 с.

Росьянова Т.С. Когнитивный подход к рассмотрению термина [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://elibrary.finec.ru/materials_files/380114050.pdf

Новый англо-русский медицинский словарь / Под общ. ред. Ривкина В. Л., Бенюмовича М. С. – М.: АБВУ Press, 2009. 832 с.

Справочник лекарственных средств «Vidal» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.vidal.ru/>

US National Library of Medicine/ National Institutes of Health [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/?term=heart+rate>

Маслова Е.А.

Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского
г. Омск (Россия)

Maslova Ekaterina

Omsk F. M. Dostoevsky State University
Omsk (Russia)

*ТОЛКОВАНИЕ ТЕКСТА: О ЧЁМ РАССКАЗЫВАЕТ НАМ «ХОЗЯЙКА»
ДОСТОЕВСКОГО И ЕЁ ПЕРЕВОДЫ НА ИСПАНСКИЙ И ИТАЛЬЯНСКИЙ ЯЗЫКИ*

*HERMENEUTICS IN LITERATURE: WHAT DOES DOSTOEVSKY'S NOVEL THE
LANDLADY TELL US VS ITS SPANISH AND ITALIAN TRANSLATIONS*

В статье анализируется, по каким причинам и в какой мере трансформируется художественное произведение, его возможное толкование и семантико-прагматический потенциал при переводе на другой язык; а также то, как эти изменения влияют на восприятие текста иностранным читателем, который принадлежит к иной языковой и культурной среде и, следовательно, создает новый контекст художественному произведению. На материале повести Ф.М. Достоевского «Хозяйка» и её переводов на испанский и итальянский языки в данной статье сопоставляется смысловой потенциал текста оригинала и его переводов.

The present paper examines why and in what scale a literary work (its possible interpretations, semantic and pragmatic potential, etc.) transforms in the process of its translation to another language. At the same time the article analyses how these changes influence the reception of the literary work, taking into account that a new receptor belongs to another linguistic and cultural context and thus creates the context in a broad sense of term. In the present paper we consider a translation as one of the possible interpretations of the original text. The aim of this article is to compare possible interpretations of the original Dostoevsky's novel *The Landlady* and its Spanish and Italian translations.

Ключевые слова: герменевтика, рецептивная эстетика, русско-испанский, русско-итальянский перевод, Достоевский

Keywords: hermeneutics, reader-response, Russian-Spanish, Russian-Italian translation, Dostoevsky

1. Вступление. Смысловой потенциал художественного текста и его переводов

Художественные произведения таких мыслителей, как Достоевский, Гёте, Кафка, Генрих фон Клейст, по сути своей являющиеся рассуждениями об онтологических проблемах бытия, выдвигают перед переводчиком больше проблем, нежели произведения, по своей направленности развлекательные. Философы, исследователи, литературные критики и просто читатели не перестают и сейчас обсуждать заложенные в таких произведениях смыслы, искать возможные аллюзии на другие произведения и спорить о значении и интерпретации их отдельных элементов. Такие

произведения ставят перед читателем вопрос о своем смысле и не являются замкнутыми в своем художественном вымысле. Множественные интерпретации делает возможным сам контекст литературного произведения: «Если же контекст подразумевает или предусматривает одновременно несколько изотопий, то мы имеем дело с глубоко символическим языком, который, говоря об одной вещи, говорит и о другой. Вместо того, чтобы поддерживать одно измерение, контекст делает возможным (и даже обеспечивает) одновременное существование нескольких измерений смысла» [Рикёр, 2008, с.156].

При таком «конфликте интерпретаций», иначе говоря, возможной многозначности текста, на передний план выходит фигура читателя. Бертран Рассел в работе «Проблемы философии» пишет: «если несколько лиц будут одновременно смотреть на стол, то каждый из них будет видеть другое распределение цветов, и любое изменение точки наблюдения изменяет пути восприятия отраженного цвета» [Рассел, 2000, с. 157]. То же самое происходит, когда мы говорим о восприятии одного и того же смыслового элемента в контексте художественного произведения разными читателями. Каждый читатель обладает собственным опытом и представлениями о мире, отличными от опыта и представлений других людей, и, таким образом, он сам создает контекст литературному произведению. Соответственно, само художественное произведение, его смысл, попадая в этот широкий метаконтекст, будет изменяться.

В попытке интерпретировать текст читатель вступает с автором в своеобразный диалог, который на деле оказывается всегда диалогом читателя с самим собой: «Всякая интерпретация имеет целью преодолеть расстояние, дистанцию между минувшей культурой и эпохой, которой принадлежит текст, и самим интерпретатором. Преодолевая это расстояние, становясь современником текста, интерпретатор может присвоить себе смысл: из чужого он хочет сделать его своим, собственным; следовательно, расширение самопонимания он намеревается достичь через понимание иного. Таким образом, явно или неявно, **всякая герменевтика – это понимание самого себя через понимание иного**» (выделено мной – Е.М.) [Рикёр, 2008, с. 56]. Этот тезис напоминает нам о рецептивной эстетике, где типична тенденция к «растворению» произведения в сознании читателя [Ильин, 1983, с.126], а также об открытом произведении Умберто Эко: «открытые произведения, в той мере, в какой они представляют собой «произведение в движении», приглашают адресата создавать произведение вместе с его автором» [Эко, 2005, с.111]. Философия и

литературоведение, таким образом, подходят к одному и тому же вопросу с разных сторон.

Интерпретатором текста, конечно же, является и любой переводчик художественного произведения. Поэтому перевод, с одной стороны, в основе своей имеет конкретное прочтение и понимание текста оригинала; и многозначность оригинального текста может, с одной стороны, нивелироваться (вспомним утверждение У. Эко о том, что хороший перевод неизбежно понятнее оригинала). Помимо этого, в значительной мере утрачивается возможность судить о литературных влияниях, заимствованиях, личности автора (если исследователь, к примеру, пользуется методами психоанализа и нейроэстетики), его личной языковой картины мира (пользуясь методами лингвокультурологии) по тексту перевода. С другой стороны, перевод может добавлять дополнительные смыслы, отсутствующие в тексте оригинала, так как элемент текста при переводе на другой язык в силу определенных факторов обрастает новым набором ассоциаций и интерпретируется уже новым читателем, обладающим зачастую совершенно иным культурным контекстом.

Идею множественности интерпретаций можно условно отобразить в следующей схеме (см. Рис.1).

Языковой знак в своем контексте в тексте оригинала может иметь определенный набор интерпретаций (круг S-1). В тексте перевода новый языковой знак (2) оказывается окруженным новым контекстом 2, и набор как ассоциаций, которые вызывает у читателя знак, так и интерпретаций(S-2), не будет полностью совпадать. Совокупность новых знаков в тексте перевода приводит к тому, что и возможные прочтения текста оригинала (Т-1) и возможные прочтения текста перевода (Т-2) также не будут полностью совпадать. Часть прочтений будет утрачиваться, часть, напротив, добавляться.

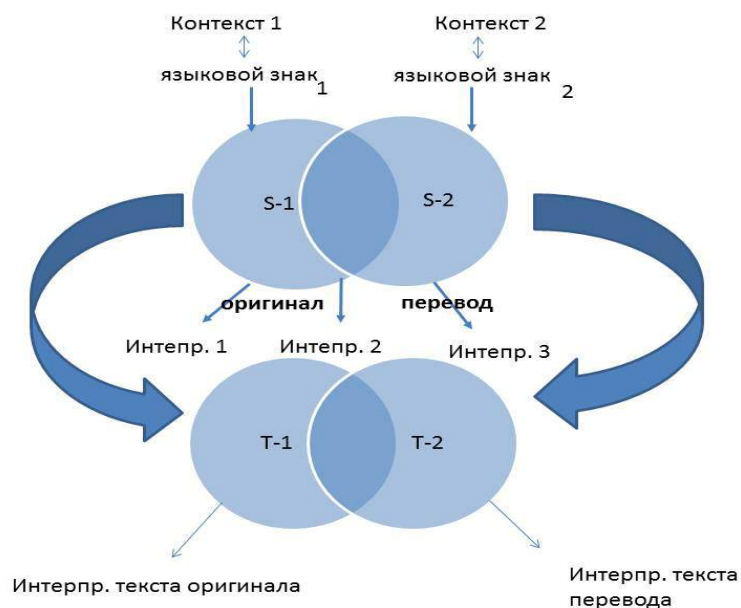

Рис.1

Почему же толкование художественного текста и его тенденция к многозначности так важны при переводе? Мы помним, что переводить – это значит понимать (в европейских языках слово «переводить» – *interpreter, interpret, etc.*, (от лат. *interpretāri*) – имеет семантику как собственно процесса перевода, так и толкования текста). Проблема встает тогда, когда переводчику не удастся передать возможные прочтения текста оригинала либо по причине того, что сам переводчик интерпретирует текст в конкретной манере, либо от того, что передача всех смыслов с лингвистической точки зрения попросту невозможна. Поэтому в нашей критике перевода речь идет не об ошибках, а о варианте произведения, о самостоятельном произведении.

На примере переводов повести Достоевского «Хозяйка» рассмотрим, как отличается возможное толкование оригинального текста от толкования его переводов, используя наиболее яркие примеры, не затрагивая в настоящей работе сферу *оттенков* смысла.

2. «*La Patrona*» и «*La padrona di casa*»

Повесть «Хозяйка» рассказывает о том, как житель Петербурга, молодой мечтатель Василий Ордынов, встречается в церкви старика, «колдуна» Мурина, и молодую красавицу Катерину, в которую Ордынов сразу же влюбляется. Но между Муриным и Катериной существует таинственная связь, Катерина словно привязана к

старика. Ордынов пытается вырвать девушку из-под власти старика, однако ему этого не удается.

2.1. Толкование названия. Хозяйка дома или святая?

Обратим внимание в первую очередь на название и его переводы. Одну из возможных интерпретаций предлагает нам исследователь творчества Достоевского Наталья Арсентьева: «Действие идет к развязке, достигая психологического накала в кульминационной сцене выбора русской женщиной своей судьбы, когда главные герои собираются вместе <....>. Все повествование устремлено к этой сцене в «Хозяйке», проясняющей символику заглавия. **Катерина – хозяйка квартиры и одновременно хозяйка положения, имеющая право выбора, а значит, и решения своей судьбы.** Мурин вынужден подчиниться воле женщины, властно вступающей в свои права и чувствующей за собой силу, заключенную в осознании ею самоценности своей красоты» (выделено мной – Е.М.) (Арсентьева, неизданное). Обратимся к переводам. Испанские переводчики (Алехандро Гонсалес, Кансинос-Ассенс, Лидия Купер) выбрали вариант «La Patrona», что буквально означает «хозяйка». Однако посмотрим статью из испанского толкового словаря Испанской Королевской Академии Наук «RAE» (для удобства даем также перевод):

patrón, na.

1. m. y f. Defensor, protector (**защитник**).
2. m. y f. Que tiene cargo de patronato (**тот, кто осуществляет над кем-то попечительство**).
3. m. y f. Santo titular de una iglesia (**святий-покровитель какой-либо церкви**).
4. m. y f. Protector escogido por un pueblo o congregación, ya sea un santo, ya la Virgen o Jesucristo en alguna de sus advocaciones (**заступник, покровитель, избранный какой-то деревней или другой конгрегацией. Может быть одним из святых, Девой Марией, Иисусом**).
5. m. y f. Dueño de la casa donde alguien se aloja u hospeda (**хозяин дома, где кто-то останавливается или приезжает погостить**).
6. m. y f. Amo, ama (**приблизительно то же, что и домохозяйка**).

Мы видим, что ассоциации, которые вызывает название произведения у испанского читателя, будут отличаться от тех, которые возникают у русского, т.е. семантические поля слов «хозяйка» и «patrona» не совпадают. Так, испаноязычный читатель может подумать, что Достоевский имплицитно заложил в названии силу,

либо святость Катерины. Впрочем, следующий пример из повести показывает нам, что Ордынов, возможно, действительно сравнивает Катерину со святой, как показывает в статье «Поэтическая декларация раннего Достоевского (символика повести *Хозяйка*)» В.Е. Ветловская [Ветловская, 1985, с. 91-103]:

– Жизнь моя! – прошептал Ордынов, у которого зрение помутилось и дух занялся. – Радость моя! – говорил он, не зная слов своих, не помня их, не понимая себя, трепеща, чтоб одним дуновением не разрушить обаяния, не разрушить всего, что было с ним и что скорее он принимал за видение, чем за действительность: так отуманилось всё перед ним! – Я не знаю, не понимаю тебя, я не помню, что ты мне теперь говорила, разум тускнеет мой, сердце ноет в груди, владычица моя!

Воспользуемся тем же методом сравнения семантических полей слова, что и при нашем анализе названия повести. По толковому словарю русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой:

Владычица

1. То же что и владыка (в 1 знач.).
2. Эпитет богородицы в религиозных произведениях.

Владыка

1. Высок. Повелитель, властелин.

У Достоевского, вероятно, Ордынов, пользуясь народной парафразой, сравнивает Катерину с богородицей, подчеркивая её чистоту. Помимо этого, сама Катерина использует то же слово для обозначения девицы Марии: «*тут я опять стану молиться, и молюсь, и молюсь до той поры, пока владычица не посмотрит на меня с иконы любовнее*». В двуязычном русско-испанском словаре Г.Я. Туровера слову «владычица» даны следующие переводы:

1. высок. *señora, soberana;*
2. религ. *Reina, señora (la Virgen)*

В испанских переводах Кансиноса-Ассенса и Алехандро Гонсалеса используется слово «*reina*». Обратимся еще раз к толковому словарю Испанской Королевской Академии Наук «RAE». Слово «*reina*» имеет следующие значения (нами выделены те, которые могут относиться к рассматриваемому нами контексту):

1. *Esposa del rey (супруга короля).*
2. *Mujer que ejerce la potestad real por derecho propio (женщина, наделенная королевской властью).*

3. *Pieza del juego de ajedrez, la más importante después del rey, que puede caminar como cualquiera de las demás piezas, exceptuado el caballo (шахматная фигурка).*
4. *abeja reina (пчелиная матка).*
5. *Mujer, animal o cosa del género femenino, que por su excelencia sobresale entre las demás de su clase o especie (женщина, животное или другая вещь женского рода, которая по своим характеристикам выделяется на фоне других (вещей) своего класса).*

Здесь четкого определения слова как парафразы к деве Марии мы уже не встречаем, и «*reina mía*» (в переводе Кансиноса-Ассенса) или «*mi reina*» (в переводе Алехандро Гонсалеса) будет звучать для испанского читателя приблизительно так же, как и «моя королева» для русского, вызывая образ сильной женщины, без какой-либо явной или скрытой отсылке к богородице.

Из этого примера видно, что сравнение Катерины со святой (в представлении Ордынова) может считываться как в тексте оригинала, так и в испанских переводах, однако путь к пониманию этого будет у читателей оригинала и переводов разный, не говоря уже о том, что на второй план в тексте перевода отходят заложенное в русском слове «хозяйка» значение «хозяйка дома».

В итальянском же, помимо вариантов «*La Padrona*», встречается и «*La Padrona di Casa*», т.е. буквально – «хозяйка дома», в переводе 1998 года Стефано Алоэ. Как сам переводчик объяснил свой выбор, слово *padrona* в итальянском языке подразумевает под собой скорее указание на силу героини, её власть, и исключает возможность воспринимать Катерину просто как хозяйку квартиры. *Padrona* – это сильная, волевая женщина, которая скорее владеет фабрикой, нежели квартирой, если не добавить дополнение *di casa*. Хотя «*La Padrona di Casa*» и ведет к более узкому толкованию смысла, но вариант «*La Padrona*» делает акцент на более спорной интерпретации отношений между героями, делая из слабой (на взгляд переводчика) Катерины властную женщину, подчиняющую как Мурина, так и Ордынова. Перевод названия должен быть по возможности нейтральным, и не влиять преждевременно на читателя. Поэтому перевод «*La Padrona di Casa*» не является ошибкой, а объясняет толкование переводчиком-читателем произведения и отбрасывает лишние, на его взгляд, возможные интерпретации названия.

2.2. Фольклор и скопчество. Два измерения смысла

Само произведение, его сюжет, речь героев, написаны в фольклорной стилистике (однако следует отметить, что не полностью. Фольклорность появляется

лишь после встречи Ордынова с Катериной. Рассказчик также несколько не фольклорен. См. к примеру, [Бем, 2001, с. 264-326]). Однако некоторые исследователи считают, что под этим фольклоризмом спрятан иной смысловой уровень произведения. Так, цветовая символика повести Достоевского «Хозяйка», обращения «голубушка моя белая» и другие элементы текста, а также культурно-религиозная ситуации Петербурга середины XIX века, позволили исследователям И.Л. Волгину, О.Г. Дилакторской [Дилакторская, 1995, с. 59-86], Н.Н. Арсентьевой прийти к заключению, что в повести имплицитно заложена аллюзия на секту скопцов, которые сами называли себя белыми голубями.

Рассмотрим на примере, как в повести одновременно могут актуализироваться два совершенно различных измерения смысла. Герои в обращении друг к другу часто используют зооморфные обращения с семьей «голубь»: «голубь мой», «моя голубушка», «голубица моя», «голубь горячий мой», «белая голубка моя». Так, к примеру, обращение Ордынова к Катерине «моя голубушка» в контексте повести может интерпретироваться на трех различных уровнях:

- 1) как обычное фольклорно-ласковое обращение;
- 2) как знак чистоты, божественности, который характеризует отношение Ордынова к Катерине как к чему-то чистому и небесному («я видел Духа, сходящего с неба, как голубя, и пребывающего на Нем» [Иоан.1:32])
- 3) как аллюзию на секту скопцов («в повести Мурин уподобляется грозе, так же как Кондратий Селиванов уподоблялся солнцу, а скопцы — сизым или белым голубям») [Дилакторская, 1995, с. 75].

Переводчик в этой ситуации оказывается между сциллой и харибдой: если он заменяет обращение функциональным аналогом вроде «mi cariño» («моя дорогая») или «mi tesoro» («мое сокровище»), возможность интерпретации текста как аллюзии на скопчество в значительной мере утрачивается; если же переводчик передает это обращение буквально, т.е. «mi palomita blanca», для читателя перевода это звучит непривычно и странно. В любом случае герменевтический круг исходного текста нарушается.

Рассмотрим несколько примеров обращений Катерины к Ордынову и их переводы на испанский и итальянский языки:

Оригинал	1) Вставай, голубь мой , вставай. 2) Полно, голубь мой , полно.	Обратный перевод
-----------------	--	-------------------------

	3) Доброй ночи тебе, сердце мое ненаглядное, голубь горячий мой , братец родной!	
Перевод Кансиноса-Ассенса	1) <i>¡Anda, y levántate, pichoncito mío!</i> (Dostoevskii, 1949:248) 2) <i>Sé bueno, rico mío.</i> (Dostoevskii: 1949:248) 3) <i>¡Buenas noches, amor mío!</i> (Dostoevskii, 1949:273)	1) <i>Давай, вставай, цыпленок мой!</i> 2) <i>Будь хорошим, мой вкусный.</i> 3) <i>Доброй ночи, любовь моя!</i>
Перевод А. Гонсалеса	1) <i>¡Levántate, palomito mío, levántate!</i> (Dostoevski, 2008: 37) 2) <i>Basta, palomito mío, basta.</i> (Dostoevski, 2008:38) 3) <i>¡Buenas noches, corazoncito mío, ferviente palomito, hermanito mío!</i> (Dostoevski, 2008:88)	1) <i>Вставай, голубчик мой, вставай!</i> 2) <i>Довольно, голубчик мой, довольно.</i> 3) <i>Доброй ночи, сердечко мое, горячий голубчик, братец мой!</i>
Перевод Стефано Алоэ	1) <i>Alzati, mio caro, alzati.</i> (Dostoevskij, 1998:52) 2) <i>Basta, mio caro, basta</i> (Dostoevskij, 1998:53) 3) <i>Buona notte, cuore mio adorato, mio focoso aquilotto, fratellino caro!</i> (Dostoevskij, 1998:95)	1) <i>Вставай, мой милый, вставай.</i> 2) <i>Довольно, мой милый, довольно.</i> 3) <i>Доброй ночи, сердце мое обожжаемое, пылкий орленок, дорогой братец!</i>

Табл. 1

Как мы видим, Кансинос-Ассенс склонен заменять обращение «голубь мой» на испанские функциональные аналоги. Стефано Алоэ заменяет голубя другим зооморфизмом — орлом, который, как кажется переводчику, точнее, нежели буквальный перевод – «colombo» – передает ласковое отношение Катерины к Василию Ордынову и народно-поэтический оттенок речи. Обращения Ордынова к Катерине также адаптируются для итальянского читателя:

Оригинал	Откуда ты, моя голубушка? <...> Из какого неба ты в мои небеса залетела?
Перевод Стефано Алоэ	<i>Chi sei, chi sei, mio tesoro? Da dove vieni, fiorellino mio?</i> (Dostoevskij, 1998:112)
Обратный перевод	(букв. « <i>Кто ты, кто ты, мое сокровище? Откуда ты явился, мой цветочек?</i> »)

Табл. 2

Повторим, что такой перевод не является ошибкой даже несмотря на последние тенденции в дostoевистике рассматривать произведение как аллюзию на скопчество, а объясняет интерпретацию повести переводчиком. Говорить об ошибке можно тогда,

когда переводчик, к примеру, адаптирует лишь одну из частей развернутой метафоры. Рассмотрим эту же фразу в переводе на испанский язык Кансиноса-Ассенса:

Перевод Кансиноса-Ассенса	<i>Quien eres tú? Quien eres tú? De donde veniste? De qué cielo has caído para mí?</i> (Dostoevskii, 1949:263)
Обратный перевод	Кто ты? Кто ты? Откуда ты явилась? Из какого неба ты упала ко мне?

Табл. 3

Как мы видим, переводчик убирает обращение «голубушка», однако вопрос о небесах остается, что может оставить у читателя чувство непонимания, ведь *падал* (а не прилетал) с неба, как мы помним, не кто иной, как Люцифер.

Возвращаясь к Таблице 1, мы видим, что Алехандро Гонсалес во всех случаях передает специфику русского обращения, и при достаточном кругозоре читателя теоретически любая из трех приведенных выше интерпретаций может быть выведена из текста перевода. Однако на практике такой «идеальный» читатель встречается редко, либо же не встречается вовсе. Тогда, в случае желания переводчиком передать оба возможных измерения смысла текста, необходимо давать развернутый переводческий комментарий, объясняя читателю про скопчество в России в XIX веке (такого комментария мне не встретилось пока ни в одном переводе повести на испанский язык). Однако комментарий всегда является прямым объяснением чего-то для читателя; а объяснение, с точки зрения нейроэстетики, всегда менее привлекательно, чем сам процесс узнавания, отгадывания и понимания. Один из самых влиятельных неврологов современности, профессор В. Рамачандран, назвал получение мозгом удовольствия от разгадывания эффектом *peekaboo* (игра с младенцем, в которой взрослый прячет свое лицо за ладонями, а затем открывает его). Художник намеренно может делать картину нечеткой, оставляя за смотрящим право самому разгадать загадку полотна; своеобразная игра в хищника и добычу. Мозг начинает работать, и этот процесс, как и его итог, вызывает ощущение удовольствия. Нечто похожее, как мне кажется, содержит в себе и настоящее литературное произведение – загадку, которую читатель должен разгадать *сам* (пусть и в субъективной манере, т.е. разгадать *лично для себя*).

3.1. Заключение

Как мы видим, даже перевод, выполненный на высоком уровне, не может по своему смыслу быть абсолютно равен оригинальному произведению. Зачастую

разница в возможных интерпретациях текста оригинала и его переводов может быть значительной, как мы увидели на примере переводов повести Достоевского «Хозяйка». Однако нельзя утверждать, что перевод непременно хуже его оригинала, ведь часть создания универсума произведения – в руках его читателя, читателя перевода или же оригинала. Перевод произведения может иметь как свои потери, так и приобретения, и именно в этом, как мне кажется, одновременно и его блеск, и его нищета.

Список литературы

- Бем А.Л.* Драматизация бреда / А.Л. Бем// Исследования. Письма о литературе/ сост. С.Г. Бочарова. – М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 264-326.
- Ветловская В.Е.* Поэтическая декларация раннего Достоевского (Символика повести "Хозяйка") // Сборник Матице српске за славистику. Нови Сад. – 1985.–№ 28. С.91-103.
- Дилакторская О.Г.* Скопцы и скопчество в изображении Достоевского (к истолкованию повести «Хозяйка») //Philologica. – 1995. –№3/4. С.59-86.
- Ильин И. П.* Теоретические аспекты коммуникативного изучения литературы //Семиотика. Коммуникация. Стил. (Отв.ред. и Предисловие совместно с Л. Г. Лузиной.). М., 1983. С.126 — 162.
- Рассел Б.* Введение в философию. Проблемы философии / У. Джеймс, Б. Рассел, СПб.: Республика, 2000. 318 с.
- Рикёр П.* Конфликт интерпретаций / Поль Рикёр, М.: Академический проект, 2008. 695 с.
- Эко У.* Роль читателя: исследования по семиотике текста / Умберто Эко, СПб.: Симпозиум, 2005. 501 с.
- Dostoevskii Fiodor Mijailovich.* Obras completas Vol.1/ Fiodor M. Dostoyevski; Madrid: Aguilar, 1949.
- Dostoevskij Fedor M.* La padrona di casa. – Bologna: Re Enzo, 1998. 126 p.
- Dostoievski Fiódor.* La Patrona. – Buenos Aires: Editorial Losada, 2008.

Mateusz T. Я.

Гуманитарный факультет Краковского педагогического университета имени Комиссии
Народного Образования в Кракове
г. Краков (Польша)

Козера И.

Институт восточнославянской филологии Ягеллонского университета в Кракове
г. Краков (Польша)

Mateusz T. Jamro

Pedagogical University of Cracow
Cracow (Poland)

Kozera Izabela

Institute of Eastern Slavonic Studies of the Jagiellonian University
Cracow (Poland)

***ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ПЕРЕВОДА ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕКСТА. ЗНАЧЕНИЕ
КОНТЕКСТА В АНАЛИЗЕ ДИСКУРСА***

***THE PROBLEM OF TRANSLATION OF POLITICAL TEXTS. THE IMPORTANCE OF
CONTEXT IN DISCOURSE ANALYSIS***

Авторы настоящей статьи, задумываясь над проблемами и вызовами современной лингвистики и теории перевода, решили проанализировать трудности, которые могут возникнуть при переводе политического текста, и показать значение контекста для этого специфического жанра. Язык политики, который является предметом анализа в данной работе, отражает мир общества, мир политики, мир различных идей. Восприятие этого мира зависит от принятой точки зрения, которая определяет способ говорения о социально-политических событиях, а также влияет на интерпретацию явлений и их оценку. Язык политики является функциональным вариантом общего языка, используемым в текстах, которые создаются в среде политиков, намеренно адресованы ко всем пользователям общего языка, касаются сферы политики и характеризуются доминированием убедительной функции. Язык политики зависит от времени и места. Это на самом деле зеркало данной общественной действительности.

The authors of this article, reflecting on the problems and challenges of modern linguistics and translation theory, decided to analyze the difficulties, that may arise in the translation of political text, and show the importance of context for this particular genre. The language of politics, which is the subject of analysis in this paper, reflects the world of society, the world of politics and the world of different ideas. Perception of the world depends on the point of view, which defines the way of speaking about the social and political events, as well as affect the interpretation of events and their evaluation. The Language of politics is a functional variant of a common language used in the texts, that are created by politicians, deliberately addressed to all users of a common language, related to political areas and are characterized by the dominance of persuasive function. Language of politics depends on the time and place. It is actually a mirror of the social reality.

Ключевые слова: перевод, политический текст, дискурс

Keywords: translation, political text, discourse

1. Введение

Возможность использования языка особым образом отличает человека от живых существ. Язык является знаковой системой с определенной иерархией правил комбинаторики. Язык – это важнейшее средство общения, позволяющее выразить свои мысли, описывать наблюдаемую действительность. Утверждается факт, что все то, что не может быть названо, выражено словами – не существует, т.е. находится за пределами восприятия, вне действительности. Человек действительно думает, общается и создает коммуникаты с помощью слов.

В 1946 году Виктор Клемперер (Wiktor Klemperer) описывал свои рефлексии о функции и значении языка следующим образом «любой язык, который может функционировать свободно, используется в первую очередь для удовлетворения потребностей человека: как инструмент ума и чувства, средство информации и разговора, монолога и молитвы, просьбы, приказа и заклинания» [Klemperer, 1983, с. 31, перевод мой-И.К.]. Точно так же можно понимать слова Фердинанда де Соссюра, по мнению которого язык – это абстрактное и социальное явление, не отражающее действительности, только интерпретирующее ее [Podlewska, Płóciennik, 2003, с. 142]. Таким образом, язык является носителем идей, убеждений и ценностей, которые создают действительность. Язык меняется вместе с обществом, является динамическим. Употребляемые лексические и грамматические средства выражения являются интересным с познавательной точки зрения барометром социальных и политических перемен. Например, совсем другим языком пользовались поляки и русские, а также их социальные элиты во время Советского Союза, а другой используют сейчас, в эпоху парламентской демократии. Для молодого поколения, которое только что достигло совершеннолетия, много сведений, символов из периода до 1989 года, а также начала трансформации (гласность, перестройка, круглый стол, толстая линия, приватизация, номенклатура) на самом деле ничего не значит. Их понимание требует контекста, в котором вышеуказанные выражения были сказаны.

Итак, после этого краткого введения возможно определение главной проблемы, которая будет предметом настоящей статьи. Авторы, задумываясь над проблемами и вызовами современной лингвистики и теории перевода, решили проанализировать трудности, которые могут возникнуть при переводе политического текста, и показать значение контекста для этого специфического жанра.

Язык политики, который является предметом анализа в данной работе, отражает мир общества, мир политики, мир различных идей. Восприятие этого мира зависит от принятой точки зрения, которая определяет способ говорения о социально-политических событиях, а также влияет на интерпретацию явлений и их оценку¹.

2. Функции языка

Язык обладает перформативной силой². Произносимые слова создают новую действительность, позволяют удовлетворять желания. Поэтому тот, кто прекрасно владеет словом, может захватить толпу, а затем общество. О том, что язык имеет могучую силу особенно в сфере политики, уже знали древние греки. Лидеры, которые, благодаря использованию соответствующих методов убеждения, были способны завладеть толпой, определялись как демагоги. Во времена Перикла, этот термин, в отличие от сегодняшнего понимания, не обладал отрицательной окраской. Тем не менее, цель, которую ставили перед собой политические ораторы, с течением времени не изменилась. Риторика, т.е. умение говорить красиво, чтобы убедить слушателей, давала оратору возможность влиять на ход государственных дел. И вот здесь переводчик сталкивается с первой проблемой - необходимостью выбора между адекватностью, точностью перевода и верностью его художественной форме. Под формой подразумевается набор лексических средств, метафор и сравнений, которые будут лучше отражать специфику языка, на который текст переводится. С этой точки зрения, перевод является всегда компромиссом между двумя указанными возможностями.

Стоит подчеркнуть, что мысль и язык являются одним сложным процессом. Нет мысли без языка, и языка без мысли. То же самое касается коммуниката, т.е. информации, содержащейся в тексте. Она не существует вне текста, текст ее передает. Коммуникативность является важнейшей функцией языка. Относясь к тексту, например, к тексту на русском языке, знаем, что он имеет фонический, графический, грамматический, лексический уровни, а также обладает внутри- и внешнеязыковыми контекстами. Русский коммуникат имеет значение русского текста. Если хотим тот же самый коммуникат передать с помощью перевода на польский или английский языки, мы получим текст соответственно на польском или английском языке, который в некоторой степени будет эквивалентным.

¹ Ср. Kamińska-Szmaj I. *Słowa na wolności* / I. Kamińska-Szmaj. Wrocław: Wydawnictwo Europa, 2006, с. 7.

² Ср. Остин Дж. *Избранное* / Дж. Остин; пер. с англ. Л.Б. Макеевой, В.П. Руднева. М. : Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. 336 с.

Язык является не только инструментом, но и формой мышления. В языке содержатся знания, вытекающие из опыта поколений, а также социальные и национальные культурные факторы¹. Мы думаем с помощью языка, а его использование является проекцией общественного опыта, присущего языковым стереотипам. Таким образом, язык, формируя мысли, создает такую картину действительности, которая соответствует закрепленному в нем мировоззрению². Вильгельм фон Гумбольдт (Wilhelm von Humboldt), выдающийся немецкий лингвист, анализируя тезисы Иоганна Готфрида Гердера (Johann Gottfried von Herder) о взаимосвязи, существующей между языком, мышлением и действительностью, пришел к выводу, что действительность воспринимается нами субъективно. Субъективный способ мировосприятия у личности начинает проявляться в языке всего народа, который эти наблюдения фиксирует, создавая объективную интерпретацию мира³. Язык имеет необычную силу объективировать субъективные образы, определять убеждения, нормы и ценности, а также навязывать значения, и тем же способом влиять на изменения в реальном мире.

Язык, несомненно, является культурным феноменом. Язык и культура неотделимы. Можно задать себе вопрос, предшествует ли язык культуре или наоборот. Культурные факты не могут рассматриваться по отдельности, так как имеют социальный характер. Несмотря на то, что язык и культура взаимосвязаны, не являются они одним и тем же. Из огромного количества возможных явлений, всякий язык выбирает звуки и пользуется определенными словесными символами. Точно так же из множества возможностей образа жизни и поведения, каждое общество присвоило некоторые элементы, подходящие только ему.

3. Язык политики

Элементы языка и культуры определяют язык политики. Проще всего можно принять, что *языком политики* является язык, с помощью которого власть общается. Он очень отличается от языка, используемого каждый день в свободной речи. Основная разница заключается в том, что язык, используемый политиками, всегда имеет какую-то цель (другую, чем потребность в общении), служит чему-то, никогда не случаен, даже если это монолог и ложь. Таким способом он должен привести к достижению часто скрываемого, но ожидаемого адресантом коммуниката, результата.

¹ Ср. Grabias S. *Język w zachowaniach społecznych*, Lublin: Wydawnictwo UMCS, 1997. с. 42; Nowak P. *Swoi i obcy w językowym obrazie świata*, Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2002, с. 14

² Ср. там же

³ Ср. там же

По словам Б. Валчака (B. Walczak) «язык политики является функциональным вариантом общего языка, используемым в текстах, которые: создаются в среде политиков и людей, с ними связанных (советников, пресс-секретарей, экспертов в области социальной инженерии, пропаганды, рекламы и т.п.), а также журналистов, специализирующихся на политических вопросах, намеренно адресованы ко всем пользователям общего языка, касаются сферы политики и характеризуются доминированием убедительной функции» (перевод мой-И.К.) [Walczak, 1994, с. 15].

4. Значение контекста в переводе политического текста. Анализ дискурса.

Язык политики зависит от времени и места. Это на самом деле зеркало данной общественной действительности. Одни и те же слова, сказанные в других условиях, могут обозначать нечто совершенно другое и привести к совершенно другому результату. Это позволяет выдвинуть тезис, что язык, независимо от формы выражения, является культурным феноменом. Язык является не только частью культуры, но и ее создателем. В этом смысле, все еще актуальной остается схема Романа Якобсона, согласно которой необходимо пять факторов для создания сообщения: адресант, адресат, контакт, код, контекст [Kulczycki, 2012, с. 18-22]. Это наблюдение является вызовом для социологов и лингвистов, которые хотели бы сделать перевод политического текста. Перевод должен передать точно то, что было сказано. Однако, что сделать, когда слова, лишённые контекста, перестают быть понятными?

Делая перевод политического текста следует отнести не только к литературе и существующим данным (тексты выступлений, интервью), но и к новым фактам о действительности, которая исследуется. Одновременно - для полного и глубокого понимания проблем, а также расширения теоретической и методологической перспективы - необходимо отнести к понятийному аппарату политологии, а также к предположениям, являющимся типичными инструментами политической философии, социологии, социолингвистики, лингвистики, психологии и антропологии.

Все то, что существует в вербальной форме в публичной сфере можно определить термином *дискурс*. Дискурс обычно относится к языку, используемому в конкретном контексте, к публичным выступлениям или к разговорному языку и способам выражения речи. Другие значения этого термина встречаются не только в сфере культуры речи, но и имеют отношение к выдвигаемым концепциям и идеям.

Дискурс – это текст в определенном контексте. Существенно не только основное содержание текста, но и то, в какой ситуации и к кому оно относится.

Предшественником исследований над дискурсом является Мишель Фуко (Michel Foucault). Рядом с ним следует упомянуть таких исследователей как: Юрген Хабермас (Jürgen Habermas), Эрнесто Лакло (Ernesto Laclau), Шанталь Муфф (Chantal Mouffe) и Тён А. ван Дейк (Teun A. van Dijk).

Определение дискурса содержит несколько важных компонентов, а именно: кто использует данную форму, как он ее использует, когда и почему? Дискурс является коммуникативным событием – это означает, что люди используют язык, чтобы передавать различные идеи и убеждения (или выражать эмоции). Они делают это в рамках более сложных социальных ситуаций. Однако, участники коммуникации делают то, что выходит за рамки уровня передачи убеждений, а именно – начинают друг с другом взаимодействовать. Таким образом, можно указать на три аспекта дискурса:

- а) использование языка,
- б) передача идей,
- в) взаимодействие в социальных ситуациях

Пытаясь перевести язык политики, следует обратить особое внимание на то, как данное использование языка может повлиять на представления человека о мире и на ход взаимодействия, а также на то, как различные аспекты взаимодействия определяют форму выражения, как убеждения участников коммуникации решают о выборе определенных языковых средств и о динамике ситуации. Вышеуказанные три основные элементы дискурса решают о форме интерпретации сообщения. Поэтому они не могут быть опущены в процессе перевода.

Дискурс влияет на формирование общественной действительности в трех аспектах. Первым из них является вопрос социальной идентичности. Дискурс способствует ее подготовке. Второй аспект - конструирование или формирование взаимоотношений между людьми. Третьим является определение систем взглядов и знаний [Kunter, 2012, с. 198].

5. Выводы

Дискурс анализируется в отношении определенных убеждений, моделей поведения, образцов мышления. Его практическим выражением является текст, автор которого в ходе работы всегда руководствуется определенной системой ценностей. Не без значения является контекст, в котором создается текст. Текст не создается сам по себе. Он всегда является отражением определенного мировосприятия, имеет отношение к знаниям и убеждениям (перевод мой-И.К.) [Wodak, Krzyżanowski, 2011,

с. 16-17]. Иными словами, основой исследований в рамках анализа дискурса является предположение о том, что общественный мир социально конструирован, т.е. создается в определенном месте, в определенное время и в определенной ситуации [Duszak, Fairclough 2008, с. 16]. Таким образом, исследование текста как отдельного элемента имеет небольшую познавательную ценность. Она увеличивается, когда текст рассматривается как большее целое (набор конкретных текстов), связанное с определенным контекстом, в котором оно было создано.

Список литературы

- Остин Дж.* Избранное./пер. с англ. Л.Б. Макеевой, В.П. Руднева. М. : Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999.
- Duszak A., Fairclough N.* (red.). Krytyczna analiza dyskursu, Kraków, 2008.
- Grabias S.* Język w zachowaniach społecznych, Lublin: Wydawnictwo UMCS, 1997.
- Kamińska-Szmaj I.* Słowa na wolności. Wrocław: Wydawnictwo Europa, 2006.
- Klemperec V.* LTI. Notatnik filologa. Kraków-Wrocław: Wydawnictwo Literackie, 1983.
- Kulczycki E.* Teoretyzowanie komunikacji. Poznań: Wydawnictwo Naukowe IF UAM, 2012.
- Kunter A.* Analiza dyskursu // D. Jemielniak, Badania jakościowe. T. 2, Warszawa, 2012.
- Nowak P.* Swoi i obcy w językowym obrazie świata. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2002.
- Podlewska D., Płóciennik I.* Słownik Nauka o Języku. Bielsko-Biała: Wydawnictwo PARK, 2003.
- Walczak B.* Co to jest język polityki. „Język i kultura”, T. 11: Język polityki i współczesna kultura polityczna, Wrocław 1994.
- Wodak R., Krzyżanowski M.* (red.). Jakościowa analiza dyskursu w naukach społecznych, Warszawa, 2011.

Мирзоева Л.Ю.

Университет имени Сулеймана Демиреля
г. Алма-Ата (Казахстан)

Аймагамбетова М.М.

Университет иностранных языков и деловой карьеры
г. Алма-Ата (Казахстан)

Mirzoyeva Leila

SDU

Almaty (Kazakhstan)

Aymagambetova Malika

University of Foreign Languages and Professional Career
Almaty (Kazakhstan)

*ВОССОЗДАНИЕ ОДНОГО КОРОТКОГО РАССКАЗА КАК «ЗЕРКАЛО»
НЕТОЧНОСТИ ПЕРЕВОДА*

TRANSLATION INACCURACY IN ONE SHORT STORY RENDERING

В статье затрагиваются проблемы, связанные с неадекватностью воссоздания художественного текста в переводе. На основе анализа случаев неадекватного перевода, по мнению авторов, возможно совершенствование мастерства переводчика и формирование «переводческого вкуса». Материалом для сопоставительного анализа послужил рассказ А.П. Чехова «Хористка» и его перевод на английский язык, выполненный Констанс Гарнет. Неточности перевода, выявленные в английской версии, достаточно типичны для воссоздания чеховских текстов вообще. В статье рассматривается несколько «болевых точек», связанных с неадекватностью перевода. В их числе следует отметить специфику передачи в переводе личных имен, сигнализирующих об авторском отношении к персонажам; воссоздание ориентированных на специфичные реалии лексических и фразеологических единиц, а также передачу аксиологической информации. В ходе анализа последней проблемы авторы подчеркивают, что у Чехова такая информация во многих случаях имплицитна, поэтому потери неизбежны, но в то же время они должны быть сведены к минимуму. В статье подчеркивается, что анализ неточностей перевода на материале конкретного художественного текста позволит в дальнейшем предотвратить аналогичные ошибки, а также даст возможность с наибольшей точностью приблизить восприятие перевода к восприятию оригинала.

The article deals with some cases of translation inaccuracy. Our research is based on comparative analysis of Chekhov's story "The Chorus Girl" and its English version; and it gives the possibilities to improve translators' skills and to form the background of adequate translation. The English version of Chekhov's story under analysis was done by Constance Garnett who is considered to be one of the best translators worked with Chekhov's texts. Besides that, there are many cases of nonequivalence, and they are typical for Chekhov's texts rendering into the English language.

The authors distinguish some topical problems of Chekhov's stories such as proper names rendering, translation of lexical units and idioms containing realiae, and reconstruction of axiological specificity of Chekhov's literary works. It is emphasized here that Chekhov's position is implicit in most of cases, and information loss is possible. At the same time, it is necessary to minimize the loss of information in order to do adequate translation.

Ключевые слова: неточность в переводе, собственное имя, реалия, аксиологическая информация

Keywords: translation inaccuracy, proper name, realia, axiological information

В современном переводоведении стало аксиомой положение о том, что перевод нельзя расценивать как замену «одного языка другим; это специальное поле деятельности, где встречаются представители различных культур и где происходит перенос различных культурных ценностей из одной системы в другую с учетом национальных особенностей, склада ума, видения мира людей, живущих иногда даже в различных эпохах. Перевод - это взаимодействие двух культур, уклада, мышления и образа жизни в различных регионах мира» [Караева, 2006, с.8-9]. В связи с этим особого внимания заслуживает проблема воссоздания культурно-специфичных и индивидуально-авторских нюансов в такой тонкой сфере, какой является художественный перевод. Как указывает С.Ш. Тахан, «есть все основания говорить об искусстве перевода, если соблюдены следующие базовые требования: бережное отношение к субъективным особенностям художественного стиля автора переводимого текста, стремление максимально полно и точно воспроизвести семантику переводимой языковой единицы с предельно возможной приближенностью к ее (единицы) ритмико-интонационному рисунку изобразительно-выразительными средствами другого языка, понимание ограниченности возможностей конгениального перевода всевозможных языковых сращений, идиом, фразеологизмов, просто обязывающих переводчика искать адекват на путях поиска «неточной точности» [Тахан, 2011, с. 4].

Особо следует отметить специфику воссоздания ранних чеховских рассказов в английском переводе. Причин этому множество, и первая из них – то, что долгое время А.П. Чехов не был воспринят англоязычной читательской средой именно из-за отсутствия качественных переводов. Так, в обзоре М. А. Шерешевской «Переводы (проза и письма)», посвященном истории воссоздания произведений А.П. Чехова на английском языке, приведено следующее высказывание самого писателя: «...мне кажется, для английской публики я представляю так мало интереса, что решительно все равно, буду ли я напечатан в английском журнале или нет» (9 августа 1900 г. — Письма, IX, 97). В то же время, автор обзора приводит высказывание Р.Э. К. Лонга (переводы которого были одним из первых сигналов, свидетельствующих об интересе англоязычного читателя к творчеству Чехова): «В этой обстановке, когда все маломальски значительное подавлялось, рутинная повседневность приобрела гигантские размеры. И именно Чехову суждено было заняться этим материалом. Его темами стала

тупая оцепенелость деревенской жизни, пошлая суэта городской, бессмысленность существования без мечты и идеала... Как по кругу тем, так и по творческому методу, — заключает Лонг, — Чехов — художник бесполезно протекающей жизни" [Лонг, Эл.ресурс]. Судьбы его героев — отнюдь не героических — демонстрируют безуспешность борьбы с окружающей их средой, жить в которой, не впадая в отчаяние, могут либо люди пустые и легкомысленные, либо низкие душой. Первых Чехов описывает с грустным юмором, вторых безжалостно разоблачает. По беспощадности обнажения человеческой низости Чехова можно сравнить только со Свифтом. Но в отличие от английского сатирика, он предельно объективен: никогда не морализирует и никогда не делает никого из героев рупором своих идей. В этой объективности изображения, по мнению Лонга, чрезвычайная сила чеховского художественного метода. Его картины обладают исключительной правдивостью и жизненностью [Цит. по Шерешевская, с. 369] Тем не менее, несмотря на значительное количество существующих переводов произведений А.П. Чехова, ранние юморески, отражающие становление чеховского языка и стиля, и – шире – творческого метода писателя, до сих пор не нашли точного воссоздания в переводах на английский язык; порой неточности, которые, безусловно, присущи любому переводу, имеют принципиальный характер и создают препятствие для адекватного восприятия этих рассказов англоязычным реципиентом.

Помимо этого, есть и иной аспект проблемы – методический. Мы считаем, что бережному отношению к субъективным особенностям художественного стиля автора будущих переводчиков нужно обучать специально, основываясь на тех недочетах (и даже ошибках), которые допущены переводчиками в этой сфере. Анализ этого материала, по нашему мнению, позволит предотвратить «переводческий брак» в сфере художественного перевода, и сопоставление коротких рассказов А.П. Чехова с их английскими версиями представляет богатый материал для переводческого тренинга. И дело прежде всего в том, что недостатки, отмеченные М.А. Шерешевской в переводах Р. Э.К. Лонга, являются общими для большинства переводов рассказов А.П. Чехова на английский язык: «...беда этих переводов была не в отдельных смысловых ошибках, а в стилистическом несоответствии, значительно меняющем всю тональность рассказов. Вызвано это главным образом тем, что рассказ, который у Чехова почти всегда ведется с точки зрения одного из героев, передается Лонгом, явно не владеющим соответствующей техникой письма, традиционным авторским повествованием. Не справляется Лонг также и с диалогом, нивелируя речевые

характеристики чеховских персонажей до гладкой литературной речи. К этим двум основным недостатком, вызванным общим непониманием особенностей стилистической структуры чеховской прозы, следует добавить также обилие амплификации, упрощений и даже пропусков трудных по своим стилистике или по передаче реалий мест» [Шерешевская, с. 372].

Мы считаем необходимым рассмотреть проблемы перевода на материале английской версии рассказа А.П. Чехова «Хористка», так как выявленные в ней неточности перевода достаточно типичны для воссоздания чеховских текстов вообще. Перевод «Хористки» был осуществлен Констанс Гарнет, которая считается одним из лучших переводчиков произведений А.П. Чехова; в то же время и в этом переводе, который весьма точно воссоздает содержание текста, мы можем выявить те неточности, преодоление которых может сыграть особую роль для адекватного восприятия деталей чеховского рассказа англоязычным читателем, а также помочь в формировании переводческого вкуса.

Так, в первую очередь, следует отметить специфику воссоздания личных имен. Героиню рассказа зовут Паша (полное имя – Прасковья). Но переводчик в данном случае просто транслитерирует уменьшительное имя, не давая ни подстрочного примечания, ни какой-либо иной информации, говорящей об уменьшительном характере. Кроме того, утрачен и простонародный колорит имени. Имя второго героя - Николай Петрович Колпаков (в переводе мы опять-таки видим транслитерацию - Nikolay Petrovitch Kolpakov). Однако, для большей части английских читателей наверняка непонятна функция, которую выполняет русское отчество. В тексте рассказа официальное обозначение героя, во-первых, сигнализирует об авторском отстраненном отношении (хотя для Чехова, как правило, нехарактерна демонстрация своего отношения к герою). Во-вторых, это указывает и на различие между ним и главной героиней (на протяжении всего рассказа автор обозначает ее только с помощью уменьшительного имени). Четкое противопоставление «фамилия – уменьшительная форма имени» не находит отражения в переводе и, следовательно, в восприятии англоязычных читателей. Возможно, это те потери информации, которые вполне допустимы для передачи семантического плана текста, но прагматический план рассказа в этом случае многое утрачивает, а для чеховского текста, с его лаконизмом и преобладанием имплицитных сигналов это весьма существенно.

Неточности в именовании людей (точнее, не совсем адекватное воссоздание русских имен в переводе, отсутствие комментариев и объяснения их специфики)

основаны в данном случае на переводческом буквализме. Примером такого буквализма, который проявляется уже не на ономастическом, но на фразеологическом уровне, следует считать воссоздание фразеологизма «перебиваться с хлеба на квас»:

There is only one girl in our chorus who has В нашем хоре только у одной Моти
a rich admirer; all the rest of us live from богатый содержатель, а все мы
hand to mouth *on bread and kvass.* перебиваемся с хлеба на квас.

По нашему мнению, фразеологизм с достаточной полнотой воссоздан с помощью употребленного переводчиком аналогичного английского выражения *live from hand to mouth*, и не было необходимости заострять внимание читателя на национальном напитке, который многим английским читателям неизвестен. Во-первых, выражение это не следовало понимать буквально (Паша говорит лишь о бедности, но не о том, что они конкретно едят или пьют); во-вторых, транслитерированное название реалии отвлекает потенциального читателя от движения сюжета, от характеристики героев и затрудняет восприятие текста.

Как указывает С.Т. Тер-Минасова, «различия в окружающем разные народы реальном мире приводят к образованию в каждом языке некоторого слоя лексики, обозначающего предметы и явления действительности, специфические только для данной языковой общности и поэтому не имеющие эквивалентов в других языках. Иностранец, изучающий русский язык, не поймет значения таких слов, как *самовар*, *большевик*, *матрешка*, если в его жизненном опыте нет стоящих за ними предметов или явлений» [Тер-Минасова, 2006, с. 15]. К числу таких слов относится и обычное, на взгляд носителя русского языка, слово *дача*. Вот что произошло с ним в переводе К. Гарнет:

Nikolay Petrovitch Kolpakov, her adorer, ... у нее *на даче*, в антресолях, сидел
was sitting in the outer room in her summer Николай Петрович Колпаков, ее
villa. обожатель

При изучении текста перевода у будущих переводчиков, чьим родным языком является русский, такой эквивалент слова *дача* вызовет, скорее всего, улыбку, т.к. со словом «вилла» связаны ассоциации «роскошь», «богатство», чего нет в тексте рассказа.

Значимые потери на уровне прагматики сопровождают воссоздание оценочного плана текста. Как указывает А. Паршин, «осуществление прагматического воздействия на получателя информации составляет важнейшую часть любой коммуникации, в том числе и межъязыковой. Установление необходимого

прагматического отношения Рецептора перевода к передаваемому сообщению в значительной степени зависит от выбора переводчиком языковых средств при создании им текста перевода. Влияние на ход и результат переводческого процесса необходимости воспроизвести прагматический потенциал оригинала и стремления обеспечить желаемое воздействие на Рецептора перевода называется прагматическим аспектом или прагматикой перевода» [Паршин, с.71].

Безусловно, потери прагматического плана (среди которых, как это будет видно из дальнейшего анализа, потери оценочных смыслов являются наиболее существенными) присущи любому, даже самому качественному художественному переводу. Однако в тех случаях, когда они ведут к потерям значимой аксиологической информации (а у Чехова такая информация во многих случаях имплицитна, поэтому потери неизбежны), они должны быть сведены к минимуму. Ср.:

One day when she was younger and better- Однажды, когда она еще была моложе, looking, and when **her voice was** красивее и **голосистее... stronger...**

Для носителя русского языка вполне очевидно, что определение *голосистый* свидетельствует не только о силе голоса, но и о его красоте. Лексикографические данные это подтверждают: **Голосистый**, -ая, -ое; -ист (разговорное). Обладающий сильным и звучным голосом. *Голосистые девчата.* || *сущ. голосистость, -и, ж.* [ТСРЯ, Эл. Ресурс]. Ср. также некоторые случаи употребления данной лексической единицы в иных художественных текстах:

Первый звук трубы, унылый, живой, и сразу потом тонкий, точный, чистый, **голосистый** звук сигнального барабана (Ю. Н. Тынянов. Пушкин). Таким образом, в английском переводе остается лишь количественная оценка силы голоса, но никак не передана оценка эстетическая (в соответствии с классификацией Н.Д. Арутюновой) [Арутюнова, 1988, с. 34].

Однако нельзя не остановиться и на близком по прагматическому фону и, следовательно, удачном воссоздании эмоциональной атмосферы рассказа. Используя добавление в сочетании с грамматической заменой (субъект действия в переводе изменен: в оригинале барыня шевелит губами, тогда как в переводе губы шевелятся), переводчик добивается своеобразного эмотивного равенства оригинала и перевода:

The lady did not at once answer. She took a Барыня не сразу ответила. Она сделала step forward, slowly looked about the room, шаг вперед, медленно оглядела комнату и

and sat down in a way that suggested that села с таким видом, как будто не могла
from fatigue, or perhaps illness, she could стоять от усталости или нездоровья;
not stand; then for a long time **her pale lips** потом **она долго шевелила бледными**
quivered as she tried in vain to speak. губами, стараясь что-то выговорить.

Изменение синтаксической структуры, введение компаративного оттенка не только не отдаляет перевод от оригинала, но, напротив, усиливает сходство эмоциональной атмосферы: **as she tried in vain to speak** – **тщетно** пытаюсь заговорить (у А.П. Чехова - **стараясь что-то выговорить**).

Воссоздание оценочного колорита высказываний, в том числе – оценок негативного спектра и того «накала» эмоций, которые они манифестируют, - одна из сложнейших задач, стоящих перед переводчиком. В случае с текстами ранних чеховских рассказов данная переводческая проблема приобретает особый характер не только в связи с яркой национальной специфичностью оценочной лексики, но и потому, что в коротких рассказах периода 1880-1886 годов А.П. Чехов уже тяготеет к оценкам имплицитного характера, требующих сотворчества читателя. В то же время, в тех случаях, когда оценка (подчеркнем еще раз, в особенности – негативная квалификация) является эксплицированной и представляет собой фрагмент персонажной речи, необходимо максимально точное ее воссоздание; в противном случае произойдет сдвиг в восприятии как субъекта, так и объекта оценки.

You are **horrid, mean, vile . . .**" the stranger — **Гадкая вы, подлая, мерзкая...** —
muttered, scanning Pasha with hatred and пробормотала незнакомка, оглядывая
repulsion. "Yes, yes . . . you are horrid. I am Пашу с ненавистью и отвращением. —
very, very glad that at last I can tell you so!" Да, да... вы гадкая. Очень, очень рада, что,
наконец, могу высказать вам это!

Особое внимание следует обратить на лексему *horrid*, которая не является равнозначной заменой для русского *гадкая*. Так, в Lingvo-12 дано следующее толкование избранного переводчиком эквивалента: 1) *disagreeable; unpleasant a horrid meal* 2) *repulsive or frightening* 3) *informal unkind*. *Etymology: (in the sense: bristling, shaggy): from Latin horridus prickly, rough, from horrere tuo bristle* *Derived words: horridly ; horridness horrid Don't be horrid — Не будь таким противным He's been horrid to you — А как он вел себя с тобой!* Очевидно (в том числе и на основании приведенной выше этимологии слова), что такой подбор эквивалента нельзя считать удачным: в русском языковом сознании *противный* и *гадкий* имеют разную степень негативного колорита. Более того, можно говорить и о разном основании оценок:

гадкий выражает не просто эмоциональное (этическое), но и физическое неприятие квалифицируемого данным словом объекта.

На наш взгляд, не совсем точен и эквивалент слова **мерзкий** - **vile** 1) abominably wicked; shameful or evil the vile development of slavery appalled them 2) morally despicable; ignoble vile accusations 3) disgusting to the senses or emotions; foul a vile smell vile epithets 4) tending to humiliate or degrade only slaves would perform such vile tasks 5) unpleasant or bad vile weather. Как видно из приведенной дефиниции, семантика русского **мерзкий** значительно шире; кроме того, **vile** не является завершающим и наиболее интенсивным оценочным средством в замыкаемом им градационном ряду.

Ослабление интенсивности негативной оценки, своеобразие которой заключается в неопределенности субъекта (Паша видит себя глазами «дамы в черном», и, таким образом, здесь можно говорить о двойственности данного компонента оценочной структуры) имеет место и в приводимом ниже фрагменте перевода:

Pasha felt that on this lady in black with the angry eyes and white slender fingers she produced the impression of something horrid and unseemly , and she felt ashamed of her chubby red cheeks, the pock-mark on her nose, and the fringe on her forehead, which never could be combed back.	Паша почувствовала, что на эту даму в черном, с сердитыми глазами и с белыми, тонкими пальцами, она производит впечатление чего-то гадкого, безобразного , и ей стало стыдно своих пухлых, красных щек, рябин на носу и чёлки на лбу, которая никак не зачесывалась наверх.
---	--

Словарь Lingvo-12 дает следующую дефиницию: **unseemly** 1) not in good style or taste; unbecoming 2) obsolete unattractive 3) rare in an unseemly manner. Налицо превалирование эстетической оценки, непропорциональная в данном случае конкретизация и снижение негативно оценочного колорита.

С сопредельным явлением мы сталкиваемся и при сопоставлении фрагментов оригинала и перевода, содержащих оценочные лексемы **непорядочная** (в английской версии это всего лишь **not "respectable"**), а также весьма неопределенные **missed money**, несопоставимые по степени негативной оценки (да и в плане конкретности семантики) с русским **растрата**:

And it seemed to her that if she had been thin, and had had no powder on her face and no fringe on her forehead, then she could	И ей казалось, что если бы она была худенькая, не напудренная и без чёлки, то можно было бы скрыть, что она
---	---

have disguised the fact that she was not **непорядочная**, и было бы не так страшно
"respectable," and she would not have felt и стыдно стоять перед незнакомой,
so frightened and ashamed to stand facing таинственной дамой.
this unknown, mysterious lady.

"Though I don't care whether Впрочем, здесь он или нет, мне всё равно,
he is here or not, but I ought to tell you that но должна я вам сказать, что обнаружена
the money has been missed, and they are растрата и Николая Петровича ищут... Его
looking for Nikolay Petrovitch. . . . They хотят арестовать. Вот что вы наделали!
mean to arrest him. That's your doing!"

По нашему мнению, лучшими аналогами в последнем из вышеприведенных
случаев могли бы быть: 1) (трата) spending 2) (потери) waste 3) (чужих денег и т.п.)
embezzlement, peculation.

В завершение нашей работы хотелось бы отметить также исчезновение в тексте
перевода моральной оценки, которая очень значима в подлиннике:

To her great surprise in the doorway stood, К ее великому удивлению, на пороге
not the postman and not a girl friend, but an стоял не почтальон и не подруга, а какая-
unknown woman, young and beautiful, **who** то незнакомая женщина, молодая,
was dressed like a lady, and from all красивая, **благородно одетая и, по всем**
outward signs was one. **видимостям, из порядочных.**

Акцентируя внимание на облике пришедшей (dressed like a lady), переводчик
упускает из виду противопоставление «порядочность/непорядочность», на котором
строится рассказ. В итоге, оригинальный текст, при всей «сплошной объективности»,
характерной для чеховских рассказов рассматриваемого периода, вызывает сочувствие
не к барыне «из порядочных», а к главной героине, при том, что несобственно-прямая
речь содержит негативную самохарактеристику из уст главной героини. Таким
образом, оценочный план рассказа передан в переводе со значительными
отклонениями от оригинала (во-первых, **not "respectable"**, как уже говорилось, не
является точным соответствием русского **непорядочная**, и, во-вторых, суггестивный
характер чеховского текста, его оценочная многоплановость основана на отсутствии
осуждения главной героини в совокупности с имплицитными сигналами, создающими
негативный эмоциональный фон вокруг «благородной барыни»).

And it seemed to her that if she had been И ей казалось, что если бы она

thin, and had had no powder on her face and была худенькая, не напудренная и без
no fringe on her forehead, then she could чёлки, то можно было бы скрыть, что она
have disguised the fact that she was not **непорядочная**, и было бы не так страшно
"respectable," and she would not have felt и стыдно стоять перед незнакомой,
so frightened and ashamed to stand facing таинственной дамой.
this unknown, mysterious lady.

Как отмечает В.Н. Комиссаров, «цель перевода состоит не в подгонке текста под чье-то восприятие, а в сохранении содержания, функций, стилиевых, стилистических, коммуникативных и художественных ценностей оригинала. И если эта цель будет достигнута, то и восприятие перевода в языковой среде перевода будет относительно равным восприятию оригинала в языковой среде оригинала» [Комиссаров, 1990, с. 139]. По нашему мнению, анализ неточностей перевода позволит в дальнейшем предотвратить аналогичные ошибки, а также даст возможность с наибольшей точностью приблизить восприятие перевода к восприятию оригинала.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений. Оценка, событие, факт./ Н.Д. Арутюнова, 1988. 341 с.
- Караева З.К.* Перевод и семиотика. / З.К. Караева. Бишкек, 2006. 115 с.
- Комиссаров В.Н.* Теория перевода. / В.Н. Комиссаров. М.: Высшая школа, 1990. 251с.
- Паршин А.* Теория и практика перевода [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://teneta.rinet.ru/rus/pe/parshin-and_teoria-i-praktika-perevoda.htm
- Тахан С.Ш.* Проблемы теории и практики билингвального художественного перевода на материале русско-казахских литературных контактов. /С.Ш. Тахан. Астана, 2011. 15 с.
- Тер-Минасова С.Т.* Современные теории и методы обучения иностранным языкам. / С.Т. Тер-Минасова. М.: Издательство «Экзамен», 2006. С. 12 – 21
- Шерешевская М.А.* А.П. Чехов. Переводы (проза и письма). Обзор М.А. Шерешевской [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/chekhov/critics/ml1/ml1-3692.htm> . С. 369-405

Миронова Н.Н.
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва (Россия)

Mironova Nadezhda
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ – ПЕРЕВОДЧИК КЛАССИЧЕСКОЙ НЕМЕЦКОЙ ЛИРИКИ

MIKHAIL LERMONTOV AS A CLASSICAL GERMAN LYRIC POETRY TRANSLATOR

Известные стихотворения Генриха Гейне, Иоганна В. Гёте, Фридриха Шиллера, принадлежащие золотому фонду немецкой классической лирики, в переводах Михаила Лермонтова на русский язык стали образцами русской классической лирики. На основе теории поэтической эквивалентности Р. Якобсона и теории тематической и формальной эквивалентности В. Шмида проводится исследование переводов в их соответствии/несоответствии оригиналу. Рассматриваются вопросы рецепции поэзии М.Ю.Лермонтова в Германии в их ретроспективе.

Famous poems by Heinrich Heine, Johann W. Goethe and Friedrich Schiller are parts of the most valuable possession of classical German lyric poetry. Their poems in Mikhail Lermontov's translations became models of classical Russian lyric poetry. The research of the poetry translations is conducted according to R. Jakobson's poetry equivalence theory and V. Schmidt's thematic and formal equivalence theory to show correspondence/ lack of correspondence of translated poems with their original versions. Reception issues of M. U. Lermontov's poetry in Germany are reviewed in retrospective.

Ключевые слова: немецкая классическая поэзия, русская классическая поэзия, поэтическая эквивалентность, тематическая эквивалентность, формальная эквивалентность, свободный перевод, рецепция.

Keywords: classical German poetry, classical Russian poetry, poetical equivalence, thematic equivalence, formal equivalence, free translation, reception.

М.Ю.Лермонтов – великий русский поэт – известен как великолепный переводчик произведений немецких авторов, – Шиллера, Гёте, Лессинга, Клингера, Лейзевица, Гейне, Э.-Т.-А. Гофмана. Эта часть наследия Лермонтова привлекла внимание таких известных теоретиков художественного перевода, как И.Андронников, Б.М. Эйхенбаум, Э.Э. Найдич, А.В. Федоров, С.М. Финкель и др.

К переводам стихов немецкого романтика Ф. Шиллера Лермонтов обратился в 1829 году. Отметим, что рецепция Ф.Шиллера в русской культуре связана с

появлением переводов В.А. Жуковского, гения перевода, по словам А.С. Пушкина¹. Начиная с 1800 года и далее, В.А. Жуковский переводил немецкую лирику и баллады². Оценке этих переводов посвящены работы, основывающиеся на литературоведческом и лингвистическом переводоведении, включая статьи и монографии конца двадцатого века [Schutte, 2005; Vockery, 2001].

Первое знакомство с поэзией Шиллера через полвека завершилось собранием его сочинений на русском языке в 9-ти томах в 1857-1861 гг. Это издание обогатил тщательно подготовленный лингвокультурологический и исторический комментарий³. Интерес к личности немецкого поэта и его творчеству не прекращался: позже появились и новые переводы и литературоведческие издания⁴. В названных литературоведческих штудиях, отражающих панораму рецепции Ф. Шиллера в России, содержатся многочисленные замечания, касающиеся подробной истории произведения и оценки его перевода с немецкого на другие европейские языки, включая русские переводы, начиная с конца восемнадцатого века. Немецкие исследователи отмечают наиболее важный вклад великого русского поэта в процесс рецепции Ф. Шиллера, что проявилось в передаче метрических компонентов стиха. Так, в 1829 году появился перевод известной баллады Ф. Шиллера «Перчатка» («Handschuh»). Позже перевод этой баллады выполнил В.А. Жуковский. Именно в его переводе это произведение Шиллера публикуется в современных собраниях сочинений на русском языке.

М. Ю. Лермонтов весьма интересовался и переводами драматических произведений Шиллера. Немецкий язык, лаконичный и точный, повлиял на выбор названий его произведений на русском языке. До настоящего времени в собраниях сочинений М.Ю. Лермонтова они приводятся по-немецки: например, «Menschen und Leidenschaften».

¹ А.С. Пушкин. Письмо к Гнедичу от 27 сентября 1822 года. – А.С. Пушкин. Полн. собр. соч. Т. XIII. М. – Л.: Изд-во АН СССР. 1937. С. 48. Цит. по [Чуковский, 2011, с. 31].

² A. Pein, Schiller and Zhukovsky / Aesthetic Theory in Poetic Translation, Mainz, 1991

³ В. Г. Гербель. О русских переводах Шиллера // Ф. Шиллер. Сочинения. В 9-ти тт. С.-Петербург, 1857-1861. Т. 1. С. 257-273.

⁴ O.P. Peterson, Schiller in Russland / 1785-1805, New York 1934; Ders., Schiller und die russischen Dichter und Denker des 19. Jahrhunderts / 1805-1881, New York 1939.

H.-B. Harder, Schiller in Russland, Bad Homburg v.d.H. 1969.

E.K. Kostka, Schiller in Russian Literature, Philadelphia 1965.

R. Ju. Danilevskij, Schiller in der russischen Literatur / 18. Jahrhundert - erste Hälfte 19. Jahrhundert. Dresden, 1998.

Влияние творчества Ф. Шиллера на М. Ю. Лермонтова проявилось и в упоминании пьесы Шиллера «Разбойники» в реплике героя в драме Лермонтова «Станный человек» (1831).

Всего Лермонтов перевел шесть произведений Шиллера, представляющие такие жанры шиллеровской поэзии, как любовно-лирическое и элегическое стихотворение («An Emma», «Die Begegnung»), эпиграмма из раздела «Ксений» («Teile mit mir was du weißt»), философское двустишие («Das Kind in der Wiege»), сюжетное произведение-баллада («Der Handschuh»), драматический диалог (разговор ведьм из «Макбета») [Федоров, 1941, с. 135]. Сравнивая переводы баллады «Перчатка» («Der Handschuh») М.Ю. Лермонтова (1829) и В.А. Жуковского (1831), А.В. Федоров утверждал, что переводчики применили в переводах различную метрику: В немецком оригинале чередуются строки «разного слогового и акцентного строения, местами напоминающего рифмованный *vers libre*» [Федоров, 1941, с. 135], его воспроизводит М.Ю. Лермонтов, предлагая близкий ритмический вариант на русском языке. В отличие от него, В.А. Жуковский «избрал для ее передачи разностопный ямба без строгой системы рифм — стих басенного типа» [Федоров, 1941, с. 136]. Это – один из примеров обогащения русской метрики при переводе. Интересно проявляется и замена имен собственных при переводе. Так заголовок стихотворения «An Emma» М.Л. Лермонтов передает как «К Нине» (1829), у В.А. Жуковского оно называется «К Эмме» (1819).

Ранние переводы с немецкого языка (1829) проявляют недостатки Лермонтова как переводчика. Речь идет, скорее, о приспособлении «оригинала к условиям русской традиции жанра».

Позже перевод станет для Лермонтова созданием вариации на тему, ... «нередко совершенно уводящую за пределы первоисточника, а в самую свободную вариацию порой вклинивается точный перевод отдельных стихов или даже словосочетаний из иностранного текста» [Федоров, 1941, с. 136].

Обратимся к наследию Иоганна Вольфганга фон Гете, классика немецкой литературы. Его произведения были и остаются в центре внимания переводчиков, литературоведов и историков. Поэма «Фауст», лирика, его драмы, статьи популярны в разных сферах искусства во всем мире. Рецепция Гете в России продолжается столетия. И есть одно маленькое стихотворение, озарившее Гете во время его путешествия в горы, гениальный перевод которого на русский язык М. Ю. Лермонтовым позволяет отнести его из сокровищницы немецкой лирики к золотому

фонду русской лирики. Это – «Wanderers Nachtlied» – «Ночная песнь странника»¹. Перевод полностью передает атмосферу стиха, это – тихая грусть о неизбежном конце.

По справедливому мнению А.В. Федорова и С.М. Финкеля, в оригинале наблюдаются колебания ритма, рифмовка несимметрична, отсутствует членение на строфы ... «... в переложении М.Ю. Лермонтова появляется плавный хорей, образуются замкнутые синтаксические группы: или целое предложение (во второй части стихотворения) или группа главного члена предложения (подлежащего в нечетных стихах первой половины и сказуемого в четных); возникает отчетливый ритмико-синтаксический параллелизм, рифмовка приобретает полное единообразие. И только короткая стихотворная строка до некоторой степени отражает короткий же, но своеобразно отрывистый, несколько не плавный стих Гёте» [Федоров, 1941, с. 161].

Über allen Gipfeln
Ist Ruh',
In allen Wipfeln
Spürest du
Kaum einen Hauch;
Die Vögelein schweigen im Walde.
Warte nur, balde
Ruhest du auch.

*Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листья...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты...*

В настоящее время в ряде случаев отсутствует указание на перевод: автором стихотворения считается М.Ю. Лермонтов².

Генрих Гейне – один самых популярных немецких поэтов, стал известен в России в 1838—1839 гг., когда его переводы начинают печататься в журналах: в «Московском Наблюдателе», «Отечественных Записках», в «Современнике». М. Ю. Лермонтову принадлежит перевод стихотворения Гейне «Ein Fichtenbaum steht

¹ Встречается также название «Ночная песнь путника».

² Так звучит музыкальное произведение: «Горные вершины спят во тьме ночной...» Романс А.Е. Варламова на слова М.Ю. Лермонтова. Отметим также, что Л.В. Щерба считал, что «лермонтовское стихотворение является... совершенно самостоятельной по содержанию пьесой, очень далекой от своего quasi-оригинала» [Сб. «Советское языкознание», Л., 1936, II, с.130].

einsam...» («На севере диком стоит одиноко...») из «Книги песен» («Buch der Lieder», 1827).

Вольный, по своей сути, перевод был выполнен Лермонтовым в 1841 году, последнем году своей земной жизни. Это известные всем строки, которые сегодня не маркируются как перевод, стихотворение существует самостоятельно¹:

*На севере диком стоит одиноко
Сосна на голой вершине сосна
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она.*

*И снится ей всё, что в пустыне далекой,
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утёсе горючем
Прекрасная пальма растёт.*

Первая редакция перевода более близка к подлиннику, чем вторая редакция, приведённая выше. В качестве эпиграфа поэт избрал первые строки стихотворения Гейне:

Ein Fichtenbaum steht einsam
Im Norden auf Kahler Höh
Heine

На хладной и голой вершине
Стоит одиноко сосна,
И дремлет... под снегом сыпучим,
Качаясь, дремлет она.
Ей снится прекрасная пальма
В далекой восточной земле,
Растущая тихо и грустно
На жаркой песчаной скале.

Основным смысловым различием оригинала и перевода выступает принадлежность стихотворения к любовной лирике (как у Г. Гейне) и к непреодолимому одиночеству (как у М. Ю. Лермонтова): при свободном изложении смысла произошла замена субъектов: у Г. Гейне сосна (мужской род) мечтает о пальме (женский род), М.Ю. Лермонтов использовал субъекты одного и того же рода (сосна и пальма). Гендерное несоответствие приводит к различным трактовкам смысла

¹ Ср. надпись под картиной, иллюстрирующей это стихотворение: «Иллюстрация к стихотворению Лермонтова «На севере диком...». Рисунок И. Шишкина, 1890 г. Третьяковская галерея, Москва

поэтического произведения. В других переводах иная картина: Fichtenbaum передается названием дерева мужского рода: у Тютчева и Майкова как «кедр», у Фета – «дуб».

Как мы видим, при переводе немецкой классики на русский язык встречается довольно значительная вариативность. Проблема нового перевода, начиная с 18 века, актуальна и ныне [Гарбовский, 2011]. Но существует совсем немного вариантов, ставшие авторскими. Одним из творцов таких лирических произведений малых форм по праву считается Михаил Юрьевич Лермонтов.

Историографическое и лингвокультурологическое исследование оригинала и его переводов может быть дополнено благодаря проекции типологии эквивалентности на (языковые) части произведения (формальные эквивалентности), на смысл произведения (тематические эквивалентности) и звуковой образ (фонические эквивалентности). Предложенные Вольфом Шмидом типологии эквивалентностей в художественном повествовании (нарратологии) как эвристический инструмент расширят исследования по поэтике А.А. Потебни, Р.Якобсона, J. Schutte, применительно к практике перевода художественного текста [Шмид, 2008]. Некоторые виды эквивалентностей были рассмотрены в настоящей статье применительно к переводам М.Ю. Лермонтова с немецкого языка на русский.

Список литературы

- Андроников И.* Образ Лермонтова // Лермонтов М.Ю. Собрание соч. в 2-х тт. Сост. и комментарий изд-ва Художественная литература. М.: Изд-во Правда, 1988. С. 5-18.
- Гарбовский Н.К.* Новый перевод: свобода и необходимость // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2011. № 1. С. 3-16.
- Лермонтов М.Ю.* Собрание соч. в 2-х тт. Сост. и комментарий изд-ва Художественная литература. М.: Изд-во Правда, 1988.
- Чуковский К.И.* Высокое искусство. Принципы художественного перевода. – СПб.: Авалонъ, Азбука – Аттикус, 2011. 448 с.
- Федоров А. В.* Лермонтов как переводчик // Творчество Лермонтова и западные литературы. — Лит. наследство, т. 43—44. М.: Главлитиздат, 1941, с. 129—226.
- Федоров А.В.* О поэтических переводах Лермонтова // Лермонтов и литература его времени. Ленинград: Художественная литература Ленингр. отделение, 1967. С. 233-285.
- Финкель С.М.* Ночная песнь странника Гёте в русских переводах [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://rus.1september.ru/articlef.php?ID=200101307>
- Шмид В.* Нарратология. – 2 –е изд., испр. и доп. – М.: Языки славянской культуры, 2008. 304 с. (Коммуникативные стратегии культуры)
- Schutte, J.* Einführung in die Literaturinterpretation/ – 5., aktualisierte u.erw. Aufl. Stuttgart, Weimar: Verl. J.B. Metzler, 2005 (Sammlung Metzler, Band 27). 272 S.
- Vickery, Walter N.* M. Ju. Lermontov: His Life and Work. München: Verl. Otto Sagner, 2001. (Slavische Beiträge. Band 409) 422 S.

Мишкурое Э.Н.
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
г.Москва (Россия)

Mishkurov Eduard
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

*ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД В ЗЕРКАЛЕ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЙ
МЕТОДОЛОГИИ*

LITERARY TRANSLATION IN THE MIRROR OF HERMENEUTICAL METHODOLOGY

В работе обосновывается необходимость возврата к широкому применению современных герменевтических методов, способов и приемов перевода художественных текстов – прозаических и особенно поэтических произведений как важной массовой составной части текстового материала, характеризующегося онтологической «непереводимостью» по определению по причине асимметрии языков различного строя на уровнях образно-смысловом, символическом-аллегорическом, лингвопоэтическом, метасемиотическом, этнопсихолингвистическом, лингвокультурологическом, функционально-когнитивном и других в зависимости от исходных художественных текстотипов и их жанров. Предлагается новый тип герменевтической парадигмы перевода, идентифицируемой как синергетическая целокупность современного переводоведческого знания и практического опыта, воспринятая профессиональным сообществом в качестве образца решения актуальных исследовательско-прагматических задач. Автор рассматривает художественный перевод как метатрансляционный, полисинтетический акт образно-интеллектуальной творческой деятельности переводчика с целью порождения третичного художественного текста с дискурсивно-перлокутивной ориентацией на личность потенциального реципиента. Художественный текст как итог перевыражения оригинала в виде третичной лингвопоэтической знаковой системы противопоставляется вторичной знаковой системе переводных нехудожественных (специальных) текстов.

The paper grounds the necessity to get back to a broader use of modern hermeneutical methods, manners and devices of translating literary texts – prosaic and especially poetic – as an important solid constituent of literary materials characterized by ontological “untranslatability” due to the asymmetry of languages of different structural types manifested on the levels of images, symbols, allegories, linguopoetics, metasemiotics, ethnopsycholinguistics, linguistic culture, language functions, cognition, etc. depending on the text types and their genres. The paper proposes a new type of the hermeneutical paradigm of translation identified as the synergetic unity of contemporary translation theory and practice understood by professional community as a model for performing current research and pragmatic tasks. The author considers literary translation as a metatranslation and polysynthetical action of figurative intellectual creative work for the purpose of generating a tertiary discourse-perlocutive literary text addressed to a potential recipient. The literary text presented as a result of re-expressing the source text in the form of a tertiary linguopoetical sign system contrasts with the secondary sign system of non-literary (specialized) texts.

Ключевые слова: художественный перевод; герменевтический поворот в переводоведении; герменевтическая парадигма перевода; первичный, вторичный, третичный тексты.

Keywords: literary translation; hermeneutical turn in translation theory; hermeneutical paradigm of translation; primary, secondary, tertiary texts.

...перевод есть равнодействующая того, что переводчик должен, может и хочет: что он должен, задает подлинник, что он может, определяют средства его языка; что он хочет – это его предпочтения и вкусы, по которым он отбирает что-то из этих средств.

М.Л.Гаспаров

Если собрать воедино хотя бы часть афористичных высказываний выдающихся теоретиков и знаменитых практиков перевода о целях, задачах и методах художественного перелагания и перевыражения прозы и поэзии с языка на язык – близкородственные или генетически и типологически далеко отстоящие друг от друга – невольно задумаешься, а что здесь нового еще можно помыслить и сказать.

Теоретики художественного перевода хорошо знают весьма поучительную контроверзную интерпретацию множества требований, предъявляемых разными учёными к методологии этого, пожалуй, самого сложного для реализации вида переводческой деятельности, которую представил американский учёный Т. Сейвори в книге «Искусство перевода». Он попарно суммировал их различные мнения:

А. Перевод должен передавать слова оригинала.

В. Перевод должен передавать мысли оригинала.

А. Перевод должен читаться как перевод.

В. Перевод должен читаться как оригинал (т.е. у читателя не должно быть ощущения, что перед ним перевод).

А. Перевод должен отражать стиль оригинала.

В. Перевод должен отражать стиль переводчика.

А. Перевод должен читаться как текст, современный оригиналу.

В. Перевод должен читаться как текст, современный переводчику.

А. Переводчик не вправе прибавлять нечто к оригиналу или убавлять от него.

В. Переводчик вправе прибавить нечто к оригиналу или убавить от него.

А. Стихи следует переводить прозой.

В. Стихи следует переводить стихами.

Очевидно, что они считают важным соответствие перевода духу родного языка и привычкам отечественного читателя. Другие настаивают: важнее приучать читателя воспринимать иное мнение, иную культуру – и для этого идти даже на насилие над родным языком. Аутентичность переводного текста оригиналу не должна, по мнению последних, вызывать у читателя никакого сомнения. Они обычно ссылаются на известное высказывание Гёте: «Перевод должен не просто служить вместо оригинала, а полностью заменять его».

Специалисты по герменевтике знают, что пафос вышеизложенного восходит к популярной максиме Шлейермахера о выборе переводчиком одного из творческих подходов: либо приближать читателя к автору, либо последнего приближать к читателю [см.: Мишкурин, 2013. - № 2, с. 19].

В рекомендациях по подготовке «литературных переводчиков» категорически утверждается, что последние – «это практически сложившиеся писатели. Они должны не только хорошо знать иностранный язык, но и в совершенстве владеть родным языком, обладать чувством ритма и стиля. При переводе художественной литературы переводчик должен быть знаком с другими книгами автора. Работа литературного переводчика заключается в том, чтобы понять, что хотел сказать автор, а затем ясно изложить мысль на языке перевода» [Худож. перевод, 2014, с. 1].

При кажущейся общепризнанности основных требований как к личности литературного переводчика, так и оценке качества его «художественной продукции», «согласия в товарищах» до сих пор нет и видимо никогда не будет, когда речь заходит о базовых художественно-методологических, философско-парадигмальных, лингвопоэтических, метасемиотических, аксиолого-интерпретационных и прочих рефлексиях по поводу принципов, методов и критериев «истинного художественного перевода».

«Примирающей методологией» художественного перевода на современном этапе могла бы стать методология переводческой герменевтики в её современном философско-феноменологическом и бытийном образе, которая трактует объект как многогранный метапереводческий акт образно-интеллектуальной, творческой деятельности переводчика. Несомненно, что мы имеем дело с особым когнитивно-эстетическим, лингвокультурологическим, вербально-креативным и полипарадигматическим способом перевыражения оригинального художественного текста на некий иностранный язык с целью порождения результирующего *третичного текста*, предназначенного для реципиента. Данный ПТ оптимально сопряжен с

оригиналом по родо-жанровой, сюжетно-смысловой, композиционной и дискурсивно-перлокутивной направленности, но он обычно существенно отличается от интроспективно-рефлексивного «пробного» *вторичного* текста переводчика, от его «черновых» набросков и полного трудно воспринимаемого на ПЯ подстрочника. На этой стадии понимания оригинала и оценки собственных творческих возможностей по его перевыражению на ПЯ переводчик начинает через призму «своего» текста новому толковать, переосмысливать и интерпретировать *первичный текст*, «подготовленный» в конечном итоге для переложения на результирующий ПЯ. По принятии своего «переводческого решения» он становится «соперником» «соавтором» ИТ. Таков фактически «закон жанра». А подтверждением его корректности может отчасти служить факт плюральности переводов произведений на один и тот же язык одним и тем же или разными переводчиками, выражающими, как правило, критическую оценку уже существующих переводов.

П. Рикёр в своей работе «Парадигма перевода» отмечает, что «не существует абсолютного критерия хорошего перевода. Мы не можем сопоставить источник и перевод с неким третьим текстом – носителем того тождественного значения, которое предполагается перенести из источника в текст перевода. Отсюда парадокс: хороший перевод может и должен стремиться лишь к относительной равноценности источнику, ибо из-за отсутствия своего четкого «эквивалента» эта равноценность никак не может быть полностью найдена и обоснована. Единственно возможная критика чужого перевода состоит в том, чтобы предложить свой перевод, столь же сомнительный по своей удачности, но будто бы лучший или будто бы иной. И это как раз то, чем постоянно занимаются профессиональные переводчики» [Рикёр, 2012]¹.

На проблему плюральности переводов можно смотреть и с иной точки зрения. Популяризируя теорию А.И.Новикова касательно проблемы соотношения понятий «содержание текста» и «смысл текста», Н.М. Нестерова отмечает, что учёный стремился рассматривать проблему текста сквозь призму смысла как «основного интегрального механизма его порождения и понимания». При этом констатируется, что «содержание формируется как ментальное образование, моделирующее тот фрагмент действительности, о котором говорится в тексте, а смысл – это мысль об этой действительности, т.е. интерпретации того, что сообщается в тексте». Непонятным, однако, представляется следующее толкование некоторых аспектов

¹ О взглядах П.Рикёра на проблемы перевода см.: Мачульская, 2013, с. 409-420; Мишкурин, 2013, № 1, 82-87; Federici C., 2006, pp. 223-225.

теории Новикова. Если последний констатирует, что «содержание – это проекция текста на сознание, а смысл – это проекция сознания на текст», то вывод Н.М.Нестеровой, гласящий, что «содержание объективно (и поэтому его можно моделировать), смысл же всегда субъективен», порождает ряд вопросов. Её утверждение, что «текст сам по себе не имеет смысловой структуры» и что «смысловая структура является принадлежностью не текста, а смысловой сферы личности, воспринимающей или осмысливающей текст».

Во-первых, непонятно: участвует ли сам автор ИТ в создании смыслов порождаемого им текста, или это прерогатива реципиента? Считаем чисто «авторским кокетством» заявление английского писателя Дж. Фаулза о том, что в его романе «Волхв» нет «заданного смысла» и читатель сам должен «наделить» его смыслом. Цель же произведения – «отклик, который он будит в читателе» и т.д. Во-вторых, никакая теория смысла не может нивелировать многоступенчатости переводческого поэтапного процесса: предпереводческого анализа (предпонимание) – понимания – интерпретации – принятия результирующего переводческого решения. В третьих, переводчик ответственен перед автором за максимально возможную полноту воспроизведения его арт-продукта на содержательном, смысловом и интенциональном уровнях. И здесь Н.М.Нестерова абсолютно права, что здесь «мы уходим в чисто *герменевтическую проблематику* (курсив наш. – Э.М.), в вопрос о возможности совпадения интенционального (авторского) смысла и рецептивного (переводческого), принципиальной возможности понимания Другого». Но действительно реальность такова, как отмечает Н.М. Нестерова, что в древней формуле перевода Иеронима “*Non verbum de verbo, sed sensum exprimere de sensu*” последнюю часть нередко невозможно полностью осуществить: перевод смысла, заложенного автором, не может быть полностью передан переводчиком» [Нестерова, 2009, с. 86-92].

А ответом на вопрос, что в этом случае надо делать, может быть рекомендация – широко использовать герменевтическую парадигму перевода (ГПП) с её мощным методологическим аппаратом, сформировавшимся в течение многовековой плодотворной практики. Дело в том, что переводческая герменевтика наиболее приспособлена к переводу художественных текстов – прозаических и особенно поэтических произведений как важной массовой составной части текстового материала, характеризующегося онтологической «непереводимостью» по определению по причине асимметрии языков различного строя на уровнях образно-смысловом, символично-аллегорическом, лингвопоэтическом, метасемиотическом,

этнопсихолингвистическом, лингвокультурологическом, функционально-когнитивном и других в зависимости от исходных художественных текстотипов и их жанров.

В качестве оптимальной метатеории и унифицирующей методологии в западноевропейском переводоведении с 50-х годов XX в. успешно применяются модели так называемой «философско-переводческой герменевтики», во многом, тем не менее, базирующейся на принципах классической «филологической герменевтики» и практическом опыте перевода в духе лучших традиций эпохи Возрождения и их последующих региональных модификациях.

Опираясь на позитивный опыт «герменевтизации» современной транслатологии на Западе, мы, тем не менее, должны применять его в отечественной науке только с учётом богатого опыта, накопившегося в российской дореволюционной, советской и постсоветской теории, методологии и практике перевода.

Предлагаемый ниже рабочий вариант герменевтической парадигмы перевода (ГПП) мы идентифицируем как синергетическую целокупность современного переводоведческого знания и практического опыта, воспринятую профессиональным сообществом в качестве образца решения актуальных исследовательско-прагматических задач.

К вышеприведенному общефилософскому постулату о сущности ГПП мы добавляем конкретно дефинированную трактовку ГПП как системно выстроенную по принципу дополнительности дискурсивную сборность философо-/филолого-герменевтических, когнитивно-информационных, семиотико-интерпретирующих и иных теорий, концепций, максим, моделей, способов и приемов перевода, а также перепорождения, перелagания, перевыражения, адаптации и других разновидностей игровой трансформации ИТ в результирующем ПТ на вышеуказанных уровнях.

Однако в зарубежном и отечественном переводоведении в настоящее время наблюдается странная картина – учёные фактически пользуются рядом методологических приёмов современной переводческой герменевтики, но не «манифестируют» этот «герменевтический поворот», не желая, видимо, осваивать довольно значительный объём новой философско-герменевтической составляющей ГПП. В результате иногда возникают логически необоснованные методологические казусы. Так, в одной из последних докторских диссертаций автор категорически утверждает: «Широко используемый в семиотике термин «интерпретация» (в трудах зарубежных ученых «интерпретация герменевтической природы») не может быть использован в настоящем исследовании, поскольку «интерпретация» предполагает

известную самостоятельность переводческого «эго», то есть определенное смысловое расширение, развитие элементов исходного содержания со стороны переводчика. Подчиняя себя смыслу исходного текста, вместе с тем, переводчик в чем-то превосходит (отклоняется или редуцирует) по смыслу авторский текст. С одной стороны, можно говорить о полноте осмысления (**понимания**) авторского текста, с другой – о некоторой степени его переосмысления (интерпретации) переводчиком. Адекватность перевода основана на сохранении исключительно осмысления (понимания) авторского текста, но переосмысление (интерпретация) в данном случае неприемлемо. Таким образом, передача осмысления (понимания) и исключение переосмысления (интерпретации) являются задачей переводчика. Следовательно, в основе переводческой деятельности лежит не «интерпретация», а «**понимание**» и «**передача**» авторского сообщения и стиля автора в процессе перевода» [Новикова, 2014, с. 16].

В этой связи мы только приведём мнение авторитетного французского учёного Ж.-Р.Ладмираля, который четверть века назад утверждал, что «идея перевода, начисто лишённого понятия интерпретации, абсолютно фантастична», и переводчикам это прекрасно известно, поскольку в своей работе <...> им все время приходится решать, принадлежит ли самый минимальный элемент информации... языку автора или языку-источнику, которым этот автор пользуется». Более того, было бы пустой затеей вообразить себе, что идентификация, определение, фиксация того, что можно назвать смыслом текста может осуществиться как-то иначе, нежели посредством герменевтики [Ladmiral, 1994, с. 63].

Список литературы

- Гаспаров М.Л.* Записи и выписки. – М.: Новое литературное обозрение, 2012.
- Мачульская О.И.* Проблема адекватности перевода в концепции Поля Рикёра/ Поля Рикёра в Москве. – М.: «Канон⁺», 2013. С. 409 – 420.
- Мишкуроев Э.Н.* «Герменевтический поворот» в современной теории и методологии перевода// Вестник Московского университета. – Сер. 22. Теория перевода. – 2013, № 2. С. 3-41.
- Мишкуроев Э.Н.* О метатрансляционных аспектах художественного перевода// Вестник Московского университета. – Сер. 22. Теория перевода. – 2010, № 3. С. 17-26.
- Нестерова Н.М.* Sensum de sensu: смысл как объект перевода// Вестник Московского университета. – Сер.22. Теория перевода. – 2009, № 4, - С. 83-93.
- Новикова М.Г.* Смысловые корреляции в дискурсивной динамике перевода. – Автореф. дис. ... докт. филолог. наук. – М., 2014. 41 с.

Рикёр П. Парадигма перевода. Лекция, прочитанная на факультете протестантской теологии в Париже в октябре 1998 г./ Пер. М. Эдельман [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.belraese2000.narod.ru/Trad/ricoeur.htm> [18.09.12] - 10 с.

Художественный перевод [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.flarus.ru/?smid=123> (10/09/14)/ 2 с.

Federici C. Paul Ricoeur. *On translation*. Translated by Eileen Brennan/ With an introduction by Richard Kearney. London and New York, Routledge, 2006, Pp. XX+46 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://the.sagepub.com/content/94/1/72.short> (21.09.13). Pp. 223-225.

Ladmiral J.-R. Traduire: théorèmes pour la traduction. – Paris: Gallimard, 1994.

Нечаевский В.О.
Военный университет
г.Москва (Россия)

Nechayevsky Vadim
Military University
Moscow (Russia)

*ПЕРЕВОД РЕЛИГИОЗНО-КУЛЬТУРНЫХ РЕАЛИЙ КАК ПРОБЛЕМА
ЛИНГВОСТИЛИСТИКИ*

*TRANSLATION OF RELIGIOUS AND CULTURAL REALITIES AS A LINGUISTIC
STYLISTICS PROBLEM*

Язык и культура сосуществуют в тесной взаимосвязи друг с другом, что непосредственным образом оказывает влияние на процесс перевода. При переводе художественного произведения переводчик сталкивается с необходимостью передачи на языке перевода религиозно-культурных реалий, характерных для страны, в которой происходят описываемые события. От точности подбора внутриязыковых эквивалентов зависит качество передачи содержащейся в исходном тексте информации. Особенно остро данная проблема встаёт при необходимости перевода присутствующих в религиозно-культурной традиции православия и католицизма сходных по форме, но отличающихся по содержанию явлений, таких как название церковных административно-территориальных единиц, духовных санов, элементов церковной и богослужбной утвари, богослужений суточного круга и т.д. На примере переводов на польский, сербский и хорватский языки произведений российских писателей показана роль переводчика при выборе лингвостилистических средств при передаче на язык перевода конфессионально маркированной лексики. Игнорирование такого рода идиомов при переводе может привести к искажению смысла исходного текста, что, в свою очередь, может вызвать определённые трудности в осмыслении текста перевода.

The language and culture coexist in close interaction, which exercises immediate influence on translation and interpretation. Translating a work of fiction, the translator has to translate the religious and cultural realities typical of the country the plot is unfolding. The accuracy of selecting intralingual equivalents determines the quality of the translation. The problem is particularly relevant to translating phenomena particular to Orthodoxy and Catholicism, which are similar in terms of form but different in terms of contents, e.g. the names of church administrative territorial entities, clerical ranks, holy vessels, liturgical implements, daily worships, etc. Examples of translations of Russian books into Polish, Serb and Croatian show the part played by the translator in selecting lingvo-stylistic means for translating religion-related words. Ignoring such idiomatic expressions in translation may result in distortion of the meaning of the original, which, in turn, may prompt difficulties in understanding the translation.

Ключевые слова: язык, культура, перевод, художественный перевод, православие, католицизм, религиозно-культурная традиция, русский язык, польский язык, сербский язык, хорватский язык.

Keywords: language, culture, artistic translation, Orthodoxy, Catholicism, religious-cultural tradition, Russian language, Polish language, Serbian language, Croatian language.

Язык отражает особенности миропонимания, культуры и менталитета его носителей. Культура и язык существуют в диалоге между собой, они тесно

взаимосвязаны, так как культура, так же, как и язык, является хранителем и отображением мировидения народа, его материальной и духовной деятельности: «Культура, равно как и язык, – это формы сознания, отображающие мировоззрение человека. Но культура – это, прежде всего, процесс и продукт самосознания, нацеленного на установление идентичности субъекта культуры с тем, что выделено в культуре как мерило собственно человеческого в деятельности» [Телия, 1996, с. 224].

Но когда язык выступает в качестве материального отображения культуры и культурных ценностей, их факты преломляются через план содержания языка и получают специфически языковое воплощение в различных структурных компонентах языковой системы.

Язык, таким образом, отражает действительность во всей её сложности и полноте, взгляд человека на окружающую его реальность, её оценку с точки зрения сложившихся культурно-нравственных, религиозных ценностей того или иного народа.

Одним из наиболее мощных факторов, оказывающих влияние на формирование культуры того или иного этноса, является его вероисповедание. В том случае, если представители одного и того же этноса придерживаются различных конфессий, возникают предпосылки для возникновения в национальном языке вариантов единиц лексического уровня с признаками религиозно-культурной маркированности. Именно этой проблеме и посвящена данная статья.

Несмотря на сложившийся стереотип религиозной (католической) гомогенности Польши, история православия на её территории насчитывает несколько столетий. Христианизация земель, расположенных на левом берегу среднего течения Западного Буга, осуществлялась согласно православной религиозной традиции. Это произошло после принятия православной веры князем Владимиром Великим. Создание православных приходов на этих землях продолжалось в течение XI-XII вв. В конце тридцатых годов XIII в. князь Даниил Галицкий перенёс резиденцию православного епископства в г. Хелм. Данная епархия входила в состав киевской метрополии, подчинявшейся константинопольскому патриарху [Mironowicz, 2005, s. 14-15]. К 1370 году уже существовало три православные митрополии (в Киеве, Новогрудке и Галиче), а резиденции епископов в таких городах, как Туров, Хелм, Владимир-Волынский, Луцк и Пшемысль [Mironowicz, 2005].

В настоящее время Польская автокефальная православная церковь (ПАПЦ) насчитывает шесть епархий, в составе которых находится более 250 приходов и более

600 тыс. верующих, большинство из которых проживает в восточных районах Подляского, Люблинского и Малопольского воеводств [Mironowicz, 2005].

Подводя промежуточный итог можно с уверенностью отметить, что православная церковь в польском государстве не является чуждым или привнесённым извне элементом. Это религиозно-культурная традиция, которая издавна занимает своё место в польском государстве и интегрально связана с его историей. Её вклад в формирование современного облика Польши не вызывает сомнений.

Поскольку в религиозной традиции православия и католицизма присутствуют явления сходные по форме, но отличающиеся по содержанию, создаются предпосылки для возникновения вариантов лексических средств языка. При этом православные термины были, в большинстве своём, заимствованы из церковнославянского языка. Так, лицо, имевшее младший титул священства, получило наименование *jerej* (в католицизме соотв. *księdz*); высший титул священства – *archijerej* (в католицизме соотв. *biskup*); в качестве соответствия почётного титула католической церкви *archiprezbiter* в православии употребляется *protorej*; для обозначения православного монастыря используется слово *monaster* (в католицизме соотв. *klasztor*), а настоятеля монастыря – *igumen (ihumen)* или *archimandryt* (в католицизме соотв. *opat* или *przeor*); наряду с лексемами *mnich* и *zakonnik* ‘католический монах’, используется слово *monach* ‘православный монах’; лицо, готовящееся к принятию монашества, у православных поляков называется *poslusznik* (в католицизме соотв. *nowicjusz*); для обозначения церковной административно-территориальной единицы польскими православными используется термин *eparchia* (католиками соотв. *diecezja*) и др. [Bondaruk, 1987].

При переводе художественных произведений с русского языка на польский православные реалии не всегда передаются правильно. Так, если в переводе романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» переводчиком А. Ватом используются термины *monaster*, *archimandryt* и *monach* [Dostojewski, 2002], то в переводе этого же произведения А. Поморским в отношении православных реалий неоправданно используются конфессионально (в данном случае католически) маркированные лексемы *klasztor*, *opat* и *mnich* [Dostojewski, 2009].

В переводах на польский язык произведений Б. Акунина такие католические термины, как *klasztor*, *biskup* и *zakonnik* неоправданно используются в качестве синонимов православных *monaster*, *archijerej* и *monach*, например:

- Куда больше терзал чувствительное сердце Бердичевского кадавр старого монаха, <...> Но ещё хуже было то, что скончался он во время хирургической операции... [Акунин Б. Пелагия и чёрный монах] - O wiele bardziej udręczał wrażliwe serce Berdyczowskiego trup starego *monacha* (курсив мой – В.Н.), <...> Ale jeszcze gorsze było to, że *zakonnik* (курсив мой – В.Н.) zmarł podczas chirurgicznej operacji... [Акунин, 2004, s. 149].

...покинув гостиницу, путешественница двинулась в сторону монастыря. Белостенный и многоглавый, он был виден почти из всех точек города,... [Акунин Б. Пелагия и чёрный монах] - ...toteż opuściwszy hotel, podróżniczka ruszyła w kierunku *monasteru* (курсив мой – В.Н.). *Klasztor* (курсив мой – В.Н.), białościenny i wielogłowy, był widoczny niemal z każdego punktu miasta,... [Акунин, 2004, s. 205].

В переводе на польский язык повести Л.Н. Толстого «Отец Сергей» мы сталкиваемся с непоследовательностью переводчика в выборе лингвостилистических средств родного для себя языка. Так, например, для перевода титула настоятеля православного монастыря он вполне оправданно использует лексему *igumen*, тогда как сам православный монастырь переводчик попеременно именует то *monaster*, то *klasztor*, превращая эти несовместимые с религиозно-культурной точки зрения понятия в полные лексические синонимы. При этом в тексте возникает такой культурологический нонсенс, как *igumen klasztoru*:

- ...Касатский поступил в *монастырь* (курсив мой – В.Н.). <...> *Игумен монастыря* (курсив мой – В.Н.) был дворянин, ученый писатель и старец,... [Толстой Л.Н. Отец Сергей] - ...Kasatski wstąpił do *monasteru* (курсив мой – В.Н.) ... <...> *Igumenem klasztoru* (курсив мой – В.Н.) był szlachcic, uczony pisarz i święty starzec,... [Толстой, 2009, s. 16].

В свою очередь, совершенно неоправданно использование переводчиком для обозначения лица, имеющего высший титул православного священства католической лексемы *biskup* (вместо *archijerej*), а для лица, готовящегося к принятию православного монашества – *nowicjusz* (вместо *poslusznik*):

- На четвертом году его монашества *архиерей* (курсив мой – В.Н.) особенно обласкал его,... [Толстой Л.Н. Отец Сергей] – W czwartym roku jago życia w klasztorze *biskup* (курсив мой – В.Н.) okazał mu szczególną życzliwość... [Толстой, 2009, s. 18].

- ... чтобы окоротить себя, призвал своего молодого *послушника* (курсив мой – В.Н.) ... [Толстой Л.Н. Отец Сергей] – ... aby przykrócić swe zmysły, przywołał przydzielonego mu *nowicjusza* (курсив мой – В.Н.) ... [Толстой, 2009, s. 19].

Также определенные трудности перевода могут возникнуть при передаче некоторых элементов церковной и богослужебной утвари, которые в православии и католицизме выполняют сходные (порой аналогичные) функции, хотя и отличаются по внешнему виду. Среди подобного рода соответствий можно выделить следующие: ‘дискос’ (литургический сосуд в виде блюда) у православных называют *diskos*, а у католиков – *patena*; ‘потир’ (сосуд для христианского богослужения, применяемый при принятии причастия) соответственно *potir* или *czasza* и *kielich*; ‘дароносица’ (переносная дарохранильница для ношения Святых Даров) соответственно *daronosica* и *cyborium*; ‘киот’ (особый украшенный шкафчик (часто створчатый) или застеклённая полка для икон) соответственно *kiwot* и *tabernakulum*; ‘кадило’ (сосуд, применяемый при церковных богослужениях) соответственно *kadilo* и *kadzielnica* или *trybularz*; ‘илитон’ (шёлковый или льняной плат, используемый в христианском религиозном культе) соответственно *iliton* и *korporał* и др. Подобные проблемы представляют собой различные виды богослужений суточного круга, проводимые приблизительно в одно и то же время, но отличающиеся в различных христианских течениях. Так, утренняя у православных будет *utrenia*, а у католиков – *jutrznia*; вечерня – соответственно *wieczernia* и *nieszpory*; повечерие – соответственно *powieczerze* и *kompleta* [Нечаевский, 2013, с. 264].

Определённую сложность может вызывать перевод наименований православных церковных праздников, отсутствующих в римско-католической церкви. Так, например, в переводе упоминавшегося выше произведения Л.Н. Толстого отмечающийся 14 октября праздник Покрова Пресвятой Богородицы (Покров день) переводчик вместо того, чтобы использовать существующее в ПАПЦ название (*święto Opieki Najświętszej Bogurodzicy*) представил читателям свой надуманный вариант его названия – *święto Matki Bożej Opiekunki Kościoła* [Tołstoj, 2009, s. 20].

Безусловно, приведённые выше термины не могут быть синонимами, поскольку, несмотря на внешнюю формальную схожесть данных реалем их содержание порой имеет глубокие сущностные и функциональные различия. Нами предлагается относить подобные лексические пары к внутриязыковым (а в данном случае ещё и религиозно-культурным) эквивалентам [Нечаевский, 2009, с.140]. Как было показано на примерах, подбор стилистически точного эквивалента может помочь или, наоборот, затруднить восприятие чужих религиозно-культурных реалий.

В качестве ещё одного примера можно привести сербский и хорватский языки. Если сербы испокон веков считаются православными, то подавляющее большинство

граждан Хорватии (87,8%) исповедует католицизм. Однако часть населения, проживающая главным образом в исторической области Славония (около 200 тыс. человек), традиционно придерживается православия. Первые православные появились здесь в XV столетии. Это были беженцы от турецких захватчиков из более южных областей. Первая православная епархия была основана в 1557 г. И хотя в настоящее время в Хорватии нет своей автокефальной поместной православной церкви, на территории Славонии функционирует Славонская епархия Сербской православной церкви с центром в г. Пакрац.

Под влиянием сербов в хорватском языке возникли внутриязыковые эквивалентные соответствия, отражающие различия в культурно-исторических традициях православной и католической церковной терминологии: *krst* '(как правило) православный крест' – *križ* 'католический крест', *paroh* 'православный приходской священник' – *župnik* 'католический приходской священник', *manastir* '(как правило) православный монастырь' – *samostan* 'католический монастырь', *monah*, *kaluđer* 'православный монах' – *redovnik*, *samostanac* 'католический монах' и др. [Багдасаров 2004, с.66].

Такого рода лексические единицы неоправданно включают в списки хорватско-сербских эквивалентов (например, см.: [Samardžija, 1993, s. 129]) или переводят, не учитывая реалий конкретной конфессиональной среды переводимого текста. Ср. например:

- Прямо к городскому монастырю (католический – В.Н.) [Гоголь Н.В. Тарас Бульба] – Право, пред градски *манастир* (курсив мой – В.Н.) [Гоголь, 1970, s. 77].

- Есть ли на тебе крест (православный – В.Н.)? [Достоевский Ф.М. Преступление и наказание] – Imaš li na sebi *križ*? (курсив мой – В.Н.) [Dostojevski, 1982, s. 366].

Следует отметить, что все эти единицы употребляются как православными, так и католиками для выражения соответствующих понятий и реалий. Так, например, бытующее в Хорватии слово *samostan*, служащее для обозначения католической реалии употребляется и православными.

Как и в случае с польским языком, приведённые выше термины не могут быть синонимами, поскольку их содержание порой имеет глубокие сущностные и функциональные различия, вследствие чего подобные лексические пары могут быть отнесены к внутриязыковым эквивалентам.

Таким образом, игнорирование конфессионально маркированной лексики при переводе может привести к искажению смысла исходного текста, что, в свою очередь,

может вызвать определённые трудности в осмыслении текста перевода. Это повышает ответственность переводчика при выборе тех или иных лингвостилистических средств языка перевода для отражения религиозно-культурных реалий исходного языка.

Список литературы:

Багдасаров А.Р. Хорватский литературный язык второй половины XX века / А.Р. Багдасаров. М. : ВТИ, 2004. 164 с.

Нечаевский В.О. Проблемы описания отношений вариантности единиц лексического уровня языка: опыт исследования / В.О. Нечаевский // Вестник Военного университета, № 3, сентябрь 2009 г. М. : Фонд содействия научным исследованиям «Наука - XXI», 2009. С. 136-141.

Нечаевский В.О. Религиозно-культурные различия как причина варьирования единиц лексического уровня языка / В.О. Нечаевский // Языки и этнокультуры Европы. Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием (15-16 ноября 2012 г.). Глазов : Глазовский государственный педагогический институт, 2013. С. 260-268.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. М. : Языки русской культуры, 1996. 288 с.

Akunin B. Pelagia i Czarny Mnich / B. Akunin. Tłum. W. Dłuski. Warszawa : wyd. Noir Sur Blanc, 2004. 344 s.

Гоголь Н.В. Миргород / Н.В. Гоголь. Пр. Р. Контар. Београд : Цетиње, 1970. 254с.

Dostojewski F.M. Zločin i kazna / F.M. Dostojewski. Pr. Z. Crnković. 5. izd. Zagreb : Znanje, 1982. 530 s.

Dostojewski F. Bracia Karamazow / F. Dostojewski. Tłum. A. Wat. Warszawa : wyd. Prószyński i S-ka, 2002. 788 s .

Dostojewski F. Bracia Karamazow / F. Dostojewski. Tłum. A. Pomorski. Kraków : wyd. Znak, 2009. 864 s .

Tołstoj L. Ojciec Sergiusz / L. Tołstoj. Prz. i kom. R. Przybylski. Kraków : wyd. Sic, 2009. 103 s.

Bondaruk K. Nauka o nabożeństwach prawosławnych / K. Bondaruk. Białystok : diecezja białostocko-gdańska, 1987. 243 s.

Mironowicz A. Kościół prawosławny na ziemiach polskich w XIX i XX wieku / A. Mironowicz. Białystok : Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2005. 390 s.

Mironowicz A. Kościół prawosławny w dziejach Rzeczypospolitej [Электронный ресурс] / A. Mironowicz. – Режим доступа:

http://www.cerkiew.pl/index.php?id=prawoslawie&a_id=197

Samardžija M. Hrvatski jezik u Nezavisnoj Državi Hrvatskoj / M. Samardžija. Zagreb : Hrvatska sveučilišna naklada, 1993. 257s.

Разумовская В.А.
Сибирский федеральный университет
г. Красноярск (Россия)

Razumovskaya Veronica
Siberian Federal University
Krasnoyarsk (Russia)

ЭНЕРГИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА: ДИССИПАТИВНАЯ СИСТЕМА И ПЕРЕВОД

THE ENERGY OF LITERARY TEXT: DISSIPATIVE SYSTEM AND TRANSLATION

В статье рассматриваются проявления современной тенденции унификации науки и искусства на примере предметной области художественного перевода. Эстетическая энергия оригинального художественного текста генерирует вторичные тексты, среди которых особое место принадлежит переводам. Ингерентная информационная неоднозначность художественного оригинала позволяет рассматривать такой текст как некую диссипативную информационную систему, для которой возможное направление перехода в другое состояние (направление перевода) определяется первичной флуктуацией. Информационная неоднозначность играет центральную роль в динамическом разрешении противоречий, присущих взаимодействию человека с «потребляемым» художественным объектом. Процесс и направление флуктуации в значительной степени детерминированы основной функцией художественного текста – эстетической. Понижение энтропии в переводе происходит в силу того, что художественный текст является открытой системой, находящейся в контакте с другими системами, представленными текстами «своей» и «чужой» культур. Начало процесса перевода является точкой бифуркации, в которой информационная система оригинала становится неустойчивой, а переводчик сталкивается с неизбежной проблемой выбора. Энтропийные характеристики художественного оригинала определяют возможность создания его многочисленных переводных вариантов и лежат в основе явления переводной множественности.

The article considers the manifestations of the modern trend of science and art unification on the example of subject area of literary translation. The aesthetic energy of the original literary text generates secondary texts, among which a special place belongs to the translations. Inherent information ambiguity of a literary text allows to consider this text as a kind of dissipative information system for which the possible direction of the transition to a different state (translation direction) is determined by the primary fluctuation. Information ambiguity plays a central role in the dynamic resolution of the contradictions inherent in human interaction with the "consuming" art object. The process and the direction of the fluctuations is largely determined by the basic function of a literary text – aesthetic one. The decrease of entropy in translation is due to the fact that the literary text is an open system in contact with other systems presented by the texts of "their" and "foreign" cultures. The beginning of translation process is a bifurcation point where the original information system becomes unstable, and the translator is faced with the inevitable problem of making a choice. Entropy characteristics of the literary original text define the possibility to create his numerous translation variants and underlie the phenomenon of translation multiplicity.

Ключевые слова: Художественный текст, перевод, эстетическая энергия, неоднозначное, энтропия.

Keywords: literary text, translation, aesthetic energy, ambiguity, entropy

Среди факторов, унифицирующих науку и искусство, центральную роль, несомненно, играет информационная неоднозначность. В современном информационном пространстве можно наблюдать очевидный процесс унификации науки и особого вида искусства – словесного искусства, поскольку именно там, «где наука сходится с искусством, где истина встречается с красотой, а красота с природой, язык становится одновременно аналитическим и синтетическим, точным и многозначным, рациональным и образно-интуитивным, эзотерическим и экзотерическим. Одним словом, он становится неоднозначным. Мы получаем, таким образом, “неоформленную форму”, форму-сюрприз. Запутанная как в лабиринте и стимулирующая в своей динамической неустойчивости, эта форма становится передающимся по наследству фактором варьирующего постоянства вкуса. И неоднозначность поднимается до роли непреходящей культурной ценности» [Кальоти, 1998, с. 71]. Рассуждая о природе и динамике восприятия объектов науки и искусства с позиций универсальных категорий симметрии и неоднозначного, итальянский физик приходит к важному выводу о том, что неоднозначность проявляется в критических точках любого выбора – в точках пересечения симметрии (неразличимости) и информации (устранения неопределенности), в точках схождения энтропии и порядка, эволюции и сохранения, симметрии и нарушения симметрии. Проецируя перечисленные универсальные научные категории на предметную область перевода и, в частности, на проблемы художественного перевода, можно утверждать, что перевод относится к критическим точкам выбора. Именно в точке выбора сходятся энтропия и порядок информации оригинала, эволюция данной информации и ее сохранение в тексте перевода, а также устранение неопределенности при принятии переводчиком решения на перевод. Каждый переводчик в каждом конкретном случае осуществления перевода (а перевод происходит преимущественно в режиме *ad hoc*) неизбежно сталкивается с проблемой выбора. Перед переводчиком стоит проблема выбора оригинального текста для перевода, выбора наиболее эффективной стратегии перевода, выбора единиц перевода для принятия решения на перевод, выбора наиболее точного переводческого эквивалента, а также выбора окончательного варианта текста-перевода для предъявления его читателю. Именно неоднозначность играет центральную роль в динамическом разрешении противоречий, присущих сложному процессу взаимодействия человека с «потребляемым» художественным объектом или объектом научного исследования, что позволяет Дж. Кальоти определить неоднозначность как «сосуществование в критической точке двух

взаимоисключающих аспектов или схем объективной реальности, которые становятся физически наблюдаемыми в процессе восприятия...» [Кальоти, 1998, с. 33]. Крайне важно, что переводимый текст является для переводчика одновременно объектом искусства и объектом науки. Переводчик должен сохранить эстетическую и культурную ценность переводимого художественного текста, применив в процессе перевода творческий научный подход и основанные на нем применяемые стратегии и приемы перевода. В силу данных обстоятельств художественный перевод можно определить гибридным неотермином «art-science». Существование двух взаимоисключающих, несовместимых друг с другом аспектов и порождает неоднозначность. Таким образом, на первый план в творческих процессах науки и искусства (и, конечно, процесса перевода) выдвигаются такие универсальные категории как информация и порядок, энтропия и сохранение информации, симметрия и неоднозначность.

Крайне значимое в настоящее время и эффективное для предметной области перевода понятие энтропии было введено в научный обиход немецким ученым Р. Клаузиусом еще в XIX веке (работа 1865 года «О различных удобных для применения формах второго начала математической теории теплоты») в качестве характеристики степени беспорядка и стало важнейшим понятием термодинамики. Энергия вещей и явлений традиционно претерпевает количественные и качественные изменения, трансформации по определенным природным причинам и, как следствие, изменений и трансформаций становится более неорганизованной. Крайне важным оказывается тот факт, что в результате трансформации энергия вещей ухудшается. И, прежде всего, ухудшаются качественные показатели энергии. С помощью понятия энтропии стало возможным оценить такие регулярные качественные понятия как порядок (или структура) и беспорядок (или хаос). В физических науках энтропия традиционно рассматривается следующим образом: при существовании только одного микросостояния энтропия равна нулю (что соответствует полному порядку, т. е. отсутствию беспорядка). А с увеличением числа микросостояний энтропия возрастает. Второй закон термодинамики определяет статус энтропии как главной черты всемирного беспорядка. Если первый закон термодинамики постулирует сохранение энергии, то второй закон термодинамики утверждает, что энтропия мира стремится к максимуму, а энергия рассеивается и исчезает. В современной науке теория (закон) энтропии является своеобразной аллюзией космической энергии, испускаемой вселенной и являющейся неотъемлемой частью природы. Рассматривая вопросы

энтропии в контексте понятийных полей порядка и хаоса, С. Ангрист и Л. Хэплер дают следующее определение данному понятию: «...энтропия определяется как количественная мера беспорядка в системе...» [Angrist, Hepler, 1967, p. 8]. В научном дискурсе XX века понятие энтропии было трансформировано и тесно связано с интенсивно развивающейся теорией информации, универсальные законы которой были сформулированы К. Шенноном [Shannon, 1948]. Основоположник теории информации рассматривал энтропию в контексте таких общенаучных категорий, как порядок и беспорядок, ошибки и контроль ошибок, возможности и актуализация возможностей, неопределенность ее пределы. Понятие энтропии стало использоваться в новом контексте, что позволило в дальнейшем предложить плодотворную идею информационной энтропии, которая может быть рассмотрена как категориальное расширение идеи первичной энтропии – энтропии физической.

В настоящее время наметилась тенденция интенсивного использования понятия энтропии в различных областях знаний. Так, концепции физической и информационной энтропии плодотворно применяются к исследованиям лингвистических, биологических, финансовых, налоговых, экономических, социальных и военных систем. Понятие энтропии было рассмотрено специалистом в области психологии искусства и визуального мышления Р. Арнхеймом в известной работе «Энтропия и искусство». Автор пишет, что порядок является необходимым состоянием для всего, что может воспринять и понять человеческий разум. Именно порядок предопределяет то, что является сходным и то, что является отличным. Воспринимаемый внешний порядок является отражением порядка внутреннего, независимо от того, говорим ли мы о явлениях физического, социального или когнитивного планов. Таким образом, внешний порядок, представляющий (репрезентирующий) внутренний или функциональный порядок не может быть оценен сам по себе, отдельно от его связи с организацией, которую он обозначает. Форма может быть упорядочена, но при этом она может не соответствовать той структуре, которую она представляет. Недостаток соответствия между внешним и внутренним порядком порождает столкновение порядков, что приносит элемент беспорядка [Arnheim, 1971, p. 2]. По мнению Р. Арнхейма определение информации в объекте исследования означает определение порядка данного объекта. Данное рассуждение является полностью справедливым для языковых явлений с точки зрения их формальных и содержательных характеристик, поскольку именно формально-содержательный «беспорядок» языковых явлений порождает такие обязательные

явления естественных языков как полисемия, синонимия, омонимия и т.д. Как справедливо утверждал Л. Уайт, в окружающем нас мире представлены две космических тенденции: одна к механическому беспорядку (принцип энтропии), а другая к геометрическому порядку (в кристаллах, молекулах, организмах и т.д.) [Whyte, 1965, p. 27]. Данные противоположные тенденции крайне ярко представлены в изобразительном искусстве: супрематические работы К. Малевича («Черный квадрат», «Черный круг» и др.) и голландские натюрморты XVII века П. Класа, В. Хеда, В. Калфа, А. Бейерена. Сходное проявление взаимосвязанных и противоположных тенденций к порядку и беспорядку обнаруживаются в литературе и музыке. Примечательно, что в некоторых объектах искусства указанные противоположные тенденции представлены одновременно: архитектурные сооружения А. Гауди (собор Sagrada Familia и дворец Гуэля в Барселоне) и А.А. Парланда (собор Воскресения Христова «на крови» в Санкт-Петербурге); музыкальные тексты С. Прокофьева (симфоническая сказка для детей «Петя и волк») и И. Стравинского (балеты «Весна священная» и «Петрушка»). Таким образом, еще раз подчеркнем, что понятие энтропии в гуманитарных науках претерпело значительные изменения и получило новое понимание и оценку. Если в XIX веке данное понятие использовалось в культурологии чаще всего для диагностики и объяснения культурной деградации, то в XX веке интересующее нас понятие энтропии стало употребляться в положительном значении для объяснения минималистского искусства и радостей хаоса. В более ранней работе Р. Арнхейма беспорядок определяется не как отсутствие порядка, а как столкновение нескоординированных порядков [Arnheim, 1966, p. 125]. В современной работе, посвященной роли энтропии в научном познании окружающего мира можно найти следующее высказывание, иллюстрирующее универсализм категории энтропии: «Триумфальное шествие энтропии продолжается, и в будущем могут быть получены очень интересные результаты» [Осипов, Уваров, 2004, с. 74].

Энтропия является одной из функций состояния конкретной системы и служит мерой преобразования или эволюции энергии системы. Общеизвестным считается тот факт, что природные структуры подразделяются на две основные группы. Так, анализируя структуры, находящиеся вблизи термодинамического равновесия, Дж. Кальоти утверждает, что инвариант, сохраняемый при преобразовании или энтропийной эволюции систем и есть симметрия. Вторую группу представляют диссипативные структуры (термин первооткрывателя диссипативных структур И.Р. Пригожина) – структуры удаленные от термодинамического равновесия и имеющие

открытый нелинейный характер. Расширяя исследовательскую область применения понятия диссипативной структуры, более правильным будет говорить не о диссипативных структурах, а о диссипативных системах. Главным признаком диссипативных систем оказывается рассеивание информации, а открытость как необходимое условие их существования обеспечивает способность таких систем к взаимодействию. В современной науке понятие диссипативной структуры используется достаточно широко. Например, в истории данное понятие применяется для описания природы исторических катаклизмов. Описательные возможности понятия и термина «диссипативная структура» определяют их универсализм в различных областях науки и искусства.

Художественный текст как объект перевода может быть рассмотрен как некая диссипативная система, для которой направление перехода в другое состояние (направление перевода) определяется первичной флуктуацией, т.е. практически случайно. Флуктуации неизбежно присутствуют в сложных системах и в определенных условиях они способны к разрастанию. Будучи сложной информационной системой, художественный текст состоит из большого числа взаимодействующих частей. Разрастание флуктуации и переход художественного текста в новое состояние (состояние вторичного переводного текста) возможно только в условии открытости системы, ее нахождения в контакте с другими системами. В случае с художественным текстом таким системами, выполняющими функцию внешней среды по отношению к такому тексту, будут языковые системы, литературные системы, текстовые системы, семиотические и когнитивные системы и т.д. Однако процесс и направление флуктуации в значительной степени детерминированы основной функцией художественного текста – эстетической. Понижение энтропии в переводе происходит в силу того, что художественный текст является открытой системой, находящейся в контакте с другими системами, представленными текстами «своей» и «чужой» культур.

Понятие энтропии тесно соседствует с понятием симметрии. Включение элементов симметрии в структуру художественного произведения является первостепенной потребностью эстетического характера в искусстве [Кальоти, 1998, с. 77]. «Симметрия и новый порядок, вызываемый ее нарушениями – это две ценности, принадлежащие науке, восприятию и искусству. Симметрия вновь обращается к нам невозможностью зафиксировать изменения, вызванные ее преобразованиями: симметрия – это то, что не изменяется, сохраняется в ходе энтропийной эволюции

системы» [Кальоти, 1998, с. 79]. Дж. Кальоти подробно останавливается на рассмотрении роли симметрии и ее нарушений для анализа поведений сложных структур и считает, что необходимо распознавать симметрию и ее характерные признаки для поэтических структур. Материалом для его анализа послужил знаменитый сонет Петрарки «Жизнь пролетает, не останавливаясь ни на час». Признавая возможность существования вариантов стиха, получаемых различными преобразованиями оригинального текста (к которым, несомненно, относится и художественный перевод), Дж. Кальоти считает, что наивысшими художественными достоинствами обладает именно оригинал [Кальоти, 1998, с. 143]. Рассматривая преобразования лингвистического или семантического типов и пытаясь установить, являются ли они преобразованиями симметрии, Дж. Кальоти пишет, что смысл в данном случае играет определяющую роль, аналогичную роли оператора энергии для квантомеханических структур. Исследователь подчеркивает, «что введение элементов симметрии в художественные структуры является жизненной эстетической потребностью. Обычно это делается в более или менее скрытой форме. И именно неявное присутствие симметрии в произведении искусства дает возможность художнику, а вместе с ним и зрителю получить удовольствие от нарушений, как это происходит при восприятии неоднозначных структур» [Кальоти, 1998, с. 144-148]. Размышляя о соотношении энтропии и информации, Дж. Кальоти пишет, что в настоящее время определилась явная тенденция, стимулированная сближением «двух культур» (науки и искусства). «Стандартные процедуры анализа квантовомеханических систем не отличаются по существу от процессов восприятия произведений живописи и архитектуры. В восприятии продуктов художественного творчества, как и в их рациональном анализе, более или менее сознательно приоритет отдается поискам операций или элементов симметрии. Иначе это и не может быть: преобразования симметрии, связанные с тем, что остается в системе неизменным, и в первую очередь с энергией, выделяют в системе самое существенное – свойство инвариантности, составляющее ее смысл» [Кальоти, 1998, с. 88].

Попытки применения понятия энтропии в лингвистике предпринимались неоднократно. Так, в 1994 году в Индии была опубликована работа, рассматривающая лингвистическую энтропию в тексте пьесы У. Шекспира «Отелло» [Narashimha, 1994]. Автор работы считает, что лингвистическая энтропия образуется из четырех основных типов: примарного диалекта, регионального диалекта, разговорной речи и стандартного языка (английского). Структура явлений лингвистической энтропии

конституируется фонологией, грамматикой, и синтаксисом [Narashimha, 1994, p.3]. Значительное место в работе уделяется вопросам энтропии, возникшей в фонологической ткани произведения, поскольку избыточная аллитерация, ассонанс, рифма, парарифма, ономапопея, ритм, размер приводят литературную миопию во власть энтропии [Narashimha, 1994, p.54]. В работе подробно описываются психолингвистические и социолингвистические виды энтропии, затрудняющие декодирование эксплицитного и имплицитного содержания пьесы читателями, а также представлено понятие негативной (отрицательной) энтропии. По мнению автора, отрицательная энтропия есть мера порядка и является органической единицей сходства в литературе [Narashimha, 1994, p.12]. Понятие отрицательной энтропии встречается и у Р. Карнапа, который хотя и с оговорками, но соглашается с положением о том, что отрицательная энтропия трансформируется в информацию и наоборот [Carnap, 1977, p. 66]. Одной из последних работ в области лингвистической энтропии является исследование Р.О. Бикеш, применившей формулу К. Шеннона для оценки информационной энтропии в русских и казахских текстах различных стилей и жанров [Bikesh, 2013]. Р.О. Бикеш использует вероятностную функцию энтропии для определения количества энтропии и информации в текстах на словесном уровне, что может иметь своим результатом бесконечное количество текстов.

Очевидно, что в ситуации перевода неизбежно встречаются понимание и непонимание оригинала переводчиком, что, несомненно, обусловлено неоднозначностью информации, представленной в тексте. Сочетание понимания и непонимания информации оригинала определяет интерпретативную природу переводческой деятельности. Принятие решения на перевод соотносится с точкой информационной бифуркации, предполагающей отсутствие информационного равновесия в понимании текста. Как следствие данного обстоятельства происходит разделение оригинальной информации на несколько информационных потоков в направлении вторичных переводных текстов. Данные обстоятельства выполнения перевода неизбежно приводят к созданию интерпретационных вариантов информации оригинального текста переводчиками, которые декодируют первичную информацию оригинала и перекодируют ее во вторичную информацию создаваемых ими вторичных текстов. В историографии художественного переводоведения представлены многочисленные примеры интерпретаций одного текста, предлагаемые несколькими переводчиками или одним переводчиком на различных этапах его профессиональной деятельности при повторных обращениях к ранее переведенному тексту. Так,

известны несколько вариантов перевода «Евгения Онегина», выполненных одним переводчиком (обычно через значительные временные интервалы): В.В. Набоков (1964 и 1975), Б. Дейч (1936, 1943 и 1964), У. Арндт (1963 и 1992), Ч. Джонстон (1977 и 2003), В. Либерсон (1975 и 1987). Для иллюстрации повторного обращения одного переводчика к одному художественному тексту крайне показательной будет историография переводов сонетов У. Шекспира, которые были и продолжают оставаться популярным объектом перевода. Так, русский поэт и переводчик Ф.А. Червинский предлагал варианты перевода 66 сонета на протяжении почти 25 лет: в 1880, 1882 и 1903 годах. Каждый новый перевод художественного текста, выполненный как одним переводчиком, так и несколькими переводчиками, не составляет с уже существующими переводами некую ортогональную меандровую ленту, своеобразный «переводческий меандр», олицетворяющий высшую степень жесткой регулярной повторяемости. Текст оригинала и его вторичные иноязычные варианты представляет собой не сумму идентичных меандров, а сложную и многоцветную текстовую мозаику, имеющую объединяющую смысловую основу. Энергия художественного оригинала, являющегося диссипативной системой, в переводе трансформируется в различные вторичные текстовые варианты и обеспечивает явление переводной множественности.

Список литературы

- Кальоти Дж.* От восприятия к мысли. О динамике неоднозначного и нарушениях симметрии в науке и искусстве / Дж. Кальоти; пер. с нем. В.А. Копцика. М.: Мир, 1998. 221с.
- Осипов А.И.* Энтропия и ее роль в науке / А.И. Осипов, А.В. Уваров // Соросовский образовательный журнал, том 8, № 1, 2004. С. 70-79.
- Arnheim R.* Order and Complexity in Landscape Design / R. Arnheim // Towards the Psychology of Art. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1966. Pp. 123-135.
- Angrist S.W.* Order and Chaos: Laws of Energy and Entropy / S.W. Angrist, L.G. Hepler. New York: Basic Books, 1967. 146 p.
- Arnheim R.* Entropy and Art. An Essay on Disorder and Order / R. Arnheim. Berkley and Los Angeles: University of California Press, 1971. 61 p.
- Bikesh R.O.* Calculating Information Entropy of Language Texts / R.O. Bikesh. World Applied Sciences Journal. 22 (1), 2013. Pp. 41-45.
- Carnap R.* Two Essays on Entropy / R. Carnap. Berkley and Los Angeles: University of California Press, 1977. 115 p.
- Narashimha R.* Linguistic Entropy in Othello of Shakespeare / R. Narashimha. New Delhi: M D Publications Ltd, 1994. 95 p.
- Shannon C.E.* A Mathematical Theory of Communication / C.E. Shannon // Bell System Technical Journal, № 27, 1948. Pp. 379-423; Pp. 623- 656.

Whyte L. Law Atomism, Structure, and Form / L. Whyte // Structure in Art and Science. New York: Braziller, 1965. Pp. 20-28.

Садыгова А.А.

Азербайджанский государственный университет культуры и искусства
г. Баку (Азербайджан)

Sadigova Afag

Azerbaijan State University of Culture and Art
Baku (Azerbaijan)

М.Ю.ЛЕРМОНТОВ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ПЕРЕВОДЕ

LERMONTOV IN AZARBAIJANI TRANSLATION

Михаил Юрьевич Лермонтов был в Азербайджане в октябре 1837 года. Короткий, но насыщенный событиями жизненный путь гения не раз приводил его на Кавказ. Среди творцов золотого века русской литературы Лермонтов, пожалуй, чаще других обращался к кавказской теме в своем творчестве. Во время поездки по Азербайджану поэта привлек азербайджанский фольклор, он изучал азербайджанский язык. М.Ю.Лермонтов стал учиться азербайджанскому языку у М.Ф.Ахундова. Природа Кавказа воодушевляла поэта, оказывала на него большое влияние. История перевода произведений М.Ю.Лермонтова на азербайджанский язык начинается с 80-х годов. В Азербайджане помнят и любят великого русского поэта, о чем свидетельствует и президентский указ о праздновании 200-летия поэта на высшем уровне. Человек любого возраста и любой национальности, читая Лермонтова, находит в нем родную душу. Он был талантлив во всем, и многие азербайджанские писатели и поэты переводили его стихи, будучи очарованными талантом молодого поэта. М. Ю. Лермонтов был не только поэтом, но и замечательным живописцем кавказской природы. Его рисунки, точная передача каждой детали говорят о его горячей любви к Кавказу. В 1837 году в Кусарах побывал М.Ю.Лермонтов. В городе сохранился дом-музей поэта с мемориальной доской, на которой написаны известные строчки Лермонтова:
Приветствую тебя Кавказ седой!
К твоим горам я путник не чужой....

Mikhail Lermontov was in Azerbaijan in October 1837. A short but eventful life journey of genius has often led him to the Caucasus. Among the artists of the Golden Age of Russian literature Lermontov, perhaps more often than others appealed to the Caucasian theme in his work. During a trip to Azerbaijan poet drew Azerbaijani folklore, he studied the Azerbaijani language. Lermontov began to learn the Azerbaijani language from M.F.Akhundov. The nature of the Caucasus inspired the poet and made a great influence on him. The history of translation of Lermontov into the Azerbaijani language begins from the 80s. In Azerbaijan, everybody remembers and loves the great Russian poet, as it is evidenced by the presidential decree on celebrating the 200th anniversary of the poet at the highest level. People of any age and any nationality, reading Lermontov, finds a kindred spirit in him. He was talented in everything, and many Azerbaijani writers and poets translated his poems, being fascinated by the talent of the young poet. Lermontov was not only a poet, but also a remarkable artist of caucasian nature. His drawings are accurate transmission of every detail talking about his passionate love for the Caucasus. In 1837 Lermantov visited Qusar. In the city there is a house-museum of the poet with a plaque on which are written the famous lines of Lermontov:

Greetings to the old Caucasus !

For your mountains, I am not a stranger ... stranger.

Ключевые слова: Лермонтов, перевод, произведения, Кавказ, творчество, история перевода, азербайджанский язык, дом-музей

Keywords: Lermontov, translation, the works, the Caucasus, creativity, history of translation, the Azerbaijani language, the house-museum

Когда, после смерти А. С. Пушкина, Лермонтовым было написано стихотворение "Смерть поэта", он был арестован и сослан на Кавказ, под пули горцев. В Тифлисе он узнал, что Нижегородский драгунский полк, куда он был переведен, послан в азербайджанский город Кубу усмирять восстание, поднятое сподвижниками Шамиля. Узнав об этом, Лермонтов поехал на Кубу. Однако, пока нижегородцы находились на марше, осада Кубы была снята и их помощь не понадобилась. Нижегородский полк дошел только до Шемахи. Поэтому на Кубе Лермонтов не нашел нижегородцев, и ему пришлось разыскивать свой полк в районе Шемахи. Таким образом, Михаил Юрьевич Лермонтов был в Азербайджане в октябре 1837 года. Короткий, но насыщенный событиями жизненный путь гения не раз приводил его на Кавказ. Среди творцов золотого века русской литературы Лермонтов, пожалуй, чаще других обращался к кавказской теме в своем творчестве.

Во время поездки по Азербайджану поэта привлек азербайджанский фольклор, он изучал азербайджанский язык. В Тифлисе М.Ю.Лермонтов познакомился с азербайджанским ученым-просветителем А.А.Бакихановым и азербайджанским писателем-драматургом М.Ф.Ахундовым, в 1837 году откликнувшимся на смерть известного русского поэта А.С.Пушкина элегической поэмой. Мирза Фатали Ахундов был одним из образованнейших людей своего времени, знал несколько языков, и особенно хорошо русский язык. Он состоял переводчиком с восточных языков при канцелярии главноуправляющего на Кавказе барона Розена. У него обучались азербайджанскому языку А.А.Бестужев-Марлинский, Я.П.Полонский и другие. И М.Ю.Лермонтов у него стал учиться азербайджанскому языку. Об этом он так писал С.А.Раевскому: "Начал учиться по-татарски, язык, который здесь, и вообще в Азии, необходим, как французский в Европе, - да жаль, теперь не доучусь, а впоследствии могло бы пригодиться". Мирза Фет Али - так сам Ахундов писал свое имя по-русски. Поэтому Лермонтов называл своего учителя по имени Али, что нашло отражение в его произведении "Я в Тифлисе..." (1837). Ахундов был на 2 года старше Лермонтова, они подружились. К тому же Ахундов был автором "Восточной поэмы на смерть А. С. Пушкина" и прочитал ее Лермонтову. "Разве ты, чуждый миру, не слышал о Пушкине, о главе собора поэтов? О том Пушкине, которому стократно гремела хвала со всех концов света за его игриво текущие песнопения!.. Будто птица из гнезда, упорхнула душа его - и все, стар и млад, сдружились с горестью. Россия в скорби и воздыхании восклицает по нем: "Убитый злодейской рукой разбойника мира" - строки из поэмы Ахундова. Разными словами, но с одинаковым чувством глубокой

горести и любви говорили о Пушкине русский и азербайджанский поэты, и это особенно сблизило их.

Вслед за Пушкиным Лермонтов открыл передовому русскому обществу Кавказ как страну непримиримой борьбы за свободу и независимость народов. Еще в детстве, когда бабушка возила его на Кавказ лечиться, все здесь нравилось мальчику. И, став поэтом, Лермонтов стремился как можно ярче нарисовать картины кавказской жизни.

Всей душой

поэт был прикован к Кавказу. Об этом он писал в стихотворении "Кавказ":

Хотя я судьбой на заре моих дней,

О южные горы, отторгнут от вас,

Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:

Как сладкую песню отчизны моей,

Люблю я Кавказ...

Москва. Площадь Красных Ворот. Слева — дом, где в ночь со 2 на 3 октября 1814 года родился Лермонтов. Сегодня на его месте — высотное здание

Впервые Лермонтов побывал на Кавказе в возрасте шести лет

Кавказ считали Родиной поэзии Лермонтова. М. Ю. Лермонтов был не только поэтом, но и замечательным живописцем кавказской природы. Его рисунки, точная передача каждой детали говорят о его горячей любви к Кавказу. Кавказ занимал все творчество Лермонтова. Для него Кавказ был символом свободы. Поэт любовался снеговыми горами Кавказа, его прекрасными реками, лесами, полями и чувствовал себя счастливым. Природа Кавказа воодушевляла поэта, оказывала на него большое влияние. В стихотворении "Свидание" поэт как большой художник-пейзажист воссоздает замечательную картину набережной реки Куры:

Твой домик с крышей гладкою

Мне виден вдалеке;

Крыльцо с ступенью шаткою

Купается в реке;

Среди прохлады, веющей

Над синею Курой,

Он сетью зеленеющей

Опутан плющевой;

А главным творческим результатом явилось создание ряда стихотворений и

замечательной сказки "Ашук-Кериб"(Ашуг Гериб) под названием «Турецкая сказка». В 1837 году в Кусарах побывал М.Ю.Лермонтов, где он встретился с ученым-философом Гаджи Али Эфенди и там же он услышал от известного Ашуга Лезги Ахмеда дастан «Ашуг Гариб» и после этого написал по мотивам этой сказки известное произведение «Ашуг Гариб». Следует отметить, что Лермонтов взял лишь одну линию сказки, линию странствующего ашука, с его надеждой заработать деньги и исполнить свое желание - быть со своей любимой девушкой. Одним из доказательств того, что Лермонтов изучал именно азербайджанский язык, могут быть азербайджанские слова, которые встречаются в его произведениях. Так, в сказке "Ашук-Кериб", как замечает азербайджанский исследователь М.Рафили, Лермонтов сохранил азербайджанские слова и в скобках пояснил их значения: ага (господин), ана (мать), оглан (юноша), рашид (храбрый), сааз (балалайка) и другие, а в наименовании Тифлиса воспроизвел азербайджанское произношение "Тифлиз". Он очень дорожил языком того народа, который эту сказку создал. В сказке сохранен национальный колорит, она показывает большую заинтересованность русского поэта азербайджанским фольклором. Эта сказка широко известна у нас в Азербайджане. Лермонтов же чудесно пересказал эту замечательную азербайджанскую сказку по-русски. На основе сказки "Ашук-Кериб" Р.М.Глиэр создал свою оперу "Шахсенем", которая по сей день ставится на сценах азербайджанского театра.

Иллюстрация к сказке М. Лермонтова

Иллюстрация к сказке М. Лермонтова

Поэт, общаясь с местным населением, слушая народные песни, легенды, использовал их в своих произведениях. В Кубе подарили ему ковер. Он привез этот ковер в свой дом в Пятигорске, где жил последние 2 месяца своей жизни. С 1912 года этот дом функционирует как Государственный музей. Подаренный поэту в Кубе ковер до сих пор хранится в этом музее. И в Азербайджане любят и помнят этого великого писателя. В городе Кусар сохранился дом-музей поэта с мемориальной доской, на которой написаны известные строчки Лермонтова:

*Приветствую тебя Кавказ седой!
К твоим горам я путник не чужой.
Как я любил, Кавказ мой величавый,
Твоих сынов воинственные нравы...*

На фото: Дом Лермонтова в Гусарах

Человек любого возраста и любой национальности, читая Лермонтова, находит в нем родную душу. Он был талантлив во всем, и многие азербайджанские писатели и поэты переводили его стихи, будучи очарованными талантом молодого поэта.

Азербайджанская литература начала активно взаимодействовать с русской литературой в конце 20-х – начале 30-х годов 19 века, со времени вхождения Азербайджана в состав России. Образованные азербайджанцы знакомились с произведениями М.Ю. Лермонтова в 40-70-е годы в подлиннике. История перевода произведений М.Ю.Лермонтова на азербайджанский язык начинается с 80-х годов. Полагают, что педагог и литератор Р. Эфендиев еще в 1880-1882 годах перевёл «Воздушный корабль» и «Молитву», но «Молитва» была опубликована лишь в 1901 году в сборнике «Басиратулатфал», а «Воздушный корабль» так и не был допущен к печати. Поэтому первым переводчиком М.Ю.Лермонтова считается А. Адигёзалов. В Тифлисской газете «Кешкюль» 26 августа 1889 года появляется первое стихотворение «Воздушный корабль», подписанный инициалами Адигёзалова, в том же году этот

перевод выходит отдельным изданием (как приложение к газете).¹ Литературовед Ф.Кочарли в книге «Литература азербайджанских татар» (1903) указывает, что в 80-е годы «Мцыри», «Хаджи Абрек», «Дары Терека», «Спор», «Три пальмы» и другие произведения Лермонтова перевел на азербайджанский язык А.Джаваншир, но эти переводы до сих пор не обнаружены. В переводе самого Ф.Кочарли стихотворение «Три пальмы» вошло в книгу его переводов, изданной в Шуше (1895). В газете «Шарги-Рус» 14 января 1905 года опубликована статья о жизни и творчестве М.Ю.Лермонтова, стихотворение «Спор» и поэму «Беглец» в переводе А.Эфендиева.

Новый этап в освоении творчества М.Ю.Лермонтова открыл поэт-романтик Аббас Саххат, внесший значительный вклад в популяризацию русской литературы: ему принадлежат перевод произведений более чем 20 русских поэтов, причем перевод из творчества М.Ю.Лермонтова занимают среди них главное место. В 1909 году Аббас Саххат поместил в учебнике «Новая школа» перевод отрывка из «Мцыри». В сборнике своих переводов «Западные светила» (1912) он включил «Пророка», «Дары Терека», «Три пальмы», «Родину», «Спор», «Черкесов», «Мцыри», «Хаджи Абрека». Верно понимая социальную направленность творчества М.Ю.Лермонтова, Аббас Саххат в то же время следовал национальным традициям азербайджанской лирики иногда отходил от стихотворной формы оригинала. Отголоски лермонтовских мотивов и настроений нашли в оригинальных произведениях Аббаса Саххата («Моя биография», «Поэт», «Жалоба», «Поэт и муза»). В учебник «Цветник» (1912) включены «Дары Терека» в переводе Аббаса Саххата и «Беглец» в переводе Абдуллы Шаига. В 1914 году вышла книга «Подарок школьникам» (к 100-летию юбилею М.Ю.Лермонтова), включающая биографию М.Ю.Лермонтова, стихотворение «Спор» и поэму «Беглец» в переводе А. Эфендиева.

Широкое знакомство азербайджанского читателя с наследием М.Ю.Лермонтова началось в советское время. В 1928 году появились «Кавказ» в переводе М.Рафили и М.Мушфика, «Смерть поэта» в переводе М.Мушфика, а в 1929 году – «Герой нашего времени» в переводе Адиля Гариба. В конце 20-х годов над переводами из М.Ю.Лермонтова начинает работать поэт Мамед Рагим («Осень», «КАВКАЗ», «Звезда»); в 1933 году вышел сборник «Соседка» под редакцией Расула Рзы, включающий переводы 9 стихотворений и двух поэм М.Ю.Лермонтова («Беглец» и

¹ Альбина З.Н.М.Г. Михайлова «Переводы и изучение Лермонтова в литературах народов СССР». 1973, 371с.

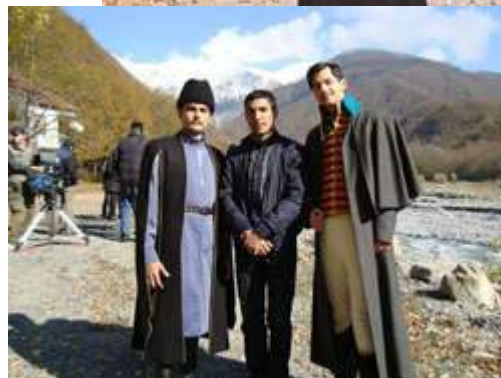
«Кавказский пленник»). В 1938 году издается «Ашук-Кериб» в переводе М.Нафисли. В 1939 году появился новый сборник переводов Мамеда Рагима «М.Ю.Лермонтов. Избранные стихи и поэмы» с предисловием Микаила Рафили. Сборник включал 39 стихотворений и 5 поэм. Новый перевод романа «Герой нашего времени», сделанный М.Джаббаром (Меджнунбековым), издан в 1937 году. К юбилею в 1941 году были изданы «Избранные произведения» М.Ю.Лермонтова. В книгу вошли переводы Аббаса Саххата, Микаила Рзакулизаде, Адила Джалила, Мирмехти Сеидзаде, Джаббара(Меджнунбекова), Расула Рзы. В 1964–67 годы вышли сочинения М.Ю.Лермонтова в 4-х томах со вступительными статьями А.Агаева. В работе над переводами приняли участие Мамед Рагим, Микаил Мушфик, Расул Рза, Наби Хазри, А.Талет, Джаббар, М.В.Агаев, А.Юсифоглы и другие азербайджанские поэты. Многие произведения М.Ю.Лермонтова имеются на азербайджанском языке в нескольких переводах. Например, известное стихотворение М.Ю.Лермонтова «Парус» встречается в азербайджанском переводе в четырёх вариантах. Первый перевод стихотворения «Парус» принадлежит Мамеду Рагиму. Известный азербайджанский поэт М.Рагим перевел это стихотворение в 1948 году. В этом варианте автор, сохраняя смысл стихотворения, передает всю красоту, мелодичность. Благодаря превосходному переводу М.Рагима, и по смыслу, и по стихотворной форме стихотворение ближе к оригиналу. Второй вариант был переведен в 1977 году известным азербайджанским поэтом Гусейн Арифом. И в этом варианте соблюдается оригинальность, смысл стихотворения ничуть не меняется. Но использование различных эпитетов, слов и словосочетаний при переводе стихотворения «Парус» отличает этот перевод от перевода первого варианта. Если сравнить эти 2 варианта, можно сказать, что оба варианта перевода стихотворения «Парус» превосходны. Ничуть не нарушается смысл стихотворения. Но сравнивая эти 2 перевода, мне кажется, что в переводе Гусейна Арифа третья строфа удачно получилась, чем у Мамеда Рагима. Позже в 1988 году еще один представитель азербайджанской литературы Эйваз Борчалы обратился к произведениям Лермонтова – перевел на азербайджанский язык наряду с другими произведениями и стихотворение «Парус» М.Ю.Лермонтова. И в этом варианте перевода не искажается смысл стихотворения, но прежние варианты более образные с точки зрения художественного перевода. А в 1991 году перевел это стихотворение Махир Гараев. Но он пошел еще дальше и у него в результате получилось два куплета, вместо трех. А это неприемлемо. Хотя общий смысл сохраняется, но это же не проза или

стихотворение в прозе. Если переводить стихотворение, обязательно должны соблюдаться все правила художественного перевода. Сравнивая все 4 варианта перевода стихотворения «Парус», можно сказать, что первые 2 варианта перевода (переводы М.Рагима и Г.Арифа) этого стихотворения лучше во всех смыслах. Потому что в этих переводах соблюдаются все правила художественного перевода.

Немало произведений азербайджанских писателей посвящено М.Ю.Лермонтову, например, поэма «Третий всадник» Али Керима (1958), стихотворение «Полюбил я тебя» Мамеда Рагима (1940), «Баллада о Лермонтове» И.Султана (1958), «Домик в Гусарах» Н.Гасанзаде (1964), «Я думаю о тебе», «Этот печальный день» Алиага Кюрчайлы (1964), «Поэт здесь был убит» Б.Адиля (1964), «Дума о Лермонтове» И.Сеидова (1972) и другие. Азербайджанские поэты восстанавливают картины пребывания М.Ю.Лермонтова на азербайджанской земле, воссоздают живой образ поэта-романтика, говорят о любви народов Кавказа к русскому поэту, воспевшему Кавказ.

В Азербайджане в 2011 году по государственному заказу снимался исторический художественный фильм "Sübhün səfiri" (Посол зари), посвященный 200-летию писателя-просветителя, основоположника реализма в азербайджанской литературе, драматурга Мирзе Фатали Ахундова, которое было отмечено в 2012 году. В этом фильме воплощенный образ Лермонтова создал Олег Амирбеков.

На Кавказе поэт заслужил славу бесстрашного офицера. И там же был вероломно убит

Список литературы

Альбина З.Н., Михайлова М.Г. «Переводы и изучение Лермонтова в литературах народов СССР».

Вестник Кавказа. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.vestnik-kavkaza>

Караван историй. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://7days.ru/caravan-collection/2...tyanut-v-voynu>

Литературная Россия. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://litrossia.ru/2013/30/08195.html>

Day. Az. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://news.day.az/culture/309314.html>

Trend.Az. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www/trend.az>

Сенкевич В.И.

Естественно-Гуманитарный университет в Седльцах (Польша)
Седльце (Польша)

Vasili Siankevich

Siedlce University of natural sciences and humanities
Siedlce (Poland)

КУЛЬТУРНАЯ РЕЛЕВАНТНОСТЬ ЯЗЫКА И ПЕРЕВОД

CULTURAL RELEVANCE OF LANGUAGE AND TRANSLATION

Рассматривается культурный аспект переводческой деятельности. Доказывается существенность в переводе понятия *культурная релевантность*. Термин касается не только отдельных единиц языка и речевой деятельности, но также применим к разным языкам в связи с их культурологическим статусом. Исходя из институционального подхода разграничиваются термины – *русский язык* и *язык российский*. Русский язык представляется как важнейшее средство общения. Языком культурных и деловых контактов выступает язык российский. Последний понимается не только как культурная институция («дом бытия»), но и как идеологический институт («государство») с учрежденными в нем правовыми институтами. Существенность диагностики культурной релевантности языкового материала при переводе доказывается недопустимостью симуляции культурно нагруженных элементов языка оригинала их переводческими альтернативами. В этой связи разграничиваются понятия *перевод* и *трансляция*. Имманентная и трансцендентальная реальность языка как государственного института и культурной институции исключает возможность перевода («непереводимость»), однако допускает транскрипцию («перевыражение») или смысловую трансляцию.

The cultural aspect of the translation is being reviewed. The importance of the concept *cultural relevance* in translation is being proved. This term concerns not only separate language and speech units, but also applied to different languages due to their culturological status. In connection with the institutional approach, the terms *the Russian language* and *the language of Russia* are distinguished. The Russian language is presented as an essential tool of communication. The language of cultural and business contacts appears to be the language of Russia. The latter shall be understood not only as a cultural institute (“the house of existence”), but also as an ideological institution (“the state”) with its established legal institutions. The significance of the language material detection while translating is proved by the unacceptability of simulation of culturally heavy elements in the original language by their translation alternatives. In this connection, the terms *translation* and *transmission* are distinguished. Immanent and transcendent reality of language as a state institution excludes the possibility of translation (“untranslatability”), but allows transcription (“rephrasing”) or transmission of sense.

Ключевые слова: культурная релевантность, русский язык, язык российский, перевод, непереводимость, трансляция, симуляция

Keywords: cultural relevance, the Russian language, the language of Russia, translation, untranslatability, transmission, simulation

1.1 В связи с процессами информатизации общества в обиход вошло понятие *релевантности*. В информатике это понятие связано с информационным поиском и

интерпретируется как «совпадение поискового запроса и поискового облика документа», как «применимость найденного», как «отношение объема полезной информации к общему объему полученной информации». В обыденном понимании *быть релевантным* означает способность чего-л. «быть существенным, уместным, пригодным».

Понятие релевантности применимо к области культуры. В научном обиходе бытует понятие *культурной релевантности*. Под культурной релевантностью понимается то, насколько в том или ином языке существует информационно-культурная загруженность элементов. Правомерен также вопрос о культурном статусе языка – насколько уместна констатация, что тот или иной язык является языком культуры. Какие условия предлагает культурная релевантность языка для переводчика? Как переводить реалии культуры? Эти и подобные вопросы непременно актуализируются, когда речь идет о разных типах переводческой деятельности.

1.2 Существует практика перевода словосочетания *русский язык* польской синтагмой *język rosyjski*. Насколько правомерен такой перевод и эквивалентны ли понятия, стоящие за этими сочетаниями? Нашим допущением является существование факта культурно релевантного *языка российского* и параллельного ему нормативного *русского языка*.

В польской аудитории преимущественно изучается русский язык. В образовательных планах представлены такие предметы, как описательная и практическая грамматика (лексика, стилистика, орфография, фонетика). Изучается старославянский язык – предыстория русского литературного языка восточных славян. Русский язык со всеми своими разделами изучается, как правило, в историческом плане и нормативном ключе.

Русский язык представляется формой взаимосвязи и средством взаимодействия каждого, кто считает себя русским. Этот язык имеет своего пользователя, однако у него нет носителя. Русский язык служит русскому человеку, функционирует в русском обществе. Это язык общения, в том числе и международного. Он совершенен по форме и эффективен по результату. Его надо знать и изучать. Это язык русского искусства и русской политики. Однако культуры и техники в нем – ни капли, идеологии (в том числе государственной идеологии России, идеологии российского бизнеса) нет грамма. Живительные «капли» культуры российской и укрепляющие «граммы» российской идеологии – в языке российском.

Язык российский – не только культурная институция, но и идеологический институт. Языком российским называется культурная институция, где индивиды находятся («находят себя») в обычной культурно релевантной позе (модусе). Язык здесь «дом бытия». Однако язык российский также и идеологический институт, где люди обретаются (обретают идею собственного «Я») и активно позиционируя себя среди идентичных себе «Я». Язык понимается как государство со всеми учрежденными в нем институтами.

Переводчику приходится соприкасаться и сталкиваться как с синхронными и диахронными реалиями языка российского, так и с современными и историческими явлениями русского языка. Когда приходится иметь дело с языком государства российского – России, – должен быть государственный язык – российский. Когда речь идет о языке культурных институций России, язык – тоже российский. Не бывает русской культуры, культура непременно – российская (*российская культура 19 в., российская культура 20 в., российская культура нового времени; российский балет, российская музыка*; но: *русское искусство*). Если же берется во внимание язык русского искусства и язык, функционирующий в обществе и обслуживающий русское общество, – он русский.¹

1.3 В предисловии к «Философии имени» выдающийся русский философ А.Ф. Лосев пишет: «Приходится поражаться той безграмотностью, наивностью и пошлостью, которой полны всевозможные лингвистические курсы, все эти традиционные «введения в языковедение» <...> Современное русское языковедение влачит жалкое существование в цепях допотопного психологизма и сенсуализма <...> Впрочем, в русской науке есть одно чрезвычайно важное явление, и я не знаю еще, когда дойдет оно до сознания широкого круга языковедов. Это – феноменологическое учение Гуссерля и его школы» [Лосев, 1993, с. 628]. Эти строки были написаны в 1927 г. С тех пор в методологии исследования и преподавания языка изменилось немного. И сегодня можно с сожалением констатировать факт, что феноменология как учение о духе (сущности) и его проявлении пока еще не дошла ни до языковедов, ни до переводчиков.

1.3.1 Феноменологический подход открывает перспективу диагностики культурной релевантности языков – установление их функционально-коммуникативной (вербальной) направленности или номинативной (именной)

¹ Не следует смешивать культуру и искусство (ср. пол. *kultura i sztuka*).

ориентации. Подобная диагностика, думается, не должна находиться вне поля деятельности переводчика.

Мысль о том, что по происхождению язык есть продукт культуры, а не произведение искусства, принадлежит О. Есперсену. Версия, что человеческий язык зародился в период ухаживаний, является одной из любившихся гипотез происхождения языка. [Rickert, 2001, с.25].

Язык как феномен культуры ненасильственный. Это не язык как средство общения, не язык защиты и нападения. Это язык самореализации и собственной идентификации, аппарат выражения эмоций и инструмент разума. Это язык братства, а не общества, язык благородного труда, а не работы. Это родной, органически присущий человечеству язык. Именно таким должен был быть язык утраченного рая.

Однако родное («единое») в современном мире убывает. Количество органически и духовно родных сокращается. Зато увеличивается число «своих».¹ Организованное единое – братство – сменяется механически упорядоченным единством – обществом: «Отделение живущих от умерших, кладбища от жилища, превращение очага из жертвенника отцам в орудие кулинарного и других искусств, которые служат к превращению поминальной трапезы в ассамблеи и банкеты, это отделение сынов от отцов и есть падение общества, называемое прогрессом». [Федоров, 2003, с. 41].

В обществе – альтернативе братству – человек Другой. «Социализм – обман; родством, братством он называет товарищество людей, чуждых друг другу, связанных только внешними выгодами» [Федоров, 2003, с. 51]. Для обслуживания общественных потребностей появился альтернативный язык – дискурс.² Этот язык вызван к жизни потребностью «что-то сказать друг другу». Дискурс как обращенное к Другому слово распознается оборотами типа «ты знаешь...», «видите ли...», «скажем...», «значит...», «давай...», «хочу сказать...» и т.д. Дискурс – форма представления («Ты представляешь...», «Представляете...», «Представьте себе..»). Посредством слова мы представляем предмет каким-либо образом. *С-каз-ать* – значит показать, дать видеть. Коммуникативное действие «сказывание» следует понимать в смысле показа. [Хайдеггер, 1993, с.613]. То, что выставлялось напоказ, еще недавно называлось

¹ Ср.: Жена – «своя» мужу». У них все общее; семья – ячейка общества.

² Показательно, что слово *дискурс* (*discursus*) в латинском языке, из которого оно заимствовано в европейские языки, имеет прямое значение: «бегание взад-вперед», «движение», «круговорот»; «разговор» – переносное значение.

«казовым». Быть представлением – значит как раз не быть тем, что представляется. Слово дает нам видимое, а не то, что есть на самом деле.

1.4 С идеей двух языков – русского и российского – связано противопоставление понятий *трансляция* и *перевод*. Нередко эти понятия отождествляются. Подобное отождествление привносит путаницу. Только то, что осуществлено в устной речи или воплощено в тексте, допускает трансляцию. Все, что произведено, предполагает перевод. Недопустим перевод вместо трансляции.

Замена феноменальной реальности культуры языковой действительностью называется термином *симуляция*. Совершается подмена культурно релевантного номинативного (именного) элемента речи его вербальной альтернативой. Вместо номинативных единиц – носителей информации и смысла – переводчик предлагается неэквивалентные вербальные элементы, содержащие знания и имеющие значение.

1.4.1 Переводческий принцип, когда понятие переводится «по-своему», способен нанести ущерб науке. Терминологическая неточность затрудняет взаимопонимание ученых, порождает разночтения и вносит путаницу в рассматриваемые вопросы.

В экономической науке нередко вместо слова *ценность* фигурирует понятие *стоимость*.¹ Замена концепта *ценность* термином *стоимость* стала обязательной для всех советских переводов экономических трудов зарубежных авторов [Гальперин 2004, с. 123]. Однако парадокс: все, что покупается и продается, имеет ценность, однако не обладает стоимостью (достоинством).

Переводчику приходится иногда становиться на ту или иную точку зрения. Так, существуют разные теории поведения. Принятые в разных языках термины по-разному понимают и интерпретируют это понятие. В пол. *zachowanie (postępowanie, sprawowanie, zachowywanie się)* во главу угла ставится совокупность реакций и актов организма – теория бихевиоризма. В то же время рус. *поведение* имеет рефлексивное значение – предполагает Другого. В *zachowanie* актуализируется момент сохранения, в поведении – спасение. Спасает Другой, индивид же сохраняет себя сам.

Неточный перевод вводит в заблуждение. Так, название одной из работ И. Канта переведено на русский язык как *Религия в границах чистого разума* (1793). Подобным переводом внушается мысль о том, что разум имеет границы. Между тем у И. Канта речь идет о пределах человеческого разума. Разуму не свойственны границы, однако у него есть предел, ср. выражение «в пределах разумного».

¹ Ценность – альтернатива стоимости, его «другое». Товар имеет ценность, а стоимость у него е с т ь.

Термин *интенция* переводится на русский язык как *намерение, цель*. Таким переводом искажаются идеи дескриптивной психологии Ф. Brentano и феноменологии Э. Гуссерля. Понятие интенции является внутренне ориентированным. Внешняя целесообразность в интенции отсутствует. Интенция – *замысел* (ср. пол. *romysł*).

1.5 Переводчику не следует смешивать речь и вербальный дискурс. *Сказать слово* не то, что *произнести речь*. Слово не составляет чью-либо собственность, чье-либо состояние. Оно всеобщее богатство. Я не могу обвинить в плагиате и предъявить кому-н. претензию за то, что он употребляет такие же слова, как и я. Употребляя слово, мы каждый раз присваиваем его себе – и нам это позволено. Слово «свое» тому, кто его употребляет.

Слово не связано с процессом речи и не возникает в нем. Слово пошло. (*Откуда пошло слово?*). Слово образовалось (*Как образовалось слово?*), слово сделано (*Как сделаны слова в русском языке?*), слово произведено (*производное слово*). Слово – это *произведение*, имеющее свойства и могущее быть более или менее совершенным по форме. Речь же не есть производство, но промысел – процесс продуцирования. Вербальное произведение, каким является слово, не то, что номинативный (помеченный именем продуцента) продукт речи. Только продукт обладает качеством, произведение же имеет свойства.

Словесность не имеет никакого отношения к культуре. Не бывает *культуры слова*. Говорится о *словесном искусстве* – литературе. Одни слова *вежливые*, а другие грубые. Это сфера нравственности. Не бывает *культурных слов*. Культура – область этики.

Слово – всегда *результат*. Оно всегда готовое (сделанное, образованное).¹ Семантическую структуру слова *результат* образуют семы «конечность» (*конечный результат*; ср.: *в результате – в конце концов*), «следствие», «завершение», «показательность» (*показывать результаты*), «оценочность» (*лучшие результаты, положительный/отрицательный результат*), «совершение» (*дать результаты*) (По Д. Н. Ушакову).

Результат предполагает целесообразное действие. Природа любого действия и движения результативна. Действие направлено на получение внешнего эффекта, т.е.

¹ Слово *результат* является заимствованием из лат. *resultatus* – «отраженный». Результат – это отражение усилий при движении к цели. Привычно сочетание – *результаты налицо*. Результат относится к миру наличной действительности, показывающей («кажущей») себя рефлексивно.

результата. Результативность (эффективность) характеризуется посредством концепта формы – степени (ср.: *повысить степень эффективности* чего-л.). Но эффективность – количественный признак, а не качественный параметр (Ср.: *эффективность* и *качество*).

Внешне-рефлексивная природа результата выводит его из области культурной деятельности. «Культура – все виды деятельности, не являющиеся рефлексорными (Альфред Луис Кребер, США, XX в.)». Культура существует как процесс – «по ходу», а не по результату. Реальность культуры есть реальность феноменальная. Эта реальность не творится и не конструируется, но создается (созидается). Эта реальность не представляется, но предъявляется. Результат же относится к сфере, в которой основное значение имеет форма – к сфере искусства. Но к этой же сфере относится и вежливое слово.

Противопоставление трансляции и перевода вписывается в теорию непереводимости, или «культурной непереводимости» (термин Дж. Кэтфорда). Непереводимы номинации реалий: рус. *щи, тюря*; пол. *naleśniki, żurek*, укр. *борщ* и т.п. [Федоров 1983, с. 204]. Названия подобных реалий обладают культурно-этническим ореолом: «Русский *волк*, – отмечает А. Рязанов, – рывок, стремление вперед, которое заканчивается класаньем зубов, украинский *вовк* сытый и одетый в теплый колушок, польский *wilk* режет свинью, а белорусский *воўк* воет» (перевод мой – ВС) [Разанаў 1983, с. 151-163].

С названиями реалий сопрягается опыт носителей языка, транслируемый из поколения в поколение: бел. *бульба*, пол. *ziemniaki*; рус. *картофель*; укр. *картопля*. Так, для белоруса номинация *бульба* обладает «генетической памятью» – напоминает о серии контекстов, где она выступает. Это пословицы и поговорки о «другом хлебе», а также целое «созвездие» родственных дериватов: *бульбачка, бульбоўнік, бульбаи, бульбянішча, бульбяны, бульбіна*. Замена бел. *бульба* на пол. *ziemniaki*, рус. *картофель*, укр. *картопля* сопряжено с потерей культурной информации.

Принадлежащие языку субкультуры номинации реалий подлежат трансляции. А.С. Пушкин отмечал, что выраженное автором должно быть «перевыражено» переводчиком. Н.В. Гоголь предлагал иногда «отдаляться от слов подлинника нарочно для того, чтобы быть к нему ближе». А.Н. Толстой отмечал: «не следует переводить слова, и даже иногда смысл, а главное – необходимо передавать впечатление». К. Чуковский призывал «переводить смех смехом» [Флорин, 1960, с.187]. Подобное

ориентированное на эквивалентность «перевыражение» и составляет сущность трансляция.

Отраженный в альтернативном (русском) языке мир причинно-следственных отношений философ М.Мамардашвили называет несуществующим «миром ожидания». Мы пытаемся жить в мире, которого на самом деле не существует, мире, в котором я знаю, что будет, или я ожидаю, что если я сделаю то-то и то-то, то будет то-то и то-то. В мире ожиданий. Но реальность – всегда иная, и осуществляется не по нашим желаниям. Если мы пытаемся ее не замечать, она врывается в жизнь подобно руке, вынимающей рыбу из воды [Скляренко, 2006, с.78]. В феноменальной реальности не бывает «чина».¹

Проблемы перевода и трансляции затрагивают сферу вежливости и область культуры. Считается, что говоря «спасибо», мы выражаем благодарность. Однако сказать слово не то, что произнести речь. Не стоит отождествлять вербальное действие и акт речи. Слово *спасибо* (от *спаси Бог*) – условный рефлекс на услугу, которую кто-то сделал: «*спасибо*» говорится за «*что*». Звучит как недоразумение: «*Спасибо за то, что ты есть*».² Рус. «*спасибо*» равнозначно пол. «*Bóg zapłać*». За то, что не делается, но осуществляется, «*спасибо*» не говорят, а выражают благодарность:

Слово «*спасибо*» концептуально. Оно предполагает концепцию: «надо сказать спасибо». Ситуации выражения благодарности допускают категоризацию. Слово «*спасибо*» относится к семантической сфере. Благодарность – область речевой культуры и прагматики (ср.: *Спасибо в карман не положишь*). «*Спасибо*» – это форма вежливости, обращенная к Другому. Благодарность – способ выражения культуры. Благодарность как свидетельство воплощается документально. (Но ср.: *Слово к делу не пришьешь*). За благодарностью стоит институциональная реальность.

Благодарность выражается чаще устно. Ребенку принесли конфету. Ребенок просиял – и тем самым уже инстинктивно выразил благодарность. А тут неуместная вежливая мама: «*Что надо дяде сказать?*». Оказывается надо не только выразить благодарность, но еще и сказать «спасибо». Трудно аутентичному малышу, еще не тронутому образованием, понять это концептуальное «надо». Еще труднее ему

¹ Нет никаких причин для любви, а она есть. Нельзя причинить рост: «Да кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя на один локоть?» (Матвея 6:27). В действительности же отец представляется причиной ребенка (ср. вульг.: *делать детей*). В реальности ничего не делается, однако непрерывно нечто происходит и осуществляется. Выбор сменяется поиском, знание – верой; здесь детей находят в капусте, их приносит аист. «Во что человек верит, то и есть» [Чехов, 1963, с. 515].

² Ср. также фольклор советского времени: «*Прошла весна, настало лето – спасибо партии за это*».

сориентироваться между культурой и вежливостью: за «это» надо говорить «спасибо», а за «то» – благодарить.

В номинативный язык культуры рефлексивное «спасибо» не вписывается. К этой сфере принадлежат ситуации типа пол. *«Nie ma za co»*. Находясь в ситуации русской речи, выражают благодарность не иначе, как произнося «Благодарю вас» (цитация). Находясь вне ситуации речи, свидетельствуют благодарностью дескриптивно: пол. *Jestem Panu bardzo wdzięczny*, бел. *Вельмі Вам удзячны*, рус. *Чрезмерно Вам благодарен*, и т.п.

С необходимостью разграничения двух языков встречаемся при переводе художественной литературы. В реальности внутреннего места, каким выступает язык как «дом бытия», существенными оказываются понятия «вход» и «выход». «На выходе» не значит «в результате» (скорее – «в итоге»). «Входящее» и «исходящее» не означает «начальное» и «конечное». Однако известная фраза Беликова «*как бы чего не вышло*» (А. Чехов *Человек в футляре*) почему-то переводится на польский язык не контексте идеи внутренне ориентированной реальности, каковой выступает культура, ср.: – *Оно, конечно так-то так, все это прекрасно, да как бы чего не вышло.* – «*Oczywiście, zapewne jest w tym racja, wszystko to, bardzo pięknie, ale oby się to źle nie skończyło*» [Czechow, 1977, с. 192-206].

Польская версия «*ale oby się to źle nie skończyło*» не эквивалентна оригиналу – «*как бы чего не вышло*». Здесь положение приравнивается к ситуации. Беликова не заботит положение, когда что-нибудь плохо кончается. Он печется о безопасном существовании «футлярного» мира, где пребывает. За фразой «*как бы чего не вышло*» стоит вещная реальность – реифицированная среда обитания человека-вещи Беликова. Выполненный перевод перебрасывает эту реальность за горизонт актуальности. Фразой «*ale oby się to źle nie skończyło*» мир осуществления, с его неисчислимыми запретами-институтами, подменяется конечным миром производства и потребления.

Итак, прежде чем приступить к переводу, необходимо сориентироваться с языковым материалом. Является ли материал перевода институциональным – культурно и идеологически релевантным, или же имеет место производный дискурс. В первом случае базовым понятием перевода выступает совпадение (точность), во втором – соответствие (правильность).

Список литературы

- Гальперин В.М.* Микроэкономика /В. М. Гальперин, С. М. Игнатъев, В. И. Моргунов. В 2-х т. Т.1. СПб: Экономическая школа, 2000. 349с.
- Лосев А.Ф.* Бытие Имя Космос / А. Лосев. М.: Мысль, 1993. 958с.
- Разанаў А.* Нататкі на дубовых лістах/ А. Разанаў // Вобраз-83. Мн.: Мастацкая літаратура, 1983. С. 151-163.
- Скляренко Е.* Мераб Мамардашвили за 90 минут / Е. Скляренко. М.-СПб: СОВА, 2006. 94с.
- Федоров А.В.* Основы общей теории перевода: лингвистические проблемы / А. В. Федоров. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1983. 303 с
- Федоров Н.Ф.* Философия общего дела. В 2-х т. Т.1. / Н.Ф. Федоров. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 699с.
- Флорин А.И.* Русские писатели о художественном переводе / А. И. Флорин. Л.: Сов. писатель, 1960. 378с.
- Чехов А.П.* Собрание сочинений. В 12т. Т.10 / А. П. Чехов. Москва: Государственное издательство художественной литературы. 1963. 633с.
- Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления / Сост., пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Республика, 1993. 447 с.
- Czechow A.*, Człowiek w futerale, [w:] Wybór opowiadań, przełożył Jerzy Wyszomirski, Łódź :Wydawnictwo Łódzkie, 1977. s.192-206.
- Rickert H.*, Człowiek i kultura [w:] Antropologia kultury. Zagadnienia i wybór tekstów, Część 1,Warszawa: PWN. , 2001. 432 s

Тимова Е.А.

Челябинский государственный университет
г. Челябинск (Россия)

Titova Elena

Chelyabinsk State University
Chelyabinsk (Russia)

***ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ УЧЕТА ЗВУКОВОЙ ИНСТРУМЕНТОВКИ
ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ***

***PRAGMATIC IMPORTANCE OF TAKING INTO ACCOUNT SOUND ORGANIZATION OF
POETICAL TEXTS IN TRANSLATION***

Статья посвящена изучению проблемы поэтического перевода с точки зрения прагматики. Поэтический текст - текст особого плана, в котором элементы оформления, в том числе, звуковая инструментовка, выходит на первое место. Будучи эмоционально заряженными, поэтические тексты производят на получателя определенный эмоциональный эффект, в том числе благодаря особой звуковой организации. При подробном анализе поэтических произведений, можно отметить применение явлений звукоподражания и звукосимволизма, а также других приемов, которые, производят определенное впечатление на получателя поэтического текста и вызывают те или иные эмоции. Так, можно утверждать, что такие звуковые приемы являются прагматически заряженными. При осуществлении перевода поэтического произведения, необходимо принимать во внимание особенности звукового оформления оригинала, поскольку при создании текста перевода, в котором соотношение звуковых приемов будет нарушено, есть опасность произведения неадекватного в прагматическом плане текста перевода. То есть текст перевода не будет вызывать таких же эмоций у получателей другой языковой среды, как текст оригинала.

The article is devoted to the problem of poetical translation from the point of view of pragmatics. A poetical text is a special kind of text where all the elements of its organization together with the sound combinations become very important. As poetical texts are always emotionally coloured, they produce a certain effect on the recipient, with the help of sound organization, in particular. Detailed analysis of poetical texts can outline such phenomena as sound imitation and sound symbolism as well as phonetic means that lead to creating a certain impression and evoke different emotions. So, such means of sound organization are undoubtedly pragmatically valuable. While translating a poetical text, one should take into account the peculiar features of the original text as without a proper analysis and recreation of such means in the translated text, there is a danger of making the text that will not produce the same effect on the recipients in the language of translation therefore the translated text will not be able to evoke emotions similar to those in the original language sphere. Consequently, such a translation will not be pragmatically adequate.

Ключевые слова: поэтический текст, адекватный перевод, прагматический аспект, звукоподражание, звукосимволизм, способы звуковой организации поэтического текста, перевод поэтического текста.

Keywords: poetical text, adequate translation, pragmatic aspect, sound imitation, sound symbolism, means of sound organization in poetical texts, poetical translation.

Стихотворение представляет собой единство всех составляющих его элементов и можно говорить о том, что поэтическое произведение само по себе – это сложно построенный смысл. Входя в состав целостной единой структуры стихотворения, значащие элементы языка оказываются связанными сложной системой соотношений, невозможных в обычной языковой конструкции. Это придает и каждому элементу в отдельности, и всей конструкции в целом совершенно особую семантическую нагрузку. Более того: семантическую нагрузку получают элементы, не имеющие ее в обычной языковой структуре [Лотман, 1996, с.71]. Здесь мы имеем в виду те языковые знаки, которые в обычной речи редко бывают мотивированы. В поэтической же речи языковые знаки приобретают особое значение, неотделимое от целостной структуры всего текста.

Анализируя художественные стихотворные произведения, можно заметить, что все тексты подобного рода обладают определенной художественной идеей, которая реализуется не только через смысл лексических единиц, использованных в стихотворении, а также с помощью различных экспрессивных средств. Здесь можно говорить как о лексических, синтаксических, морфологических, так и о фонетических (звуковых) средствах. Все вышеупомянутые средства представляются нам очень важными элементами художественного стихотворного произведения, но мы в своем исследовании обратим непосредственное внимание именно на звуковые экспрессивные средства. Важность рассмотрения звукового оформления поэтических произведений обуславливается для нас тем, что благодаря тому или иному подбору звуков и звуко сочетаний, поэт способен произвести нужное впечатление на сознание читателя. Замечая, вслед за И.Н. Шадринной, что звуковая организация до определенного момента является единственной смыслообразующей основой поэтического текста, мы говорим о том, что звуки речи в поэтическом языке приобретают особую смысловую нагрузку [Шадринна, 2001, с.8].

Таким образом, можно говорить об особом положении звука в поэтическом тексте, о значимости звуковой организации для передачи коммуникативных намерений. Благодаря звукоизобразительным приемам, поэтические тексты производят определенный эффект на получателя текста, то есть элементы звуковой инструментальности в поэтическом тексте являются прагматически насыщенными.

Прагматика имеет непосредственное отношение к проблеме переводимости. Причем при переводе поэтического текста передача прагматического потенциала является первостепенной задачей, поскольку именно поэзия способна вызвать

эмоциональный отклик в душах читателей. Задача переводчика - создание прагматически адекватного текста средствами другого языка [Алексеева, 2004, с.75].

Существенным фактором, определяющим адекватность перевода художественного поэтического текста, является его прагматика во всем многообразии её проявлений. Нельзя не согласиться с мнением А. Нойберта, который считает, что в первую очередь переводимость затрагивает прагматику текста. По крайней мере, можно утверждать, что переводимость имеет важный прагматический компонент, что она не может быть полностью охвачена семантическими и грамматическими отношениями [Нойберт, 1978, с.193].

Поэтические тексты, как и любое художественное произведение, имеют общечеловеческую ценность и часто переводятся на другие языки, причем адресат, для которого такие переводы предназначаются, представляется как «усредненный». В прагматическую цель переводов поэтических текстов, как правило, входит достижение желаемого воздействия (коммуникативного эффекта) на реципиента перевода [Бархударов, 1975, с.125].

Текст оригинала ставит перед переводчиком множество проблем разной степени разрешимости. По мнению А. А. Горбачевского, сравнительно легко воспроизводятся те компоненты, которые в наименьшей степени обусловлены контекстом и специфическими языковыми средствами, используемыми автором оригинала. Практически невозможно воспроизвести многозначность оригинала – свойство, благодаря которому поэтический текст приобретает множество интерпретаций. Эта особенность поэтического текста в значительной степени обусловлена многозначностью языковых единиц, образующих поэтический текст, многозначность же, в свою очередь, является причиной для несовпадения интерпретаций текста [Горбачевский, 2001, с.79]. Так возникает множество переводов одного и того же текста, как пример варьирования смысла, заключенного в оригинале. Но здесь появляется вопрос о соответствии текста перевода тексту оригинала, то есть адекватности поэтического перевода.

Согласно мнению С.Ф. Гончаренко, никакой перевод поэтической лирики, не обладающий эквивалентными оригиналу характеристиками фонической когерентности, не может быть признан адекватным поэтическим переводом, как бы «близко к оригиналу» при этом ни передавался поверхностно-фактуальный слой информации. Это связано с тем, что такой перевод не может обеспечить передачи концептуального и эстетического содержания подлинника [Гончаренко, 1988, с.109].

Причем, концептуальный план в поэтическом тексте напрямую связан с прагматикой такого текста, то есть с тем, какой эффект стихотворение производит на читателя.

Одним из наиболее существенных факторов, определяющих адекватность перевода поэтического текста, следует считать то, насколько полно воспроизведена прагматика оригинала.

Принимая во внимание тот факт, что звуковое оформление поэтического текста является прагматически заряженным, необходимо учитывать его особенности в тексте оригинала и воссоздавать в переводе. Бесспорно, в процессе передачи стихотворений с одного языка на другой невозможно сохранить все черты, присущие оригиналу. Тем не менее, важность учета фонетики такого текста представляется наиболее значимой, так как звуковая организация поэзии способна произвести необходимый эффект и вызвать те или иные эмоции. Без учета прагматической направленности подлинника адресат получит иное впечатление, восприятие текста перевода будет значительно отличаться от восприятия оригинала.

Главной целью нашего исследования является сравнение оригинальных произведений с текстами переводов на предмет определения, насколько важно учитывать звуковое оформление оригинального текста при переводе на другой язык, то есть насколько значима фоническая организация для адекватной передачи коммуникативных намерений автора оригинала в тексте перевода.

В поэтических произведениях английских поэтов, очень часто присутствует своеобразный звуковой символизм, при помощи которого автор, передает свои эмоции и чувства. По мнению Романа Jakobson, который занимался явлениями звукоподражания и звуко-символизма: “Поэзия – это своеобразный язык, поэтому лингвист, которого интересует любой язык, должен включить поэзию в сферу своих исследований...” [Jakobson, 1985, с. 20].

Рассматривая произведение Дж. Китса *Keen fitful gusts are whisp'ring here and there...*, можно заметить, что автор использует звуко-символические и звукоподражательные приемы для создания образа осеннего вечера и передачи звуков, которые характерны для такого вечера.

Анализ этого произведения и его переводов, выполненных Б. Дубиным и С. Сухаревым, с точки зрения организации звуковых особенностей позволит нам подчеркнуть значимость учета звуко-символизма и звукоподражания в сравниваемых поэтических текстах исходного и переводного языка:

*Keen, fitful gusts are whisp'ring here and there
Among the bushes half leafless, and dry;
The stars look very cold about the sky,
And I have many miles on foot to fare.
Yet feel I little of the cool bleak air,
Or of the dead leaves rustling drearily,
Or of those silver lamps that burn on high,
Or of the distance from home's pleasant lair:
For I am brimfull of the friendliness
That in a little cottage I have found;
Of fair-hair'd Milton's eloquent distress,
And all his love for gentle Lycid drown'd;
Of lovely Laura in her light green dress,
And faithful Petrarch gloriously crown'd*

John Keats (1795–1821)

В этом сонете Дж. Китс описывает свое возвращение домой холодным осенним вечером. Дует сильный ветер, но поэта «греют» мысли о проведенном времени с друзьями. Для описания явлений природы поэты зачастую используют как прямое, так и косвенное звукоподражание, что способствует созданию ярких образов и помогает передать звуки реальной действительности. Так и в этом сонете Дж. Китс вводит звукоподражательные слова, благодаря которым реципиент «слышит» шум ветра: *fitful gusts, whisp'ring*. Такой эффект также достигается благодаря аллитерации звуков [s-f] (*fitful gusts, whisp'ring, bushes half leafless*). Помимо этого, поэт имитирует шуршание опавших листьев под ногами: *leaves rustling drearily*. В результате адресат может яснее представить осенний вечер.

Кроме того, автор использует сочетание [k-o-u-l], при помощи которого он обыгрывает слово cold (холодный): *look-cold-cool-bleak*.

С первых же строк произведения наблюдается обилие неприятных для слуха сочетаний и частотное появление [r] (*whisp'ring, dry, very, rustling, drearily, brimful, distress*), что способствует созданию неблагозвучия. Наравне с этим Дж. Китс часто употребляет «мажорные» звуки и приятные сочетания (*many miles, feel I little, silver lamps, pleasant lair*). В результате создается ощущение «противостояния», что раскрывает дисгармонию между внешним миром и внутренним состоянием поэта. Внешний мир – порывы ледяного ветра, опавшие листья, холод; внутренний –

воспоминания о приятном вечере, проведенном с друзьями. Тем не менее, положительные эмоции не преобладают над дискомфортом, вызванным холодной погодой, обилие напряженных сочетаний ([dr]: *dry, drearily, drown'd*; [br]: *brimfull*; [dʒ]: *cottage, gentle*; [kr]: *crown'd...*) не дает читателю почувствовать умиротворение и спокойствие. Мы понимаем, что, несмотря на приятные мысли, холод и ветер доставляют лирическому герою неудобства.

Коммуникативные намерения Дж. Китса можно определить так:

1) создание образа осеннего вечера (включает в себя порывы холодного ветра, шелест опавших листьев, холод) – звукоподражание, обилие [r], неблагозвучие, напряженные сочетания, обыгрывание слова *cold* – негативные эмоции;

2) воспоминания о времени, проведенном, с друзьями – благозвучие – положительные эмоции;

3) противопоставление – контраст благозвучия и неблагозвучия.

Так, Дж. Китс получает возможность вызвать у читателей негативные впечатления благодаря следующим звукоизобразительным приемам:

- 1) звукоподражательные слова (прямое звукоподражание), описывающие дуновение ветра;
- 2) аллитерация шипящих [s-f] (косвенное звукоподражание), имитирующее шум ветра;
- 3) звукоподражание, передающее шорох листьев;
- 4) обыгрывание слова *cold* при помощи соответствующего сочетания;
- 5) большое количество неприятных для слуха сочетаний, что вызывает негативные эмоции;
- 6) обилие звука [r], что «добавляет» неблагозвучие и способствует созданию напряжения;
- 7) частое употребление «минорных» звуков.

Созданию положительных впечатлений в рамках этого произведения способствует появление «мажорных» звуков на протяжении всего текста, что «смягчает» неблагозвучные сочетания и способствует созданию позитивных эмоций, перемежающихся с негативными.

Рассмотрим перевод этого произведения, выполненный Б. Дубиним:

*Студеный вихрь проносится по лугу,
Рвет на откосе черные кусты;
Морозные созвездья с высоты*

*Глядят на дальнюю мою дорогу,
Пусть этот ветер крепнет понемногу,
И шелестят опавшие листья,
И леденеет серебро звезды,
И долог путь к домашнему порогу,
Я полон тем, что слышал час назад, -
Что дружбе нашей вечер этот хмурый:
Передо мною Мильтон белокурый,
Его Ликид, оплаканный как брат,
Петрарка верный с милою Лаурой -
Зеленый, девичий ее наряд.*

Перевод Б.Дубина

В тексте этого перевода неблагозвучных сочетаний меньше, чем в оригинале. Можно лишь отметить, что русский звук [р] встречается достаточно часто, это способствует появлению неприятных ощущений. Но сочетания согласных с [р], как в тексте оригинала, производят гораздо более действенный эффект.

Для создания образа ветра переводчик использует звукоимеизм (*вихрь, рвет*), а также косвенное звукоподражание, передающееся при помощи аллитерации [с-т] (*студеный вихрь проносится по логу, рвет на откосе черный кусты*). Звукоподражательное слово *шелестят* усиливается аллитерацией [ш-ст]: *шелестят опавшие листья*. Б. Дубину удастся нарисовать более яркий образ осеннего вечера благодаря звукоимеизмическому слову: *вечер этот хмурый*. Ощущение холода передается за счет звукового повтора [р-о-з], в котором «обыгрывается» слово «мороз»: *морозные созвездья – серебро звезды*.

Учитывая тот факт, что неприятных сочетаний здесь не так много, контраст «благозвучие» – «неблагозвучие» не является настолько ярким, как в подлиннике. Тем не менее, [р] особенно часто появляется в конце произведения, там, где «противостояние» ощущается сильнее, это компенсирует недостаток неблагозвучия в тексте. Так же, как и в стихотворении Дж. Китса в тексте перевода Б. Дубина отмечается частое появление «мажорных» звуков, что способствует усилению противоречия. То есть переводчику удастся, пусть частично, передать контраст «внешний мир - внутреннее состояние». Используя средства другого языка, тяжело достичь абсолютной эквивалентности в передаче звукоизобразительных явлений. В целом положительные эмоции в этом тексте обладают большим потенциалом, чем в

оригинале, но переводчик учел особенности звуковой организации переводимого сонета и создал соответствующие образы.

По нашему мнению, Б.Дубин не полностью передает пункт «обилие неприятных сочетаний». В его переводе они встречаются, но не настолько часто, как в оригинале. В результате вероятность возникновения у читателей негативных эмоций становится ниже. Тем не менее, все остальные способы звуковой инструментовки произведения были приняты во внимание и адекватно переданы. К тому же в создание образа «осенний вечер» было внесено звукосимволическое слово «хмурый», что способствует созданию дополнительных негативных ощущений. Помимо этого, переводчик учел косвенное звукоподражание, имитирующее шум ветра. Б. Дубин использовал звуки, отличные от оригинального варианта, но суть осталась неизменной.

Рассматривая текст перевода, созданный С. Сухаревым, можно отметить аллитерацию шипящих на протяжении всего произведения: *шепчется шальной, осенний, облетевшей чаще, с небес созвездья, свой свет дрожащий, леденящий, сторожащий, шорох листьев, тишине, дружески, пылающего, горестным стихом, оплакавший, осененным.*

*Зол и порывист, шепчется шальной
Осенний ветер в облетевшей чаще,
С небес созвездья льют свой свет дрожащий,
А я в пути - и путь неблизок мой.
Еще нескоро я приду домой,
Но нипочём мне холод леденящий,
Тревожный сумрак, всюду сторожащий,
И шорох листьев в тишине ночной.
Я переполнен дружеским теплом:
У очага, пылающего ярко,
Был Мильтон с нами, горестным стихом
Оплакавший погубленного Паркой,
И осенённый лавровым венком
Певец Лауры, пламенный Петрарка.
Перевод С. Сухарева*

Переводчик, создавая образ осеннего вечера с шумом ветра и шорохом листьев, «проводит» этот образ через весь текст. Так, звукоподражательные приемы, использованные Дж. Китсом, в полной мере сохранены в тексте перевода.

Благодаря сочетанию [д-о-л] переводчик «обыгрывает» слова «холод», «лед»: *созвездья – льют – дрожащий – неблизок – холод – леденящий*.

Замечено также присутствие неприятных сочетаний и обилие «минорных» звуков: *порывист, дрожащий, холод, тревожный сумрак, всюду сторожащий, шорох в тишине ночной...* Однако напряженных сочетаний здесь гораздо меньше, превалируют просто «темные» звуки и одиночный [р].

Противостояние «благозвучие» - «неблагозвучие» у С. Сухарева проявляется не так ярко, как у Дж. Китса, поскольку в тексте перевода мы видим преобладание «минорных» звуков над «мажорными», в то время как в подлиннике «светлых» звуков встречалось гораздо больше. С. Сухарев вводит звуки такого плана только в конце произведения, в то время как автор оригинала использует их на протяжении всего текста. Таким образом, контраст на фонетическом уровне практически не сохраняется. Весь текст производит более «темное» впечатление, соответственно, вызывает больше негативных эмоций у читателей.

Так, С. Сухарев лишь частично передал «использование «мажорных» звуков на протяжении всего текста», в результате неблагозвучие становится превалирующим, это усиливает негативные впечатления и нивелирует положительные.

По нашему мнению, Б. Дубину удалось более адекватно передать контраст между внешним миром и внутренним состоянием поэта. С. Сухарев же, «нарисовав» очень яркий образ осеннего вечера и дискомфорта, связанного с непогодой, не сумел воссоздать ощущение «противостояния» положительных и отрицательных эмоций.

Контраст «положительное» - «отрицательное» часто возникает в поэтических текстах и выражается при помощи звукоизобразительных приемов, поэтому при осуществлении перевода необходимо учитывать соотношение «темные» - «светлые» звуки для создания подобного контраста средствами другого языка и произведения соответствующего эффекта на реципиента. В случае отклонения либо в ту, либо в другую сторону соотношение меняется, в результате превалирует либо «положительный» момент, либо «отрицательный», что делает перевод прагматически неадекватным.

Вывод, который мы делаем, основываясь на анализе поэтических произведений и их переводов, заключается в том, что звукоизобразительные приемы в рамках

определенного контекста, заряжаясь окружающей семантикой, приобретают прагматический потенциал. Поэтический текст, являясь особым способом выражения человеческих эмоций, направлен на создание ответных реакций. Фонические приемы способны передавать эмоции автора (субъекта) и вызывать их у читателей (адресатов). Поэтому при переводе стихотворений необходимо учитывать звуковые особенности организации переводимого текста, поскольку при неверной звуковой инструментровке прагматика перевода будет значительно отличаться от прагматики оригинала. В результате эмоции реципиентов другой языковой среды не будут соответствовать ощущениям, возникшим у получателей оригинала.

Список литературы

- Алексеева И. С.* Введение в переводоведение. СПб. Изд-во «Академия», 2004. 273с.
- Бархударов Л.С.* Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М. Международные отношения, 1975. 239с.
- Воронин С.В.* Основы фоносемантики. Л. Изд-во ЛГУ, 1982. 244с.
- Гачечиладзе Г.Р.* Художественный перевод. М. Советский писатель, 1980. 255с.
- Гончаренко С.Ф.* Стиховые структуры лирического текста и поэтический перевод/Поэтика перевода: Сборник // Составл. С.Ф. Гончаренко. М. Радуга, 1988. 235с.
- Горбачевский А.А.* Оригинал и его отражение в тексте перевода. Челябинск, 2001. 202 с.
- Лотман Ю. М.* О поэтах и поэзии. СПб. Искусство-СПб, 1996. 245с.
- Нойберт А.* Прагматические аспекты перевода / Вопросы теории в зарубежной лингвистике. М. Международные отношения, 1978. с.185-202
- Шадрин И.Н.* Фоносемантическая доминанта как структурообразующий компонент текста перевода (экспериментальное исследование на материале русского и английского языков): автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.19 / И.Н. Шадрин; Горно-Алтайский государственный университет, 2001.16 с.
- Якобсон Р.О.* Избранные работы: Пер. с нем., англ., фр. яз./ Предисл. В.В. Иванова; Сост. и общ. ред. В.А. Звегинцева. М. Прогресс, 1985. 455с.

Уразаева К.Б.

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва
г.Астана (Казахстан)

Urazayeva Kuralay

Eurasian National University after named L.N. Gumilev
Astana (Kazakhstan)

*ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФИЛОСОФСКОЙ ЛИРИКИ МИХАИЛА ЛЕРМОНТОВА В
ПЕРЕВОДАХ АБАЯ КУНАНБАЕВА: К ПРОБЛЕМЕ ЖАНРОВОГО ЕДИНСТВА*

*INTERPRITATION OF M. LERMONTOV'S PHILOSOPHICAL LYRICS IN TRANSLATION
BY ABAY KUNANBAYEV: TO THE PROBLEM OF GENRE UNITY*

В настоящей статье классификация типов переводческих стратегий Абая Кунанбаев, казахского поэта XIX в., рассмотрена во взаимосвязи с интерпретацией русских реалий стихотворений Михаила Лермонтова. На материале точных, вольных, интерпретативных переводов осуществлён анализ перевода аксиологической лексики, семиотики цвета. Приведены наблюдения, касающиеся воспроизведения / трансформации жанрового единства оригинала.

Установление точных переводов подразумевает сохранение образной системы, мотивной структуры, стилистического строя и жанрового единства оригинала, в том числе – в интерпретации русских реалий. Романтическая поэтика оригинала обрела характер полной эквивалентности в переводах Абая. Точные переводы доминируют в переводческом опыте Кунанбаева, что оказало особое воздействие на историю и типологию казахского романтизма.

Вольные переводы обусловлены свободной вариацией основной темы оригинала. В числе вольных переводов установлены два ранее неизвестных источника переводов Кунанбаева. Это стихотворения Лермонтова «Сон» и «Совет». Вольные переводы иллюстрируют примеры жанровой трансформации оригинала. Значительную группу переводов Лермонтова составляют интерпретативные переводы Кунанбаева.

Установление связи между интерпретацией реалий русского оригинала и казахского перевода позволяет не только выявить влияние на переводческую стратегию и единство жанра, но и полное составление критически установленного собрания сочинений Лермонтова на казахском языке.

In this paper, the classification of types of translation strategies by Abay Kunanbayev, Kazakh poet of the nineteenth century is considered in conjunction with the interpretation of the Russian realities of Mikhail Lermontov's poems. The analysis of the translation of axiological vocabulary, semiotics of color is made on the material of the close and free translation. The observations concerning reproduction and transformation of the original genre unity is given in the article.

The precise translation implies conservation of imaginative system, motive structure and structure and stylistic unity of the original genre, including the interpretation of Russian realities. The romantic poetry took on the character of the original full equivalence in Abay's translation. Accurate translations dominate Kunanbayev's translation experience, which had a particular impact on the history and typology of the Kazakh romanticism.

Free translations determined by free variation of the main theme of the original. Among the free translations there are two sources of previously unknown Kunanbayev's translation. They are Lermontov's poems «Dream» and «Sovet». Free translations illustrate the examples of the genre transformation of the original. The significant group of translations of Lermontov is interpretive translations by Kunanbayev.

The establishment of connections between the original interpretation of the realities of Russian and Kazakh translation makes it possible not only to identify the impact on the translation strategy and unity of the genre, but also a complete compilation of the critical set of collected works of Lermontov in the Kazakh language.

Ключевые слова: Михаил Лермонтов, Абай Кунанбаев, казахский перевод, лирика, романтизм, точные переводы, вольные переводы, интерпретативные переводы, жанр, собрание сочинений.

Keywords: Mikhail Lermontov, Abay Kunanbayev, Kazakh translation, lyrics, romanticism, precise translations, free translations, interpretive translations, genre, collected works.

Изучение на протяжении ряда лет казахских переводов Лермонтова Абаем Кунанбаевым позволило обобщить итоги в виде их классификации по типам переводческих стратегий: *точные, вольные, интерпретативные* (далее и везде: курсив мой – У.К.)¹. Вместе с тем были выделены произведения Абая, созданные по мотивам Лермонтова; незавершённые замыслы; оригинальные произведения казахского поэта, ошибочно трактуемые как переводы произведений Лермонтова; неизвестные источники переводов Абая. Были рассмотрены переводы Абаем других поэтов, трактованных длительное время как переводы Лермонтова по причине его влияния на казахского поэта. Отдельно были исследованы переводы Абаем отрывков из поэмы, повестей Лермонтова.

В настоящем докладе классификация типов переводческих стратегий Кунанбаева рассмотрена во взаимосвязи с интерпретацией русских реалий стихотворений Лермонтова. Соответственно предпринята дополнительная уточняющая дифференциация по переводам аксиологической лексики, переводам семиотической цветовой палитры. Опыт предыдущих исследований дополнен новыми наблюдениями, касающимися воспроизведения / трансформации жанрового единства оригинала.

К **точным** переводам Лермонтова Кунанбаевым относятся следующие произведения: «Пленный рыцарь» («Молча сажу под окошком темницы...») (1840, опубл.: 1841) [Лермонтов, 1954а, с. 156] известно под названием «Тұтқындағы батыр» (1894) [Абай, 2005а, с. 157-158]; «И скучно, и грустно» (1840) [Лермонтов, 1954а, с. 138] – в двух переводах Абая, точном «Әм жабықтым, әм жалықтым» (1885)² [Абай,

¹ Изложено в двух статьях научного проекта №12-34-10216 «Лермонтовская энциклопедия», поддержано ГНФ.

² Данный перевод Абая считается в казахском литературоведении вольным переводом [Абай, 2005, с. 176].

2005a, с. 45] и интерпретативном «Ғашықтық іздеп тантыма» (1895-1896) [Абай, 2005a, с. 192]; «Хоть давно изменила мне радость» (1830 или 1831, опубл.: 1889) [Лермонтов, 1954б, с. 309] – под названием «Рахат, мені тастап қоймады тыныш» (1895-1896) [Абай, 2005a, с. 174]; «Кинжал» (1838) Лермонтова [Лермонтов, 1954a, с. 108] – под названием «Қанжар» (1896) [Абай, 2005б, с. 11]; «Звуки» («Что за звуки! неподвижен внемлю...») (1830 или 1831, опубл.: 1875) [Лермонтов, 1954б, с. 285] – под названием «Кұлақтан кіріп, бойды алар»¹ (1897) [Абай, 2005б, с. 15-16]; «В альбом» («Нет! – Я не требую вниманья!») (дата создания: 1830, опубл.: 1844), являющееся вольным переводом Байрона (1844) [Лермонтов, 1954a, с. 96], – под названием «Албомға» («Сал демеймін сөзіме ықласыңды») (1896) [Абай, 2005б, с. 11]; «Я не хочу, чтоб свет узнал» (1837, опубл.: 1845) [Лермонтов, 1954a, с. 95] – под названием «Менің сырым, жігіттер, емес оңай» (1897) [Абай, 2005б, с. 18-19]; «Выхожу один я на дорогу» (1841, опубл.: 1843) [Лермонтов, 1954a, с. 208-209] – под названием «Жолға шықтым бір жым-жырт түнде жалғыз»² (1898) Абая [Абай, 2005б, с. 26]; «Утёс» (1841, опубл.: 1843) [Лермонтов, 1954a, с. 192] – под названием «Жартас» (1899) [Абай, 2005б, с. 48]; начиная с издания произведений Абая 1954 г. «Вечер» («Когда садится алый день») (1830 или 1831, опубл.: 1889) [I: 308] – под названием «Күнді уақыт итеріп» (1900) [Абай, 2005б, с. 52]; «Дары Терека» (1839, опубл.: 1839) [Лермонтов, 1954a, с. 128—130] – под названием «Теректің сыйы» (1898) [Абай, 2005б, с. 25-26].

Установление упомянутых переводов как точных подразумевает сохранение образной системы, мотивной структуры, стилистического строя и жанрового единства оригинала, в том числе – в интерпретации русских реалий. Так, стратегия точного перевода стихотворения «**Выхожу один я на дорогу**» заключается в следующем: соблюдение сакральных образов (вселенной, архетипа дороги), монологическая форма повествования, метафизическая проблематика, философская жанровая определённости, поэтический синтаксис оригинала (риторические вопросы). Верность хронологу оригинала привела в переводе к включенности лирического героя в пространство космоса. Абай сохранил строфическую форму оригинала: пять 4-стиший, выработанный казахским поэтом способ рифмовки (*ааба, ввгв* и т.д.).

¹ Многие годы это произведение казахского поэта публиковалось как оригинальное. Впервые было опубликовано в издании 1909 г., на с. 34. Составители издания Абая сочли, что это стихотворение казахского поэта написано на мотив лермонтовского произведения.

² Второй, вольный перевод данного стихотворения Лермонтова у Абая носит название «Күлімсіреп аспан тұр» (1892) [3: 138-139].

Ключевым в переводе является рефрен «Ұйқтамақ пен умытпақ деп іздеймін» (Ищу бессонницу и незабвение), онтологический смысл духовного поиска лирического героя уточняется через противоположность смыслов. *Сон, покой, забвение* определяют очертания исканий героя. «Іздеймін дем алысты ұзбегенін» (ищу непрерывного покоя) дискретности ощущений оригинала противопоставлена в духе созерцательной философии непрерывность, длительность длящегося покоя как символа космической гармонии. Если в оригинале «сладкий голос» поёт о любви, то в переводе мечта сосредоточена вокруг «жылылық пен достық» (тепла и дружбы).

В переводе стихотворения «**Хоть давно изменила мне радость**» сохранена мотивная организация оригинала (измена радости, предательство людей, ожидание смерти или лучшего дня, обман судьбы), система абстрактных образов (надежда, судьба, мир), метафор («сырая могила», буря жизни), высокого стиля (презрения, клятвы), композиция оригинала (построенная на антагонистических образах), что обеспечило жанровое и стилистическое единство перевода. Верен переводчик Лермонтова и строфической организации оригинала, меняя способ рифмовки (*ааба, ввгв* и т.д.).

Точность перевода «**Кинжала**» обусловлена аллегорическим образом кинжала, синтезирующим темы войны и любви, воссозданием оппозиционных пар: грузина-кузнеца (воплощение мирной деятельности) и воинственного черкеса; антропологическим оправданием (созданием кинжала «сгоряча» и «для мести»), антиномией любви, персонифицированной в метафоре «чёрных глаз», блеск которых напоминает сверкающую сталь кинжала; метафорой «нежной руки», преподнёсшей орудие убийства. Все мотивы сфокусированы вокруг тайны и печали. Романтическая поэтика оригинала обрела характер полной эквивалентности в переводе. Последняя строфа Лермонтова не переведена Абаем, но не теряет при этом семантической и экспрессивной полноты.

Сохранение Абаем в переводе стихотворения «**Звуки**» образов «сладких звуков», путника в пустыне, толпы (людей), мотивов полного забвения («самого себя»), метафор «души», «пустыни» и «воды», «одежды жизни», пылающей в огне души, «яда» отразило в переводе бережное воспроизведение оригинала. Близость к оригиналу проявляется и в соблюдении Абаем перекрёстной рифмовки оригинала. То обстоятельство, что Абай добавил от себя две строфы (катрены), не влечёт введения новых образов и тем, а служит способом усиления экспрессии. Создание произведения по мотивам означает, как известно, свободную вариацию основной темы. Абай же

остаётся целиком в лоне созданной Лермонтовым атмосферы абсолютной власти звуков, мифологии восприятия мира посредством звуков.

Точность перевода стихотворения **«В альбом»** («Нет! — Я не требую вниманья!») осуществлена на уровне символического разрешения темы (семиотика «следа жизни»), состояния лирического героя (грустного бреда, уныния), метафоры потаённого сокрытия тайны, эпитетов («краткой» и «мятежной» жизни), имплицитного образа читателя, включения *чужого слова* («он прав»), метафизического «пришельца» и «памятника на могиле» оригинал обрёл в переводе Абая эквивалентное отражение. Перевод буквален в смысле этой полноты. Два 8-стишия оригинала трансформированы в 4 катрена перевода, изменён способ рифмовки (у Лермонтова перекрёстная, у Абая *ааба, ввгв и т.д.*). Учитывая органичность для казахской поэзии силлабики, перевод Абая, со стиховедческой точки зрения, также представляет максимально точную передачу оригинала. Реконструкция типичной для русской литературы и отсутствовавшей в казахской поэтической традиции альбомного посвящения осложняли задачу переводчика. Тем не менее жанровые приёмы Лермонтова были сохранены Абаем, что не позволяет расценивать рассматриваемое стихотворение казахского поэта исключительно в контексте мотива, как это иллюстрирует сложившаяся к настоящему моменту исследовательская традиция.

Тотальный конфликт поэта, «жильца угрюмого», с «высокой душой», божественным «челом», и мира, персонифицированного «невеждами», принимающий этический характер, с другой стороны — аллегория, воссозданная в противостоянии «утёса» и «морских волн», создают предпосылки для характеристики переводческой стратегии Абая как точного перевода стихотворения Лермонтова **««Я не хочу, чтоб свет узнал»»**.

Точный перевод стихотворения **«Вечер»** Кунанабаевым обусловлен следующими факторами. У Лермонтова закат вызывает размышления о вечности и любви, у Абая — о любви и скоротечности жизни. У Лермонтова мотив богооставленности вносит голос незримого метафизического персонажа о невозможности счастья. Противопоставление любви земной небесной, которое привело к разочарованию и раскаянию лирического героя, оценочность личного опыта «глупца», гиперболизация возлюбленной, которая была выше милости божьей, создают романтическую стратегию оригинала и перевода, отражая переводческую компетенцию Абая.

Перевод Абаем стихотворения **«Дары Терека»** относят к вольным переводам (в примечаниях к изданию 2005 г.). Оригинал, написанный 4-стопным хореем,

состоящий из 76 стихов, в переводе Абая воспроизведён 38 стихотворными строками, написанными 11-сложником, девятью 4-стишиями, только 7-я строфа написана 6-стишием. Сохранено Абаем и звуковое соответствие оригиналу. Так, аллитерация в переводе стала способом передачи диалога озера с рекой. Составители в целом видят влияние на описание Лермонтова картины Терека в поэме «Демон» [Абай, 2005б, с. 197].

Характеристика перевода стихотворения Лермонтова как вольного составителями примечаний основана на кардинальном сокращении содержания, количественного редуцирования строф, отсутствии образа Дарьяла. Однако Абай продуцирует содержание оригинала в достаточной мере эквивалентно: воспроизведён образ старого Каспия, сначала томного и дремлющего, но оживающего в страсти, когда дикий Терек готов расстаться с главным даром — прелестной казачкой. В оригинале применение тройного фольклорного сакрального повтора, заключающего в себе преобразование Каспия («Каспий стихнул, будто спит», «Каспий дремлет и молчит», «И старик во блеске власти / Встал, могучий, как гроза») заменено в переводе на дихотомию *молчание / оживление*. Однако метаморфоза старца и дикость неукротимого Терека, всё сметающего на своём пути, лстивый диалог притворяющегося кротким в нужный момент Терека, описание сказочного рождения, вскормленного молоком облаков, главного сокровища Казбека – такая романтическая картина воссоздана казахским поэтом в точности гиперболических решений, деталей и способов снятия лирического напряжения. Абай не вводит портрет кабардинца и казачки, трансформирует дары Терека, называет казачку этнонимом казашка-русская (принятым в народе). Точные переводы доминируют в переводческом опыте Кунанбаева, что оказало особое воздействие на историю и типологию казахского романтизма.

К **вольным** переводам на основе сопоставительного анализа в приведённой выше работе были отнесены стихотворения Абая «Асқа, тойға бара тұғын» (1890), которое публикуется в современных изданиях казахского поэта как оригинальное стихотворение [Абай, 2005б, с. 122- 123]; «Қайтсе, жеңіл болады жұрт билемек» (1894) [Абай, 2005а, с. 156-157]; «Молитва» («В минуту жизни трудную») (1839, опубл.: 1839) [Лермонтов, 1954а, с. 127] – под названиями «Дұға» («Өмірде ойға түсіп кем-кетігін») (1897) [Абай, 2005б, с. 19] (интерпретативный перевод) и «Қасиетті дұға» («Өмірден тепкі жесем жазығым жоқ») (1897) [Абай, 2005б, с. 19-20] (вольный перевод). Вольные переводы обусловлены свободной вариацией основной темы оригинала.

Источники переводов стихотворений Абая «Асқа, тойға бара тұғын» и «Қайтсе, жеңіл болады жұрт билемек» до сих пор не установлены. Автором настоящей статьи в приведённой статье в «Лермонтовской энциклопедии» обоснована мысль о том, что это вольный перевод стихотворения Лермонтова «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана») (1841, опублик.: 1843) [Лермонтов, 1954а, с. 197]. Стихотворение Абая «Қайтсе, жеңіл болады жұрт билемек» публикуют с отсылкой к Лермонтову. Источник перевода Абая также пока не установлен. Автором настоящей статьи было обосновано, что данное стихотворение является вольным переводом стихотворения Лермонтова «Совет» (1830) [Лермонтов, 1954б, с. 94]. В ракурсе поднимаемой в настоящей статье проблемы такой подход получает дополнительные основания для установления подлинного источника, что имеет значение для подготовки критически установленного текста произведений Лермонтова на казахском языке.

Основание для оценки стихотворения Абая «Асқа, тойға бара тұғын» как перевода произведения Лермонтова «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана») содержит, во-первых, общая тема – верность ожидающей жениха-воина невесты. У Лермонтова тема двух совпадающих снов, соединяющих жениха и невесту, получает у Абая аналогию их встречи в ином мире. Во-вторых, корреляция *сон / смерть* также вписывается в плоскость общего романтического разрешения темы. Лермонтовым смерть осмыслена в мифологическом ключе – в мотиве сна, у Абая физическая смерть как путь к метафизическому соединению влюблённых в потустороннем мире создаёт иллюзию встречи как иллюстрацию единой для оригинала и перевода идеи непобедимой любви.

Стихотворение Абая «Қайтсе жеңіл болады жұрт билемек» можно рассматривать как вольный перевод стихотворения Лермонтова «Совет» на основе следующих предположений. Это выбор Абаем жанра дружеского послания, воспроизведение наставительной интонации, подчинение структуры оригинала и перевода своего рода «каталогу» действий этического характера, конфликтом лирического героя и родни. Основная мысль перевода: о превратности юности и её суждений: «И, людей не презирая, / Не берись учить других; // Лучшим быть не вображая, / Скоро ты полюбишь их» и зрелое осознание счастья: «Наконец находит счастье, / Чувство счастья потеряв» почти дословно воссозданы Абаем. Остальное, включая сниженную лексику, передачу антитез и экспрессии отрицания посредством лексики с выраженной негацией («не показывай», «никому», «не отнимай», «ничего страшного») вписывается в стратегию вольного перевода.

Интерпретация молитвы в переводе Абая «Дуға» («Өмірде ойға түсіп кем-кетігін») принимает характер следующей трансформации. У Лермонтова элегическое звучание создаётся медитативным строем молитвы. У Абая молитва – это усмирение «строптивного» сердца. Атрибут сердца – пламя, огонь. «Бремени», которое лежит на душе, оригинала в переводе противопоставлены «злость, месть». «И верится, и плачется» переведено дословно, однако чувство облегчения в переводе уточняется «Как будто яд из сердца вытек» (перевод мой – У.К.).

В вольном переводе Абаем той же «Молитвы» Лермонтова усилена дидактическая интонация, что приводит к перестройке жанровой структуры оригинала. Замкнутости молитвенного слова лирического героя в оригинале на себе в вольном переводе Абая противопоставлена устремлённость к другому: «Моя душа сочувствует человеку / Сердце моё устремляется к добру» (перевод мой – У.К.).

Пример жанровой трансформации оригинала являет и перевод Абаем стихотворения Лермонтова «Выхожу один я на дорогу» под названием «Күлімсіреп аспан тұр». Симптоматично, что вольный перевод предшествовал точному переводу. Дистанция в шесть лет обусловила в вольной трактовке предельной экспрессии. Безднадёжность, скорбь, желание уединения – это границы личного выбора лирического героя, в то время как все остальные заняты погоней за чинами и богатством. Такой контраст как контраст в начале произведения – «смеющегося неба», рождающего догадки земли, смерти с её холодным дыханием и согревающей жизни. Отсутствие сожалений о прошлом в оригинале и призыв в переводе не сожалеть о «прошедших праздниках», хотя «никакой надежды впереди» сближают оригинал и перевод в поисках гармонии. Однако в переводе попытка понять, что есть жизнь связана с утратой гордыни и желанием «сладкого сна». Так экзистенциальная проблематика оригинала обретает в переводе оппозицию *хвалы / хулы*.

К **интерпретативным** переводам Лермонтова Кунанбаевым относятся следующие: «Дитя в люльке» (1829) [Лермонтов, 1954б, с. 71], перевод Ф. Шиллера («Das Kind in der Wiege», 1796)», – под названием «Кең жайлау – жалғыз бесік жас балаға» (1880) [Абай, 2005б, с. 40]; «И скучно, и грустно» (1840) [Лермонтов, 1954а, с. 138] – под названием «Әм жабықтым, әм жалықтым» (1885) [Абай, 2005а, с. 45]; «Дума» (1838) [Лермонтов, 1954а, с. 113—114] – под названием «Ой» («Қарасам, қайғырар жұрт бұл заманғы») (1886, в издании 1986 г. дата создания – 1895-1896)

[Абай, 2005б, с. 9-10]¹; «Горные вершины» (1780, пер. 1840, опубл.: пер. 1840), являющееся переводом «Ночной песни Странника» («Wanderers Nachtlied» (1780) Гёте [Лермонтов, 1954а, с. 160] – под названием «Қараңғы түнде тау қалғып» (1892-1896) [Абай, 2005а, с. 144]; «Исповедь» («Я верю, обещаю верить...») (дата создания: 1831, опубл. 1859) [Лермонтов, 1954б, с. 201] – под названием «Ал, сенейін, сенейін» (1893) [Абай, 2005а, с. 143-144]; «Душа моя мрачна. Скорей, певец, скорей!» (1836), перевод «My soulk is dark» (1836) Дж. Байрона из цикла «Еврейские мелодии [Лермонтов, 1954а, с. 77], – под названием «Көңлім менің қараңғы. Бол, бол, ақын» (1893, в издании 1986 г. время создания 1892-1896) [Абай, 2005а, с. 144]; «Парус» (1832, опубл.: 1841) [Лермонтов, 1954а, с. 62] – под названием «Жалау» (1899) [Абай, 2005б, с. 48]; «На буйном пиршестве задумчив он сидел...» (1839, опубл.: 1839) [Лермонтов, 1954а, с. 134] – под названием «Асау той, тентек жиын, опыр-топыр (1900-1901)» [Абай, 2005б, с. 59].

Сложность представляет трактовка в переводе понятия *вера*, которое принимает у Лермонтова в стихотворении «Исповедь» характер осмысления таких коннотаций. Прежде всего, вера – это личный опыт сомнения: «Я верю, обещаю верить, / Хоть сам того не испытал» [Лермонтов, 1954б, с. 201]. Вера дана и в аспекте соотнесения с опытом познания мира: «Что время лечит от страданья, / Что мир для счастья сотворён» [Лермонтов, 1954б, с. 201]. Вера соотнесена с «опытом хладным», отсюда конфликт *веры* и *ума*: «И ум, как прежде безотрадный, / Желанной цели не достиг» [Лермонтов, 1954б, с. 201]. Лирический герой Лермонтова оперирует стереотипами сознания, долженствующими выражать понятия *веры* (...мог монах не лицемерить) и *жизни*: «И жить, как клятвой обещал» [Лермонтов, 1954б, с. 201]. Отсюда триада: вера – жизнь – клятва, которая становится фоном смены «жизни по вере», априори воспринятой, «жизнью по закону сердца». В монологе лирического героя Лермонтова акцентирован личный опыт.

У Абая воспроизведена история пережившего разочарование немолодого человека и передача опыта молодому и совет принять на веру чужой опыт. Способность к восприятию опыта на веру избавляет визави лирического героя от раненой души (жаралы көңіл) и кровоточащего сердца (жүрегі кан). Если монах в оригинале – персонификация веры, то в переводе веру олицетворяет паломник, праведник в чалме. Поэтический синтаксис оригинала тяготеет к констатации, в то

¹ Этот перевод вошёл в антологии, начиная с изданий поэзии Абая 1990 года и рукописи Мурсеита.

время как в переводе риторические вопросы, речитативность, и направленный вовне императив.

Синонимом опыта и обретенной веры у Абая становится *ум* как воплощение мудрости, а *вера* как онтологическая ценность переживает оппозицию смыслов, переданную в многозначности *веры*. «Сенейін» (дословно: я поверю) и «Найғыш болсаң, енді нан» (Если доверчив, то поверь сейчас) (перевод мой – У.К.). *Вера* как личный опыт и *вера* как обретение чужого опыта не случайно зафиксированы в синонимичных, с точки зрения семантики, словах. Они становятся в известной степени полярными с позиций философской нагрузки: *вера* как абстрактное понятие и *вера* как доверие.

В переводе Абаем стихотворения Лермонтова «**Парус**» синтезированы две стратегии. Перевод первых двух строф позволяет отнести их к точному воспроизведению оригинала в границах романтического двоемирия на уровне символического образа «одинокого паруса», «тумана моря», оппозиционной пары *земли далёкой* и *земли родной*, метафор «играющих волн», «скрипящей мачты», семиотики счастья как идеала бытия и изгнания, приверженности перекрёстному способу рифмовки. Третья же строфа перевода иллюстрирует интерпретацию оригинала в ментальной структуре, воспринимающей иначе поэтику цвета и понимание мятежа. «Голубой» и «золотой» воплощают в оригинале православную семиотику цвета, в то время как символика цвета в номадической культуре носит утилитарную основу: голубой — источник влаги, золотой — солнца коррелируют с атрибутами полноты бытия и благоволения природы. Мятеж в семиотике русской романтической традиции, сопоставимый со священным безумием, также имеет литературную природу отчуждения. Фиксации личного, индивидуального начала, абсолютизации индивидуальной воли и свободы в переводе противостоит «санкционированный» высшей волей бунт (*мятеж от Бога*), трансформируя личное начало в проявлении воли. Если русский романтический герой выламывается из мира, то переводчик проповедует гармонию высшего миропорядка. Открытая перспектива хронотопа в переводе создаётся непрерывностью дпящегося действия / вопрошания ветра.

Установление связи между интерпретацией реалий русского оригинала и казахского перевода позволяет не только выявить влияние на переводческую стратегию и единство жанра, но и полное составление критически установленного собрания сочинений Лермонтова на казахском языке.

Список литературы

- Лермонтов М.Ю.* Соч. в шести томах. Том I. Стихотворения, 1828-1831. / Редактор I тома Н. Ф. Бельчиков. М., Л.: Издательство АН СССР, 1954 а. 487 с.
- Лермонтов М.Ю.* Соч. в шести томах. Том II. Стихотворения, 1832-1841. / Редактор II тома Н. Ф. Бельчиков. М., Л.: Издательство АН СССР, 1954 б. 452 с.
- Абай (Ибраһим) Құнанбайұлы.* Шығарамаларының екі томдық толық жианғы. / ред. М. Жумағалиев. Алматы: Жазушы, 1986 а. Т.1. Өлеңдер мен поэмалар. 304 с.
- Абай (Ибраһим) Құнанбайұлы.* Шығарамаларының екі томдық толық жианғы. / ред. М. Жумағалиев. Алматы: Жазушы, 1986 б. Т.2. Аудармалар мен қара сөздер. 200 с.
- Абай (Ибраһим) Құнанбайұлы.* Шығарамаларының екі томдық толық жианғы. / ред. Е. Дүйсенбайұлы. Алматы: Жазушы, 2005 а. Т.1: Өлеңдер мен аудармалар. 296 с.
- Абай (Ибраһим) Құнанбайұлы.* Шығарамаларының екі томдық толық жианғы. / ред. Б.С. Қошым-Ноғай. Алматы: Жазушы, 2005 б. Т.2. Өлеңдер мен аудармалар. Поэмалар. Қара сөздер. 336 с.

Хорошавина А.Г.

Институт экономики, управления и права
г.Казань (Россия)

Сулейманова А.А.

Институт экономики, управления и права
г.Казань (Россия)

Khoroshavina Alla

The Institute of economics, management and law
Kazan (Russia)

Suleymanova Anastasia

The Institute of economics, management and law
Kazan (Russia)

*ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НЕКОТОРЫХ ВИДОВ ЛАКУН С КИТАЙСКОГО НА
РУССКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА МО ЯНА «СТРАНА ВИНА»)*

*ASPECTS OF TRANSLATION OF SOME KINDS OF HOLES FROM CHINESE
LANGUAGE TO RUSSIAN (ON THE BASE OF THE NOVEL “COUNTRY OF VINE” BY
MO YAN)*

В настоящей статье рассматриваются особенности переводческих решений при работе с современными художественными текстами, содержащими такие виды лакун, как литературные и религиозно-философские изречения, являющиеся особенностью китайского языка. Анализ выполнен на материале текста романа Мо Яна «Страна вина».

The present article discusses aspects of translation cases within the work with a modern literary text, which includes such kinds of the holes as literal, religious and philosophical aphorisms that are essential aspects of Chinese language. Analyze is made on the base of the novel “Country of Vine” by Mo Yan.

Ключевые слова: Лакуна, переводческие решения, художественный текст

Keywords: Hole, translation cases, literary text

Россия и Китай имеют давние добрососедские отношения. В последние годы они упрочились и приобрели стремительную динамику. Расширение различных контактов между двумя странами требует решения многих прикладных задач, которые нуждаются в соответствующей теоретической разработке. Эффективность межъязыковой и межкультурной коммуникации на всех уровнях взаимодействия – одна из таких проблем. Значительные лингвокультурные и религиозно-идеологические различия России и Китая создают ряд коммуникативных препятствий, необходимость преодоления которых в целях повышения эффективности

коммуникативных контактов в различных сферах делает актуальным настоящее исследование.

Одной из важнейших сфер общественной коммуникации является художественная литература. Она представляет исследовательский интерес, поскольку часто становится объектом переводческой деятельности. Художественный текст насыщен лакунам, представляющими определенную трудность при переводе.

Лакунарность – сложное и еще не вполне изученное явление, на которое у специалистов нет единой точки зрения. Китайские ученые предлагают наряду с другими видами лакун выделять литературные крылатые выражения (цитаты из классических литературных источников); религиозные и философские изречения.

Активное использование крылатых литературных и религиозно-философских изречений является особенностью китайского языка. Такие изречения представляют собой культурно-исторический феномен, формировавшийся в течение длительного периода времени. Цитаты из классических литературных источников могут иметь схожие черты: происхождение, структуру, «свернутые» смыслы, и др. Однако это не всегда помогает правильно понимать характеры персонажей, их высказывания, содержащие культурный компонент. Такие цитаты становятся источником лакун и часто требуют толкования.

Следует отметить, что литературные и религиозно-философские изречения активно включаются авторами современных литературных произведений в ткань художественного текста. Это создает определенные проблемы при переводе. Обратимся к рассмотрению переводческих решений на примере наиболее читаемого в Китае романа «Страна вина», автор которого Мо Ян удостоился Нобелевской премии по литературе в 2012 г.

1.“王连举！”有一位看过样板戏《红灯记》的司机喊。— **Ван Ляньцзюй!** — воскликнул один из водителей. Наверное, он когда-то смотрел «образцовую пьесу» **«Красный фонарь»**. 《红灯记》 [hóngdēngjì] - «Красный фонарь» — одна из восьми «образцовых пьес», разрешенных к постановке в китайских театрах во время «культурной революции». Ван Ляньцзюй — персонаж этой пьесы, предатель.

2.我不怕，我为了文学真格是 刀山敢上，火海也敢闯，“为伊消得人憔悴，衣带渐宽终不悔”。 - Но мне не страшно, за литературу я **«заберусь на гору ножей, промчусь через море огня»**, за нее **«пропаду и зачахну, не жалея, что слишком широк стал халат»**. “为伊消得人憔悴，衣带渐宽终不悔” [wéi yī xiāo dé rén qiáocuì,

yīdài jiàn kuān zhōngbù huǐ] «Пропаду и зачахну, не жалея, что слишком широк стал халат» - это неточная цитата из стихотворения сунского поэта Лю Юна (987–1053).

3.李白斗酒诗百篇。李白不如我，李白喝酒要掏钱包，我不用，我可以喝实验用酒，李白是大文豪我是业余文学爱好者，
我市的作家协会副主席劝我写点熟悉的生活，我经常把实验室的酒偷了送到他家里去。
◦ - *«У поэта Ли Бо на доу вина — сто превосходных стихов». Куда там Ли Бо тягаться со мной, он, чтобы выпить, лез в кошелек за деньгами. А мне незачем, я могу пить вино из лаборатории.*

李白斗酒诗百篇[lǐ bái dòujiǔ shī bǎi piān] «У поэта Ли Бо на доу вина — сто превосходных стихов» — Строка из стихотворения древнекитайского поэта Ду Фу (712–770) «Восемь бессмертных за вином» (пер. А. Гитовича).

4.这是个原则问题，不允许有一丝一毫马虎。各级领导同志，务必充分注意，万万不可粗心大意... *Вопрос это принципиальный, тут небрежности нельзя допускать и на самую малость. «Руководящие работники всех ступеней должны быть предельно внимательны и никогда не допускать небрежности».*

各级领导同志，务必充分注意，万万不可粗心大意[gèjí língdǎo tóngzhì, wùbì chōngfèn zhùyì, wànwàn bùkě cūxīndàyì] «Руководящие работники всех ступеней должны быть предельно внимательны и никогда не допускать небрежности». — Цитата из Мао Цзэдуна.

5.有一位叫李七的人写了一篇《千万别把我当狗》的小说，那里边写了几个地痞流氓，在坑蒙拐骗偷什么勾当都干不了的情况下。 - *Некий Ли Ци написал тут одну вещь под названием «Не смейте считать меня собакой» и описывает в ней жизнь различного сброда и хулиганья.*

《千万别把我当狗》[qiānwàn bié bǎ wǒ dāng gǒu] - «Не смейте считать меня собакой» - Намек на повесть современного китайского писателя Ван Шо «Не смейте считать меня человеком».

6.过去说“书中自有黄金屋，书中自有千钟粟，书中自有颜如玉” - *Раньше говорили: «В книгах обретешь золотые чертоги, книги принесут немало мер зерна, в книгах увидишь словно выточенные из яшмы женские лица».*

“书中自有黄金屋，书中自有千钟粟，书中自有颜如玉” [shū zhōng zì yǒu huáng jīn wū, shū zhōng zì yǒu qiān zhōng sù, shū zhōng zì yǒu yán rú yù] - «В книгах обретешь

златые чертоги, книги принесут немало мер зерна, в книгах увидишь словно выточенные из яшмы женские лица» - слова, приписываемые императору династии Сун, который правил под девизом Чжэнь-цзун (997–1022). В 1004 г. он основал в Цзиндэжэне знаменитое производство фарфора.

7. 在这片广大的、虽然寒冷

但生机勃勃的土地上，多少生灵都在享受着人类的贡献，神圣感由此而生，“酒之所兴，肇自上皇，或云仪狄，或曰杜康”，酒能通神。 - *На этом обширном пространстве, промерзшем, но полном жизни, все, сколько было, живые твари вкусили от привнесенного человеком, отсюда и зародилось это священное чувство, эта улада питием, «коему начало быть пошло от императоров древности, то ли с И Ди, то ли с Ду Кана», через которое можно общаться с богами.*

“酒之所兴，肇自上皇，或云仪狄，或曰杜康”[jiǔ zhī suǒ xīng, zhào zì shàng huáng, huò yún yí dí, huò yuē dù kāng] - «коему начало быть пошло от императоров древности, то ли с И Ди, то ли с Ду Кана» - Цитата из «Рескрипта о вине» Цзян Туна (?-310). 仪狄[yí dí] И Ди и 杜康[dù kāng] Ду Кан — легендарные изобретатели алкоголя.

Многие литературные цитаты берут свое начало в романах 水浒传 [shuǐhǔ] – «Речные заводи», 三国演义 [sānguó yǎnyì] – «Троецарствие» (роман, повествующий о событиях эпохи Троецарствия); 红楼梦 [hónglóumèng] – «Сон в красном тереме» (наиболее популярный из четырех классических романов), 西游记 [xīyóujì] – «Путешествие на Запад» (один из четырех классических романов на китайском языке), а также 隋唐演义 [Suí Táng yǎn yì] – повествования о династиях Суй и Тан. Каждый китаец хорошо знает эти источники, однако русскоязычного читателя, не знающего китайского языка, выражения из них обязательно поставят в тупик.

Еще одну группу лакун, характерных для китайского языка, составляют религиозные изречения, а также изречения из мифов, легенд, преданий и сказок. Китайская культура подверглась глубокому воздействию буддийской религии, конфуцианского учения и даосизма: конфуцианцы мирятся с бедностью и находят радость в соблюдении норм поведения, тщетно соблюдая учение о Середине; даосисты считают, что нужно успокоить сердце, следовать природе, предоставить события их естественному ходу, ничего не просить, довольствоваться и радоваться;

буддисты постигают суету мира, глубоко верят в карму. Каждое религиозное течение обрело свой корпус прецедентных текстов. Например:

1. 老师您“大人不见小人的怪，宰相肚里跑轮船”^o - *Но, как говорится, высокий за подлым не видит вины, вельможа так велик душой — хоть на ладье плыви.*

宰相肚里跑轮船[zǎixiàng dùlǐ pǎolún chuán] – «вельможа так велик душой — хоть на ладье плыви». Это часть поговорки: «Воевода так широк челом — на скакуне скачи, вельможа так велик душой — хоть на ладье плыви».

2. 但真正从饮酒中体会到美女柔情的人很少，可谓凤毛麟角。Однако людей, которые действительно могут уловить в вине нежность красавицы, очень мало, это такая же редкость, как перо феникса и рог цилиня. 麟[lín] сокр. от 麒麟[qílín] - Цилинь — сказочный зверь, изображаемый в виде однорогого оленя, покрытого пластинами, как носорог: является предвестником счастливых событий, дарует детей бездетным супругам; его появление предвещает приход гениального исторического деятеля.

3. 我立志要像当年的鲁迅先生弃医从文一样弃酒从文，用文学来改造社会，愚公移山，改造中国的国民性。^o - *Я поставил себе цель бросить вино и заняться литературой, чтобы с ее помощью изменить общество подобно сдвинутому горы Юй Гуну, изменить национальное самосознание китайцев.*

愚公移山[yú gōng yí shān] - выражение «Юй Гун сдвинул горы» символизирует несгибаемую волю. Легендарному старику Юй Гуну, который решил сровнять с землей мешавшие ему горы, помогли посланные Небом двое бессмертных.

4. “任何想压制新生力量的反动分子，都是“螳臂挡车，不自量力” - *Любой реакционер, пытающийся подавить зарождающиеся силы, подобен богомолу, который силится остановить колесницу.*

“螳臂挡车，不自量力”[táng bì dǎng chē, bùzìliànglì] – «богомол, который силится остановить колесницу» - это образное выражение для обозначения невыполнимой задачи.

5. 我要像当年的您一样，卧薪吃苦胆，双眼冒金星，头悬梁，锥刺骨，拿起笔，当刀枪，宁可死，不退却，不成功，便成仁。^o - *Хочу, как и Вы в свое время, спать на хворосте и лизать желчь, чтобы искры из глаз сыпались, привязывать себя за волосы к балке и бить по ноге молотком, хочу «сделать кисть штыком».* 卧薪吃苦胆[wò xīn chīkǔ dǎn] – выражение «спать на хворосте и лизать желчь»

означает терпеть трудности ради великой будущей цели. В притче о Гоу Цзяне князь Юэ спал на хворосте и лизал повешенный у двери желчный пузырь, чтобы не забывать о необходимости свергнуть кабалу победившего его княжества У.

头悬梁，锥刺骨 [tóu xuánliáng, zhuī cìgǔ] – «привязывать себя за волосы к балке и бить по ноге молотком» – так по преданию заставлял себя учиться в затворничестве легендарный стратег эпохи Троецарствия Су Цинь (380–284 до н. э.).

6.我那时生着一种古怪的皮肤病，遍体鱼鳞，一动流黄水，谁见了谁恶心，没人敢吃我，我无法深入虎穴。 - *В то время у меня началась странная кожная болезнь: я весь покрылся чешуйками, из которых, чуть тронь, выделялся гной. Всех тошнило от одного моего вида, никому и в голову не приходило съесть меня, вот я и не проник в логово тигра.*

我无法深入虎穴[wǒ wúfǎ shēnrù hǔxué] — «я и не проник в логово тигра». Имеется в виду пословица: «Не проникнув в логово тигра, не добудешь тигренка».

7.丁钩儿两手冒汗，心里在想着庖丁解牛的故事。 - *У Дин Гоуэра вспотели ладони. В голове вертелась притча о поваре, разделяющем быка.*

В притче из трактата «Чжуан-цзы» познание законов объективного мира (в притче — анатомии) и умение пользоваться ими для покорения природы, подчинения других, а также преобразования самого себя постулируется как средство достижения долголетия на примере разделки бычьей туши умелым поваром.

8.但老师您曾教导过我，说作家要敢于直面人生，舍得一身剐，敢把皇帝拉下马。 - *Но ведь Вы, наставник, как-то сказали, что писатель должен смотреть жизни в лицо, как говорится, не бояться стащить императора с коня, зная, что тебя изрубят на куски.*

Выражение拉下马 [lāxià mǎ] – *стащить с коня (обр. в знач.: ничего на свете не бояться, терять нечего)* основано на предании о некоем Ван Мине, который, желая отомстить за отца, повесившегося из-за причиненной семье несправедливой обиды, стащил с коня императора с целью убить его, но был схвачен стражниками и изрублен.

Известные и понятные каждому китайцу выражения в равной степени имеют глубокие культурные корни, поэтому при переводе на русский язык обычно требуют переводческого комментария.

В русском языке также используются многие изречений, имеющие своей основой авторский художественный текст. Таковы, например, изречения из басен

И.А.Крылова: «Да только воз и ныне там», «А Васька слушает да ест», «И кому же в ум пойдет на желудок петь голодный?», «Слона-то я и не приметил» и другие. При переводе на китайский язык они также требуют пояснений переводчика.

Являясь частью мировой философской мысли, китайская философия в то же время обладает своими, сугубо национальными особенностями. Ей присущи особый категориальный аппарат, специфический язык философской рефлексии, на формирование которого существенное влияние оказала иероглифическая письменность. На форму и стиль мышления китайцев существенное влияние оказала та конкретная среда земледельческой культуры, в недрах которой зарождалась китайская философия. Она формировалась как ответ на общемировоззренческие вопросы этой культуры, была теснейшим образом связана с экономической и политической практикой, что придало китайской философии отчетливо выраженный практический характер. Более того, отдельные предметы, природные явления (времена года, календарь, материальные элементы мира — дерево, земля, вода, металл, огонь и т.п.) постепенно превратились в философские понятия. В связи с этим в китайском языке появилось большое количество философских изречений, которые заняли важное место в жизни жителей Китая.

В Древнем Китае люди делили вечернее время на пять страж: 初更[chūgēng] - первая стража ночи (от 19.00 до 21.00 ч.); 二更 [èrgēng] - вторая ночная стража (от 21.00 до 23.00 ч.); 三更[sāngēng] - третья ночная стража (время с 23.00 ч. до 01.00 ч.); 四更[sìgēng] - четвёртая ночная стража (время от 01.00ч. до 03.00 ч.); 五更[wǔgēng] - пятая стража (с 03.00ч. до 05.00 ч.); 六更[liùgēng] - ночная (утренняя) стража (возвещает в 5 ч. утра об открытии городских ворот). Для большинства русскоязычных читателей такое деление времени является непонятным. Однако в современной китайской литературе это обозначение времени используется достаточно часто. Например:

1.

那天，我们一行人吃完了驴宴，跌跌撞撞走出“一尺酒店”，才发现夜已三更，满天星斗，遍地凉露，驴街上泛着湿漉漉的青光，几只醉猫在人家的房顶

上争风吃醋，闹得一片瓦响。 - Банкет, наконец, закончился, и мы всей компанией вывалились из ресторана «Пол-аршина». Только тогда выяснилось, что уже **третья**

стража, все небо усеяно звездами, землю покрыла ночная роса и по Ослиной улице разливаются зеленоватые отблески.

При переводе данного текста следует прибегнуть к переводческому комментарию, объяснив читателю эту традицию древнего Китая.

Следует отметить, что религиозных и философских изречений немного, они имеют очень узкую сферу применения и специфичную коннотацию. В связи с этим мы полагаем, что более логичным будет их объединение в группу «религиозно-философские изречения».

Список литературы

- БКРС* [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://bkrs.info>.
- Горелов В.И.* Стилистика современного китайского языка. - М.: Иностр.яз.. Просвещение, 1979. С. 124, 132-133.
- Клушина Н.И.* Общие особенности публицистического стиля // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. - М.: МГУ, 2003. С. 269.
- Кожина М.Н.* Стилистика русского языка: Кожина М.Н., Дускаев Л.Р., Салимовский В.А. – М.: Флинта: Наука, 2008. С.368.
- Котов А.М.* О соотношении функциональных стилей китайского и русского языков // Вопросы систем организации речи. - М., 1987. С.69-78.
- Мо Янь Страна Вина: роман [пер. с кит., примеч. И.Егоров]. – СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2012. 446с.
- Никитенко В.В., Медведева А.С., Ян Минбо.* Стилистика первого иностранного языка (китайский язык). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://pdf.znate.ru/view/22486/1>. (Дата обращения 15.12.2013).
- Солганик Г.Я.* О русском литературном языке и языке СМИ на рубеже веков // От книги до Интернета. Журналистика и литература на рубеже тысячелетий. - М.: МГУ, 2000. С. 263.
- Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса: монография. – М.-Волгоград: Перемена, 2000. 367 с.
- Щичко В.Ф.* Китайский язык. Теория и практика перевода.- М: Восток-Запад, 2004. - С. 122.
- «*酒国*» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://book.kanunu.org/book3/8252/182932.html>

Шалабаева Г.А.
Назарбаев Университет
г. Астана (Казахстан)

Shalabayeva Gulzhamilya
Nazarbayev University
Astana (Kazakhstan)

*ЛИРИКА ЛЕРМОНТОВА В ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АБАЯ
КУНАНБАЕВА*

MICHAEL LERMONTOV LYRICS IN THE TRANSLATIONS OF ABAI KUNANBAEV

Статья посвящена переводу лирики Лермонтова казахским поэтом Абаем Кунанбаевым. На основе анализа стихотворений, переведенных на казахский язык, определяется духовная связь великих поэтов, олицетворяющих дух времени, которым объясняется их созвучность. Основное содержание статьи составляет анализ переводов, сделанные на сопоставительном аспекте, на основе которых делаются выводы о схожести и различии у поэтов в способе выражения чувств и настроений. Также в статье рассматриваются способы интерпретации лирики Лермонтова Абаем. Дается обобщенная характеристика переводам, а также акцентируется внимание на мастерски умелую передачу Абаем не только содержания, но и настроения стихотворения. Уделено внимание на высоко поэтическую простоту, отличающую стихотворений Лермонтова, которую характеризует Абай.

The article is devoted to translation of Lermontov's poetry by Kazakh poet Abay Kunanbayev. Analysing the poems translated into the Kazakh language the author defines spiritual bond of the great poets personifying the spirit of times which explains their consonance. The main contents of article make the translations analysis made on comparative aspect that allows conclusions about similarity and distinction in poets' ways of expression of feelings and moods. The article also deals with Abay's ways of interpretation of Lermontov's lyrics. The author generally characterizes the translations and emphasizes how skillfully Abay transferred not only contents but feelings of the poems as well as high poetic simplicity of Lermontov's poems characterized by Kazakh poet.

Ключевые слова: интерпретация, духовное родство, созвучие, свободный перевод, мастерство.

Keywords: interpretation, spiritual relationship, consonance, free translation, skill.

Творчество великого русского поэта М.Ю.Лермонтова, чьи произведения отличаются яркой индивидуальностью, глубочайшим лиризмом, глубиной чувств, философским восприятием мира, являлось достоянием многих наций и народностей

той эпохи. В этом сказались и величие его таланта, и сила его общечеловеческих идей гуманизма, свободы, равенства и братства народов, которые он выражал.

Лермонтов стал впервые узнаваемым казахскому народу в самом конце XIX века по переводам великого поэта Абая Кунанбаева. С середины 80-х Абай увлеченно переводил Лермонтова. «Исповедь», «Еврейская мелодия», «Бородино», «И скучно и грустно», «Не верь себе», «Пленный рыцарь», «Дума», «В альбом», «Кинжал», «Выхожу один я на дорогу», «Дары Терека», а также отрывки из некоторых поэм, таких как «Демон», «Измаил-бей», «Вадим» и другие произведения великого русского поэта переведены Абаем блестяще, с подлинным поэтическим жанром, с проникновением в содержание и форму. «Дух и своеобразие лермонтовской музыки были чутко уловлены зрелым Абаем», - правильно подметил известный казахстанский переводчик Г.Бельгер¹ [Бельгер, 1995, с.123].

Поэзия Лермонтова в переводе Абая в казахской литературе занимает особое место. Она давно стала достоянием казахского читателя. Многие исследователи творчества Абая отмечают его связь с творчеством Лермонтова.

Прежде чем приступить непосредственно к нашему материалу, следует отметить, что выбранный аспект анализа достаточно изучен в казахской литературе и много работ посвящено данной теме. Среди них необходимо отметить большую заслугу видного казахского ученого-литературоведа, профессора, академика Заки Ахметова², который после М.Ауэзова³ исследовал поэтические переводы произведений Лермонтова казахским поэтом Абаем. В своих трудах академик З.Ахметов рассматривает вопрос о связи Абая с Лермонтовым, о влиянии Лермонтова на Абая.

В развитии научной концепции мы обратились к исследованиям, посвященным поэзии Лермонтова в казахской литературе. Это работы М.Ауэзова, З.Ахметова, Г.Бельгера, М.Каратаева и др.

В своей работе мы поставили задачу исследовать, как удалось Абаю мастерски передать творения Лермонтова своим читателям. Для сравнительно-сопоставительного анализа мы выбрали широко известные стихотворения Лермонтова «Горные вершины» из Гете, «Не верь себе», отрывок из произведения «Журналист,

¹ Бельгер Г. Земные избранники (Гете и Абай): Литературно-критические очерки-эссе. А.: Жазушы, 1995, 251 с.

² Ахметов З. Абай и Лермонтов: Эссе. А.: Арда, 2008, 160 с.

³ Ауэзов М. Традиции русского реализма и казахская литература, альм. «Дружба народов», 1949, №2.

читатель и писатель» в переводе на казахский язык. На основе анализа можно проследить восприятие, толкование лирики Лермонтова Абаем.

Абая привлек Лермонтов схожестью мотивов, своим необъяснимым созвучием души. «Абай с особым трепетом относился к поэзии Лермонтова, - пишет З.Ахметов. – Он был особенно близок к русскому поэту, в духовном родстве с ним. Не будет преувеличением сказать, что проникнувшись симпатией к русской поэзии, Абай наибольшее духовное созвучие обнаружил именно в Лермонтове»¹ [Ахметов,1995, с.177].

Созвучие Оно во всем. В природе. В музыке. В поэзии. В возвышенных порывах и в благородных страстях. В людских сердцах. В человеческой речи.

Есть сила благодатная

В созвучье слов живых, - сказал Лермонтов² [Лермонтов,1988, с.179].

Конечно, поразительная духовная связь великих поэтов существует реально и проявляется всюду. Лермонтов и Абай были выразителями своей эпохи. Они олицетворяют дух времени. И этим объясняется их родство, созвучие. В этом созвучии проявляется и их отношение к окружающему их миру эпохи, к народу.

Видимо, Абай рассматривал произведения Лермонтова как отражение своей собственной природы. «Если он переводил на казахский стихотворения таких поэтов, как Лермонтов, то делал это не только из-за того, что они нравились ему внешней красотой. А потому, что чувствовал в них особую близость к своему сердцу, к духу народа, особое соответствие к своему социально-эмоциональному состоянию и к своей фантазии. Поэтому переводы получились как отражение грустной печали, беспокойного биения собственного сердца поэта»³ [Әуезов, 1959,с.55].

Но надо отметить, что Абай очень серьезно относился к переводам произведений русских поэтов. Прежде всего, он стремился проникнуть в их смысл. И в художественном отношении его переводы максимально приближаются к оригиналу. Абай считал полноценным лишь тот перевод, который «ласкает слух и согревает душу».

Ярким примером сказанного является стихотворение «Из Гете». Как пишет З.Ахметов: «Казахское произведение поистине достойно русского образца. Абай

¹ Ахметов З. Абайдың ақындық әлемі. А., 1995. 272 б.

² Лермонтов М.Ю. Сочинения в двух томах. Т.1. /Сост.И.С.Чистова. М.:Правда, 1988. 720с.

³ Әуезов М. Әр жылдар ойлары. А., 1959. 375 б.

умело передает не только содержание и настроение стихотворения, но и его музыку. Высоко поэтическая простота, отличающая стихотворение Лермонтова, характеризует и перевод Абая»¹ [Ахметов, 2008, с.94].

Лермонтов:

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листы...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты² [Лермонтов, 1988, с.197].

А вот так звучит абаевский перевод:

Қараңғы түнде тау қалғып,
Ұйқыға кетер балбырап.
Даланы жым-жырт, дел-сал қып,
Түн басады салбырап.
Шаң шығармас жол дағы,
Сілкіне алмас жапырақ.
Тыншығарсың сен дағы,
Сабыр қылсаң азырақ³ [Абай, 2005, с.144].

Как тонко, проникновенно поняли друг друга великие поэты! Перевод Абая удивительно близок лермонтовскому тексту. А разница любопытна.

Для более глубокого понимания содержания стихотворения проведем сопоставительный анализ двух переводов, в результате которого видим своеобразный способ перевода каждого поэта. Так, например, сравним картину ночи в казахском и русском переводе стихотворения Гете. Итак, об абаевском переводе. Если у Лермонтова ночь глубокая, то у Абая мы видим картину постепенного наступления ночи. Лермонтов состояние ночи передает только одним глаголом – спят. Абай приход, наступление ночи передает несколькими глаголами: дремлют горы,

¹ Ахметов З. Абай и Лермонтов: Эссе. А.: Арда, 2008. 160с

² Лермонтов М.Ю. Сочинения в двух томах. Т.1. /Сост.И.С.Чистова. М.:Правда, 1988. 720с.

³ Абай. Шығармаларының екі томдық толық жинағы. Т. 1: Өлеңдер мен аудармалар. А.:Жазушы, 2005. 336б.

погружаясь в ночь; ночь обволакивает степь. У Абая кроме глаголов «уходят» («кетер»), «наступает» («түн басады»), есть еще деепричастие «разнежившись», «разомлев» («балбырап»), «дремля» («қалғып»), да и «дел-сал қып» тоже глагольная форма. Введенные Абаем эти слова дают ощущение ночи после знойного дня. Таким обилием глаголов и глагольных форм Абай показал наступление, движение ночи. Плавность, широкая, величавая поступь ночи, покой и тишина, простор чувствуется в стихотворении Абая. Если мы у Лермонтова видим ночь, то у Абая мы не только видим, но и чувствуем, как надвигается ночь. Из этого анализа следует вывод: у Лермонтова картина ночи как бы застывшая, а Абай ее «оживил», придав ей динамизм, т.е. движение.

Надо еще отметить, что лермонтовские «долины» Абай заменил «степью». И заменил сознательно. «Долина» в переводе на казахский язык «алқап», «алап». Если же Абай вместо «даланы» написал бы «алқапты», то в ритме ничего бы не изменилось, а было бы ближе к тексту. Абай же по-своему осмыслил лермонтовский образ. Описывая ночь по Лермонтову, он видел, чувствовал поэзию казахской степи.

Конечно «Горные вершины» в переводе Абая прекрасно зазвучали по-казахски, сохранив нити духовной близости с оригиналом. «Қараңғы түнде тау қалғып» - эталон художественности, образности, мелодичности, точности в переводе. Благодаря абаевскому гению лермонтовские «горные вершины» снизившись просто до «гор», «долины» - превратившись в широкие «степи», картина Гете запросто переместилась на казахскую землю.

Вместе с этим еще несколько стихотворений Абай переводил близко к оригиналу, сохраняя его образные и стилевые средства. Но наиболее совершенны «Горные вершины» и «Выхожу один я на дорогу», они остаются в казахской литературе непревзойденными.

Очень много у Абая стихов, которые по духу и идее, по настроению прямо перекликаются с лермонтовскими. Немало сходного можно обнаружить у них и в способе выражения чувства неудовлетворенности современным состоянием общества, несправедливости, бездействия и равнодушия, одиночества.

Иллюстрируем сказанное и другим примером. Речь идет об одном из произведений гражданской, обличительной лирики Лермонтова «Не верь себе», в котором отдельные строки Абай смог достаточно точно передать на казахском языке.

Сравним у Лермонтова:

Не верь себе, мечтатель молодой, -

гной душевных ран;
разлей отравленный напиток¹ [Лермонтов, 1988, с.176]

У Абая:

Өзіңе сенбе, жас ойшыл;
Жаныңа түскен жараның іріңін;
улы сусын төгілсін² [Абай, 2005, с.145].

Однако сохранение формы слова для Абая отнюдь не является самоцелью. Нельзя не согласиться с академиком З.Ахметовым, который отмечает, что «в большинстве своем Абай содержание стихотворения, словосочетаний, фраз передает казахскими словами, не имеющими внешнего словесного сходства, но по возможности верно и тонко воссоздающими внутреннюю жизнь подлинника»³ [Ахметов, 2008, с.96].

Приведем еще примеры:

У Лермонтова:

Еще неведомый и девственный родник
Простых и сладких звуков полный⁴ [Лермонтов, 1988, с.176].

У Абая:

Кісі айтпаған, білмеген
Күй әдемі, тәтті сөз⁵ [Абай, 2005, с.145].

Или еще у Лермонтова:

Не вслушивайся в них, не предавайся им,
Набрось на них покров забвения⁶ [Лермонтов, 1988, с.176].

У Абая:

Тыңдама оны, ұмыт сен
Бүркен дағы бар да жат⁷ [Абай, 2005, с.145].

Проблемы, выдвинутые здесь Лермонтовым, волновали и казахского поэта; он понимал, как важно дать четкий ответ на эти вопросы молодым поэтам. Таким

¹ Лермонтов М.Ю. Сочинения в двух томах. Т.1. /Сост.И.С.Чистова. М.:Правда, 1988. 720с.

² Абай. Шығармаларының екі томдық толық жинағы. Т.1: Өлеңдер мен аудармалар. А.:Жазушы, 2005. 336б.

³ Ахметов З. Абай и Лермонтов: Эссе. А.: Арда, 2008. 160с.

⁴ Лермонтов М.Ю. Сочинения в двух томах. Т.1. /Сост.И.С.Чистова. М.:Правда, 1988. 720с.

⁵ Абай. Шығармаларының екі томдық толық жинағы. Т. 1: Өлеңдер мен аудармалар. А.:Жазушы, 2005. 336 б.

⁶ Абай. Шығармаларының екі томдық толық жинағы. Т. 1: Өлеңдер мен аудармалар. А.:Жазушы, 2005. 336 б.

⁷ Абай. Шығармаларының екі томдық толық жинағы. Т. 1: Өлеңдер мен аудармалар. А.:Жазушы, 2005. 336 б.

образом, Абай в переводе идет не от слова, а от образа. В целом перевод близко передает содержание оригинала.

Однако большая часть абаевских переводов относится к свободным. Таков отрывок из произведения «Журналист, читатель и писатель». Но даже и здесь Абай не изменяет духу лермонтовских созданий. «Адамның кейбір кездері»¹ - перевод части исповеди писателя из произведения «Журналист, читатель и писатель»².

Внимание Абая привлек лермонтовский вопрос «О чем писать?». Именно с ответа на него начинается Абай свой перевод.

... бывает время
Когда забот спадает бремя.

Сравним перевод:

Адамның кейбір кездері
Көңілде алаң басылса.
В иное время у человека
Когда утихает забота в душе.

Далее вместо строк:

Дни вдохновенного труда
Когда и ум и сердце полны, -

В переводе читаем:

Тәңірінің берген өнері
Көк бұлттан ашылса,
Когда искусство, дарованное богом
Раскроется от синего облака.

Перевод дает только общее содержание, к тому же в существенно измененном виде. Абай эту часть перевел с исключительным мастерством. Абай, по-своему развивая лермонтовские мотивы, вкладывает в перевод собственные мысли и чувства.

У Лермонтова:

О чем писать? – бывает время,
Когда забот спадает бремя
Дни вдохновенного труда,
Когда и ум и сердце полны,

¹ Абай. Шығармаларының екі томдық толық жинағы. Т.2: Өлеңдер мен аудармалар. А.:Жазушы, 2005. б.6

² Лермонтов М.Ю. Сочинения в двух томах. Т.1. /Сост.И.С.Чистова. М.:Правда, 1988. стр.188

И рифмы дружные, как волны,
Журча, одна во след другой
Несутся вольной чередой.
Восходит чудное светило
В душе проснувшейся едва;
На мысли, дышащие силой,
Как жемчуг нижутся слова.
Тогда с отвагою свободной
Поэт на будущность глядит,
И мир мечтою благородной
Пред ним очищен и обмыт ¹[Лермонтов, 1988,с.188].

У Абая:

Адамның кейбір кездері
Көңілде алаң басылса,
Тәңірінің берген өнері,
Көк бұлттан ашылса.

Сылдырап, өңкей келісім,
Тас бұлақтың суындай.
Кірлеген жүрек өзі ішін
Тұра алмас әсте жуынбай.

Тәңірінің күні жарқырап,
Ұйқыдан көңіл ашар көз,
Қуатты ойдан бас құрап,
Еркеленіп шығар сөз.

Сонда ақын белін буынып,
Алды-артына қаранар.
Дүние кірін жуынып,
Кәрінің ойға сөз салар²[Абай, 2005,с.6].

¹ Лермонтов М.Ю. Сочинения в двух томах. Т.1. /Сост.И.С.Чистова. М.:Правда, 1988. 720с.

² Абай. Шығармаларының екі томдық толық жинағы. Т. 2: Өлеңдер мен аудармалар. А.:Жазушы, 2005. 336 б.

Как видно из приведенных примеров, данное стихотворение переведено вольно. В стихотворении «Адамның кейбір кездері» - творчески свободном переводе из лермонтовского произведения, перерастающем в самостоятельное сочинение, Абай высоко поднял обличительную поэзию, поэзию, выдвигающую остро злободневные общественные темы.

Переводы Абая всегда были относительно вольными. Он брал только основную структуру оригинала и вкладывал свои идеи и мысли в перевод. Часто он развивал и расширял мотив, предложенный Лермонтовым. В целом он пытался сохранить широкое значение и эмоциональный тон оригинала.

Как мы заметили, свободные переводы Абая очень часто выходят за рамки переводов. Наполненные новым индивидуальным содержанием, отдельные из них перерастают в самостоятельное сочинение на мотивы произведений Лермонтова.

Переводя иноязычное произведение, Абай прежде стремился передать идейно-эмоциональное богатство оригинала. Его переводы, перераставшие иногда в самостоятельные сочинения, показывают, как мысли Лермонтова преломлялись в иной национальной форме.

Надо сказать, что почти все произведения Лермонтова, переведенные Абаем, поражают своей созвучностью настроениям Абая, близостью по основным мотивам к его собственным произведениям.

Из всего сказанного следует, что отличительная черта переводов Абая – гениальность поэта, в том, что благодаря богатству казахского языка он старался передать не просто слова, а обращал большое внимание на художественную сторону.

Список литературы

- Абай.* Шығармаларының екі томдық толық жинағы. Т 1, 2: Өлеңдер мен аудармалар. А.:Жазушы, 2005. 336 б.
- Абдрахманов С.* Перевод поэзии и поэзия перевода. Астана: Аударма, 2008. 470 с.
- Ахметов З.* Абай и Лермонтов: Эссе. А.: Арда, 2008. 160с.
- Ахметов З.* Абайдың ақындық әлемі. А., 1995. 272 б.
- Әуезов М.* Әр жылдар ойлары. А., 1959. 375 б.
- Бельгер Г.* Земные избранники (Гете и Абай): Литературно-критические очерки-эссе. А.: Жазушы, 1995. 251с.
- Каратаев М.* Мироззрение и мастерство. Книга статей и литературных портретов. А-А.: Жазушы, 1965. 560 с.
- Лермонтов М.Ю.* Сочинения в двух томах. Т.1. /Сост.И.С.Чистова. М.:Правда, 1988. 720с.

Международная научная конференция «Перевод как средство взаимодействия культур»

Сильченко М.С. Творческая биография Абая. А-А., 1957. 293с.

Шолохова А.С.
ИМЛИ им. А.М. Горького РАН
Москва (Россия)

Sholokhova Anna
Gorky Institute of World Literature
Moscow (Russia)

*ПРОСТОРЕЧНЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ «ВЕЧЕРОВ НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ» В
ПЕРЕВОДЕ ГОГОЛЕВСКОГО ЦИКЛА НА АНГЛИЙСКИЙ И НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫКИ*

*COLLOQUIAL LANGUAGE OF N.V. GOGOL «EVENINGS ON A FARM NEAR
DIKANKA» IN ENGLISH AND GERMAN INTERPRETATION*

Художественный язык прозы Н.В. Гоголя – один из наиболее сложных для перевода на иностранные языки, что ярко проявилось в попытках перевести на английский и немецкий его первый цикл повестей, теснейшим образом связанный с самобытной народной культурой Малороссии. «Вечера» окрашены национальным колоритом, который помимо содержания выражен в форме и стиле произведения, а наиболее ярко проявляется на лексическом уровне. Сказовый принцип повествования, украинизмы, просторечия, всевозможные реалии, часто незнакомые даже русскому читателю, неизменно вызывают сложности в процессе перевода и нередко исключаются вообще. Данная статья посвящена проблеме перевода просторечных выражений «Вечеров». По-разному передавая те или иные стилистические особенности, то или иное диалектное и контекстное значение языковых единиц оригинала, отличаясь своими достоинствами и недостатками, разные переводы гоголевского цикла отражают общую переводческую проблематику. Перед переводчиками стояла огромная задача передать все те элементы языка подлинника, которые представляют отклонения от общей языковой нормы, а ведь именно они составляют личный почерк автора, гоголевскую манеру повествования.

Language of Nikolai Gogol prose is one of the most difficult for translation and interpretation into other languages, that was clearly demonstrated in attempt to translate into English and German his first short stories cycle "Evenings on a farm near Dikanka". This work is closely associated with the original Ukraine folk culture. "Evenings" have particular national color, which in addition to the content expressed in the form and style of work, and especially in the lexical level. Special narrative principle, Ukrainisms, colloquial language, all kinds of realias, often unfamiliar even to the Russian readers, constantly cause difficulties in translation process, and are often generally excluded. This article is devoted to the translation of colloquial expressions in "Evenings on a farm". Different translations of Gogol cycle have their advantages and disadvantages, they differently interpreted certain stylistic features, particular dialect and contextual meanings of original language. Translators had a huge task to transfer all the elements of original which represent variations from the norm of common language, but in fact they express the personal writing of the author, Gogol's style of narration.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, перевод, просторечная лексика

Keywords: N.V. Gogol, interpretation, colloquial language

Прежде чем представить проблему перевода просторечий, имеет смысл обратиться к

истории публикации переводов «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя. Первые попытки переводов повестей из «Вечеров» были сделаны еще при жизни писателя, в конце 40-х гг. XIX века. Так, в 1848 г. выходит первый перевод «Майской ночи» на немецком языке (А. Левальд), затем, в следующем 1849 г. появляется перевод «Страшной мести» на сербском (Т. Илич), и уже в 1850 г. перевод «Вечеров» как единой книги выходит на английском (надо заметить, что на немецкий язык «Вечера» были полностью переведены гораздо позже, лишь в 1910 г.).

Несмотря на то, что повести из «Вечеров» вызывали неподдельный интерес, они оставались долгое время непостижимыми для западного читателя, поражали своей неординарностью и были сложны для прочтения, восприятия и анализа. Многие исследователи видели причину этого не только в сюжете, структуре и проблематике произведений Гоголя, но, прежде всего, в самобытности их языка. «Вечера» полны национального колорита, который выражен не только в содержании, форме и стиле произведения, но наиболее ярко проявляется на лексическом уровне. Сказовый стиль, украинизмы, просторечия, всевозможные реалии, часто непонятные даже русскому читателю, вызывают обычные сложности в процессе перевода и нередко утрачиваются вообще.

Именно в этот период критики и литераторы впервые заговорили о тех проблемах, которые возникают при переводе гоголевских текстов на иностранные языки (В.Г. Белинский, Ф.М. Достоевский, М.Н. Катков, Н.А. Мельгунов и др.). Критики справедливо отмечали, что качество первых переводов оставляет желать лучшего – в них не только исчезает творческое прочтение оригинала, но почти на каждой странице попадаются самые непростительные искажения, неточности, а, местами, и абсолютные нелепости. И, действительно, некоторые работы скорее можно было назвать переделкой, а не переводом – переводчики часто изменяли на свой манер фамилии и имена главных героев, переносили место действия в свою страну, нередко перерабатывали даже основные события произведения, вводили ряд сокращений, вплоть до исключения некоторых частей текста и добавления своих собственных. Причины этого можно наблюдать в сложившейся к началу XIX века определенной переводческой традиции, когда перевод был склонен к национальной адаптации оригинала, переложениям и переделкам чужих произведений на местный лад.

В XX веке появились работы, затрагивающие проблему восприятия творчества Гоголя за пределами России (М.П. Алексеев, С.Г. Исаков, А.В. Михайлов, Е.К.

Судакова, Д.М. Урнов и др.), анализировались переводы Гоголя на языки Азии и Востока (А.А. Искоз-Долинина, К.П. Мкртчян, Е.М. Пинус, Б.Л. Рифтин и др.), была составлена библиография переводов произведений писателя (М.С. Моршинер, Н.И. Пожарский).

В настоящее время изучению переводов Гоголя отводится особое место. Появляются новые публикации, касающиеся вопроса трансформации гоголевского текста при переводе (И.И. Вороненков, И.Ф. Тимофеева, И.Н. Шама). Исследователи обращают внимание на проблему качества переводов, проблему передачи авторской интенции, проблему сохранения национального колорита, проблему степени адаптации русского текста к привычкам зарубежных читателей, к традициям зарубежной литературы.

Современные переводы гоголевских текстов, безусловно, отличаются от переводов прошлого столетия. Однако нерешенным остается ряд вопросов: каким образом при переводе возможно сохранить авторскую манеру повествования, передать различные комические моменты, воспроизвести ритмические эффекты, воссоздать множество значимых деталей. Особое место в этом ряду занимает проблема передачи просторечных выражений.

Объектом статьи служат четыре перевода «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя. Анализируется два английских перевода: работа, сделанная известной переводчицей Констанс Гарнетт¹ в 1926 г., и перевод, появившийся в России в 50-х гг. XX в. и выпущенный издательством литературы на иностранных языках под редакцией Овидия Горчакова². Безусловно, наиболее репрезентативным в данном случае представляется перевод К. Гарнетт, который является одним из канонических переводов «Вечеров» на английском языке. На него, позволим предположить, опирались издатели русского варианта.

Кроме того, исследуется два немецких перевода: 1. Работа, сделанная известным немецким писателем, драматургом, поэтом и переводчиком Людвигом Рубинер в соавторстве с Фридой Шак (или же Фридой Ихак)³. Это первый перевод

1 Gogol N.V. Evenings on a farm near Dikanka // The works of Nikolay Gogol in Vvol. IV vol. / from the Russian by Constance Garnett. London, 1926. 328 p. [Гарнетт К.]

2 Gogol N.V. Evenings near the village of Dikanka. Stories published by bee-keeper Rudi Panko / edited by Ovid Gorchakov. Moscow, 195-. 278 p. [Горчаков О.]

3 Gogol N.W. Abende auf dem Gutshof bei Dikanka. Phantastische Novellen / übers. ins Deutsche Ludwig Rubiner und Frieda Schak. Wien, 1946. 302 s. [Рубинер Л. / Шак. Ф.]

«Вечеров» на немецком языке, выпущенный в 1910 г., позже были сделаны несколько его переизданий. 2. Перевод Михаэля Пфайффера (1968 г.)¹.

Как известно, основными чертами языка ранних произведений Гоголя является их народно-сказовая направленность [Винонградов, 1951, с. 94-138]. Манера сказа строится на стилизации разговорной речи, на желании передать живые речевые эмоции, на стремлении создать в литературном повествовании иллюзию устной монологической речи, принадлежащей не автору, а рассказчику. И. Мандельштам писал: «Внесение русских слов в литературную речь явилось у Гоголя с потребностью инстинктивной, вызываемой творческим духом, но было в значительной степени и делом сознательного отношения к языку. Гоголь понимал, что писатель не только может, но и должен пользоваться не одними лишь словами и выражениями, которые нашли право гражданства во всех слоях русского общества, но также и местными, народными словами, употребляемыми в речи, и не только влагая их в уста, вставляемых им в произведении лиц, но и самому употребляя их в своем произведении» [Мандельштам, 1902, с. 86-87].

Именно Гоголь впервые широко ввел сказ в русскую прозу: в «Вечерах» возникает образ простого, временами почти фольклорного рассказчика, чье повествование – художественная имитация монологической речи, которая, воплощая в себе сюжет, как будто строится в порядке ее непосредственного говорения. Используя в своем повествовании разговорную речь, Гоголь освобождается от традиционно книжных приемов, заставляет читателя самого чувствовать манеру и характер говорящего, вызывает в читателе сопереживание и соучастие, убеждает его в достоверности происходящего. Богатство интонаций разговорного языка, простая структура предложений, эмоционально окрашенные и типичные для устной речи слова – все это заметно отличает и индивидуализирует язык произведений Гоголя: «В словаре Гоголя есть особенности, выражения, какие мы не привыкли встречать в обиходной речи; обыденная речь даже чуждается их; но в большинстве случаев Гоголь говорит тем языком, которым говорят самые обыкновенные люди – и, однако, только Гоголь умел воспроизвести эту речь. В этом его тайна» [Мандельштам, 1902, с.9].

¹ Gogol N.W. Abende auf dem Weiler bei Dikanka. Gesammelte Werke in Einzelbänden / aus dem Russischen übersetzt von Michael Pfeiffer. Berlin und Weimar, 1968. 352 s. [Пфайффер М.]

Все те элементы языка, которые выделяются на фоне общеупотребительных норм, вызывают определенную сложность при переводе, поскольку они имеют ярко выраженную национальную окраску, и при передаче их на иностранный язык не всегда можно пользоваться соответствующими единицами языка перевода. Таким образом, при переводе слов и словосочетаний, относящихся к сказовому стилю необходимо учитывать контекст всего произведения, эпоху и время, когда оно было написано, культурные и социальные особенности языка оригинала и, безусловно, авторскую манеру повествования, от которой полностью зависит выбор тех или иных литературных приемов и средств.

Впечатление разговорности, спонтанности, непосредственности повествования создается типичными для устного, живого языка особенностями. Прежде всего, это определенный порядок слов, особые интонационные модели, словосочетания и выражения, характерные для разговорной речи.

Уже с первых страниц книги пасечник Рудый Панько обращается к своим читателям. Это обращение происходит без церемоний, «запросто», как будто к своим друзьям или знакомым: «У нас, мои любезные читатели, не во гнев будь сказано (вы, может быть, и рассердитесь, что пасичник говорит вам так запросто, как будто какому-нибудь свату своему или куму), у нас, на хуторах, водится издавна: как только окончатся работы в поле...»⁸. Наиболее интересен, на наш взгляд, этот отрывок в переводе М. Пфайффера: «Bei uns, meine lieben Leser – nehmt es mir nicht übel (vielleicht werdet ihr euch nämlich ärgern, daß ein Imker mit euch so ohne alle Umstände wie mit einem Brautwerber oder Gevatter spricht) – bei uns auf den Weilern ist seit jeher folgendes Brauch: Sobald die Feldarbeit getan ist...»⁹ Автору перевода не только удалось передать легкость и простоту разговорной речи, но и сохранить ритм фразы, учесть сочетание слов при выборе эквивалентов на немецком языке. Кроме того, М. Пфайффер по-возможности сохраняет близость к оригиналу и на лексическом уровне, употребляя просторечно-устаревшие, разговорные слова и выражения – «*neht es mir nich übel*», «*seit jeher*» (издавна, испокон), «*der Brautweber*» (сват), «*der Gevatter*» (кум).

Особое значение в тексте Гоголя имеют оговорки, усеченные речевые конструкции. Рассмотрим ряд выражений из «Ночи перед рождеством» в переводе К.

8 Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки// Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем в двадцати трех томах. – М.: Наследие, 2001. – Т. 1. – С. 69. Далее это издание обозначается [Указ. соч.]

9 Gogol N.W. Abende auf dem Weiler bei Dikanka. Gesammelte Werke in Einzelbänden / aus dem Russischen übersetzt von Michael Pfeiffer. Berlin und Weimar, 1968. S. 8. Далее это издание обозначается [Pfeiffer M.]

Гарнетт и Л. Рубинер, Ф. Шак: «остановился перевести дух»¹⁰ – «stopped to take breath»¹¹, «blieb er stehen um Luft zu schöpfen»¹²; «струмент свой»¹³ – «my tools»¹⁴, «meine Werkzeuge»¹⁵. Здесь просторечная, сокращенная, редуцированная форма неизбежно заменена общепринятой, литературной. Интересным представляется перевод выражения «одному будет тяжело несть»¹⁶: К. Гарнетт прибегла к приему компенсации и придумала такой аналог, который не имея функционального соответствия оригиналу, несет в себе, тем не менее, нужную экспрессивную окраску благодаря своей ритмической структуре: «it will be too heavy for one to carry»¹⁷.

Гоголевский рассказчик употребляет множество экспрессивно окрашенных конструкций – вводных слов, междометий и восклицаний: «положим» («supposing», «angenommen»), «покамест» («till», «until», «während», «als»), «куда» («indeed», «what next»). Переводчики обычно используют близкие им литературные единицы, которые воспроизводят смысл оригинала и лишь в какой-то мере его коннотацию. Интересна фраза из повести «Заколдованное место», которая практически целиком состоит из вводных предложений: «Оно конечно, то есть, если хорошенько подумать, бывают на свете всякие случаи...»¹⁸. В переводе К. Гарнетт фраза звучит следующим образом: «To be sure, if you come to that, all sorts of things do happen in this world...»¹⁹. Мы видим явное упрощение языка оригинала, при этом в целом переводчица сохраняет смысл фрагмента, однако общее художественное впечатление теряется. Гарнетт, в сущности, заменяет стилистически окрашенные слова и обороты их нейтральными аналогами.

В речь своих персонажей Гоголь включает и ругательные, бранные слова и выражения: «... и тот же самый лукавый, чтоб ему, собачьему сыну, приснился крест святой! настроил сдуру старого хрена отворить дверь хаты»²⁰ («Вечер накануне Ивана Купала»). Рассмотрим перевод в редакции К. Гарнетт: «... and the same devil – may he dream of the Holy Cross, the son of a cur! – prompted the old chap to open the

10 Указ. соч. – С. 166

11 Гарнетт К. – С. 178

12 Рубинер Л./ Шак. Ф. – С. 165

13 Указ. соч. – С. 164

14 Гарнетт К. – С. 175

15 Рубинер Л./ Шак. Ф. – С. 162

16 Указ. соч. – С. 170

17 Гарнетт К. – С. 187

18 Указ. соч. – С. 240

19 Гарнетт К. – С. 316

20 Указ. соч. – С. 103

door»²¹. Любопытна замена «старый хрен» - «old chap» (приятель, старина). В результате английской редакции выражение приобрело положительную коннотацию вместо ругательства.

Рассмотрим еще пример: «в одноглазой башке»²² – «*in your thick head, you one-eyed fool*»²³ (К. Гарнетт). Стилистически окрашенное слово «башка» передано с помощью нейтрального «*head*», однако К. Гарнетт употребляет прилагательное «*thick*» в его просторечном значении (глупый, тупой) и добавляет уточнение «*one-eyed fool*» (one-eyed – 1. одноглазый, 2. подлый, недалекий; fool – дурак). Таким образом, с помощью приема компенсации была восполнена важная для оригинала стилистическая потеря.

Необходимо также отметить разницу в подходе английских и немецких авторов к переводу подобных единиц языка. В английских вариантах стилистически окрашенные бранные слова в большинстве случаев были заменены нейтральными литературными аналогами: «рожа» – «*face*» (лицо), «шельма» – «*scamp*» (мошенник, плут), «хрычовка» – «*witch*» (ведьма), «сволочь» – «*rabble*» (толпа, сброд). Более близки оригиналу немецкие переводы, поскольку их авторы пытались найти в языке перевода эквиваленты сниженного стиля: «рожа» – «*die Fratze*» (рожа), «сволочь» – «*das Pack*» (сброд, сволочь), «старый хрен» – «*der alte Knasterbrat*» (старикан), «хрычовка» – «*die alte Vettel*» (старая карга), «страмница» – «*das Frauenzimmer*» (баба), «*das Weib*» (баба). Как правило, жаргонные, грубые слова передаются в немецких вариантах перевода с помощью приема функционального аналога, что позволяет сохранить коннотативную окраску оригинала.

В гоголевском тексте также часто встречаются слова и выражения с определенным отклонением от литературной нормы – в произношении, управлении, согласовании. При переводе вольностей устной речи в каждом конкретном случае требуется свое решение: «Переводчик должен стараться «попасть в тон» с автором, уточнив для себя, какие цели он себе ставил и какими средствами их добивался, хотя в переводе совсем не обязательно идти теми же путями»²⁴.

Различные намеренные отклонения от нормы обычно передаются в переводе функционально, то есть переводчик стремится воссоздать в тексте тот же стилистический эффект. Например: одним из случаев употребления функционального аналога при передаче отклонения от нормы в произношении

21 Гарнетт К. – С. 34

22 Указ. соч. – С. 126

23 Гарнетт К. – С. 47

24 Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., 1980. С. 330

является перевод Л. Рубинер, Ф. Шак выражения: *«Што балшой город?»* – *«Eine gewaltige Stadt, wie?»*²⁵ (в немецком языке литературное употребление слова – *«gewaltige»* (большой)). Рассмотрим весь фрагмент текста оригинала: *«– Что ж, земляк – сказал, приосанясь, запорожец и желая показать, что он может говорить и по-русски. – Што балшой город? Кузнец и себе не хотел осрамиться и показаться новичком; притом же, как имели случай видеть выше сего, он знал и сам грамотной язык. «Губерния знатная! – отвечал он равнодушно, – нечего сказать, дома балшущие, картины висят скрозь важные...»*²⁶. Это отрывок из разговора Вакулы с запорожцами. Гоголь намеренно выделяет некоторые слова для речевой характеристики персонажей и для колорита в целом, желая показать отличие столичного, «грамотного» языка от провинциального. Во всех исследуемых переводах, кроме работы Л. Рубинер – Ф. Шак эта разница не видна. Безусловно, перевод не может соответствовать оригиналу «слово за словом», однако в данном случае необходимо было найти аналогии для каких-то отдельных деталей, указывающих на своеобразие языка подлинника.

Отклонения от нормы встречаются также и в управлении: *«я вас ее выучу»*, *«заохал от ушибу»*, *«мне Горобець прислал сказать»*, *«с нас ведь теперь смеяться будут»*, *«с нее никогда не будет доброй хозяйки»*; и в грамматической форме слов: *«едал покойник аппетитно»*, *«становят перед светлым воскресением»*, *«и совсем как будто потухнул»*, *«жалко отнимать цыпленков»*, *«нос вытянулся и повиснул»*, *«с напросившимися к ним в хату гостями»*. Такие погрешности, свойственные устному, живому языку, сознательно употреблены в гоголевском повествовании, с целью придать тексту просторечный колорит. Однако далеко не все дефекты речи, использованные в оригинале, нашли отражение в переводе. В большинстве случаев они были заменены общеупотребительной, литературной нормой.

Рассмотрим те случаи, когда переводчикам удавалось воспроизвести элементы всевозможных вольностей устной речи. Например, выражение *«чмокнул жену и двух своих, как сам он называл, поросенков»*²⁷ – 1. *«schmatzte seine Frau und seine zwei Ferkelchen (wie er sie selbst nannte)»*²⁸ (Л. Рубинер, Ф. Шак); 2. *«gab siener Frau einen Schmatz und auch seinen beiden Ferkelchen – so nannte er sie selbst»*²⁹ (М. Пфайффер). В

25 Рубинер Л./ Шак. Ф. – С. 179

26 Указ. соч. С. 176

27 Указ. соч. С. 136

28 Рубинер Л./ Шак. Ф. – С. 147

29 Пфайффер М. – С. 149

обоих немецких переводах использованы просторечные аналоги глагола «чмокать» («*schmatzen*», «*einen Schmatz geben*»); кроме того, существительное «*der Ferkel*» (поросенок) приобрело уменьшительно-ласкательный оттенок с помощью суффикса *-chen*, который часто используется в разговорной речи в немецком языке. Еще один пример: «*от крику безумеет голова*»³⁰ – «*die Schädel dröhnen vom Rufen und Schreien*»³¹ (Л. Рубинер, Ф. Шак). В переводе Л. Рубинер, Ф. Шак стилистически окрашенный в оригинале глагол «безумеет» был переведен нейтральным «*dröhnen*», однако переводчики использовали прием компенсации, заменив нейтральное в оригинале «голова» просторечным «*die Schädel*». Таким образом, при отсутствии соответствий или функциональных аналогов переводчик может прибегнуть к приему компенсации, подобрав просторечный эквивалент, который придает переводимому тексту необходимую характеристику отклонения от литературной нормы.

При переводе просторечий не обошлось и без переводческих ошибок. Прежде всего, это неверное истолкование смысла оригинала. Например: «*шарить*» (искать, обыскивать) – «*kratzen*» (царапать) (М. Пфайффер); «*подвелся к окну поглядеть*» (подвелся –приблизился) – «*he stood to look out of window and see*» (stand – стоять, встать) (О. Горчаков); «*побесить*» (побесить – «привести в сильное раздражение» (Ушаков)) – «*giving a good stir up*» (stir up – побуждать, растормошить, будоражить) (К. Гарнетт); «*детвора*» (маленькие дети) – «*confounded brats*» (плохо воспитанные дети) (О. Горчаков), «*die verdammten Kinder*» (проклятые дети) (Л. Рубинер, Ф. Шак), «*die verfluchten Kinder*» (проклятые дети) (М. Пфайффер).

Способы перевода просторечий различны. И в каждом конкретном примере подход к языковой единице оригинала индивидуален. Наиболее распространенный прием – перевод с помощью общеупотребительного эквивалента. Этот прием использован не случайно, поскольку очень трудно передать на языке перевода весь тот национальный колорит, всю ту культурную и социальную окраску, которую несет в себе слово бытовой, устной речи. Поэтому переводчики старались употреблять близкую им единицу, которая воспроизводит смысл оригинала и лишь в какой-то мере его коннотативное значение: «*ввечеру, уже повечерявши*»³³ («*in the evening, after supper*» (К. Гарнетт)³⁴, «*Abends, nach dem Abendbrot*» (М. Пфайффер)³⁵, «*Abends, nachdem man gevespert hatte*» (Л.

30 Указ. соч. С. 204

31 Рубинер Л./ Шак. Ф. – С. 201

33 Указ. соч. – С. 243

34 Гарнетт К. – С.324

35 Пфайффер М. – С.319

Рубинер, Ф. Шак)³⁶; «опустя руки»³⁷ («letting his hand fall» (К. Гарнетт)³⁸, «ließ die Hände sinken» (М. Пфайффер)³⁹, «ließ die Arme sinken» (Л. Рубинер, Ф. Шак)⁴⁰; «калякали о сем и о том»⁴¹ («they chatted of one thing and another» (К. Гарнетт)⁴², «man schwatzte über dies und jenes» (Л. Рубинер, Ф. Шак)⁴³, «Sie schwätzten über dies und das» (М. Пфайффер)⁴⁴) и т.д.

По-разному передавая те или иные стилистические особенности, то или иное диалектное и контекстное значение языковых единиц оригинала, отличаясь своими достоинствами и недостатками, разные переводы гоголевского цикла отражают общую переводческую проблематику. Перед переводчиком встает огромная задача передать все те элементы языка подлинника, которые представляют отклонения от общей языковой нормы, а ведь именно они составляют личный почерк автора, гоголевскую манеру повествования и вызывают определенные трудности при переводе.

Н.В. Гоголь привлек наше внимание потому, что в его произведениях черты национального своеобразия выражены особенно ярко. Многие исследователи говорят о сложности восприятия Н.В. Гоголя за рубежом из-за самобытности его языка, переводчики считают его одним из наиболее сложно переводимых русских авторов. Вместе с тем, еще в 1845 г. В.Г. Белинский объяснял причину особого интереса к произведениям Н. В. Гоголя: «Как живописец преимущественно житейского быта, прозаической действительности, он не может не иметь для иностранцев полного интереса национальной оригинальности уже по самому содержанию своих произведений. В нем все особенное, чисто русское; ни одною чертою не напомнит он иностранцу ни об одном европейском поэте» [Белинский, 1845, с. 116].

Список литературы

Белинский В.Г. Перевод сочинений Гоголя на французский язык // Отечественные записки, 1845. - Т. 42. С. 115-116

Виноградов В.В. О языке ранней прозы Гоголя // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. – М.-Л. : АН СССР, 1951. – Т. 2. С. 94 – 138.

36 Рубинер Л./ Шак. Ф. – С. 295

37 Указ. соч. – С. 171

38 Гарнетт К. – С. 188

39 Пфайффер М. – С. 188

40 Рубинер Л./ Шак. Ф. – С. 173

41 Указ. соч. – С. 110

42 Гарнетт К. – С. 73

43 Рубинер Л./ Шак. Ф. – С. 69

44 Пфайффер М. – С. 76

Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М. : Высшая школа, 1986. 416 с.

Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем. В 23 т. / Н.В. Гоголь ; гл. ред. Ю.В. Манн. – М. : Наследие, 2001. – Т. 1. 920 с.

Мандельштам И.Е. О характере гоголевского стиля. Глава из истории русского литературного языка / И.Е. Мандельштам. – Гельсингфорс, 1902. – 405 с.

Gogol N.V. Evenings near the village of Dikanka. Stories published by bee-keeper Rudi Panko / N.V. Gogol ; edited by Ovid Gorchakov. – Moscow : Foreign Languages Publishing House, 195-. 278 p.

Gogol N.V. Evenings on a farm near Dikanka // The works of Nikolay Gogol in V vol. / N.V. Gogol ; from the Russian by Constance Garnett. – London : Chatto and Windus, 1926. – IV. 328 p.

Gogol N.W. Abende auf dem Gutshof bei Dikanka. Phantastische Novellen / N.W. Gogol ; übers. ins Deutsche Ludwig Rubiner und Frieda Schak. – Wien : Ullstein Verlag, 1946. 302 s.

Gogol N.W. Abende auf dem Weiler bei Dikanka. Gesammelte Werke in Einzelbänden / N.W. Gogol ; aus dem Russischen übersetzt von Michael Pfeiffer. – Berlin und Weimar : Aufbau-Verlag, 1968. 352 s.

**КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Александрович Н.В.

Анапский филиал ФГБОУ ВПО «Московский государственный гуманитарный университет имени М.А. Шолохова»
г. Анапа (Россия)

Aleksandrovich Natalya

Sholokhov Moscow State University for Humanities, Anapa Branch
Anapa (Russia)

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ КАК КОНЦЕПТЫ В РОМАНЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

THE CONCEPTS OF LIFE AND DEATH IN LERMONTOV'S NOVEL "A HERO OF OUR TIME"

При решении спорных вопросов понимания и интерпретации текста концептуальный подход представляется оптимальным, поскольку в качестве единицы анализа берется концепт как ментальное образование. Совокупность концептов как единиц индивидуального сознания складывается в концептосферу, или картину мира автора, и воплощается в художественном произведении целым комплексом языковых средств разных уровней. В настоящей работе предлагается моделирование когнитивно-пропозициональной структуры (КПС) концептов как системы представлений поэта о жизни и смерти. Пропозиция в такой структуре является языковым выражением модели конкретной ситуации, а именные и предикатные отношения в ней строятся в зависимости от авторского отношения к деталям данной ситуации. Анализ каждой позиции КПС позволяет наиболее полно восстановить авторское представление о предмете, и тем самым достигнуть максимально близкого к авторскому его понимания.

Экзистенциальные идеи были для М.Ю. Лермонтова ключевыми, но их единого понимания у философов и литературоведов до сих пор не сложилось. В статье представлены результаты концептуального анализа романа «Герой нашего времени» как прецедентного текста русской культуры.

Conceptual approach seems the most optimal for the solution of controversial questions of understanding and interpretation of texts as a concept is taken as a unit for analysis. Concepts are mental elements; a set of concepts as units of individual consciousness forms the conceptual sphere, i.e. the author's picture of the world. It is embodied in a literary work with the complex of language means of different levels. The article deals with modeling of the cognitive and propositional structure (CPS) of concepts as systems of the poet's ideas about life and death. The proposition in such structure is a verbal expression of some concrete situation, and the nominal and predicate relations in it are constructed owing to the author's relation to details of the situation. The analysis of each position of CPS helps to get the most optimal idea of the author and to reach the closest to author's understanding of the text.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, концептуальный анализ, когнитивно-пропозициональная структура, интерпретация.

Keywords: concept, conceptual sphere, conceptual analysis, cognitive and propositional structure, interpretation.

Материалом исследования послужил роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» как один из прецедентных текстов русской культуры. Роман создавался в 1836-1840 гг., когда поэту было 22 – 26 лет. Была поставлена цель — посредством концептуального анализа восстановить авторские представления о жизни и смерти. Для достижения цели определены следующие задачи:

- 1) выделить ключевые слова — носители концептуального содержания в тексте романа;
- 2) выявить синтаксические позиции ключевых лексем и смоделировать когнитивно-пропозициональную структуру каждого концепта;
- 3) описать концепты жизни и смерти, объективированные в романе.

Поставленные задачи решались с помощью комплексной методики, включающей принципы концептуального анализа художественного текста, разработанного Л.Г. Бабенко, компонентный анализ, интерпретативный подход к тексту и моделирование объекта. Сбор материала осуществлялся методом сплошной выборки из текста романа М.Ю. Лермонтова. Критериями отбора лексических единиц стали их частотность, информационная емкость, способность трансформировать концептуальное содержание в фактологическом материале.

На первом этапе исследования методом сплошной выборки выделялись и анализировались контексты, в которых лексемы с семантикой жизни и смерти реализуются в различных синтаксических ролях, т.е. образуют когнитивно-пропозициональные структуры (КПС). Анализ каждой позиции КПС позволил восстановить авторские интенции, стоящие за текстовой репрезентацией концепта.

По данным лексикографического анализа, ЖИЗНЬ в русской лингвокультуре не ассоциируется с чем-то драгоценным, что важно для человека, чем надо дорожить. В словарях ЖИЗНЬ толкуется как: 1) совокупность явлений, происходящих в организмах, особая форма существования материи; 2) физиологическое существование человека, животного, всего живого; 3) время такого существования от его возникновения до конца, а также в какой-нибудь его период; 4) деятельность общества и человека в тех или иных ее проявлениях; 5) реальная действительность; 6) оживление, проявление деятельности, энергии. Очевидно, что в русскоязычном сознании концепт охватывает все экзистенциальные аспекты, кодируя бытие всего живого во времени и пространстве. Его структуру формируют признаки: время, состояние, действие, движение.

В романе встречается около 130 обширных контекстов, где объективируются представления писателя о жизни и смерти, в них прослеживаются все лексикографически отмеченные признаки экзистенциальных концептов.

Концепт ЖИЗНЬ объективируется в романе как когнитивно-пропозициональная структура с позициями субъекта, предиката, объекта, обстоятельств времени и качества, а также атрибутивными характеристиками.

Субъектная позиция замещается существительным *жизнь* и семантически близкими ему *судьбой*, *долей*, *предопределением*. Предикатами *жизни* чаще являются глаголы *быть* и *становиться*, имеющие значение перехода из одного состояния в другое, благодаря этому акцентируется многообразие и изменчивость жизни. Обилие глаголов-связок создает ощущение динамики событий, т.е. передает авторское отношение к жизни как чему-то непостоянному, но в то же время и желаемому, возможному, предполагаемому.

Это впечатление поддерживают именные части сказуемых – субстантивы с театральной семантикой. По мнению поэта, жизнь может *быть отвратительным фарсом, нелепой мелодрамой, цепью грустных и неудачных противоречий сердцу или рассудку*. Эти предикативы выделяют важный концептуальный признак: неоднозначность и многоплановость жизни как поля столкновения противоположных сил, добра и зла.

Ср.: *фарс – театральная пьеса лёгкого, игривого содержания с внешними комическими эффектами*.

Мелодрама – 1. *Драма с острой интригой, с резким противопоставлением добра и зла, с преувеличенной эмоциональностью*.

2. *перен. Событие, поведение, окрашенное преувеличенным драматизмом (неодобр.)*.

Концептуальный признак жизнь-время емко представлен в романе, выделяется *первый (или один) раз в жизни, самое счастливое (лучшее) время жизни и целая жизнь*. Например, [Казбич] *в первый раз в жизни оскорбил коня ударом плети*; автор видел Печорина *только раз в жизни на большой дороге*.

Лучшее время жизни – служить на Кавказе, ср.: Вскоре перевели меня на Кавказ: это самое счастливое время моей жизни.

Ср.: *Что ж? я был сам некогда юнкером, и, право, это самое лучшее время моей жизни*.

По мнению автора, *можно заниматься целую жизнь одним собою; целую жизнь хотеть остаться на Кавказе; волноваться страстями.*

Ср.: *Быть всегда настороже, ловить каждый взгляд, значение каждого слова, угадывать намерения, разрушать заговоры, притворяться обманутым, и вдруг одним толчком опрокинуть все огромное и многотрудное здание их хитростей и замыслов, - вот что я называю жизнью.*

В других контекстах (например, фразеологизм *жизнь — копейка*) подчеркивается незначительность жизни, ср.: *жизнь не стоит того, чтоб о ней так много заботиться...*

Наиболее равномерно и объемно представлены позиции предиката и объекта, что указывает на то, что, по мнению поэта, жизнь – это, прежде всего, движение и действие. Анализ предикатной позиции подтверждает авторское восприятие жизни как пьесы, в которой человек участвует вопреки “сердцу или рассудку”. Предикат *протекать* выражает признак быстротечности жизни, ср.:

- *Здесь моя жизнь протечет шумно, незаметно и быстро, под пулями дикарей, и если бы бог мне каждый год посылал один светлый женский взгляд, один, подобный тому...*

Далее предикатная позиция замещается глаголом *жить* в роли простого глагольного сказуемого (*живешь, жил, прожила, зажились, оживилась*), либо инфинитивом в составе осложненных глагольных сказуемых (*будем жить, случается жить, остаться жить навеки, должен прожить, стоит ли жить*).

Ср.: *...направо и налево гребни гор, один выше другого, пересекались, тянулись, покрытые снегами, кустарником; вдали те же горы, но хоть бы две скалы, похожие одна на другую, - и все эти снега горели румяным блеском так весело, так ярко, что кажется, тут бы и остаться жить навеки...*

Но, как известно, жизнь конечна, и лермонтовский оксюморон оказывается парафразом смерти, и получается, что свою жизнь и смерть поэт связывает с горами как вселенским символом, осью мира, тем самым расширяя личное пространство и время до бесконечности. Жизнь и смерть для Лермонтова единое целое, и такое понимание выходит за рамки религиозной традиции.

Бытийными субъектами в большинстве описаний выступают герои или автор, но есть ряд случаев, когда субъектом, например, становится *другая половина души*.

Ср.: *Я сделался нравственным калекой: одна половина души моей не существовала, она высохла, испарилась, умерла, я ее отрезал и бросил, - тогда как*

другая шевелилась и жила к услугам каждого, и этого никто не заметил, потому что никто не знал о существовании погибшей ее половины; но вы теперь во мне разбудили воспоминание о ней, и я вам прочел ее эпитафию.

В романе ДУША актуализируется скорее как *внутренний, психический мир человека, его сознание и совесть*, чем как *бессмертное начало в человеке, продолжающее жить после его смерти*. ДУША не только входит в концептосферу романа как русский культурный концепт, но и приобретает у Лермонтова особое значение – персонифицируется и становится субъектом, т.е. источником материальной и духовной деятельности, направленной на самопознание.

Ср.: *...душа, страдая и наслаждаясь, дает во всем себе строгий отчет и убеждается в том, что так должно; она знает, что без гроз постоянный зной солнца ее иссушит; она проникается своей собственной жизнью, - лелеет и наказывает себя, как любимого ребенка. Только в этом высшем состоянии самопознания человек может оценить правосудие божие.*

Предикатами к жизни-объекту выступают глаголы *рассказывать* и *рисковать* (*жертвовать*), то есть для писателя жизнь – это, с одной стороны, предмет разговоров, ср.:

- *Мы поговорим... вы мне расскажете про свое житье в Петербурге...*
- *Я поместил в этой книге только то, что относилось к пребыванию Печорина на Кавказе; в моих руках осталась еще толстая тетрадь, где он рассказывает всю жизнь свою.*
- *Княжне начинает нравиться мой разговор; я рассказал ей некоторые из странных случаев моей жизни, и она начинает видеть во мне человека необыкновенного.*

С другой стороны, это действия и поступки человека, полностью осознающего жизненные риски и опасности, ср.:

Не кстати было бы мне говорить о них с такою злостью, - мне, который, кроме их, на свете ничего не любил, - мне, который всегда готов был им жертвовать спокойствием, честолюбием, жизнью...

Подумайте хорошенько: поддерживая ваше мнение, вы теряете право на имя благородного человека и рискуете жизнью.

Но вас наградит та, для которой вы рискуете жизнью.

Лермонтов видит человеческую жизнь линейной и предельной, размышляет о ее начале и конце:

Мало ли людей, начиная жизнь, думают кончить ее, как Александр Великий или лорд Байрон, а между тем целый век остаются титулярными советниками?..

Данный пример показывает двух легендарных личностей, значимых для М.Ю. Лермонтова – знаменитого полководца и поэта-бунтаря, которым противопоставляется средний человек, титулярный советник. Этот чин считался началом успешной карьеры, однако прослужить всю жизнь титулярным советником значило оказаться заурядным человеком. Очевидно, поэт хотел противопоставить такому человеку амбициозных героев, искавших славы и приключений.

Однако Лермонтов, получивший прекрасное образование, скорее всего, знал, что античные философы не видели величия в захвате новых земель. Сенека считал Александра «несчастливым человеком, которого гнала в неведомые земли страсть к честолюбию и жестокость, и который старался подчинить себе всё, кроме страстей, ибо из наук он должен был узнать, как мала земля, чью ничтожную часть он захватил».

Влияние творчества Байрона на российских поэтов было огромным. Пик байронизма пришелся в России на 1820-е годы (годы юности Лермонтова), когда, по словам В.Г. Белинского, «все заговорили о Байроне, и байронизм сделался пунктом помешательства для прекрасных душ».

«Встреча» исторических персонажей в одном контексте указывает на избирательность поэта, которого интересовали не только амбициозность, но и противоречивость личностей Александра Великого или Джорджа Байрона, проживших яркую, но неоднозначную жизнь. Неординарность жизни для поэта важнее, чем ее полезность. Отсюда и атрибутивные характеристики жизни (*скудна, однообразна*) в репликах Грушницкого, очевидно, не «героя времени» для поэта –

ср.: Мы ведем жизнь довольно прозаическую, - сказал он, вздохнув...

Вопрос в прошедшем времени «зачем я жил?» оказывается для М.Ю. Лермонтова одним из важнейших, если не самым важным, на который поэт пытается дать свой ответ, ср.:

Пробегаю в памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачем я жил? для какой цели я родился?.. А, верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные... Но я не угадал этого назначения, я увлекся приманками страстей пустых и неблагодарных; из горнила их я вышел тверд и холоден, как железо, но утратил навеки пыл благородных стремлений - лучший свет жизни. И с той поры сколько раз уже я играл

роль топора в руках судьбы! Как орудие казни, я упал на голову обреченных жертв, часто без злобы, всегда без сожаления...

И если вначале поэт констатирует, что можно целую жизнь *волноваться страстями*, то в итоге горько сожалеет, что *увлекся приманками страстей пустых и неблагодарных*. Смысл человеческой жизни для него – назначение высокое, цель, которую надо найти и к которой надо стремиться. Но трагедия в том, что М.Ю. Лермонтов не знал, как определить свою цель (или *долю*, или *назначение*, или *судьбу*), поэтому его представления о жизни и смерти, как показывает роман, находятся в постоянной рефлексии. В книге это подтверждается и композицией с произвольной хронологией событий, и обилием экзистенциальных синонимов и антонимов.

В романе часто встречаются контексты, объективирующие концепт судьбы. СУДЬБА, наряду с ЖИЗНЬЮ и СМЕРТЬЮ, относится к русским культурным концептам. По мнению Н.Д. Арутюновой, «понятию жизни как *судьбы*, пути которой таинственны и неисповедимы, противопоставит концепт жизни как *пути*, ведущего к пункту назначения. Как и судьба, путь представляет жизнь как целостное, хотя и делимое на этапы, образование, но, в отличие от судьбы, человек начинает свой жизненный путь не в момент рождения, а в момент первой развилки и первого выбора. Судьба снимает с человека ответственность за прожитую жизнь, путь, напротив, ее возлагает» [Арутюнова, 1999, с. 631].

В романе предикатами судьбе служат глаголы *послать (ангела)*, *привести (к развязке чужих драм)*, *свести*, *иметь целью*, *назначать*, *миловать*, *открывать*, *написана на небесах*, *дала ему в товарищи*, судьбу можно *предсказать*, *испытать*, *встретить в борьбе*, но нельзя *миновать*. Такой набор предикатов актуализирует авторское понимание СУДЬБЫ как главной движущей силы в жизни человека, которой невозможно противостоять.

Ср.: *...ну, уж коли грех твой тебя попутал, нечего делать: своей судьбы не минуешь!*

ЖИЗНЬ поэта проходит на военной службе, связанной с путешествиями, а, значит, здесь и находит выражение авторского понимания жизни как пути к своему предназначению. Однако у Лермонтова ПУТЬ и СУДЬБА не разделяются, а напротив, совпадают, ведь, по мнению поэта, именно судьба определяет путь человека, снимая тем самым с него ответственность за свои поступки.

Ср.: *Я знаю, мы скоро разлучимся опять и, может быть, на веки: оба пойдем разными путями до гроба...*

И теперь, здесь, в этой скучной крепости, я часто, пробегая мыслью прошедшее, спрашиваю себя: отчего я не хотел ступить на этот путь, открытый мне судьбою, где меня ожидали тихие радости и спокойствие душевное?.. Нет, я бы не ужился с этой долей!

Среди немногочисленных атрибутивных характеристик чаще употребляется прилагательное *живой*. Так, *живыми* могут быть не только люди, но и *чувство красоты и величия природы, напев, струны сердца человеческого*.

Ср.: - Погодите, - сказал я майору, я его возьму живого.

Прислушиваюсь - напев старинный, то протяжный и печальный, то быстрый и живой.

Вернер человек замечательный по многим причинам. Он изучал все живые струны сердца человеческого, как изучают жилы трупа, но никогда не умел он воспользоваться своим знанием; так иногда отличный анатомик не умеет вылечить от лихорадки!

Проявления жизни писатель видит во всем, и это полностью соответствует русской лингвокультуре. Авторские признаки *жизнь-буря* и *жизнь-воздух* открываются в атрибутивных сочетаниях *жизненная буря* и *животворящий воздух*.

Ср.: Из жизненной бури я вынес только несколько идей - и ни одного чувства. Я давно уж живу не сердцем, а головою. Я взвешиваю, разбираю свои собственные страсти и поступки с строгим любопытством, но без участия. Во мне два человека: один живет в полном смысле этого слова, другой мыслит и судит его; первый, быть может, через час простится с вами и миром навеки, а второй...

Однако четкой границы между жизнью и смертью для поэта не существует, и это подкрепляется постоянным взаимодействием в тексте экзистенциальных антонимов.

СМЕРТЬ в словарях интерпретируется как 1) прекращение жизнедеятельности организма: *клиническая смерть, биологическая смерть, насильственная смерть, скоропостижная смерть; погибнуть смертью героя; быть при смерти; смерти в глаза смотреть; бледен как смерть*. 2) перен. конец, полное прекращение какой-нибудь деятельности: *политическая смерть; творческая смерть*. В исследовании Л.О. Чернейко и Хо Сон Тэ отмечается, что смерть в русском языковом сознании оценивается положительно, принимается как данность, но с некоторой насмешкой над ней [Чернейко, 2001, с. 58].

В романе “Герой нашего времени” концепт СМЕРТЬ актуализируется примерно в том же объеме, что и ЖИЗНЬ, однако его когнитивно-пропозициональная структура складывается совершенно иначе. Во-первых, в ней практически отсутствует субъектная позиция. Обнаружено лишь два контекста, где субъектами выступают субстантивы с семантикой смерти – *убийца* и *мать убийцы*, оба в рассказе “Фаталист”.

Ср: *Убийца заперся в пустой хате, на конце станицы.*

Ср.: *Среди их бросилось мне в глаза значительное лицо старухи, выражавшее безумное отчаяние. Она сидела на толстом бревне, облокотясь на свои колени и поддерживая голову руками: то была мать убийцы.*

Наиболее репрезентативной стала предикатная позиция (около 50 контекстов, 20 разных лексических вариантов с семантикой смерти), и это говорит о том, что поэт представляет смерть активным действием, имеющим различные признаки. Ср.: кроме глаголов *умереть, зарезать, убить, скончаться, похоронить, утонуть, издохнуть, застрелиться*, описывающих разные способы умереть, предикатную позицию составляют и фразеологизмы *сложить буйную голову, зачахнуть в неволе, гоняться за пулей* или *ударом шашки, быть покойным, дурно кончить, подстрелить как птицу, драться насмерть, разбиться вдребезги, убить как собаку, околевать, как муха, разрубить от плеча почти до сердца*. Такая вербальная аккумуляция выражает особую эмоциональность автора по отношению к смерти, результат его рефлексии. Обе группы предикатов обозначают смерть в разных формах, смерть естественную, насильственную или суицид.

Ср.: - *Стреляйте!* - отвечал он, - *я себя презираю, а вас ненавижу. Если вы меня не убьете, я вас зарезу ночью из-за угла. Нам на земле вдвоем нет места...*

Ср.: - *Послушайте,* - сказал я, - *или застрелитесь, или повесьте пистолет на прежнее место, и пойдете спать.*

Объектную позицию занимает существительное *смерть* (более 20 случаев) – так, *смерти не минуешь, подвергать себя смерти, к близости смерти можно привыкнуть*, о смерти – *объявить, думать; ожидать, искать, объяснить смерть, спасти от смерти и читать печать смерти на лице*. Выборка показывает, что поэт осмысляет смерть как действие, предмет разговоров или размышлений, у нее есть внешний вид (*печать смерти*), для нее должна быть причина (*причиною его смерти несчастный случай*).

Атрибутивная позиция выражена в романе скромно, однако ее содержание составляют разные единицы, определяющие как одушевленные, так и

неодушевленные объекты, заставляя читателя все время помнить о близости, возможности и неотвратимости смерти. В частности, у Лермонтова могут быть *умирающий солдат* и *умирающий ветер*, *смертельная бледность*, *мертвый сон природы*, *погибшее счастье*, *окровавленный труп*. Встречается несколько атрибутивных сочетаний со словом *смерть*: *думая о близкой и возможной смерти*, *неминуемая*, *верная*, *скоропостижная смерть*, которые отражают важные для поэта концептуальные признаки – близость, возможность и внезапность смерти.

Восприятие жизни как драмы находит еще одно подтверждение в сравнении смерти с развязкой:

3. *Как это скучно! - воскликнул я невольно. В самом деле, я ожидал трагической развязки, и вдруг так неожиданно обмануть мои надежды!..*

Итак, анализ романа “Герой нашего времени” показал, что концепты жизни и смерти представлены целым спектром языковых единиц, образующих принципиально разные когнитивно-пропозициональные структуры. Концепт ЖИЗНЬ реализуется в виде КПС, в которой доминируют предикатная и объектная позиции. Все лексикографические признаки концепта ЖИЗНЬ (время, состояние, действие, движение) нашли выражение в книге М.Ю. Лермонтова, однако структура и содержание концепта выходят за рамки русской лингвокультурной традиции. Поэт выделяет следующие концептуальные признаки жизни: изменчивость, быстротечность, театральность, противоречивость и предельность, самым важным, однако, признавая неординарность. Представление о ЖИЗНИ как о пути к своему назначению свойственно многим культурам, в том числе и русской, но у поэта понятия цели, доли, судьбы и пути совпадают, по его мнению, именно судьба определяет путь человека, снимая тем самым с него ответственность.

Концепт смерти реализован в романе посредством КПС, в которой предикатная позиция является доминантной, т.е. смерть представляется поэту активным действием, наделенным признаками близости, возможности и внезапности. И ЖИЗНЬ, и СМЕРТЬ становятся для поэта предметом постоянной рефлексии, все происходящее он “измеряет” экзистенциальными категориями, воспринимая их сквозь призму русской лингвокультуры, в то же время выделяя неординарность жизни и внезапность смерти в качестве доминантных признаков.

Список литературы

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – I-XV. 896 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х томах / В.И. Даль. – М.: А/о Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1991.

Белинский В.Г. Русская литература в 1845 году [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_1845.shtml.

Нольман М. Лермонтов и Байрон // Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова: Исследования и материалы: Сборник первый. — М.: ОГИЗ; Гос. изд-во худож. лит., 1941. С. 466—515.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений/ Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

Сенека. Нравственные письма к Луцилию XCIV 62-63;CXIII 29.[Электронный ресурс] / Сенека – Режим доступа:

https://ru.wikipedia.org/wiki/Александр_Македонский#cite_ref-142

Сенека. Нравственные письма к Луцилию XCI 17. [Электронный ресурс]/ Сенека. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Александр_Македонский#cite_ref-142

Чернейко Л.О. Концепты *жизнь* и *смерть* как фрагменты русской языковой картины мира / Чернейко, Л.О., Хо Сон Тэ // Филологические науки. - 2001.- № 5. С. 50 - 59.

Аристова В.Н.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
г. Москва (Россия)

Николаева И.В.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
г. Москва (Россия)

Aristova Valentina

National Research University Higher School of Economics
Moscow (Russia)

Nikolaeva Irina

National Research University Higher School of Economics
Moscow (Russia)

*КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ
ЯЗЫКУ: ОПЫТ ПРЕПОДАВАНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В НАЦИОНАЛЬНОМ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»*

*CULTURAL AND ANTHROPOLOGICAL ASPECT OF TEACHING OF FOREIGN
LANGUAGE: THE EXPERIENCE OF TEACHING FRENCH IN NATIONAL RESEARCH
UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS*

Процесс обучения иностранным языкам на современном этапе невозможен без знакомства с культурой страны изучаемого языка, поскольку язык выступает как средство познания и, более того, при изучении иностранного языка происходит формирование вторичной языковой личности, способной принимать полноценное участие в межкультурной коммуникации. Именно культурно-антропологический подход в обучении иностранному языку позволяет решать ряд практических, общеобразовательных, развивающих и воспитательных задач, обеспечивает огромный потенциал для дальнейшего поддержания мотивации учения, стимулирует познавательную активность, а также является мощным фактором личностного развития. В этой связи возникает необходимость формирования у учащихся в рамках учебных курсов иностранного (французского) языка и лингвострановедения готовности к осмыслению социокультурного портрета страны изучаемого языка, коммуникативного поведения носителя изучаемого языка. В статье раскрываются некоторые аспекты изучения специфики коммуникативного образа французов на занятиях по французскому языку на неязыковых факультетах НИУ ВШЭ (в частности, на примере факультета истории), где учебный курс предусматривает три года, из которых первые два года направлены на овладение французским общелитературным языком и языком профессионального общения, а третий включает элементы лингвострановедения Франции.

Actually it is impossible to imagine the process of learning of foreign languages without acquaintance to culture of the country of the learned language because language appears as means of knowledge. Even more the process of learning of foreign language forms at the same time the language personality who is able to take part in intercultural communication. So, cultural and anthropological approach in training in a foreign language allows to deal practical, developing and educational problems, develops huge potential for further maintenance of motivation of learning languages, stimulates informative activity, and also represents a powerful factor of personal development. In this regard we need to form students trying to understand socio-cultural image of the country of learning language, communicative behaviors of native

speakers. The article issues to reveal some aspects of studying of specifics of communicative image of French on French classes in National Research University Higher School of Economics (on the example of history faculty) where the training course provides three years from which the first two years are focused on acquisition of the general French language and language of professional communication, and the third year includes elements of studies of country's culture of France.

Ключевые слова: обучение французскому языку, коммуникативное поведение, лингвострановедение Франции, культурно-антропологический подход

Keywords: learning of French language, communicative behavior, studies of French country, cultural and anthropological approach.

На современном этапе интенсификации международных контактов в различных сферах деятельности российские специалисты активно вовлечены в процесс европейской интеграции. В результате насущной становится их потребность ознакомиться более подробно с различными аспектами европейской (в том числе – французской) цивилизации, объединив этот процесс с совершенствованием языковых компетенций в русле культурно-антропологического подхода, ставящего человека в контекст определенной культуры.

Знакомство с культурой страны изучаемого языка – одна из основных целей обучения иностранным языкам, где язык выступает в своей прямой функции – средства познания, а формирование вторичной языковой личности, способной принимать полноценное участие в межкультурной коммуникации, приобретает особое значение: решение практических, общеобразовательных, развивающих и воспитательных задач не только становится более эффективным, но и обеспечивает огромный потенциал для дальнейшего поддержания мотивации учения, стимулирует познавательную активность, а также является мощным фактором личностного развития.

Взаимопонимание между носителями разных лингвокультур в условиях межкультурной коммуникации зависит от степени совпадения образов их сознания, что предопределяет необходимость формирования у учащихся в рамках учебных курсов иностранного (французского) языка и лингвострановедения готовности к осмыслению социокультурного портрета страны изучаемого языка, коммуникативного поведения носителя изучаемого языка.

Наша цель – обозначить некоторые аспекты изучения специфики коммуникативного образа французов на занятиях по французскому языку на неязыковых факультетах НИУ ВШЭ (в частности, на примере факультета истории), где учебный курс предусматривает три года, из которых первые два года направлены

на овладение французским общелитературным языком и языком профессионального общения, а третий - включает элементы лингвострановедения Франции.

При этом знакомство с доминантными особенностями французского коммуникативного поведения в той или иной степени происходит на каждом занятии по французскому языку с первого года обучения. Речь идет о таких особенностях общения, которые проявляются у представителей данной нации, независимо от ситуации общения, тематики общения, состава коммуникантов и т. д.

В доминантных особенностях коммуникативного поведения проявляются наиболее яркие национальные черты общения того или иного народа. При этом описание коммуникативного поведения возможно только на базе некоторого сравнения. В той или иной степени любое описание всегда носит контрастивный характер, поскольку большинство характеристик коммуникативного поведения выводятся параметрически: часто – редко, интенсивно – слабо, громко – тихо и др. Исследователь описывает культуры либо путем открытого их сравнения, либо имплицитно опираясь на некоторую фоновую культуру. Без сопоставления, естественно, такое описание невозможно.

Практика показывает, что наиболее эффективно бикультурное описание, то есть, например, французское коммуникативное поведение на фоне русского, английского, немецкого, испанского, и др. По мнению И.А.Стернина, наилучшие результаты даёт не сопоставительный (автономное описание двух коммуникативных культур с последующим сопоставлением), а именно контрастивный подход (систематическое рассмотрение отдельных фактов родного коммуникативного поведения), поскольку «контрастивный принцип позволяет наиболее надёжно выявить и описать как общие, так и несовпадающие признаки коммуникативного поведения народов» [Прохоров, 2006, с. 58].

Контрастивное описание коммуникативного поведения народа позволяет выявить несколько форм проявления национальной специфики коммуникативного поведения той или иной коммуникативной культуры. Так, если коммуникативные признаки обеих культур совпадают, то речь идет об отсутствии национальной специфики. Например, в большинстве культур мира, в том числе в русской и во французской, принято здороваться, прощаться, извиняться, желать здоровья. Наличие национальной специфики может быть представлено несколькими вариантами:

– коммуникативные признаки обеих культур в целом совпадают, но при этом отдельные характеристики, действия, признаки в сопоставляемых культурах

различны: учитель во французской школе может, например, сидеть на столе, тогда как подобное поведение в русской аудитории скорее будет воспринято как невоспитанность и развязность;

– второй вариант констатирует эндемичность коммуникативных признаков для одной из сопоставляемых культур;

– третий вариант представлен коммуникативной лакунарностью. Это явление представляет собой отсутствие того или иного коммуникативного явления в данной культуре при наличии её в сопоставляемой [Прохоров, 2006, с. 70-75].

Приведём некоторые наблюдения над доминантными особенностями французского коммуникативного поведения.

Главное, что в поведении французов обращает на себя внимание иностранцев, – это вежливость: французы исключительно вежливы и учтивы. Вежливость вошла в жизнь французов и стала частью их бытия. Уже в раннем возрасте дети должны говорить «Bonjour, Madame», «S'il vous plaît, Madame», «Merci, Monsieur». Существует знаменитый юмористический монолог, автор которого – французский юморист, телеведущий и актер Гад Эльмалех рассказывает о поведении французов в лифте и констатирует, что иногда для того, чтобы подняться на один этаж француз произносит девять формул вежливости. Вы входите в лифт: «Bonjour» – «Bonjour». Слегка задев рукав попутчика при входе в лифт: «Pardon» – «Excusez-moi». Спрашиваете, на какой этаж едет Ваш попутчик: «Quel étage?» – «Deuxième» – «Merci». Слегка задеваете его рукав: «Oups pardon!» – «Excusez-moi». Лифт прибывает, открываются двери: «Je vais sortir» – «Oui, je vais vous laisser sortir» – «Merci» – «Attention» – «Excusez-moi» – «Pardon». И напоследок – прощальные формулы вежливости: «Bonne journée» – «A vous aussi» – «Merci» – «Au revoir» – «A bientôt». Безусловно, юмористический характер монолога придает ситуации утрированный характер, но тенденции в нем отражены с безупречной точностью [Elmaleh, vidéo].

О доминантных чертах французского коммуникативного поведения и, в частности, о формах выражения вежливости, студенты, изучающие французский язык, должны знать независимо от уровня их языковой подготовки (например, те, кто имеет так называемый пороговый уровень «выживания»). Так, если у француза возникнет потребность попросить о помощи, он не будет употреблять обороты в виде прямых директивов «помогите, пожалуйста...», «подскажите, как пройти...», так как их

использование выдвигает на первый план побуждение, приказ. Он может сказать, констатируя: « Je cherche le métro, s'il vous plaît» (Я ищу метро, пожалуйста) (Здесь и далее перевод наш – В.А., И.Н.), или задать вопрос «Pardon, Monsieur, pourriez-vous m'aider, s'il vous plaît, à monter ma valise?», прибегнув к использованию так называемых косвенных директивов (буквально: Извините, Месье, вы не могли бы мне помочь, пожалуйста, занести чемодан?).

Ярким примером выражения французской вежливости является сфера обслуживания: когда клиент (клиентка) входят в магазин, продавец непременно здоровается и, как правило, говорит одну из следующих фраз: «Que puis-je faire pour vous?» (Что я могу сделать для Вас?), «En quoi puis-je vous être utile?» (Чем могу быть полезен?), «Que désire Madame (Monsieur)?» (Что желает Мадам; Месье?), «Je vous écoute» (Я Вас слушаю), «Je peux vous aider ?» (Я могу Вам помочь?). После покупки продавец обязательно благодарит покупателя, желает ему хорошего дня или вечера и прощается: «Merci, Madame (Monsieur) et bonne journée (soirée). Au revoir». Более того, новые речевые формулировки вежливости не перестают появляться и в наши дни. Например, в современном французском языке появилась формула выражения благодарности: «C'est moi». Иностранец порой недоумевает, почему в магазине, получив товар, заплатив деньги и поблагодарив продавца «Merci madame», последняя отвечает ему: «C'est moi». Эта фраза зачастую обыгрывается французскими современными юмористами и писателями [Elmaleh, vidéo].

Поведение француза в общественных местах также отличается исключительной вежливостью. Например, в кафе, которое во французской культуре занимает особое место, разговор может касаться любых тем, кроме политики и религии (как правило, за столом этих тем стараются избегать). Официанты крайне вежливы и обходительны, хотя, по мнению самих французов, их официанты надменны и невежливы, что доказывает юмористический видеоролик, посвященный стереотипам о Франции [Les Clichés: France, vidéo]. Как и во многих других странах, прием пищи во Франции сопровождается вежливым «Bon appétit!». Однако в современном французском языке появилась еще одна формула вежливости, которая может привести иностранца в недоумение или смущение – «Bonne fin d'appétit!». «Откуда он или она знает, что аппетит подходит к концу, и мой обед заканчивается?» – напрашивается вопрос у иностранца. Более того, случается, что данная формула вежливости приводит в недоумение и самих французов, о чем свидетельствуют их высказывания на интернет–

форумах, посвященных французскому менталитету и характеру [Аристова, 2013, с.126].

Особенным образом вежливость французов проявляется в корреспонденции, на что следует непременно обращать внимание студентов. Вежливость чрезвычайно важна для реализации успешного письменного и устного общения с французами.

Французы не стремятся установить неформальные отношения в коллективе. На работе не обсуждаются ни личностные проблемы, ни настроения коллег или начальника: на первом месте оказываются профессиональные качества, уровень образования. Общение на работе, как правило, ограничивается несколькими фразами общего характера. Ставший уже традиционным вопрос «ça va?» – не больше чем простая формальность, заменяющая приветствие. И если по форме фраза эквивалентна вопросу, то, по сути, ответа она не требует, по крайней мере, содержательного, являясь речевым синонимом «Salut!».

Так называемое неформальное общение между коллегами если и имеет место, то, главным образом, во время обеденного перерыва, время которого – с 12 до 14 часов – традиционно соблюдается на территории всей страны.

Отметим также, что французов отличает любовь к спорам, но при этом им нравится прежде всего сам процесс. Французы спорят часто, делают это красиво. Недаром со школьной скамьи их учат уметь аргументировать свою позицию. Главным предметом спора становится, конечно же, политика. На втором месте – спорт и здоровый образ жизни.

Темы для общения могут быть самые разнообразные – начиная от обсуждения сериалов и телепередач, заканчивая дискуссиями об абстрактном искусстве. Иногда общение протекает довольно шумно, в некоторой степени азартно. Французы знают, что, по правилам этикета, перебивать собеседника – некрасиво, но «между собой» делают они это часто и очень естественно. Безусловно, есть и табуированные темы – деньги, вопросы о зарплате; не приветствуется и обсуждение вопросов здоровья, как и подробные рассказы о плохом самочувствии.

Известно, что, например у англоязычных или испаноязычных студентов, в силу особенностей их родных языков, большую сложность вызывает выбор правильной формы обращения при общении с французами. У русскоговорящих студентов, общающихся по-французски, выбор между формами обращения «ты» и «вы» не вызывает трудностей, поскольку, как и в русской культуре, во французской он зависит

от профессиональных и социальных отношений между собеседниками. Общение между друзьями и коллегами, которые имеют одинаковый профессиональный статус, предполагает обращение на «ты», при общении типа «начальник/подчинённый» принято говорить «вы» [Гиляровская, 2002, с. 102].

Французский народ отличается своей готовностью к протесту, что выражается в постоянных забастовках. Если французы считают, что их права ущемлены, они тут же прерывают работу и начинают бастовать. В целом же, французы выражают своё несогласие, не колеблясь ни на минуту, и в любой обстановке. Форма протеста может быть разная, в зависимости от ситуации.

Французы более дистантны в общении, чем русские. В гости ходят по приглашению, оговаривается это всегда заранее. Пожалуй, главное, что отличает визит в гости в России и во Франции – это уговаривание. Вернее, его отсутствие в западноевропейской стране. Если в России является обычным отказываться от какого-либо угощения из побуждения «не беспокоить, не обременять и др.», и столь же привычным является снова предлагать и уговаривать, то рассчитывать на повторное приглашение или предложение чего-то во Франции не приходится. Французы не предлагают что-либо просто из вежливости, это всегда делается осмысленно и продуманно. Уговаривать у французов не принято.

Французские пенсионеры в целом крайне отличаются от русских. Именно с выходом на заслуженный отдых для французов начинается новая жизнь. Они активно отдаются своим хобби, ведут здоровый образ жизни, занимаются спортом, с удовольствием путешествуют.

Суммируя вышесказанное, отметим, что доминантными чертами французского коммуникативного поведения являются, на наш взгляд, общительность, внешняя приветливость, улыбчивость, высокий уровень самоконтроля в общении, высокий уровень вежливости, любовь к спорам, дискуссионность как приоритет в общении, коммуникативный демократизм.

Знакомство студентов с доминантными особенностями французского коммуникативного поведения в измерениях двух различных социокультурных общностей проходит на протяжении всех трех лет обучения французскому языку. Помимо коммуникативной компетенции в области устного и письменного иноязычного общения совершенствуются предметно-когнитивная компетенция (знания элементов/структур чужой культуры, общего и отличного по сравнению с

собственной) и социально-аффективная компетенция (система ценностей, воспитываемая на базе чужой культуры). Данные компетенции способствуют адаптации личности в мировом поликультурном пространстве и осмыслению своей культурной принадлежности.

Последний, третий, год обучения нацелен прежде всего на формирование страноведческой компетенции в рамках учебного курса по лингвострановедению Франции. Курс строится на базе учебника «Panorama de la France actuelle» (авторы Аристова В.Н., Николаева И.В.) и состоит из 7 блоков, раскрывающих различные аспекты жизни современной Франции. Студенты обстоятельно изучают политический режим Франции, экономику, систему образования, искусство и литературу на базе лингвострановедческого материала в виде, как правило, аутентичных текстов из современных электронных источников, осваивая одновременно различные формы передачи содержания текста (résumé, compte rendu, synthèse etc.).

Блок «Espace français» знакомит студентов с регионами Франции с точки зрения их экономических особенностей. Сильные и слабые стороны экономики французских регионов, проблемы, характерные для современного этапа, представляют собой интересный материал не только для развития навыков письма, но и для организации дебатов, устных презентаций. Как и во всех остальных блоках, работа над лингвострановедческим материалом в первом из них организуется следующим образом. Во-первых, выполняется ряд упражнений на введение и закрепление новой лексики, расширение тематического словарного запаса с последующим так называемым переходом от слова к тексту, например:

I. Associez les parties de la colonne droite à celles de la gauche.

Abriter	nombre caractérisant l'étendue d'une surface
Aire (f)	héberger, loger
Commune (f)	le fait de grandir
Croissance (f)	la plus petite subdivision administrative du territoire
Domicile (m)	qui concerne la vie dans les campagnes
Emploi (m)	qui est de la ville
Résider	être établi d'une manière habituelle dans un lieu
Rural, - e	lieu ordinaire d'habitation
Superficie (f)	région plus ou moins étendue
Urbain, - e	ce à quoi s'applique l'activité rétribuée d'un salarié

II. Trouvez les synonymes des mots en italique.

1. En 2010, les villes **occupent** 22% du territoire et abritent 47,9 millions d'habitants, soit 77,5% de la population. 2. De plus, 231 communes rurales atteignent **le seuil** des 2 000 habitants et deviennent donc urbaines. 3. **L'influence** des villes ne s'arrête pas aux frontières des agglomérations. 4. Les aires sont composées d'un pôle, ville concentrant au moins 1 500 **emplois**, et le plus souvent d'une couronne. [...]

III. Trouvez les antonymes des mots en italique.

1. Entre 1999 et 2010, 1 368 communes sont passées de l'espace rural à l'espace urbain, **le plus souvent** par intégration à une agglomération. 2. Que ce soit par **l'agrandissement** d'agglomérations existantes ou par l'apparition de nouvelles villes isolées, c'est la superficie des petites unités urbaines qui a le plus augmenté. 3. La France **métropolitaine** compte aujourd'hui 28 unités urbaines de 200 000 à moins d'un million d'habitants. 4. Les très grandes agglomérations **croissent** plus par extension de leur périmètre que par densification de leur population. [...]

VI. Trouvez la fin de la phrase.

L'espérance de vie à la naissance augmente en un an de: a) quatre mois, tant pour les hommes (78,1 ans) que pour les femmes (84,8 ans); b) 28,3 millions de personnes de 15 ans ou plus dont 25,7 millions en emploi et 2,6 millions au chômage; c) résidences secondaires (10 % des logements), concentrées dans les zones touristiques, et de logements vacants (6 %). [...]

V. Lisez le texte. Remplissez les blancs avec les mots: passer, budgétaire, le ralentissement, lourdes, contre, dégradée, un taux, sous.

Marquée par _____ de la croissance économique mondiale et la généralisation des mesures de restriction, la situation économique de la France s'est _____ en 2012. Après avoir connu un taux de croissance de 1,7 % en 2010 et 2011, la France évite de justesse le scénario d'une récession _____ à double creux avec _____ de croissance de 0% en 2012 _____ - 3,1 % en 2009. _____ l'effet conjoint d'une croissance nulle et de gains de productivité, les destructions d'emploi se sont accélérées, faisant _____ le taux de chômage de 9,8 % en 2011 à 10,6 % en 2012 avec des conséquences _____ dans le pays en matière d'emplois et de chômage.

Заключительный этап работы - написание «synthèse» и устное «exposé». Надо отметить, что два данных вида упражнения выбраны не случайно, поскольку именно они являются непременной составляющей международного экзамена DALF C1.

Второй блок – «Régime politique de la France» – начинается с подробного рассмотрения истории Пятой республики во Франции и ее основных институций.

Пристальное внимание уделяется полномочиям Президента, роли Парламента и Премьер-министра. Изучаются политические партии. Помимо лексических упражнений и работы с текстами, студенты проходят занимательный тест «*De quelle tendance politique êtes-vous?*», который позволяет студентам глубже понять, что означает для французов классическое политическое разделение на правых и левых. В плане развития устных речевых навыков блок заканчивается ролевой игрой, представляющей собой обсуждение одного из законопроектов различными политическими партиями.

Третий блок «*Population de la France*» поднимает ряд социальных проблем современной Франции: естественный прирост населения, смертность и рождаемость, продолжительность жизни. Однако дискуссии в группах разгораются вокруг более острых социальных проблем: безработица и социальное неравенство, проблема незаконной иммиграции. Полемичными являются и вопросы, связанные с жильем и семьей. Тему, как правило, завершает совместный студенческий проект, исследующий одну из социальных тем (на выбор студентов). Как показывает практика, наибольшим интересом студентов пользуются проблемы молодых семей, так как данная тема представляется им наиболее близкой. Зачастую исследования проходят с использованием кросс-культурного метода: студенты, работая над проектом, предпочитают сравнивать особенности образа жизни и проблемы, стоящие перед молодыми французскими семьями и российскими. В данном блоке рассматриваются также вопросы здоровья и социальных гарантий.

Четвертый блок «*Enseignement en France*» открывается с изучения «*Grands principes du système éducatif français*» («Основные принципы системы французского образования»). Далее предлагается подробный анализ всех этапов образовательного процесса во Франции: дошкольное образование, начальная школа, колледж, лицей, профессиональное и высшее образование. При этом студенты знакомятся не только с организацией образовательного процесса, но и с повседневной жизнью французских школьников и студентов. Изучаются и дискутируются проблемы французского образования, в частности, загруженности французских школьников, специфики французского университетского образования. Организуется полемика вокруг темы жестокости во французской средней школе.

Пятый блок «*Cuisine française*» знакомит студентов с понятием «гастрономия во Франции». Рассматриваются существующие на данный момент государственные программы, призванные решить проблему неправильного питания, изучаются

способы, с помощью которых государство «учит» граждан питаться правильно, исследуется и само понятие правильного питания сквозь призму французского восприятия. Заканчивается блок текстами, посвященными хорошим манерам, связанным с приемом пищи и приемом гостей. Финальный этап работы над блоком организуется в виде конференции, поднимающей, например, проблему питания в бедных семьях или модное увлечение диетами, идущее вразрез со здоровьем.

Шестой блок «Arts et littérature» вовлекает студентов в мир французской культуры, представляя писателей различных эпох и отрывки из их произведений. Помимо литературы студенты изучают основные направления во французской живописи и архитектуре.

Седьмой блок «Langue française à visée professionnelle» направлен исключительно на развитие и совершенствование навыков и умений письменной речи, правильной и логичной организации структуры текста, грамотного употребления логических маркеров речи (connecteurs logiques du texte). Большое внимание уделяется умению составлять различные виды писем, а также CV и «lettre de motivation», без которых невозможен ни поиск работы у французского работодателя, ни запись в учебное заведение.

Таким образом, на базе лингвострановедческого материала реализуется знакомство студентов с реалиями и культурой страны изучаемого языка. Разнообразные упражнения способствуют развитию различных навыков и умений письменной и устной речи (уровни B2/C1), а также могут быть использованы при подготовке к сдаче экзамена DALF.

Итак, на протяжении трех лет обучения французскому языку на неязыковых факультетах НИУ ВШЭ культуре и человеку в центре этой культуры отводится значительное место. И если в целом одной из задач обучения французскому общелитературному языку становится знакомство студентов с основными характеристиками французского коммуникативного поведения, то третий год обучения посвящен изучению различных аспектов жизни французского общества и более глубокому пониманию проблем, стоящих перед современной Францией.

Список литературы

- Американское коммуникативное поведение*: Научное издание / под ред. И.А. Стернина, М.А. Стерниной. Воронеж: ВГУ–МИОН, 2001. 224 с.
- Аристова В.Н., Николаева И.В.* Panorama de la France actuelle: учебное пособие по лингвострановедению / В.Н. Аристова, И.В. Николаева. Москва: Тезаурус, 2013. 240 с.

Аристова В.Н. Французское вербальное поведение в стандартных коммуникативных сферах. Герценовские чтения. Иностранные языки. Материалы межвузовской научной конференции, 16-17 мая 2013. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2013. с. 125-126.

Гиляровская Т.В. Культура общения по-французски / Русское и французское коммуникативное поведение. Воронеж: ВГУ, 2002. С.101-103.

Прохоров Ю.Е. Русские: коммуникативное поведение / Ю.Е. Прохоров, И.А. Стернин. М.: Флинта: Наука, 2006. 328 с.

Стернин И.А. Введение в речевое воздействие / И.А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2001. 252с.

Elmaleh G. Les Français [Электронный ресурс] / Elmaleh G. – Режим доступа: http://www.youtube.com/watch?v=n0BQZWcj_aM

Les clichés: France. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=OCIAyHEFTTrQ>

Trop de formule de politesse en français? [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://fr.answers.yahoo.com/question/index?qid=20100614170010AAndxfn>

Брызгалина Е.Д.
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Bryzgalina Elena
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ВЛИЯНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКУЮ КУЛЬТУРУ

THE INFLUENCE OF THE FRENCH LANGUAGE ON RUSSIAN CULTURE

В истории общества бывают моменты, когда какую-либо чужую культуру выбирают в качестве образца для подражания, а её язык становится престижным. Россия и Франция связаны тесными взаимовыгодными узами сотрудничества уже не одно столетие. В данной статье автор обращается к эпохе наиболее интенсивных контактов России и Франции. Эпоха, когда Франция становится эталоном образованности, культуры и нравов.

В статье проводится анализ влияния французского языка на русскую культуру. Автор опирается на примеры из классической русской литературы и на исторические факты. В данной работе предпринята попытка понять философию и концепцию употребления значения слова «мир» в названии великого произведения Л.Н. Толстого.

The history knows many examples when any foreign culture is chosen as an ideal. The language of the culture becomes prestigious. Russia and France are interconnected by close cooperation more than one century. In this article, author addresses to the period of the most intense contacts between Russia and France. The period of time when France becomes the standard of education, culture and morals.

The article analyzes the influence of the French language on the Russian culture. The author relies on examples of classical Russian literature and historical facts. The author attempts to understand the philosophy and the concept of the use of the Russian word "мир" in the name of the great works of L.N. Tolstoy.

Ключевые слова: галантная культура, национальное восприятие, светская культура, литература, межкультурная коммуникация, история.

Keywords: gallant culture, national perceptions, secular culture, literature, intercultural communication, history.

Французский язык прочно вошел в русскую культуру в эпоху правления Елизаветы I. Отец императрицы, Петр I в 1717 году совершает путешествие в Париж с целью ознакомиться с европейской политикой и приобрести новых союзников. Результатом этой поездки стал заключенный 4 (15) августа 1717 договор между Россией, Францией и Пруссией. Это был первый трактат между Россией и Францией. Укрепление французской монархии и положения Франции на международной арене, расцвет литературы и искусства, труды Французской академии способствовали

распространению в Европе французского языка. Еще в 1539 году король Франции Франциск I указом Виле-Коттере (*Ordonnance de Villers-Cotterêts*) объявляет о том, что вся юридическая документация будет составляться на французском языке. Этим указом Франциск I закрепил статус французского языка как единого государственного в стране и обязал органы местной администрации опираться на его парижскую норму вместо латыни при составлении всех административных документов. Уже к XII веку Франция занимает главенствующее положение в духовном мире Европы. С XVII века французский язык начинают использовать как международный.

С начала укрепления контактов России с европейскими странами французский язык получает все большее распространение в нашей стране. Именно во время правления Петра I общественная элита перестала говорить на родном языке, предпочитая общаться на французском. Знание французского языка, языка дипломатии стало неотъемлемым условием аристократического общества.

С восшествием на престол Елизаветы Петровны французское влияние широкой струей врывается в русскую жизнь. Императрица воспитывалась во французском духе, хорошо знала французский язык и всегда питала особую симпатию к Франции и всему французскому. С конца XVIII века, под влиянием Елизаветы Петровны, французский язык получает все большее признание как язык придворных. Для высшего света Санкт-Петербурга стало более естественно говорить по-французски, чем говорить по-русски. Это преобладание французского языка отмечалось также во всей Европе эпохи Просвещения, поскольку интеллектуальная элита многих стран (монархи, дипломаты, светские женщины, писатели), объяснялась, как правило, на французском языке. Язык Франции оставался языком Европы на протяжении всего XVIII века. Известный французский писатель Д. Бугур отмечал, что все иностранцы, наделенные умом, похваляются знанием французского языка [Гречаная, 2010, с. 12].

С начала XVIII века дети русских дворян отправляются получать образование во Францию. В 1730-е годы начинается систематический ввоз французских книг в Россию. В 1731г. открывается первое государственное учебное заведение – Сухопутный шляхетный кадетский корпус, где начинают преподавать французский язык. Корпус решено было открыть в Петербурге - как средоточие культурного и научного потенциала государства. Домашним образованием русских дворян руководят в XVIII веке прежде всего иностранные учителя и гувернеры: швейцарцы, немцы, французы. В 1750-е годы в России появляются частные пансионы, во главе которых стоят иностранцы: французы и немцы. В 1755г. Елизаветой Петровной был подписан

декрет о создании Московского университета, который сразу же становится ведущим центром преподавания французского языка. В 1991 году в Москве по инициативе академика, лауреата Нобелевской премии, Андрея Сахарова, с одной стороны, и французского общественного деятеля, Марека Хальтера, - с другой, открывается уникальное учебное заведение - Французский Университетский колледж. За годы своего существования Колледж принял в своих стенах профессоров и лекторов, которые повлияли на научную, культурную и политическую жизнь Франции и Европы. На сегодняшний день он существует благодаря плодотворному сотрудничеству между Московским государственным университетом им. М.В. Ломоносова и 9 престижными высшими учебными заведениями Франции.

Возвращаясь в эпоху правления Елизаветы Петровны, подчеркнем, что влияние французской культуры на русскую делается очень сильным. На ряду с итальянскими появляются и французские архитекторы; в России начинает преобладать французская мебель, статуи, картины, французские костюмы, французские танцы, французская кухня. По свидетельству современника, члена французской дипломатической миссии в Петербурге, императрица Елизавета Петровна и ее двор отличались пристрастием к французской культуре: «Она увлечена французскими модами, и весь ее двор подражает ее вкусам, причесывается и одевается на французский манер» [Гречаная, 2010, с. 14].

Начинает входить в моду французский театр. Во французском театре в Петербурге разыгрывались пьесы Мольера. С расширением среди русских знания французского языка французские книги находили себе все больший и больший доступ в русскую среду. Сочинения Расина, Мольера, Вольтера и других французских писателей получают более широкое распространение среди русской публики. В царствование Елизаветы Петровны в Петербурге выходит газета на французском языке «Gazette de St. Pétersbourg» (1756-1759) и первый в России французский литературный журнал «Caméléon littéraire» (1755).

Необходимо указать, что XVIII век – время господства просветительской идеологии. Французские просветители М.В. Вольтер, Ш.Л. Монтескье, Д. Дидро, Ж.Ж. Руссо сформировали основные положения просветительской концепции общественного развития. В 1762 году на престол вступает Екатерина II, которая старалась проповедовать среди русского дворянства философию европейского Просвещения. Центральное место в истории франко-русских отношений второй половины XVIII в. бесспорно занимает сама императрица Екатерина II. Ее настольная

книга, своеобразный «путеводитель» в мире политике, становится сочинение «О духе законов» Ш.Л. Монтескье, французский писатель, правовед и философ. Из всех философов и публицистов XVIII в. особенно высоко ставила Екатерина Монтескье, знаменитую книгу которого она называла «своим молитвенником» [Бочкарев, 1999, с.28].

Представление о государстве как о главном инструменте достижения общественного блага, основное положение труда Ш.Л. Монтескье, господствовало в умах людей того времени. В своей политике Екатерина II пыталась реализовать эти теоритические положения. Необходимо отметить, что Екатерина II воспиталась на французской энциклопедической литературе. Она находилась в переписке с Вольтером, одним из крупнейших французских философов-просветителей XVIII века. Вольтер был некогда идиолом русской публики. Ее посетил и пробыл в гостях около 5 месяцев Дидро. Вместе с Вольтером, Руссо, Монтескье и другими энциклопедистами, Дидро был идеологом третьего сословия и создателем тех идей Просветительного века, которые подготовили умы к Французской революции. Когда французское правительство начало ставить ряд преград для продолжения издания «Энциклопедии» в Париже, Екатерина предлагает Дидро переехать в Петербург для окончания работы над «Энциклопедией».

Не только Императрица разделяла идеи энциклопедистов. Просвещенный русский посланник во Франции кн. Д.А. Голицын был другом Дидро и Гельвеция. В 1770 г. кн. Дашкова посетила Париж и много времени провела с Дидро. С ним переписывался И.И. Бецкий, игравший при Екатерине роль в роде министра народного просвещения. И.И. Шувалов и кн. Юсупов посещали Вольтера. Такое внимание к энциклопедистам, естественно, способствовало распространению их идей и сочинений.

«Наказ» Екатерины II, руководящий документ Большой Комиссии 1767 года и теоритическое обоснование политики просвещенного абсолютизма, почти три четверти текста составляли цитаты из сочинений просветителей. Французское влияние сказывалось теперь очень серьезно на многих сторонах государственной и общественной жизни. Н. И. Костомаров даже полагает, что идея освобождения крепостных пришла к нам из Франции. Под влиянием французской литературы высказывали свои взгляды на крестьянский вопрос кн. Д. А. Голицын и кн. Дашкова.

Культура XVIII в. во многом определяется просветительской философией с ее идеей главенства знания и разума в жизни людей, внимание к человеческой личности [Орлов, 2002, с. 178].

В XVIII – начале XIX в. в России четко прослеживается ориентация на космополитизм – стремление преодолеть национальные границы, в том числе языковые, положить начало межкультурной коммуникации, стать гражданином Республики словесности, которая объединяет людей всех национальностей. Французский язык, воспринимавшийся в то время как язык Европы, позволил легко вписаться в европейскую культуру. Вольтер, приветствовавший французские стихи графа А.П. Шувалова и других русских аристократов, поддерживающих тесные связи с европейской культурой, констатировал факт, что русские «входят в хорошее общество». Но было ли это «хорошее общество» «хорошим» для России?

Резкую оценку иноземного влияния на русскую жизнь сделал впоследствии известный историк, почётный член Санкт-Петербургской академии наук с 1776 года, кн. М.М. Щербатов в своем памфлете «О повреждении нравов в России». Памфлет содержит критику нравов императорского двора, политики абсолютизма в России. Главная идея сочинения: самодержавие, граничащее с деспотизмом, порождает всеобщее пренебрежение к закону и способствует падению нравственности. Как почитатель Монтескье и позднего Руссо, Щербатов, испытывавший сильное воздействие просветительской идеологии и философии. Он скептически оценивал идеалы Просвещения и дал анализ пагубного влияния сочинений Вольтера на нравственность Екатерины II: «Впрочем мораль ее состоит на основании новых философов, то есть не утвержденная на твердом камени закона божия, и потому, как на колеблющихся свецских главностях есть основана, с ними обще колебанию подвержена. Напротив же того, ее пороки суть: любострастна, и совсем вверяющаяся своим любимцам, исполнена пышности во всех вещах, самолюбива до бесконечности, и не могущая себя принудить к таким делам, которые ей могут скуку наводить, принимая все на себя, не имеет попечения о исполнении и, наконец, толь переменчива, что редко и один месяц одинакая у ней система в рассуждении правления бывает».

Нельзя не признать тот факт, что увлечение французским языком имело и свои дурные стороны. Увлечение «всем иностранным» и уродование русского воспитания зло высмеяны в комедиях Фонвизина. «Наиболее вдумчивые русские люди начали их замечать и вести борьбу против французомании еще с конца царствования Елизаветы. О порче русского языка того времени говорит в своих «Записках» и воспитатель Павла

Петровича Порошин. «Иные русские, — пишет он, — в разговорах своих мешают столько французских слов, что кажется, будто говорят французы и между французских слов употребляют русские. Иные столь малосильны в своем языке, что все с чужестранного от слова до слова переводят в речах и письме» [Василенко, 1999, с. 21].

Борьба против иностранного влияния продолжалась потом в сатирических журналах екатерининского времени и в других литературных произведениях. В XVIII веке заимствования из французского языка стали плотно оседать в русской речи. С целью содействия развитию литературы и литературного языка, а также с целью направления развития в нужную правительству сторону создается специальное высшее научное учреждение - Российская Академия (в подражание Французской Академии в Париже).

Екатерина II пыталась безуспешно бороться с засильем моды на французские слова, для чего даже ввела систему штрафов. Однако уже к XIX веку французский язык стал чуть ли ни родным для большинства дворян, которые на нем говорили, писали и даже думали. Тому подтверждение - нетленные произведения русских классиков, в которых нередко можно встретить абзацы на французском языке. Высшее русское общество с жадностью впитывало все новое, что появлялось во Франции: балет, мода, кулинария, искусство, театр. В каждой из этих сфер господствовал французский стиль, который моментально становился «самобытно русским».

В XVIII - начале XIX века в русскую лексику вошли слова, поистине пропитанные французским духом: *шарм* (*charme*), *адюльтер* (*aduletère*), *визитер* (*visiteur*), *губернер* (*gouverneur*), *кавалер* (*cavalier*), *кокотка* (*cocotte*), *комплимент* (*compliment*), *реверанс* (*révérence*), *фаворит* (*favorite*). Особенно французскими заимствованиями пополнилась лексика, связанная с одеждой: *аксессуар* (*accessoire*), *бижутерия* (*bijouterie*), *вуаль* (*voile*), *жабо* (*jabot*), *манто* (*manteau*), *пеньюар* (*peignoir*) и едой: *бэзе* (*baiser*), *пюре* (*purée*), *майонез* (*mayonnaise*). С музыкой связаны следующие слова: *аккордеон* (*accordéon*), *ансамбль* (*ensemble*), *вокал* (*vocal*), *кларнет* (*clarinette*), *ноктюрн* (*nocturne*), *увертюра* (*ouverture*). Очень много галлицизмов, связанных с театром: *актер* (*acteur*), *антракт* (*entracte*), *аплодисменты* (*applaudissements*), *афиша* (*affiche*), *водевиль* (*vaudeville*), *грим* (*grimer*), *дебют* (*début*), *пируэт* (*pirouette*); а также с живописью: *галерея* (*galerie*), *вернисаж* (*vernissage*), *гуашь* (*gouache*), *палитра* (*palette*), *импрессионизм* (*impressionnisme*). Показательно,

что именно из французского языка заимствованы слова, характеризующие высший свет: *элита* (*élite*), *богема* (*bohème*), *бомонд* (*beaumonde*).

Однако нельзя утверждать, что французский язык в этот период времени оказал негативное влияние на русскую культуру. Французский язык стал ее частью. Вопрос в том, как русский человек воспринял это влияние в своем сознании, был ли он готов к переменам, которые стали результатом политики просвещенного абсолютизма, родоначальниками которой являлись крупнейшие французские философы-просветители XVIII века. Как отразилась «галантная культура», «искусство жить» Франции на личные взаимоотношения внутри российского общества? Почему столько «усмешек» в русской литературе? Как пример, «смесь французского с нижегородским» у А.С. Грибоедова. И наконец, представления «мира» у Л.В. Толстого: «*la paix*» как антоним слова «война» или «*le monde*» в значении «общество, свет» в подражании французской аристократии, которая в начале XVII века, не отказываясь от своих воинских обязанностей, уделяет особое внимание мирному времени, своему досугу, «умению жить».

Обратимся к истории Франции. В начале XVII века, после окончания длительных религиозных междоусобиц (между католиками и протестантами), французская аристократия оказывается перед необходимостью переосмыслить свое место в обществе и по-новому утвердиться. В 1609г. Франциск Сальский, католический святой и епископ Женева, написал труд о духовной жизни «Введение в благочестивую жизнь». Призыв, который озвучивает Франциск Сальский в своем труде, может показаться революционным для той эпохи. Это призыв полностью отдать себя Богу, живя полнотой присутствия в мире и задачами своего государства. Он дает наставления о том, как надо жить в обществе. Целая глава трактата («*De la douceur envers le prochain*») посвящена понятию «*douceur*», в которое вкладывается значение «мягкости», «нежестокости», «приятности», «сладоности». Эти значения позволили внести это понятие в мирской обиход. «*Douceur*» становится идеалом поведения в обществе и одной из основ французской «галантности», то есть «искусства жить в обществе» [Гречаная, 2010, с.9]. Мягкость, радость, веселье, благопристойность, представляются как необходимые качества светской беседы и светского общения.

Важнейшее место в жизни французского светского общества заняла беседа. В беседе дворянство нашло источник чисто светской радости. Основные качества беседы: естественность и в то же время игривый характер, остроумие и способность к импровизации, умение заставить блистать собеседника, сделав его счастливым. В

аристократическом обществе Франции XVII в. не последнее место занимают «*plaisir*» и «*divertissement*», удовольствия и развлечения.

Как же это похоже на русское светское общество XIX века. В России в начале XIX века, как и во Франции XVIII - первой половины XIX веков, существовали салоны: придворные, роскошно-светские, семейные и такие, где царствовали танцы, карты, светская болтовня, а также литературно-музыкальные, философские и интеллектуальные, напоминавшие университетские семинары. Французский историк А. Мартин-Фюжье утверждал, что в каждом салоне существовали всего три направления разговоров - политическое, литературное и художественное. Отметим, что каждый салон имел собственную специфику, которая зависела чаще всего от личных предпочтений его хозяйки.

Перенесемся в гостиную к Анне Павловне Шерер, героини романа «Война и Мир» Л.Н. Толстого, одного из величайших произведений русской литературы. Русское произведение, которое, подчеркнем, начинается со строк на французском языке. «Высшая знать Петербурга», приехавшая к Анне Павловне, «говорила на том изысканном французском языке, на котором», по выражению Л.В. Толстого, «не только говорили, но и думали наши деды». Искусство салонной беседы ценилось в дворянской России чрезвычайно высоко.

Одним из основных видов времяпрепровождения членов высшего света были светские приемы, на которых обсуждались новости, положение в Европе и многое другое. Человеку новому казалось, что все обсуждаемое важно, а все присутствующие очень умные и думающие люди, всерьез заинтересованные предметом беседы. На самом же деле в этих приемах есть что-то механическое, равнодушное, и Толстой сравнивает присутствующих в салоне Шерер с разговорной машиной. Именно так «галантная» культура отразилась в русском светском обществе.

Во «Всеобщем словаре» А. де Фюретьера, французского писателя и лексикографа XVII века, дается следующее определение «галантного человека»: «Так говорят о том, чей вид свидетельствует о близости ко двору, у кого приятные манеры, кто старается нравиться, в особенности прекрасному полу». Женщины играли важную роль в создании и поддержании галантной атмосферы. Насколько точный портрет мы видим в этом описании многих героев «Войны и мира», представителей высшего света в России.

Обратимся к словарю Французской академии 1694 года, где слово «*politesse*» (*вежливость*) была не сводом правил, но «определенной, учтивой и отшлифованной

манерой жить, действовать, говорить». Именно такая вежливость стала характерной чертой французской культурной идентичности [Гречаная, 2010, с. 9]. Обратимся к строкам Л.В. Толстого, где мы видим пример учтивости и вежливости светского общества: *«Господа, бывавшие у Билибина... приняли в свой кружок князя Андрея. Из учтивости, и как предмет для вступления в разговор, ему сделали несколько вопросов об армии и сражении...»*, *«В середине одного из длинейших периодов он...поднял голову и с неприятною учтивостью на самых концах тонких губ перебил Вейротера»*, *«Пржебышевский с почтительной, но достойной учтивостью пригнул рукой ухо к Вейротеру, имея вид человека, поглощенного вниманием»*. Итак, светский человек – тот, который живет в обществе и знает принятые там нормы, то есть владеет тем, что называлось особым словом «общежительность» — «светская учтивость, умение держать себя в образованном обществе».

В начале XVIII века во Франции формируется понятие «честного человека», где *«honnête»* (*честный*), означает в данном случае не наличие особых нравственных качеств, а способность быть почитаемым, нравиться в обществе, что по-русски значит «порядочный, благовоспитанный человек». Понятие *«honnête homme»* прочно входит в русскую культуру. Например, ироническая фраза Карамзина: *«Il ne faut pas qu'un honnête homme merite d'etre pendu»* (*Честному человеку не должно подвергать себя виселице*) имеет не только политический, но и нравственный аспект. Описание «тургеневской девушки» в романе И.С. Тургенева «Рудин»: *«Мать ее считала добронравной, благоразумной девушкой, называла ее в шутку: mon honnête homme de fille, но не была слишком высокого мнения об ее умственных способностях»*. Честный человек – это на языке пушкинской эпохи не просто оценочная характеристика, это определенное мироощущение, определенный стиль поведения, определенная культура. Итак, светский человек – это человек «внешний», а не «внутренний», чья судьба зависит от того, как он выстраивает общение.

Развитие в России в XVIII веке новой светской культуры было связано в первую очередь с формированием русского литературного языка и русской культуры. Французский язык и французская литература сыграли в этом процессе существенную роль.

Завсегдатаями аристократических салонов во Франции были многие литераторы, в том числе ведущие: Лафонтен, г-жа де Лафайет, Вольтер, испытавшие существенное влияние аристократической галантной культуры. Потребность салонов в писателях объяснялась в том числе тем фактом, что писатели, читавшие свои

произведения в светском кругу, развлекали общество [Гречаная, 2010, с. 12]. В моду вошли «*vers de circonstance*»- «*стихи на случай*», которые надолго вошли в круг занятости светского общества. Их сочиняли не только литераторы, но и представители аристократии.

Характерной чертой «*honnête homme*» стало умение слагать стихи по тому или иному поводу. Любое, даже незначительное событие в светской культуре становилось поводом для версификации. Отличительной чертой этой поэзии является галантный и игровой характер.

Один из первых русских поэтов, В.К. Тредиаковский публикует в 1730 году книгу, куда вошли стихотворения, написанные им по-французски. Особо выделим стихи на разные случаи жизни, те самые «*vers de circonstance*» в творчестве поэта: «Басенка о непостоянстве девушек», «Песня на оный благополучный брак», «Эпиграмма господину К.» и многие другие.

На протяжении XVIII и XIX веков представители России продолжают традицию сочинять стихи на французском языке. Как правило, русские поэты не печатают своих французских стихов, которые большей частью относятся к жанру «стихотворений на случай».

В поэзии Пушкина лицейских лет возвышенная патетика гражданской лирики уживалась с легкомыслием «стихов на случай». Дерзкие, драчливые эпиграммы словно прятались в тени задумчивых элегий [Красовский, 2006, с. 58].

С самого начала французский язык в России становится языком светских увеселений: стихов на случай, заполняющих альбомы эпохи, «портретов», театральных пьес, ставившихся на домашней сцене.

Влияние французского языка на русскую культуру является примером того, как «одна только национальная культура не в состоянии питать мысль образованного человека. Он может осмыслить окружающий мир только при условии, что это будет происходить в более широких, не только национальных рамках» [Гречаная, 2010, с. 16]. На сегодняшний день большинство исследователей придерживаются гипотезы о взаимосвязи языка и культуры. Язык лежит в основе восприятия мира. Именно язык определяет культурное позиционирование общества и личности: «Через язык человек усваивает культуру, упрочивает ее или преобразует» [Бенвенист, 1974, с. 31]. Можно смело утверждать, что французский язык повлиял на поведение, образ жизни, мировоззрение, менталитет и национальный характер российского общества.

Список литературы

Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С. 31

Бугров Б.С., М.М. Голубков Русская литература XIX-XX веков // Изд-во Моск. ун-та. М., 2006. С. 56

Виноградов В.В. Очерки русского литературного языка XVII-XIX веков. М., 1982. С. 223

Гречаная Е. П. Когда Россия говорила по-французски. // ИМЛИ РАН М., 2010. С. 9-16

Дживелегов А.К. Отечественная война и Русское общество. М., 1999. с. 27, 44.

Левинтон Г.А. Поэтический белингвизм и межъязыковое влияние (язык как подтекст) // Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979. С. 31

Лотман Ю.М. Русская литература на французском языке // Лотман, Розенцвейг. с. 11

Орлов А.С. История России. М., 2002. С. 175.

Гурьева З.И.

Кубанский государственный университет
г. Краснодар (Россия)

Петрушова Е.В.

Кубанский государственный университет
г. Краснодар (Россия)

Guryeva Zinaida

Kuban State University
Krasnodar (Russia)

Petrushova Elena

Kuban State University
Krasnodar (Russia)

*К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ КУЛЬТУР В ПРОЦЕССЕ
МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ БИЗНЕС-КОММУНИКАЦИИ*

*TO THE PROBLEM OF INTERACTION OF CULTURES IN THE PROCESS OF
INTERNATIONAL BUSINESS-COMMUNICATION*

В статье рассматриваются проблемы взаимодействия культур в процессе межнациональной бизнес-коммуникации. Культура есть бытие человека, и программы его речевого поведения производны от программ социального поведения, которые представлены образцами, предписаниями, знаниями, навыками, ценностными ориентациями, идеалами и нормами деятельности, существующими в рамках данной культуры. Специфическими особенностями обладает и сам носитель национального языка и культуры. В межкультурном общении необходимо учитывать особенности национального характера коммуникантов, специфику их эмоционального склада и мышления. Делается вывод о том, что знания в области культурной антропологии имеют большое значение как для изучающих иностранные языки, так и для переводчиков в сфере профессиональной коммуникации. Эти знания могут также способствовать решению проблемы эффективной речевой коммуникации, которая облегчает взаимопонимание деловых партнеров в такой сложной и постоянно меняющейся области, как бизнес.

The article considers the problems of interaction of cultures in the process of international business-communication. Culture is a man's way of life, and the programmes of his verbal behaviour result from his cultural behaviour, which are represented by examples, regulations, knowledge, habits, values, ideals and norms of activities, existing in the framework of culture. A language speaker has his own national and cultural peculiarities. In cross-cultural communication it is necessary to take into account the speaker's national character, emotional cast of mind and mentality. The author comes to the conclusion that knowledge in the sphere of cultural anthropology is of great importance for both foreign language learners and translators in the sphere of professional communication. The knowledge can also help to solve the problem of effective verbal communication, which facilitates mutual understanding of business partners in such a complicated and constantly changing field as business.

Ключевые слова: культура, бизнес, коммуникация, язык, речь, традиции, обычаи, обряды, быт, повседневное поведение, социум, норма, национальная картина мира, особенности мышления, художественная культура, этнос

Keywords: culture, business, communication, language, speech, traditions, customs, rite, way of life, everyday behaviour, society, norm, national picture of the world, peculiarities of mentality, art culture, ethnos

Характерное для настоящего времени расширение международных контактов специалистов предъявляет высокие требования к знаниям деловых партнеров в области национально-культурной специфики. Культура есть бытие человека, и программы его речевого поведения производны от программ социального поведения, которые представлены образцами, предписаниями, знаниями, навыками, ценностными ориентациями, идеалами и нормами деятельности, существующими в рамках данной культуры. Языковая личность существует в пространстве культуры, отраженной в языке, в формах общественного сознания на бытовом и бытийном уровнях, в поведенческих стереотипах и нормах, в социальных институтах и предметах материальной культуры.

Как известно, культура существует, развивается, передаётся и постигается посредством коммуникации. Коммуникация – не просто культурный и социальный атрибут человеческой жизни, прежде всего базовый, а жизненно необходимый механизм как внешнего, так и внутреннего человеческого существования. Неслучайно Эдвард Т. Холл утверждал, что «культура – это коммуникация, а коммуникация – это культура» [Trager, Hall, 1954]. В работе «The Silent Language» («Немой язык»), вышедшей в 1959 г., Э. Холл, развивая свои идеи о взаимосвязи культуры и коммуникации, пришёл к выводу о необходимости обучения культуре: «Если культура изучаема, то это означает, что она может быть и преподаваема» [Hall, 1990]. Тем самым Э. Холл первым предложил сделать проблему межкультурной коммуникации не только предметом научных исследований, но и самостоятельной учебной дисциплиной. Таким образом, вопросы, связанные с сохранением и передачей духовной культуры отдельного народа посредством языка, охватываются такой дисциплиной, как лингвокультурология, которая входит в этнолингвистику [Гурьева, 2008, с. 25]

Слово *культура* многозначно во всех европейских языках. Однако в широком смысле культура понимается как полезный личный, коллективный и общественный опыт, отобранный для хранения и передачи из поколения в поколение, т.е. как все

национальное своеобразие, наследуемое из поколения в поколение и составляющее основу лингвокультурной общности. Национальная культура понимается как синоним термину «локальная» культура, представляющая собой совокупность общих, относительно специфических и абсолютно специфических признаков.

Культура – это, в сущности, огромное количество сообщений. Каждое из них представляет собой конечное и упорядоченное множество элементов некоторого набора, выстроенных в виде последовательности знаков по определённым законам [Моль, 2008]. Без коммуникации невозможны никакие формы отношений и деятельности. Как справедливо отмечает О.П. Хорошавцева [Хорошавцева, 2009, с. 351], даже принадлежа к одному обществу, нации или производственному объединению, люди в то же время разобщены, т.к. их разделяют время, пространства, условия бытия или деятельности, социальные, возрастные, культурные и индивидуальные особенности.

Любые крупные перемены в человеческой жизнедеятельности предполагают изменение культуры. Внешне она предстает как сложная смесь взаимодействующих между собой знаний, предписаний, норм, образцов деятельности, идей, проблем, верований, обобщенных видений мира и т.д. Вырабатываемые в различных сферах культуры (науке, обыденном познании, техническом творчестве, искусстве, религиозном и нравственном сознании и т.д.), они обладают регулятивной функцией по отношению к различным видам деятельности, поведения и общения людей. В этом смысле можно говорить о культуре как сложно организованном наборе надбиологических программ человеческой жизнедеятельности, программ, в соответствии с которыми осуществляются определенные виды деятельности, поведения и общения.

В свою очередь, воспроизводство этих видов обеспечивает воспроизводство соответствующего типа общества. Культура хранит, транслирует, генерирует программы деятельности, поведения и общения, которые составляют совокупный социально-исторический опыт. Она фиксирует их в форме различных знаковых систем, имеющих смысл и значение. В качестве таких систем могут выступать любые компоненты человеческой деятельности (орудия труда, образцы операций, продукты деятельности, опредмечивающие ее цели, сами индивиды, выступающие как носители некоторых социальных норм и образцов поведения и деятельности, естественный язык, различные виды искусственных языков и т.д.).

Динамика культуры связана с появлением одних и отмиранием других надбиологических программ человеческой жизнедеятельности. Все эти программы образуют сложную развивающуюся систему, в которой можно выделить три основных уровня. Первый из них составляют реликтовые программы, представляющие своеобразные осколки прошлых культур, уже потерявшие ценность для общества новой исторической эпохи, но, тем не менее, воспроизводящие определенные виды общения и поведения людей. К ним относятся многие обычаи, суеверия и приметы, имеющие хождение даже в наши дни, но возникшие еще в культуре первобытного общества.

Второй уровень культурных образований - программы, которые обеспечивают воспроизводство форм и видов деятельности, жизненно важных для данного типа общества и определяющих его специфику. Наконец, можно выделить еще один (третий) уровень культурных феноменов, в котором вырабатываются программы будущих форм и видов поведения и деятельности, соответствующих последующим ступеням социального развития. Генерируемые в науке теоретические знания, вызывающие перевороты в технике и технологии последующих эпох, идеалы будущего социального устройства, нравственные принципы, разрабатываемые в сфере философско-этических учений и часто опережающие свой век, - все это образцы программ будущей деятельности, приводящие к изменению существующих форм социальной жизни.

Такие программы появляются в результате поиска путей разрешения социальных противоречий. Их становление закладывает контуры новых типов и способов деятельности, а их генерация выступает как результат и выражение творческой активности личности.

В сложном калейдоскопе культурных феноменов каждой исторической эпохи можно выявить их основания, своего рода глубинные программы социальной жизнедеятельности, которые пронизывают все другие феномены и элементы культуры и организуют их в целостную систему. Реализуясь в деятельности, они обеспечивают воспроизводство сложного сцепления и взаимодействия различных ее форм и видов.

Основания культуры определяют тип общества на каждой конкретной стадии его исторического развития, они составляют мировоззрение соответствующей исторической эпохи. Если основания культуры выступают как предельно обобщенная система мировоззренческих представлений и установок, которые формируют целостный образ человеческого мира, то возникает вопрос о структуре этих

представлений, способах их бытия, формах, в которых они реализуются. Такими формами являются категории культуры - мировоззренческие универсалии, систематизирующие и аккумулирующие накапливаемый человеческий опыт. Именно в их системе складываются характерный для исторически определенного типа культуры образ человека и представление о его месте в мире, представления о социальных отношениях и духовной жизни, об окружающей нас природе и строении ее объектов и т.д. Мировоззренческие универсалии определяют способ осмысления, понимания и переживания человеком мира.

Социализация индивида, формирование личности предполагают их усвоение, а значит, и усвоение того целостного образа человеческого мира, который формирует своеобразную матрицу для развертывания разнообразных конкретных образцов деятельности, знаний, предписаний, норм, идеалов, регулирующих социальную жизнь в рамках данного типа культуры. В этом отношении система универсалий культуры предстанет в качестве своеобразного генома социальной жизни [Степин, 2000].

К компонентам культуры, несущим национально-специфическую окраску, можно отнести как минимум следующие:

- традиции (или устойчивые элементы культуры), а также обычаи (определяемые как традиции в «соционормативной» сфере культуры) и обряды (выполняющие функцию неосознанного приобщения к господствующей в данной системе нормативных требований);

- бытовую культуру, тесно связанную с традициями, вследствие чего ее нередко называют традиционно-бытовой культурой;

- повседневное поведение (привычки представителей некоторой культуры, принятые в некотором социуме нормы общения) а также связанные с ним мимический и пантомимический (кинестический) коды, используемые носителями некоторой лингвокультурной общности;

- «национальные картины мира», отражающие специфику восприятия окружающего мира, национальные особенности мышления представителей той или иной культуры;

- художественную культуру, отражающую культурные традиции того или иного этноса.

Среди этих компонентов самое важное место занимает язык. Язык, мышление и культура взаимосвязаны настолько тесно, что практически составляют единое целое, состоящее из этих трех компонентов, ни один из которых не может функционировать

друг без друга. Вместе они «соотносятся с реальным миром, противостоят ему, зависят от него, отражают и одновременно формируют его» [Гер-Минасова, 2000].

Специфическими особенностями обладает и сам носитель национального языка и культуры. В межкультурном общении необходимо учитывать особенности национального характера коммуникантов, специфику их эмоционального склада, национально-специфические особенности мышления [Bonvillain, 2013].

В настоящее время перед многими культурами стоит задача сохранить свои ценности в условиях разрушительного воздействия многих факторов, приводящих к падению моральных устоев, и стремительных глобальных изменений во всем мире. Одним из таких факторов становится также глобализация мировой экономики, затрагивающая практически все стороны человеческой жизнедеятельности. Посредством межкультурной коммуникации они могут достичь более эффективных результатов при решении сходных проблем и добиться национального здоровья и успеха своей культуры. Несмотря на различия в национальных ценностных ориентирах, существует реальная возможность создать мощный межкультурный мост для взаимовыгодного диалога. И таким средством становится межнациональная бизнес-коммуникация, приобретающая в настоящее время поистине огромный размах и являющаяся вследствие этого важнейшим социокультурным фактором современности. В этом свете крайне важным представляется изучение развития и функционирования языка делового общения в культурологическом плане.

Бизнес-коммуникация представителей разных культур представляет большую трудность. Контактируя с чужой культурой, реципиент видит ее через призму своей локальной культуры, чем в основном и предопределяется непонимание специфических феноменов незнакомой культуры. Таким образом, особенности чужой культуры могут быть неадекватно интерпретированы реципиентом, либо не поняты, либо вовсе незамечены именно в силу ее специфичности.

В разные времена и на любом этапе соприкосновения культур и наций происходит определенное соположение способов жизни и мышления. Они могут совпадать или отличаться в большей или меньшей степени. При ведении бизнеса элементы общенациональных стереотипов приобретают особое значение, так как они могут непосредственно влиять на развитие экономических отношений. Следовательно, чтобы усвоить мотивы предпочтительного употребления той или иной речевой формы из ряда возможных, требуется правильно понять и оценить национальную культуру,

свойственную говорящим, что, в свою очередь, заставляет обратиться к внеязыковой реальности.

Данная проблема представляется чрезвычайно сложной. Отвечая на вопрос о том, можно ли отыскать в культуре каждой страны стереотипы поведения в бизнесе, нельзя дать однозначного ответа, поскольку в психологии поведения каждого отдельного бизнесмена есть не только общие национальные черты, но и индивидуальные характеристики, которые могут довлеть над традиционным стереотипом.

В каждой стране и у каждого народа существуют свои традиции и обычаи делового общения и деловой этики. Существуют две точки зрения по вопросу о том, насколько важны они при встрече представителей разных культур. Обе признают наличие национальных особенностей. Согласно первой точке зрения интенсивность делового общения в современном мире приводит к «размыванию» национальных границ, формированию единых норм и правил. Развитие международных связей, обмена в области культуры, науки, образования ускоряют процесс. В результате, например, японец или китаец, получивший образование в США, воспринимает особенности американского мышления и поведения. По мере развития цивилизации, процессы, связанные с взаимопроникновением национальных стилей общения, формированием многих единых параметров ведения переговоров, играют все большую роль.

Представители второго направления, напротив, склонны отводить национальным особенностям одно из центральных мест в международной бизнес-коммуникации и, в частности, на переговорах, составляющих ее основу. Они полагают, что «...трудности на переговорах возникают в связи с различиями в ожиданиях», которые, в свою очередь, обусловлены различиями в культурах» [Cohen, 1991, с. 19]. Наибольшее влияние на человека оказывают ценности, традиции, обычаи и т. д., усвоенные в детстве, т.е. «те, которые имеют именно национальную основу» [Fisher, G.B., & Härtel, 2003]. К данному аргументу добавляется и другой. В международный бизнес активно включается все большее число людей, часто не обладающих опытом международного общения. Они вносят значительный элемент национальной специфики.

Шведский исследователь К. Йонссон отмечает, что обычно при значительном совпадении интересов сторон, т.е. при сотрудничестве, национальные различия; не замечаются, но стоит возникнуть конфликту, как они начинают играть важную роль [Jonsson, 1990].

Национальные особенности влияют на деловые отношения не только при конфликте сторон. Приведем пример из практики одной из западноевропейских фармацевтических компаний. Она решила поставить партию нового болеутоляющего препарата в арабские страны. Препарат хорошо раскупался на европейском континенте, что позволило компании рассчитывать на успех. Для рекламы в Европе использовались три картинки: на первой была изображена женщина, кричащая от боли, на второй - она же принимала лекарство, на третьей - после приема препарата боль прошла, и она изображалась в расслабленном, спокойном состоянии. Рекламу, которая не требовала пояснений, решили оставить. Через некоторое время обнаружили, что препарат вообще не покупается в арабских странах. О том, что там читают справа налево, разумеется, знали, но о том, что это относится и к картинкам, просто не подумали. Без учета культурной специфики смысл рекламы оказался прямо противоположным: женщина принимает предлагаемое лекарство, после чего кричит от боли.

Итак, даже если участники бизнес-коммуникации стараются придерживаться единых норм и правил, национальные и культурные особенности могут оказать весьма значительное влияние на деловые отношения. Однако здесь необходимо сделать несколько пояснений. Во-первых, под национальными стилями мы понимаем стили, типичные скорее для тех или иных стран, а не определенных национальностей. Так, китаец, живущий в США и ведущий переговоры от американской компании, в определенной мере может сохранить черты, присущие китайскому национальному характеру, и это будет влиять на его поведение на переговорах. Однако в целом его стиль ведения переговоров будет скорее американским, поскольку на формирование переговорного стиля в большей степени оказывают те условия, в которых человек работает и то, от имени какой страны он ведет переговоры. Во-вторых, необходимо учитывать, что практически невозможно «абсолютно объективно описать» национальный стиль делового общения. Всегда работают устоявшиеся стереотипы национальных черт тех или иных народов. В-третьих, национальный стиль - это наиболее распространенные, наиболее вероятные особенности мышления, восприятия поведения. Они не будут обязательными чертами, характерными для всех представителей описываемой страны, а только типичными для них. Поэтому исследователи выделяют наиболее типичные национальные особенности делового общения, знание которых может служить своеобразным путеводителем, ориентиром

возможного поведения партнера. В современных условиях расширяющегося диалога культур это способствует расширению социокультурной компетенции участников этого диалога, что, в свою очередь, ведет к повышению эффективности бизнес-коммуникации.

Итак, можно сделать вывод о том, что, во-первых, знания в области культурной антропологии способствуют целесообразному решению проблемы эффективной речевой коммуникации, без которой невозможно взаимопонимание деловых партнеров в такой сложной и постоянно меняющейся области, как бизнес. А, во-вторых, эти знания имеют большое значение для изучающих иностранные языки и переводчиков в сфере профессиональной коммуникации, поскольку использование иностранных языков в качестве реального средства общения возможно лишь при условии обширного фонового знания задействованных культур.

Список литературы

- Гурьева З.И.* Речевая коммуникация в сфере бизнеса: культурологический аспект / З.И. Гурьева. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2008. 99 с.
- Моль А.* Социодинамика культуры / Пер. с фр. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 126 с.
- Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 743 с.
- Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 624 с.
- Хорошавцева О.П.* Характер взаимодействия культуры и коммуникации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 117: Научный журнал. Спб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. 351 с.
- Bonvillain N.* Language, Culture, and Communication, L.: Pearson Publishers, 2013. 416 с.
- Cohen R.* Negotiating Across Cultures: International Communication in an Interdependent World, US Institute of Peace Press, 1997. 268 с.
- Fisher, G. B., & Härtel, C. E.* Cross-cultural effectiveness of Western expatriate-Thai client interactions: Lessons learned for IHRM research and theory. Cross Cultural Management, 10(4), 2003. с. 4-28.
- Hall E.* The Silent Language: N.Y., L., 1990. 217 с.
- Jonsson Ch.* Communication in International Bargaining. L.: Pinter Publishers. 1990. 178 с.

Имангазинов М. М.

Жетысуского государственного университета
имени И. Жансугурова
г.Талдыкорган (Казахстан)

Imangazinov Muratbek

Zhetysu state University named after I. Zhansugurov
Taldykorgan (Kazakhstan)

*ДРЕВНЕКАЗАХСКИЕ ПРЕДАНИЯ В ДРАМЕ ЕВРИПИДА ПО ПЕРЕВОДУ УЧЕНЫХ
ЛИТЕРАТОРОВ XIX-XX ВЕКОВ*

*ANCIENT KAZAKH LEGENDS IN DRAMA OF EURIPIDES ON TRANSLATION
SCIENTIFIC AND LITERARY MEN OF 19TH AND 20TH CENTURIES*

В статье отражаются древнеказахские предания VII-IX в.в.н.э написанного Коркутом, встречающего небольшой сюжет в драме Еврипида по переводу ученых литераторов XIX-XX века.

В материале сопоставляются схожие сюжеты, «Алкестида» Еврипида и одна из произведений Коркута о Домруле.

Ancient kazakh legends of VII-IX centuries, written by Korkyt is expressed in this article. It is focused on one episode of drama, namely euripides on translation scientific and literary men of 19th and 20th centuries. Also the article discusses similar episodes likewise “Alkestida” Euripide and Korkut’s work concerning Domrul.

Ключевые слова: Коркут, Еврипид, Алкестида, Домрул

Keywords: Korkut, Alkestida, Domrul

В древнеказахских преданиях (VII-IX в.в.н.э), сохранившихся в древнеевропейских архивах Германии (г.Дрезден) и Италии (Ватикане в библиотеке Аростолика), повествуется об огузском доблестном герое Домруле, где есть небольшой фрагментарный мотив, который встречается в творчестве Еврипида. Переводы с итальянского, немецкого, турецкого, которые пришли к нам через русский язык (В.В. Бартольд, В.М. Жирмунский, А.Н.Кононов и др.), точный сюжет в «Алкестиде» есть в «Книге великого сказителя огузов дедем Коркуте». В чем тут секрет, ведь их разделяют века, что их связывает?

Да, Еврипид жил ранее Коркута, хотя он является одним из самых великих мировых драматургов. Он родился в 480 г. д. н.э. на острове Саламин. Но если обратить внимание на хронику Тарос, то он родился в 484 г. д. н. э., а Коркут жил VII-

IX вв. н.э. на территории нынешнего южного Казахстана в период правления военно-аристократических огузских племен.

В комедии Аристофана «Женщины на празднике Фесмофорий» отец Еврипида Мнесарх – обыкновенный, простой продавец, а мать его Клито – продавщица овощей на рынке. По некоторым другим источникам, Еврипид родился в богатой семье и служил в харме Аполлона Зоостерия. Вторая версия более правдоподобна, так как Еврипид был хорошо образован, дружил с философом Анаксогором и софистом Протогором. Об этом также упоминается в труде римского писателя Авла Геллия «Ночи Аттики».

В 408 г. д. н. э. Еврипид переехал в Македонию по просьбе царя Архелая, а в 406г. до н. э. он скончался. Смерть поэта была так же полна противоречий, как и его жизнь. Если одни источники гласят, что он был растерзан собаками, то по другим – он умер от рук женщин. Вторая версия, возможно, исходит из комедии Аристофана.

Творческий путь Еврипида начинается с периода расцвета Афин и большая часть его проходит в государстве, которое шло к распаду из-за рабовладельческого строя. Еврипид был свидетелем Пелопоннеской войны, которая длилась с 431 по 404 г. д. н. э. Эта была захватническая война. Противниками Афин была Спарта, политические позиции которых были совсем противоположными. Если Афины как демократическое рабовладельческое государство диктовали завоеванным областям рабовладельческие правила, то Спарта придерживалась олигархических принципов.

Как и Коркут, Еврипид, по сравнению с его современниками Эсхилом и Софоклом, не имел отношения к чиновничеству и государственной службе. Он служил Родине своим творчеством. Еврипид написал более 90 трагедий, всего 17 из которых дошли до нас.

Кроме того, до наших времен сохранилась его сатирическая драма «Киклоп» которая в Европе имела большую популярность и которая ставится по сей день в крупных городах Италии, Германии, Франций и др.

Хроника его произведений такова: «Алкеста» - 438 г. до н.э., «Медея» - 431 г. до н.э., «Ипполит» - 428 г. до н.э. , «Гераклиты» - около 427 г. до н.э., «Геракл», «Гекуба», «Андромаха» - 423-421 г. до н.э., «Ион», «Елена» - 412 г. до н.э., «Орест» - 408 г. до н.э.

А постановки «Вакханки», «Ифигения в Авлиде» были поставлены только после его смерти.

По взглядам Еврипид был близок к греческим натурфилософам, и он относился критически к мнениям и высказываниям софистов о мифологии.

Он считал, что при сотворении мира сначала была единая масса, затем появились небо и земля и только тогда произошли растения, животные и люди.

Еврипид отрицательно относился к богам. Он изображает их нелепыми и неприятными. Например, в своей трагедии «Геракл» Зевс изображен как суровый муж, а жена его Гера как привередливая женщина. Таким образом Еврипид дает понять его позицию о происхождении богов из фантазии самих писателей.

Как и Коркут, Еврипид был патриотом своего полиса. Во многих произведениях он изображает свой народ в качестве заступника беззащитных. Например, в трагедии «Гераклиды», царь Микены Эврисфей выгоняет детей Геракла из их родного города, и никто не помогает им, боясь мощной армии Эврисфея. Только правитель Афины Демифонт, победив армию Эврисфея, вернул Гераклидам их родной город. В самом конце трагедии хор воспекает похвальную песнь в честь победы Афины. Афина всегда была борцом за торжество истины и справедливости – это и есть основная идея трагедии, о которой воспевал корифей хора. Идея трагедии – показать приоритет демократической Афины перед олигархической Спартой. Антиспартанские трагедии Еврипида очень близки по смыслу и идее с трагедиями, в которых он выражает неприязнь к захватническим войнам. Например, трагедия «Гекуба», поставленная в 423 г. до н. э., и трагедия «Троянки», поставленная в 415 г. до н. э.

В трагедии «Гекуба» изображается семья Приама, попавшая в плен при захвате города Троя. Дочь Гекубы Поликсена была принесена в жертву в честь героя Ахилла, а единственный ее сын Полидор умер от руки фракского царя. Гекуба просила помощи Одиссея, чтобы спасти дочь от смерти. Но он не помог. Еврипид характеризует Поликсену как очень гордую и смелую девушку, которая не склонила голову перед греками и не побоялась смерти.

Еврипид, отлично знавший душу человека, изображает последние часы жизни гордой Поликсены смелой идущей на смерть, его печальный образ затрагивает читателя до глубины его сердца и заставляет его трепетать. Бутон, который только расцветает, жизнь, которая только начинается, – от неё трудно отказаться. Поликсена бежит в объятия матери и передает привет своей сестре Кассандре и брату Полидору, которые попали в руки царя Агамемнона. Поликсена умирает как настоящий герой.

Трагедия «Гекуба» по своему внутреннему настроению весьма пессимистична. Поэт, говоря о том, что жизнь человека трудна, а повсюду и сплошь несправедливость и насилие, делает вывод, что это и есть неписанный закон жизни.

В других же трагедиях Еврипид ставит на пьедестал любовь к родине и чувство патриотизма, а героям, умершим, защищая честь Родины, воспевает похвальную песнь.

Трагедии Еврипида можно разделить на 2 группы: Первая – трагедии, и вторая – социально–бытовые драмы, в которых главными героями являются обычные люди. Также в них употребляются элементы комедии, запрещенные в античных трагедиях. Например, пьесы: «Алкеста», «Ион», «Елена».

«Алкеста»-самая ранняя трагедия Еврипида, дошедшая до наших времен, была поставлена в 438 г. д.н.э. Нужно отметить, как ранее говорилось, что сюжет очень похож на сюжет пятого мифа в “Книге Деда Коркута” о «Домруле». Во-первых, основной герой драмы-царь Фессалии Адмету, который пользовался почетом Аполлона. Боги пообещали ему, что если кто-то по своей воле пожертвует своей жизнью за него, то они продлят ему жизнь. И вот однажды Адмет заболел, он был между жизнью и смертью. Никто из его родных и близких, в том числе и пожилые родители отказались умереть за него. Только его жена Алкеста пошла на это. Еврипид с огромным художественным мастерством изображает последние минуты жизни Алкесты, её прощание с детьми и мужем. Алкеста любит жизнь, но больше всего на свете она любит мужа и детей, поэтому не боится смерти.

Муж Алкесты не герой, простой человек. Он тоже любит свою семью, но больше всех он любит самого себя. В момент смерти жены Адмет ненавидит себя за её жертву, но умереть за Алкесту для него непосильный труд. Также в этой драме есть цена, которая доказывает принцип «от трагедии до комедии один шаг». Слова Адмета, которые он сказал в упрек своему отцу Ферету, пришедшему на похороны Алкесты вызывают смех. Потому что у Адмета нет никакого основания для упрека отца в эгоизме, так как он сам остался жить за счет жертвы его жены.

Героя Геракла драматург описывает ценящим жизнь, добрым человеком. Для того, чтобы не беспокоить своего друга, прибывшего из Фракии, Адмет оказывает Гераклу все почести. А Геракл ради счастья своего друга Адмета спускается в подземное царство Аида и спасает Алкесту от смерти.

Этот образ Адмета и есть в образе Домрула. В труде Немата Келимбетова «Литература древней эпохи» так изображает Домрула: «Между мифом греков и

древним мифом «Книга Деда Коркута» есть принципиальное сходство. Народный миф о Домруле полностью противоречит исламской религии. Из сюжета мифа видно, что он был написан в эпоху шаманизма».

Однажды один богатырь по имени Домрул охотился на берегу реки, когда на берег прибыло одно селение. Все оплакивали умершего молодого парня. Домрул поинтересовался каким образом и почему он умер и тогда ему сказали, что душу молодца забрал красноперый ангел Азрейил, которого послал сам Создатель - Тенгри.

Разгневанный Домрул стал воевать с посланником Создателя чтобы вернуть душу молодому юноше. И тогда Создатель приказывает ангелу Азрейилу: «Забери душу самого Домрула». Краснокрылый ангел, превратившись в белого голубя, полетел за жизнью Домрула.

Такой же мотив ощутим и в «Алкесте». Там Геракл подобно Домрулу неоднократно сражается со смертью. Он ради того, чтобы спасти жизнь Алкесты спускается в подземный мир Аида и сражается с темными силами за справедливость и жизнь бессильных и беззащитных.

В «Книге Деда Коркута» обессиленный Домрул для того, чтобы остаться в живых просит прощения у посланника и пощады у Создателя, предлагая краснокрылому ангелу жизнь своего отца за место своей души. Но родители Домрула хоть и были очень стары, отказались отдавать жизнь за сына, и тогда Домрул, смирившийся со смертью, прощается с женой. А жена в ответ просит Создателя забрать ее жизнь, а мужа оставить жить. В конце концов, Бог-Создатель видя верность жены оставляет обоих жить, а в отместку отбирает души старых родителей. Домрул и его жена живут долго и счастливо еще 140 лет. В этом мифе говорится о искренней любви супругов друг к другу.

О трагедии Еврипида «Алкеста» исследователи Н. Я. Чистякова и Н. В. Вулих в своем труде «История античной литературы» писали: «Первая по времени из сохранившихся драм Еврипида-«Алкестида», поставленная в 438г. и вместо сатирической драмы, заключающая драматическую тетралогию. В этом древнем мифе соединены два тесно переплетенных между собой фольклорных мотива: первый - о жене, умирающей за мужа, и второй – о поединке богатыря со смертью. Еще до Еврипида этот миф уже был использован драматургами. Так, один из них, современник Эсхила Фриних, изобразил Алкестиду умирающей на свадебном пире. У Еврипида Алкестида – жена и мать. Она счастлива в браке и всем сердцем привязана к мужу, детям и к своему дому. Поэтому столь тягостно для нее расставание с жизнью и

мучительно трудна ее добровольная жертва. Обаятельный образ Алкестида дополнен рассказам служанки о прощаний царицы со слугами:

...И сколько нас
В адметовом чертоге, каждый плакал,
Царицу провожая. А она
Нам каждому протягивала руку;
Последнего поденщика приветом
Не обошла, прощаясь, и словом
Внимала каждого...

Для Еврипида и его зрителей не существовало вопроса о нравственных качествах Адмета, принявшего такую жертву от жены. Персонажи античной трагедий всегда ограничены сюжетами мифов. В мифе и сказке был мотив самопожертвования. Еврипид перенес его в свою драму и сосредоточил все внимание на человеке и его чувствах. Он показал переживания Алкестида и страдания Адмета, раскрыв такую полноту человеческих чувств, которая до него была неизвестна в античной драматургии. Мифологический сюжет при всей его условности не помешал поэту изобразить жизненную бытовую драму.

Если Адмет в трагедии «Алкеста» изображен в качестве человека, дорожащего жизнью, то его друг Геракл герой, который сражается за любовь двух людей и опускается в подземное царство для того, чтобы сразиться с беспощадным Аидом. Домрул тоже смел. Он вступает в борьбу с непобедимым чудовищем, но терпит поражение.

Оба сюжета построены на одной идее. Родители и близкие люди героев остаются в живых, а сами герои живут долго и счастливо со своими близкими и родными.

Список литературы:

- Байтұрсынов А.* Әдебиет танытқыш: Зерттеу мен өлеңдер. - Алматы: Атамұра. 2003. 144-б.
- Аджи М.* Европа, тюрки, Великая степь. - Москва. ООО «АСТ». 1994. С.135-136.
- Зарубежная литература средних веков.* - Москва: «Просвещение», 1975. С.72.
- Мағұлан Ә.* Ежелгі жыр, аңыздар: Ғылыми-зерттеу мақалалар. /кұрастырған Р.Бердібаев. - Алматы: Жазушы. 1985. 55 бет.

Комарова З.И.

Уральский федеральный университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина
г.Екатеринбург (Россия)

Komarova Zoya

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin.
Ekaterinburg (Russia)

*МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ:
ИСТОКИ, ЭВОЛЮЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ*

*METHODOLOGY AND METHODS OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION:
BACKGROUND, EVOLUTION AND MODERN TIMES*

На сегодняшний день важность исследования межкультурной коммуникации (МК) обусловлена глобализацией современного мира, повышением значимости межкультурного взаимодействия во всех областях деятельности человека, когда идёт выравнивание межъязыкового и внутриязыкового общения. Эти факторы требуют обновлённого теоретического осмысления феномена МК и оптимизации методологии и методик её изучения, чему и посвящается данная статья. Анализируется американская и российская школы исследования МК. Выдвигается идея интеграции достижений этих научных школ. Анализ истоков, эволюции и современной парадигмы МК позволяет обосновать параметрические модели (методики) МК данных научных школ.

At present the importance of cross-culture communication (CC) is determined by world globalization and the increasing significance of cross-cultural interconnection in all spheres of human activity while matching of interlingual and intralingual communication is taking place. These factors require renewed theoretical understanding of CC phenomenon and optimization of methodology and methods of its investigation. That is the aim of this paper. Both American and Russian schools of CC investigation are analyzed. The idea of integration of the schools' achievements is put forward. The analysis of the background, evolution and modern times paradigms of CC allows to give proof of parametric models (methods) of CCC of the scientific schools under consideration.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация (МК); язык, коммуникация и культура; методология МК; методика МК; межкультурная компетенция личности; американская школа МК; российская школа МК; дискурс; концепт.

Keywords: cross-cultural communication (CC); language, communication and culture; methodology of CC; methods of CC; interlingual competence of an individual; American school of CC; Russian school of CC; discourse; concept.

Оформлению межкультурной коммуникации (МК) как самостоятельной дисциплины предшествовал длительный период развития [Мишланова, Пермякова, 2008]¹. Зародившись в 40-е годы XX века как эмпирическая дисциплина для

¹ В этом обзоре показана предыстория МК: дан анализ идей В. фон Гумбольдта. Его идеи нашли развитие в двух направлениях МК: 1) психологическом (А. А. Потебня, Г. Г. Шпет, П. А.

выработки рекомендаций по разрешению межкультурных конфликтов, межкультурная коммуникация привлекла внимание многочисленных учёных (лингвистов, историков, этнографов, культурологов, этнопсихологов, психолингвистов, социологов и философов) первоначально западной (преимущественно американской) школы, а позднее и других школ, в том числе и отечественной (в 70-е годы XX в., а исследования начались – в 90-е годы).

МК прошла три периода развития:

- *традиционный подход*, при котором МК рассматривается как социальная наука, использующая *социологические методы*, преимущественно – количественные методики анализа личности в адаптации к культурной среде;
- *интерпретативный подход* (этнография) с качественными этнографическими методиками анализа (*риторический, стилистический анализ текста*), учитывающие личностные аспекты МК;
- *критический* подход, при котором исследуется роль контекста коммуникации, история коммуникации и изменения коммуникантов, т.е. расширяется объектно-предметная сфера МК.

Однако к началу XXI века сложилась парадоксальная ситуация. Количество работ по МК растёт лавинообразно, но качественного преобразования понятийного аппарата не происходит [Пермякова, 2007, с. 8]. Так, в наиболее полном и часто цитируемом обзоре по теории МК в России О.А. Леонтович, аналогично зарубежным авторам, отмечает, что «для нынешнего состояния МК характерны эклектичность и разногласия, отсутствие общих методологических оснований исследования, единых концептуальных подходов. Нет чётко определённой теоретической базы, единства терминологии, исходных посылок, которые позволили бы представителям разных научных сфер и направлений достичь конструктивного взаимопонимания. Существует некоторая размытость в определении того, что считать межкультурной коммуникацией, неоправданное расширение границ МК или же, напротив, сведение её лишь к области прикладных исследований, неучёт того факта, что *МК представляет собой самостоятельную науку с собственным понятийным аппаратом и внушительной историей научных изысканий* (выделено мной – З.К.)» [Леонтович, 2002].

И на сегодняшний день важность исследования МК обусловлена глобализацией

современного мира, повышением значимости межкультурного взаимодействия во всех областях деятельности человека, когда идёт выравнивание межъязыкового и внутриязыкового общения.

Эти факторы требуют обновленного теоретического осмысления феномена межкультурной коммуникации, разработки и оптимизации методологии её изучения. Тем более что антропоцентрическая суперпарадигма создаёт условия для изучения укрупнённых интегративных объектов в «широком экстралингвистическом контексте» (Н. Д. Арутюнова, Е. С. Кубрякова, В. А. Маслова и др.).

Анализ сложившихся западной и отечественной школ МК (см. схему) [Пермякова, 2007, с. 23] свидетельствует о возможности интеграции достижений этих школ, обладающих значительным эвристическим потенциалом и соответствующих духу МК, которая по определению межкультурна, что позволяет перейти к четвертому этапу развития МК – диалектическому.

Как видим из схемы, спектр работ российской коммуникативной теории, даже с учётом современных достижений обогащения через диалог культур, явно лингвоцентричен, о чем свидетельствуют работы по речевому общению, языковому поведению человека, невербальной/вербальной коммуникации, речевым жанрам.

Западная коммуникативистика, в которой первостепенную роль приобретают типы коммуникации, сконструированные по кластерам общества: *межличностная, семейная, групповая, массовая, деловая, профессиональная коммуникация*, разработан инструментарий верифицируемости МК.

Американская и российская школы исследования МК

Американская школа	Отечественная школа
<p>(1) Коммуникатология</p> <ul style="list-style-type: none"> - теория общего смысла - теория ассимиляции - теория снижения неопределённости - теория препятствий <p>(2) Антропология</p> <ul style="list-style-type: none"> - материальная - поведенческая <p>(3) Психо- и социолингвистика</p> <ul style="list-style-type: none"> - билингвизм - изучение не/родного языка 	<p>(1) Лингвистика</p> <ul style="list-style-type: none"> - семантика - стилистика - прагматика - семасиология - психо- и социолингвистика - билингвизм - изучение не/родного языка - перевод - лингвострановедение - лингвопереводоведение - когнитивная лингвистика <p>(2) Антропология</p>

	<ul style="list-style-type: none">- этнографическая- прагматическая- культурная<li style="text-align: center;">(3) Методика преподавания- методика преподавания иностранных языков- регионоведение- педагогика и возрастная психология
--	--

Исходя из этого, **метод межкультурной коммуникации** – это междисциплинарная и межпарадигмальная интеграция методик, приёмов и процедур изучения межкультурной коммуникации, с целью создания релевантных методов исследования межкультурной коммуникации и гармонизации ракурсов изучения результата интеграции между представителями различных лингвокультур.

Объектом изучения является процесс естественной коммуникации в естественных условиях между представителями различных лингвокультур в динамическом и статическом аспектах, рассматриваемая и как потенция, и как одна из многочисленных возможностей реализации этой концепции, а также коммуникативного поведения говорящих.

Предметом изучения являются анализ типов взаимодействия между представителями различных лингвокультур; изучение факторов, оказывающих положительное/отрицательное влияние на результат этого коммуникативного взаимодействия.

Задачи изучения необычайно разновекторны и разнообразны: от сущности и сути межкультурной коммуникации; её моделей и функций, до соотношения теории межкультурной коммуникации с другими смежными с ней дисциплинами, а также другие проблемы, как правило, относящиеся к компетенции различных гуманитарных дисциплин [Гришаева, Цурикова, 2006, с. 282].

Рассмотрим методики изучения межкультурной коммуникации в западной школе. Инструмент измерения межкультурного развития **М. Хаммера** и **М. Беннетта** – тест межкультурной компетенции, основанный на теории когнитивной психологии и конструктивизма, состоящий из 60 пунктов и описывающий 6 этапов развития сенситивности. Инструмент даёт текстовую интерпретацию каждого из этапов и сопровождающих вопросов перехода с этапа на этап. Базисом инструмента служит ориентация на культурные различия через оценку потребностей. Инструмент отвечает научным критериям валидных психометрических инструментов, надёжность

обеспечивается Ро Спирмана 0,85-0,95, этапы развития подтверждаются *факторным анализом*. Инструмент используется более 15 лет.

Эволюционная модель межкультурной чувствительности **М. Беннетта** обеспечивает теоретически обоснованное объяснение варибельности, наблюдаемой в межкультурных устремлениях. *Эволюционная модель межкультурной чувствительности* (ЭММЧ) также устанавливает уровни развития: от неопределённого одномерного внутреннего представления о культурных различиях до целостного и тонкого понимания культуры. Эта модель когнитивного развития основана на теории развития, требующей как самосознания, так и предпосылок для продвижения по эволюционным уровням.

Поскольку ЭММЧ выделяет последовательные этапы культурного понимания, благодаря чему человек может развиваться, каждый этап будет связан с особым типом поведения.

Первые три (из шести) **этапа** – «**этноцентрические**». Они продиктованы тем, что собственная культура воспринимается как центр мироздания при соотнесении с другими культурами, вследствие чего обнаруживает в них отсутствие субстанции и значения.

Следующие **три этапа** – «**этноотносительные**». Они основаны на осознании того, что собственная культура является просто одной из многих, имеющих равное право на существование. Этноцентрические уровни могут быть интерпретированы как средства, с помощью которых коммуниканты пытаются защитить себя от иной культуры: отрицанием её существования, клеветой на другие культуры или отрицанием того, что эти различия культур более чем внешние. На этноотносительных уровнях допускается культурное различие в качестве вещественных и обоснованных альтернативных построений реальности. Эти уровни позволяют приспособиться к различиям и в конечном счёте интегрируют их в собственную тождественность.

На основании концепции М. Беннетта **Д. Гринхольц** вводит понятие «*инвентаризации межкультурного развития*» (ИМР) для понимания эволюционных этапов межкультурной компетенции. Новшеством психометрического инструмента **Д. Гринхольца** для измерения компетенции, возникающей на пересечении культур, является изучение потребностей повышения квалификации (сравнение уровня знания) – как индивидуальных, так и групповых – и оценки результатов повышения квалификации.

В опроснике Д. Гринхольца были учтены возможные искажения, определяемые

различиями пола и социального статуса. Результаты теста **Стьюдента**, выполненного мужчинами и женщинами, показали разницу, но она оказалась незначительной. Возможные проявления социального статуса были оценены путём изучения результатов различных анализов ИМР-ответов, при этом учитывали уровень образования (высшее образование, университет, первая послевузовская степень (степень магистра), вторая послевузовская степень (докторская или эквивалентная ей степень) как «суррогат» социального статуса. Исследование по образовательному признаку (социальному статусу) показало негативный результат.

К сожалению, понятие ИМР может быть использовано для повышения межкультурной чувствительности, для лучшего понимания уровня только в *организационной среде*, в проблемах, связанных с развитием её членов, для определения потребностей клиентов в повышении квалификации и обучении, для оценки эффективности повышения квалификации и подготовки клиентов к вхождению в новую культуру или многонациональную среду. Вместе с тем **Р. Брислин** (1992) показал, что *чувствительность*, возникающая на пересечении культур, – решающая переменная в *разнообразии* ситуаций, требующих взаимодействия с людьми из других культур, которое возникает по ходу деятельности во время поездок за границу: от международных командировок и туристических поездок до эмиграции и приёма в качестве беженца.

Ещё одной методикой исследования межкультурной компетенции являются хофстедовы «**параметры культуры**» (**cultural dimensions**). В основу данной модели положена идея о том, что поведение каждого человека определяется ментальным программированием, обладающим известной степенью стабильности и позволяющим с определённой степенью точности предсказывать его действия. **Г. Хофстеде** ставит задачу описать эту систему в соответствии с параметрами, поддающимися измерению и определяет возможные подходы к подсчёту: 1) анализ соотношения между всеми людьми на земном шаре, независимо от их культурной принадлежности; 2) анализ соотношения внутри определённой культуры; 3) анализ соотношения между разными культурами [Леонтович, 2011, с. 133]. Методы исследования Г. Хофстеде являются революционными (для своего времени) и до сих пор во многих отношениях непревзойденными методами этнометрического анализа. Труды **Ф. Тромпенаарса**, **Р. Льюиса**, **Р. Инглхарта**, хотя и значительно отличаются от хофстедовых, однако до некоторой степени наследуют его идею о *понятии биполярной культурной ценности*.

Можно выделить две причины популярности методов Г. Хофстеде¹:

- хофстедова методика имеет наиболее широкую теоретическую и эмпирическую базу;
- выделенные Г. Хофстедом показатели (индивидуализм, дистанция власти, избегание неопределённости, маскулинность, конфуцианский динамизм) следует считать наиболее универсальными.

Основная критика методики исследования сводится не к методологии, а к парадигматике МК. Подобно всему наработанному методологическому аппарату методика принадлежит традиционной функциональной парадигме, сводится к организационному контексту, она статична и количественна.

Модель Клухона и Стробека направлена на оценку культуры и её ценностной ориентации посредством ответов на следующие вопросы: 1) каково отношение человека к природе и сверхъестественным силам; 2) какова темпоральная ориентация человеческой жизни; 3) как общество оценивает внутреннюю сущность человека и 4) на что направлена человеческая деятельность [Леонтович, 2011, с. 134].

В модели **К.-Г. Флехсига** предлагается проводить анализ по следующим характеристикам культуры:

- телеологические (*например, как снять квартиру*);
- тематические (*как говорить о безработице*);
- ролевые (*как действует в классе учитель*);
- инструментальные (*как пользоваться молотком*);
- локальные (*как вести себя на кладбище*);
- институциональные (*как вести себя в официальных учреждениях*);
- личностные (*как вести себя по отношению к тете Берте*);
- ориентированные на индивида концепты (*как интерпретировать собственное поведение*);
- аффективные (*как ведут себя в гневе*) [Гришаева, Цурикова, 2003, с. 44; Леонтович, 2011, с. 135].

Модель **Р. Марковски** содержит следующие аналитические параметры: 1) дифференциация межличностной дистанции; 2) прямота межличностной коммуникации; 3) ориентация на правила; 4) авторитаризм мышления; 5) потребность

¹ Параметры модели Г. Хофстеде изложены: Леонтович 2001: 133-134; Гришаева, Цурикова, 2003, с. 44-47.

в организации; 6) телесный контакт; 7) ограничение личной сферы; 8) личная собственность; 9) осознание ответственности; 10) тендерная дифференциация [Гришаева, Цурикова, 2003, с. 44-47; Леонтович, 2011, с. 135].

Обратимся к методикам изучения межкультурной коммуникации в отечественной школе.

Подобно тому, как в отечественной науке не складывалось самостоятельное изучение коммуникации изначально, и коммуникация концептуализировалась в пределах многих областей знания, методики исследования МК *фрагментарны и взаимодополнительны*.

Так, в психологии активно изучаются методы исследования *личности* как с точки зрения познавательных возможностей (особенности сенсорных и перцептивных процессов, памяти, внимания, мышления и речи), так и с точки зрения особенностей личности (мотивации, характера, эмоциональных проявлений). Отчасти вторые методики рассматриваются в разделах, посвящённых вопросам межкультурной компетенции личности. В психолингвистике и в методике преподавания языка эти исследования распространились на изучение *языковой способности* (Н. И. Жинкин, А. А. Леонтьев, А. Н. Лурия...).

Только в последние десятилетия в отечественной науке стал актуальным вопрос *о методах исследования речевой коммуникативной компетенции*, в том числе коммуникативной компетенции как усвоения этапов этно- и социально-психологических эталонов, стандартов, стереотипов поведения, овладения «техникой» общения.

Парадоксальная ситуация сложилась тогда, когда в методике преподавания языков существовали коммуникативные методики, а компетенции не замерялись: процесс был отделён от результата обучения (А. Л. Бердичевский, Е. С. Рапацевич, А. И. Субетто, А. И. Щукин...).

Наиболее часто используемым инструментом анализа служит *ассоциативный эксперимент (свободный и направленный)* (Ю. Н. Караулов, И. В. Привалова, А. А. Залевская и др.), а с развитием социологии – *интервью и анкетирование* [Тер-Минасова, 2007].

Качественная методика изучения МК складывалась во многом благодаря лингвистическим исследованиям, чаще всего семантическим (Д.Н. Шмелев, А.Д. Шмелев, В. Н. Телия, И. А. Стернин и многие другие).

В последние десятилетия приоритет качественных методик отдается

концептуальным и дискурсивным исследованиям (более подробно об этом дано в трудах Волгоградской школы аксиологической лингвистики, а также в работах, посвящённых функциональному направлению исследования дискурса).

Одной из проблем в рамках антропоцентрической парадигмы современного языкознания является описание *когнитивных методик и приёмов* исследования, которые позволяют исследовать сложные объекты лингвоментальной природы, к которым и относится индивидуальное творчество, сопряженное с развитием личности при столкновении с «Другим» [Комарова, 2013, с. 459-497].

В задачи исследования входит такая экспликация механизмов анализа, которая бы позволила выявить скрытые структуры знаний. В итоге полученные результаты, не противоречащие известным концепциям на стадии интерпретации, могли бы помочь оценить степень объективности и тщательности анализа. Более того, с помощью *когнитивного/концептуального* анализа представляется возможным вскрыть внутреннюю модель – представление о «*собственном лице*» и «*лице другого*» (термины С. Тинг-Туми) в языковом сознании.

В когнитологии основным механизмом творчества признаётся *концептуализация*, то есть сама речемыслительная деятельность индивида являет собой акт творчества. Возможности исследования концептов представлены во многих работах.

Обращение к тексту, охватывающему определённую социальную сферу, свойственно и социологии, где выделяется ряд подходов к изучению разных типов текстов. *Контент-анализ* – количественный анализ книг, эссе, интервью, дискуссий, газетных статей, исторических документов и других текстов и текстовых массивов с целью последующей содержательной интерпретации выявленных числовых закономерностей.

Единица контент-анализа – устойчиво повторяющаяся смысловая единица текста, относительно которой выявляются статистические и структурные связи с другими единицами и определяются иные количественные и структурные характеристики.

Контент-анализ позволяет исследователю выявлять содержание (сообщения, значения, символа) в источнике коммуникации (например, в книгах, статьях, кинофильме). Он позволяет экспериментировать с содержанием и рассматривать его с использованием методов, отличных от обычного прочтения книги и просмотра телевизионной программы. С помощью контент-анализа исследователь может

сравнить содержание множества текстов и анализировать его с помощью количественной методики (например, диаграмм, таблиц). Кроме того, он может использовать его, чтобы выявить те аспекты содержания текста, которые трудно обнаружить на поверхности [Аверьянов, 2009].

Но существует значительный недостаток такого метода. Он заключается в том, что обобщения, которые делает исследователь на основе контент-анализа, обусловлены (и ограничены) особенностями культурной коммуникации. Контент-анализ не может претендовать на истину в утверждениях об эстетических качествах текстов. Он скрывает содержание, поэтому исследователь должен изучать текст непосредственно. Как указывал Р. Холсти, «контент-анализ можно рассматривать только как дополнение, а не замещение к субъективному исследованию текстов» [Аверьянов, 2009, с. 119].

Развитие МК приводит к необходимости интегрировать все имеющиеся теоретические сведения данной области знания. Анализ дефиниции МК в парадигматическом развитии подтверждает эту необходимость. **Адекватным объектом** для описания интегративной сущности МК **является дискурс**. Дискурс обладает сложной иерархической структурой и даёт возможность системно (*интегрально, количественно и качественно*) описывать диффузные, недискретные объекты с обобщенной концептуальной организацией социально значимого общения коммуникантов.

Таким образом, на современном диалектическом этапе развития теории МК базовыми категориями являются **дискурс** как вербально опосредованная деятельность языковой личности в специальной сфере; **концепт** как совокупность накопленного знания об объекте и **межкультурная компетенция личности**, развивающаяся в дискурсе как деятельности. Такой подход позволяет определить наиболее сильную на сегодняшний день теорию концептуальной интеграции межкультурной коммуникации [Пермякова, 2007, с. 115].

На базе этой концептуальной интеграции **межкультурная коммуникация** понимается как вербально опосредованная деятельность, предполагающая взаимодействие коммуникантов, принадлежащих различным культурам и обладающих различными уровнями профессиональной компетенции. При этом единицей анализа дискурса является **коммуникативное событие** – совокупность речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели, в результате которых порождается текст о межкультурном событии.

Адекватным методом анализа **дискурса МК** считается модификация квантитативного референтивного метода анализа дискурса А.А. Кибрика – корпусно-дискурсивный метод – метод вербального анализа концептуальной структуры ключевых параметров межкультурного события как единицы дискурса МК [Пермякова, 2007, с. 117]. Такими ключевыми лингвистическими параметрами модели МК в корпусно-дискурсивном анализе являются *Субъект, Место и Время* события [Мишланова, Пермякова, 2005, с. 338-348]. Полагаем, что и другие работы в области МК снимут проблему «недосказанности» в методологии и методиках исследования.

Из специальных методик МК следует остановиться на работах И. Э. Клюканова [Клюканов, 1998; 2010], который разработал принципы рассмотрения МК, которые также можно считать своего рода моделью, отражающей «культурную идентичность как групповое членство и рефлексивный образ самих себя». В основе модели заложен ряд принципов.

1. Принцип разграничительных линий, которые рассматриваются как основа для концептуализации культуры в сознании людей. Эти линии могут быть конструктивными (позитивными, функциональными, подтверждающими идентичность людей) и деструктивными (негативными, дисфункциональными). МК – это процесс поиска взаимоприемлемой состыковки между культурами, то есть согласия представителей разных культур в отношении того, где между ними проходит разграничительная линия.

2. Принцип неопределенности. МК – это непрерывный динамичный процесс, подвергаемый интерпретации, которой присуща некоторая доля неопределенности. В процессе МК люди из разных культур совместно конструируют знание, а также идентичность *Себя и Другого* и способ взаимодействия между ними. Неопределенность МК позволяет представителям разных культур выявлять смыслы, создавать порядок, который они разделяют с другими, то есть упорядочивать свои знания о мире.

3. Принцип перформативности, структура которой анализируется на трех уровнях: 1) уровень деятельности (*например, поход на игру в бейсбол; мотив – получить удовольствие от игры*); 2) уровень действий, посредством которых осуществляется эта деятельность (*покупка билета, передача его билетеру и т. д.*); 3) операционный уровень – набор операций, осуществляемых в зависимости от условий коммуникации (*надо взять с собой зонтик, потому что сегодня день дождливый и т. д.*). Таким образом, перформативный уровень в МК – это процесс реализации

собственной идентичности путем осуществления ряда вербальных и невербальных действий.

4. Принцип позициональности связан с положением культуры относительно других культур и определяет картину мира ее носителей. Культурная позиция (например, то, как *русские и американцы определяют свою роль во Второй мировой войне*) имеет непосредственное отношение к ментальному картированию мира. Каждая культура в процессе МК пытается утвердить авторитет своего видения мира.

5. Принцип соизмеримости – то, как представители разных культур выстраивают в единое целое окружающую действительность, мышление и используемые в коммуникации символы. Соответственно, МК – это процесс, с помощью которого представители разных культур сопоставляют свои способы картирования мира и ищут основы для взаимопонимания, используя одинаковые формы и пути представления смыслов.

6. Принцип континуальности (непрерывности): МК – это процесс, в ходе которого представители разных культур непрерывно конструируют разделяемое ими пространство; при этом продуцируемые ими значения различаются в зависимости от своей удаленности друг от друга.

7. Принцип маятника: в каждой культуре действуют противоположные тенденции; МК – это постоянный интерактивный процесс, который одновременно соединяет и разделяет людей из разных культур (конвергенция и дивергенция). Предполагает возникновение напряжения и его разрешение.

8. Принцип трансакции: МК представляет собой зону, где осуществляется переговорный процесс и разрешаются проблемы.

9. Принцип синергии: представители разных культур объединяют свои ресурсы, стремясь получить оптимальный результат, который не может быть самостоятельно достигнут ни одной культурой.

10. Принцип устойчивости: МК – это процесс, в котором представители разных культур проявляют взаимную толерантность, доверие и сопротивление, поддерживая устойчивость своей коллективной идентичности и процесс своего взаимодействия в целом.

Итак, на сегодняшний день, **межкультурная коммуникация** – междисциплинарная и межпарадигмальная языковедческая дисциплина, в которой на диалектическом этапе её развития центральными категориями становятся не

формальные сочетания *коммуникации и культуры*, а динамические категории *межкультурной компетенции личности, дискурса и концепта* [Пермякова, 2007, с. 34].

В заключение отметим, что антропоцентричная парадигма современной лингвистики органично связана с проблематикой МК и, прежде всего, с межкультурной компетенцией. Потому любое гуманитарное исследование неизбежно вовлекается в диалог культур, следовательно, находится в сфере МК, что позволяет надеяться на то, что названные в статье и неназванные в ней работы помогут снять проблему «недосказанности» в методологии и методиках изучения сложной проблематики межкультурной коммуникации.

Список литературы

- Аверьянов Л.Я.* Контент-анализ: учебное пособие / Л. Я. Аверьянов. М: Кнорус, 2009. 417 с.
- Барышников Н.В.* Профессиональная межкультурная коммуникация / Н. В. Барышников. Пятигорск, 2010. 304 с.
- Гришаева Л.И., Цурикова Л.В.* Введение в теорию межкультурной коммуникации: учебное пособие. / Л.И Гришаева., Л.В. Цурикова. М.: Академия. 2006. 336 с.
- Клюканов И.Э.* Динамика межкультурного общения: системно-семиотическое исследование / И. Э. Клюканов. Тверь: Изд-во Твер. гос. ун-та, 1998. 199 с.
- Клюканов И.Э.* Коммуникативный универсум / И.Э. Клюканов. М.: РОССПЭН, 2010. 255 с.
- Комарова З.И.* Метод и методики межкультурной коммуникации / З.И. Комарова // Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2013. С. 545-555.
- Леонтович О.А.* Теория межкультурной коммуникации в России: состояние и перспективы//Теория коммуникации и прикладная коммуникация. Вестник Российской коммуникативной ассоциации. Ростов н/Д. Вып. 1. 2002. С. 63-67.
- Мишланова С.Л.* Дискурс, культура, личность: к истокам межкультурной коммуникации / С.Л. Мишланова, Т.М. Пермякова // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь: Изд-во Перм. ун-та. 2008. С. 211-220.
- Мишланова С.Л.* Межкультурная парадигма и перспективы межкультурной коммуникации / С.Л. Мишланова, Т.М. Пермякова //Стереотипность и творчество в тексте. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. С. 338-348.
- Пермякова Т.М.* Межкультурная коммуникация в свете теории дискурса: монография / Т.М. Пермякова. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2007. 286 с.
- Тер-Минасова С.Г.* Война и мир языков и культур. Вопросы теории и практики / С.Г. Тер-Минасова. М.: АСТ: Астрель-Хранитель, 2007. 286 с.

Коростова С.В.
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону (Россия)

Korostova Svetlana
Southern Federal University
Rostov-on-Don (Russia)

*ПРАГМАТИКА ЭМОТИВНОСТИ В ПРОЗЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА:
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

*PRAGMATICS OF EMOTIVENESS IN THE PROSE OF M.Y. LERMONTOV:
LINGUO-CULTUROLOGICAL ASPECT*

Статья посвящена средствам репрезентации категории эмотивности в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Интерпретация художественного текста в процессе межкультурной коммуникации предполагает знание эмоциональной составляющей текста-оригинала, способов и условий репрезентации его эмотивно-оценочных смыслов. Эмотивно-оценочные смыслы перволичного повествования рассматриваются в статье с позиции этнокультурной специфики коммуникации и прагмалингвистических характеристик диалогического общения. Выявляются особенности функционирования эмотивно-оценочных языковых средств, проекции поэтических образов в прозе М.Ю. Лермонтова, а также специфика выражения эмоциональных состояний повествователя, персонажей, структурирующих эмоциональное пространство нарратива.

The article is dedicated to the means of representing the category of emotivity in the novel of M.Y. Lermontov "A Hero of Our Time". Interpretation of a text of fiction in the process of inter-cultural communication presupposes the knowledge of the emotive constituent of the original text, how its emotive and evaluative meanings are represented and in what circumstances. In the article emotive-evaluative meanings of the first-person narration are regarded from the point of view of ethno-cultural specifics of communication and pragma-linguistic characteristics of dialogical communication. The peculiarities of functioning of emotive-evaluative linguistic means and the projections of poetic images in the prose of M.Y. Lermontov are revealed, as well as the specifics of expressing emotional conditions of the narrator and the characters, which are structuring the emotional space of the narrative.

Ключевые слова: перволичный нарратив, персонифицированный повествователь, автор, персонаж, эмотивная оценка, романтическая культурная парадигма.

Keywords: first-person narrative, personified narrator, author, character, emotive evaluation, romantic cultural paradigm.

История русской литературы знает несколько типов повествования, среди которых повествование от 1-го лица, или перволичный нарратив, становится основным в литературе XVIII века и в первой половине XIX. Большинство произведений, написанных в этот период, являют собой своеобразный опосредованный диалог с читателем. К ним относится и роман М.Ю. Лермонтова

«Герой нашего времени». Персонифицированный повествователь-рассказчик принадлежит здесь миру текста, распоряжается содержательно-фактуальной информацией, тогда как автор – содержательно-концептуальной. Это предопределяет характер речевой организации самого художественного текста и специфику репрезентации эмотивно-оценочных смыслов.

Эмоции определяются способами восприятия мира, детерминированными спецификой этноса: комплексом норм поведения, культуры, коммуникации, психологией. В процессе межъязыковой литературной коммуникации интерпретатор художественного текста опирается на свой когнитивный опыт, в котором особое место занимает концептуализация эмоциональных состояний. Представляется важным, что в различных типах повествования по-разному отражаются эмоциональные процессы, что связано с характером авторизации русского нарратива и соотношением субъектно-модальных планов автора, повествователя, рассказчика и персонажа.

Литературный нарратив представляет собой текст, повествующий для других людей о людях и происшедших с ними событиях. При этом характер эмоциональных состояний персонажей тесно связан с типом ситуации, в которой осуществляется межличностное общение. Эмоционально-оценочные переживания повествователя в романе М.Ю. Лермонтова, как правило, эксплицированы, представлена своего рода имитация непосредственного восприятия внутреннего оцениваемого мира. Оценивая другого персонажа, повествователь/рассказчик ориентируется прежде всего на внешние черты, делая свои умозаключения о его внутреннем мире, характере.

Однако сама оценка другого чаще является интеллектуализованной, поскольку она всегда относится к плану прошлого, а воспоминания в той или иной степени нейтрализуют эмотивность, если они не включены в чужую речь, а являются достоянием повествователя. Повествователь в первой части романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» («Бэла») эмоционально сдержан, открыто заявляет о своей беспристрастности, вступая в диалог с читателями: *«Но, может быть, вы хотите знать окончание истории Бэлы?»* Вводя риторический вопрос, повествователь стимулирует интерес возможного собеседника, поддерживает интригу, но при этом показывает, что сам вовлечен в нее, таким способом убеждая в объективности и достоверности излагаемых событий.

Повествователь предстает в перволичном нарративе как свидетель или участник событий прошлого. Это одна из важнейших особенностей повествования от 1-го лица, так называемая «презумпция автобиографизма» (термин Е.А. Поповой). Как замечает

известный исследователь русского классического повествования Е.А. Попова, «для повествования от 1-го лица характерен не повествователь-творец, а повествователь-человек, который рассказывает или свою собственную историю, или чужую историю, которую он сам наблюдал или о которой слышал. Поэтому «внутренний человек» в перволичном нарративе один: сам повествователь-рассказчик. Другими словами, повествователь в I ф. прагматически мотивированный, его точка зрения является внутренней по отношению к себе и внешней по отношению к остальным действующим лицам» [Попова, 2007, с. 119-120].

Оценивая создаваемое им художественное пространство и время, автор соотносит его с объективной действительностью, которая выступает как субъективная внутренняя модель мира, сложившаяся в его сознании. Эта модель подвержена динамическим изменениям, связанным с репрезентируемой в тексте художественной моделью мира и типом авторизации. «Прошлое, настоящее и будущее, как и время вообще, - замечает Умберто Матурана, - принадлежат исключительно когнитивной области наблюдателя» [Матурана, 1996, с. 126]. В перволичном нарративе повествователь может перемещаться по временной оси событий художественного мира только в прошлое, а знание о будущем для него, как и для всякого человека, недоступно.

Коммуникативная ситуация воспоминания определяет расслоение «я»-повествователя на «я-сейчас» и «я-тогда». Нельзя не согласиться с Е.А. Поповой в том, что такое расслоение категории персональности сопровождается и изменениями в хронотопе: «я-сейчас» как «я» повествователя пребывает в текстовом настоящем времени – времени рассказа о событиях, «я-тогда» как «я» персонажа (добавим: в перволичном нарративе и «я-рассказчика» - К.С.) – в текстовом прошедшем времени – времени совершения событий» [Попова, 2007, с. 120]. Например: *Я ехал на перекладных из Тифлиса. Вся поклажа моей тележки состояла из одного небольшого чемодана, который до половины был набит путевыми записками о Грузии (план прошлого). Большая часть из них, к счастью для вас, потеряна, а чемодан с остальными вещами, к счастью для меня, остался цел.* (план настоящего). Самоирония повествователя способствует диалогизации текста, пробуждает у читателя интерес к личности путешественника: с точки зрения русского коллективного сознания, человек, который может пошутить над собой, вызывает доверие. Последняя фраза представляет собой своеобразное контактоустанавливающее средство, имплицитно передает иронический эмотивно-

оценочный смысл: *<ничего особенно ценного для читателя в моих путевых записках не было, хотя я и жалею об их потере, но чемодан с остальными вещами гораздо ценнее>*. В ходе восприятия текста романа читатель убеждается в том, что под «остальными вещами» повествователь имел в виду и журнал Печорина, попавший к нему случайно.

Следует заметить, что в романе «Герой нашего времени» расслоение не ограничивается временными рамками, но затрагивает также и процесс авторизации в целом: автора-повествователя «сменяет» рассказчик Максим Максимыч (хотя и здесь процесс «отстранения» автора формален), затем сам Герой, Григорий Александрович Печорин. Три ипостаси категории «образ автора» объединены в едином прагматическом мотиве: обнаружить страсти, чувства, эмоции в себе и в других, искать свободное их проявление. Именно поэтому в повести «Бэла» повествователь так нетерпелив, вступая в диалог с Максим Максимычем: *«Мне страх хотелось вытянуть из него какую-нибудь историйку – желание свойственное всем путешествующим и записывающим людям»*. Повествователь пытается скрыть свое «желание», более того, фокус внимания концентрируется вокруг другого, о себе же он практически ничего не сообщает:

- А **вы** давно здесь служите?

- Да, я уж здесь служил при Алексее Петровиче (Ермолове),- отвечал он, приосанившись. – Когда он приехал на Линию, я был подпоручиком, - прибавил он, - и при нем получил два чина за дела против горцев.

- А теперь **вы**?

- Теперь считаюсь в третьем линейном батальоне. А **вы**, смею спросить?

Я сказал ему.

Разговор этим кончился, и мы продолжали молча идти друг подле друга...

Местоименные формы, ядерные компоненты категории персональности, как и формы настоящего исторического глагола приближают план прошлого к событию настоящего. Характерно, что повествователь скрыт от читателя, но открыт для собеседника, что определяется прагматикой диалога и стратегией межличностного общения: чтобы вызвать доверие и добиться своей цели, необходимо не только заинтересованно задавать вопросы, но откровенно отвечать на реплики собеседника. Актуализация коммуникативной линии «повествователь – персонаж» на время как будто бы исключает непосредственный диалог с читателем, объективирует повествование, перемещая фокус восприятия в прошлое. Однако повествователь «я-

сейчас» раскрывает себя в комментариях к событиям «тогда» не только как заинтересованный наблюдатель, равнодушный к чужой судьбе, но и как психолог, знаток человеческих характеров, много испытавший на своем жизненном пути: «...Он отхлебнул и сказал как будто про себя: «Да, бывало!» Это восклицание подало мне большие надежды. *Я знаю, старые кавказцы любят поговорить, порассказать; им так редко это удается: другой лет пять стоит где-нибудь в захолустье с ротой, и целые пять лет ему никто не скажет «здравствуйте» (потому что фельдфебель говорит «здравия желаю»).* А поболтать было о чем: кругом народ дикий, любопытный, каждый день опасность, случаи бывают чудные, и тут поневоле пожалеешь о том, что у нас так мало записывают.»

Когнитивные процессы, определяющие особенности личности повествователя и эмотивно-оценочные смыслы самого повествования, имплицитно представлены в романе М.Ю. Лермонтова именно в авторских комментариях к чужой речи, к поведению другого. Знание, что алкоголь «развязывает язык», повествователь использует в своих целях, однако известие о том, что Максим Максимыч «дал себе заклятье» не пить, повергает его в уныние (см. *Услышав это, я почти потерял надежду*). Стимулируя рассказ персонажа, повествователь постоянно вводит реплики-вопросы, одновременно эмоционально эксплицируя свою позицию наблюдателя в авторских ремарках: «воскликнул я с видом любопытства», «воскликнул я невольно. В самом деле, я ожидал трагической развязки, и вдруг так неожиданно обмануть мои надежды!..», «Внимание мое пробудилось снова», «сказал я, чтобы вызвать мнение моего собеседника».

Оценивая собеседника, повествователь-психолог делает вывод, в котором частично признается в том, что многие эпизоды рассказа Максима Максимыча представлены с точки зрения самого автора-повествователя. Именно поэтому потребовалось своеобразное объяснение таких романтических вставок : *...в сердцах простых чувство красоты и величия природы сильнее, живее во сто крат, чем в нас, восторженных рассказчиках на словах и на бумаге.* Модальный план повествователя обнаруживается и в словах Максима Максимыча, человека простого, рассказывающего в грубовато-шутливой манере о традициях горцев. В его речи вдруг появляется психологическая оценка внешнего и внутреннего состояния других лиц (Бэлы, Печорина) и романтические описания природы Кавказа, явно принадлежащие «восторженному рассказчику», повествователю: *«И точно, она была хороша: высокая, тоненькая, глаза черные, как у горной серны, так и заглядывали к вам в душу. Печорин*

в задумчивости не сводил с нее глаз...», «Ночь уже ложилась на горы, и туман начинал бродить по ущельям». Эмотивно-оценочный смысл рассказа Максима Максимыча о горцах не отличался такой глубиной и проникновенностью, он был прост и безыскусен, в нем преобладала просторечная негативная оценочная лексика (*девки, оборвыш, хромая лошаденка, по-ихнему*), отсутствовали средства лексической образности. Очевидно, модальный, эмотивно-оценочный план персонажа-рассказчика противопоставлен плану повествователя.

Эмотивно-оценочные смыслы, извлекаемые из рассказа персонажа, лежат на поверхности, они элиминированы, явно выражено негативное отношение к Казбичу и чувство удивления, восхищения его физической силой: *...правду сказать, рожка у него была самая разбойничья: маленький, сухой, широкоплечий... А уж ловок-то, ловок-то был, как бес!*. Действительно, анализируя русский перволичный нарратив, можно заметить, что высказывания-мелиоративы типичны, когда речь идет о другом, и совершенно не характерны, когда повествователь или рассказчик оценивают себя. Причем, даже негативная оценка другого может быть нейтрализована за счет эмотивной реакции на ситуацию, связанную с проявлением каких-либо качеств, которые с точки зрения русского коллективного сознания анормативны, а значит неожиданны.

Эмотивная функция языка тесно связана с оценочной, т.е. модальной, ибо модальность в широком смысле есть отношение, выражение субъективной оценки. Эмотивная оценка, как и сама категория эмотивности, отсылает нас к области коммуникативной семантики и когнитивной лингвистики, так как большинство языковых единиц приобретает способность выражать эмоции лишь в речи, обладая в системе языка лишь потенциальной эмотивностью. Эмотивный компонент коннотации или закрепляется в системе языка, или носит окказиональный, потенциальный характер и проявляется только в речи. Однако между названными типами коннотативных компонентов семантики языковой единицы нет непроходимой границы, как нет ее между языком и речью. Например, лексический повтор как средство художественной образности выполняет экспрессивную функцию как в речи, дискурсе, так и в тексте. В речи персонажа повтор актуализирует эмотивную функцию высказывания, выражая эмоциональное состояние восхищения, удивления поведению другого: *«А уж ловок-то, ловок-то был, как бес!»*. В этом случае лексическое средство выражения категории экспрессивности одновременно является и способом актуализации эмотивности и интенсивности высказывания. Причем интенсификация

осуществляется и за счет использования частиц (*уж*, *-то*), и за счет устойчивого сравнения, которое обычно употребляется, когда дается позитивная оценка и речь идет «о живом, ловком, задорном человеке» [Ожегов, Шведова, 1994, с. 41].

Проза Лермонтова перенасыщена экспрессией, что определяется отчасти принадлежностью к романтической культурной парадигме, формирующей своеобразие стиля, требующей экспрессивных языковых средств. Практически не существует текстов, в которых автор не проявился бы как романтик, и роман «Герой нашего времени» не является исключением. Даже в оценке ситуации прошлого повествователь не скрывает своего разочарования в жизни, что так характерно и для самого автора, каким он открывается нам в своих произведениях и в воспоминаниях современников: «Когда я ему заметил, что он мог бы побеспокоиться в пользу хотя моего чемодана, за которым я вовсе не желал лазить в эту бездну, он отвечал мне: «И, барин! Бог даст, не хуже их доедем: ведь нам не впервые», - и он был прав: *мы точно могли бы не доехать, однако ж все-таки доехали, и если б все люди побольше рассуждали, то убедились бы, что жизнь не стоит того, чтоб об ней так много заботиться...*» («Бэла»). Однако и в приведенном отрывке текста самооценка повествователя так же насыщена иронией, как и в самом начале путевых записок, что связано со знанием ожиданий читателя, привыкшего к романтическим сюжетам, и желанием автора выразить свое отношение к так называемому «шаблонному», поверхностному романтизму. Романтические восклицания по поводу описания природы вызывают скрытую усмешку у всезнающего и много испытавшего в своей жизни повествователя, эта ирония автора по большей части обращена к читателю-интерпретатору, ожидающему романтики: «Итак, мы спустились с Гуд-горы в Чертову долину... Вот романтическое название! Вы уже видите гнездо злого духа между неприступными утесами, - *не тут-то было: название Чертовой долины происходит от слова «черта», а не «черт», ибо здесь когда-то была граница Грузии.* Эта долина была завалена снеговыми сугробами, напоминавшими довольно живо Саратов, Тамбов и прочие *милые* места нашего отечества.» Выделенное курсивом слово много значит для писателя, долгое время жившего в средней полосе России. Причем и в этом авторском комментарии не обошлось без иронии. Очевидна аллюзия с известной поэмой М.Ю. Лермонтова «Тамбовская казначейша», в которой дана оригинальная характеристика губернского города 30-х годов XIX века:

Тамбов на карте генеральной

Кружком означен не всегда;

Он прежде город был опальный.
Теперь же, право, хоть куда.
Там есть три улицы прямые,
И фонари, и мостовые.
Там два трактира есть, один
«Московский», а другой «Берлин».
Там есть еще четыре будки,
При них два будочника есть;
По форме отдают вам честь,
И смена им два раза в сутки;
.....
Короче, славный городок. («Тамбовская казначейша»)

Пропущенная по вине цензуры строка, которую удалось восстановить лермонтовскому биографу П.А. Висковатову с помощью родственника поэта А.П. Шан-Гирея, знавшего поэму наизусть («Там зданье лучшее — острог»), говорит о скрытой иронии, выраженной оценочным прилагательным «славный» (см. в романе – *милые сердцу*), по отношению к занесенным снегом, ограниченными рамками трех прямых улиц, двух трактиров, четырех будочников, двух будок и одного острога провинциальным городам, их обывательской размеренной жизни. В поэме авторская ирония перерастает в сатиру, но в романе остается лишь насмешкой, таящей в себе глубокий смысл неприятия знакомой писателю действительности.

Перволичный нарратив организован точкой зрения повествователя, который является не сторонним наблюдателем событий, но их участником. Как таковой, он не может не реагировать на происходящее, выражая свою эмоциональную оценку героев, их поведения, трансформируя свой субъективный план в зависимости от характера исходного говорящего. Авторский эмоциональный план во многом совпадает с планом повествователя, что мы наблюдаем в романе М.Ю. Лермонтова. Особенно явно это совпадение, когда в тексте выражается чувство тоски по северной родине, жалость к себе, своему состоянию несвободы. Например, в прямой речи, передающей внутреннюю речь повествователя-романтика: *«Нам должно было спускаться еще верст пять по обледеневшим скалам и топкому снегу, чтоб достигнуть станции Коби. Лошади измучились, мы продрогли; метель гудела сильнее и сильнее, точно наша родимая, северная; только ее дикие напевы были печальнее, заунывнее. «И ты, изгнанница, - думал я, - плачешь о своих широких, раздольных степях! Там есть где*

развернуть холодные крылья, а здесь тебе душно и тесно, как орлу, который с криком бьется о решетку железной своей клетки».

Перед нами человек, не чуждый поэтическому творчеству, о чем свидетельствуют типичные средства выражения категории экспрессивности: эпитеты и сравнения (*родимая, дикие, широких, раздольный, душно и тесно; как орлу и т.п.*), развернутый метафорический образ метели, причем используется и антропоморфная (метель *плачет, ее напевы*), и зооморфная метафора (уподобление метели орлу). По сути представленный фрагмент текста – это ритмизированная проза (см. инверсии, обращения, контекстные антонимы и другие синтаксические средства создания экспрессии), близкая поэтической речи, которая обладает экспрессивностью уже за счет уменьшения дискурсивного пространства, ограниченного рамками строфы, но вмещающего большой смысловой объем.

Ассоциативные связи представленного эпизода повести «Бэла» с поэтическими творениями Лермонтова не случайны: интерпретация эмотивно-оценочных смыслов, связанных с темой *«милых сердцу»* повествователя мест (в частности, топонима *Тамбов*), неизбежно приводит к тексту поэмы «Тамбовская казначейша», где в лирических отступлениях автор предстает тоскующим, разочарованным и уставшим от жизни, не верящим в избавление от несвободы:

*... Сковала душу мне усталость,
А сожаление день и ночь
Твердит о прошлом. Чем помочь?
Назад не возвратят усилья.
Так в клетке молодой орел,
Глядя на горы и на дол,
Напрасно не подьмлет крылья –
Кровавой тищи не клюет,
Сидит, молчит и смерти ждет...*(Тамбовская казначейша, гл. XLI)

Эмотивно-оценочные негативные смыслы актуализируются в тексте романа за счет средств выражения концепта «голос» (см. *метель гудела, дикие напевы, плачешь, с криком* и т.д.). В поэтическом тексте эта сема нейтрализована (см. *сидит, молчит и смерти ждет*). В процессе реализации в прозе базовой семы «голос», «звук» семантическая структура макротекста становится более динамичной, усиливается одна из важных для писателя тем – поиски смысла жизни, пути к свободе (именно поэтому так важен ассоциативный ряд «метель – орел – клетка – несвобода», хотя в

фольклорной традиции и в обыденном языковом сознании *метель* – символ свободы, как и парящий в небе *орел*).

Анализ ассоциативных связей в процессе выявления эмотивно-оценочных смыслов перволичного нарратива подтверждает положение, выдвинутое К.Э. Штайн, о том, что смысловая гармонизация художественного текста включает главные параметры – гармоническую горизонталь, вертикаль и глубину, которые позволяют рассматривать не только поэтический, но и прозаический текст как открытую нелинейную среду, относительно структурно закрытую и семантически открытую, причем постижение явлений этой среды возможно множеством способов. Одним из таких способов является широкий функциональный анализ, «способствующий выявлению структурных, семантических, эстетических функций языковых и неязыковых единиц поэтического текста» [Штайн, 2006, с. 24]. Исследуя гармонию поэтического текста, К.Э. Штайн использует феноменологический метод, который позволяет выявить глубину текста, «при этом все языковые элементы и элементы отслоения от языковых единиц входят в широкое понятие слоя как феноменологически заданного способа существования языка, осуществляющего репрезентацию, то есть корреляцию значений языковых единиц с интенциональными предметами, а также такими более сложными структурами сознания, как фреймы, артефакты, сцены, картины, виды, которые активизируются в неязыковых слоях» [Штайн, 2006, с. 27]. К таким неязыковым слоям относится чувственная и интеллектуальная интерпретация смыслов художественного текста воспринимающим индивидуальным сознанием. Проекция смысла в процессе познания эмоционально воспринимаемого фрагмента художественного текста актуализирует те эмотивно-оценочные когнитивные слои, которые являются элементами национально-ментальной концептуальной картины мира говорящих на русском языке. Исследование эмотивно-оценочных смыслов в прозе М.Ю. Лермонтова позволяет определить механизмы формирования языковой личности повествователя и персонажа, выявить концептуальную информацию текста, что способствует его эффективной интерпретации, в том числе и в процессе межкультурной и межъязыковой коммуникации.

Список литературы

Гаврилова Г.Ф. Синтаксис предложения. Избранные труды. - Ростов н/Д: Изд-во РГПУ, 2005. 168 с.

Попова Е.А. Коммуникативные аспекты традиционного повествования русской классической литературы. В 2 частях. Ч. 1. - Липецк: Изд-во ЛГПУ. 212 с.

Маслова В.А. Онтологические аспекты экспрессивности текста // «TEXTUS»: Избранное. 1994-2004: Сборник статей научно-методического семинара «TEXTUS». - Вып. 11. Ч.1 /Под ред. д-ра фил.наук проф. К.Э. Штайн.- Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. С. 475 - 480

Матурана Умберто. Биология познания // Язык и интеллект. Сб. – М.: Прогресс, 1996. С. 95 - 143.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка, М., 1994. 928 с.

Штайн К.Э. Гармония поэтического текста. Монография / К.Э. Штайн. Ставрополь: Издательство СГУ, 2006.- 646 с.

Ланда Т.Ю.
Тель-Авивский университет
г. Тель-Авив (Израиль)

Landa Tatiana
Tel Aviv University
Tel Aviv (Israel)

*ДУАЛИЗМ ДРАМАТУРГИИ В.НАБОКОВА И И.БРОДСКОГО
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЬЕС "ИЗОБРЕТЕНИЕ ВАЛЬСА" И "ДЕМОКРАТИЯ!"
И.БРОДСКОГО)*

DUALISM: DRAMATURGY OF V.NABOKOV AND I. BRODSKY

В работе анализируются драматургия В.Набокова и И.Бродского, в ракурсе их дуалистичности. Выбранные для анализа пьесы уникальны, как художественно, так и экспозиционно. Это единственное обращение обоих художников к политическому театру.

Representatives of different waves of emigration - V. Nabokov and I. Brodsky - are considered as an intellectual magnet, the force of attraction of which has only been increasing. The extent and density of knowledge of their creative works is so great that at first glance everything is already described, read, mapped. And nevertheless, in the science of V. Nabokov and I. Brodsky there is a Planet which appeals to the researchers as a white spot for it is not solved and studied. The name of the planet is Dramaturgy

Ключевые слова: Дуализм, драматургия, В.Набоков, И. Бродский

Keywords: Dualism, dramaturgy, V. Nabokob, I.Brodsky

Представители разных волн эмиграции – В.Набоков и И.Бродский, являются тем интеллектуальным магнитом, сила притяжения которого только возрастает. Степень и плотность изученности их творчества настолько велика, что на первый взгляд, все уже описано, прочитано, сопоставлено. И тем не менее, в науке о Набокове и Бродском есть планета, которая как белое пятно вызывает к исследователям своей неразгаданностью, не познаностью. Имя планеты – Драматургия.

В творчестве русских писателей, оказавшихся в разное время в эмиграции, преобладают жанры эпические и лирические. Драма не относится к фаворитам.

И как результат, исследования в области драматургии находятся на шаг сзади.

На сегодняшний день, практически нет работ систематизирующих драматургическое наследие, как В.Набокова, так и И. Бродского. А об их возвратном влиянии на русскую драму не упомянуто не только на высоком академическом уровне, но даже на уровне начального исследования.

Творческое наследие обоих, как это не кажется парадоксально – похоже, оба феномена русского зарубежья, общая "объединяющая" точка – эмиграция. Хотя с совершенно разной природой. У В.Набокова – вынуждено – добровольная. З.Шаховская напишет, что "...малолетним Адамом он был изгнан из своего рая" [Шаховская, 1939, С.172.] Принудительная у И. Бродского. "... если в молодые годы, находясь под прессингом и контролем партийного аппарата и карательных органов, он, возможно, испытывал колебания, то, оказавшись на Западе, он отпустил себя." [Фингель, 2011]

"...не будет вам ни хлеба ни питья
не будет вам на родине житья." [Бродский, 1965, С.6]

Исторической ситуацией и личной судьбой оба были поставлены перед проблемой выбора – о чем писать и для кого писать, на каком языке писать и в какой литературе и культуре жить и работать. В.Набоков находит выход из лабиринта судьбы, написав следующее : "... В России и талант не спасает; в изгнании спасает только талант." [Набоков, 1989, С.380.]

Данную мысль точь в точь спустя почти пол века повторит Иосиф Бродский : "...здесь (в эмиграции –Т.Л.) может существовать только очень сильно одаренная личность." [Бродский, 2000, С.312]

Оба, являясь носителями русского языка, в эмиграции, принимают не простое решение, продолжить творить, но теперь уже на английском языке. "Эмиграция – это особый жанр и особые правила выживания." [Тименчик, 1989, С.96]

Драматургическое наследие В.Набокова (на русском языке) не велико . Это пьеса "Событие"написаная в Мюнхене, в 1938 году. В этом же году она была опубликована в журнале " Русские записки". Пьеса "Изобретение Вальса", написанная в сентябре 1938 года, в Кап де Антип, и напечатана в том же году в 11 номере журнала " Русские записки". Третья пьеса "Человек из СССР" была написана в 1925 году. В январе 1927 года опубликована в журнале "Рул". И только в 2008 году пьеса *полностью* (курсив мой - Т.Л.) была опубликована в России (9) . А в 2009 году театр "Сфера" впервые поставил (в России) пьесу "Человек из СССР" (режисер Екатерина Еланская) . В 1988 году в журнале "Театр" была опубликована пьеса "Событие" , а год спустя, в 1989 в журнале "Новый мир" , так же впервые русский читатель получил пьесу "Изобретение Вальса".

Драматургия И. Бродского составляет всего четыре названия. Это оригинальные пьесы и две переводные. Пьеса «Демократия!» начало работы над которой датировано

рубежом 80-х – 90-х годов. Когда еще существовал СССР и когда судьба демократии в России и восточно-европейских странах была более чем туманна. А завершена пьеса была когда такой страны, как СССР, уже не существовало. Что на наш взгляд крайне важно и символично в понимании, как произведения, так и творчество И.Бродского, в целом. Пьеса имеет двойное название. В начале работы над ней И.Бродский называет ее многообещающе, философски - "Демократия!". Пишет первый акт и откладывает работу. Можно предположить, что это последствие равнодушия И. Бродского к драматургии (в его биографии остался факт посещения стокгольмского драматического театра в канун получения Нобелевской премии и его доверительное откровение с собравшимися актерами и режиссерами. Бродский сказал: "... Ведь пьесы гораздо интереснее читать, чем смотреть, не правда ли?!" [Бродский, 2000, С.93] Или же его так часто повторяющееся заявления об остраненности художника от "житейских волнений" Но! После распада СССР, находясь в эмиграции, он возвращается к пьесе и дописывает второй акт. И по возвращении к работе первичное название пьесы уже не удовлетворяет, и он нарекает ее вторым названием – "Когда кончается история, начинается зоология". Что не скрывает отношения автора к происходящему. Пьеса "Демократия!" это единственная работа И.Бродского в жанре политической сатиры. В России пьеса была издана в журнале "Современная драматургия" в 1991 году в третьем номере.

Что же касается пьесы «Мрамора» (1982 год) то она пестрит намеками и перекличками с автобиографической прозой и поэзией художника. Например, образ башни, в которую заточали граждан Римской империи, на пожизненное заключение, заявлен был задолго до написания пьесы, в одном из известных стихотворений И. Бродского. И поэтому при прочтении пьесы возникает много ассоциаций с его биографией.

По сути, снова речь идет про тюрьму, но, в футурологическом аспекте.

Время, отделяющее нас от даты публикации «Мрамора», и даты ухода Бродского из жизни, вносит свои нюансы и акценты в то, что было им написано несколько десятилетий назад. В России пьеса была опубликована только в 1990 году, в журнале "Искусство Ленинграда", N8.

Так же перу И.Бродского принадлежат две переводные пьесы: английского драматурга Тома Стоппарта «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» и пьеса ирландца Брэндана Бизна «Говоря о веревке». Которые были опубликованы после эмиграции Бродского из СССР. Очевидно, что работа над текстом «Говоря о веревке» начата в

СССР, а последняя редакция перевода сделана была много позже. И.Бродский предлагал ее для публикации в журнале «Иностранная литература», где она и вышла зимой 1995, за года до смерти поэта.

В анализе творчества, как В.Набокова, так и И.Бродского существует несколько систем: по годам, по периодам, по темам и т.д. Драматургии отведено место либо "творческой случайности" (Т.Л), либо творческой пробы. Мы же попытаемся реабилитировать известных писателей и доказать, что их драматургические работы не чуть не менее интересны чем все их творческое наследие. И что без драм В.Набокова не было бы его романов, а без драм И.Бродского мы бы так никогда и не узнали его иронической памфлетности.

Среди немногочисленных драматургических работ обоих художников наиболее дуалистичны, на наш взгляд, пьеса В.Набокова "Изобретение Вальса" и И.Бродского "Демократия!". "Изобретение Вальса" - это политический памфлет, "Демократия!" – политическая сатира. Причем это единственное, в своем роде, обращение художников к данному жанру(!) – политической драматургии.

В обоих пьесах нет традиционного перечня действующих лиц, нет так же авторских характеристик персонажей.

У В. Набокова все на уровне догадок или интеллектуальных ребусов. (Как называется та страна, которая еще недавно была королевством, а сейчас парламентская республика, западного типа). Именно в этой загадочной стране к военному министру приходит Сальвадор Вальс. (В имени главного героя В. Набоков вновь подкладывает интеллектуальную бомбу, для своего читателя, а может быть даже и для исследователя. Сальвадор Вальс это, согласно энциклопедического словаря изд. Брокгауза – Эфрона. – Спаситель Кочующий). Который предлагает вниманию министра, потрясающее изобретение – телемор. С помощью этого изобретения, в любой точке мира можно уничтожить практически все, в радиусе полутора километров. "Изобретение Вальса" кружится вокруг Сальвадора Вальса, вознамерившего "спасти мир" с помощью телемора. Позднее В.Набоков напомним своим читателям, пьеса была написана за несколько лет до создания атомной бомбы. По мере развития пьесы, выясняется, что вовсе не он (Сальвадор Вальс) автор изобретения, а его родственник – "старичек". А сам герой оказывается обычным пошляком, и сластолюбцем, девственником с психическими расстройствами. Его мнимое человеколюбие оказывается настолько хрупким, что при малейшем неповиновении, он уничтожает 600-тысячный город и не исключает возможности

дальнейшего более глобального террора. Для себя же он мечтает лишь о "... приспособлении.. словом проснешься, нажмешь кнопку, и кровать тихо едет и везет тебя прямо к ванне.. И еще я хочу, что бы во всех стенах были краны с разными ледяными напитками... Все это я давно заказал судьбе - знаете когда жил в душных, шумных, грязных углах". [Набоков,1990, С.173] Такое отношение к сюжету по Набокову, бегство от действительности реальных событий, создали элемент ослабления и размытости. Хотя, "такое оружие дает его обладателю власть над всем миром". [там же, С.204] Неудивительно, что существование в рамках эмиграции среди "призрачных туземцев" (В.Набоков) для писателя самой твердой реальностью стало слово, язык. Он сам создал себе среду обитания и приспособил ее для жизни — совсем как Робинзон, только не на пустынном острове, а в человеческом муравейнике, обитателей которого он силой своего воображения превратил в драматургические образы. Получит ли автор пьесы власть о которой мечтал – вопрос остается открытым, но то, что он данной пьесой предвосхитил, опередил появление "театра абсурда" это однозначно.

Полит. география В. Набокова – это мир намеков, ассоциаций и вымысла, в котором переплетены реальное и фантастическое. Это мир отражающий действительность, в котором она (действительность), при поразительном сходстве с реальностью, имеет совершенно иную природу.

Художественная география, драматургического мира В. Набокова это проекция души героя на ландшафт ситуации.

Пьеса И. Бродского "Демократия!" или "Когда кончается история, начинается зоология" – это полилог. В ней нет маркировки реплик. Начало и конец реплик столь условен, что обозначены они лишь новой строчкой. Это создает ощущение безликости героев, отсутствие принципиальной разницы в характере героев, в масштабности их личностей, особенностей мышления. Это реплики безымянных героев. Когда выбор кто что скажет не важен и драматургу.

В "Демократии!" нет организующих собственно драматическое действие биографий, судеб героев (причем речь идет не о простых людях, а о членах правительства!), нет деления персонажей на героев первого и второго плана.

Единственным разнообразием в пьесе стало наличие в группе действующих лиц одной женщины. Но и тут И. Бродский не наделяет ее какой-либо индивидуальностью. Она столь же аморфна и бесхребетна, как и все, и готова подчиниться любому и каждому.

Все пространство пьесы занимает групповой портрет первых лиц социалистического государства, которое находится в шести часах езды от Чехии или от Венгрии. Они, привыкшие полагаться во всем на волю... И тут И.Бродский не ограничивает себя ни в чем – может быть центра, может быть чучела медведя, стоящего в углу сцены, как единственная декорация, на протяжении всей пьесы, "в чью сторону персонажи кивают или поглядывают всякий раз, когда употребляют местоимение "они"" [Бродский,1991, С 5], может быть на голос из трубки с грузинским акцентом. Они с большим трудом понимают как изменится их благополучная жизнь с приходом демократии. И будет ли теперь общим меню союзников?! Ведь "...не изменится меню – не изменятся люди у власти." [Бродский, 1991, С.11] Они боятся всего: гнева Самого, в случае неверного решения, возможного отзыва на Восток – в "Улан-Батор или Караганду, в лучшем случае" [Бродский, С.26], безусловно, боятся поведения своего народа, вопросов журналистов. Но больше всего они боятся проголосовать не за то и не так.

Единственный конфликтный момент пьесы, едва не повлекший за собой перемены в правительстве, связан с сексуальными возможностями местных женщин.

Экстремальная политическая ситуация перехода от диктатуры к демократии – "перемен к лучшему", сводится для руководителей страны к физиологическим, утробным проблемам. Так первая часть пьесы это демократия свободы выбора меню, "гастрономическая демократия", а во второй части пьесы это "зоологическая демократия". "Когда кончается история, начинается зоология. У нас уже демократия, а я еще молода. Следовательно, мое будущее – природа. Точнее – джунгли. В джунглях выживает сильнейший, либо с лучшей мимикрией". [Бродский, 1991, С. 44]

И в ответ холодно-циничное резюме драматурга - "...Не выживает, детка, никто. Это и есть закон джунглей... Не выживает никто." [там же, С. 39]

Если В.Набокову удалось предвосхитить появление атомной бомбы, то И.Бродскому предугадать значимость компьютера в жизни современного человека и даже государства. "...Будущее страны вообще и наше с вами, в частности. В просторечии – компьютер" [там же, С. 27]. Более того, И.Бродский предсказал, что произойдет с Россией к 2000 году. "...К 2000 году нас тут не будет. И газированную монополию – даже если она наступит – мы не увидим". [там же, С. 53]

Творческая дуалистичность обоих художников в той или иной мере отражена и в их гражданских позициях. Хотя, следует оговориться еще раз. Не Набоков и не

Бродский никогда не пытались в манифестационной форме выразить свои гражданские позиции. Они позиционировали себя, только как художники.

"...у меня никогда не было ненависти, гнева, то есть гнев был, но ненависти к режиму и ко всем этим делам, в общем, не было. Или, по крайней мере, я не мог его персонифицировать. Меня губила всегда одна вещь — я всегда понимал, что это люди. Это ужасная вещь. Для борца это вещь совершенно лишняя, то есть вредная смертельно. Стало быть, я не борец. Может быть — наблюдатель.....А может быть поэт." [Бродский, 2000, С.119]

Список литературы

- Бродский И.* Зофья., Стихотворения и поэмы / И. Бродский. Нью – Йорк. 1965.
- Бродский И.* Большая книга интервью/ И. Бродский. М.: Издательский дом Захарова, 2000.
- Бродский И.* Демократия! / И. Бродский. // ж."Современная драматургия"- N3. -1991.
- Набоков.В.* Пьесы/ В. Набоков. М.: Искусство,1990.
- Набоков В.* Рассказы. Приглашение на казнь. Эссе. Интервью. Рецензии. / В. Набоков. М., 1989. С.380.
- Тименчик Р.* Какая стрела летит вечно: О Владимире Набокове. / Р. Тименчик //ж. "Литературное обозрение"., 1989.
- Фингель В.И.* Бродский об эмиграции и свободе / В.И. Фингель // ж. "Семь искусств" - N9 (22). -2011.
- Шаховская З.* Рассказы.Статьи. Стихотворения. БГ., Париж, 1939.

Максимчук Н.А.
Смоленский государственный университет
г. Смоленск (Россия)

Maximchuk Nina
Smolensk State University
Smolensk (Russia)

*МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ vs МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ:
ПРОБЛЕМЫ СИММЕТРИИ*

*INTERLANGUAGE VS INTERCULTURAL COMMUNICATIONS:
PROBLEMS OF SYMMETRY*

В статье рассматривается актуальная проблема совершенствования методики обучения межкультурной vs межъязыковой коммуникации. В современном мире с его общеглобалистскими тенденциями усиливаются процессы интеграции, формируется единое информационное пространство, подключение к которому осуществляется, прежде всего, через язык, что стимулирует рост потребностей в изучении иностранных языков. С другой стороны, существование определённых экономических, социальных, национальных, этнических, религиозных и т. п. особенностей и противоречий увеличивает глобальную миграционную активность, что создаёт многочисленные и разнообразные ситуации, основу которых также составляет межъязыковая vs межкультурная коммуникация. От качества этой коммуникации во многом зависит атмосфера, формирующаяся в обществе как на микро-, так и на макроуровне. Выдвижение на центральные позиции в современных лингвистических теориях антропоцентрического подхода формирует потребность в осмыслении традиционной системы обучения языку с учётом результатов этих исследований. В частности, в основу построения предлагаемой системы обучения межъязыковой vs межкультурной коммуникации кладётся требование симметрии, исходящее из того, что максимальный уровень адекватности межкультурной коммуникации достигается при обоюдном знании коммуникантами культуры (языка) коммуникативного партнёра. Для достижения этой цели необходимо соответствующее методическое обеспечение, осуществляемое совместными усилиями обеих заинтересованных сторон. Основные направления предлагаемого подхода излагаются в статье.

The article considers the problem of improving the current methods of teaching intercultural vs interlingual communication. In today's world with its obshcheglobalistskimi trends strengthens the processes of integration, formed a single information space, connection to which is carried out primarily through language, and it stimulates the growth of demand for learning foreign languages. On the other hand, the existence of certain economic, social, national, ethnic, religious, and so on. Peculiarities and contradictions increases global migration activity, which creates many and varied situations, which are also the basis of cross-language vs intercultural communication. The quality of this communication depends largely on the atmosphere, formed in society at both micro and macro levels. Nomination to the central position in modern linguistic theories anthropocentric approach creates the need for understanding the traditional system of learning a language, taking into account the results of these studies. In particular, the basis for the construction of the proposed system of training vs cross-language cross-cultural communication is put the requirement of symmetry. It is assumed that the maximum level of adequacy of intercultural communication is achieved by mutual knowledge communicants culture (language) of the communicative partner. To achieve this goal, the appropriate methodological support, carried out jointly by the two parties concerned. The main directions of the proposed approach are described in the article.

Ключевые слова: Межкультурная коммуникация, межъязыковая коммуникация, языковая личность, структура языковой личности, симметрия уровней коммуникации.

Keywords: Intercultural communication, cross-language communication, linguistic identity, the structure of the language person, symmetry levels of communication.

В современном мировом сообществе с его общеглобалистскими тенденциями, охватывающими различные стороны жизни, усиливаются процессы интеграции, формируется единое информационное пространство, для получения широкого доступа к которому необходимы определённые средства связи, центральное место среди которых принадлежит естественным языкам, в связи с чем потребность в их изучении постоянно растёт. С другой стороны, существование экономических, социальных, национальных, этнических, религиозных и т. п. проблем и противоречий усиливает рост миграции, что создаёт многочисленные и разнообразные ситуации, которые реализуются (и вербализуются) в форме межкультурного (межъязыкового) взаимодействия. От характера и качества этого взаимодействия во многом зависит атмосфера, формирующаяся в обществе как на микро-, так и на макроуровне.

В свою очередь, адекватность межкультурного общения в значительной мере обуславливается наличием у коммуникантов необходимых знаний о культурных и других особенностях страны коммуникативного партнёра. Усиление интереса к этим проблемам в научно-исследовательском плане в последние десятилетия стимулировано развитием когнитивной лингвистики, сосредоточенной на проблемах языкового выражения знания и рассматривающей язык в неразрывной связи с человеком-его носителем (языковой личностью) и культурой народа.

Выдвижение на центральные позиции в современных лингвистических теориях антропоцентрического толка понятия *языковой личности*¹ определяет потребность в осмыслении традиционной системы обучения с учётом результатов этих исследований. На этом основании главная цель образования видится в подготовке языковой личности к адекватному существованию в определённом социокультурном пространстве. В ситуации обучения иностранным языкам эта цель выходит за рамки однородного в языковом и культурном отношении социума и формулируется сегодня

¹ Проблема *языковой личности*, активным интересом к которой отмечена лингвистика конца 20-го века, в явном или подразумеваемом виде присутствует уже в работах Ф. И. Буслаева, И. А. Бодуэна де Куртенэ, Л. В. Щербы, Е. Д. Поливанова и др., то есть тех лингвистов, чьё внимание было обращено к прикладным проблемам, связанным с обучением родному и иностранному языкам, общей и учебной лексикографии т. д.

в терминах *межъязыковой* и / или *межкультурной коммуникации*.

Отношения между этими понятиями (которые нередко и вполне справедливо используются как тождественные) имеют, однако, более сложный и разветвлённый характер, чем отношения прямого тождества, что в рамках рассматриваемого подхода заслуживает дополнительного описания.

Различия между понятиями *межъязыковая коммуникация* и *межкультурная коммуникация* можно провести по нескольким основаниям, в зависимости от отношения к которым и определяются стратегии обучения, его основные средства и способы.

1. Цель – средство.

Под *межкультурной коммуникацией* понимается речевое взаимодействие представителей разных культур, характеризующееся достижением коммуникативных целей и базирующееся на знании культурной специфики страны собеседника. При этом вопрос о средствах предъявления культурной информации в процессе общения отходит на второй план: это могут быть как родные языки коммуникантов, так и язык-посредник, являющийся иностранным для обеих сторон. Обучение межкультурной коммуникации в таком случае сосредоточивается на культурно-содержательном аспекте и может проводиться на родном языке обучающегося. Основными средствами обучения при этом выступает, прежде всего, разного рода страноведческая литература, энциклопедические словари, справочники, информационно значимые в этом смысле тексты художественной литературы и под.

Использование термина *межъязыковая коммуникация* подчёркивает, что процесс общения происходит между носителями разных языков, а средством общения служит родной язык одного из коммуникантов. При этом построение системы обучения *межъязыковой коммуникации*, базирующееся на положении о единстве языка и культуры, исходит из того, что культурная информация, носителями которой являются участники речевого взаимодействия, закреплена в средствах их родного языка и адекватность межъязыкового общения достигается изучением языковых средств и форм выражения культуры народа-носителя данного языка.

2. Общее – частное.

Восприятие языка как кода культуры определяет отношения между понятиями *межъязыковая коммуникация* и *межкультурная коммуникация* как отношения общего к частному, поскольку полноценное изучение языка означает одновременное изучение культуры его носителей (осознанное, целенаправленное или неявное – в данном

случае не имеет значения), т. е. включает в себя последнее. Возможное же изучение культуры народа вне его языка лишается при этом самого мощного, эффективного и в то же время тонкого инструмента передачи, накопления и использования знаний об иноязычной культуре.¹

Исходя из сказанного, кажется целесообразным рассматривать обучение *межъязыковой vs межкультурной коммуникации* как единый процесс, в котором в зависимости от конкретных целей, условий, ситуации обучения и потребностей обучающихся на первый план могут выходить или языковая, или культурная составляющая.

Для эффективного управления этим процессом необходимы соответствующие целям обучения средства, созданию которых должно предшествовать осмысление современного состояния лингвометодического содержания проблемы и поиск ответов на возникающие в ходе этого процесса вопросы.

Понимание *языковой личности* (представленное, прежде всего, в трудах В.В. Виноградова и Ю.Н. Караулова) как совокупной способности к порождению и восприятию разного рода текстов [Караулов, 1987, с. 3] позволяет рассматривать формирование навыков *межъязыковой vs межкультурной коммуникации* как *обучение восприятию и построению иноязычных текстов, обеспечивающих адекватное взаимодействие и взаимопонимание принадлежащих к разным культурам коммуникантов*. Очевидно, что достижение этой цели предполагает формирование средствами изучаемого языка всех структурных уровней языковой личности: лексикона, тезауруса, прагматикона. [Караулов, 1987, с. 5].²

¹ Определение отношений языка и культуры как общего и частного (при том, что язык считается частью культуры) исходит из положения когнитивной лингвистики о языке как основном инструменте накопления, хранения и передачи знаний. Ср.: «...все знания, которыми обладает языковая личность, в той или иной мере обусловлены языком» [Морковкин, Морковкина, 1997, с. 47]; Все языковые знания «суть не что иное, как компонент наивной картины мира данного этноса, закодированный в самой системе языка, то есть в его словаре и грамматике. Набор грамматических категорий, способ организации лексики отражают специфическое видение мира, присущее языковому коллективу» [Фрумкина и др., 1990]; "Особый аспект рассмотрения языка вне рамок его структуры связан с пониманием языка как системы, передающей в целом некоторую культуру, системы, в которой закодировано восприятие мира" [Колшанский, 1984, с. 63]. Следовательно, язык всегда, так или иначе, является носителем знаний о культуре, культура же, как уже подчёркивалось, может описываться средствами другого (любого) языка.

² Возможность построения и восприятия текстов (помимо наличия изначально присущих человеку механизмов порождения и восприятия речи) предполагает наличие необходимых для этого знаний. В контексте социального взаимодействия именно знания в их различных проявлениях являются важнейшим средством, обеспечивающим полноценный социальный контакт: «Социальные субъекты постоянно выражают эти знания, проверяют и сравнивают их со знаниями других ..., они предполагают, что такими знаниями обладают и другие участники социального взаимодействия, общения посредством дискурса» [Ван Дейк, 1989, с. 146].

Поиски оптимальных путей и способов подготовки языковой личности (с учётом особенностей формирования всех уровней её структуры) к межъязыковой vs межкультурной коммуникации составляют сегодня основное направление методики преподавания иностранных языков. [Тер-Минасова, 2000 и др.] Большое распространение в последнее время приобрели в этой связи понятия *билингвальное обучение (образование)*, *поликультурное образование* и под. [Литвиненко, 2000; Елизарова, Халяпина, 2005; Гальскова, Гез, 2006 и др.]. В сжатом виде суть этих подходов сводится к формированию искусственного билингвизма и мультикультурализма, а в предлагаемых средствах достижения этих целей может быть усмотрено движение к расширению списка коммуникативных ситуаций, где осуществляется замещение родного языка иностранным.

Несмотря на существование большого количества работ, посвящённых как общетеоретическим, так и сугубо прикладным вопросам рассматриваемой проблемы (С. М. Андреева, Т. Б. Менская, И. М. Румянцева, Е. И. Пассов, Л. Г. Трофимова, Л. Л. Салехова, И. И. Халеева, К. Н. Хитрик и др.) остаётся немало неоднозначных вопросов, от которых зависят особенности построения конкретных методических систем.

Так, многие современные теории обучения межкультурной коммуникации широко используют понятие так называемой *вторичной языковой личности*, определяемой как *совокупность способностей человека к иноязычному общению на межкультурном уровне и предполагающая адекватное взаимодействие с представителями других культур*.

Между тем, некоторые терминологические неясности, от которых зависит практическое применение декларируемых положений, порождают целый ряд вопросов. Обозначим некоторые из них.

Например, что значит «*иноязычное общение на межкультурном уровне*» (имеет ли смысл рассматривать сегодня в методическом плане иноязычное общение представителей одной культуры, подобно салону Анны Павловны Шерер?).

Как соотносятся и как взаимодействуют первичная и вторичная языковые личности?

Правомерно ли говорить о формировании *межкультурной компетенции вторичной языковой личности*? Если вторичная личность сформирована, это значит, что она включается в культурное пространство второго языка, и тогда можно ли говорить о межкультурном общении?

К какому типу языковой личности будут относиться знания о иноязычной культуре, приобретённые на родном языке? на языке-посреднике?

В какой форме существуют знания о иноязычной культуре в сознании вторичной языковой личности?

Однородны ли эти знания с точки зрения их отношения к чужому языку?

Имеет ли значение для усвоения чужой культуры через её язык уровень осознания взаимосвязи родного языка и родной культуры (т. е. уровень развития *первичной* языковой личности)?

В свою очередь, вопрос о самой возможности адекватного взаимопонимания и взаимодействия представителей разных языков и культур и возможных уровнях коммуникации – с позиций языковой личности – также требует некоторых уточнений, без учёта которых, как кажется, трудно выстроить реальную систему обучения.

Предполагает ли межкультурная коммуникация взаимное знание культур обеими общающимися сторонами? Если нет, то можно ли говорить о стремлении к полноценному взаимопониманию? Если да, то какой уровень взаимопонимания может считаться адекватным для конкретных ситуаций общения и чем он должен обеспечиваться?

Если в функции средства общения двух разноязычных коммуникантов выступает язык третьей стороны, будет ли такая коммуникация считаться межкультурной и о какой культуре в таком случае должна идти речь?

Какими особенностями должна характеризоваться структура языковых личностей двух разноязычных коммуникантов? Должно ли это учитываться в обучении, и если да, то каким образом?

Если попытаться в обобщённом виде определить причину, лежащую в основе всех сформулированных вопросов, и определяющее направление их решения, то, как кажется, необходимо обратиться к понятию *симметрия* и его производным.

Так, рассматривая межъязыковую vs межкультурную коммуникацию с позиций теории билингвизма, можно считать правомерным выделение понятий *симметричный билингвизм* (равноценное владение языками друг друга участниками межкультурной коммуникации) и *асимметричный билингвизм* (владение одним из участников коммуникации языком коммуникативного партнёра).

Важно осознать, что в полной мере выполнять отводимую ему роль средства межъязыковой vs межкультурной коммуникации может только симметричный билингвизм. При этом очевидно, что важнейшим внеязыковым условием

формирования билингвизма симметричного типа могут быть только согласованные усилия сторон, взаимозаинтересованных в лучшем понимании друг друга. Симметричными в таком случае должны быть и теоретические разработки, и практическое обеспечение процесса обучения. Разумеется, уровни соответствия взаимодействующих сторон могут определяться конкретно в каждом отдельном случае, однако общий вектор задаётся именно стремлением к симметрии, т.е. равноправию, равноценности и равнозначности участников межъязыковой vs межкультурной коммуникации. В противном случае может возникать не поликультурность и билингвизм, а глобализационные процессы замены языкового и культурного многообразия монокультурой.

Сказанное позволяет сформулировать несколько положений, касающиеся обеспечения обучению межъязыковой vs межкультурной коммуникации действительного статуса инструмента эффективного межкультурного.

1. Содержательным центром обучения межъязыковой vs межкультурной коммуникации должна стать система структурированных определённым образом знаний (коммуникативное ядро), определённых двумя языковыми сообществами в качестве общеобязательных для взаимного продуктивного общения.

2. На основе выделенного ядра должны быть взаимно обозначены необходимые и достаточные компоненты, обеспечивающие понимание национально-культурной специфики общающихся сторон (коммуникативно-культурное ядро). В связи с этим могут быть определены уровни межъязыковой vs межкультурной коммуникации, достаточные для достижения конкретных коммуникативных целей.

3. Способом установления состава, объёма и характера коммуникативно-культурного ядра может быть проведение ассоциативных экспериментов, выявляющих ассоциативно-культурный фон сопоставляемых единиц двух языков.

4. Главной предпосылкой и необходимым условием достижения указанных целей следует считать формирование языковой личности носителя родного языка: основу успеха или неуспеха обучения межкультурной vs межкультурной коммуникации мы закладываем отношением к изучению и осмыслению родного языка.¹ Именно глубокое проникновение в сущность родного языка и родной культуры создают тот универсальный фундамент, на котором может формироваться

¹ Так, неудачные переводы иностранных книг обычно принято относить на счёт недостаточного знания переводчиками иностранного языка. В действительности, почти всегда в этих неудачах можно заметить недостатки русской языковой личности переводчика.

способность видеть в иноязычной культуре не *чужое* – противопоставляемое *своему*, а *иное* – создающее свой неповторимый фрагмент картины нашего общего мира, фрагмент, без которого эта картина будет не такой живой и яркой.

Принцип симметрии, реализуемый в предлагаемом подходе, позволяет переформулировать знаменитый афоризм И.В. Гёте «Кто не знает чужих языков, не знает ничего о своём» следующим образом: «Кто не знает своего языка, тот не поймёт чужого».

Список литературы

- Дейк Т.А., ван.* Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк : пер. с англ. М. : Прогресс, 1989. 312 с.
- Гальскова Н.Д.* Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика / Н.Д. Гальскова, Н. Гез. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 335 с.
- Елизарова Г.В.* Формирование поликультурной языковой личности как требование новой глобальной ситуации. Языковое образование в вузе : метод. пособие для преподавателей высшей школы, аспирантов и студентов / Г.В. Елизарова, Л. Халяпина // Языковое образование в вузе. СПб. : КАРО, 2005. С. 8 – 21.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. М.: Наука, 1987. 264 с.
- Колшанский Г.В.* Коммуникативная функция и структура языка. / Г.В. Колшанский. М.: Наука, 1984. 175 с.
- Литвиненко Е.Ю.* Современный билингвизм как доминанта мультикультуральной модели социализации : дис. ... д-ра социол. наук: 09.00.11 / Литвиненко Е.Ю. Ростов н/Д, 2000. 250 с.
- Морковкин В.В.* Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем) / В.В. Морковкин, А. Морковкина. М.: Ин-т русского языка им. А. С. Пушкина, 1996. 414 с.
- Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. Слово / Slovo. Москва, 2000. 624 с.
- Фрумкина Р.М.* Представление знаний как проблема / Р.М. Фрумкина, А. Звонкин, О. Ларионов. В. Касевич // Вопросы языкознания, 1990, № 6. С. 85 – 101.

Мешкова Е.М.

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова
г. Москва (Россия)

Meshkova Elena

Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

*О МЕТОДОЛОГИИ ГЕРМЕНЕВТИКИ: ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА*

*ON METHODOLOGY OF HERMENEUTICS: LINGUOPOETIC STUDY OF A LITERARY
TEXT*

В статье рассматривается лингвопоэтический анализ текста как один из методов филологической герменевтики, способствующий пониманию идейно-художественного содержания текста, эстетические свойства которого в значительной степени обусловлены реализацией метасемиотического потенциала стилистически маркированных языковых единиц. Лингвопоэтический анализ не претендует на то, чтобы считаться неким универсальным методом изучения любого художественного текста. Во-первых, лингвопоэтический анализ имеет целью изучение природы эстетического эффекта, создаваемого стилистически маркированными языковыми единицами, но не тем эффектом, который возникает благодаря особенностям сюжета и композиции произведения. И, во-вторых, он применим лишь по отношению к текстам, существенную роль в передаче идейно-художественного содержания которых играют стилистически маркированные языковые единицы. Тем не менее, лингвопоэтический анализ способствует более глубокому пониманию содержания и природы эстетического эффекта произведения, обладающего соответствующими языковыми и содержательными свойствами, и таким образом может, по нашему мнению, с полным правом называться герменевтическим методом. Сопоставление оригинала и перевода на уровне типа повествования позволяет установить наличие/отсутствие лингвопоэтической эквивалентности перевода оригиналу и таким образом способствует объективной оценке качества художественного перевода.

The paper defines linguopoetic study of a literary text as one of the methods of philological hermeneutics that presupposes penetration into the author's artistic design of a text of verbal art. It should be emphasized, however, that linguopoetic analysis does not claim to be an overall study of a literary text of any kind. It is aimed at understanding the nature of the aesthetic effect created by stylistically marked linguistic units realizing their metasemiotic potential but not the effect produced by the peculiarities of the plot, etc. Nevertheless, linguopoetic analysis does contribute to the understanding of the artistic purport of the text, and thus can be looked upon as a hermeneutical method. Comparing the original and its translation on the level of narrative types enables us to establish the linguopoetic equivalence of the translation to the original or its absence and thereby helps to assess objectively the quality of the translation.

Ключевые слова: герменевтика, лингвопоэтика, идейно-художественное содержание, лингвопоэтическая эквивалентность.

Keywords: hermeneutics, linguopoetics, author's artistic design, linguopoetic equivalence.

Герменевтика как толкование смысла текста изначально возникла по отношению к толкованию религиозных текстов. Филологическая герменевтика имеет целью проникновение в идейно-художественное содержание текста: «...воспринимая данный в опыте художественный текст и расчлняя его на те или иные части, читающий должен уметь отвлекаться, освобождаться от непосредственных языковых значений слов в тексте и постигать... тот смысл, то содержание-намерение, носителем которого (по замыслу автора) является тот или иной отрезок речи. По существу в этом заключается метод *филологической герменевтики* (курсив Т.Назаровой), направленный на комплексное исследование языка художественного произведения, которое способствовало бы пониманию художественного текста. Термин «герменевтика» происходит от греческого “hermeneuo” (разъясняю, растолковываю, сообщаю, делаю понятным, довожу до понимания) и первоначально использовался в теологии в следующем значении «учение о правильном истолковании священных текстов (экзегетика). Применительно к художественной литературе термин «герменевтика» означает искусство правильной интерпретации, адекватного понимания художественного текста и восприятия той эмоционально-эстетической информации, которая заложена в нем автором: «...by understanding we mean not merely being able to make out letters and recognize words, but “doing full justice to the text”, understanding it in terms of philological hermeneutics, that is trying to see the purport of the complete utterance, penetrate into the author's intention, and appreciate the aesthetic impact of a work of Fiction”» [Назарова, 1994, с. 130-131].

В силу функционально-стилистической неоднородности словесно-художественного творчества, идейно-художественное содержание текста может передаваться по-разному, чем и обусловлена необходимость использовать различные методы его изучения. Методы лингвопоэтического исследования применяются по отношению к текстам, в передаче идейно-художественного содержания которых значительную роль играет реализация метасемиотического потенциала стилистически маркированных языковых единиц. По определению А.А.Липгарта, «лингвопоэтика – это раздел филологии, в рамках которого стилистически маркированные языковые единицы изучаются с точки зрения их функции и сравнительной значимости в передаче идейно-художественного содержания и создании эстетического эффекта» [Липгарт, 1996, с. 23]. Лингвопоэтика изучает художественный текст в единстве его

содержания и формы, однако она не претендует на универсальность: далеко не все тексты можно изучать методами лингвопоэтики, и лингвопоэтический анализ не дает исчерпывающего толкования всего идейно-художественного содержания текста, в частности особенности сюжета и композиции, которые также несут определенную эстетическую нагрузку, традиционно исследуются в рамках литературоведения. При осуществлении лингвопоэтического анализа учёный вправе опираться на результаты литературоведческих исследований.

Достаточно распространённая в современном литературоведении и философии точка зрения о невозможности понять авторское содержание-намерение текста, поскольку смысл всегда субъективен и каждый читатель по-своему интерпретирует прочитанное [см., в частности, Оболенская, 2010, с. 84; Нестерова, 2009, с. 84-89], противоречит филологическому подходу к толкованию художественного произведения и, в конечном итоге исключает возможность объективного изучения художественного текста в единстве его содержания и формы. Сущность отечественного филологического подхода к толкованию текстов художественной литературы можно сформулировать следующим образом: «В решении проблем, связанных с изучением словесно-художественного творчества, отечественная филологическая традиция принципиально отличалась от западной. В русской филологии настойчиво подчеркивалась необходимость понимания текста и обучения чтению художественной литературы. Причем этот подход никогда не носил абстрактно-теоретического характера и тем более не принимал форму общих рассуждений о «множественности прочтений текста» или о его «абсолютной непознаваемости». Отечественные филологи – Л.В.Щерба, В.В.Виноградов, О.С.Ахманова, Р.А.Будагов и многие другие последовательно обосновывали практические методы обучения медленному, вдумчивому, филологическому чтению и пониманию. Именно труды ведущих русских филологов легли в основу *лингвостилистического* и *лингвопоэтического* методов в обучении восприятию словесно-художественного творчества» [Назарова, 1994, с. 131].

В данной связи уместно еще раз вспомнить о функционально-стилистической и жанровой неоднородности словесно-художественного творчества, о разнице в эстетической позиции писателей, принадлежащих к различным литературным течениям и направлениям. Некоторые авторы намеренно создавали произведения, допускающие неоднозначную интерпретацию. Для большинства же текстов классической литературы характерно наличие идейно-художественного содержания,

более отвлечённого по сравнению с содержанием сюжетным. Это идейно-художественное содержание, или авторский замысел, объективно воплощено в тексте и может быть изучено методами филологической герменевтики, в том числе и методами лингвопоэтики, если языковые и содержательные особенности произведения позволяют исследовать его лингвопоэтическими методами.

Ф.Шлейермахер, основоположник филологической и переводческой герменевтики, выдвинул идею герменевтического круга: постижение смысла текста представляется как осмысление всего произведения целиком, затем осуществляется углубленное изучение отдельных эстетически значимых элементов текста, с тем чтобы в конечном итоге прийти к более глубокому пониманию целого. Данная методика и используется в процессе лингвопоэтического исследования отдельного произведения.

Проблемы герменевтики приобретают все большее значение для современной теории перевода [см., в частности, Мишкурнов, 2013]. Сопоставительный лингвопоэтический анализ оригинала и перевода художественного текста на уровне типа повествования (рассуждение, волеизъявление, описание) позволяет установить наличие/отсутствие лингвопоэтической эквивалентности перевода оригиналу. О лингвопоэтической эквивалентности можно говорить в том случае, если перевод и оригинал передают сходное идейно-художественное содержание, производят в целом сходный эстетический эффект и в переводе при этом воспроизводится общий характер использования стилистически маркированных единиц, наблюдаемый в оригинале, несмотря на возможные (а часто неизбежные) различия в лексическом составе, грамматической структуре и стилистических оттенках. Лингвопоэтическая эквивалентность соотносима с коммуникативной эквивалентностью в понимании В.Н.Комиссарова [Комиссаров, 2007, с. 61-62, 67-68], поскольку «цель коммуникации», иными словами, цель создания художественного произведения заключается в передаче идейно-художественного содержания и создании эстетического эффекта, и данная цель может осуществляться не только при помощи сюжетно-композиционных средств, но и путем реализации семантического и метасемантического потенциала языковых единиц.

В качестве примера лингвопоэтически эквивалентного и лингвопоэтически неэквивалентного переводов рассмотрим переводы шестидесятого сонета У. Шекспира, выполненные С.Маршаком и В.Брюсовым.

*Like as the waves make towards the pebbled shore,
So do our minutes hasten to their end;*

*Each changing place with that which goes before,
In sequent toil all forwards do contend.
Nativity, once in the main of light,
Crawls to maturity, wherewith being crown'd,
Crooked eclipses 'gainst his glory fight,
And Time that gave doth now his gift confound.
Time doth transfix the flourish set on youth,
And delves the parallels in beauty's brow;
Feeds on the rarities of nature's truth,
And nothing stands but for his scythe to mow:
And yet, to times in hope my verse shall stand,
Praising thy worth, despite his cruel hand. (Sonnet 60) *The Complete Works of William Shakespeare. Wordsworth Editions Ltd, 1994. P. 1232.**

*Как движется к земле морской прибой,
Так и ряды бессчетные минут,
Сменяя предыдущие собой,
Поочередно к вечности бегут.*

*Младенчества новорожденный серп
Стремится к зрелости и, наконец,
Кривых затмений испытав ущерб,
Сдаёт в борьбе свой золотой венец.*

*Резец годов у жизни на челе
За полосой проводит полосу.
Все лучшее, что дышит на земле,
Ложится под разящую косу.*

*Но время не сметет моей строки,
Где ты пребудешь смерти вопреки! (Сонет 60)
Сонеты Шекспира в переводах С. Маршака. М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2000. С. 81.*

Оригинальный текст 60-го сонета Шекспира представляет собой лингвопоэтически насыщенную разновидность повествовательного типа

«рассуждение» [см. Карпова, 2009, с. 172-185]. Основными языковыми средствами, способствующими здесь передаче идейно-художественного содержания, служат сложное сравнение (*Like as the waves make towards the pebbled shore,/ So do our minutes hasten to their end; / Each changing place with that which goes before,/ In sequent toil all forwards do contend*), лингвопоэтически полноценное и выполняющее гномическую лингвопоэтическую функцию и способствующее таким образом созданию отвлеченного плана на тему быстротечности человеческой жизни, олицетворения (*nativity, maturity, time*) и развернутая метафора, в которой происходит актуализация стилистически маркированных языковых единиц, реализующих ассоциативную лингвопоэтическую функцию (*Nativity, once in the main of light,/ Crawls to maturity, wherewith being crown'd,/ Crooked eclipses 'gainst his glory fight*). Абстрактные существительные (*time, gift, youth, nature, truth, worth*) лингвопоэтически полноценны и выполняют гномическую лингвопоэтическую функцию, дополняя ассоциативный план, созданный сравнением и развернутой метафорой. Еще одна метафора-олицетворение (*Time doth transfix the flourish set on youth,/ And delves the parallels in beauty's brow;/ Feeds on the rarities of nature's truth,/ And nothing stands but for his scythe to mow*) менее лингвопоэтически значима (не наблюдается актуализации составляющих ее элементов), а метафора «time – scythe» являлась во времена Шекспира одним из общеупотребительных поэтических средств, и здесь она реализует экспрессивную лингвопоэтическую функцию [см. Карпова, 2009а, с. 15-16]. Еще менее значимыми в плане передачи идейно-художественного содержания, но способствующими усилению коннотативности текста являются усилительные формы глаголов (*do... hasten; do contend; doth... confound; doth transfix*), коннотативные атрибутивные словосочетания (*pebbled shore, crooked eclipses, cruel hand*), созвучия (*beauty's brow; gave/.../gift; verse/.../worth*) и глагольная инверсия (*do our minutes hasten*).

В переводе Маршака использованы другие по структуре стилистически маркированные единицы, тем не менее, повествовательный тип и лингвопоэтическая разновидность сохранены, в результате мы получаем высокохудожественный перевод, производящий на читателя почти такое же впечатление, что и оригинал. Лингвопоэтическая разновидность сохраняется за счет того, что в тексте Маршака основную художественную нагрузку также несет сравнительный оборот (*Как движется к земле морской прибой,/ Так и ряды бесчисленные минут,/ Сменяя предыдущие собой,/ Поочередно к вечности бегут*), реализующий гномическую

функцию и сложная метафора (*Младенчества новорожденный серп/ Стремится к зрелости и наконец,/ Кривых затмений испытал ущерб,/ Сдает в борьбе свой золотой венец*), выполняющая ассоциативную функцию. Метафора в следующих двух строках в переводе лингвопоэтически полноценна (*Резец годов у жизни на челе/ За полосой проводит полосу*) и реализует гномическую функцию.

Сами стилистически маркированные единицы несколько отличаются по структуре и лексическому значению, некоторые элементы оригинала почти полностью утрачены (например, олицетворение времени: прямое упоминание о нем присутствует лишь в предпоследней строке). В оригинале у Шекспира использовано атрибутивное словосочетание “pebbled shore”, Маршак заменяет его существительным «земля», т.е. с точки зрения переводческих трансформаций, в данном случае С. Маршак прибегает к замене и генерализации [см. Гарбовский, 2004, с. 374-375, 425-432]. Выразительность при этом, конечно, уменьшается (конкретно-чувственное представление о покрытом галькой побережье утрачено в переводе), однако на передачу отвлеченного содержания о быстротечности жизни эта замена не оказывает существенного влияния. В качестве дополнительного выразительного средства, усиливающего коннотативность, Маршак использует именную инверсию (*ряды бессчетные минут, младенчества новорожденный серп, у жизни на челе*) и восклицательную интонацию в последней строке (*Где ты пребудешь смерти вопреки!*). Таким образом, Маршаку удалось передать лингвопоэтическое своеобразие данного сонета. О его переводе можно сказать примерно то же, что А.А. Липгарт говорит о переводе пушкинского «Анчара» Уолтером Арндтом: «<...>переводчику удается создать образ, по силе и яркости, наверное, не уступающий пушкинскому <...>» [Липгарт, 2010].

Рассмотрим перевод того же сонета, выполненный В. Брюсовым:

*Как волны набегают на камень,
И каждая там гибнет в свой черед,
Так к своему концу спешат мгновенья,
В стремленьи неизменном – все вперед!
Родимся мы в огне лучей без тени
И в зрелости бежим; но с той поры
Должны бороться против злых затмений,
И время требует назад дары.
Ты, время, юность губишь беспощадно,
В морщинах искажаешь блеск красы,*

Все, что прекрасно, пожираешь жадно,

Ничто не свято для твоей косы.

И все ж мой стих переживет столетья:

Так славы стоит, что хочу воспеть я!

В. Брюсов. Перевод сонета 60 //Шекспир У. Полное собрание сочинений в одном томе/ Пер. с англ. – М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2008. С.1228.

Пятая строка сонета звучит по-русски невнятно (неясен смысл) [см. Эткинд, 2012], что уже снижает художественное достоинство перевода. Тире и восклицание в четвертой строке придают тексту излишний динамизм, неуместный в повествовательном типе «рассуждение», к которому относится этот сонет у Шекспира. Трагическая окрашенность глагола «гибнет», которому нет соответствия в оригинале, делает текст более эмоционально насыщенным. Обращение к олицетворенному времени, отсутствующее в подлиннике, также усиливает эмоциональную составляющую идейно-художественного содержания, и таким образом, перевод Брюсова ближе к повествовательному типу «волеизъявление», а не «рассуждение», и данный эффект усиливается в последних двух строках, где используется глагол совершенного вида в будущем времени («переживет»), выражающий уверенность лирического героя в бессмертии своих стихов, и сочетание модального глагола с инфинитивом в восклицательном предложении («Так славы стоит, что хочу воспеть я!»), что также позволяет говорить о том, что текст относится к повествовательному типу «волеизъявление». В полном соответствии с лингвопоэтическими особенностями данного повествовательного типа стилистически маркированные единицы в переводе Брюсова преимущественно автоматизированы и реализуют экспрессивную лингвопоэтическую функцию. Е.Г. Эткинд отмечает, фактически, те же особенности, но иными словами: «<...>перевод Брюсова отличается преобладанием поэтических общих мест<...>» [Эткинд, 2012]. Таким образом, перевод сонета 60, выполненный В.Брюсовым, не эквивалентен оригиналу на лингвопоэтическом уровне, несмотря на то, что отдельные слова и семантическое, «сюжетное» содержание в общем соответствуют оригиналу.

Таким образом, лингвопоэтический анализ способствует более глубокому пониманию содержания и природы эстетического эффекта произведения, обладающего соответствующими языковыми и содержательными свойствами, и таким образом может, по нашему мнению, с полным правом называться герменевтическим методом. Сопоставление оригинала и перевода на уровне типа повествования

позволяет установить наличие/отсутствие лингвопоэтической эквивалентности перевода оригиналу и таким образом способствует объективной оценке качества художественного перевода.

Список литературы

Гарбовский Н.К. Теория перевода. / Н.К. Гарбовский. М.: Изд. Московского университета, 2004. 544 с.

Карпова Л.С. Лингвопоэтика повествовательных типов в английских сонетах елизаветинского периода (на материале произведений Э.Спенсера, С.Дэниела, У.Шекспира). / Л.С. Карпова. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009. 270 с.

Карпова Л.С. Лингвопоэтика повествовательных типов в английских сонетах елизаветинского периода (на материале произведений Э.Спенсера, С.Дэниела, У.Шекспира). / Л.С. Карпова. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009а. 26 с.

Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. / В.Н. Комиссаров. Изд.2-е, доп. М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 176с.

Липгарт А.А. Об английских переводах поэзии и драматургии А.С.Пушкина.<http://www.libfl.ru/about/dept/bibliography/display.php?file=books/lipgart.html> (дата обращения 13.01.2010)

Липгарт А.А. Лингвопоэтическое исследование художественного текста: теория и практика (на материале английской литературы 16-20вв.). /А.А. Липгарт. Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1996. – 656 с.

Мишкуроев Э.Н. О «герменевтическом повороте» в современной теории и методологии перевода (часть I) / Э.Н. Мишкуроев // Вестник Московского университета. – Серия 22. Теория перевода. – 2013. № 1. – С. 69-91.

Мишкуроев Э.Н. О «герменевтическом повороте» в современной теории и методологии перевода (часть II) / Э.Н. Мишкуроев // Вестник Московского университета. – Серия 22. Теория перевода. – 2013. № 2. – С. 3-41.

Мишкуроев Э.Н. О «герменевтическом повороте» в современной теории и методологии перевода (часть III) / Э.Н. Мишкуроев // Вестник Московского университета. – Серия 22. Теория перевода. – 2013. № 3. – С. 3-29.

Назарова Т.Б. Филология и семиотика. Современный английский язык: Монография. /Т.Б. Назарова. – М.: Высшая школа, 1994. – 184 с.

Нестерова Н.М. *Sensum de sensu: смысл как объект перевода/* Н.М. Нестерова // Вестник Московского университета. – Серия 22 Теория перевода. – 2009, № 4. – С. 83-93.

Оболенская Ю.Л. Художественный перевод и межкультурная коммуникация. Изд.3-е, испр. /Ю.Л. Оболенская. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 264с.

Эткинд Е.Г. Об условно-поэтическом и индивидуальном (Сонеты Шекспира в русских переводах). [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://lib.ru/SHAKESPEARE/shks_etkind.txt (дата обращения 29.03.2012)

Нуртазина М.Б.

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева
г. Астана (Казахстан)

Абдыкарим Т.М.

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева
г. Астана (Казахстан)

Кулманов К.С.

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева
г. Астана (Казахстан)

Алимова А.А.

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева
г. Астана (Казахстан)

Nurtazina Maral

The L.N. Gumilyov Eurasian National University
Astana (Kazakhstan)

Abdykarim Tazagul

The L.N. Gumilyov Eurasian National University
Astana (Kazakhstan)

Kulmanov Kuandyk

The L.N. Gumilyov Eurasian National University
Astana (Kazakhstan)

Alimova Akdana

The L.N. Gumilyov Eurasian National University
Astana (Kazakhstan)

***ТЕКСТОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИХ
ОСОБЕННОСТЕЙ ГРАММАТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ***

***THE TEXT POTENTIAL OF COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC FEATURES
OF GRAMMATICAL STRUCTURES***

В статье излагаются методология анализа текстового потенциала коммуникативно-прагматических особенностей грамматических единиц и результаты анализа на основе высказываний из художественных текстов. В ней предпринимается попытка систематизировать и объяснить данные особенности через социально-культурный контекст. Обсуждаются проблемы основных параметров коммуникативно-прагматической ситуации, включающей экстралингвистические факторы, «культурный и фоновый» контекст, интенцию субъекта речи, фактор адресата, к которому направлено коммуникативное намерение автора. Анализируются прагматически релевантные факторы с точки зрения воздействия их на адресата и адресанта. Предложенный подход использован для показа взаимосвязи говорящего и слушающего в структуре речевого акта. В заключение сделаны выводы относительно того, как содружество лингвистики текста и прагматики обогатилось новыми представлениями, когда текст можно рассматривать как процесс, язык в действии, как часть общественной практики человека.

The article presents the methodology used to analyze the text-building communicative pragmatic peculiarities of grammatical structures and the results of the analysis on the basis of statements of literary texts. The systematization and explanation of these features through the socio-cultural context are attempted. The issues of the basic parameters of communicative-pragmatic situation involving extralinguistic factors' "cultural and background context", intention of the speech subject, addressee's

factor which is directed of the author's communicative intention. Pragmatically relevant factors are analyzed in terms of their impact on the recipient and the addressee. The proposed approach is used to show the relationship of the speaker and the listener in the structure of the speech act. In conclusion there are stated on how commonwealth text linguistics and pragmatics enriched with new ideas when the text came to be regarded as a process language in action, as part of human social practice.

Ключевые слова: лингвистика текста, прагматика, говорящий и слушающий, темпоральные компоненты, социально-культурный контекст.

Keywords: text linguistics, pragmatics, the speaker and listener, temporal components, socio-cultural context.

При функционально-коммуникативном подходе к языковым явлениям перед исследователем стоит задача по-новому подойти к некоторым традиционным вопросам, переосмыслить теоретические концепции с учетом коммуникативного и прагматического ракурса их использования. В этом аспекте взаимосвязь говорящего и слушающего происходит во всех отношениях, так как это признаки, которые представляют собой реальные способы осуществления происходящих реальных форм языкового общения и потому объединены коммуникативной проблематикой и непосредственно соединены с процессом формирования текста. В таком случае текст определяется как «функционально-семантическое понятие, которое помогает увидеть, каким образом осуществляется связь языка и ситуации общения, создающая речевое произведение» [Холлидей, 1980, с.135]. Достаточно важным представляется и определение текста как «произведение речетворческого процесса» [Гальперин, 2011, с.18], который обладает структурной и смысловой завершенностью и потому неотъемлемым свойством его является коммуникативная направленность и эстетическая целостность.

Вопрос о связи прагматики и лингвистики текста становится в лингвистике и теории перевода достаточно актуальным, так как текст не существует вне прагматических параметров [Богданов, 1993, с.27]. Прагматика текста как продукта коммуникации представляет собой реализацию коммуникативной заданности говорящего и слушающего, которая во многом определяет законы текстообразования. При обращении к прагматической организации текста с необходимостью должны привлекаться результаты семантико-синтаксических и структурных исследований текста, т.к. взаимосвязь семантики и синтаксиса, комплексный характер построения и функционирования текста налицо. Коммуникативные единицы в лингвопрагматическом аспекте рассматриваются в треугольнике «я-сейчас-здесь»

[Степанов, 1998, с.234], т.е. органическими составляющими процесса коммуникации являются субъекты сообщения, время и место событий.

Таким образом, исходными прагматическими параметрами коммуникации могут быть признаны основные параметры коммуникативно-прагматической ситуации, включающей экстралингвистические факторы, «культурный и фоновый» контекст, интенцию субъекта речи, фактор адресата, к которому направлено коммуникативное намерение автора. Однако на уровне текста наблюдается усложнение предмета коммуникации, становятся многограннее взаимоотношения автор-адресат, возрастает роль интеллектуального, общеобразовательного багажа адресата в адекватной интерпретации текстовой информации. Кроме того, конкретная семантика текста в значительной мере зависит оттого, кто и как этот текст формирует, кем и как он интерпретируется [Богданов, 1993, с.28-35].

С представлением ситуации естественного общения соотносится коммуникативная ситуация, репрезентируемая текстовым фрагментом с прямой речью. Акту речи сопутствуют такие параметры, не нуждающиеся в вербализации в процессе реальной коммуникации, как: фактор субъекта, фактор адресата, предметно-событийный фон (место, время, обстоятельства установления речевого контакта). Таким образом, рассмотрение проблемы прагматизации тех или иных компонентов должно быть соотнесено с внеязыковыми факторами, конкретно-социальным контекстом, т.е. параметрами коммуникативно-прагматической ситуации, которую понимают как комплекс внешних условий общения, присутствующих в сознании говорящего в момент осуществления речевого акта, важнейшими составляющими которого является прагматический эффект, выражающийся в реакции адресата, его вербального / невербального поведения.

Так, прагмалингвистический подход к исследованию вербальных и невербальных средств в тексте предполагает включение их в структуру дискурса, понимаемого как языковое общение в целом, как совокупность всех речевых и неречевых актов в данный момент времени. При таком подходе невербальные средства рассматриваются в их взаимосвязи с другими единицами речевого общения, а также с учетом психологических, социальных, культурных и этнических условий функционирования элементов в дискурсе. Кроме того, если языковые единицы дискурса имеют определенную самооценку и могут изучаться в отрыве от человека и его коммуникативной деятельности, то невербальные средства могут стать

коммуникативно значимыми только в дискурсе, в процессе общения, когда они становятся действием и вступают в оппозитивные отношения с речью.

Говоря о взаимосвязи языка (языковых единиц общения) и невербальных средств, следует в целом сказать, что в условиях дискурса эти два явления оказываются тесно переплетенными, взаимообусловленными и взаимосвязанными. Невербальные акты часто оказываются результатом или причиной того или иного высказывания, и наоборот, высказывания, их семантическое содержание и лексическое наполнение могут стать причиной последующего невербального акта (жестов, мимики, молчания).

В основе дискурса, который может иметь самые разнообразные формы, лежит, прежде всего, диалог как «наиболее простая и классическая форма речевого общения» [Бахтин, 2010, с.445]. Общеизвестным является тот факт, что элементами диалога являются не только слова, речевые акты, но и невербальные коммуникативные средства: жесты, взгляды, мимика, улыбка, молчание, - т.е. все, чем можно обменяться коммуникантам.

Исследуя текст с коммуникативно-прагматической точки зрения, нельзя не обратить специального внимания на самих создателей высказывания – говорящего и слушающего. Именно их отношение к языку есть движущая сила процесса формирования текста. Поэтому основным вопросом, на который должен ответить коммуникативно-прагматический анализ текста, - это вопрос о том, какую дополнительную информацию кроме простого сообщения о ситуации содержит анализируемый отрезок (имеются в виду сведения о цели, общественном и территориальном положении говорящих, индивидуальности словесного отбора и др.).

В процессе языкового выражения денотативной ситуации большую роль играет такой экстралингвистический фактор, как речевая ситуация, содержащая, кроме говорящего и слушателя, место и время, в которых они происходят. Известно, что отражение объективной действительности зависит от коммуникантов - говорящего и слушающего. Субъект речи, даже если он не эксплицирован, всегда предполагается. Поэтому в настоящей статье принимается во внимание как познавательная деятельность говорящего (сообщаемое в высказывании представляет собой результат познавательной деятельности человеческого сознания), так и реализация интенций говорящего (автора), его коммуникативной установки (имеется в виду направленность сообщаемого второму коммуниканту - адресату, которая может приобретать характер воздействия на него). Обе эти установки - и познавательная и коммуникативная -

взаимосвязаны и зиждутся на одной основе - активности человеческого сознания, которая может проявляться в большей или меньшей степени. Достаточно четко в концепции Э. Бенвениста рассматривается субъективность как фундаментальное качество языка и предстает в виде глобальной проблемы «человек в языке», причем антропоцентрический принцип его используется при анализе конкретного языкового материала [Бенвенист, 2008, с.312].

Именно на уровне текста и роль говорящего, и соотнесенность его с семантикой языкового знака существенным образом меняются. Деятельность сознания в этом случае направлена на выявление не очевидных, непосредственных фактов объективной действительности, а скрытых, сущностных сторон и связей явлений реального мира. Говорящий своим объектом имеет не саму временную или причинную ситуацию, а рассуждение, размышление по поводу этой ситуации; временная и причинная зависимость между событиями выявляется на основе определенных логических операций, при активной, творческой роли говорящего лица, вносящего момент оценки связи между событиями, например: *«Покойная матушка на этот промысел непрворная была, все у нее из рук валилось. Нитку сучит – плачет, холсты ткет – слезами заливаются. Говорит, до Взрыва все иначе было»* (Т.Толстая. Кысь.Аз).

Большая «мера» прагматичности, активности соответствует теоретическому уровню познания объективной действительности. Здесь обращает на себя внимание не только акцент на позиции говорящего, голос которого становится настолько весом, что начинает играть конструктивную роль в смысловой организации высказывания, но и прагматическая направленность на адресата. Речевое действие говорящего имеет ярко выраженный адресованный характер, основная информация передается через взаимодействие говорящего и адресата [Гак, 1998, с.345-349].

Говорящий, размышляя, обосновывая свою мысль, стремится (явно или скрыто) в той или иной мере воздействовать на адресата - убедить его в истинности сообщаемого, внушить ему свою оценку фактов, субъектов, объектов, вызвать у него нужные эмоции, побудить к совершению действий, т.е. говорящий обнаруживает коммуникативно-прагматические намерения, целиком сориентированные на адресата. Как отмечает М.М.Бахтин, «и сам говорящий установлен именно на такое активно ответное понимание: он ждет не пассивного понимания, так сказать только дублирующего его мысль в чужой голове, но ответа, согласия, сочувствия, возражения, исполнения» [Бахтин, 2010, с.255], например: *«Сызмальства Бенедикт*

*ко всякой работе отцом приучен. Каменный топор изготовить - шутка ли. А он может. Избу срубить - срубит, хочешь - в угол, хочешь - в лапу, по-всякому. Печь сложить умеет. Баньку спроворить. Отец, правда, мыться не любил. А Бенедикту нравилось. Заползет в баньку, в теплое нутро, плеснет на камни яичного квасу, чтоб дух пошел, распарит кленовый веник и знай себе по бокам охаживать!» (Т.Толстая. Кысь. Буки); "Вероятно, Быков просто не знал, с чего начать. Он **щурился** на серое небо за прозрачной стеной, **кряхтел**, **гладил** колени и **барабанил** по подлокотнику кресла толстыми, сильными пальцами" (А.Стругацкий, Б.Стругацкий. Испытание СКИБР).*

Осмысление конструкций, выражающих те или иные значения, в рамках теории номинации и с позиций функционально-коммуникативного подхода, с учетом характера и сложного взаимодействия познавательной и коммуникативной установок говорящего, позволяет более глубоко проникнуть в природу изучаемых построений, по-новому подойти к решению вопросов, связанных со спецификой статуса говорящего и его роли в формировании содержания структуры данного явления, с разработкой проблематики содержательного и формального варьирования конструкций, выражающих смысловые отношения.

Отправным пунктом прагмалингвистического исследования текста может считаться также положение о целесообразности речевой деятельности. В связи с чем прагматически релевантным является рассмотрение высказывания с точки зрения его воздействия на адресата, т.е. выполнением высказыванием перлокутивных и иллокутивных функций. Существенный интерес для выявления прагматических характеристик высказывания и его компонентов представляет изучение личностных характеристик речетворчества, т.е. исследование факторов, концентрирующихся вокруг доминанты «человек, творящий язык», к которым относятся как собственно лингвистические, психолингвистические, так и экстралингвистические, историко-культурные, социальные факторы. При прагматическом рассмотрении высказывания внимание должно быть сосредоточено также на исследовании эффективности речевой коммуникации и на выявлении его интеракционных характеристик, обращение к так называемому «фактору адресата» [Арутюнова, 1999, с.156-164], в результате чего оказывается возможным адекватная интерпретация автором интенций и прагматического содержания высказывания.

Очевидно, что при описании прагматических характеристик компонентов необходимо учитывать его связи и зависимости с целым, прагматическим

содержанием высказывания, для чего необходимо выяснить его структуру. В этом вопросе мы принимаем точку зрения И.П. Сусова, который включает в прагматическую структуру высказывания следующие компоненты: интенциональный (иллокутивный), кооперативный (импликационный), ориентационный (дейктический), пресуппозиционный, экспрессивно-оценочный, функционально-стилистический, модальный, коммуникативно-информационный [Сусов, 1986, с.11].

Прагматически релевантными будем считать компоненты, обладающие самостоятельным прагматическим содержанием и участвующие в той или иной мере в формировании прагматической структуры высказывания, опущение которых ведет к утрате, искажению некоторых прагматических характеристик высказывания. Целесообразно вычленение некоторых факторов, лежащих в основе механики прагматизации компонентов, отражающих отдельные параметры ситуации: 1) факторы экстралингвистического характера, включающие условия протекания коммуникативного акта, общую социально-политическую, историко-культурную ситуацию общения (так называемый «фондовый контекст»); 2) фактор субъекта речи, отражающий индивидуально-психологические, содержательные особенности личности говорящего; 3) фактор адресата, включающий как подготовленность адресата к адекватному общению, его индивидуальные характеристики, так и интеракциональные, межличностные отношения между коммуникантами.

Поиски механизма формирования и актуализации прагматического содержания компонентов, составляющих те или иные значения, приводит в область экстралингвистического. При анализе высказываний, включенных в ситуацию речевого общения, важная роль должна быть отведена изучению конкретных условий, в которых рассматриваемые компоненты приобретают прагматическую нагрузку. Релевантным является и тот факт, что в высказывании, сотворенном человеком, соединяются значения принципиально разноплановые: объективные, отражающие определенные фрагменты действительности (диктумная часть), и субъективные, отражающие отношение субъекта к обозначаемому (модусная часть). С точки зрения диктумного содержания высказывания роль субъекта проявляется в связи с его положением по отношению к координатам оси «я-здесь-сейчас», в обозначении реального объективного времени, в рамках которого реализуется манифестируемая высказыванием ситуация. Модусная сторона гораздо сложнее, в ее формировании принимает участие множество факторов, ведущим из которых является субъект, автор речи.

В высказывании, порожденном человеком, находит отражение не только мир внешний, в котором он живет, но и мир внутренний, чувств. Человек воспринимает реальный мир через призму своего опыта, воспитания, культуры, мироощущения.

В этом ракурсе высказывание, репрезентирующее, например, таксисное значение, может восприниматься не только как обозначение реальных хронологических отношений. Прислушавшись к голосу субъекта, мы можем обнаружить за простой номинацией времени жизнь человеческого духа, личность в ее сложности, многогранности, человека думающего, оценивающего, призывающего. Таким образом, выяснение формирования и актуализации прагматического содержания высказываний невозможно без выяснения релевантных качеств личности, создающей высказывания, прагматического субъекта (коммуникативно-прагматического). Как отмечает Н.Д.Арутюнова, «говорящий вступает в коммуникацию не как глобальная личность, а как личность "параметризованная", выявляющая в акте речи одну из своих социальных функций или психологических аспектов» [Арутюнова, 1999, с.57].

При выделении релевантных характеристик личности, представляющей субъекта речевого общения, необходимо учитывать единство двух существенных факторов, формирующих личность: объективного (личность как продукт общественного, исторического развития) и индивидуального (совокупность оригинальных взглядов, интересов, мотивов, эмоций). В субъекте речи оказывается переплетены, диалектически взаимосвязаны «социальное и индивидуальное, общее и особенное, природное и усвоенное, объективное и субъективное» [Гак, 1998, с.389].

Для характеристики речевого поведения личности, ее индивидуальной особенности привлекаются также факторы интрасубъектные и экстрасубъектные. К интрасубъектным факторам относятся все характеризующие дискурс компоненты, "внутренне присущие личности в определенный момент ее жизнедеятельности (пол, возраст, профессия, состояние сознания (установки, ценностные ориентации), интеллектуальный уровень" [Гак, 1998, с.232]. К экстрасубъектным факторам относятся внешние условия, оказывающие влияние определенного плана на поведение, внутреннее состояние субъекта речи. Различные факторы, из которых складывается «образ» субъекта, оказывается существенным для формирования и актуализации прагматического содержания высказывания, т.е. «прагматической значимостью обладает все то, что "освещено" интенцией говорящего» [Степанов, 1998, с.346].

Выявление прагматических смыслов компонентов, представляющих ту или иную ситуацию, их функций в составе высказывания становится возможным лишь при учете "параметрических", личностных, интенциональных характеристик субъекта речи, а с другой стороны, посредством прагматической информации, извлекаемой из всего высказывания в целом, может быть адекватно охарактеризован субъект речи, семантический субъект высказывания.

Обратимся к рассмотрению случаев участия всех компонентов в формировании модальной рамки высказывания, вхождения в прагматическую структуру высказывания (экспрессивно-оценочный, модальный план).

Прагматическое содержание всех компонентов в высказывании оказывается тесно связанным с имплицитной пропозиitivностью и темпорального компонента, за которой скрыта ситуация характеристики. Причем семантический субъект скрытой пропозиции и основного высказывания совпадают. Временная синтаксема участвует в характеристике семантического субъекта, которому приписываются признаки, ограниченные временным состоянием субъекта. Здесь мы имеем дело с ярко выраженным оценочным высказыванием, а, как отмечает Е.М. Вольф, «модальная рамка оценки относится к прагматическому аспекту высказывания, одна она тесно связана и семантикой оценочной структуры» [Вольф, 2009, с.13].

Оценочные высказывания отражают образ человека, его личностную сферу, т.к. предметы, явления, события оцениваются, принимаются или отвергаются, исходя из тех установок, которые составляют ядро личности. Формулируя оценку, субъект эксплицирует свой взгляд на воспринимаемые предметы, явления, однако часто та или иная оценка требует мотивировки, особенно это касается этических оценок. Н.Д. Арутюнова справедливо отмечает, что «аксиологическое утверждение всегда прагматически связано: оно больше характеризует субъекта оценки, чем ее объект» [Арутюнова, 1999, с.134]. Рассмотрим пример: *«Митрофаній всегда говорил, что мужчину делает жена, и для наглядности пояснил свою идею при помощи математической аллегории. Мол, мужчина подобен единице, женщина нулю. Когда живут каждый сам по себе, ему цена небольшая, ей же и вовсе никакая, но стоит им вступить в брак, и возникает некое новое число. Если жена хороша, она за единицей становится и ее силу десятикратно увеличивает. Если же плоха, то лезет наперед и во столько раз мужчину ослабляет, превращая в ноль целых одну десятую»* (Б.Акунин. Пелагия и Черный Монах); *«Находясь в обществе друг друга, Митрофаній и Алеша более всего напоминал (да простится нам столь непочтенное*

сравнение) большого старого пса с задиристым кутенком, который, резвясь, то хват родителя за ухо, то начнет на него карабкаться» (Б.Акунин. Пелагия и Черный Монах).

В приведенных высказываниях прагматическое содержание темпорального компонента, подчеркивающего целостный временной период, в рамках которого разворачиваются события, не только участвует в формировании субъективного модуса оценки, но и выполняет мотивирующую функцию, являясь способом обоснования оценочного суждения-мнения. Облигаторность темпорального компонента подкрепляется в данном случае специфической функцией аксиологических предикатов мнения «вводить признак временного модуса, показывая, что оценки могут меняться во времени» [Арутюнова, 1999, с.99]. Темпоральный компонент высказывания находится в тесных отношениях с семантическим субъектом, несет в сжатой концентрированной форме информацию о социальном статусе, мировоззрении, индивидуально-психологических характеристиках личности. Экспликация пресуппозитивной части высказывания выявляет отношение временной характеристики к семантическому субъекту. Высказывание сохраняет истинность лишь при указании на период времени, в рамках которого осуществлялась оценка. Отметим также значимость «культурного контекста» при адекватном восприятии высказывания и его оценочной модальности, в связи с чем ярко выраженная негативная оценка модусного высказывания требует аргументации. Такую аргументацию можно извлечь из прагматического содержания темпорального компонента, которое участвует в формировании модусной части высказывания, мотивируя оценочную деятельность субъекта.

В сфере прагматики, отмечает В.В.Богданов, «включается отношение говорящих к средствам обозначения мира, к выбору этих средств с целью произвести определенный коммуникативный эффект» [Богданов, 1993, с.56-59]. Придавая семантике темпорального компонента дополнительную эмотивную окрашенность (путем введения коннотативной лексики), создавая определенный экспрессивный эффект, сообщая определенное отношение к событиям, субъект речи тем самым не только передает свое личное отношение к обозначаемым моментам действительности, но и рассчитывает на определенный эффект воздействия на адресата. За счет повышенной эмоциональности, эксплицитно или имплицитно выраженных оценок событий, субъект способен оказывать эмотивное, экспрессивное, побудительное воздействие на адресата.

Итак, содружество лингвистики текста и прагматики обогатилось новыми представлениями и понятиями, расширило и изменило концептуальный аппарат лингвистики текста. Оно заставило посмотреть на текст как на процесс, язык в действии и как на составную часть общественной практики человека. Ведь в прагматическом содержании темпорального компонента отражается суждение о мире, нормативно-ценностное либо предвзято субъективное отношение к событию, исходящее от именуемого субъекта. Поэтому включение эмоционально-оценочного коннотативного компонента в состав временных синтаксем может быть квалифицировано как речевой поступок, т.к. рассчитано на определенный эффект воздействия на адресата. Характер воздействия, выбор эмоционально окрашенных характеристик несут определенную информацию о различных параметрах личности субъекта речи. Лингвопрагматическая интерпретация высказывания в рамках социально-культурного контекста позволяет соотнести выявленные эмоционально-оценочные смыслы темпорального компонента с социально-политическими, мировоззренческими характеристиками субъекта речи.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 624 с.
- Бахтин М.М.* Литературно-критические статьи / М.М. Бахтин. М.: Едиториал УРСС, 2010. 541 с.
- Бенвенист Э.* Отношения времени во французском глаголе // Э.Бенвенист. Общая лингвистика: Пер.с фран./ Ред., вступ. статья Ю.С.Степанова / Эмиль Бенвенист. М.: Едиториал УРСС, 2008. С.270-411.
- Богданов В.В.* Текст и текстовое общение / В.В. Богданов.- СПб.: РИО СПбГУ, 1993. 68с.
- Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. М.: Едиториал УРСС, 2008. 227 с.
- Гак В.Г.* Языковые преобразования / В.Г. Гак. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.
- Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. М.: УРСС, 2011. 140 с.
- Падучева Е.В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива / Е.В. Падучева. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 464 с.
- Степанов Ю.С.* Язык и метод. К современной философии языка / Ю.С. Степанов. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 784 с.
- Сусов И.П.* Прагматическая структура высказывания // Языковое общение и его единицы: Межвуз.сб. науч. тр./ Калинин.ун-т. / И.П. Сусов. Тверь: ТГУ, 1986. С.7-11.
- Холлидей М.А.* Лингвистическая функция и литературный стиль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.9. Лингвостилистика / М.А. Холлидей. М.: Прогресс, 1980.С.134-167.

Нуртазина М.Б.

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева
г. Астана (Казахстан)

Кулманов К.С

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева
г. Астана (Казахстан)

Сейпульдинова Г.Д.

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева
г. Астана (Казахстан)

Алимова А.А.

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева
г. Астана (Казахстан)

Nurtazina Maral

The L.N. Gumilyov Eurasian National University
Astana (Kazakhstan)

Kulmanov Kuandyk

The L.N. Gumilyov Eurasian National University
Astana (Kazakhstan)

Seipuldinova Gulnara

The L.N. Gumilyov Eurasian National University
Astana (Kazakhstan)

Alimova Akdana

The L.N. Gumilyov Eurasian National University
Astana (Kazakhstan)

*ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН*

*LANGUAGE AND CULTURE IN INTERCULTURAL COMMUNICATION IN
EDUCATION SYSTEM OF KAZAKHSTAN*

В представленной статье рассматривается вопрос об особенностях развития межкультурной коммуникации в мультикультурном Евразийском сообществе России и Казахстана. Описываются ракурсы обучения культуре и языку, которые должны быть организованы как процесс обучения студентов социальной и культурной жизни страны, различным компетенциям: языковым, коммуникативным, страноведческим, межкультурным. Обсуждаются вопросы, что формирование межкультурной компетенции способствует взаимопониманию и взаимодействию в представлении различных культур; придает процессу подготовки обучающихся практико-ориентированный характер, позитивно влияет на развитие инновационных процессов в сфере профессионального обучения, позволяет разработать более точную систему измерения уровня межкультурной компетентности. Доказывается, что осуществление компетентностного подхода является дополняющим фактором поддержания единого образовательного, профессионально-квалификационного и культурно-ценностного пространства, так как оно связано: 1) с процессами глобализации, выражающимися в будущем не только в процессах интеграции к меняющимся условиям, но и расширения информационного пространства; 2) с развитием новых компьютерных информационных технологий; 3) с нарастанием деловых и личных контактов.

In the present article discusses the features of intercultural communication development in a multicultural Eurasian community of Russia and Kazakhstan. The perspectives of learning culture and language which should be organized as a learning process of students of social and cultural life of the country, different competencies: linguistic, communicative, Regional Geography, Intercultural are described. The issues of formation the intercultural competence promote the mutual understanding and cooperation in the representation of different cultures; attach to the training of students practice-oriented nature, positive effect on the development of innovative processes in the field of vocational training, allow the development of a more accurate system for measuring the level of intercultural competence. It is proved that the implementation of competence-based approach is a complementary factor in the maintenance of a single educational, vocational qualification and cultural value space, since it is related: 1) the processes of globalization lead to a future not only in the integration processes to changing conditions but also the expansion of the information space; 2) the development of new computer technologies; 3) with the increase of business and personal contacts.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, компетентностный подход, образовательное пространство, Евразийское сообщество, профессиональное обучение.

Keywords: intercultural communication competence approach, educational space, the Eurasian community, vocational training.

1 Introduction

Rapidly spreading Modern Innovation Processes of development of System of Multicultural Education of the Republic of Kazakhstan (*further marked as RK*) are oriented, first of all, to its integration into the World Education Area, and that is why essential changes in pedagogical theory and educational practice are directed to harmonization of the Kazakh and Foreign Educational Programs, Academic High Educational Students Mobility and Home High Education Convertibility Provision. Creative character of education is considerably increasing as the main aim is to develop in students such features and capabilities that would allow them to realize professional and social activity in fast changing social and cultural spheres.

In this connection addressing to Multicultural and Multilingual (Kazakh, Russian and English) teaching is becoming urgent and a foreign language together with a native language (Kazakh and Russian) is represented as a tool of Special Knowledge of World Cognition and a tool of Self - Education, Intercultural Communication (*further marked as ICC*) and Multilingual Training. As known, mastering of a foreign language is inseparably connected with mastering of a foreign culture [Bennett, 1998, p. 12]. It presupposes not only understanding of culturological knowledge (fact of culture), but also formation of ability and willingness to understand mentality of native speakers, and also own national peculiarities. Therewith mention that in ICC the notion “culture” takes on a special meaning, special property. In particular culture in ICC represents a group phenomenon because it is an open dynamic system and forms identity that signifies those qualities with the help of which

person defines himself and relate to his belonging to a certain cultural group; man may not realize his belonging to native culture until he faces another culture; language and psychology are important as constituents of ICC; the process of socialization and inculturation goes through several stages [Makayev, 1999, p. 8-10]. Furthermore, Juhn C., Murphy K.M. and Pierce B. [Juhn, Murphy, Pierce, 1993, p.420] classify communication into formal communication and informal communication, according to their point of view,

2 Dimensions of National Culture and Language

There are several research aspects to study ICC, according to the Welch D. and Welch L. [Welch and Welch, 2008, p.341]: sociological (social, ethnic and other factors in ICC); linguistic (verbal and nonverbal means of communication, language styles, trend to improve intercultural communication efficiency); psychological (cognitive and emotional components of ICC, value orientation and motivation); and communicative (communicative skills and abilities, conflict management, inter-group contact development). Respectively in the education process there are used some research methods to conduct ICC: method of culturological explanations; method of linguistic explanations; comparative method; method of text analysis; method of fact generalization, and empiric method connected with sociologic research (observation, testing, establishing experiment, free word association data analysis, focus-interview, questionnaire, poll) and method of mathematic analysis of results.

The unique advantage of a geopolitical location of RK and its people is in its philosophy and teaching cultural basics: tolerance of other Linguistic and Culture, refusal from the usual stereotypes, aspiration to the general universal Value and Idea Exchange, dialogue of cultures. It is probably possible to talk about the forming of Multicultural and Multilingual Education of Kazakhstani National Models, changing of Social and Cultural Context towards Foreign Language Learning which is valuable in Modern Kazakhstani Society not only as a means of communication but as a tool of cognitive and professional activity as well. School Interest of RK to Multilingual Education by means of native and foreign languages is growing. Its various models and separate elements are being practiced. Together with the culturally oriented models designed for Pupils' mastering lingual, social and cultural knowledge, subjective-oriented models are becoming topical, where a foreign language is an issue of Subject Learning.

3 Education, Communication and Linguistics System

The problems of multiculturalism and multilingual in modern system of Education of RK are closely connected with Teaching Procedure and Relation Way of both who teach and who are taught, which represent nonlinear situation of an open dialogue, direct and reverse connection and due to Problem of Situation Solving, getting “into one self-sequenced tempo world” (by L.N. Gumilyov). It is a situation of One’s Own Strength Wakening and also a situation of Wakening of one’s capability of that who is taught, his initiating to one of his or her Own Evaluation Ways and it is a stimulating and wakening education, opening of herself or collaboration with herself and the others (synergetic aspect) [Chernavsky, 2004, p. 45-48]. Due to its interdisciplinary character the theory of self-organization (synergy) can be considered also as primary basics for cross-disciplinary, cross-professional and cross-cultural communications [Chernavsky, 2004, p. 23]. Synergetic Knowledge or at least Synergetic Thinking Style Obtaining can serve a platform for Opening Creative Dialogue between scientists, thinkers, art workers who have different World Creative Aims and Views.

Thus, the above mentioned issues allow us to say that in the situation of Kazakhstani Reform of Educational System there is the quest for new ways, oriented to new values and priorities which meet the demands of Eurasian Multicultural Community. In that case Education Process is oriented not only to Cognitive Aspect but also to Interpersonal Pupils’ Facilities and Integration Education Character, and thus becomes the main content of Humanism Education Paradigm. New realities in the situation of unique geopolitical RK location present for education principally other spiritual and moral and socio-economical demands. Accent is fixed on Inner World learning and Original Person Interest, his or her Inner Potential Realization, all the essential forces.

All this together combine Educational Process Basics in a such multicultural and multilingual community as Kazakhstan who needs educated, moral, qualified specialists who can take responsible decisions in the situations of choice by themselves forecasting their possible consequences, capable to collaboration, differing by their mobility, dynamism, construction and having developed individualism.

Evidently such a movement to unity in which intellectual variety keeps its content richness answers Present Time Demands. The state should be a common house for everybody to safe identity and at the same time to share National Community Identity in the whole with the other groups of the society. Everybody should be able to obtain double or poly identity: as members of unique national society in the whole and at the same time as members of ethnic, lingual or religious groups. Ministry of RK Education and Science, Assembly of Kazakhstan Peoples are being worked out the policy allowing and stimulating

the citizens to their Identity Expression Freedom in some ways. Integration in RK includes in itself duties and rights from both sides. From one side those who belong to national minimum must respect the territorial safety of the state. From the other side the state and the majority who live in this state must demonstrate their desire to accept and fulfill main principals in relationship with those who belong to the national minimum, as a full equality before the Law and their rights to free expression, keeping and developing their ethnic, cultural, religious and lingual belongings. All the resources of tension might be overcome by the help of hard and long-termed actions on the harmonized relation support. Constant attention paid to this issue is an obligation of every citizen of the society.

3.1 The Peculiarity of Unique Educational Process in RK

As it is known the philosophy of education claims the finding of the Person Training and Education Integration and Universe Approach. The unique educational process in RK will give some cultural premises: a) it is needed to everybody to realize his deep and mental foundations and define a spiritual monolith which brings a direction and character of their Culture and Education Development; b) integration into the RK Peoples Unique World Education Space intends Culture Dialogue and Tradition Arrangement, Customs and Mentality, Religions and Teaching Systems; c) it is important to keep and save certified perspective values and ideals without RK Past History Exaggeration, Customs and Traditions Idealization, Education Role and Perspective Exaggeration [Esman, 1991, p. 84-86; Jiang, 2000, p. 330].

Personally oriented education takes place as a pedagogical mechanism of Sociocultural Human Development when the Multicultural Education Principe is certified which is considered as a process of Ethnic, National and World Cultures Mastering by the young generation for spiritual enrichment, planetary cognition development, forming readiness and awareness to live in a Multicultural and Multiethnic environment. Sociocultural approach to multiculturalism and multilingual education based on paradigm: culture – is the aim, language – is a means, suits in the whole the modern Kazakhstan educational situation as in the context of the universe tends connected with internationalization of different peoples' lives, decisions of the Global Human Problems, Information Society Transfer the significance of such teaching for home education is being grown.

Recently in Kazakhstan the Multiculturalism and Multilanguage Teaching Problem has become the object of deep attention: Laws on Languages were adopted which guarantee National Culture and Languages Safeness and Development, Native (Kazakh) and

Intercultural Communication Language (Russian) Development and Perfection, sociocultural context towards Foreign Language Learning (English, German, French) also changed and it is praised in modern society not only as the means of communication but as a tool of cognitive and professional activity. Kazakhstan School Interest to bilingual Education by means of a native and foreign language are growing, its different models and separate elements are being practiced. All this is linked with Kazakhstan Entering into Bologna Process. The direction oriented a teacher/student to Intercultural Communication Teaching and based on paradigm: culture – is aim, language – is means has got a wide working out [Rausch, Halfhill, Sherman H. and Washbush, 2001, p.245; Welch and Welch, 2008, p. 250].

3.2 Communicative and Cross-Cultural Competence

In modern programs the student's communication competence is considered as the final aim of teaching and mastering the language. In RK conception of a New Type Lingual Person has been worked out – a person, who masters several languages (to be precise three languages: Kazakh, Russian and English), integrated in world culture, tolerant and possessing common human values. A foreign language is included in a list of Subjects of Obligatory Importance. In accordance with the international European language standards a State Education Standard on foreign language is issued. Social request of a society to foreign Languages Mastering is realized in “Education Conception on foreign languages in a 12-year studies school”, programs, manuals and methodological books. The establishing of secondary education schools of different types (gymnasiums, lyceums, schools with profound learning of a foreign language, optional classes etc.) enforced mastering of Teaching Method and New Manuals Issuing for various contingents of pupils. The passed above analysis certifies the starting of development and Education System Perfecting in the sphere of a foreign language and it allows Multilanguage Teaching Realization Conditions to be created. Some aspects take place as a theoretical and methodological basic of such conception: 1) personally oriented paradigm of modern education, 2) active approach as basic psychological conception of teaching, 3) cognitive and communicative and competent approaches, 4) interlingua hypothetical model of Foreign Language Mastering, 5) conception of “Culture dialogue” [Jiang, 2000, p. 332].

The increasing computerization of society and Informatics Technology Development let us use computer teaching and controlling program in pedagogical goals. Investigation of Program Realization Expediency and Possibility of such programs revealed that with the help of them it is possible to increase effectiveness and teaching motivation, increase interest

to a subject taught and essentially cut down time given to Pupils Knowledge Control. Such new forms of Teaching and Pupils Knowledge Control as educated computer programs and programs-tests which control knowledge are applied. To work out and check such programs technically the pupils themselves are often involved into the process thus adding to programs their own material according to their interests, awareness and skills. Education must maintain values which spread tolerance and mutual understanding, and equip young generation with basic skills for successful life in multinational and diverse society; education must encourage young people to conduct multicultural dialogue, and to build constructive life in diverse world. And that is why the main aim of Modern Pedagogy is to create the necessary conditions for self-realization and development, and the basis of teacher's activity is the use of pedagogical technologies, which contribute to creative teaching and educating of a personality – an individual, who will build his or her life according to self-realization and self-improvement models, i.e. according to the rules of synergy.

Thus, education is the most important sphere in a free and open society as it doesn't only embody elements of public life which is primary for Person Origin Identifying but is also a main feature with the help of which young people are trained to become mature adults and responsible citizens. Education should support values connected with tolerance and mutual understanding and equip young people with necessary skills for existence and prosperity in multinational and varied community, praise their readiness to multicultural dialogues, constructive life activity in multicultural world. That is why the main task of modern teaching is to create conditions for self-realization and self-development of personality, and Pedagogical Technology Usage has become the foundation of teaching activity of a teacher promoting creative teaching and training of personality who will build his own life through self-realization and self-development and that means through synergetic laws.

3.3 Issues with Implementing New Curriculum with Intercultural Components

The problem is not only related to the redefinition of the traditional boundaries among disciplines in response to the changing epistemological nature of how knowledge is constructed, validated and finally applied in daily life, but also about how the new knowledge organization really affects the processes of teaching and learning in the classroom.

We believe that through a series of class presentations, case studies and individual research projects, we hope to explore the process of cross-cultural communication and conflict arising

from cultural diversity and globalization in a variety of contexts including counseling, human services, education, environmental conservation, organizational behavior, human resource development, and international development.

4 Discussion and Conclusion

The findings of the research demonstrate that national cultural traditions are a major determinant and influence on education systems in general, on national curricula, and on teachers' pedagogies in universities. Looking at the literature there is a powerful argument that systems are the main determinant for differences between countries. What is often neglected is that national intercultural traditions are the philosophical base on which the systems are built. These traditions depend on philosophical beliefs about education, but once in place they become part of the structure of the system and teachers have to work within them. These findings suggest that curricula and pedagogies need to be analyzed and understood in terms of the larger intercultural context, and that without such understanding changes (for example, curricular changes, or changing guidelines for pedagogies) cannot be predicted to be successful.

The unique features of multicultural education and society at universities of the PK provide very good opportunities to universities' students in RK to develop an appreciation for cultural differences and effective intercultural communication skills. We find this course immediately helpful in developing a better understanding of our cross-cultural experiences of students.

Reference List

Bennett M. J. (1998). Intercultural communication: A current perspective. In M. J. Bennett (Ed.), *Basic concepts of intercultural communication: Selected readings* (pp.1–34). Yarmouth, ME: Intercultural Press.

Chernavsky D.S. (2004). *Synergetic and Information: Dynamic theory of information* / D.S. Chernavsky. Moscow: Gnozis, 2004. 213 P.

Esman M.J. (1991). *Political and Psychological Factors in Ethnic Conflict. Conflict and Peacemaking in Multiethnic Societies* / M.J. Esman. NewYork / Toronto/Oxford / Singapore / Sydney: Lexington Books.

Jiang W.Y. (2000). The relationship between culture and language / W.Y. Jiang. Oxford University Press, 54(4), pp. 328-334.

Juhn C.; Murphy, K. M. and Pierce, B. (1993). Wage Inequality and the Rise in Returns to Skill / C. Juhn, K.M. Murphy, B. Pierce. *The Journal of Political Economy*, 101(3), pp. 410-442.

Makayev V.V. Multicultural Education – Topical Problem of a Contemporary School // *Pedagogics*. 1999. №4. P.6-12.

Rausch E., Halfhill S.M., Sherman H. and Washbush J.B. (2001). Practical leadership-in-management education for effective strategies in a rapidly changing world / E. Rausch, S.M. Halfhill H. Sherman and J.B. Washbush. *The Journal of Management Development*, 20(3), pp. 245.

Welch D. and Welch L. (2008). The Importance of Language in International Knowledge Transfer / D. Welch and L. Welch. *Management International Review*, 48(3), pp. 339-360.

Обухова Т.М.
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Москва (Россия)

Obukhova Tatiana
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

*ПУШКИН И ШАУРМА: МОСКОВСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО В
ВОСПРИЯТИИ АРАБСКИХ СТУДЕНТОВ*

PUSHKIN AND DONER KEBAB: MOSCOW CULTURAL SPACE AS SEEN BY ARAB STUDENTS

В последнее время наблюдается тенденция повышенного интереса к кросс-культурным исследованиям, в том числе и к проблеме восприятия русской культуры представителями других народов. Поэтому темой исследования стало восприятие культурного пространства Москвы арабскими студентами. В статье рассматриваются различные подходы к определению понятия «культурное пространство». В качестве методологии исследования был избран метод свободных ассоциаций. Для этого студентам были предложены слова стимулы («город», «люди», «культура»). Анализ ассоциаций показал, как воспринимающий субъект трансформирует иное культурное пространство и иную национальную ментальность в доступные для этого субъекта образы.

Восприятие культурного пространства позволяет выявить симпатии и антипатии студентов, что способствует развитию межкультурной коммуникации. В практическом отношении для преподавателя РКИ полученное знание – это вспомогательный инструмент при разработке методики межкультурного образования.

Статья может представлять интерес для студентов и аспирантов гуманитарного профиля, преподавателей русского языка как иностранного, культурологов и всех интересующихся образом столицы в зеркале различных семиотических систем.

There is an increased interest in cross-cultural studies, including the problem of the perception of Russian culture by people of other nationalities. Therefore, the subject of research is Moscow cultural space as seen by Arab students. The article examines the different approaches to the definition of "cultural space". A method of free association was chosen as a research methodology. For this the students were offered incentives words – "city", "people" and "culture". The analysis of associations has explained how the perceiving subject transforms other cultural space and other national mentality into understandable images. The perception of cultural space reveals the sympathies and antipathies of students that promotes cross-cultural communication. In practical terms, an acquired knowledge is an auxiliary tool for the development of intercultural education methods for teaching Russian as a foreign language. The article may be interesting for students and postgraduates of humanities profile, teachers of Russian as a foreign language, culturologists and people interested in Moscow seen by a foreigners.

Ключевые слова: культурное пространство, восприятие, метод ассоциаций, Москва, арабские студенты.

Keywords: cultural space, perception, free association, Moscow, Arab students.

В 1867 году английский математик и писатель Чарлз Лютвидж Доджсон (более известный как Льюис Кэрролл) отправился в своё первое и единственное заграничное путешествие, избрав местом приключений Россию. За небольшое время Кэрролл успел побывать в Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Москве и подмосковном Сергиеве-Посаде. Находясь в столице Российской империи, писатель отмечал необычную ширину улиц (вдвое шире лондонских), мчащиеся экипажи, которые не боятся кого-нибудь сбить, огромные освещенные вывески магазинов и гигантские храмы («снаружи похожи на кактусы с разноцветными отростками»). Также Кэрролла поразили люди, говорящие на совершенно непонятном и иногда даже устрашающем языке. В записной книжке англичанин отметил русское слово «защищавшихся» – родительный падеж множественного числа причастия. В латинской транскрипции у Кэрролла оно выглядело так: *zashtsheeshtshayoushtsheekhhsya* [Данилов, 1974]. По мнению некоторых исследователей, путешествие писателя в Россию в значительной степени повлияло на образ Зазеркалья в книге «Алиса в Зазеркалье». Пример Кэрролла показывает, как зеркало семиотической системы воспринимающего субъекта трансформирует иное культурное пространство и иную национальную ментальность в доступные для этого субъекта образы.

Целью нашего исследования является попытка рассмотреть культурное пространство Москвы (шире – России), в том числе и некоторые черты русского национального характера, в глазах арабских студентов, изучающих русский язык на факультете Высшая школа перевода МГУ им. Ломоносова. Выбор объекта исследования связан с устойчивым интересом арабской молодежи к русскому языку и русской культуре. Более того, интеграционные процессы в экономике, промышленное сотрудничество и общие геополитические интересы арабского мира и России позволяют сделать вывод о возрастающей популярности русского языка в ближайшие годы. Исследование восприятия культурного пространства позволяет выявить симпатии и антипатии студентов, проживших в стране не один год, что, в свою очередь, способствует развитию межкультурной коммуникации. В практическом отношении для преподавателя РКИ полученное знание – это вспомогательный инструмент при разработке методики межкультурного образования.

В последнее время наблюдается тенденция повышенного интереса к кросс-культурным исследованиям, в том числе и к проблеме восприятия русской культуры представителями других народов. Одной из важнейших категорий в таких исследованиях является понятие культурного пространства.

Научное осмысление концепта «пространство» имеет давнюю историю. Изучение пространства как формы материи началось в античной философии, в которой сложилось два основных подхода – субстанциональный, рассматривающий пространство какместилище, и атрибутивный, рассматривающий пространство как порядок вещей.

Культурология привносит гуманитарную, антропологическую составляющую в понимание пространства. Специфика пространства состоит в том, что оно, в отличие от находящихся в нем материальных предметов, не может быть воспринято с помощью органов чувств, а потому его образ соединен с определенными метафорами и обусловлен ими. Среди них главные – зрительные образы и моторные ощущения, которые дают представления о пространстве, являющиеся различными способами рационализации указанных зрительных объектов, моторных ощущений и выражающие глубинные особенности миропонимания. Поэтому пространство наряду со временем – одна из важнейших категорий культуры, определяющих ее неповторимый облик.

В рамках культурологического исследования к изучению культурного пространства сформировались следующие подходы: информационный подход А. Моля; семиотический подход Ю. М. Лотмана; аксиологический подход В. П. Большакова; мифологический подход М. С. Кагана; ретроспективный анализ С. Н. Иконниковой [Ляпкина, Эл.ресурс].

Понятие «культурное пространство» в научной литературе имеет множество разносторонних определений. В частности, «система регулятивных оснований человеческой деятельности и ее знаково-символического содержания, воплощенного в многообразных продуктах культурной практики» [Четверов, 2011]; «общий план, который очерчивает общие контуры человеческого поведения» [Подольская, 2003, с. 32]; «пространство реализации человеческой виртуальности (задатков, возможностей, способностей, желаний и пр.), осуществления социальных программ, целей и интересов, распространения идей и взглядов, языка и традиций, верований и норм, и т. д.» [Быстрова, 2004, с. 39].

Обобщая все отмеченные подходы, можно определить культурное пространство как совокупность архитектурного облика, инфраструктуры муниципального хозяйства, социального пространства функционирования культуры, объективные и субъективные возможности бытования культуры в различных социальных слоях.

В основе исследования лежит методология, предложенная О. В. Максимовой в статье «Санкт-петербургское культурное пространство в восприятии американских студентов» [Максимова, 2006, с. 62-65]. В исследовании участвовало семь студентов третьего года обучения из Объединенных Арабских Эмиратов, изучающих русский язык на факультете Высшая школа перевода МГУ им. Ломоносова.

Студентам было предложено методом свободных ассоциаций охарактеризовать культурное пространство Москвы в соответствии со словами-стимулами: «город», «люди» и «культура». Студенты должны были представить не менее 15 характеристик Москвы, относящихся к каждому слову-стимулу, иначе говоря, охарактеризовать городское пространство, живущих в нем людей, а также культурную жизнь Москвы.

Культурное пространство Москвы – это территория многолетнего интенсивного и эффективного взаимодействия разных культурных традиций, но его описание не может быть ограничено информацией о достопримечательностях и истории города. Находясь в Москве, иностранные студенты видят не только «классический» образ города, но и такие стороны повседневной жизни, как погода, особенности общения между людьми, поведение людей в магазинах и транспорте, многочисленные бытовые проблемы. Все это тоже характеризует московское культурное пространство, объединяющее в себе позитивные и негативные черты, историю и современность, традиции старые и новые.

«Город»

Слово-стимул «город» является наиболее важным при исследовании восприятия арабскими студентами культурного пространства Москвы. Один из основателей отечественной урбанистики Н. П. Анциферов писал: «Всё, что происходит в культуре в области религии, знаний, искусства, зародилось в городе». Он утверждал: всё, что город в точности отображает общественную структуру и дает нам выразительный образ культуры своего времени [Анциферов, 1926, с. 9-13].

Прежде всего, слово-стимул «город» ассоциировалось у студентов с центральной ролью Москвы в российской жизни. Москва – это «столица», «центр», «мегаполис» со всеми последствиями: «суматоха», «шум», «толпа», «суета».

Кроме того, с Москвой ассоциируются другие российские города, которые видели или о которых слышали или читали студенты: Санкт-Петербург, Углич, Казань, Суздаль, Калининград, Екатеринбург.

Студенты обратили внимание на многообразие столичного городского транспорта: метро, автобус, трамвай, троллейбус, маршрутка, и особый вид московского транспорта – «пешком». В первую очередь перечислены те виды транспорта, которые вызвали в первые месяцы пребывания в стране наибольший интерес у учащихся, так как для большинства из них маршрутки, трамваи и метро непривычны. Учащиеся отметили схему метро Москвы, как простую и понятную в использовании не только для русских, но и для иностранцев. Не остались без внимания ставшие привычными для москвичей дорожные пробки и час пик (в связке с Садовым кольцом и МКАДом). Названы как марки автомобилей как зарубежного («Мерседес»), так и российского производства («Москвич»). Кроме того, учащиеся указали на социальное положение владельцев машин («богатые люди на дорогих машинах»).

Отдельного внимания студентов удостоилась еда, которую при анализе ответов можно условно разделить на уличную (реальный опыт) и относящуюся к русской национальной кухне (результат изучения языка). При этом национальную еду в представлении учащихся можно найти в кафе «Му-му» и «Теремок». По разряду национальной кухни прошли икра, хлеб, блины, водка, пиво, ликёр, борщ, каша и шоколадные конфеты. Рейтинг уличной еды возглавили шаурма, самса, мороженое, вишня и квас. Любопытно, как в представлении студентов москвичи пьют: «водка на свадьбе», «пиво утром», «квас в жару».

Природа и климат Москвы представляются арабским студентам следующим образом: «река», «парк», «зеленые деревья», «цветы», «холодно», «осадки», «зима», «снег», «мало солнца». Непосредственно с городским пространством связана московская фауна: «голуби», «собаки», «птицы».

Первичное усвоение культурного пространства города и страны происходит не в результате опыта реального взаимодействия с этим пространством, но при опосредованном с ним контакте в ходе изучения русского языка. Иначе говоря, несмотря на продолжительное пребывание в российской столице, Москва у арабских студентов продолжает ассоциироваться с основными городскими символами, с которыми они познакомились на подготовительном отделении русского языка в учебных текстах и мультимедиа-материалах: Красная площадь («когда гуляю там в московскую ночь, я будто во сне»), Охотный ряд, Старый и Новый Арбат, Пушкинская площадь, Тверская улица, МГУ, Собор Василия Блаженного, Мавзолей, Третьяковская галерея.

Пожалуй, основной чертой Москвы, усвоенной на основе реального взаимодействия с городским пространством и ставшей общим местом в ответах испытуемых, является ее экономическое благосостояние и сопутствующие ему факторы. Образ Москвы у студентов связан с деньгами, пафосом, высокими ценами, нефтью, гламуром, дорогими автомобилями, витринами, торговыми центрами, рекламой, предпринимателями и банками. Москва еще и центр развлечений («клубы», «дискотеки», «рестораны»).

Однако московское богатство достается далеко не всем: в городе много людей, которые «живут нехорошо», поэтому Москва для студентов-арабов – город контрастов.

Уточняя и обобщая данные ассоциации, можно сказать, что, говоря о Москве, студенты отводят важную роль центростремительным процессам в социально-экономической и культурной жизни страны.

«Люди»

Слово-стимул «люди» дало интересный материал для анализа.

Людей, судя по ответам, можно условно распределить на две категории: люди конкретные и русские люди вообще. В свою очередь, людей конкретных можно подразделить на политических деятелей (Путин, Ленин, Сталин), на писателей (Достоевский, Толстой, Пушкин, Гоголь, Чехов, Тургенев) и просто известных персон (Гагарин). Люди вообще классифицировались студентами в соответствии с гендером, возрастом, социальным положением. В первую очередь студенты упомянули красивых девушек («девушки шикарные»), затем пожилых женщин («бабушка», «злые бабушки»), детей и беременных.

Особого внимания заслуживает восприятие арабскими студентами асоциальных личностей, которые были упомянуты в большинстве работ: бездомные, пьяницы, попрошайки («инвалиды в метро»), карманники. В ОАЭ студенты не встречались с этими людьми – отсюда и повышенное внимание к данным социальным проблемам.

Отдельно учащиеся выделили курящих людей («много курят»), уличных музыкантов («играют песни на улице») и промоутеров («дают рекламу около метро»).

Интересно отметить, что арабские студенты делят население Москвы в зависимости от национальных признаков на три группы: русские, нерусские и иностранцы. Себя они относят к «иностранцам», людей славянской внешности – к

«русским», а мигрантов с Кавказа и из Средней Азии – к «нерусским». Такая градация столичных жителей связана с тем, что студенты отмечают недостаточную интеграцию «нерусских» в социокультурные процессы города и страны в целом («Как пройти?» – «Не знаю»). Отдельную категорию иностранцев составили для арабской аудитории «китайские туристы».

Если говорить о русском национальном характере в зеркале семиотической системы арабских студентов, то он имеет амбивалентный характер. Русские люди одновременно злые и добрые, открытые и закрытые, агрессивные и дружелюбные, хмурые и приветливые. Во многом это связано с противоречивым характером жизни в столице, о чем было сказано выше про «город контрастов».

«Культура»

Анализ слов-стимулов «город» и «люди» говорит о том, что студенты воспринимают Москву как город «здесь и сейчас» с присущими современному мегаполису преимуществами и недостатками. В то же время слово-стимул «культура» придает образу столицы в восприятии учащихся дополнительный «временной» объем: Москва – город богатой тысячелетней культуры («старая культура»).

Слово-стимул «культура» вызвало у студентов широкий спектр ассоциаций, которые можно классифицировать в следующие группы: еда, религия, советские символы, достопримечательности, культурная жизнь столицы, спорт.

Примечательно, что арабские учащиеся связывали еду не только со словом-стимулом «город», о чем сказано выше, но и с культурой: студенты называли такие элементы русской национальной кухни, как блины, икра, хлеб, каша, борщ и водка. Такое распределение гастрономических символов во многом связано с особенностями преподавания русского как иностранного: в учебных пособиях уделяется значительное внимание русской кухне как неотъемлемой части национальной культуры.

Современная Москва является мультикультурным мегаполисом, это отмечают и арабские студенты. В частности, в ряду образов, характерных для культурной жизни столицы, стоит поликонфессиональность («религии»). Однако, несмотря на устойчивую тенденцию к разнообразию культурно-религиозных компонентов, российская столица предстает частью православной цивилизации. В числе ассоциаций есть слова «храм», «церковь», «православие».

При подготовке иностранных студентов большое внимание уделяется изучению истории России, в том числе и ее советскому периоду. Студенты не только читают тексты в учебниках, но и знакомятся с историей через кинематограф. Как правило, студентам на подготовительных отделениях предлагаются для просмотра советские кинофильмы. Поэтому образ Москвы в глазах учащихся связан с «красной» семиотикой. Студенты отмечают такие символы: СССР, Ленин, Сталин, мавзолей, парад Победы и абстрактных «красных». Среди бытовых примет прошлой жизни студенты называют автомобиль «Москвич» и газетный стенд («раньше люди стояли у газетного стенда и читали»).

Иностранные студенты отметили также общий уровень грамотности и образованности москвичей в виде следующих ассоциаций: «образованные люди», «библиотека», «любят читать в метро».

Вполне ожидаемо, что Москва воспринимается как культурный центр страны. В пользу этого говорят как тексты в учебниках по РКИ (идефикс представленных в пособиях текстов), так и личный опыт учащихся. Здесь надо отметить, что арабских студентов отличает больший интерес к городской культурой, нежели их коллег по факультету. Поэтому в числе ассоциаций возникли «балет», «опера», «театр», «выставки», «музеи», «галерея», «концерт» и «цирк» как элементы национально-культурного наследия. Кроме того, большой интерес для студентов представляет усадебная культура Москвы.

Предсказуемо было и перечисление учащимися выдающихся поэтов и писателей: Пушкин, Достоевский, Гоголь, Чехов, Тургенев. Это можно объяснить и программой подготовки студентов, и городской топонимикой Москвы: станции метро «Пушкинская», «Чеховская», «Тургеневская», «Достоевская»; Пушкинская и Тургеневская площади; Гоголевский бульвар; театр «Гоголь-центр» и МХТ им. Чехова.

Культурное пространство Москвы глазами студентов из ОАЭ сохраняет традиционные элементы (Красная площадь, ГУМ, Собор Василия Блаженного, Третьяковская галерея, МГУ) в сочетании с принципиально новыми чертами, привнесёнными в пространственную среду города («витрины», «реклама на стенах и асфальте»).

Также стоит отметить, что в Москве есть место и спорту. Учащиеся называли следующие ассоциации: «футбол», «люди катаются на коньках». Это объясняется реальным опытом студентов, встречавших на улицах столицы группы футбольных

болельщиков, и интересом к «экзотическим» зимним спортивным развлечениям, в то время как в Москве это общая практика.

Анализ высказываний о московском культурном пространстве, полученных методом свободных ассоциаций, позволяет сделать ряд выводов.

Характер полученных ответов говорит о противоречивом образе Москвы в восприятии арабских студентов. С одной стороны, учащиеся отмечают доброту живущих в городе людей, богатое культурное наследие, существенный экономический потенциал города, с другой – социальное расслоение населения, шум и суету мегаполиса, наличие маргинальных элементов.

Негативное восприятие некоторых аспектов культурного пространства Москвы связано с несоответствием личного опыта студентов и того, с чем им приходится сталкиваться, живя в России (например, студентов из страны, где практически не курят, естественным образом раздражают курящие люди). Однако несмотря на некоторые негативные реалии, основополагающую роль в формировании образа Москвы играет первичное восприятие города. Это происходит на начальном этапе обучения русскому языку, когда студент знакомится с базовыми московскими символами: достопримечательностями и известными людьми (именно эти образы чаще всего встречаются в ответах). Подобного рода «усвоение» можно сравнить с психологической категорией импринтинга. Такая «реакция следования» должна учитываться преподавателем РКИ. Преподавателю необходимо находить негативные аспекты культурного пространства (для данной аудитории) и учитывать их при подготовке к учебным занятиям.

Феноменологическая теория интерсубъективности говорит о том, что город приобретает свой облик, когда горожане сами творят свою «среду обитания». Эта среда носит культурный, а не природный характер: здания, улицы, памятники наделяются местными жителями ценностным статусом, тогда как приезжие люди, не могут «понять» город в полной мере. Данное исследование подтверждает эту теорию: несмотря на продолжительное проживание в столице, студенты перечисляют наиболее популярные у туристов городские объекты, не отмечая локальных, с которыми ежедневно сталкиваются местные жители. Отсюда можно сделать вывод, что культурное пространство Москвы обладает для учащихся информационно-познавательными характеристиками, но при этом отсутствует его ценностное измерение.

Список литературы

- Анциферов Н.П.* Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода. Ленинград: Сеятель, 1926. 151 с.
- Бибикова О.П.* Арабы. Историко-этнографические очерки. М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2008. 444 с.
- Быстрова А.Н.* Культурное пространство как предмет философской рефлексии // Философские науки: Научно-теоретический журнал. М.: 2004. №12. 124 с.
- Данилов Ю. А.* Льюис Кэрролл в России // Знание – сила. М.: 1974. №9. [Электрон. ресурс] – Режим доступа: http://www.znanie-sila.ru/golden/issue_44.html
- Ляпкина Т.Ф.* Методология изучения культурного пространства региона [Электрон. ресурс] – Режим доступа: www.riku.ru/conf/vrem_cul/LyarkT.htm
- Максимова О.В.* Санкт-петербургское культурное пространство в восприятии американских студентов // Философский век. Альманах. Вып. 32. Бенджамин Франклин и Россия: к 300-летию со дня рождения. Часть 2 / Отв. редакторы Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей. 2006. 345 с. [Электрон. ресурс] - Режим доступа: http://www.academia.edu/923551/Интеллектуальная_коммуникация_и_кросс_культурная_компаративистика_BENJAMIN_FRANKLIN_AND_RUSSIA
- Подольская Е.А.* Культурология. Учеб. пособие для студентов вузов / Подольская Е.А., Иванова К.А., Лихвар В.Д. Харьков: Изд-во НФаУ: Золотые страницы, 2003. 160 с.
- Четверов И. Г.* Феномен культурного пространства / Четверов И. Г., Ивлева А. Ю. / Язык. Культура. Общество. Выпуск 3. 2011 г. Материалы II Международной научной конференции «Межкультурная коммуникация в современном обществе». Саранск, 26.09.-31.10.2011 г. [Электрон. ресурс] – Режим доступа: <http://yazik.info/2011-30.php>

Полякова Д.Н.
Челябинский государственный университет
г. Челябинск (Россия)

Polyakova Daria
Chelyabinsk State University
Chelyabinsk (Russia)

*НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЦВЕТОВОГО
ВОСПРИЯТИЯ И ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ КАК ПРОБЛЕМНЫЙ АСПЕКТ
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ*

*NATIONAL PECULIARITIES OF COLOR PERCEPTION AND COLOR NAMING AS A
PROBEMATIC ASECT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION*

В данной статье рассматривается проблема национально-специфических особенностей цветового восприятия и цветообозначения в рамках межкультурной коммуникации, перевода и взаимодействия культур. Цвет является одним из ключевых элементов национальных картин мира. На современном этапе развития лингвистики наблюдается возрастающий интерес к национальным особенностям цветового восприятия и наименования: колоронимы, т.е. слова и словосочетания, именующие цвета, все чаще рассматриваются через призму национального мышления, которое обусловлено экстралингвистическими факторами, такими, как исторические и культурные события, природно-климатические условия, национальный менталитет и т.п. Различия в восприятии и лексиколизации цвета связаны с различной категоризации разными языковыми сознаниями результатов тождественного чувственного восприятия. Автором статьи определены национально-специфические и универсальные коннотации некоторых базовых колоронимов в русском и английском языке. Значения колоронимов отражают особенности культурно-этнического восприятия, цветового менталитета, или единой лингвоцветовой картины мира, характерной для определенного этноса. В статье утверждается, что для обеспечения успешной межкультурной коммуникации, высокого качества, эквивалентности и адекватности перевода текстов, содержащих образные словосочетания, фразеологические единицы, выразительные средства с цветовыми наименованиями, следует учитывать, какие уникальные, национально-специфические или универсальные значения колоронимов актуализируются в тех или иных языковых ситуациях.

This article deals with the problem of national peculiarities color perception and color naming within intercultural communication, translation and cultural interaction. Color is one of the key elements of the national world view. Presently, linguists pay much interest to the national characteristics of color perception and naming: coloronyms, i.e. words and phrases naming color, are viewed through the perspective of national thinking developing in light of extralinguistic factors, such as historical and cultural events, climatic conditions, national mentality etc. Differences in color perception and naming are connected with different ways the linguistic conscioussnesses categorizes the results of identical sensory experience. The author identifies specific national and universal connotations of some basic Russian and English color names. The meanings of color names reflect cultural and ethnic features of color perception, color mentality, typical of a particular ethnic group. This article argues that it is necessary to consider what unique, national-specific or universal connotations of color names are reflected in one or another linguistic situation in order to ensure successful cross-cultural communication, high quality, equivalence and adequacy of translation of texts containing figurative phrases, phraseological units, and other expressive means with color names.

Ключевые слова: цветное восприятие, цветообозначение, колороним, взаимодействие культур, национальная лингвоцветовая картина мира.

Keywords: color perception, color naming, coloronym, cultural interaction, national color world view.

В рамках различных лингвокультур цветовосприятие и цветообозначение не являются универсальными понятиями. Так, В.А. Корнилов утверждает, что семантическое поле цветообозначений есть в абсолютном большинстве языков мира, однако при изучении самих цветов говорить об универсальности вряд ли возможно. Данный языковед объясняет несовпадение цветообозначений в языках мира тем, что такие различия обусловлены неодинаковым выбором так называемых точек референции, каковыми можно считать выбираемые коллективным языковым сознанием наиболее типичные образцы цвета [Корнилов 2003, с. 169].

Различия в восприятии и лексиколизации цвета свидетельствует о различной категоризации разными языковыми сознаниями результатов тождественного чувственного восприятия. Совокупность значений колоронимов отражает особенности культурно-этнического восприятия, своеобразного цветового менталитета, поэтому можно говорить о существовании единой лингвоцветовой картины мира, характерной для определенного этноса. В рамках взаимодействия культур важно знать и понимать специфические особенности восприятия цвета как одного из ключевых элементов национальных картин мира. Для обеспечения успешной межкультурной коммуникации, высокого качества, эквивалентности и адекватности перевода текстов, содержащих образные словосочетания, фразеологические единицы, выразительные средства с цветовыми наименованиями, следует учитывать, какие уникальные, национально-специфические или универсальные значения колоронимов актуализируются в тех или иных языковых ситуациях.

Изучением цветовых представлений на разных уровнях их развития в культурах народов мира занимались многие отечественные и зарубежные языковеды в рамках различных подходов и школ. У лингвистов вызывают интерес свойства сочетаемости названий цветов и определяемых ими предметов и явлений, фразеология, основанная на цветовой лексике, семиотика цвета в контексте художественной литературы, мифологии, сказки. Многие исследователи указывают на специфику концептуализации цвета традиционными культурами. Наблюдается всё возрастающий интерес к выявлению национально-специфических особенностей колоронимов в разносистемных языках. Все чаще цветовые наименования рассматриваются через

призму национального мышления, которое обусловлено экстралингвистическими факторами, такими, как исторические и культурные события, природно-климатические условия, национальный менталитет и т.п.

Использование колоронимов как художественных средств языка отдельных писателей и изучение символики отдельных цветов становится популярными темой исследований различного уровня. Здесь следует упомянуть работы А. А. Брагиной, Л. А. Качаевой, В. В. Лопатина, С. М. Соловьева и др., диссертационные исследования И. В. Белобородовой (2000), А. Р. Копачевой (2003), Е. Ю. Уметбаевой (2009), Е. А. Рыбальченко (2011) и др.

Интерес представляют работы, направленные на создание «портрета» отдельных художественного произведения различных мировых авторов. Так, своеобразный анализ отдельных художественных текстов представлен в Интернет-журнале «Esquire». Как утверждает автор идеи Татьяна Дружняева, если из любой книги последовательно выписать все слова, которые обозначают цвет и нанести эти цвета на бумагу, то можно получить портрет произведения.

Для изучения вербализации универсальных и национально-специфических особенностей цветовосприятия и цветообозначения в британской, американской и русской языковых культурах мы проанализировали паремии, устойчивые словосочетания и фразеологические единицы русского и английского языков, которые позволяют выявить переносные и символические значения колоронимов, а также произведения англоязычных и русскоязычных авторов: С. Моэма, О. Хаксли, О. Генри, Р. Годдарда, К. Паустовского, А. Рогова, С. Романовского, И. Смольникова и др., посвященные изобразительному искусству, архитектуре, жизни и творчеству художников. В данной статье мы рассмотрим особенности использования некоторых базовых колоронимов, вербализующих зеленый, коричневый, розовый и оранжевый цвета.

Зеленый цвет

Как и многие базовые цвета, он имеет различные символические значения. Данный цвет универсально ассоциируется с природой, зеленью листьев, деревьев, травы. Подобные ассоциации распространены как в русской, так и в английской и американской языковых картинах мира и являются универсальными: *И холмы эти зеленым-зелены – в деревьях, в траве, в цветах* (С.Т. Романовский) (здесь и далее курсив и полужирный шрифт мой – Д. Н.); *Перед окном приветливо зеленели две молоденькие туи...* (И.Ф. Смольников); *When Sue awoke from an hour's sleep the next*

morning she found Johnsy... staring at the green shade (O. Henry); *You could wander along the canal till you came to broad green fields...* (S. Maugham); *Beyond it stretched the park, with its massive elms, its green expanses of grass...* (A. Huxley).

Значение, связанное с цветом природных объектов, колоронимы «зеленый» и «green» сохраняют в ряде устойчивых сочетаний и профессионально маркированных единиц русского и английского языков: *зеленый чай*, *зеленый корм*, *зеленый конвейер* (система выращивания кормов на полях); *green thumb*, также *green fingers* – букв. «зеленый (большой) палец», «зеленые пальцы», при описании человека – необычная способность способствовать росту растений (*he's got green thumbs*); *green stuff* – овощи.

Вместе с тем зеленый цвет является универсальным символом молодости, весны. В русской картине мира можно построить цепочку ассоциативных значений: зелень листвы – весна – молодость – возрождение: *В зеленом этом дереве – символе неумираемости всего сущего – видятся очертания живого существа, пушистого и доверчивого...* (С.Т. Романовский).

В британской и американской культурах данный цвет также оценивается положительно как признак хорошего состояния здоровья и молодости: *green (or ripe) old age* – букв. «зеленый пожилой возраст», пожилой человек в хорошей физической форме, ср. рус. *крепкий старик*; *to keep the bones green* – букв. «сохранять кости в зеленом состоянии», т.е. сохранять хорошее здоровье.

Общим для русского и английского языка являются ассоциация зеленого цвета с отсутствием запрета: *зеленая улица*, *дать зеленый свет*; *green light* – букв. «зеленый свет», разрешение продолжить начатое действие; *to get the green light* – букв. «получить зеленый свет», т.е. получить одобрение; *to give smb a green light* – букв. «дать кому-либо зеленый свет», одобрить кого-либо.

Универсальными для русской, британской и американской культур являются ассоциации зеленого цвета с незрелостью, новизной. Так, в русском языке у прилагательного *зеленый* отмечено значение «незрелый», например, когда речь идет о недоспелых плодах, о неопытных, молодых людях: *зеленая молодежь*, т. е. еще не созревшая, не окрепшая; *зеленое пиво*, т.е. свежее, молодое; *Молодо-зелено, погулять велено*; *Не тряси яблоко, покада зелено: созреет, само упадет*.

В русском языке известно устойчивое выражение *зеленое вино* по цвету сырьевого продукта. Осознав вред алкоголя, его стали называть *зеленым змием*. Данное выражение, как и словосочетание *напиться до зеленого змия*, по всей

видимости, связаны с библейским образом демона, соблазняющего человека на совершение греховных поступков. Эквивалентом в английском языке является фразеологизм *the demon drink*.

В английском языке также отмечается переносное значение зеленого цвета – «неспелый», «незрелый», «новый». Данное значение отмечается в следующих выражениях: *green* – букв. «зеленый», 1. молодой, полный жизненных сил, 2. не достигший зрелости (о человеке и плодах), 3. совершенно новый, свежий, 4. наивный, не наделенный жизненной мудростью и опытом, 5. имеющий нездоровый цвет лица, незрелый, 7. «с иголки», 8. детский сад; *green horn* – букв. «зеленый рог» (рог свежезабитого животного) 1. неопытный, незрелый человек, особенно тот, которого легко обмануть (юнец, простофиля, лопух), 2. вновь прибывший, незнакомый с местом и людьми (новичок); *green meat* – букв. «зеленое мясо», незрелое, сырое, свежее мясо, несоленое или немороженое.

Как в русском, так и в английском языке существует ассоциация зеленого цвета с болезненностью и негативными эмоциями: *позеленеть от злости, в глазах зеленеет; green around (or about) the gills* – букв. «с зелеными жабрами», нездорового цвета, имеющий нездоровый вид, больной, слабый, недомогающий; *green with envy* – букв. «позеленевший от зависти».

Кроме того, колороним *зеленый* и его соответствия в английском языке приобрел в двух лингвокультурах значение «экологически благоприятный», «связанный с улучшением экологии». Данная модель – *зеленый* (борьба за экологическое благополучие) + деятельность, атрибутика – стала очень популярна в рассматриваемых языках: *зеленый бизнес, зеленый пиар, зеленая компания, зеленая пропаганда, зеленое строительство, зеленое правительство, зеленый бизнесмен, зеленая бухгалтерия, зеленая пуля, зеленый урбанизм, greenscamming, greenwashing, greenwasher, green consumer, green electricity*. Данное значение колоронимов является современной универсалией в двух лингвокультурах.

Вместе с тем нами были отмечены некоторые специфические особенности восприятия зеленого цвета в обоих языках.

В русской культуре зеленый цвет воспринимается в целом положительно. Так, в русском православии это цвет середины, ожидания и возрождения (крест Христов, как символ надежды и спасения часто представляется зеленым).

Особенностью русской лингвоцветовой картины мира является ассоциация зеленого цвета с водой: *Волна на дыбы встает зеленым сводом* (С.Т. Романовский); *Зеленый и веселый океан будил по утрам озорным шумом...* (И.Ф. Смольников).

В английском языке отмечено устойчивое словосочетание *green water*, однако оно является профессионализмом и используется в рамках языков профессиональной коммуникации в нескольких значениях – 1. «цветение» воды, т.е. зелень на поверхности воды; 2. мор. сплошная масса воды; 3. нефтегаз. специальная обработка смыванием, заливание.

В цветовой картине мира носителей английского языка к цветоименованию *green* существует особое символическое значение, связанное с ревностью и пошлостью: *green-eyed* – букв. «с зелеными глазами», ревнивый; *green-eyed monster* – букв. «монстр с зелеными глазами», ревность; *green joke* – от исп. ‘chiste verde’, букв. «зеленая шутка», грязная, пошлая шутка.

Ассоциация зеленого цвета с пошлостью довольно устойчивая в англоязычной культуре: так, в определенное время зеленый цвет был очень моден в оформлении интерьеров в домах Европе, однако упоминая о зеленом цвете при описании гостиной одного из героев романа С. Моэма, автор стремится иллюстрировать такие непривлекательные черты, как пошлость и однообразие: *...The dining-room was in the good taste of the period. It was very severe. There was a high dado of white wood and green paper on which were etchings by Whistler in neat black frames. The green curtains with their peacock design, hung in straight lines, and the green carpet; in the pattern of which pale rabbits frolicked among leafy trees, suggested the influence of William Morris. There was blue delft on the chimneypiece. At that time there must have been five hundred dining-rooms in London decorated in exactly the same manner. It was chaste, artistic, and dull* (S. Maugham).

Безусловно, следует упомянуть национально-специфическое значение зеленого цвета в американском варианте английского языка, которое связано с деньгами и властью. Эта связь основана на ассоциации зеленого цвета как такового с зеленым цветом денежных банкнот и ценных бумаг: *green power* – букв. «зеленая власть», полит. разг. власть денег, общественный престиж, достигнутый денежным путем; *the green stuff, the greens* – букв. «зеленые», бумажные деньги, банкноты. Несмотря на попытки заимствования такого значения в русском языке, выражения «зеленые» употребляется только в отношении американских долларов, поэтому ассоциация зеленый цвет ⇒ деньги, власть характерна только для английского языка.

Коричневый цвет

Данный цвет не обладает многообразной символикой. Традиционно он вызывает ассоциации с землей, почвой, осенью, а также является символом смирения и бедности.

Русское прилагательное *коричневый* по своему происхождению связано со словами *коричный* и *корица*, уменьшительной формой к слову *кора*. *Коричневый* имеет первоначальное значение — «цвет коры коричневого дерева», «похожий по окраске на кору или на корицу».

В русской культуре данный цвет нейтрален. В литературе в сочетании с другими оттенками он, в основном, используется при описании внешности (*карие глаза*) или природы: *...в колористическом решении картины, очень цельном и поэтичном, - мягко-золотисто-коричневом, ...несли в себе внутреннюю жизнь внешне неброские уголки родной природы* (А. Рогов).

В английском языке колороним *brown* также популярен при описании внешности, цвета волос и кожи: *Her hair, brown and abundant, was plainly done; His face was deeply lined, burned brown by long exposure to the sun...* (S. Maugham).

Тем не менее, данный цвет может стать символом уныния, скудности и однообразия, как в нижеследующем описании интерьера в романе О. Хаксли «Желтый Кром»:

...in spite of the brilliant July weather, the room was sombre. Brown varnished bookshelves lined the walls, filled with row upon row of those thick, heavy theological works which the second-hand booksellers generally sell by weight. The mantelpiece, the overmantel... were brown and varnished. The writing-desk was brown and varnished. So were the chairs, so was the door. A dark red-brown carpet with patterns covered the floor. Everything was brown in the room, and there was a curious brownish smell.

In the midst of this brown gloom Mr. Bodinham sat at his desk. He was the man in the Iron Mask. A grey metallic face with iron cheek-bones and narrow iron brow; iron folds, hard and unchanging, ran perpendicularly down his cheeks...he had brown eyes, set in sockets rimmed with iron; round them the skin was dark, as though it had been charred. Dense wiry hair covered his skull; it had been black, it was turning grey (A. Huxley).

При анализе устойчивых словосочетаний и фразеологических единиц английского и русского языка были выявлены некоторые негативные аспекты восприятия данного цвета. Так, в русском языке существует вульгарное выражение *рвань коричневая*, в котором реализуется значение бедности, невзрачности.

Среди английских фразеологических единиц такого значения не было выявлено, однако здесь присутствует другая национально-специфическая символика: коричневый цвет является признаком подхалимства и лжи: *brown nose, brown noser* – букв. «коричневый нос», человек, добивающийся благосклонности, заискивающий, подлиза; *to do smth up brown* – букв. «делать что-то в коричневом», нагло обманывать, дурачить кого-л.; *brownie points* – букв. «коричневые очки, баллы» 1. скаутские очки, зачёт (скауту) за доброе дело, 2. ирон. ловкий ход, особенно в угоду начальству (*brownie points essential to promotion* – умение угодить, без которого нет продвижения по службе).

Также в английском языке было отмечено негативное значение колоронима *brown* как оскорбительного прозвища человека не европеоидной расы.

Важно отметить современную универсальную коннотацию колоронимов *коричневый* и *brown*, связанную с фашизмом: *коричневорубашечники*, т.е. фашисты, гитлеровцы, *коричневая чума*; *brown shirt* – букв. «коричневая рубашка», нацист, немецкий фашист. Данная коннотация связана с ассоциацией с цветом униформы штурмовых отрядов Гитлера в 1921–1945 гг. и была вновь актуализирована в связи с политической обстановкой в Украине в конце 2013 и на протяжении 2014 гг. (*коричневый пиар, коричневая пропаганда, коричневая революция*).

Розовый цвет

Розовый цвет, в основном, воспринимается в целом положительно как в русской, так и британской и американской культуре.

Так, в русском языке розовый цвет связывается с зарей, которая в народных сказках представлялась в виде прекрасной женщины, красавицы, богини Зари или Зори: *Небо, розовое от вечерней зари, стало положе и обещало ведро* (С.Т. Романовский).

В английском языке розовый цвет, представленный колоронимами *rosy* и *pink*, стал символом здоровья, молодости и хорошего настроения: *rosy* – букв. «розовый», 1. светящийся здоровьем, со здоровым румянцем, 2. веселый, бодрый, оптимистичный; *in the pink (of condition)* – букв. «в розовом состоянии» 1. в прекрасном состоянии (о здоровье), *здоров как бык*, 2. в прекрасных условиях; в отличном состоянии; *pink around (or about) the gills* – букв. «с розовыми жабрами», здоровый, имеющий здоровый вид; *to be tickled pink* – букв. «быть веселым до розового состояния», быть в восторге, безумно радоваться.

Однако как в британской и американской, так и в русской лингвокультурах розовый цвет стал символом *наивности* и свойства человека представлять окружающее лучше, чем оно есть на самом деле: рус. *видеть все в розовом цвете (свете)*; англ. *to see (or look at) things through rose-coloured spectacles* – букв. «смотреть на вещи через розовые очки», ср. *смотреть на мир сквозь розовые очки*.

В английском языке отмечено несколько специфических коннотаций колоронима *pink*. Например, розовый цвет связан с «женскими» профессиями и проблемами женского здоровья: *pink collar* – букв. «розовый воротничок», работница сферы обслуживания, секретарша, машинистка; *pink ribbon* – букв. «розовая лента», лента розового цвета, являющаяся символом движения по борьбе с раком груди; *pinkwashing* – букв. «розовое промывание мозгов», использование общественной поддержки борьбы с раком груди для продвижения продукции, которая может вызывать рак груди.

Еще один колороним *pink* получил новую коннотацию в современном английском языке. Новое значение основано на ассоциации с представителями сексуальных меньшинств: *pink dollar*, также *pink pound* – букв. «розовый доллар/фунт», деньги, которые могут потратить гомосексуалисты.

Оранжевый цвет

Колоронимы *оранжевый* и *orange* заимствованы в русский и английский языки из французского. В буквальном смысле оранжевый – это цвет апельсина, апельсиновый.

В английском языке отмечено устойчивое словосочетание *Orange Book* – букв. «оранжевая книга», которое используется для обозначения различных сборников официальных документов, в том числе списка медицинских препаратов, одобренных Управлением по контролю качества продовольствия и медикаментов США. Следует отметить, что подобная коннотация отдельных колоронимов не является чем-то уникальным, поскольку в различных странах существуют так называемые «цветные книги» – принятое в специальной литературе общее наименование некоторых тематических сборников документов и материалов. К примеру, известны «Красная книга» редких видов животных и растений, «Белая книга» английского правительства, «Оранжевая книга» правительства царской России, «Синяя книга» – сборник официальных документов правительств штатов США и т.п.

Других национально-специфических коннотаций колоронима *orange* выявлено не было.

В русском языке для обозначения оранжевого цвета ранее использовались слова *жаркой* и *рыжий (рудый)*. Традиционно он ассоциируется со светом, солнцем, огнем: *...он почти полностью следовал первому этюду, только несколько отодвинул, показав... кручу гор с обожженной солнцем рыжей травой* (А. Рогов); *Он прихлопал рукой полу рясы, где **оранжевой ранкой** тлел огонь* (С.Т. Романовский).

В современном русском языке появился ряд устойчивых словосочетаний, свидетельствующих о появлении нового, символического значения колоронима *оранжевый*: *оранжевая революция, оранжевый флаг*. Следует отметить, что если еще во время президентских выборов 2004 г. в Украине такие атрибуты, как апельсины, оранжевые платки и флаги стали символом стремления к свободе и независимости, то спустя десятилетие колороним *оранжевый*, употребляемый в отношении ситуации на Украине, стал приобрел негативные коннотации: *оранжевые технологии, оранжевая принцесса* (т.е. Ю. Тимошенко)

Таким образом, особенности понимания и обозначения цвета в картине мира связаны с уникальным историческим и культурным опытом народа, которые влияют на нюансы цветовосприятия и цветообозначения. Последние становятся основой для придания цветовым лексемам определенных положительных и отрицательных коннотаций, а также символических значений.

Учет различий в восприятии и вербализации отдельных составляющих национальных концептуальных картин мира имеет большое значение при подготовке специалистов в области межкультурной коммуникации и перевода. Анализируя текст в рамках подготовки перевода устного или письменного текста, следует обращать внимание на цветовой символизм, коннотации цветовых обозначений и актуализацию современных уникальных и национально-специфических значений колоронимов для обеспечения успешной коммуникации, высокого качества и адекватности перевода, то особенно важно при переводе образных словосочетаний, фразеологических единиц, художественных текстов, поскольку, используя образные лексические средства, паремии, фразеологизмы, автор любого текста передает не только собственные, индивидуальные представления об окружающей действительности, но и является транслятором национально-специфических ассоциаций, которые связаны с цветом и с другими ключевыми составляющими концептуальной картины мира.

Список литературы

Дубровин М.И. Английские и русские пословицы и поговорки в иллюстрациях = A Book of English and Russian proverbs and sayings. Illustrated / М. И. Дубровин = M. Dubrovin. – М. : Просвещение, 1993. 349 с.

Комарова Л.Ю. Фразеологические обороты. Англо-русские соответствия. From A to Z / Л. Ю. Комарова, Н. А. Черчес. – М. : Наука, 1994. 76 с.

Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов: науч. изд. / О. А. Копачев. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : ЧеРо, 2003. 349 с.

Esquire, # 83. Вогнать в краску [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.esquire.ru/colors>

Longman Dictionary of English Idioms / Longman, Harlow and London, 1979. 387 p.

Maerz R.-P. A Dictionary of Color / R.-Z. Maers. – 2-nd ed. – New York, 1950. 156 p.

Makkai A. Dictionary of American Idioms / A. Makkai, M. T. Boatner, J. E. Gates. – Barron's Educational Series, 1995. 320 p.

Ундрицова М.В.
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Undritsova Maria
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ГАСТРОНОМИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

FORMATION FEATURES OF GASTRONOMIC WORLD PICTURE

Настоящая статья посвящена особенностям формирования гастрономической картины мира. В последние несколько десятилетий большую популярность приобрели исследования, посвященные представлениям человека об окружающей его действительности. Гастрономическая картина мира, как и любая другая картина мира, выражает специфику человеческого бытия, его отношения к пище и ее потреблению. Особое внимание уделяется факторам, влияющим на формирование гастрономической картины мира, таким как религия, мифология, климатические и географические факторы, а также взаимосвязи гастрономической картины мира с языковой и культурной. Интерес также представляют языковые средства, отражающие гастрономическое мировидение человека. Приводятся примеры из английского, греческого, китайского, французского, русского и других языков.

This article is devoted to the peculiarities of the gastronomic world picture formation. The last few decades have been characterized by the close attention paid to researches on human notions, concerning surrounding reality. Gastronomic world picture as well as other world pictures expresses specific character of the human existence, attitude to food and its consumption. Particular attention is paid to the factors affecting the formation of the gastronomic world view, such as religion, mythology, climatic and geographical factors, and the relationship between gastronomic world picture and language and cultural one. Linguistic means reflecting gastronomic vision are also of special interest. Examples are taken from English, Greek, Chinese, French, Russian and other languages.

Ключевые слова: картина мира, гастрономическая картина мира, языковая картина мира, культурная картина мира, религия, мифология, география, климат, фразеология, метафора.

Keywords: world picture, gastronomic world picture, language world picture, cultural world picture, religion, mythology, geography, climate, phraseology, metaphor.

В последние несколько десятилетий особое внимание исследователей в области лингвистики, философии, социологии привлекал поиск особых черт, выражающих мировидение определенной нации. С этой целью в научный обиход был введен термин «картина мира», отражающий свойственное народу или отдельному индивиду представление о структуре мира, окружающей действительности, которое влияет на убеждения людей, их позиции и идеалы. Картина мира формируется под действием

личности, ее изображающей, определяет способ восприятия индивидом мира, а также имеет исторически обусловленный характер.

Картина мира – это «изображение мира», где мир является и космосом, и историей, и даже природой. [Хайдеггер, 1993, с. 45] Это «совокупность знаний и мнений субъекта относительно реальной или мыслимой действительности». [НСМТП, 2009, с. 362]

Выделяется множество картин мира: реальная, философская, научная, религиозная и т.д. В настоящей статье больший интерес представляет:

- Культурная картина мира;
- Языковая картина мира;
- Гастрономическая картина мира.

Гастрономическая картина мира формируется под влиянием культурной картины мира и находит свое воплощение в языке.

Под культурной картиной мира обычно понимается система представлений, знаний об устройстве мира, которой обладает определенная социальная общность. Ядром культурной картины мира считается менталитет. [БТСК, 2003, Эл.ресурс] Нельзя оспаривать тот факт, что существует связь между языком и культурой и языковой и культурной картинами мира.

Языковая картина мира, в свою очередь, представляет собой образ сознания, который отражается средствами языка, а также реальности, модель знания о концептуальной системе представлений, представляемых языком. [Манакин, 2004, с. 200].

Особый интерес для нашего исследования представляет гастрономическая картина мира. Гастрономическую картину мира можно отнести к составляющей культурной картины мира. При этом прослеживается особая связь с языковой картиной мира.

Под «гастрономической картиной мира» подразумеваются «концептуальная модель гастрономических пристрастий», которая находит свое воплощение в наименовании продуктов питания. [Ермакова, 2009, с. 30]. Гастрономическая картина мира, как и любая другая картина мира, выражает специфику человеческого бытия, его отношения к пище и ее потреблению. Гастрономическая номинация, используя существующий в языке арсенал средств, считается выразителем духа народа. Гастрономическая картина мира связана с языковой картиной мира, то есть образом

сознания, который отражается средствами языка, являясь реальностью, моделью знания о концептуальной системе представлений, представляемых языком. [Манакин, 2004, с. 200]

Гастрономическая картина мира находит свою реализацию в гастрономическом номинативном фонде, в гастрономических метафорах (для обозначения определенных качеств человека, как внутренних, так и внешних), гастрономических фразеологических единицах.

Гастрономическая картина мира формируется под воздействием следующих факторов:

- 1) мифологических представлений о пище;
- 2) религиозных предпосылок, формирующих представление о мире питания, накладывающих разрешения и запреты;
- 3) географических данных, которые изначально предопределяли выбор еды, делали определенные виды продуктов питания доступными или наоборот. Влияние климата и территориальное расположение.

На протяжении многих столетий *религией* был построен особый подход к правильному питанию, который мог бы поддерживать человеческую жизнь и целиком и полностью посвятить его тело и дух высшему.

По описаниям Леви-Стросса пища представляет собой вид языка, который помогает человеку изображать основные представления о реальности. Он заметил, что правила питания «приготовленной» и «сырой» пищи в некоторых культурах продиктованы священными историями (мифами) и запретами (табу). Эти правила отражают основные различия в культуре и природе. [Леви-Стросс, 2006, с. 190].

Мэри Дуглас, рассматривая виды запрещенной пищи, показала, каким образом еда связана с идеями о святости, обеспечивающими самобытностью и порядком. Древнееврейские законы питания служили контролем над идентичностью. [Douglas, 1971, с. 61-81].

Разные верования придерживаются своего набора пищевых традиций. Обычно религиозные запреты на языковом уровне выражаются: в использовании устойчивого терминологического аппарата в текстах священных книг; в сопровождении ритуалов, связанных с пищей, молитвами (обращение к Господу перед едой, произнесение молитвы перед убиением животного и т.д.)

В тексте Корана, например, пищевым запретам посвящена пятая глава - «Пища». Для разрешенной, дозволенной (халяльной) или запрещенной (харамной) пищи

существуют даже свой специальный терминологический аппарат. Некоторая пища запретна сама по себе, примером чему могут служить свинина, алкогольные напитки, мертвечина и так далее.

В отношении еды близкой к исламу религией можно назвать иудаизм. Своими правилами халяль напоминает система ритуальных правил кашрут в иудаизме. В противоположность кошерной пище, что переводится как «подходящий, годный», существует трефная – недозволенная, запретная. Для того, чтобы мясо стало съедобным, животное должно быть убито согласно специально ритуалу, который называется шхита (что переводится как резня, убой) и специальным ножом – «халафом». Сам же человек, занимающийся этим, или резник именуется шойхет. Человек, который проверяет тушу на пригодность, называется машгиах. Следует отметить то, что для каждого ритуала существует своя закреплённая в языке лексема.

Другие продукты (парве) как например, фрукты, овощи и рыбу можно принимать как с молочной едой, так и с мясной. Считается, что слово парве или парэве восходит к латинскому *parvus*, что обозначает «нейтральный».

В отношении питания приверженцы индуизма отличаются склонностью к вегетарианству. Те, кто все же питается мясом, не потребляют говядину, поскольку корова издревле в Индии считалась священным животным. В языковом плане о статусе коровы в жизни индийского общества свидетельствуют многочисленные сказания, пословицы, поговорки и афоризмы: «Разница между достойным и недостойным та же, что между коровой и змеей: первая превращает траву в молоко, вторая превращает молоко в яд» [Индийские афоризмы, Эл.ресурс].

О.Г. Савельева отмечает, что вегетарианский образ жизни привел к высокочастотному использованию в священных индуистских текстах таких лексем, как «молоко», «рис», «масло», «мука». [Савельева, 2006, с.106]

Особенности питания всех вышеперечисленных религий проявляются во время постов, что также отражается в языке. Как в иудаизме и в исламе, пища в христианстве разделяется в этот период на два типа «постную» и «скоромную».

Скоромная пища – «(древнерус. скором – «жир, масло») – продукты, запрещенные религиозными предписаниями к употреблению в постные дни» [БТСРЯ, 2006, с. 1200] В то время как постной пищей принято называть те продукты питания, которые дозволено есть во время поста. Интересно отметить, что во французском языке «постный» переводится как «maigre», первое значение этого слова – худой тощий, в то время как «скоромный» - «gras», еще и означает «жирный».

В европейских странах перед Великим постом зачастую отмечают Карнавал, праздник который обозначает кратковременное прекращение постного воздержания. Существует много версий происхождения этого слова. Многие считают, что корнями этого слова являются «carne»- мясо и «levare» - удалять, поскольку именно мясо было запрещено в пост. Как утверждает Магелон Туссен-Сама, карнавал – транскрипция фразы из евангелиста: «Domenica carne levalis» (Воскресенье, когда ты исключишь мясо). [Toussaint-Samat, 1989, с. 22]

Таким образом, религия оказывает существенное влияние на гастрономическую картину мира, что в свою очередь проявляется в языковом плане. Поиск пищи приводит к духовным размышлениям, которые закреплены в ритуалах и выражаются в молитвах и метафорах: для христиан «хлеб всему голова», для племени майя таковым продуктом будет кукуруза. Все это приводит к тому, что вырабатывается определенный терминологический аппарат, напрямую связанный с гастрономией, в рамках которого можно выделить наименования запрещенной и дозволенной пищи, обозначение процедур, людей, связанных с разделыванием и приготовлением еды, присвоение имен продуктам, имеющим религиозное значение. Традиции, связанные с верой, закладываются в культуре народов не только на уровне отдельных лексем, но и на фразеологическом уровне, закрепляются в религиозных текстах, влияют на обыденную жизнь.

Большое влияние на формирование гастрономической картины мира оказывает *мифологическая составляющая*.

Пищевые представления можно прочесть в мифах и легендах многих народов мира. В мифологии пищевая система подразделяется на Божественную пищу, повседневную и ритуальную. В то же время еда отождествляется с тремя важнейшими элементами: жизнью, смертью и плодородием. В этом мировоззрении все ассоциируется с щедростью Богов. Подобные примеры можно найти во многих культурах. Так, например, шумерский Бог Энлиль создал мотыгу и дал человеку, чтобы тот мог обрабатывать землю. Греческая богиня Афина создала оливковое дерево из глубин бесплодной земли Аттики. [GEFC, Эл.ресурс] Египетский бог-демиург Птах создал мир и все в нем: «Вышли из него (Птаха) все вещи: пища и еда, пища богов и все другие прекрасные вещи». [Рак, 2000, с. 327] А славянский бог Сварог научил людей делать из молока творог, который до этого считался священной едой. Народная этимология гласит, что поэтому творог и получил свое название. На самом же деле, эта лексема происходит от глагола творить или церковнославянского

слова «творъ», что означало «форма», по аналогии с итальянским *formaggio* (сыр) – *forma* – образ, форма.

Питание, являясь одним из основных актов в жизни человека, чаще всего входит в обряды жертвоприношений. Как пишет В.Н. Топоров, слова «жрать», «жратва» этимологически относятся к «жертве» и «жрецу». Посредством ритуалов еды и жертвоприношения человек приобщается к своему роду.

Также наблюдается связь между растительной и животной пищей. Обращаясь к статье вышеупомянутого исследователя, мы находим, что это особенно обнаруживается в языковых элементах. Так, например, название определенной еды может отличаться от названия растения или животного грамматическим родом или словообразовательным элементом. Данная тенденция также хорошо наблюдается в легендах о происхождении растений и пищи. [Топоров, 1980, с. 427-429]

Особое распространение получили мифы, где уделяется внимание нахождению провизии особого назначения. Так, например, всем известны поиски «живой» воды, травы жизни, меда и тд.

В греческой мифологии существовала амброзия, пища Богов, благодаря которой они становились бессмертными. Данный миф разошелся и получил свое осмысление и в других культурах. [БЭКИ, Эл.ресурс] В самом слове амброзия содержится элемент бессмертия. Как утверждает Жан Ани, слово образовалось от корней *mor* и *mo*, которые можно найти как в латинском, так и во французском языке (например, в таких словах, как *mort*), с префиксом – *a*. Такое же образование можно найти в слове «амрита». В индийской мифологии амрита была напитком бессмертия, которую получили боги, сбив воды океана. Практически идентичным является другой индийский напиток – сома, выпив который человек приобщается к высшему. [Hani, 1989, с. 143]

В Сравнительном словаре мифологической символики М.М. Маковский пишет, что мед был не только символом бессмертия, но и олицетворял собой Вселенную. Он также считался магическим напитком, источником экстаза. Исследователь приводит в пример этимологию слова: «и.-е. **medh-* «мёд», но др.-англ. *maetan* «спать», «находиться в экстазе»; др.-сев. *hunang*, др.-англ. *hunig* «мед», но русск. диал. *кунеть* «дремать» (последняя часть этого слова, возможно соотносится с и.-е. **ag-* "совершать сакральные действия"), и.-е. **mel-* "мёд", но **mel-* «экстаз»». [Маковский, 1996, с. 222]

В мифологии разных народов мед получил свое символическое значение. Например, в Китае мед в сочетании с маслом обозначает неверную дружбу. Для

греков мед символизирует красноречие, мудрость. Уста Гомера, Платона и других известных мыслителей были «наполнены медом». [Мед, Эл.ресурс]

Интересно отметить, что многие виды пищи и растений, из которых делается провизия, имеют свои олицетворения. Сюда Топоров также относит метафоризацию еды. Например, боб – символ смерти и воскресения. Персонификации, по Топорову, – чаще всего осуществляется «в форме фарса (ср. оскского Маккуса как воплощение национального блюда или более поздние персонажи типа Жан Потанж - похлёбка, Жан Фаринь - мука, Ганс Вурст - колбаса, Ян Пиккельгеринг - маринованная селёдка». [Топоров, 1980, с. 427-429]

Многие мифологические образы передаются из поколений в поколения и до сих пор находят свое воплощение в народных сказаниях, а также и в современной литературе. Народ хранит свои предания в былинах и сказках, передает посредством пословиц и поговорок, загадок и суеверий.

Особое влияние на формирование гастрономической картины мира оказало *географическое месторасположение*.

В странах, близ источников воды, рыболовство составляет основу питания. Так, например, в Японии, существует не один способ приготовления рыбы, для этого существуют свои названия. Рыбу, поджаренную на решетке, называют «якимоно», отварная рыба носит название «нимоно». Под «мусимо-но» понимают томленную на пару рыбу. «Агемоно» - рыба, жареная на сковороде, а «сасими» называют сырую рыбу, нарезанную ломтиками. Существует также «намасу», то есть сырая рыба в смеси с овощами под уксусом. [Японская кухня, Эл.ресурс]

В Китае, вследствие нехватки посевных площадей, является незаменимой культурой. Он подается практически в любом случае. Для китайцев рис имеет практически то же значение, что и для нас хлеб. «Значение риса ощущается не только в повседневной жизни, но и в литературе, искусстве, верованиях и, конечно, в языке. Так, слову «есть» соответствуют два китайских слова — «чи-фань», что в дословном переводе значит «есть рис» (吃饭-кушать (гл.) -есть, кушать, 饭—еда, пища, вареный рис); «завтрак», по-китайски «цзао-фань» (早饭) буквально переводится как «ранний рис» (早 означает «утро, ранний, рано», 饭-еда, пища, вареный рис) , «обед»— «уфань», или «полуденный рис» (午饭- обед 午 — полдень, полуденный), а «ужин»— «вань-фань» (晚饭-ужин 晚-вечер, вечером, ночной)— означает «поздний рис». О значении риса и его возделывании можно прочесть в «Книге песен» — «Шицзин».

Китайский иероглиф 米, обозначающий рис, напоминает другой иероглиф 八八 или 88. По преданию фермеру приходится 88 раз возвращаться к полю, чтобы взрастить одно зернышко. [Barber, 2010, 39]

Греция до недавнего времени была «вегетарианской» страной в силу своего географического месторасположения. В горных местностях невозможно было выращивать скот, поэтому традиционная греческая кухня основывалась на сельскохозяйственных продуктах. Фасоль, нут и чечевицу использовали для приготовления таких супов, как Φασολάδα (суп из фасоли), χορτοσουπα (суп из зелени), φακες (суп из чечевицы), ρεβυθια (суп из нута), в то время как другие овощи и травы входили в состав пирогов, наиболее известные из которых σλανακόπιτα (пирог из шпината) и χορτόπιτα (пирог с травами).

Сухие, каменистые почвы Греции дают одно из самых лучших оливковых масел. Сегодня насчитывается около 40 сортов оливы, каждая из которых имеет свое название (Коронеики, лианолиа, кутцурэлиа и т.д.). На основе масла готовятся практически все известные греческие блюда. Недаром в греческом языке есть не один фразеологизм с лексемой «масло» (имеется ввиду оливковое): «Подливать масло в огонь» (ριχνει λάδι στη φωτιά), «Море спокойное как масло» (λάδι η θάλασσα).

Географическое расположение Франции создало предпосылки для образования особой гастрономической традиции в этой стране. Во-первых, большая часть территории имеет доступ к морю или океану. Огромный ассортимент блюд из рыбы и морепродуктов может быть представлен ресторанами в большинстве регионах Франции: тосты со свежими анчоусами, супы из рыбы, блюда из тунца и форели, а также из креветок, крабов и т.д. Франция также занимает лидерские позиции по выращиванию форели: форель, запеченная в шампанском (Truite braisée au champagne) известна на северо-востоке, фаршированная форель (truite farci) – в Лионе, форель Гренобль (truite grenobloise) – в Гренобле.

Разнообразное приготовление дает разные оттенки вкусам рыбы – от этого зависят и названия - по-нарбоннски, по-лангедокски.

Франция – земля холмистых, зеленых пастбищ, благодаря которым создаются одни из самых лучших сыров на земле. Говорят, что «во Франции существует больше сортов сыра, чем дней в году» [Stengel, 2012, с. 150] Многие сорта сыра, как и названия блюд, носят имена мест, в которых создавались. Например, в энциклопедии Larousse Gastronomique можно встретить такие примеры, как Павэ д'Ож (pavé d'Auge),

бле д'Овернь (bleu d'Auvergne)– из Овернь, департамента Канталь, бле де Бресс (bleu de Bresse) из Бресса, Пиренейский сыр (fromage des Pyrénées). [LG, 1997]

Как всем известно, Франция является родиной самых известных вин. Именно здесь сформировались винодельческие традиции. Каждое вино именуется в честь местности, в котором было произведено: Шассань-Монраше (Chassagne-Montrachet), Мерсо (Meursault), Шато д'Икем (Château d'Yquem), Лафит-Ротшильд (Lafite-Rothschild).

Поскольку одним из объектов нашего исследования будет английский гастрономический дискурс, важно остановиться на географическом расположении Великобритании. Кухня этой страны регионально обусловлена. Так, можно говорить о гастрономических особенностях и блюдах Англии, Шотландии, Уэльса и Ирландии, таких как йоркширский пудинг, уэльские пироги.

Кулинарные традиции Великобритании были в первую очередь предопределены ее островным положением. Одним из самых популярных блюд является рыба с картофелем фри (fish and chips). Обычно для приготовления этого блюда используется треска. Англичане также предпочитают такие сорта рыб, как пикша, камбала, ромбовый скат. Сардины, популярные в графстве Корнуолл, кладутся в пирог Старгейзи (Stargazy). По преданию, пирог назван таким образом, поскольку торчащие из пирога головы рыб смотрят в небо. [British kitchen, Эл.ресурс]

Также в Великобритании особую популярность приобрели мясные блюда. Развитие скотоводства на обширных равнинных территориях стало одним из доминирующих фактором, повлиявших на кулинарную традицию страны. Достаточно известным считается корнуэльский пирог, начиненный говядиной и брюквой, также бывают разновидности из свинины и курицы. Сюда же можно отнести пирог с мясом и картофелем – пастуший пирог или коттеджный (shepherd's pie, cottage pie). Сейчас название «пастуший пирог» заменяет оба вида пирога, хотя ранее «пастушьим» обозначался пирог лишь с мясом ягненка (то есть животного которого пасет пастух), в то время как второе название использовалось для пирогов с остальным видом мяса.

Таким образом, традиционные блюда определенной местности становятся «лицом» этого региона, образуя географическую карту блюд. Любимые блюда начинают входить в различные фразеологические обороты, а также становятся частью народного творчества.

Зачастую система номинации блюда включает в себя топоним, место в котором оно было произведено. Сюда может относиться: регион, город и конкретная местность (треска по-нимски, Шассань- Монраше).

Важную роль в выборе рациона и формировании гастрономической картины мира сыграл и *климат*. Так, например, Россия располагается на обширной территории, захватывающей практически все климатические пояса. На Севере страны, в основном, выращивали ячмень и овес, иногда сажали рожь, из зерен которой делали кашу вараханицу. Ячмень носил название жита, так как считался самым необходимым продуктом питания. Отсюда пошло и название ячменного хлеба – житника. [Липинская, 2001, с. 32]

Южная кухня отличается особым разнообразием. Климат самый подходящий, для выращивания различных овощей и фруктов, а также разведения скота. Здесь самые распространенные и любимые блюда борщ и щи - богаты на состав. [там же, 20] Считается, что слово щи или шти произошло от древнерусского «сьти», что означало любой вид густого жидкого кушанья.

Говоря о связи климата и питания, следует упомянуть такую страну, как Армения, где климатические условия способствуют посадке зерновых культур. Основным продуктом здесь является хлеб. Видов национального хлеба в этой стране множество, каждому из которых присвоено свое название. Самым распространенным является лаваш. Также известны такие толстые лепешки, как матнакаш, блин, бомби. Хлеб для армян имеет важное значение и составляет основу питания, что четко закреплено в языке. Словосочетание «есть хлеб» может быть синонимично лексеме «есть», сюда же относятся такие глаголы, как завтракать, обедать и ужинать, которые также часто заменяются выражением кушать хлеб или хац утел. Хлеб и соль – являются признаками гостеприимства. Существует также и праздничные сорта хлеба: гата – сдоба со сладкой или соленой начинкой, ршта и пресное печенье багардж, которое предназначено для жертвенного обряда. [Тер-Саркисянц, 2001, с. 119 - 121]

Вкусовые предпочтения проявляются и в жарких регионах. К этой категории можно отнести Индию. Особенностью национальной кухни этой страны является использование специй. По индийским преданиям еда определяет характер человека. Так, например, активного человека здесь называют «пирчи-мирчи», что означает «острый-перченый». [Рыжакова, 2001, с. 276]

Таким образом, гастрономическая картина складывается под влиянием географического месторасположения, климатических условий, религиозных и

мифологических воззрений. Данные аспекты являются определяющими при формировании вкусовых предпочтения жителей нашей планеты. Так, вырабатывается рацион, и, как следствие, гастрономически-обусловленная языковая картина мира.

Набор продуктов питания, способы приготовления образовывались в традицию. Формировалось мировоззрение целых народов, а также национальная самоидентификация.

Доступность к тем или иным природным ресурсам предопределила образ жизни, способ добычи и производства пищи, вследствие чего происходило формирование национальной кухни. За каждым регионом стали закрепляться особые гастрономические предпочтения. Все это не могло не отразиться на лингвистической стороне. Преобладание определенного продукта в первую очередь сказалось на количестве наименований этого продукта, названий способов его приготовления.

Сегодня не только каждая страна, но и регионы специализируются в приготовлении различных блюд. В связи с этим появляются стереотипы.

Мифологические и религиозные предпочтения оказали существенное воздействие на построение гастрономической картины мира. Питание во многих культурах - дар Бога и природы, а сама пища приобретает сакральный характер. Еда присутствует в ритуалах, о ней упоминается в молитвах и метафорах: для христиан «хлеб всему голова», для племени майя таковым продуктом будет кукуруза. Все это приводит к тому, что вырабатывается определенный терминологический аппарат, напрямую связанный с гастрономией, в рамках которого можно выделить наименования запрещенной и дозволенной пищи, обозначение процедур, людей, связанных с разделыванием и приготовлением еды, присвоение имен продуктам, имеющим религиозное значение. Традиции, связанные с верой, закладываются в культуре народов не только на уровне отдельных лексем, но и на фразеологическом уровне.

Таким образом, гастрономическая картина мира, как и любая другая картина мира, выражает специфику человеческого бытия, его отношения, в данном случае, к пище, его взаимодействия с продуктами питания. Гастрономическая номинация, используя существующий в языке арсенал средств, считается выразителем духа народа. Гастрономическая картина мира также вбирает в себя языковую картину мира, то есть образ сознания, который отражается средствами языка, являясь реальностью, моделью знания о концептуальной системе представлений, представляемых языком. [Манакин 2004, 200]

С точки зрения мифологии и религии, продуктам питания придается особый, сакральный характер. Влияние религии и мифологии на гастрономию на лингвистическом уровне выражаются, во-первых, в номинации запретного и дозволенного, а также наименовании периодов, в которые можно или нельзя потреблять пищу. Данный феномен обычно фиксируется в текстах Священных писаний. Можно также отметить номинацию религиозной системы приготовления пищи: сюда входит наименование людей, имеющих отношение к процессу приготовления еды, продуктов питания, приборов, с помощью которых готовится пища. Таким образом, можно говорить о появлении религиозно-гастрономической терминологии.

Выработался целый ряд фраз и выражений, сопровождающий религиозно-гастрономическую ситуацию: начиная с молитв и заканчивая пожеланиями. Религиозные взгляды также отражаются на фразеологическом уровне. Запретные или неуместные религии продукты, приобретая негативную коннотацию, появляются в фразеологизмах и выражениях, отражающих эту оценку.

Мифология подарила лингвистике целый ряд наименований магических продуктов питания, дарующих бессмертие, жизнь, силу и энергию, что закрепилось в народных сказаниях.

Географические и климатические факторы напрямую повлияли на выбор продуктов питания. Доминирующий продукт питания стал не только распространенным элементом выражений и фразеологизмов, но и зачастую стал использоваться взамен лексем, обозначающих жизненно-важные действия. В основе наименований блюд стали нередко встречаться топонимы, обозначающие регион, коммуну, город и место производства блюда или напитка. Многие блюда приобрели региональный характер, становясь визитной карточкой местности. Зачастую знаменитые продукты находят отражение в фольклоре и шутках.

Таким образом, гастрономическая картина мира находит свое воплощение в языковой картине мира и является частью мышления, национального характера и сознания.

Список литературы

Большой толковый словарь русского языка / С.А. Кузнецов [и др.]. – СПб.: «Норинт», 2006. 1536с.

- Большая энциклопедия кулинарного искусства*/ В.В. Похлебкин. – М: «Центрополиграф», 2008. С. 975
- Ермакова Л.Р.* Глуттонические прагматонимы и национальный характер: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19/ Земскова Л.Р. Белгород, 2011. 236 с.
- Индийские афоризмы* [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.pseudology.org/Aphorism/IndiaAphorizmy.htm>
- Леви-Стросс К.* Мифологии: Сырое и приготовленное / К. Леви-Стросс; Пер. с фр. А. З. Акопяна и З. А. Сокулер. М.: FreeFly, 2006. 399 с.
- Липинская В.А.* Адаптивно-адаптационные вопросы в народной культуре питания русских / В. А. Липинская. С.18-41
- Маковский М.М.* Историко-этимологический словарь английского языка. - М.: издательский дом «Диалог», 1999. 416с.
- Манакин В.Н.* Сопоставительная лексикология. - К.: Знания, 2004.
- Мед* [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://wiki.symbolarium.ru/index.php/%D0%9C%D1%91%D0%B4>
- Новый словарь методических терминов и понятий* (теория и практика обучения языкам)/Азимов Э. Г., Щукин А. Н. – М.: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.
- Рак И.В.* Египетская мифология. –изд 2, перераб и доп. – Спб.: «Журнал «Нева»», «Летний сад», 2000. 416 с.
- Рыжакова С. И.* Пряности и приправы в индийской кулинарии / С. И. Рыжакова. С.271-282
- Савельева О.Г.* Концепт "еда" как фрагмент языковой картины мира: лексико-семантический и когнитивно-прагматический аспекты: на материале русского и английского языков. Дисс. канд. филолог. наук. Краснодар, 2006.
- Софронова Л.А.* Книга в пространстве культура// Тез. Науч. конф., Москва. 1995г.
- Тер-Саркисянц А. Е.* Традиционная пища армян / А. Е. Тер-Саркисянц. С.119-133
- Топоров В.Н.* Еда / В. Н. Топоров // Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 1. М.: Рос. энциклопедия, 1994. С. 427 - 429.
- Хайдеггер М.* Время картины мира. / Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. - М.: Республика, 1993.
- Японкая кухня* [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.cultline.ru/japan_food/
- Barber K.* In praise of shadows: Japanese language for Japanese food experience/ К.Barber //Food and language proceedings of the Oxford Symposium on Food and Cookery 2009. 2010
- British kitchen* [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.greatbritishkitchen.co.uk/recipebook/index.php?option=com_rapidrecipe&page=viewrecipe&recipe_id=1015
- Douglas M.* Deciphering a meal / М. Douglas // Food and culture: A reader / ed. by С. Counihan and P. Van Esterik. New York; London: Routledge, 1971. P. 36-54.
- Hani J.* Nourriture et spiritualité / J.Hani // L'imaginaire des nourritures. Textes présenté par Simone Vierende. Presses universitaires de Grenoble, 1989. P. 137-149
- Katz S.H., Weaver W.W.* Encyclopedia of Food & Culture. [Электронный ресурс] Volume 1-2. Scribner. – Режим доступа: 2003. www.answer.com/library/Food+%26+Culture+Encyclopedia
- Larousse Gastronomique*/ Joel Robuchon. Paris : Larousse, 1997.
- Stengel K.* Traité de gastronomie française. /К. Stengel. Paris: Sang de la terre, 2012. 286p.

Toussaint-Samat M. Le dit et le non-dit de la viande et des épices/M. Toussaint-Samat// L'imaginaire des nourritures. Textes présenté par Simone Vierne. Presses universitaires de Grenoble, 1989. P. 13-33.

Электронное научное издание

Международная научная конференция
«Перевод как средство взаимодействия культур».
17 – 22 октября 2014 г.
Материалы

Подписано в печать 03.10.2014. Формат 60x90 1/8

Тираж 100 экз.

Издательство Московского университета. 125009,

Москва, ул. Б. Никитская, 5. Тел. (495) 629-50-91.

Факс: (495) 697-66-71. Тел.: (495) 9393323 (отдел реализации)

E-mail: secretary-msu-press@yandex.ru

Сайт издательства МГУ: www.msu.ru/depts/MSUPubl2005

Интернет-магазин: <http://msupublishing.ru>

Отдел реализации:

Москва, ул. Хохлова, 11 (Воробьевы горы МГУ).

E-mail: izd-mgu@yandex.ru. Тел.: (495)939-34-93